
фонд

либеральная

миссия

библиотека

фонда

либеральная

миссия

---

*Рональд Инглхарт,
Кристиан Вельцель
Модернизация,
культурные изменения
и демократия*

НОВОЕИЗДАТЕЛЬСТВО

---

*Ronald Inglehart,
Christian Welzel
Modernization, Cultural Change,
and Democracy
The Human Development Sequence*

Cambridge University Press

New York

---

*Рональд Инглхарт,
Кристиан Вельцель
Модернизация, культурные
изменения и демократия
Последовательность
человеческого развития*

фонд

либеральная

миссия

новое

издательство

УДК 316.75
ББК 71.4(2)
И59

Серия основана в 2003 году

Перевод с английского Максим Коробочкин

Редактор Юрий Кузнецов

Дизайн Анатолий Гусев

Инглхарт Р., Вельцель К.

И59 Модернизация, культурные изменения и демократия:
Последовательность человеческого развития
М.: Новое издательство, 2011. — 464 с. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

ISBN 978-5-98379-144-2

Книга Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия» посвящена эволюции ценностных установок жителей разных стран мира в последние десятилетия XX века. В работе демонстрируется, каким образом экономическое развитие порождает движение обществ от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения, а также прослеживается влияние культурной динамики на становление демократии. Работа Инглхарта и Вельцеля основана на данных массовых опросов многолетнего социологического проекта World Values Surveys.

УДК 316.75
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-98379-144-2

© Ronald Inglehart, Christian Welzel, 2005
© Фонд «Либеральная миссия», 2011
© Новое издательство, 2011

Оглавление

От авторов	7
Предисловие	10
<hr/> Часть I. Изменение ценностей: движущие силы <hr/>	
Глава 1	Пересмотренная теория модернизации 31
Глава 2	Изменение ценностей и устойчивость культурных традиций 79
Глава 3	Вторжение в неизведанное: прогнозирование массовых реакций 119
Глава 4	Смена поколений и изменение ценностей 143
Глава 5	Изменение ценностей во времени 173
Глава 6	Индивидуализм, ценности самовыражения и гражданственность 201
<hr/> Часть II. Последствия изменения ценностей <hr/>	
Глава 7	Причинно-следственная связь между демократическими ценностями и демократическими институтами: теоретические аспекты 219
Глава 8	Причинно-следственная связь между демократическими ценностями и демократическими институтами: эмпирический анализ 255
Глава 9	Социальные силы, коллективные действия и события международного масштаба 304
Глава 10	Ценности на индивидуальном уровне и демократия на системном уровне (проблема кросс-уровневого анализа) 334
Глава 11	Компоненты продемократической политической культуры 354
Глава 12	Гендерное равенство, эмансипационные ценности и демократия 393
Глава 13	Человеческое развитие и его последствия 411
Заключение. Эмансипационная теория демократии	433
<hr/> <i>Литература 437 Указатель имен 461</i>	

*Эта книга посвящена нашим женам, Каролин
и Марите, и нашим детям, Элизабет, Янике Мишель,
Фелипе Фе, Марите, Рэйчел и Рональду*

От авторов

Мы хотели бы выразить благодарность своим друзьям и коллегам. В основе настоящей книги лежит анализ уникальной базы данных, собранной в рамках исследовательских проектов World Values Survey (WVS) и European Values Survey (EVS). За создание и обнародование этой богатейшей комплексной базы данных мы чрезвычайно признательны следующим участникам WVS и EVS: Энтони М. Абеле, К.К. Ахмаду, Расе Алишаускене, Гельмуту Анхайеру, Хосе Арочене, Уилу А. Артсу, Су Юн О, Таги Азадармаки, Лиляне Басевич, Ольге Балакиревой, Иосипу Балобану, Мигелю Басанесу, Елене Башкировой, Абдулле Бедайде, Хорхе Бенитесу, Яааку Биллиету, Алану Блэку, Аммару Букхедиру, Рахме Буркуа, Фаресу аль-Брайзату, Павлу Кампеану, Августину Канзани, Марите Карбалло, Энрике Карлосу де О. де Кастро, Пи-Чао Чэню, Прадипу Чибберу, Марку Ф. Чиньоно, Хэй-юань Чую, Маргит Кливленд, Эндрю П. Дэвидсону, Хайме Диесу Мадрано, Хуану Диесу Николасу, Герману Де Дийну, Карелу Добблеру, Питеру Дж. Д. Дренту, Хавьеру Элсо, Илмазу Эсмеру, П. Эстгену, Т. Фэйхи, Наджематулу Файзаху, Георгию Фотеву, Джеймсу Георгасу, К. Геппарту, Ренцо Губерту, Линде Лус Герреро, Петеру Гундлаху, Жаку Хагенаарсу, Лойку Халману, Мустафе Хамарнеху, Сан-Цзинь Ханю, Стивену Хардингу, Мари Харрис, Бернадетт К. Хэйс, Камило Эррере, Вирджинии Ходжкинсон, Надра Мухаммеду Хосену, Кендзи Ийдзиме, Любови Ишимовой, Вольфгангу Ягодзинскому, Александре Ясинской-Каня, Фридрику Йонссону, Станисловасу Юкневичюсу, Яну Керкхофсу, Йохану Кингхорну, Гансу-Дитеру Клингеману, Хенни Коце, Зузанне Куся, Марте Лагос, Бернарду Лейтгэну, Абдель-Хамиду Абдель-Латифу, М. Леграну, Карлосу Лемуану, Ною Левину-Эпштейну, Уле Листхаугу, Цзинь-юнь Лю, Брине Малнар, Махару Мангахасу, Марио Маринову, Карлосу Матеусу, Роберту Маттесу, Рафаэлю Мендисабалю, Фелипе Миранде, Мансуру Моадделю, Хосе Молине, Алехандро Морено, Гаспару К. Муниши, Нилу Невитту, Элоне Нвабузор, Ф.А. Орисо, Драгомиру Пантичу, Юхани Пехконену, Полу Перри, Турлейфу Петерссону, Фам Минь Хаку, Фам Тхань Нги, Геворку Погосяну, Би Пуранен, Ладиславу Рабушичу, Анхелю

Ривера-Ортису, Каталине Ромеро, Дэвиду Ротману, Раджабу Сатарову, Сандипу Шастри, Шэню Миньминю, Ренате Семеньской, Джону Сударски, Тан Эрн Серу, Фаруку Танвиру, Жану-Франсуа Черне, Кариму Тейюмоле, Ларисе Титаренко, Миклошу Томке, Альфредо Торресу, Нико Тосу, Хорхе Вале, Андрею Вардомацкому, Малине Войку, Алану Вебстеру, Фридриху Вэлшу, Сейко Ямадзакки, Эфраиму Юхтман-Яаару, Жозефине Зайтер, Бригите Зеппе и Паулю Зюлехнеру.

Большая часть опросов в рамках проекта проводилась при финансовой поддержке соответствующих стран, однако в тех случаях, когда финансирование из местных источников отсутствовало или речь шла о координации всех работ из единого центра, помощь предоставляли Национальный научный фонд США, Фонд трехсот-летнего юбилея шведского Риксбанка, шведское Управление по международному развитию, Volkswagen Foundation и BVA Foundation.

Более подробную информацию о проекте World Values Survey см. на его интернет-сайте <http://www.worldvaluessurvey.org>, а также в книге: *Human Values and Beliefs: A Cross-Cultural Sourcebook Based on the 1999–2001 Values Surveys* / Ed. by R. Inglehart et al. Mexico City: Siglo XXI, 2004. Используемые в нашей книге социологические данные по Европе были собраны рабочей группой проекта European Values Survey. Подробные результаты EVS см. в книге: *Halman L. The European Values Study: A Sourcebook Based on the 1999/2000 European Values Study Surveys*. Tilburg: EVS; Tilburg University Press, 2001, а также на интернет-сайте EVS <http://evs.kub.nl>.

Кроме того, мы благодарны многим коллегам, высказавшим ценные замечания к рукописи, в том числе Юхану Акерблуму, Дирку Берг-Шлоссеру, Клаусу Бенке, Расселу Дж. Дэлтону, Францишке Дейч, Барри Хьюзу, Джеральду Инглхарту, Уильяму Инглхарту, Максусу Каазе, Маркусу Кляйну, Ханспетеру Кризи, Сеймуру Мартину Липсету, Кеннету Ньютоу, Пиппе Норрис, Гильермо О’Доннелу, Дафне Ойзерман, Би Пуранен, Дитеру Рюхту, Манфреду Г. Шмидту, Карстен Шнайдер, Дитлинду Штолле, Чарльзу Л. Тейлору, Эрику Усланеру, Стефану Уолгрейву и Ульриху Видмайеру. Особую признательность мы хотели бы выразить коллективу бывшего отдела «Институты и социальные изменения» берлинского Центра обществоведческих исследований (WZB), который подготовил ряд выдающихся трудов о социальной основе демократии под научным руководством Ганса-Дитера Клингемана. В первую очередь здесь необходимо упомянуть о ценных замечаниях Дитера Фукса, Ганса-Ди-

тера Клингемана, Эдельтрауд Роллер, Кая-Уве Шнаппа и Бернхарда Вессельса.

Неоценимую поддержку нам оказало издательство Cambridge University Press; отдельно следует сказать о важных рекомендациях и энтузиазме нашего редактора Льюиса Бэйтмана, а также замечаниях анонимных рецензентов. Значительная часть исследовательской работы, которая легла в основу этой книги, была проведена авторами в Центре обществоведческих исследований (Social Science Research Centre); мы благодарны ему за поддержку. Наконец, этот труд не появился бы на свет без поддержки и поощрения со стороны наших коллег и студентов из Бременского международного университета, а также с кафедры политологии и из Института социальных исследований при Мичиганском университете.

Предисловие

В настоящей книге представлена пересмотренная версия теории модернизации, интегрирующая социально-экономическое развитие, изменения в сфере культуры и демократизацию в рамках единого процесса человеческого развития (human development). Хотя авторы классических концепций модернизации (Маркс, Вебер и другие ученые) во многом ошибались, их главная идея, состоящая в том, что в основе масштабных изменений в социальной, культурной и политической сферах лежит социально-экономическое развитие, в целом соответствует действительности. Этот тезис подтверждается значительным массивом нового фактического материала, который анализируется в нашей книге, — в том числе данными социологических опросов, проводившихся в 81 стране (в этих странах проживает до 85% населения планеты) с 1981 по 2001 год. Эти данные демонстрируют, что основополагающие ценности и убеждения, характерные для членов передовых обществ, радикальным образом отличаются от ценностей и убеждений жителей менее развитых стран — и что эти ценности в процессе социально-экономического развития эволюционируют в предсказуемом направлении. Изменение ценностей, в свою очередь, ведет к важным социально-политическим последствиям, способствуя утверждению гендерного равенства и демократических свобод и совершенствованию государственного управления.

Первые версии теории модернизации отличались упрощенностью. Как справедливо указывал Карл Маркс, социально-экономическое развитие оказывает мощное воздействие на стремления и поступки людей, но, как не менее справедливо указывал Макс Вебер, преобладающие в обществе убеждения и мотивации определяют его культурным наследием. Более того, социокультурные изменения носят нелинейный характер. Процесс индустриализации несет с собой рационализацию, секуляризацию и бюрократизацию, но возникновение «общества знаний» оборачивается изменениями иного порядка, идущими в новом направлении, — повышается роль личной независимости (individual autonomy), самовыражения

и свободы выбора. Утверждение ценностей самовыражения (self-expression values) преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество нового типа — в центре его находится человек.

На первом этапе модернизации происходит мобилизация масс, что создает предпосылки для утверждения демократии в ее современном понимании — но одновременно и для установления фашистского или коммунистического строя. На постиндустриальном этапе модернизации общественность все активнее требует демократии — формы правления, обеспечивающей людям максимально широкую свободу выбора собственного жизненного пути.

В книге показано, что в постиндустриальном обществе происходят последовательные изменения, охватывающие политические, религиозные, социальные и сексуальные нормы. В ней представлена модель социальных изменений, позволяющая прогнозировать характер эволюции ценностных систем конкретных стран в ближайшие десятилетия. Кроме того, мы демонстрируем, что ценностная ориентация общества играет ключевую роль в возникновении и развитии демократических институтов. Модернизация превращается в процесс человеческого развития, в рамках которого социально-экономический прогресс ведет к изменениям в культурной сфере, усиливающим вероятность утверждения личной независимости, гендерного равенства и демократии, формируя общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям.

Утверждение демократии — не просто результат изоциренного торга в кругах элит и «конституционной инженерии». Оно зависит от глубоко укоренившихся ценностных ориентаций народа в целом. Эти ориентации побуждают людей требовать свободы и «обратной связи» со стороны властей — и подкреплять слова действиями, обеспечивающими такой результат. Подлинная демократия — не механизм, который достаточно завести, чтобы он работал автоматически. Ее дееспособность зависит от народа.

В книге излагается единая теория, охватывающая процессы модернизации, культурных изменений и демократизации. Основываясь на последних исследованиях Вельцеля, мы интерпретируем сегодняшние социальные изменения как процесс человеческого развития, усиливающий гуманистический характер общества, в котором все большее значение придается свободе и самовыражению личности. Огромный массив межстрановых данных показывает,

что 1) модернизация в социально-экономической сфере, 2) утверждение ценностей самовыражения в культурной сфере и 3) демократизация представляют собой компоненты единого основополагающего процесса: человеческого развития. Лейтмотивом этого процесса является расширение свободы выбора. Социально-экономическая модернизация приводит к ослаблению внешних ограничений свободы выбора, увеличивая материальные, когнитивные и социальные ресурсы личности. Это приводит к усилению акцента на ценностях самовыражения, а оно, в свою очередь, ведет к нарастанию в обществе требований в пользу гражданских и политических свобод, гендерного равенства и «отзывчивости» властей (*responsive government*), способствуя формированию и укреплению институтов, в наибольшей степени соответствующих максимальной свободе выбора, — одним словом, демократии.

Основой динамики человеческого развития является расширение свободы выбора и личной независимости. Когда значение этого аспекта модернизации возрастает, он порождает культурные изменения, чьим логическим институциональным результатом становится утверждение демократии. В предыдущих версиях теории модернизации важнейшая роль изменений в культурной сфере либо игнорировалась, либо недооценивалась.

Конечно, основы культуры передаются из поколения в поколение. Однако основополагающие ценности отражают не только то, что людям внушили старшие, но и их собственный опыт. Благодаря социально-экономическому развитию последние полвека условия жизни людей, определяющие формирование личности, менялись глубочайшим образом и с беспрецедентной скоростью. Экономический рост, повышение уровня образованности и информированности, диверсификация взаимодействия между людьми увеличивают объем материальных, когнитивных и социальных ресурсов, имеющих в распоряжении человека, усиливая его материальную, интеллектуальную и социальную независимость. Более высокая степень жизненной защищенности (*existential security*) и личной независимости человека фундаментальным образом меняет его непосредственный жизненный опыт, побуждая придавать первостепенное значение целям, прежде стоявшим на втором плане, в том числе обретению свободы. Акцент в культурной сфере смещается от коллектива и дисциплины к свободе личности, от групповой нормы к индивидуальному многообразию, от власти государства к личной независимости, порождая синдром, который мы опреде-

лили как ценности самовыражения. Благодаря этим ценностям в обществе все большее значение придается гражданским и политическим правам, составляющим основу демократии, которая расширяет возможности для самовыражения и самореализации людей. Утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя общество, центральное место в котором занимают люди. Таким образом, речь идет о гуманистической трансформации модернизационного процесса.

Одним словом, модернизация в социально-экономической сфере создает объективные предпосылки, позволяющие людям строить свою жизнь на основе собственного выбора. Растущая приверженность ценностям самовыражения ведет к тому, что люди начинают требовать свободы выбора и отстаивать ее. Демократические же институты закрепляют права, позволяющие людям действовать на основе свободы выбора. Все эти три процесса ведут к увеличению роли самостоятельного выбора. Поскольку способность к самостоятельному выбору является отличительной чертой, присущей именно людям, мы характеризуем процессы, формирующие этот потенциал, как феномен человеческого развития (см. табл. 0.1).

Таблица 0.1. ПРОЦЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

	Социально-экономическое измерение	Культурное измерение	Институциональное измерение
Процессы, способствующие человеческому развитию	Модернизация	Изменение ценностей	Демократизация
Компоненты человеческого развития	Социально-экономические ресурсы	Ценности самовыражения	Гражданские и политические свободы
Факторы человеческого развития по собственному выбору	Повышение способности людей действовать	Повышение приоритетности свободы выбора по собственному выбору	Расширение прав, позволяющих людям действовать
Лейтмотив	Расширение выбора (гуманизация общества)		

Источник: Welzel 2002: 46.

Как мы продемонстрируем ниже, гуманистическая культура, делающая акцент на самовыражении, распространяется на все основные сферы жизни людей, способствуя изменению сексуальных норм, гендерных ролей, семейных ценностей, религиозности, мотивации к труду, отношений между человеком и природой, общественной и политической активности людей. Во всех этих сферах наблюдается усиление акцента на личной независимости, меняющее саму

ткань современного общества. Граждане постиндустриальных стран начинают требовать большей свободы выбора по всем направлениям. Гендерные роли, религиозная ориентация, характер потребления и труда, голосование на избирательных участках — все это в большей степени, чем раньше, становится делом индивидуального выбора. Масштабные изменения, происходящие в наши дни, — от усиления гендерного равноправия и изменения норм, связанных с сексуальной ориентацией, до все большего внимания к подлинности и эффективности демократии — отражают повысившееся значение личной независимости. Эти изменения — не «лоскутное одеяло» случайно совпавших явлений, а последовательный процесс, интегрирующий, казалось бы, не связанные между собой события в единое целое. Сплавляя их вместе, процесс человеческого развития переносит свободу выбора и личную независимость во все сферы жизни.

И все же, несмотря на глобализацию, мир не становится единообразным, а влияние культурных традиций никуда не исчезает. Напротив, высокий уровень человеческого развития — результат тенденции, возникшей сравнительно недавно: пока что она ограничивается постиндустриальными обществами, а в развивающихся странах лишь начинает проявляться благодаря устойчивому экономическому росту. Большинство стран с низкими среднедушевыми доходами и многие постсоветские государства тенденция к повышению уровня личной независимости и расширению свободы выбора затрагивает сравнительно слабо. Преобладающие в этих обществах ценностные системы по-прежнему сильно ограничивают возможности для самовыражения. Отчасти большие различия в эффективности деятельности институтов в разных странах можно объяснить многообразием основополагающих культурных ценностей. Приоритетность самовыражения в том или ином обществе во многом определяет уровень демократических прав, представительства женщин во властных структурах, «отзывчивости» правящих элит по отношению к народу и их подчинения верховенству закона. Вопреки элитарным или институциональным концепциям демократии, мы показываем, что демократия, гендерное равенство и «отзывчивость» властей представляют собой элементы более общего феномена — человеческого развития. В этой книге мы анализируем вопрос о том, как меняющийся баланс между модернизацией и традициями формирует ценностные ориентации людей и как эти ценности воздействуют на политические институты, по-

рождая определенную последовательность человеческого развития — модернизация усиливает роль ценностей самовыражения, способствующих укреплению демократических институтов.

Эта последовательность, однако, может иметь и противоположную направленность: при возникновении угрозы физическому выживанию людей преобладающее значение приобретают ценности выживания (survival values), что, в свою очередь, ведет к упрочению институтов авторитаризма. Тем не менее, независимо от направленности, эта последовательность имеет один и тот же лейтмотив: расширение или сужение личной независимости и свободы выбора. Действуя в одном направлении, она способствует человеческому развитию и гуманизации общества. Если же процесс идет в обратном направлении, результатом становится откат к авторитаризму и ксенофобии.

Книга состоит из двух частей. В первой, под названием «Изменение ценностей: движущие силы», анализируются основные измерения межстрановой вариабельности в плане основополагающих ценностей, прослеживается процесс их изменения и исследуется взаимодействие модернизационных и традиционных факторов, определяющих характер этих изменений. Вторая часть — «Последствия изменения ценностей» — посвящена воздействию одного из главных измерений кросс-культурной вариабельности (ценностей самовыражения) на развитие демократии. Мы выявили необычайно прочную связь между этими ценностями и демократизацией — вне зависимости от того, как именно эту связь измерять. Ценности самовыражения связаны с демократией теснее, чем любой другой фактор, включая и те переменные, что чаще всего фигурируют в литературе о проблемах демократизации — такие, как уровень доверия между людьми, уровень участия населения в различных социальных ассоциациях и объем ВВП на душу населения. Возникновение и сохранение демократических институтов прочно связаны с экономическим благосостоянием, но эта связь существует в основном благодаря тому, что последнее способствует распространению ценностей самовыражения. Если сделать поправку на эти ценности, выясняется, что масштаб воздействия экономического развития и других факторов структурного порядка, например этнической фракционализации, резко сокращается. Этот вывод отнюдь не очевиден; он указывает на то, что в ходе исследования проблем, связанных с демократией и демократизацией, необходимо уделять больше внимания роли массовых ценностей.

Тщательный анализ причинно-следственной связи между ценностями самовыражения и ситуацией с демократией позволяет предположить, что отправной точкой здесь является культура, а конечной — институты, а не наоборот; в последние годы этот вопрос вызывает немало споров в научных кругах. Таким образом, наши выводы противоречат утверждениям о том, что демократический строй можно без труда установить в любом обществе, независимо от его культурной основы: согласно этой концепции, главное — создать хорошо продуманные государственные демократические институты, а демократическая политическая культура — дело второстепенное. Вопреки этому тезису, эмпирические данные, приведенные в настоящей книге, позволяют говорить о том, что демократизация требует не только разработки «правильной» конституции. Этот вывод подтверждается и непосредственным историческим опытом — от судьбы Веймарской республики до ситуации в странах бывшего СССР или сегодняшнем Ираке.

Краткий обзор содержания книги

В главе 1 представлена новая интегрированная версия теории модернизации. Хотя ее предыдущие версии страдали изъянами в отношении нескольких важных аспектов, огромный массив фактических данных позволяет утверждать, что их главный постулат справедлив: социально-экономическое развитие приводит к масштабным социальным, культурным и политическим изменениям. Данные, полученные в результате четырех «волн» социологических опросов в 80 с лишним странах, показывают: социально-экономическое развитие преобразует основополагающие ценности и убеждения людей — и этот процесс носит приблизительно предсказуемый характер. Тем не менее имеющиеся версии теории модернизации нуждаются в пересмотре как минимум по трем важным направлениям.

Во-первых, несмотря на то, что социально-экономическое развитие оборачивается предсказуемыми изменениями в мировоззрении людей, культурные традиции — например, наследие протестантизма, конфуцианства или коммунистической идеологии — также накладывают на бытующие в обществе представления мировоззренческого характера устойчивый отпечаток. Исторические факторы сохраняют значение, и преобладающие в обществе ценностные ориентации являются продуктом взаимодействия движущих сил модернизации и сдерживающего влияния традиций.

Во-вторых, процесс модернизации носит нелинейный характер. Он представляет собой не бесконечное движение в одном направлении, а имеет «точки перегиба», когда преобладающее направление эволюции меняется. В результате модернизация проходит ряд этапов, каждый из которых приводит к характерным для него изменениям в мировоззрении людей. Промышленная революция была связана с переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, в результате чего власть и авторитет стали утрачивать сакральный характер. На постиндустриальном этапе модернизации преобладающую роль начинает играть иной сдвиг в культурной сфере — ценности выживания замещаются ценностями самовыражения, что приводит к все большей эмансипации людей от власти как таковой. Распространение ценностей самовыражения превращает процесс модернизации в процесс человеческого развития, повышающего степень индивидуальной свободы и расширяющего спектр выбора.

В-третьих, эмансипационная природа ценностей самовыражения по определению делает все более вероятным утверждение демократии: можно даже сказать, что на определенном этапе *избежать* демократизации становится все труднее. Таким образом, модернизация влечет за собой изменения культурного характера, результатом которых становится формирование и расцвет демократических институтов. Лейтмотивом процессов модернизации, утверждения ценностей самовыражения и демократизации является усиление личной независимости. Эти процессы придают обществу все более гуманистический характер, т.е. ставят в его центр человека.

В главе 2 анализируются наиболее важные измерения кросс-культурной вариативности: по результатам этого анализа была составлена двухмерная «карта мира», отражающая различия в показателях стран по ряду норм и ценностей. Кросс-культурная вариативность на удивление четко вписывается в единую модель: широкий спектр представлений (отражающих ценности и убеждения людей в отношении таких разных сфер жизни, как семья, работа, религия, экология, политика и сексуальное поведение) укладывается в рамки всего двух главных измерений: одно связано с поляризацией между *традиционными* и *секулярно-рациональными ценностями*, другое — с поляризацией *между ценностями выживания и самовыражения*. Мы определили места, занимаемые 80 с лишним странами, в которых проживает 85% населения планеты, с точки зрения этих двух измерений. Эти страны группируются в довольно

устойчивые кластеры — культурные зоны, отражающие их историческое наследие; причем эти зоны сохраняются и во временной перспективе. Тем не менее, несмотря на устойчивое воздействие культурного наследия стран, социально-экономическое развитие прогнозируемым образом меняет их позиции по этим двум ценностным измерениям: по мере перемещения трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный в мировоззрении людей, как правило, происходит сдвиг от традиционных ценностей к секулярно-рациональным. Позднее, когда преобладание получает уже не индустриальный сектор, а сектор услуг, происходит второй масштабный сдвиг в сфере ценностных ориентаций — переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения.

В главе 3 мы подвергаем нашу гипотезу проверке, которая считается важнейшей для верификации любой теории в естественных науках, но не слишком любима обществоведами: испытанию *прогнозированием*. В книге «Логика научного исследования» Поппер утверждает: чтобы считать теорию эмпирически подтвержденной, необходимо продемонстрировать ее пригодность для прогнозирования будущих событий (Popper [1959] 1992). Тем не менее обществоведы редко проверяют свои теории подлинным прогнозированием. Поскольку теория модернизации должна обеспечивать систематическую интерпретацию того, как социально-экономическое развитие трансформирует общество, с ее помощью мы составляем и проверяем прогнозы изменений в сфере культуры.

Сначала, используя данные первых трех «волн» опросов, мы «спрогнозировали» будущие ответы респондентов, применив регрессионный анализ для составления прогнозных формул, включающих индикаторы социально-экономического развития общества и переменные, характеризующие его историко-культурное наследие. С помощью этих формул мы «предсказали» ответы, полученные в ходе четвертой «волны» опросов, проведенных в 1999–2001 годах. Этот результат, конечно, представлял собой не подлинный прогноз, а «предсказание задним числом», поскольку данные опросов уже были собраны. Однако сравнение спрогнозированных и реально наблюдаемых данных по ценностным ориентациям в различных странах показывает, что в большинстве случаев наш прогноз оказался приблизительно верным (даже по странам, не охваченным первыми тремя «волнами») и что модель, основанная на нашей пересмотренной версии теории модернизации, дает гораздо более точные результаты, чем случайный прогноз. Затем с помощью нашей модели мы

прогнозируем ответы респондентов из 120 стран на основные вопросы, которые будут задаваться в ходе исследований в рамках World Values Survey, запланированных на 2005–2006 годы. Таким образом, мы предсказываем ситуацию с ценностями и представлениями не только для населения государств, охватывавшихся предыдущими «волнами» опросов, но и для жителей десятков стран, где эти исследования будут проводиться впервые. Данные нашего прогноза о результатах следующей «волны» Values Survey представлены в интернет-приложении к настоящей книге (его можно скачать с сайта <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>), что позволит ученым оценить наши результаты после того, как в 2007 году будут обнародованы реальные данные опросов.

В главах 4 и 5 ценностные ориентации людей анализируются во временной перспективе: мы исследуем изменения в этой области за период проведения первых четырех «волн» Values Survey. Выясняется, что в богатых постиндустриальных обществах наблюдаются значительные межпоколенческие различия: молодые в целом делают куда больший акцент на секулярно-рациональных ценностях и ценностях самовыражения, чем представители старших возрастных групп. И напротив, в странах с низкими доходами населения, не имевших в последние 50 лет значительного экономического роста, межпоколенческих различий не выявляется: представители младших и старших возрастных групп демонстрируют примерно одинаковые показатели по шкале традиционных/современных ценностей. Этот результат позволяет предположить, что подобные различия между поколениями связаны не с самим возрастом людей, а с изменениями исторического характера. Эта интерпретация подкрепляется тем фактом, что, прослеживая во времени ценностные ориентации конкретной возрастной группы, мы обнаруживаем: становясь старше, эти люди *не* становятся более приверженными традиционным ценностям и ценностям выживания, как можно было бы предположить, исходя из концепции «жизненного цикла». Межпоколенческие различия представляют собой устойчивый атрибут конкретных возрастных когорт: в этом, судя по всему, проявляется различие в условиях формирования личностей их представителей — люди, родившиеся позже, вырастают при все более благоприятных условиях. Межпоколенческие различия, выявленные в постиндустриальных странах, являются, очевидно, результатом долгосрочных социально-экономических изменений, вызванных послевоенным «экономическим чудом».

В главе 5 мы исследуем временную динамику изменений конкретных компонентов двух измерений ценностных ориентаций. К примеру, одним из важных аспектов утверждения ценностей самовыражения является распространение «неэлитарных» форм массовых гражданских акций: люди все чаще подписывают различные петиции, участвуют в демонстрациях или бойкотах. Другое важное изменение касается семейных ценностей и сексуальных норм. Семья традиционно представляет собой основную репродуктивную ячейку любого общества. Следовательно, в рамках традиционных культур резко осуждается любое поведение, воспринимаемое как угроза воспроизводству и воспитанию детей в семье, — например, гомосексуализм, развод и аборт. Однако в рамках постиндустриального общества с развитыми институтами соцобеспечения для выживания человека уже не требуется прочной семьи. Упомянутые жесткие нормы постепенно утрачивают свои функции, что открывает больший простор для самовыражения индивида. Это, конечно, не происходит в одночасье. Сегодня в развитых странах изменение социальных норм, связанных с абортами и гомосексуальностью, становится предметом острых политических дебатов, но тем не менее в богатых постиндустриальных государствах все больше распространяется толерантное отношение к разводам, гомосексуализму и абортам. Этого, однако, *не* наблюдается в странах с низкими среднедушевыми доходами, где жизненная защищенность по-прежнему гарантирована далеко не всем.

В главе 6 исследуются психологические особенности ценностей самовыражения, показана их тесная связь с широко используемыми показателями уровня индивидуализма и личной независимости, разработанными специалистами в области социальной психологии. Эти показатели основываются на различных теориях, данных из разных источников и применении различных методик. Однако, как мы продемонстрируем, индивидуализм, личная независимость и ценности самовыражения представляют элементы одной и той же общей тенденции: они отражают общую ориентацию на эмансипацию личности. Это упражнение в триангуляции не только подтверждает обоснованность измерений ценностей самовыражения, но и проясняет их антидискриминационный характер, указывая на то, что их распространение усиливает в людях *гуманизм*, а не эгоцентризм.

Проанализировав в первой части движущие силы формирования ценностей, во второй мы сосредоточиваемся на социаль-

ном воздействии изменения ценностных ориентаций. Основное внимание мы уделяем ценностям самовыражения, поскольку они играют важнейшую роль в человеческом развитии и построении демократии. Еще одно выделенное нами измерение кросс-культурной вариабельности — связанное с традиционными/секулярно-рациональными ценностями — подробно анализируется в другой книге (Norris, Inglehart 2004), поэтому в настоящей работе мы уделяем ему относительно небольшое внимание. Вместо этого мы разбираем одну из самых спорных в общественных науках проблем — наличие причинно-следственной связи между ценностями и институтами. У политологов в центре этой дискуссии оказался вопрос: является ли наличие продемократической политической культуры у населения *необходимой предпосылкой* успешного создания демократических институтов на системном уровне? Или возникновение продемократических массовых ценностей следует считать *следствием* жизни при демократическом строе?

В главе 7 обсуждается причинно-следственная связь между демократическими ценностями и демократическими институтами в свете человеческого развития, при этом особое внимание уделяется условиям, предопределяющим степень свободы, которой пользуются люди при определении своего жизненного пути. Либеральная демократия в этой связи имеет ключевое значение, поскольку гарантирует гражданские и политические права, позволяющие людям принимать самостоятельные решения в своей частной и общественной деятельности: она институционализирует свободу действий. В основе либеральной демократии лежит свобода выбора, и массовый «спрос» на демократию отражает приоритетность, которую придают люди этому самостоятельному выбору. Хотя человеку по определению присуще стремление к свободе, оно не становится главным приоритетом, если люди вырастают в условиях, не обеспечивающих им гарантированного выживания. Но когда само существование человека защищено, все большее распространение ценностей самовыражения усиливает вероятность возникновения демократического строя там, где его еще не существует, и повышает *эффективность* демократии там, где она уже построена. И напротив, наличие демократических институтов само по себе не делает ценности самовыражения главным приоритетом в глазах людей. Эти ценности формируются, когда социально-экономическое развитие приводит к ослаблению материальных, когнитивных и социальных ограничений свободы выбора, порождая у людей субъективное

ощущение жизненной защищенности. Это может произойти в условиях как демократической, так и авторитарной институциональной системы: главное, чтобы страна достигла высокого уровня экономического развития. Усиление акцента на самовыражении — не следствие наличия демократии; напротив, оно может проявиться и при демократических, и при авторитарных институтах, и, когда это происходит, массы начинают требовать демократизации. Соответственно, в главе 7 утверждается, что причинно-следственный вектор взаимосвязи между либеральной демократией и ценностями самовыражения направлен от культурных изменений к демократии, а не наоборот.

Глава 8 посвящена проверке этой гипотезы с помощью анализа большого массива эмпирических данных. Чтобы выявить причины возникновения либеральной демократии, мы осуществляем эту проверку в четыре этапа, с использованием нескольких различных аналитических методик и разнообразных способов измерения наших основных переменных.

Сначала в качестве индикаторов либеральной демократии мы используем рейтинги ситуации с гражданскими и политическими правами в странах мира, составляемые правозащитной организацией Freedom House. Учитывая тот факт, что «третья волна» демократизации привела к масштабному расширению «пространства демократии», мы ищем ответ на вопрос: какой из элементов сильнее повлиял на другой — уровень либеральной демократии в той или иной стране накануне «третьей волны» на последующий уровень распространения в данном обществе ценностей самовыражения или степень распространения этих ценностей в данном обществе — на уровень демократии после «третьей волны»? Полученные результаты однозначно подтверждают второй вариант.

На втором этапе мы проверяем «гипотезу конгруэнтности», анализируя степень, в которой *несоответствие* между массовым спросом на демократию и уровнем демократии в конкретной стране определяет последующее *изменение* уровня демократии. Результаты анализа показывают: масштабный «скачок» в сфере демократизации институтов более вероятен в тех обществах, где массовый спрос на свободу превышает ее институциональное предложение. И напротив, хотя в рассматриваемый период большинство стран продвинулись вперед по пути демократизации, в некоторых наблюдалась и противоположная тенденция — и это были общества, где до того «предложение» демократии превышало массовый спрос на

свободу. Демократическая или антидемократическая смена режимов в основном становится результатом несоответствия между подлинным масштабом массового спроса на свободу и реальным уровнем демократии в стране.

Третий этап нашего анализа основан на разработанных в последние годы концепциях «нелиберальной демократии», «электоральной демократии», «неполной демократии» и «некачественной демократии»: их суть состоит в том, что многие из государств, где в ходе «третьей волны» утвердился демократический строй, являются демократическими лишь формально. В реальной повседневной практике гражданские и политические права там могут не соблюдаться; эффективность демократических институтов сводится там к нулю действиями коррумпированных элит, не соблюдающих принципа верховенства закона. Мы используем индикаторы законопослушности элиты (например, «порядочность» элит [elite integrity]) для измерения реальной эффективности демократии; это позволяет нам оценить степень воздействия ценностей самовыражения на повышение *эффективности* демократии, делая поправки на другие переменные, часто фигурирующие в научной литературе о проблемах демократизации. Ценности самовыражения демонстрируют устойчивое и весьма позитивное воздействие на эффективность демократии даже с поправкой на влияние других факторов — в том числе и предыдущий демократический опыт того или иного общества.

На четвертом этапе мы исследуем различия между формальной и эффективной демократией, порожденные вариативностью «порядочности» элит. Этот анализ показывает, что ценности самовыражения действуют в качестве социальной движущей силы, сокращающей разрыв между формальной и эффективной демократией: если они распространены слабо, может наблюдаться значительное несовпадение между формальным уровнем демократии и ее эффективностью (уровень последней существенно ниже). Если же эти ценности прочно укоренились в обществе, уровни эффективной и формальной демократии будут практически совпадать. Ценности самовыражения способствуют сокращению разрыва между номинальной и реальной демократией, поскольку они порождают давление на элиты, вынуждающее их к большей «порядочности». Таким образом, один из фундаментальных аспектов поведения элит — их «порядочность» и честность — не обладает независимостью от массовых ценностей. Он их отражает.

В ходе этого исследования мы использовали четыре различных способа «измерения» и анализа ситуации с демократией, но все они подводят к одному и тому же выводу: ценности самовыражения оказывают мощное воздействие на *последующие* демократические показатели общества, но сами испытывают лишь небольшое влияние *предшествующего* уровня демократии в данной стране.

Главы 9 и 10 посвящены важным теоретическим и методологическим проблемам изучения процессов демократизации и изменения ценностей. В главе 9 мы соотносим наши выводы с альтернативными теориями, делающими акцент не на эмансипационных социальных силах, связанных с распространением ценностей самовыражения, а на иных каузальных факторах возникновения и укрепления демократии. В большинстве теорий, не учитывающих или отвергающих воздействие широких социальных сил на процесс демократизации, упор делается на роль международного контекста или коллективных акторов. Обе эти точки зрения отчасти справедливы, но они не отменяют значения мотивационных факторов, таких как массовое распространение ценностей самовыражения. В действительности значение имеет сочетание всех этих факторов — международного контекста, коллективных акторов и социальных сил. Порой, чтобы разблокировать воздействие социальных сил, основанных на массовых ценностях самовыражения, бывает необходимо изменение международной обстановки. Но сам по себе международный контекст не может создать эти ценности — их порождает непосредственный жизненный опыт людей. В отсутствие этих ценностей благоприятная международная ситуация не приводит к построению эффективных демократических институтов. Более того, процесс демократизации всегда происходит через посредство коллективных акторов. Но чтобы их действия увенчались конкретным результатом, необходимы движущие силы мотивационного характера. Именно такой силой являются массовые ценности самовыражения, поскольку они направляют коллективные действия к демократическому результату, если внешние условия это позволяют.

В главе 10 речь идет о фундаментальном вопросе методологического порядка, который до сих пор во многих случаях понимается неверно. Даже сегодня многие обществоведы полагают, что изучению подлежат взаимоотношения только тех феноменов, которые одинаково проявляются как на индивидуальном, так и на системном уровне, а если этого не происходит, то между этими фено-

менами существует лишь «кажущаяся» связь. В контексте настоящей книги этот вопрос формулируется так: каким образом массовые ценности и представления, существующие лишь на индивидуальном уровне, способны воздействовать на развитие демократии, происходящее на уровне общества в целом? Мы показываем, что убеждения, присущие отдельным людям, например ценности самовыражения, определяют характеристики общества в целом и способны влиять на другие характеристики того же уровня, например уровень демократии, способами, которые не проявляются — и не могут проявляться — на индивидуальном уровне (поскольку на этом уровне демократия не существует). Как мы продемонстрируем, вопрос о том, являются ли подобные связи «кажущимися» или реальными, можно анализировать только на том уровне, где эти связи действуют, т.е. на уровне общества в целом. Чтобы исследовать взаимоотношения между политической системой и политической культурой, необходимо агрегировать индивидуальные ценности до общенационального уровня.

Исследования политической культуры в большинстве случаев основываются на предположении о том, что определенные массовые убеждения, например поддержка демократии и гражданственность, имеют ключевое значение для возникновения демократии на уровне общества в целом. Но затем ученые переходят к выявлению этих убеждений на индивидуальном уровне, оставляя тезис об их влиянии на уровне общества как аксиому, без какого-либо анализа. Мы поступаем иначе. Имея в распоряжении данные по 80 странам, где проживает большинство населения планеты, мы можем провести статистически значимые замеры связей между конкретными массовыми ценностями и убеждениями, с одной стороны, и феноменами в масштабе всего общества, такими как демократия, — с другой. В некоторых случаях это приводит к неожиданным результатам. Многие из массовых убеждений, которым в трудах по проблемам политической культуры придается большое значение, демонстрируют на удивление слабую эмпирическую связь с демократией, в то время как другие, которым должного внимания не уделялось, связаны с нею весьма прочно.

В главе 11 исследуются переменные, которые в научной литературе по политической культуре считаются важнейшими предпосылками демократии. Чтобы выяснить, какие из них *на самом деле* имеют отношение к демократии, мы оцениваем их воздействие на ее последующий уровень в масштабах общества в целом. Среди этих

индикаторов — коммунитаристские ценности — такие, как доверие к государственным институтам, участие в различных ассоциациях и соблюдение социальных норм. Результаты однозначны: распространение ценностей самовыражения имеет более важное значение для утверждения демократии, чем коммунитаристские факторы или иные переменные. Кроме того, как бы неожиданно это ни звучало, ценности самовыражения играют еще более важную роль в укреплении демократии, чем сама открытая поддержка демократии — зачастую преувеличиваемая респондентами из-за эффекта «социальной приемлемости» (*social desirability*) и инструментальной мотивации. Распространение ценностей самовыражения, напротив, измеряется с помощью критериев, не имеющих прямого отношения к демократии, а потому его трудно преувеличить за счет исключительно «словесной» поддержки понятия, имеющего сегодня позитивные социальные коннотации практически повсеместно. Эти ценности отражают внутреннюю приверженность человека самостоятельности выбора — основополагающему элементу демократии. Данные выводы подтверждают концепцию, согласно которой демократизация представляет собой прежде всего процесс эмансипации человека, наделяющий властью народ. Суть этого процесса — институционализация свободы выбора, и она во многом обуславливается социальными движущими силами, связанными с самовыражением.

В главе 12 оценивается еще один результат действия эмансипационных сил, связанных с ценностями самовыражения: они способствуют утверждению гендерного равенства. Сегодня тенденция к его усилению характерна для всех постиндустриальных обществ. По историческим меркам эта тенденция возникла недавно, что свидетельствует о том, что демократия — развивающееся понятие. Гендерное равенство все больше превращается в один из общепринятых атрибутов демократии, и, как мы демонстрируем, одной из главных движущих сил этой тенденции является растущий в обществе акцент на самовыражении. Таким образом, гендерное равенство представляет собой еще один важный аспект процесса человеческого развития. «Социальное государство», формирование «общества знаний» и демократические традиции также являются факторами, влияющими на гендерное равенство, но это обусловлено прежде всего тем, что они связаны с эмансипационным воздействием ценностей самовыражения. Усиление гендерного равенства — одно из важнейших направлений формирования гуманистического общества.

В главе 13 исследуются исторический контекст нашей интегрированной версии теории модернизации и воздействие описанного нами процесса на социальные нормы. Мы утверждаем, что ценности самовыражения носят не *эгоцентрический*, а *гуманистический* характер: их сторонники выступают не только за свою личную независимость, но и за личную независимость *всех*, поэтому данные ценности служат мотивационной основой для движений за права детей, женщин, геев и лесбиянок, инвалидов и этнических меньшинств, а также за такие цели универсального характера, как сохранение окружающей среды и устойчивости экосистемы планеты. В этой широте спектра антидискриминационных общественных движений проявляется общая тенденция к распространению гуманистических социальных норм.

В заключении мы подытоживаем наши выводы в рамках «эмансипационной теории демократии», утверждая, что возникновение эмансипационных социальных сил, связанных с ценностями самовыражения, представляет собой самый важный из всех факторов, способствующих демократизации. Укрепление и сохранение демократии связано не просто с умением правильно составить конституцию или с наличием элит, приверженных демократическим нормам. Этот процесс отражает усиление в обществе акцента на личной независимости.

Наши выводы могут служить предостережением от наивной убежденности в том, будто «правильный» конституционный строй и приход к власти элит, придерживающихся демократических принципов, — это необходимое и достаточное условие утверждения демократии. Чтобы демократия была эффективна, необходимо нечто большее, чем институциональная структура и настрой элит: она становится результатом действия более масштабных эмансипационных сил, неразрывно связанных с человеческим развитием. Во многих современных трудах по проблемам демократизации игнорируется ее главный лейтмотив — эмансипация человека.

В книге на основе громадного массива эмпирических данных излагается интегрированная версия теории модернизации. На высоком уровне социально-экономического развития ценности самовыражения преобразуют модернизацию в процесс человеческого развития, обуславливая приобретение обществом гуманистического характера. Одним из элементов этой общей тенденции является формирование и укрепление демократических институтов.

Часть I

Изменение ценностей:
движущие силы

Глава 1 Пересмотренная теория модернизации

Споры о теории модернизации

В разных обществах люди видят мир по-разному, и их ценности чрезвычайно различаются. В некоторых странах 95% граждан считают, что Бог играет крайне важную роль в их жизни, в других такое услышишь только от 3%. В каких-то государствах 90% населения уверены: при дефиците рабочих мест у мужчин должно быть больше прав на получение работы, чем у женщин. В других так думают только 8%. Эти межстрановые различия весьма устойчивы. Однако, как мы показываем в настоящей книге, в развитых странах мира эти и многие другие важные ценности постепенно меняются.

Эти изменения в общих чертах поддаются прогнозированию, так как связаны с социально-экономическим развитием. Они происходят буквально во всех современных обществах, а их последствия имеют важное значение. Изменение ценностей ведет к пересмотру религиозных убеждений и трудовой мотивации, влияет на уровень рождаемости, гендерные роли и сексуальные нормы, что, в свою очередь, порождает в обществе требования, связанные с демократизацией институтов и повышением «отзывчивости» элит. Как будет показано ниже, социально-экономическое развитие ведет к примерно предсказуемым изменениям культуры, и эти изменения на каком-то этапе создают благоприятные условия для возникновения демократического строя там, где его еще не существует, а в случае его существования придают ему более устойчивый и непосредственный характер.

Теория модернизации основана на идее человеческого прогресса (Carneiro 2003). По историческим меркам эта идея возникла сравнительно недавно. Пока люди были не в состоянии существенно влиять на природную среду, а аграрные общества оставались в ловушке устойчивого равновесия, в рамках которого из поколения в поколение почти никаких серьезных изменений не происходило, идея прогресса человечества выглядела нереалистичной (Jones 1985; McNeil 1990). Ситуация начала меняться только с возникновением устойчивого экономического роста (North 1981; Bernstein W. 2004).

Когда в конце Средневековья Торговая революция создала предпосылки для развития доиндустриального капитализма в городах Западной Европы, темпы экономического роста начали стабильно опережать прирост населения (Hall 1989; Lal 1998; Landes 1998). Этот процесс породил философские доктрины гуманизма и Просвещения. Идея о том, что технические новшества, возникающие в результате постоянного развития науки, позволят человеку преодолеть ограничения, наложенные на него природой, обрела правдоподобие и бросила вызов общепринятому тогда мнению: свобода и самореализация возможны лишь на том свете. Наука превратилась в источник знаний, соперничавших с божественным откровением и пошатнувших интеллектуальную монополию церкви, яростно отстаивавшей вечность и неизблемость феодального общества (Landes 1998). Так возникла концепция прогресса человечества, а на ее основе начала формироваться и теория модернизации.

Теория модернизации возникла в эпоху Просвещения вместе с убежденностью в том, что технический прогресс даст человечеству власть над природой. Антуан де Кондорсе одним из первых четко связал развитие экономики с процессами в культурной сфере: он утверждал, что технический прогресс и развитие экономики неизбежно приведут к изменению нравственных ценностей (Condorcet [1795] 1979). Идея прогресса оказала мощное воздействие на социальную философию, однако с самого момента возникновения этой идеи и вплоть до наших дней существует и противоположное течение, проповедующее неизбежность социального упадка и возврата человечества к новому Средневековью. Подобную «антимодернизационную» концепцию сформулировал, в частности, Эдмунд Берк в своей книге «Размышления о революции во Франции» (Burke [1790] 1999). Томас Р. Мальтус разработал научную теорию демографических катастроф (Malthus [1798] 1970) — предтечу сегодняшних теорий «пределов роста» и экологических рисков (Meadows et al. 1972; Beck 1992).

Наиболее известная версия теории модернизации принадлежит Карлу Марксу (Marx [1858] 1973). Марксистская версия содержала острую критику жестокой эксплуатации трудящихся, характерной для ранних этапов индустриального общества, и утопическое решение этой проблемы, сулившее человечеству мир и свободный труд. Многие из предсказаний Маркса оказались абсолютно неверными. Сегодня практически никто уже не верит в возможность пролетарской революции, которая покончит с частной

собственностью и ознаменует собой «конец истории». Но сам тезис о том, что технические инновации и социально-экономическое развитие ведут к предсказуемым последствиям в сфере культуры и политики, сохраняет свою обоснованность. Когда в 1848 году Маркс и Энгельс опубликовали «Коммунистический манифест», индустриализация затрагивала лишь узкую группу стран, а рабочий класс был малочислен, бессилен и подвергался безжалостной эксплуатации. Маркс и Энгельс доказывали, что индустриализация — это магистральный путь развития, что численность промышленного пролетариата будет постоянно расти и в конечном итоге он захватит власть. Хотя Маркс не смог предугадать возникновения класса трудящихся, занятых в секторе услуг, и появления «экономики знаний», не допустившего предсказанного им численного преобладания пролетариев, в большинстве обществ промышленные рабочие превратились во влиятельную политическую силу, и сегодня большая часть населения планеты живет в странах, либо уже прошедших через процесс индустриализации, либо переживающих его сейчас (Rowen 1996; Barro 1997; Estes 1998; Hughes 1999).

Адам Смит и Карл Маркс выдвинули конкурирующие версии теории модернизации, при этом первый поддерживал капитализм, а второй выступал за коммунизм (Smith [1776] 1976; Marx [1858] 1973). Однако, несмотря на резкое расхождение во взглядах на пути модернизации, оба мыслителя считали технические инновации и их социально-экономические последствия основой прогресса человечества и всеобъемлющего изменения политических институтов и культурной сферы. По этому вопросу Маркс высказывался с особой определенностью, доказывая, что именно социально-экономическое развитие предопределяет изменение ценностных ориентаций: господствующие в обществе ценности и моральные нормы образуют идеологическую «надстройку» над социально-экономическим «базисом», и изменение базиса неизбежно влечет за собой изменение идеологии. Следовательно, ликвидация частной собственности будет означать конец истории — возникнет бесклассовое общество, в рамках которого люди перестанут определять собственную идентичность на основе социальных «линий размежевания» и начнут относиться друг к другу как к равным. В таком эгалитарном бесклассовом обществе восторжествуют гуманистические ценности.

Соревнование между двумя конкурирующими версиями теории модернизации вспыхнуло с новой силой после Второй мировой войны, с появлением капиталистической и коммунистической

сверхдержав, придерживавшихся противоположных идеологических установок относительно пути в будущее. Несмотря на яростную конкуренцию, обе идеологии были ориентированы на экономический рост, социальный прогресс и модернизацию и повлекли за собой расширение участия народных масс в политических процессах (Moore 1966). Более того, поскольку обе стороны считали, что развивающиеся страны третьего мира выберут либо капиталистический, либо коммунистический путь к модернизации, две сверхдержавы изо всех сил старались привлечь их на свою сторону. Однако индустриализация и достижение устойчивого экономического роста оказались делом куда более трудным, чем предполагалось (Randall, Theobald 1998). Большинство бывших колоний осуществить модернизацию не смогли — они оставались нищими, а у власти утвердились коррумпированные режимы. И хотя эти режимы заявляли о приверженности капитализму, коммунизму или «неприсоединению» в качестве модернизационной концепции, в действительности у руля таких стран стояли элиты, ориентированные на присвоение ренты и, вместо того чтобы проводить реформы, превратившие их в «несостоятельные государства» (failed states) ради собственного обогащения (Rueschemeyer et al. 1992).

После войны в Соединенных Штатах возникла еще одна версия теории модернизации, постулировавшая, что низкий уровень развития страны — это прямое следствие ее особенностей, в первую очередь традиционного характера экономики, институтов, психологических и культурных черт (Lerner 1958; Almond, Coleman 1960; Pye, Verba 1963; Almond, Powell 1966; Weiner 1966; Binder et al. 1971; Inkeles, Smith 1974). Согласно этой концепции традиционные ценности не просто преходящи: они могут и должны быть замещены ценностями современными, позволяющими этим обществам двинуться по (практически неизбежному) пути капиталистического развития. Движущей силой этого процесса должны были стать богатые развитые страны, которые возьмут на себя задачу стимулирования модернизации «отсталых» государств за счет экономической, культурной и военной помощи.

Эти аргументы подверглись критике за «перекладывание вины с больной головы на здоровую», поскольку сторонники теории модернизации исходили из постулата о том, что слаборазвитые страны должны взять на вооружение «современные» ценности и институты, чтобы добиться прогресса (см., например: Bradshaw, Wallace 1996). Впрочем, теория модернизации не просто стала объ-

ектом критики: ее объявили полностью несостоятельной. Адепты неомарксистских теорий и концепции «мировых систем» доказывали, что богатые страны эксплуатируют бедные, закрепляя их бессилие и структурную зависимость (см., например: Frank 1966; Wallerstein 1974; Chirot 1977; Chase-Dunn 1989). Слаборазвитость, утверждал Франк, *навязана* им искусственно. Представители этого течения убеждали бедные страны, что их нищета не имеет ничего общего с внутренними проблемами: ее виновник — мировая капиталистическая система. В 1970-х и 1980-х годах теория модернизации, казалось, полностью себя дискредитировала (O'Donnell, 1973), и в моду вошла «теория зависимости» (Cardoso, Faletto 1979). Ее приверженцы утверждали, что страны третьего мира могут избавиться от эксплуатации извне только в том случае, если «уйдут» с мирового рынка и начнут проводить политику импортозамещения.

В последние годы стало очевидно, что стратегия импортозамещения не дает нужного результата. Страны, в наименьшей степени затронутые глобальным капитализмом, не только не выдвинулись на первые позиции в мире, но и демонстрируют *самые низкие* показатели экономического роста (Firebaugh 1992; Firebaugh 1996). Стратегия ориентации на экспорт оказалась более эффективным средством достижения устойчивого экономического роста и даже, в конечном итоге, утверждения демократии (Barro 1997; Randall, Theobald 1998). Маятник качнулся в обратную сторону: теория зависимости вышла из моды, а западно-капиталистическая версия модернизации вернула к себе доверие (Pye 1990). Казалось бы, ускоренное развитие стран Восточной Азии, а затем и демократизация на Тайване и в Южной Корее подтверждают основные параметры этой модели: производство дешевых товаров для мирового рынка «запускает» механизм экономического роста; вложение доходов от экспорта в человеческий капитал создает квалифицированную рабочую силу, способную производить высокотехнологичные товары, экспорт которых приносит еще большие доходы и способствует увеличению численности образованного городского среднего класса; а когда ряды среднего класса достаточно расширятся, сопротивляться его требованиям о переходе к либеральной демократии становится уже невозможно (Diamond L. 1993a; Lipset, Seong, Torres 1993). Теория мировых систем попала под огонь критики. Эванс доказывает, что международная система разделения труда дает развивающимся странам возможность провести необходимые преобразования и изменить свое положение в мировой экономике (Evans 1995). Деятельность транснациональных кор-

пораций в развивающихся странах также не оборачивается теми пагубными последствиями, что приписывают ей сторонники теории мировых систем. В действительности иностранные инвестиции стимулируют рост (Firebaugh 1992) и способствуют повышению благосостояния нации, отчего выигрывают не только элиты, но и массы (Firebaugh, Beck 1994). Хейн, Доллар и Файрбо продемонстрировали, что страны, более активно участвующие в международной торговле и привлекающие больше инвестиций из капиталистических стран, отличаются *более высокими* темпами экономического роста (Hein 1992; Dollar 1992; Firebaugh 1996).

Впрочем, очевидно, что любая упрощенная версия теории модернизации обладает серьезными изъянами. Пересмотр этой теории необходим по ряду причин. Одна из наиболее очевидных связана с тем, что религиозные и этнические традиции, вопреки утверждениям сторонников классических теорий модернизации об их отмирании на Востоке и на Западе, повсеместно демонстрируют чрезвычайную устойчивость. Более того, Хантингтон выдвинул тезис о том, что после окончания холодной войны в основе будущих политических конфликтов будут лежать в первую очередь устойчивые культурные различия, в основном отражающие религиозные традиции разных обществ (Huntington 1996).

Устойчивость традиционных культур

Хантингтон, Патнэм и Фукуяма утверждают, что культурные традиции отличаются чрезвычайной устойчивостью; именно они формируют сегодняшнюю политическую и экономическую практику (Huntington 1996; Putnam 1993; Fukuyama 1995)¹. В то же время авторы теорий модернизации от Маркса и Вебера до Белла и Тоффлера доказывали, что формирование индустриального общества сопровождается последовательным отходом от традиционных ценностных систем². Как это ни парадоксально, верны *оба* утверждения, что мы и постараемся продемонстрировать в настоящей книге.

---

¹ О культуре как самостоятельном источнике влияния см., в частности: Gibson, Duch, Tedin 1991; Putnam 1993; DiMaggio 1994; Gibson, Duch 1994; Miller, Heali, Reisinger 1994; Gibson 1997; Fleron, Ahl 1998; Dalton 1999; Dalton 2000; Crothers, Lockhard 2000; Fukuyama 2000; Inglehart, Baker 2000; Liset, Lens 2000.

² О влиянии экономического развития на культуру см., в частности: Abramson 1989; Inglehart 1990; Inglehart 1997; Diamond L. 1993c; Putnam 1993; Dalton 1994; Reisinger, Miller, Hesli, Maher 1994; Gasiorowski, Power 1998; Rohrschneider 1999; Inglehart, Baker 2000.

В последние годы в области теории социально-экономического развития возникли два противоположных научных течения. Представители первого делают акцент на *конвергенции* ценностей в результате модернизации, которая предстает в качестве главной движущей силы изменений в сфере культуры. Они предсказывают упадок традиционных ценностей и их замену современными (см., например: Meyer, Boli, Thomas, Ramirez 1997; Stevenson 1997). Другое течение подчеркивает *устойчивость* традиционных ценностей, несмотря на изменения в экономике и политике; его представители полагают, что сфера ценностей сравнительно независима от экономических условий (см., например: DiMaggio 1994). Соответственно, сторонники этой научной школы считают повсеместное утверждение некоего набора «современных» ценностей маловероятным; традиционные ценности, по их мнению, останутся самостоятельным фактором влияния на культурные изменения, вызываемые социально-экономическим развитием.

Главный тезис теории модернизации состоит в том, что социально-экономическое развитие ведет к закономерным и до известной степени прогнозируемым изменениям в культурной и политической жизни (Deutsch 1963; Pye, Verba 1963; Stinchcomb 1965; Huntington 1968). Как мы увидим далее, факты свидетельствуют, что социально-экономическое развитие *действительно* подталкивает различные общества в примерно предсказуемом направлении. Исходным моментом социально-экономического развития являются технические инновации, повышающие производительность труда; потом приходит профессиональная специализация, повышение уровня образованности и доходов населения; формы взаимодействия между людьми диверсифицируются, преобладающую роль начинает играть не руководство и подчинение, а договорные отношения; в долгосрочной перспективе все это оборачивается переменами в сфере культуры, такими как изменение гендерных ролей, отношения к власти и сексуальных норм, сокращение рождаемости, более широкое участие народа в политике, формирование общества, более критично настроенного и менее пассивного.

Однако изменения в сфере культуры зависят от исторических особенностей общества. Традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют ярко выраженные «культурные зоны» с собственными ценностными системами — их наличие четко прослеживается даже при всех поправках на результаты социально-экономического развития. Эти

культурные зоны отличаются немалой устойчивостью. Хотя под воздействием мощных сил модернизации ценностные системы разных стран развиваются в одном и том же направлении, вопреки упрощенческим постулатам о глобализации культуры, их конвергенции не происходит (Meyer et al. 1997; Stevenson 1997).

Тем не менее этот на первый взгляд парадоксальный феномен вполне объясним. Если бы все страны мира двигались в одном направлении с одинаковой скоростью, расстояние между ними оставалось бы неизменным: ни о какой конвергенции не могло бы быть и речи. В действительности все, разумеется, обстоит не так просто, но этот пример иллюстрирует важный принцип: постиндустриальные общества переживают динамичные изменения и развиваются в одном направлении, однако, как показывают эмпирические данные, в 2001 году культурные различия между ними были столь же велики, как и в 1981-м³. Хотя социально-экономическое развитие системным образом меняет представления и стремления людей, влияние культурных традиций никуда не исчезает. Системы взглядов обладают чрезвычайной долговечностью и устойчивостью. Ценности могут меняться и меняются, но при этом они продолжают отражать историческое наследие общества. Культурные изменения носят исторически обусловленный характер.

Тем не менее не приходится сомневаться, что социально-экономическое развитие ведет к предсказуемым долгосрочным изменениям. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что по своему мировоззрению и поведению граждане развитых стран резко отличаются от населения стран развивающихся. Другим показателем может служить то, что ценностные системы развитых обществ меняются последовательно и в приблизительно предсказуемом направлении. Эти изменения не являются проявлением некоей усредняющей тенденции — их нельзя приписать, например, воздействию глобальных коммуникационных систем, распространяющих, как утверждается, некий стандартный набор новых ценностей по всему миру. Если бы это было так, во всех обществах, охватываемых этими системами, ценности менялись бы одинаково. Однако, как мы продемонстрируем ниже, этого не происходит. Так, подобные ценностные изменения *не наблюдаются* в обществах, сталкивающихся с резким падением уровня жизни, например в странах бывшего СССР, хотя они и интегрированы в глобальные коммуникационные системы.

3

Подтверждающие этот тезис эмпирические данные представлены в главе 2.

Эти изменения происходят только в том случае, если население страны долгое время живет в условиях экономического благополучия. Социально-экономическое развитие ведет к предсказуемым культурным и политическим изменениям, а коллапс экономики порождает изменения в противоположном направлении.

Эти изменения носят вероятностный характер. Они не подчиняются детерминистским законам, вроде тех, что лежат в основе марксистской теории научного социализма. Более того, культурные изменения нелинейны, в отличие от экономического развития здесь нет постоянного движения в одном направлении; поэтому и «конца истории» быть не может. Так, индустриализация ознаменовалась переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, однако с возникновением постиндустриального общества культурные изменения пошли в другом направлении. После этого переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным замедляется и даже останавливается, зато набирает силу другой процесс — переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в рамках которых люди все больше делают акцент на свободе выбора, личной независимости и творческой самореализации. В период перехода от доиндустриального общества к индустриальному изменения в этом направлении шли медленными темпами, но в условиях постиндустриального общества они становятся преобладающей тенденцией. Авторы различных теорий модернизации связывали изменение ценностей с социально-экономическим развитием, однако они сосредоточивали внимание на утверждении ценностей секулярно-рациональных, а следующей волны изменений, которая вынесла на поверхность ценности самовыражения, предугадать не смогли. Классики модернизационной теории, что вполне объяснимо, не предвидели возникновения эмансипационного импульса, проявившегося на позднейших стадиях модернизации. Этот импульс несовместим с технократическим авторитаризмом, который, по мнению многих теоретиков (и таких писателей, как Джордж Оруэлл), должен был стать итогом модернизации в политической сфере. Вопреки подобным ожиданиям, выход на первый план ценностей самовыражения делает более вероятным результатом политического развития утверждение демократии.

Мур справедливо указал, что индустриальный этап модернизации не обязательно ведет к демократии: здесь возможны различные пути развития событий, включая и авторитарный, фашистский или коммунистический варианты политической мобилизации

масс (Moore 1966). Но в ходе постиндустриальной фазы модернизации распространение ценностей самовыражения формирует социальные силы, скептически относящиеся к власти и способствующие утверждению не только выборной, но, как мы продемонстрируем ниже, и подлинно массовой демократии с «обратной связью».

Прогресс нельзя считать неизбежным. Изменения ценностей, связанные с разными этапами модернизации, носят обратимый характер. Социально-экономическое развитие несет с собой масштабные и приблизительно предсказуемые изменения в сфере культуры, но в ситуации экономического краха их направление меняется на прямо противоположное. Тем не менее именно развитие является преобладающей тенденцией последних столетий: уровень экономического благосостояния большинства стран сегодня существенно выше, чем двести лет назад. Между высоким уровнем социально-экономического развития, культурными изменениями, выдвигающими на передний план личную независимость, творчество и самовыражение, и демократизацией существует четкая логическая связь. В ходе этого процесса сама демократия эволюционирует в сторону большей «отзывчивости». С усилением ценностей самовыражения даже в странах с давними демократическими традициями власть начинает более «отзывчиво» реагировать на предпочтения масс, а политика становится все меньше похожа на «игры» элит, которые вспоминают о народе только в период выборов.

Даже подвергаясь воздействию одних и тех же сил модернизации, разные общества следуют своими траекториями, поскольку их развитие определяют и особые факторы, такие как культурное наследие. Вебер доказал, что традиционные религиозные ценности обладают устойчивым влиянием, а ученые, специализирующиеся в разных дисциплинах, приходят к выводу, что характерные черты культуры сохраняются на долгие периоды времени и оказывают воздействие на политическое и экономическое развитие общества (Weber [1904] 1958). Например, Патнэм показал, что сегодня демократические институты наиболее эффективно функционируют в тех районах Италии, где гражданское общество в целом сформировалось уже в XIX веке и даже ранее (Putnam 1993). По мнению Фукуямы, общества, чье культурное наследие диктует низкий уровень доверия к людям, оказываются в невыгодном положении с точки зрения конкуренции на мировом рынке, потому что им хуже дается развитие масштабных и сложных социальных институтов (Fukuyama 1995). Гамильтон доказывает: хотя глобальный капитализм

утвердился почти повсеместно, цивилизационные факторы по-прежнему определяют организацию экономики и общества. «Глядя на развитие глобальной экономики, мы видим не усиление единообразия в виде универсализации западной культуры, а сохранение цивилизационного многообразия за счет активного обновления и воспроизведения незападных форм цивилизации» (Hamilton 1994: 184). Так, организация капиталистического производства и соответствующие управленческие принципы отличаются ярко выраженной кросс-культурной вариабельностью (DiMaggio 1994; Guillén 1994).

Впечатление, будто мы движемся к нивелированному «миру „Макдоналдсов“», в основном иллюзорно. Как показывают Уотсон и его коллеги, эти вроде бы однотипные закусовые, вырастающие по всему миру как грибы, в разных культурных зонах имеют разное социальное значение и выполняют несхожие социальные функции (Watson 1998). Хотя внешне все почти неотлично, для японца съесть бигмак — совершенно иной социальный акт, чем для американца или китайца. Глобализация в сфере коммуникаций неоспорима. Но именно потому, что проявления этого процесса так бросаются в глаза, его последствия сильно преувеличиваются. То, что молодежь повсюду носит джинсы, общается через Интернет и пьет кока-колу, заметить нетрудно. Сохранение же глубинных ценностных различий не так бросается в глаза, однако оно не менее существенно.

Тот факт, что общество было сформировано протестантской, конфуцианской или исламской культурной традицией, оставляет на нем неизгладимый отпечаток и выводит на путь, продолжающий воздействовать на его развитие даже после того, как непосредственное влияние религиозных институтов слабеет, — это мы наблюдаем сегодня. Так, хотя в протестантских странах Европы сегодня мало кто регулярно ходит в церковь, общества, сформировавшиеся под воздействием протестантизма, по-прежнему демонстрируют характерный набор ценностей и представлений. То же самое верно для традиционно католических, исламских, православных и конфуцианских стран. Тезис о секуляризации верен лишь наполовину. На этапе индустриализации роль религии действительно ослабевает, и даже в постиндустриальных обществах способность традиционных религиозных институтов диктовать волю массам быстро сходит на нет. Однако духовные потребности в широком смысле этого понятия не исчезают — наоборот, их значение только усиливается. Таким образом, хотя в постиндустриальном обществе прежние иерархические церковные институты теряют

популярность, духовная жизнь приобретает формы, все более отвечающие целям самовыражения личности.

Первичность социально-экономического развития

Инстинкт самосохранения присущ каждому живому существу, и, как правило, гарантий выживания не существует. В этом проявляется основной принцип экологического равновесия: численность любой популяции увеличивается, пока существуют избыточные ресурсы для ее пропитания; в дальнейшем же голод, болезни и хищники поддерживают ее на постоянном уровне. На протяжении большей части истории выживание всех живых организмов, в том числе человечества, было под вопросом (Birch, Cobb 1981).

Развитие культуры помогало людям смягчить остроту борьбы за выживание. Буквально во всех традиционных обществах существовали культурные нормы, подавляющие стремления к социальной мобильности. Они обосновывали в глазах бедняков необходимость существующего общественного строя. Более того, культурные нормы, ограничивавшие воспроизводство населения, снижали остроту беспощадной борьбы за выживание, неизбежной в условиях перенаселенности.

Не считая войн и природных катастроф, ничто не затрагивает повседневную жизнь людей сильнее и непосредственнее, чем социально-экономическое развитие и сопутствующие ему изменения (Nolan, Lenski 1999; Carneiro 2003). Социально-экономическое развитие трансформирует основы материального существования и социальную организацию общества (Sen 1999). Оно напрямую воздействует на ощущение жизненной защищенности человека, определяя, можно ли считать его физическое выживание гарантированным. Возникающие угрозы экономического характера сразу же затрагивают основополагающие потребности людей. Из-за этой прямой привязки к выживанию социально-экономическое развитие становится первым звеном причинно-следственной цепочки, определяющей эволюцию общества (Jones 1985).

В силу этого ценности и представления, распространенные в развитых обществах, разительно отличаются от того, с чем мы сталкиваемся в развивающихся странах. Ряд важнейших кросс-культурных вариаций связан с религией, и значение, которое придают ей представители разных обществ, чрезвычайно различается. В аграрных обществах религия занимает в жизни людей центральное место, а в индустриальном обществе — перемещается на периферию. Дру-

гое важное измерение кросс-культурной вариабельности связано с гендерными ролями, значимостью самовыражения и качества жизни; в этой сфере различия также огромны. В некоторых бедных странах 99% населения считает, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, чем женщины; в богатых постиндустриальных обществах лишь немногие согласятся с этим мнением.

Ценностные ориентации устанавливают критерии желательности или нежелательности тех или иных целей. Эта целеполагающая функция превращает ценностные ориентации в мощный мотивационный регулятор поведения людей (Rokeach 1960; Rokeach 1968; Rokeach 1973). Специалисты в области культурной антропологии (Durham 1991; Barkow, Cosmides, Tooby 1992) доказывают, что функция различных ценностных ориентаций заключается в обеспечении «культурного соответствия»: изменение ценностей — это эволюционный процесс, в ходе которого «естественный отбор» проходят те ценности, что в наибольшей степени пригодны для жизни в конкретных жизненных условиях. Этот отбор соответствует закону эволюции: сохраняются и получают распространение те ценности, которые оказываются наиболее эффективными в сложившихся обстоятельствах. Этот эволюционный принцип приводит к двум результатам. Во-первых, преобладающие ценностные ориентации соответствуют преобладающим жизненным условиям. Во-вторых, когда условия жизни меняются, ценностные ориентации, как правило, меняются вслед за ними — но только спустя довольно длительное время, необходимое для осознания изменившихся условий существования и для экспериментирования с новыми жизненными принципами, выявляющего среди них те, что лучше отвечают новой ситуации.

Более того, новые модели поведения берет на вооружение в первую очередь молодое поколение: людям старшего возраста труднее отказаться от глубоко усвоенных привычек и мировоззрения. Но когда новый образ жизни уже сформировался, у последующих поколений появляется выбор между разными образцами для подражания, и они отдадут предпочтение тем, что больше соответствуют их жизненному опыту.

Социально-экономическое развитие играет ключевую роль, поскольку оказывает мощное воздействие на условия жизни людей и их шансы на выживание. Это особенно справедливо для бедных обществ. Самосохранение — настолько основополагающая потребность человека, что, когда оно не гарантировано, все жизненные принципы определяются борьбой за выживание. На повседневную

жизнь людей сильнее влияет тот факт, что среднедушевой доход в обществе, где они живут, составляет 300 или 30 000 долларов, чем наличие или отсутствие в стране института свободных выборов. На протяжении всей истории человечества выживание не было гарантировано, и для большинства людей возможности выбора были ограничены. В последние десятилетия жизнь в постиндустриальных обществах отличается беспрецедентным уровнем защищенности: уровень реальных доходов населения по сравнению с довоенным периодом повысился во много раз; возникло «государство всеобщего благосостояния», обеспечивающее большинству граждан всестороннюю социальную поддержку. Небывало возросла средняя продолжительность жизни: в 1900 году даже в Соединенных Штатах — богатейшей стране мира на тот момент — она составляла лишь 49 лет, а спустя столетие она увеличилась до 78. Сегодня большинство граждан богатых стран с детства считает само собой разумеющимся, что им никогда не придется голодать. Все это фундаментальным образом меняет жизнь людей. Нынешние проблемы, вроде кризиса «государства всеобщего благосостояния», волатильности фондовых рынков и риска потерять работу, серьезны, но они не угрожают жизни людей.

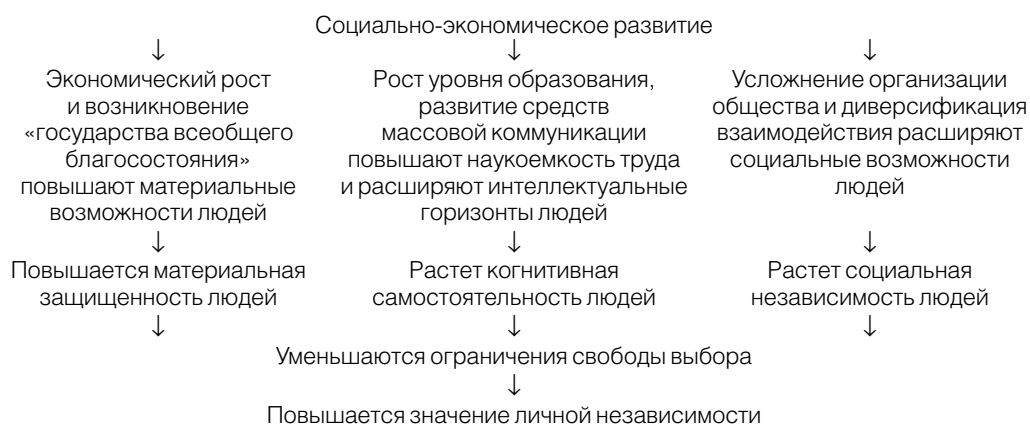
Социально-экономическое развитие оказывает тройное ослабляющее воздействие на объективные ограничения личной независимости людей, их творчества и возможности выбора. Во-первых, с сокращением масштабов бедности ослабляются материальные ограничения свободы выбора и укрепляется чувство личной безопасности. Во-вторых, социально-экономическое развитие ведет к повышению уровня образования и расширяет доступ людей к информации через СМИ (Lerner 1958; Inkeles, Smith 1974; Inkeles 1983). Аналогичным образом, потребности формирующегося «общества знаний» приводят к мобилизации когнитивных способностей людей (Bell 1973; Inglehart 1990). Таким образом, второй значимый результат социально-экономического развития заключается в ослаблении когнитивных и информационных ограничений свободы выбора, что подпитывает ощущение интеллектуальной независимости.

Третьим важным следствием социально-экономического развития является усиление профессиональной специализации и усложнение организации общества, что приводит к диверсификации взаимодействия между людьми. Это растущее разнообразие освобождает людей — освобождает от принудительных общинных связей и жесткости социальных рамок, побуждая к добровольному взаимодействию в более широком масштабе. Эти тенденции

уже давно отмечены социологами, которые выявили переход от «механической» солидарности к «органической» (Durkheim [1893] 1988) и от «общности» к «обществу» (Tönnies [1887] 1955). Аналогичным образом, Зиммель также подчеркивал: контакты людей за пределами замкнутого «социального круга» оказывают на них индивидуализирующее и освобождающее воздействие (Simmel [1908] 1984; см. также: Granovetter 1973). Диверсификация взаимодействия между людьми освобождает их от заданных социальных ролей и социальных связей, дает им самостоятельность в выборе этих социальных ролей и формировании социальных связей с другими. По словам У. Бека (Beck 2002), происходит переход от «вынужденного родства» к «симпатии по собственному выбору». Социализация и общение превращаются в дело добровольное: люди вольны устанавливать и разрывать контакты с кем угодно; размываются жестко заданные гендерные и классовые роли, перед человеком открывается более широкий простор для самовыражения как личности. Короче говоря, третий результат социально-экономического развития — это ослабление социальных ограничений свободы выбора, что формирует в людях ощущение личной независимости в рамках общества.

Повышая уровень материальной защищенности, мобилизуя когнитивные способности и диверсифицируя общение, социально-экономическое развитие сокращает объективные ограничения свободы выбора. Люди обретают большую материальную защищенность, независимость мышления и самостоятельность в общественной жизни. В общем, у людей возникает ощущение большей независимости. Это эмансипационное воздействие социально-экономического развития отражено в таблице 1.1.

Таблица 1.1. ЭМАНСИПАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Два измерения культурных изменений

Можно выделить два этапа воздействия социально-экономического развития на изменения в сфере культуры. Индустриализация кладет начало одному важному процессу культурных изменений: бюрократизации и секуляризации. Возникновение постиндустриального общества запускает второй фундаментальный процесс культурных изменений: движение в сторону рационализации, централизации и бюрократизации сменяется движением к личной независимости и ценностям самовыражения. В обоих случаях меняется отношение людей к власти, но меняется по-разному. Индустриальная стадия модернизации приводит к *секуляризации* власти, а постиндустриальная стадия — к *эмансипации* от власти.

В период индустриализации общество стремится — любой ценой — максимально наращивать производство материальных благ, видя в этом наилучший путь к повышению благосостояния людей. Эта стратегия оказалась чрезвычайно успешной в деле преодоления голода и увеличения средней продолжительности жизни, но в условиях постиндустриального общества ее «отдача» снижается. Постиндустриальная модернизация ведет к фундаментальному изменению экономической стратегии — происходит переориентация от максимального повышения материального уровня жизни на повышение благосостояния людей за счет изменения образа жизни. Главным критерием «хорошей» жизни делается не количество вещей, а «качество впечатлений» (Florida 2002). Выдвижение на первый план ценностей самовыражения меняет политические приоритеты постиндустриального общества: вместо стремления к экономическому росту любой ценой все больше внимания уделяется защите окружающей среды. Кроме того, место классовых конфликтов в качестве главной причины политических разногласий занимают вопросы культуры и качества жизни.

Таким образом, социально-экономическое развитие порождает не одно, а два измерения кросс-культурной вариативности, первое из которых связано с индустриализацией, а второе — с возникновением постиндустриального общества. Оба измерения отражают изменения в отношении людей к власти. Распространение секулярно-рациональных ценностей ведет к секуляризации власти, легитимность которой теперь начинает зависеть не от традиционных религиозных верований, а от светских и рациональных представлений. Но это секулярное мировоззрение не менее догматично, чем прежнее религиозное. Секулярные принципы и доктрины не

всегда противоречат неограниченной политической власти, но могут служить и ее легитимации: пример тому — коммунистическая или фашистская идеология. И напротив, утверждение ценностей самовыражения ведет к эмансипации *от* власти: люди все больше отвергают любое внешнее воздействие, посягающее на их личные права. Власть воплощается в самом человеке.

Индустриализация и утверждение секулярно-рациональных ценностей

Устойчивый экономический рост начинается в процессе индустриализации: объемы производства на этом этапе растут быстрее, чем численность населения (Landes 1998; Bernstein W. 2004). В рамках аграрного общества человечество было заложником необъяснимых и неуправляемых сил природы. Имея самое смутное представление о причинах природных явлений, люди объясняли их вмешательством антропоморфных богов. Подавляющее большинство населения занималось сельским хозяйством и зависело от «воли небес» — солнца и дождя. Люди молились о хорошей погоде, об избавлении от болезней или нашествия насекомых.

В рамках индустриального общества производство перемещается «под крышу», в рукотворную среду. Уже не надо было ждать восхода солнца или наступления теплого сезона; когда темнело, можно было включить свет, а когда становилось холодно — отопление. Необходимость молиться о хорошем урожае отпала: продукцию давали машины, созданные человеческим разумом. С открытием бактерий и антибиотиков даже в болезнях перестали видеть бич Божий — они превратились в проблему, имеющую научное решение. Поскольку технологии позволяли людям все больше контролировать собственную среду обитания, Господь всемогущий перестал занимать центральное место в их жизни.

Переход от доиндустриального общества к индустриальному глубоко изменил быт и мировоззрение людей (Bell 1973; Spier 1996; Inglehart 1997). В доиндустриальную эпоху, как отмечает Белл, жизнь представляла собой «игру против природы», в рамках которой «мировоззрение было обусловлено превратностями стихий — сменой времен года, бурями, плодородием почвы, количеством воды, глубиной залегания рудных жил и угольных пластов, засухами и наводнениями» (Bell 1976: 147). Индустриализация ослабила зависимость от природы, которая воспринималась как арена действия непостижимых сил или антропоморфных духов. Теперь жизнь

превратилась в «игру с рукотворной природой», с техническим, механическим, рационально устроенным, забюрократизированным миром, нацеленным на создание среды обитания и контроль над нею (Bell 1976: 147). По мере усиления технического контроля над окружающей средой роль Бога и религии становилась все меньше. Зачем молиться Всевышнему о ниспослании урожая, если располагаешь удобрениями и инсектицидами? Возникли материалистические идеологии, связанные со светским истолкованием истории и секулярными утопиями, достижение которых должно было осуществляться за счет «инженерии человека» под руководством рационально организованных бюрократических структур. Но идеологии эти были догматичны не менее, чем сама религия, поскольку отражали принцип жесткой дисциплины и стандартизации, на основе которого в индустриальном обществе организуется использование трудовых ресурсов и жизнь в целом (Whyte 1956; Florida 2002). Поэтому распространение секулярно-рациональных ценностей не привело к ослаблению власти: просто ее легитимность вместо традиционной религиозной основы обрела основу секулярно-рациональную. Новым источником власти в «механизированном» мире стали рациональные факторы — наука и сопутствующая ей вера в технический прогресс.

Причиной упадка традиционных религиозных представлений в индустриальном обществе стала крепнущая уверенность в способности человека добиться господства над природными стихиями — исчезла психологическая зависимость от сверхъестественных сил. В предыдущие эпохи, когда мир был полон неопределенности, а люди едва могли поддерживать собственное существование, вера в то, что в конце концов все будет хорошо благодаря непогрешимой высшей силе, отвечала важной психологической потребности. Одна из ключевых функций религии заключалась в том, что она давала некое чувство уверенности в этой обстановке неопределенности. В условиях физической и экономической незащищенности эта потребность обостряется: старая поговорка «В окопах не бывает атеистов» отражает тот факт, что на войне людям, чья жизнь подвергается опасности, нужна вера в высшую силу. Но когда промышленное производство растет быстрее, чем численность населения, а научный прогресс обеспечивает рост продолжительности жизни, потребность в уверенности того типа, что традиционно давала религия, слабеет.

В доиндустриальном мире люди были почти не властны над природой. Это отсутствие реального контроля они пытались ком-

пенсировать обращением к метафизическим силам, властвующим, по их мнению, над миром: молитва и поклонение считались способом влиять на собственную судьбу; кроме того, легче смириться со своей беспомощностью, когда знаешь, что все в руках некоего всемогущего существа, чью милость можно заслужить, следуя жестким и предсказуемым правилам поведения. Таковы основные функции религии в мире, где люди не контролируют или почти не контролируют собственную среду обитания. Индустриализация необычайно усиливает непосредственный контроль человека над условиями, в которых он живет и работает. Это подрывает традиционную функцию религии — внушать уверенность в непредсказуемом мире.

Но в то же время индустриализация не укрепляет в людях ощущение личной независимости, потому что индустриальные общества организованы на началах дисциплины и регламентации. В этих обществах люди — и особенно фабричные рабочие — принадлежат к однородным общественным классам, с жесткими рычагами социального контроля и стереотипами «соответствия норме». Жизнь в индустриальном обществе столь же стандартизирована, как и массовая продукция его заводов. Массовая дисциплина, свойственная индустриальному обществу, манипулирующему армиями наемных рабочих, перемещающихся из казарм-общежитий к конвейерам и обратно, создавала потребность в жестких нормах поведения. И хотя религиозные догмы были заменены светскими, индустриализация не эмансипировала людей от подчинения власти. Стандартизация жизни по образцу промышленного производства не оставляла места для ценностей самовыражения.

Постиндустриальное общество и распространение ценностей самовыражения

Возникновение постиндустриального общества несет с собой новую волну изменений в сфере культуры, но теперь события развиваются в другом направлении. В Соединенных Штатах, Канаде, Западной Европе (а теперь и в некоторых странах Восточной Азии) большая часть занятых уже не принадлежит к числу промышленных рабочих. Все больше людей живут теперь не в окружении машин: на работе они имеют дело с другими людьми, символами и информацией. Сегодня целью усилий человека стало не столько производство вещей, сколько общение с другими людьми и обработка информации: важнейшими видами продукции стали инновации, знания и идеи. Самым значительным фактором производства становится

творчество человека (Florida 2002). В XIX веке в Соединенных Штатах в сельском хозяйстве было занято 80% рабочей силы, сегодня — всего 2%. В начале XX века основой американской экономики было промышленное производство; сегодня же США превратились в «общество знаний», которое только на компьютеры тратит много больше, чем на все промышленное оборудование. Одним из ключевых аспектов этого изменения в характере экономики является то обстоятельство, что сегодня люди в своей трудовой деятельности обладают куда большей самостоятельностью, чем промышленные рабочие прошлого. Рутинные задачи все в большей степени передаются компьютерам и роботам. Работники в «секторе экономики знаний» перестали быть шестеренками огромного механизма; в их профессиональные обязанности входит принятие самостоятельных решений. Даже в «периферийных» отраслях, связанных с ручным трудом, люди обладают большей свободой в выполнении своих задач, чем рабочие сборочных цехов индустриальной эпохи.

Постиндустриальная эпоха ослабляет объективные ограничения свободы выбора за счет трех основных факторов. Во-первых, постиндустриальные общества достигли небывало высокого уровня экономического процветания, и современное «государство всеобщего благосостояния» способно при необходимости обеспечить едой, одеждой, крышей над головой, образованием и медицинской помощью почти каждого. Даже в Соединенных Штатах, где система соцобеспечения носит сравнительно ограниченный характер, более четверти ВВП перераспределяется государством на социальные нужды. Несмотря на некоторое сокращение социальных льгот в последние годы, никогда и нигде в прошлом большинство населения не жило в условиях такой защищенности и обеспеченности, как в постиндустриальных странах. Большинству жителей этих обществ гарантированы физическое выживание, определенный прожиточный минимум и средняя продолжительность жизни, составляющая почти 80 лет. Беспрецедентно высокая степень физической защищенности позволяет людям все больше сосредоточивать внимание на том, что не связано с непосредственным выживанием.

Во-вторых, хотя распространение всеобщей грамотности связано с индустриальной эпохой, именно в условиях постиндустриального общества начался масштабный процесс мобилизации познавательных способностей людей. Современная «экономика услуг» все больше требует от людей когнитивных навыков. Ученые, инженеры, учителя, писатели, юристы, бухгалтеры, консультанты

и аналитики — все они принадлежат к «креативному классу» (Florida 2002), чьи представители «работают со знаниями», выполняют аналитические задачи и используют информационные технологии. В своей трудовой деятельности они обладают высоким уровнем самостоятельности, даже если работают в каких-либо иерархических структурах. Более того, потребность в когнитивных навыках повысила спрос на высшее образование, и в результате во всех постиндустриальных обществах значительно вырос уровень образованности населения. Образование придает людям большую интеллектуальную независимость, ведь им уже не приходится полагаться на картину мира, созданную другими. Достаточный уровень образования и практический опыт все больше помогают человеку выработать в себе способность к самостоятельному принятию решений (Bell 1973; Bell 1976). Типичные для фабричного производства жестко регламентированные рутинные ручные операции не требовали от работника самостоятельных решений, да и не позволяли ему их принимать. Работники современной «экономики знаний» и сектора услуг имеют дело с людьми и идеями, они действуют в обстановке, где способности к нестандартному мышлению и свободным самостоятельным суждениям просто необходимы. Важнейшее значение приобретают творчество, воображение и интеллектуальная независимость. К тому же развитие средств массовой информации и современных информационных технологий открывает людям беспрепятственный доступ к информации, повышая уровень их независимости в этой сфере. Таким образом, рост образованности людей, повышение требований когнитивного и информационного характера в сфере экономической деятельности и распространение знаний через средства массовой информации делают людей более независимыми в интеллектуальном плане, что уменьшает когнитивные ограничения свободы выбора.

В-третьих, возникновение постиндустриального общества оказывает эмансипационное воздействие в социальном отношении. «Экономика услуг» строится на принципах, прямо противоположных дисциплине и стандартизации, на которых строилась повседневная деятельность людей в рамках индустриального общества. В индустриальную эпоху система массового производства подразумевала жесткий централизованный контроль над рабочей силой; работники были объединены в плотно спаянные группы, что требовало от людей быть «такими, как все». В рамках постиндустриального общества, напротив, преобладает отход от стандартизации в хозяй-

ственной и общественной жизни. Гибкая организация основанной на услугах экономики и предоставляемая ею работникам самостоятельность распространяются на все сферы жизни: контакты между людьми все больше освобождаются от уз, налагаемых принадлежностью к тесно сплоченным группам, позволяя без помех устанавливать и разрывать социальные связи. Возникновение «государства всеобщего благосостояния» подкрепляет эту тенденцию к социальной индивидуализации (Beck 2002). В прежние времена благосостояние детей преимущественно зависело от помощи родителей, и дети, в свою очередь, опекали родителей, достигших преклонного возраста. Сегодня, хотя роль семьи по-прежнему значительна, благодаря «государству всеобщего благосостояния» взаимопомощь между родителями и детьми уже не является вопросом жизни и смерти. Сегодня семейные отношения поддерживаются по доброй воле, а не по необходимости. В нынешних условиях бездетная старость и неполные семьи уже не считаются такой трагедией, как в прошлом. Прогнозы Дюркгейма, Тённиса и Зиммеля (Durkheim [1893] 1988; Tönnies [1887] 1955; Simmel [1908] 1984) все больше превращаются в реальность: социальные контакты строятся не по принципу «вынужденного родства», а на основе «симпатии по собственному выбору» (Beck 2002). Это придает людям большую независимость, ослабляет социальные ограничения свободы выбора.

Постиндустриальный этап еще больше улучшает условия существования, чем индустриальный: экономически люди более защищены, интеллектуально — более самостоятельны, а в социальном плане более независимы, чем когда-либо. Этот процесс эмансипации дает людям ощущение самостоятельности, в результате чего они начинают придавать большее значение свободе выбора и менее склонны безропотно подчиняться власти, авторитетам и догматическим «общепринятым истинам». Порожденный индустриализацией сдвиг от традиционных ценностей к секулярно-рациональным привел к секуляризации власти. Но порожденный переходом к постиндустриальному обществу сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения обернулся эмансипацией *от* власти и авторитетов.

С индустриализацией пришли способность контролировать среду обитания, ослабление преклонения перед высшими силами и утверждение секулярно-рациональных ценностей. В то же время она не приводит к укреплению личной независимости, не побуждает людей ставить под сомнение принцип абсолютной власти, сохранившийся в светских идеологических доктринах. Постинду-

стриальная эпоха, напротив, дает людям ощущение личной независимости, порождающее у них сомнения в авторитете власти, догматизма и иерархических структур, как религиозных, так и светских. А поскольку выживание теперь стало приниматься как данность, люди стали более критично относиться к техногенным рискам и бережнее — к природе. Результатом стал не возврат к догматическим религиям, а возникновение новых форм духовной жизни и идеализма.

Таблица 1.2. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНДУСТРИАЛЬНОГО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ЭТАПОВ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЦЕННОСТИ

В таблице 1.1 противопоставлены культурные изменения, происходящие в ходе индустриального и постиндустриального этапов модернизации. Для обеих фаз характерны экономический рост и повышение материального благосостояния, что усиливает у людей чувство жизненной защищенности. Уверенность в завтрашнем дне способствует утверждению как секулярно-рациональных ценностей, так и ценностей самовыражения. Соответственно, обе группы ценностей распространяются на обоих этапах модернизации. Однако, несмотря на свойственное обеим фазам усиление чувства жизненной защищенности, они различаются по той степени, в которой способствуют росту личной независимости, что и отражено в сравнительной динамике двух групп ценностей.

На этапе индустриализации растущая уверенность в способности человека покорить природу связана с механистическим мировоззрением, что делает излишней функцию религии — умиловать сверхъестественные силы. Механистическое мировоззрение укрепляет тенденцию к распространению секулярно-рациональных ценностей, порождаемых все большей физической защищенностью человека. Но в индустриальном обществе деятельность

людей по-прежнему подчинена иерархическому порядку и жесткой регламентации: экономические ограничения уже слабеют, но социальные все еще в силе. В силу этого в процессе индустриализации чувство жизненной защищенности не в полной мере превращается в общее ощущение самостоятельности и независимости, а значит, мощные барьеры на пути распространения ценностей самовыражения сохраняются. Поэтому индустриализация в полной мере обеспечивает сдвиг к секулярно-рациональным ценностям, но лишь в незначительной степени — к ценностям самовыражения.

На постиндустриальном этапе экономическое благосостояние продолжает расти, что еще больше укрепляет чувство уверенности в завтрашнем дне. Кроме того, в экономической и общественной жизни происходит отказ от стандартизации, что ведет к беспрецедентному ослаблению социальных ограничений. В этой фазе ощущение физической защищенности *переходит* в более широкое чувство самостоятельности и личной независимости. При этом светские догмы, возникшие в индустриальную эпоху, размываются по мере распространения ценностей самовыражения. В постиндустриальном обществе ускоряется утверждение ценностей самовыражения и одновременно замедляется секулярно-рациональная тенденция.

Индивидуализированные формы духовной жизни

По мере того как растет роль знаний, сокращается число тех, кто повседневно испытывает определяющее воздействие механистического мира заводского производства. На работе и в жизни человек все больше имеет дело с другими людьми и идеями, а не с вещами. Главным орудием труда становится компьютер, а компьютер — в чем-то сродни волшебной палочке, ведь он создает почти бесконечное множество виртуальных миров. В обществе знаний производительность труда зависит не столько от материальных ограничений, сколько от идей и воображения. Это создает атмосферу интеллектуального творчества и вдохновения, духовные вопросы вновь выходят на первый план. Хотя авторитет традиционных церквей продолжает слабеть, последние двадцать лет в постиндустриальных обществах люди все чаще размышляют о смысле и цели жизни. Считать ли это возрождением религиозности? Это зависит от того, как человек определяет религию, но ясно, что материалистическая секулярность, свойственная индустриальному этапу, идет на спад. Происходит сдвиг от институционально фиксированных

форм догматической религии к индивидуализированным и гибким формам духовной жизни. Даже религиозные убеждения стали вопросом выбора, творчества и самовыражения.

Чувство непрочности бытия никогда не было единственным фактором религиозности. Человеку по определению присуще стремление понять, откуда мы пришли, куда идем, зачем существуем, и эти вопросы всегда волновали философов и теологов. Но на протяжении почти всей истории человечества жизнь людей проходила под знаком простого самосохранения, а потому «большие» богословские вопросы представляли важность лишь для незначительного меньшинства. Подавляющее большинство населения нуждалось в ободрении и ощущении предсказуемости мира, в котором люди имели весьма слабый контроль над средой обитания — и именно это в первую очередь обеспечивало традиционным религиям влияние на массы.

Хотя в постиндустриальном обществе традиционные церкви (как и большинство других бюрократических организаций, от профсоюзов до политических партий) продолжают терять приверженцев, мы не видим признаков того, что люди утрачивают интерес к духовным вопросам в широком понимании этого слова. Напротив, если сравнить результаты Values Survey 1981 года с данными, полученными в 1989–1991, 1995–1997 и 1999–2001 годах, мы обнаружим, что в постиндустриальных обществах люди больше задумываются о смысле и цели жизни, чем прежде. Сама религия не отмирает. Мы наблюдаем лишь изменение ее функции: место институционализированной догматической религиозности, обеспечивавшей непреложное соблюдение поведенческих кодексов в условиях непредсказуемого мира, занимают индивидуализированные духовные запросы, удовлетворяющие потребность в осмысленности существования в обществе, где никому уже не грозит голодная смерть.

В условиях индустриального общества, казалось, сулившего человеку неограниченную власть над природой, и светских идеологий, обещающих прямую дорогу к утопии, могло возникнуть впечатление, что религия утратила свое значение. Однако в постиндустриальных обществах люди все острее осознают ограниченность возможностей науки и технологий и опасности, связанные с их развитием. В результате в центре внимания вновь оказались вопросы о связи между человеческой цивилизацией и природной средой, изначально ставившиеся в религиозном контексте. Нагляднее всего это проявляется в спорах об этических аспектах генной инженерии, биотехнологий и других технических инноваций (Gaskell, Bauer 2001).

Усиление личной независимости подрывает потребность в догматических ориентирах и жестком авторитете, как религиозного, так и светского порядка. Значение духовных вопросов снова увеличивается. Это возрождение связано с обострившимся осознанием рисков, связанных с развитием цивилизации (Giddens 1990; Giddens 1991; Beck 2002). Все больше людей сегодня обладают необходимым временем, знаниями и уровнем образования, чтобы понять: процесс модернизации наделил человечество гигантскими возможностями воздействовать на природу, позволяющими ему даже уничтожить саму жизнь на планете. Это понимание вырабатывает у людей уважение к жизни во всех ее проявлениях и уверенность в необходимости ограничения научной мысли. В результате возникают новые формы духовной жизни, многие из которых связаны с идеей нового равновесия между человеком и природой. По словам Гидденса, постиндустриализация придает современному человеку склонность к «самоанализу» (Giddens 1991). При этом место институционализированной догматической религиозности занимают индивидуализированные духовные запросы. Независимо от того, носит этот феномен религиозный характер или нет, он выполняет новую функцию — не устанавливает непреложные нормы поведения, а придает жизни человека осмысленность.

Эгоцентрическое и гуманистическое восприятие угроз

Неопределенность всегда сопровождает жизнь людей — в том числе и в условиях постиндустриального общества, как это убедительно продемонстрировал Бек (Beck 1992), — и основополагающие идеи экологического движения представляют собой новую форму восприятия рисков, с которыми сталкивается человечество. Однако представления о рисках в постиндустриальном обществе фундаментальным образом отличаются от беспокойства о простом выживании, сопровождавшего жизнь людей на доиндустриальном и индустриальном этапах развития. В те времена голод и дефицит материальных благ представляли непосредственную угрозу физическому выживанию человека, в чем он убеждался на собственном опыте. Для восприятия такого рода угроз не нужны особые знания или интеллектуальные способности — голод сам дает о себе знать.

Риски, существующие в постиндустриальном обществе, напротив, носят абстрактный характер. Они не основаны на непосредственном опыте, а требуют интеллектуального осмысления. Да-

же специалисты-профессионалы расходятся друг с другом в вопросе о темпах и последствиях глобального потепления. Риски, связанные с новыми технологиями, например генной инженерией, имеют долгосрочный характер и общечеловеческий масштаб, но здесь и сейчас отдельному индивиду они ничем не грозят. Такого рода угрозы не ощущаются немедленно, для их понимания необходим высокий уровень информированности и способность разбираться в сложной аргументации. Таким образом, восприятие подобных угроз «конструируется» обществом. В результате значительная часть населения может их попросту игнорировать или воспринимать как гипотетические. Ничто не заставляет людей в повседневной жизни учитывать опасности, связанные с глобальным потеплением или клонированием живых существ. Но эта же защищенность от непосредственных угроз позволяет людям задумываться о проблемах, которые их напрямую не касаются. Высокая степень жизненной защищенности и личной независимости помогает людям расширять собственный кругозор и обеспечивает более высокий уровень восприятия рисков. Подобная форма восприятия рисков является результатом интеллектуальных усилий людей, которые чувствуют себя относительно защищенными, а потому могут уделить время и энергию проблемам, не угрожающим им непосредственно. Личная защищенность и независимость ослабляют эгоцентризм и усиливают гуманистическую ориентацию (homocentrism) (Maslow [1954] 1988).

Из всех аспектов этого процесса наиболее полными данными мы располагаем о сдвиге от материалистических приоритетов к постматериалистическим — переходе первостепенной роли от вопросов материальной и личной защищенности к проблемам самовыражения и качества жизни. Этот процесс утверждения постматериалистических ценностей прослеживается ежегодно с 1970 года по сей день посредством опросов, проводящихся в ряде западных стран (соответствующие фактические данные представлены в главе 4). Носители постматериалистических ценностей экономически защищены лучше, чем материалисты, но они намного восприимчивее к экологическим опасностям. Жизненная защищенность повышает способность к сопереживанию и усиливает осознание угроз долгосрочного порядка. Утверждение ценностей самовыражения формирует *гуманистическое* восприятие угроз. Оно фундаментальным образом отличается от *эгоцентрического* восприятия угроз, лежащего в основе ценностей выживания.

Изменение ценностей как культурный процесс

Люди всегда нуждались и всегда будут нуждаться в пище. Акцентирование ценностей самовыражения не означает, что с материальными стремлениями покончено. Но преобладающие экономические ориентиры постепенно пересматриваются. Те, кто трудятся в «секторе знаний», по-прежнему стремятся зарабатывать побольше, но теперь им не менее важно, чтобы работа была интересна и оставляла время для досуга (Florida 2002). Потребление все меньше определяется необходимостью поддерживать силы и практической пользой от потребляемых вещей. Даже в питании все большее значение приобретают нематериальные аспекты. Люди готовы платить дороже, чтобы попробовать экзотические блюда, стремясь к новым интересным впечатлениям и знакомству с образом жизни других народов. В постиндустриальных обществах все большее распространение получает «политизация потребления», например бойкот товаров, при производстве которых не соблюдаются экологические или этические нормы. Потребление все меньше является вопросом удовлетворения первостепенных нужд и все больше определяется образом жизни — и свободой выбора.

Мировоззрение и ценностные ориентации людей отражают их жизненный опыт. Ценностные ориентации функциональны: это своего рода «указатели», позволяющие выстраивать жизнь в соответствии с конкретными условиями (Durham 1991; Mark 2002). Культурные нормы интернализируются в раннем возрасте и подкрепляются санкциями внерационального порядка. Воздействие этих санкций связано не с их логичностью: они имеют эмоциональную природу, и потому нарушение норм возбуждает чувство вины и стыда, а это более надежный регулятор поведения, чем чисто правовые санкции (Lal 1998).

Негативное отношение к разводу не сводится к рациональному расчету потерь и выгод. Традиционные системы ценностей придают вопросу о разводе настолько эмоциональный характер, что в глазах людей он становится проблемой борьбы добра и зла. Нормы, ограничивающие действия людей даже в тех случаях, когда рациональные интересы диктуют им иные поступки, внушаются в качестве непреложных истин и укореняются настолько глубоко, что нарушители испытывают муки совести. Такого рода социальные нормы обладают значительной инерцией. Тот факт, что функция того или иного культурного стереотипа ослабла или даже вовсе сошла на нет, еще не означает, что и сама норма исчезла.

Но когда норма теряет практический смысл, ее действие постепенно ослабевает. Люди начинают экспериментировать с новыми идеями и нормами, меняя свой образ жизни. Новые поколения попадают в ситуацию столкновения старых и новых норм и образов жизни, у них появляется возможность выбора между альтернативными образцами для подражания. И если новое мировоззрение соответствует основополагающему жизненному опыту нового поколения, оно принимается. Так в процессе смены поколений происходит и вытеснение прежних ценностей, образов жизни и поведенческих образцов новыми.

Нормы, связанные с сохранением полной гетеросексуальной семьи, сегодня явно ослабевают. Это обусловлено рядом причин — от возникновения «государства всеобщего благосостояния» до резкого сокращения детской смертности, а это означает, что каждая пара теперь не должна производить на свет четверых-пятерых детей ради простого воспроизводства населения. Можно ожидать, что в этой сфере начнется широкое экспериментирование и постепенно возникнут новые, не совпадающие с традиционными формы поведения; скорее всего, в первую очередь на вооружение их возьмет молодежь, а не старшее поколение, обеспеченные слои, а не бедняки, люди с высоким, а не низким уровнем образования и те, чьи контакты с другими людьми отличаются разнообразием, а не замкнуты на тесно сплоченную социальную группу.

Изменение ценностей как исторический процесс

Модернизация — процесс нелинейный, и динамика культурных изменений отнюдь не напоминает ровный путь от индустриализации к «концу истории». Изменения в культурной сфере меняют свою направленность в ответ на масштабные сдвиги в условиях существования людей. Так, начало индустриализации не ознаменовалось выраженным переходом к ценностям самовыражения. Более того, в некоторых доиндустриальных обществах личной независимости, составляющей основу ценностей самовыражения, судя по всему, придавалось даже большее значение, чем в индустриальных. В индустриальную эпоху первостепенное внимание уделяется накоплению материальных благ и экономическому росту, а массовое конвейерное производство требует слаженности и дисциплины, а не индивидуального творчества и самовыражения. Стандартизация труда в «фордистскую» индустриальную эпоху формировала рутинность и дисциплину — на работе, в частной жизни и деятельности

государственных бюрократических структур (Whyte 1956). Более того, именно благодаря солидарности, основанной на соответствии групповым нормам, рабочее движение превратилось во влиятельную силу. Доиндустриальные общества свободных крестьян и вольных торговцев допускали бóльшую степень личной самостоятельности, чем индустриальные, да и сама концепция прав человека родилась в доиндустриальную эпоху — в ходе Английской, Американской и Французской революций, где главными действующими силами были купечество и свободное крестьянство. В отличие от промышленных рабочих свободные крестьяне и купцы в доиндустриальных капиталистических обществах обладали значительной свободой выбора в своей повседневной деятельности, а это — ключевое условие для возникновения ценностей самовыражения.

Это был не первый случай в истории, когда направление изменений в сфере культуры менялось. Возможно, сдвиги в соотношении между ценностями выживания и самовыражения происходили и раньше. Так, Эмбер и Эмбер утверждают, что экономическая деятельность в первобытных обществах, занимавшихся охотой, скотоводством и рыболовством, была менее рутинной и открывала больше возможностей для личной инициативы, чем это было возможно в аграрных империях с их «принудительным трудом» (Ember, Ember 1996), где личная независимость человека была сведена к минимуму (Wittfogel 1957; Diamond J. 1997). Другие авторы также полагают, что в обществах охотников и собирателей акцент на ценностях, связанных со свободой, был выражен намного ярче, чем в аграрных империях, чье существование опиралось на коллективную дисциплину, групповые нормы и тезис о божественной природе власти (McNeill 1990; Nolan, Lenski 1999). Политические выводы из сказанного очевидны; стоит отметить только, что общества охотников и собирателей были сравнительно свободны, эгалитарны и демократичны, а основным признаком аграрных империй являлось деспотическое правление (McNeill 1990; Diamond J. 1997; Ember, Ember, Russett 1997; Nolan, Lenski 1999).

Впрочем, не все аграрные общества превратились в деспотические империи, опиравшиеся на принудительный труд. Последнее было характерно для «пойменных государств» (Wittfogel 1957) в цивилизационном «поясе», протянувшемся от Египта до Древнего Китая, где для обуздания больших равнинных рек с их катастрофическими разливами требовались масштабные ирригационные работы, организация которых создала условия для централизации

и концентрации власти. А вот в Западной Европе, в области «дождевого земледелия», где к позднему Средневековью урожайность очень выросла, возникла система семейных ферм с правами собственности и широким доступом к рынку, что обеспечивало людям независимость в их повседневной деятельности (Jones 1985; Hall 1989; Landes 1998)⁴. Не случайно именно в этих краях в начале Нового времени возникли философия гуманизма, концепция прав человека и пусть ограниченная, но демократия (Moore 1966; Huntington 1968; Dahl 1973; Jones 1985; Downing 1992)⁵.

---

4 Как утверждают Джонс и Лал, в условиях дождевого земледелия соотношение между трудовыми и земельными ресурсами способствует человеческому развитию сильнее, чем в условиях земледелия пойменного (Jones 1985; Lal 1998). В Китае и на территории Плодородного полумесяца (условное название региона на Ближнем Востоке — Междуречья, Леванта и долины Нила, — в котором в зимние месяцы наблюдается повышенное количество осадков. — *Примеч. пер.*) почва плодороднее, чем в северо-западной Европе, но в Европе была достигнута более высокая производительность труда. Высокая производительность труда означает, что именно труд в обществе ценится, а это повышает экономическую значимость индивида. Когда в позднем Средневековье, в период Торговой революции экономическая ценность индивида повысилась, выросла и моральная значимость личности, что нашло отражение в философии гуманизма. Если дождевое земледелие в большей мере способствовало человеческому развитию, то земледелие пойменное оказалось богатой питательной почвой для строительства империй — и большие, мощные аграрные империи возникли и возобладали над небольшими обществами с дождевым земледелием (McNeill 1990). Редкими исключениями явились классическая Греция и Западная Европа периода позднего Средневековья, и именно здесь выработалась «эмансипационная этика» и демократия, опиравшаяся на гражданские и политические свободы.

5 Под демократией мы понимаем систему управления, основанную на общественном договоре (зачастую в форме конституции), защищающем личную независимость граждан путем предоставления им гражданских и политических прав. Понятие «ограниченная демократия» означает, что гражданские и политические права предоставляются в соответствии с имущественным цензом или какими-либо другими критериями. Демократия в ее нынешнем виде — это продукт исторической эволюции. Очевидным примером здесь являются избирательные права женщин. По сегодняшним стандартам Афины времен Перикла не являлись демократическим государством, потому что всей полноты гражданских прав не имело большинство взрослого населения (женщины, рабы и иностранцы). Однако демократический строй всегда основывался на ограничении власти за счет гражданских и политических прав, которыми наделялась значительная часть населения — обычно свободные крестьяне и купцы. Этим демократия фундаментальным образом отличается от всех других форм правления. В истории ограниченные варианты демократии представлены «протодемократическими» шумерскими городами-государствами, республиками на севере Индии в VI веке до н. э., Афинской и Римской республиками, а также средневековыми Исландией, Швейцарией, государствами Северной Италии, Нидерландами, Англией и Скандинавией (McNeill 1990; Downing 1992; Midlarski 1997; Lal 1998; Finer 1999).

В традиционных обществах социализация проходит в рамках тесно сплоченных групп, связанных узами, побуждавшими людей сотрудничать ради выживания своей группы. Действовавшие нормы поведения ограничивали внутригрупповое насилие, обязывали людей подчиняться дисциплине и иерархии, подавляли стремления к социальной мобильности. Ограничению внутригруппового насилия способствовало в частности то, что бедных учили мириться со своим положением в обществе (чем они могли заслужить спасение в другом мире). В то же время другие нормы подчеркивали необходимость щедрости и благотворительности для зажиточных, а накопление личного состояния порицалось как проявление алчности.

В XIV–XV веках развитие новых технологий, в частности водяных мельниц, привело к появлению излишков сельскохозяйственной продукции и положило начало Торговой революции в Западной Европе (Lal 1998). Сельское хозяйство все больше приобретало коммерческий характер, что создало предпосылки для появления среднего класса в деревне и городе и совершенствования прав собственности. По темпам роста производство начало обгонять увеличение численности населения (Tilly 1997). Развитие доиндустриального капитализма в XIV и XV веках обеспечило позитивное отношение к идеям протестантизма, особенно к кальвинизму. Кальвинизм, поощрявший накопление капитала и его вложение в производство, способствовал расцвету обществ, опирающихся на коммерцию (Landes 1998). В итоге традиционное предубеждение против накопления сошло на нет, уступая место меркантилистскому мировоззрению. Уровень жизни оставался достаточно низким, но фермеры и торговцы Западной Европы обладали большей независимостью в своей повседневной деятельности, чем крестьяне и купцы в странах Восточной Европы и азиатских цивилизациях от Ближнего Востока до Китая с их режимом принудительного труда.

Эмансипационная этика гражданственности, создавшая предпосылки для либеральных революций доиндустриальной эпохи и ограниченной демократии, не получила «линейного» развития в период индустриализации, сопровождавшейся наделением трудящихся избирательными правами, но далеко не всегда — утверждением демократии (Rueschemeyer et al. 1992). Зачастую результатом всеобщего избирательного права становился приход к власти коммунистических и фашистских режимов. В индустриальную эпоху

наибольшая вероятность создания полноценного демократического строя существовала в тех странах, где он уже присутствовал в ограниченном виде (Huntington 1968; Dahl 1973).

Ситуация изменилась с возникновением постиндустриального общества. Оно обеспечивает индивиду куда более высокий уровень материальной обеспеченности и независимости, что способствует распространению ценностей самовыражения. Соответственно, в эту эпоху вероятность торжества демократии над коммунизмом, фашизмом и иными формами авторитарных режимов усиливается.

Познание и опыт как источники изменения ценностей

В корректировке нуждается и другой аспект классической теории модернизации: необходимо избавиться от одностороннего выпячивания когнитивных факторов в качестве движущей силы изменений в сфере культуры. Вебер объяснял утверждение светского рационалистического мировоззрения распространением научного знания. Благодаря научным открытиям традиционные религиозные объяснения попросту устарели, и по мере распространения научных представлений о мире религия неизбежно начала отступать перед разумом. Бог умер, и «убила» его — или добывает — именно наука. Другие теоретики модернизации доказывали, что ее движущей силой является образование: в любой стране современные представления о мире характерны для наиболее образованных людей, и с ростом уровня образования религиозное мировоззрение неизбежно отступает перед секулярно-рациональным (Lerner 1958; Inkeles, Smith 1974; Inkeles 1983).

Этот акцент на роли познания отражает один из важных аспектов процесса — но не весь процесс целиком. На мировоззрение людей как минимум не меньшее влияние оказывает практический опыт — ведь исходя из него человек определяет, насколько гарантировано его физическое выживание. Повышение уровня «официального» образования связано с утверждением как секулярно-рациональных ценностей, так и ценностей самовыражения. Однако высокий уровень образования свидетельствует не только о степени усвоения научных знаний, логики и гуманистических идеалов. Он также говорит о том, что детство и юность человека — период, когда он получает образование, — прошли в условиях сравнительной защищенности. Так, в любой стране мира у выходцев из материально обеспеченных семей больше шансов получить высшее образование.

Высокий уровень образования — это показатель того, что человек вырос в условиях материальной обеспеченности, что физическое выживание он воспринимал как данность, а потому высоко ценит независимость, свободу выбора и самовыражения. Практически во всех странах, где проводились социологические опросы по программе Values Survey, люди с университетским образованием придают самовыражению большее значение, чем население в целом. Это отражает тот факт, что высокообразованные люди происходят из более привилегированных слоев, воспитываются в сравнительно более благоприятных условиях, обладают опытом более высокой защищенности и независимости, чем другие члены общества. Но выработка современного мировоззрения способствует не только личная защищенность и независимость. Свою роль здесь играет и преобладающая в обществе атмосфера. Поэтому, несмотря на несомненную связь между более высоким образованием и приверженностью ценностям самовыражения, степень этой приверженности у образованных людей из разных стран различается намного больше, чем у высокообразованных слоев и большинства населения одной страны (см. ниже, рис. 9.1).

Таким образом, можно провести разграничение между образованием как показателем уровня личной защищенности и образованием как показателем степени усвоения научных знаний и гуманистических идеалов. Поскольку во всех странах высокообразованные люди примерно в одинаковой степени знакомы с научными знаниями и гуманистическими идеалами, межстрановые ценностные различия между высокообразованными людьми отражают не столько разную степень знакомства с научной мыслью, сколько отличия в представлениях каждого из обществ о ситуации с защищенностью и самостоятельностью человека.

Познавательный компонент образования необратим, чего нельзя сказать о чувстве защищенности и независимости. Ощущение надежности или ненадежности окружающего мира возникает в раннем возрасте и отличается относительной стабильностью, но оно легко может быть подорвано даже краткосрочными циклическими факторами, не говоря уже о таких катастрофических событиях, как коллапс общества и экономики в целом. Такого рода катастрофы редки, но за период проведения Values Survey их пережила целая группа стран. В 1989–1991 годах рухнули коммунистические режимы в Центральной и Восточной Европе. В государствах, ставших наследниками Советского Союза, это привело к резкому паде-

нию уровня материального достатка, прекращению роста или сокращению средней продолжительности жизни и травмирующему воздействию краха социально-политической системы, а также привычных представлений, сложившихся в этих странах за много десятилетий советской власти. Научное *знание* никуда не исчезло — оно продолжало развиваться, — и образовательный уровень населения в бывших коммунистических странах остался столь же высоким, как и раньше. Но прежнее чувство уверенности в завтрашнем дне и в способности человека определять свою жизнь резко ослабло. Если бы утверждение современных ценностей было связано исключительно с когнитивными факторами, в этих обществах продолжалось бы распространение ценностей самовыражения. Но поскольку на формирование этих ценностей влияет также чувство защищенности и независимости (или зависимости и незащищенности), можно было предположить, что в постсоветских обществах будет наблюдаться стагнация или откат к традиционным ценностям и ценностям выживания. Как мы увидим, именно это и произошло.

Хотя в прошлом десятилетии темпы экономического роста были низкими во всем мире, богатые демократические страны не пережили ничего похожего на катастрофу, потрясшую до основания ту часть мира, где раньше доминировал Советский Союз. Более того, последствия относительного застоя на Западе в 1990-х годах компенсировались импульсом смены поколений, продолжающим подталкивать богатые демократические страны в сторону современных ценностей. Модернизация в культурной сфере здесь, как и следовало ожидать, продолжалась. Когнитивная интерпретация подразумевает, что, поскольку накопление знаний происходит постоянно, модернизация в сфере культуры необратима. Согласно нашему истолкованию этот процесс обратим, и в условиях, преобладающих после 1989 года, следует ожидать, что в большинстве постсоветских государств в этой сфере должен происходить регресс. Этот вывод подтверждается и эмпирическими данными. Преобладающие в обществе настроения в отношении личной защищенности важнее, чем когнитивные факторы.

Таким образом, изменения в сфере культуры определяются не только познанием и рациональным выбором, но и условиями существования людей (Mark 2002). Это, однако, не означает, что эти изменения лишены всякой логики. Напротив, они определяются логикой эволюции: люди отдают предпочтение тем ценностям, что в наибольшей степени соответствуют условиям их жизни.

Культурные изменения и их институциональные проявления

Серьезные изменения в сфере культурных ценностей на личном уровне проявляются и в изменениях на уровне социума, но взаимосвязь между ними редко бывает однозначной. Например, начиная с середины 1960-х годов во всех постиндустриальных обществах понизился уровень рождаемости. К 1990 году уровень рождаемости почти во всех этих странах был ниже уровня воспроизводства населения. Культурные изменения сыграли в этом существенную роль (см.: Inglehart, Norris 2003).

С 1960 по 1990 год показатель количества разводов резко вырос почти во всех постиндустриальных обществах, кроме Ирландии, где разводы оставались под запретом до 1995 года. В Италии и Испании расторжение брака было узаконено в 1970-х, и за легализацией последовала волна разводов. Можно приписать это внезапное увеличение количества разводов предшествовавшим им изменениям в законодательстве. Это будет верное, но поверхностное истолкование, подчеркивающее только ближайшую причину. Если копнуть глубже, то возникает первый вопрос: *почему* эти страны вдруг решили узаконить развод? Развод там столетиями был незаконен, потому что шел вразрез с глубоко укорененными религиозными нормами. Такой же была ситуация в Ирландии, где еще в 1987 году большинство населения проголосовало против легализации разводов. Но, как свидетельствуют наши данные, со временем эти нормы постепенно слабели. В Италии и Испании настроения в пользу легализации разводов распространялись все сильнее, что и повлекло за собой соответствующие изменения в законодательстве в 1970-х годах. В 1995 году даже ирландцы в конце концов проголосовали за разрешение развода на общенациональном референдуме. Одним из последствий этого процесса стала настоящая волна разводов сразу же после принятия соответствующего закона. Хотя изменение поведенческих стереотипов проявилось внезапно и бурно, оно отражало длительный процесс постепенного изменения ценностей.

Другим примером несоответствия между постепенностью культурных изменений и «взрывными» темпами их институциональных проявлений может служить «возвышение» экологической партии «зеленых» в Западной Германии. В 1983 году «зеленые» внезапно появились на авансцене, впервые пройдя в бундестаг: это событие фундаментальным образом изменило политический ландшафт Германии. Но за этим «прорывом» стояло постепенное воз-

растание массовой поддержки защиты окружающей среды, связанное со сменой поколений. Из-за институциональных барьеров — для прохождения в парламент партия должна получить не менее 5% голосов на выборах — прорыв «зеленых» на политическую авансцену выглядел внезапным и даже сенсационным. Но это событие отразило долгосрочный процесс постепенных изменений. Если смотреть только на непосредственные его причины, решающее значение можно приписать особенностям германской избирательной системы: о «зеленых» мало кто знал, пока они не сумели преодолеть пятипроцентный барьер, и в странах, не имеющих пропорциональной системы представительства, таких как Соединенные Штаты и Великобритания, экологические партии могут никогда не стать значимой политической силой. Но даже в этих странах забота о защите окружающей среды изменила программы существующих партий. В большинстве обществ экологические активисты — это в основном постматериалисты, и вряд ли партии «зеленых» и экологические движения могли бы возникнуть, если бы культурные изменения, связанные со сменой поколений, не привели к формированию постиндустриального мировоззрения, включающего в себя осознание угрозы для окружающей среды. С начала 1980-х годов, когда они впервые заявили о себе, партии «зеленых» прошли большой путь. Сегодня они входят в правящие коалиции в Германии и в семи других странах Европы.

Аналогичным образом, в 2001 году по Нидерландам прокатилась волна однополых браков (до этого они вообще не заключались). Непосредственным поводом стала легализация таких браков парламентом — много столетий они были не только не разрешены законом, но и просто немыслимы. Но глубинной причиной этого изменения был тот факт, что в голландском обществе постепенно изменилось отношение к гомосексуальности. Здесь мы имеем дело с феноменом сегодняшнего дня, поэтому данные четырех «волн» опросов в рамках Values Survey позволяют нам детально проследить процесс культурных изменений, предшествовавший этому законодательному шагу. Нидерланды отнюдь не случайно стали первой страной мира, легализовавшей однополые браки: опросы показывают, что голландцы относились к гомосексуальности терпимее, чем граждане любых других государств. Но до самого недавнего времени даже в Нидерландах преобладало неодобрительное отношение к гомосексуальности. В ходе опроса 1981 года 22% респондентов в Нидерландах сочли, что гомосексуализму не может быть

оправданий: они выбрали «1» на десятибалльной шкале, где «1» означает, что гомосексуализму не может быть оправданий ни при каких обстоятельствах, а «10» — что он приемлем в любых случаях. Тогда же 40% голландцев выбрали для ответа пункты от «1» до «5», что свидетельствует о той или иной степени неодобрения гомосексуальности. Такое отношение к гомосексуализму в 1981 году было еще распространено в Нидерландах — при том, что в целом голландцы относились к нему мягче, чем кто-либо еще. Практически во всех странах о неодобрительном отношении к гомосексуализму заявляло подавляющее большинство населения — от 75 до 99% опрошенных.

После 1981 года во всех постиндустриальных странах отношение к гомосексуализму заметно изменилось, поскольку в результате смены поколений ценности общества в целом стали отличаться большей толерантностью. Во всех этих странах молодежь терпимее относится к гомосексуализму, чем люди старших поколений. В Нидерландах, например, в 1981 году 52% респондентов старше 65 лет считали, что гомосексуализм недопустим, и выбрали позицию «1» на десятибалльной шкале. Среди лиц в возрасте от 18 до 24 лет только 11% заявили о столь же полном неприятии гомосексуализма. К 1999 году только 7% голландцев засвидетельствовали абсолютное неодобрение гомосексуализма, и только 22% выбрали пункты от «1» до «5». По сравнению с 1981 годом количество тех, кто неодобрительно относится к гомосексуализму, сократилось вдвое. Годом позже, в 2000-м, парламент страны узаконил однополые браки. В 2002 году их легализовал конституционный суд Германии,

Таблица 1.3. ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, НЕОДОБРИТЕЛЬНО ОТНОСЯЩИХСЯ К ГОМОСЕКСУАЛИЗМУ В ДЕСЯТИ НАИБОЛЕЕ ТОЛЕРАНТНЫХ СТРАНАХ (те, кто выбрал позиции от «1» до «5» по десятибалльной шкале), %

Нидерланды	22	Испания	47
Швеция	26	Канада	49
Исландия	32	Люксембург	49
Дания	41	Чехия	51
Швейцария	43	Норвегия	52
Германия*	45		

Примечание. Перечислены все страны (из 77), в которых, по данным последних опросов, менее половины населения неодобрительно относилось к гомосексуализму (пункты от «1» до «5»). В США по состоянию на 2000 год неодобрительно высказались о гомосексуализме 60% опрошенных — при этом они оказались в группе 18 наиболее терпимых стран. В 24 странах неодобрение высказали 95 и более процентов опрошенных.

* Результаты по Германии основаны на объединении данных опросов, проведенных на востоке и западе страны в 1997 и 1999 годах.

в 2003-м за ней последовала Канада, а в 2004-м — Испания. В этом нет ничего удивительного: в Нидерландах общественность более благосклонно относилась к гомосексуализму, чем в любой другой стране мира, а немцы, испанцы и канадцы, как показывает таблица 1.3, также находились в числе наиболее толерантных народов. Только в девяти государствах менее половины респондентов выразило неодобрительное отношение к гомосексуализму, и все четыре указанные страны оказались в этой группе.

Накопление изменений и внезапные прорывы

Обычно предполагается, что объяснить изменения в социальной сфере можно только с помощью динамики показателей. Это предположение кажется убедительным только на первый взгляд. Во многих случаях, особенно когда речь идет о связях между различными уровнями, как в вопросе о воздействии культурных изменений на их институциональные проявления, абсолютный показатель *уровня* данной переменной представляет собой куда более надежный предиктор институциональных изменений, чем динамика этой переменной в непосредственно предшествующий изменениям период. Для иллюстрации напомним: в 2000 году 78% голландцев проявили хотя бы умеренную терпимость к гомосексуализму (т.е. поставили отметку справа от пункта «5», расположенного в середине шкалы). В том же году такой же уровень терпимости проявили 8% нигерийцев. Но за период 1995–2000 годов в Нигерии произошли куда более значительные изменения, чем в Нидерландах: в 1995 году только 4% респондентов в этой стране выбрали для ответа 6–10-й пункты шкалы, а к 2000 году таковых стало вдвое больше. В Нидерландах за то же время уровень терпимости по отношению к гомосексуализму увеличился совсем незначительно — от 76% до 78%.

Цифры эти ориентировочные, но они близки к реальности и к тому же иллюстрируют одно важное обстоятельство: в абсолютном и относительном плане изменение отношения к гомосексуализму за 1995–2000 годы в Нигерии было более значительным, чем в Нидерландах, но в последней вероятность соответствующих институциональных изменений была куда выше. В отличие от первой вторая уже преодолела некий барьер — толерантность в отношении гомосексуализма там проявляло большинство населения. Институциональный сдвиг, соответственно, произошел именно в Нидерландах — там были узаконены однополые браки. В Нигерии ожидать чего-либо подобного в обозримом будущем не приходится.

Ключевое различие заключается в том, что голландцы отличаются намного более высоким *уровнем* терпимости, чем нигерийцы: совокупный «запас» терпимости гораздо более важен, чем краткосрочные колебания ее «потока».

Сравнительно высокий уровень терпимости голландцев представляет собой запас, постепенно накопленный за последние 50–60 лет в ходе изменения ценностей, связанного со сменой поколений. Если бы кто-то попытался использовать для исследования связи между двумя упомянутыми явлениями стандартные методы анализа временных рядов, он пришел бы к выводу, что изменение установок голландского населения в период 1940–1995 годов вообще не оказало влияния на однополые браки, а краткосрочная динамика за 1995–2000 годы *отрицательно* коррелирует с последующим ростом количества однополых браков. Выявленный в ходе недавних опросов относительно высокий уровень терпимости голландцев отличается устойчивостью, демонстрирует значительные различия между поколениями и является результатом постепенного накопительного процесса. Именно он позволяет куда надежнее прогнозировать институциональные прорывы, чем краткосрочные колебания: последние невелики по масштабам и могут демонстрировать динамику в любом направлении, так что в момент изменений способны даже указывать в неверную сторону.

По схожей модели формируется также связь между культурными изменениями и демократизацией. Как будет показано далее, в Польше, Венгрии, Чехословакии, Восточной Германии и в других центральноевропейских странах за десятилетия, предшествовавшие 1989 году, произошел постепенный «поколенческий» сдвиг к распространению ценностей самостоятельности и самовыражения. Но еще одним ключевым фактором стали события 1988 года, когда Горбачев заявил, что советские войска больше не будут использоваться для поддержки непопулярных коммунистических режимов в Восточной Европе. В течение одного года после этого коммунистические режимы в регионе начали рушиться. Много лет в этих странах накапливалось массовое стремление к либерализации, но оно смогло привести к институциональному прорыву только после того, как был устранен мощный блокирующий фактор — в данном случае Советская армия. Когда изменение культуры ведет к институциональным изменениям, преодоление барьера или блокирующих факторов является скорее правилом, чем исключением.

Однозначное соответствие между изменениями на индивидуальном и системном уровне наблюдается редко. Соответственно, *уровень* экономического развития общества намного больше говорит о потенциале демократизации, чем темпы экономического роста. Более того, такой показатель, как темпы экономического роста в любой конкретный момент времени, может только ввести в заблуждение относительно перспектив демократизации (Doogenspleet 2004). Они бывают самыми высокими в странах с низким уровнем доходов, таких как Китай, пребывающих только на ранних этапах индустриализации и еще не достигших того уровня развития, когда можно реально говорить о развитии демократии. Если высокие темпы роста сохранятся, можно рассчитывать, что в Китае в конце концов произойдет переход к демократии — но не потому, что в тот момент он будет демонстрировать динамичный рост, а потому, что к этому времени он достигнет высокого уровня развития.

Мы отвергаем как экономический, так и культурный детерминизм. Понятно, что существующие элиты, лидеры, институты и конкретные ситуационные факторы играют важную роль. Непосредственную причину институциональных изменений практически всегда можно найти на уровне элиты: иначе, в общем-то, и быть не может, поскольку люди, осуществляющие политические изменения, и являются элитой, пусть даже еще годом ранее они в нее не входили. Но глубинные изменения в сфере культуры также играют существенную роль в подготовке масштабных институциональных изменений — от изменения законодательства о геях и лесбиянках до мощного поворота к демократии, происшедшего в 1985–1991 годах.

Если исходить из того, что только культурные изменения определяют изменения институционального порядка, то в восточноевропейских странах в 1989 году демократические настроения должны были бы резко усилиться, а в Нидерландах в 1999 году ситуация с массовой поддержкой гомосексуализма должна была бы радикально измениться. Но в обоих случаях все происходило не так: в десятилетия, предшествовавшие институциональному прорыву, имело место медленное, постепенное изменение ценностей. Точный момент институционального прорыва определялся факторами, действующими на уровне элит. Но глубинная причина того, что Восточная Германия в 1988–1989 годах вдруг повернулась к демократии, а в Нидерландах в 2000 году были узаконены однополые браки, состояла в постепенных изменениях ценностей.

Связанные со сменой поколений изменения в сфере культуры постепенно преобразовывают системы ценностей во многих странах, результатом чего становится сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Как мы продемонстрируем в настоящей книге, именно от степени приоритетности ценностей самовыражения в конкретных странах к тому моменту, когда в 1988 году открылось окно возможностей (когда Горбачев объявил, что Советская армия больше не будет поддерживать коммунистические режимы в Центральной и Восточной Европе), решающим образом зависит то, как далеко они после этого продвинулись по пути к демократии — и насколько устойчивы созданные в результате демократические институты.

Последствия культурных изменений

Поворот от ценностей индустриальной эпохи к постиндустриальным подрывает многие из ключевых институтов индустриального общества. В сфере политики распространение постиндустриальных ценностей ведет к ослаблению авторитета власти и усилению акцента на участии людей в общественной жизни и самовыражении. В авторитарных государствах эти изменения способствуют демократизации, а в демократических — ведут к утверждению «прямой демократии», менее элитарной и более конкретной. В любом случае переход к ценностям самовыражения придает демократии более «подлинный» характер. Ценности самовыражения по определению оказывают на человека эмансипационное воздействие и ставят его во главу угла, формируя гуманистическое общество нового типа, в рамках которого свобода и независимость личности распространяется сразу во многих направлениях.

Уважение к власти размывается, а долгосрочная тенденция к повышению степени участия масс в управлении государством приобретает новый характер. В больших аграрных обществах участие в политике было уделом небольшого меньшинства. В период индустриализации мобилизация масс происходила через возглавлявшиеся элитами политические партии, основанные на жесткой дисциплине. Это был большой шаг вперед в плане демократизации: его итогом стало беспрецедентное по массовости участие людей в политике за счет всеобщего избирательного права; однако это участие по-прежнему контролировалось элитами — в полном соответствии с «железным законом олигархии» (Michels [1912] 1962).

В постиндустриальном обществе центр тяжести смещается от голосования на выборах к более спонтанным и конкретным формам гражданского действия, более критичным по отношению к элитам. Новые формы политического самовыражения расширяют границы политики за пределы узкой сферы возглавляемых элитой избирательных кампаний — к все более самостоятельному «общественному самовыражению». Традиционная «элитоцентричная» форма представительной демократии преобразуется в демократию, в центре которой находится народ (Cain, Dalton, Scarrow 2003). Вопреки распространенным утверждениям о сокращении «социального капитала» и участия масс в политической жизни, граждане постиндустриальных государств сегодня вмешиваются в политику активнее, чем когда-либо, однако формы этого участия меняются.

Масштабы участия народа в политических процессах под эгидой элит действительно сокращаются. Слабеет лояльность масс к давно утвердившимся иерархически организованным политическим партиям. Общественность, не желающая больше играть роль вымуштрованных статистов, проявляет все большую самостоятельность, бросая вызов элитам. Таким образом, хотя явка избирателей на выборы не растет или даже падает (Dalton, Wattenberg 2000), люди продолжают участвовать в политической жизни в более активных формах, ориентированных на решение конкретных вопросов (Dalton 2001; Norris 2002). Во многих странах в 2002–2003 годах демонстрации против американского военного вторжения в Ирак были самыми массовыми за их историю. Люди все больше используют публичное пространство для выражения приверженности альтернативным стилям жизни (Cain et al. 2003). Хотя руководство политических партий и утрачивает способность приводить избирателей к урнам для голосования, общественность постиндустриальных государств формирует новые формы участия в политическом процессе, в основе которых лежат самоорганизация и самовыражение (Welzel, Inglehart, Deutsch 2004). Такого рода активность нарастает даже несмотря на осознание того, что она далеко не всегда способна заставить власти пересмотреть свои решения. Политическое самовыражение приобретает ценность само по себе, а не как способ достижения каких-либо конкретных результатов.

Консервативная реакция на процесс модернизации

Вызванные постиндустриальной эпохой стремительные изменения порождают защитную реакцию со стороны групп населения, которые

они отодвигают на второй план. Постиндустриализация приносит многим слоям общества усиление свободы личности и расширение возможностей для самовыражения, но значительное меньшинство населения — особенно менее образованные и безработные — по-прежнему ощущает угрозу основам своего существования. С точки зрения степени обездоленности они, возможно, оказываются в худшем положении даже по сравнению с бедняками в бедных странах. Образование в обществе знаний представляет собой важнейшую форму социального капитала, в результате чего малообразованные слои оказываются в более плачевной ситуации, чем в индустриальную эпоху.

В те времена дисциплинированные массовые организации представляли собой ценнейший «актив» для низших классов, потому что давали им возможность превращать свою многочисленность в политическую силу. За счет политического давления они могли добиваться перераспределения доходов богатых в пользу бедных, обеспечивая большее имущественное равенство в обществе (Esping-Andersen 1990). В постиндустриальную эпоху усиление индивидуализма в значительной мере лишает массы этого оружия. Рабочий класс стал менее многочисленным и утратил сплоченность, обеспечивавшую ему политическое влияние; позиции профсоюзов слабеют. К тому же рабочие в постиндустриальном обществе подвергаются все большему давлению со стороны глобализации и иммиграции; дорогостоящей рабочей силе богатых стран сегодня приходится конкурировать с дешевыми трудовыми ресурсами из бедных государств. Тенденция к выравниванию доходов с начала 1980-х годов сменилась обратным процессом (Goesling 2001). Все это подпитывает в людях чувство грядущей им опасности и вызывает защитную реакцию, что создает социальную базу для правого популизма и новых форм религиозного фундаментализма. Вопреки распространенным представлениям, в западных обществах религиозных фундаменталистов не становится больше; просто их активность и влияние возрастают (Norris, Inglehart 2004). Прежде они представляли собой достаточно инертный сегмент общества, но в последние годы пришли к выводу (правильному, кстати говоря), что многие из их основополагающих норм рушатся на глазах. Это привело к резкой активизации носителей традиционных религиозных убеждений, мобилизовало их на активную борьбу против таких явлений, как аборт и однополые браки. Таким образом, постиндустриальную фазу модернизации нельзя назвать бесконфликтной.

В целом постиндустриализация несет с собой усиление роли личности, самостоятельности и расширение свободы выбора, но она порождает и новые конфликты. Это стимулирует «антимодернизационную» реакцию слоев населения, оказавшихся «за бортом», и ведет к усилению правых партий (Beck 2002).

Защищенность, самостоятельность и общество знаний

Социально-экономическое развитие повышает уровень физической и материальной защищенности: в этом состоит его самый большой вклад в человеческое развитие. Этот процесс освобождает людей от воздействия материальных факторов на принятие важнейших решений. Он способствует распространению ценностей самовыражения, потому что люди могут освободиться от забот о простом выживании и ставить себе другие цели. Но укрепление жизненной защищенности — не единственный способ, которым социально-экономическое развитие обеспечивает утверждение ценностей самовыражения. Большую роль играет также практический рост личной независимости, связанный со становлением общества знаний и сопровождающим его усложнением социальной организации, расширением круга и разнообразия контактов между людьми.

Некоторые богатые страны — экспортеры нефти, такие как Бахрейн и Объединенные Арабские Эмираты, за счет масштабных программ социальных льгот обеспечивают максимальный уровень жизненной защищенности всем своим гражданам. Тем не менее в работах Барро, М. Росса и других ученых убедительно показано, что в этих странах не существует таких характеристик «творческой экономики» постиндустриального общества, как многообразие профессий, сложность социальной организации и приоритет знаний (Barro 1997; Ross M. 2001). Наличие огромных природных богатств освобождает от необходимости вкладывать значительные ресурсы в человеческий капитал или создавать общество знаний. Экономика этих стран основана на «присвоении ренты» — доходов от нефтяного экспорта, монополизированного государством. Страны-рантье бывают очень богатыми, но в них не наблюдается масштабная тенденция к индивидуализации, характерная для постиндустриальных экономик. Население богатых добывающих стран обеспечено материально и уверено в завтрашнем дне, но там не происходит распространения ценностей самовыражения — процесса, свойственного постиндустриальным обществам. Жизненная защищенность обеспечивает утверждение этих ценностей только в том

случае, если она сочетается с индивидуализацией и практической личной независимостью. А практическая независимость возникает в результате дестандартизации и диверсификации экономической деятельности, социальных ролей и взаимодействия между людьми — характерных черт постиндустриального общества. В постиндустриальных экономиках жизненная защищенность перерастает в общее ощущение личной независимости в куда большей степени, чем в странах-рантье или индустриальных обществах⁶.

Заключение

В настоящей книге представлен огромный массив фактических данных, подтверждающих основную идею теории модернизации: социально-экономическое развитие ведет к системным изменениям в политической, социальной и культурной жизни. Очевидно, однако, что ранние версии теории модернизации нуждаются в пересмотре. Мы предлагаем внести в нее следующие коррективы:

1. Хотя социально-экономическое развитие преобразует общество в предсказуемом направлении, этот процесс нельзя считать жестко детерминированным. Помимо социально-экономического развития здесь действует ряд других факторов, поэтому наши прогнозы имеют вероятностный характер: при прочих равных условиях социально-экономическое развитие, как правило, повышает защищенность людей, их толерантность и взаимное доверие, позволяет уделять больше внимания самовыражению, участию в общественных процессах и качеству жизни. Но влияние на все это оказывают не только социально-экономические факторы.

2. Модернизация не ведет к отмиранию и исчезновению религии и других аспектов традиционного культурного наследия. Вопреки ожиданиям марксистов культурно-историческое наследие общества продолжает участвовать в формировании ценностей и поведения людей. Хотя индустриализация повышает уровень образования и благосостояния, мы не движемся к глобальному единообразию культуры — о конвергенции культур не может быть и речи. Культурное наследие демонстрирует поразительную устойчивость.

---

⁶ Размышляя об этом контрасте, Ландес сопоставляет испанскую и голландскую колониальные империи (Landes 1998). Для первой была характерна экономика присвоения ренты, основанная на эксплуатации серебряных рудников Латинской Америки. Основой голландской империи была инновационная торговая экономика. Соответственно, в колониальную эпоху в голландском обществе были намного более, чем в испанском, развиты ощущение личной независимости, свобода и самовыражение.

3. Модернизация в культурной сфере не является необратимой. В ее основе лежит социально-экономическое развитие, а значит, продолжительные и глубокие экономические неурядицы могут развернуть процесс вспять, что мы и наблюдали в 1990-х годах в большинстве постсоветских государств.

4. Процесс культурных изменений носит нелинейный характер. В истории неоднократно происходили смены преобладающего направления развития. С индустриализацией приходят бюрократизация и секуляризация. Но в постиндустриальных обществах изменения в сфере культуры приобретают другое направление: происходит поворот от рационализма, централизации и бюрократизации к усилению личной независимости и ценностей самовыражения. Таким образом, социально-экономическое развитие порождает не одно, а два измерения кросс-культурных различий, одно из которых связано с индустриализацией, а другое — с развитием постиндустриального общества.

5. Первоначальная этноцентрическая версия модернизации интерпретировала этот процесс как вестернизацию. Это не так. В историческом плане процесс индустриализации начался на Западе, но в последние десятилетия по многим направлениям модернизации передовые позиции заняла Восточная Азия. Аналогичным образом, нельзя ставить знак равенства между модернизацией и американизацией. В сфере культурных изменений Соединенные Штаты не являются мировым лидером: они представляют собой скорее исключение из правила, демонстрируя намного большую приверженность традиционным и религиозным ценностям, чем другие богатые страны. Соединенные Штаты не являются эталоном происходящих культурных изменений, и, вопреки одной из популярных версий модернизационной теории, в результате индустриализации другие страны в целом не становятся похожими на Соединенные Штаты.

6. Важнее всего то, что утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, ведет к формированию гуманистического общества нового типа, в котором эмансипация личности происходит по ряду направлений — от предоставления равных прав гомосексуалистам, инвалидам и женщинам до укрепления прав человека в целом. Этот процесс отражает гуманистическую тенденцию модернизации.

В истории процесс культурных изменений неоднократно менял направление. В постиндустриальном обществе в последние

десятилетия ключевым выражением модернизации в сфере культуры стал поворот к ценностям самовыражения. Свобода выбора и эмансипация стали лейтмотивом во всех сферах жизни, от политики до воспитания детей, отношений между полами, мотивации к труду, религиозной ориентации и гражданской активности. Утверждение ценностей самовыражения и свободы выбора создает весьма благоприятные объективные условия, позволяющие стремлению всех людей к независимости играть приоритетную роль. Поворот к свободе выбора ведет к чрезвычайно важным последствиям, поскольку сопровождается требованиями о расширении прав и возможностей женщин, повышении «отзывчивости» элит, действенности гражданских и политических свобод и демократизации институтов.

На постиндустриальном этапе социально-экономическое развитие, стремление к самовыражению и повышение эффективности демократических институтов действуют в совокупности, обеспечивая средства, ценности и права, дающие людям возможности и желание строить свою жизнь в соответствии с собственными самостоятельными решениями, сравнительно свободными от внешних ограничений. Этот процесс представляет собой «человеческое развитие», поскольку активизирует самую важную отличительную черту нашей расы: способность самостоятельно принимать решения и действовать. Этот процесс человеческого развития ведет к усилению в обществе требований о демократизации. Сама по себе культура не предопределяет результата — эти изменения носят вероятностный характер. События на мировой арене, войны, экономические депрессии, институциональные изменения, решения элит и лидеров могут повлиять на происходящее; тем не менее изменения в сфере культуры — один из важных, и прежде недооценивавшихся, факторов возникновения и сохранения демократии.

Глава 2 Изменение ценностей и устойчивость культурных традиций

Авторы теорий модернизации от Карла Маркса до Дэниела Белла утверждают, что социально-экономическое развитие влечет за собой всеобъемлющие изменения и в сфере культуры. В то же время авторы культурологических теорий, от Макса Вебера до Сэмюэля Хантингтона, полагают, что культурные ценности оказывают самостоятельное и постоянное влияние на общество. Как это ни парадоксально, правы и те и другие. В настоящей главе представлены эмпирические данные, показывающие, что масштабные культурные изменения сосуществуют с устойчивыми и уникальными культурными традициями.

Мы анализируем данные о культурных изменениях, полученные в рамках проекта World Values Survey — крупнейшего в истории социологического исследования, связанного с представлениями, ценностями и убеждениями жителей различных стран мира. Эти исследования проводились в рамках четырех «волн» репрезентативных опросов на уровне отдельных стран, осуществлявшихся в 1981–1983, 1989–1991, 1995–1997 и 1999–2001 годах. Опрос охватывал 81 страну на всех шести обитаемых континентах, и население этих стран в совокупности составляет более 85% жителей планеты¹.

На наш взгляд, социально-экономическое развитие связано с широким набором (синдромом) явно различаемых ценностных установок. Существует ли такой синдром? Результаты Values Survey учитывают сотни показателей, и не все они затрагивают важные аспекты кросс-культурных различий. Чтобы проверить состоятельность тезиса о том, что социально-экономическое развитие приводит к систематическому изменению основополагающих ценностей, необходимо сначала выделить ограниченное количество основных измерений, касающихся важнейших ценностей, а затем установить,

---

¹ Для краткости в графиках и таблицах результаты опросов World Values Survey, проходивших в 1980–1981, 1989–1991, 1995–1997 и 1999–2001 годах, обозначаются соответственно как данные за 1980, 1990, 1995 и 2000 годы. Детальные сведения о данных, анализируемых в настоящей книге, см. в интернет-приложении на сайте: <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

связаны ли они с социально-экономическим развитием. Наши теоретические установки предусматривают выделение *двух* таких измерений: первое связано с индустриализацией, а второе — с возникновением постиндустриального общества.

В одном из предыдущих исследований Инглхарт проанализировал агрегированные на страновом уровне данные по 43 обществам, включенным в рамки Values Survey 1989–1991 годов, и обнаружил значительные и устойчивые культурные различия между ними (Inglehart 1997). Каждое из двух ключевых измерений, выявленных в результате этого анализа, охватывает десятки переменных и показывает, что в отношении целого ряда политических, социальных и религиозных норм и представлений мировоззрение людей в богатых странах имеет систематические отличия от убеждений, преобладающих в странах с низкими доходами населения. Первое из этих двух измерений отражает сравнительные различия стран в рамках бинарной оппозиции *«традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности»*, а второе — в рамках оппозиции *«ценности выживания — ценности самовыражения»*. На основе этих двух измерений можно определить место каждой страны на мировой карте кросс-культурных различий (Inglehart 1997: 81–98; Inglehart, Baker 2000).

На основе этих выводов мы строим сопоставимые показатели кросс-культурных различий, пригодные для применения к данным всех четырех «волн» World Values Survey как на индивидуальном, так и на страновом уровне. Начав с переменных, выделенных в ходе анализа данных опросов 1989–1991 годов, мы отобрали переменные, не только отражающие два указанных измерения, но и использовавшиеся в одном и том же формате в ходе всех четырех «волн» World Values Survey. Инглхарт использовал значения факторов, основанные на 22 переменных, однако мы сократили количество последних до 10, чтобы свести к минимуму проблемы с неполнотой данных (если отсутствует хотя бы одна переменная, всю страну приходится исключать из анализа) (Inglehart 1997). Эти десять переменных показаны в таблице 2.1. Полное описание системы измерения переменных в рамках нашего анализа можно найти в интернет-приложении, размещенном на сайте World Values Survey².

---

² В интернет-приложении приведены все переменные, используемые в настоящем анализе, с конкретной информацией о характере их использования, шкалировании и источниках, из которых взяты данные. Хотелось бы особо обратить внимание на один момент: чтобы избежать исключения целых стран из анализа в случае, если одна из указанных переменных по ним отсутствует, в агрегированном массиве

Таблица 2.1. ДВА ИЗМЕРЕНИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ:
АНАЛИЗ НА АГРЕГИРОВАННОМ УРОВНЕ

	Факторные нагрузки
Традиционные ценности акцентируют следующее (секулярно-рациональные ценности акцентируют обратное)*:	
Бог играет крайне важную роль в жизни респондента	0,91
В ребенке следует воспитывать прежде всего послушание и религиозность, а не независимость и целеустремленность (индекс самостоятельности)	0,88
Аборт неприемлем ни при каких обстоятельствах	0,82
Для респондента характерно сильное чувство национальной гордости	0,81
Респондент предпочитает более высокую степень уважения к власти	0,73
Ценности выживания акцентируют следующее (ценности самовыражения акцентируют обратное)**:	
Респондент отдает экономической и физической защищенности предпочтение перед самовыражением и качеством жизни (индекс материалистических/ постматериалистических ценностей на основе 4 переменных)	0,87
Респондент считает себя не очень счастливым человеком	0,81
Гомосексуализм неприемлем ни в коем случае	0,77
Респондент никогда не подписывал и не подпишет никаких петиций	0,74
Следует быть очень осторожным, когда решаешь, доверять ли людям	0,46

Примечание. В исходных данных полярность значений переменных варьируется; строки таблицы показывают, как каждая составляющая связана с соответствующим фактором (число факторов — 2, ортогональное вращение по методу варимакс, объекты с неполными данными из анализируемой выборки исключены).

* Фактор объясняет совокупную межстрановую дисперсию на 46%; секулярные ценности приняты за положительный полюс.

** Фактор объясняет совокупную межстрановую дисперсию на 25%; самовыражение принято за позитивный полюс.

Источник: данные World Values Survey, полученные на основе 200 с лишним опросов, проведенных четырьмя «волнами» в 78 странах.

данных на страновом уровне (но не индивидуальном) иногда используются результаты других опросов, проведенных в том же государстве. К примеру, в опрос, проводившийся в США и Австралии в 1981 году, не был включен блок «материалистические/постматериалистические ценности», однако он фигурирует в опросах, проводившихся в ходе общенациональных выборов в обеих странах, и в данном случае мы воспользовались их результатами. Аналогичным образом, вопрос о гомосексуализме не задавался в ходе опроса, проводившегося в 1995 году в Бангладеш, однако в 2000 году в той же стране респондентов просили дать на него ответ, и мы использовали эти данные в нашем агрегированном массиве данных по Бангладеш за 1995 год. В результате скорость перемен в сфере ценностей выживания/самовыражения в Бангладеш несколько искажена в сторону замедления, но в противном случае нам пришлось бы вовсе исключить эту страну из массива данных за 1995 год. А поскольку по четырем другим основным переменным, составляющим это измерение, данные у нас есть, показатель Бангладеш за 1995 год должен приблизительно соответствовать реальному положению дел. В нескольких случаях, когда ту или иную переменную нельзя было взять из других опросов по той же стране, мы ранжировали все страны с точки зрения переменной, наиболее близко коррелирующей с той, что отсутствует, и использовали среднее значение по двум странам, ближайшим к той, что нас интересует. Эта крайняя мера применялась менее чем в 1% случаев. В 96% случаев правильное значение переменной можно было заимствовать из данных по соответствующей стране за соответствующий год, а в подавляющем большинстве из оставшихся случаев его можно было взять из других опросов по той же стране.

В таблице 2.1 показано, как эти десять элементов отражают ситуацию по измерениям «традиционные/секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания/самовыражения» по результатам факторного анализа данных Values Survey, агрегированных на национальном уровне за счет вычисления среднего показателя по каждой стране. Элементы, включенные в каждое измерение, отличаются высокой степенью взаимной корреляции; в совокупности на долю указанных двух измерений приходится 71% общего объема межстрановой дисперсии по этим десяти переменным. Подобный результат отражает тот факт, что кросс-культурные вариации отличаются чрезвычайной устойчивостью. Эта устойчивость сохраняется *несмотря на* то, что мы намеренно отобрали элементы, охватывающие широкий круг тем. По первому измерению, к примеру, мы могли отобрать пять элементов, относящихся к религии, и получить таким образом еще более жестко коррелированный кластер, но нас интересовали обобщенные измерения кросс-культурных различий, отражающие целый спектр важных ценностей и представлений.

Значения факторов, полученные на основе упомянутых десяти переменных, в высокой степени коррелируют с аналогичными показателями, основанными на 22 переменных (Inglehart 1997: 334–335, 388). Измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности», основанное на пяти переменных, используемых здесь, почти идеально ($r = 0,95$) коррелирует со значениями фактора по аналогичному измерению, построенному на основе 11 переменных; аналогичным образом, измерение «ценности выживания/самовыражения», основанное на пяти элементов, почти идеально ($r = 0,96$) коррелирует с тем же измерением, построенным на основе 11 переменных. Эти измерения вполне робастны и отражают куда более широкий набор эмпирических переменных. Десять индикаторов, используемых нами (по пять на каждое измерение), отобраны по техническим соображениям: чтобы сравнивать данные во времени, мы использовали индикаторы, фигурирующие во всех четырех «волнах» опросов в рамках Values Survey. Эти десять индикаторов отражают лишь небольшую часть многочисленных представлений и ценностей, охватываемых указанными двумя измерениями, и не обязательно являются наиболее чувствительными показателями по своим измерениям. Они удачно отражают два крайне важных измерения кросс-культурной вариативности, но необходимо иметь в виду, что данные переменные — лишь индикаторы более широ-

кого набора измерений, по которым проявляются межкультурные различия. Анализ 20–30 переменных дает по сути аналогичные результаты, однако при этом мы «теряем» многие страны из-за неполноты данных³.

При решении задачи оптимального измерения этих ценностей мы ограничены тем, что, стремясь исследовать временную динамику культурных изменений (этому посвящена глава 5), вынуждены использовать только переменные, включенные во все четыре «волны». На деле можно еще более точно измерить эти ценности, если применить в качестве индикаторов оптимальные переменные — независимо от того, содержатся ли они во всех четырех «волнах». Это мы делаем в части II настоящей книги — не ради сравнительного анализа временной динамики данных, а ради исследования связи выделенных нами ценностей с демократическими институтами.

В таблице 2.2 показаны результаты факторного анализа тех же переменных с использованием данных уровня индивида. Вместо двух сотен страновых примеров теперь мы имеем более 250 000 индивидуальных случаев. Как и следовало ожидать, факторные нагрузки в данном случае оказываются гораздо ниже, чем на страновом уровне, где значительная часть погрешностей, связанных со случайностью выборки, взаимно нейтрализуется. Тем не менее данные элементы дают два четких измерения с базовой структурой, почти аналогичной той, что имеется на страновом уровне (рассмотрение проблем, связанных с методикой анализа, см. в главе 9).

Таблица 2.2. ДВА ИЗМЕРЕНИЯ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ: АНАЛИЗ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ

	Факторные нагрузки
Традиционные ценности акцентируют следующее (секулярно-рациональные ценности акцентируют обратное)*:	
Бог играет крайне важную роль в жизни респондента	0,70
В ребенке следует воспитывать прежде всего послушание и религиозность, а не независимость и целеустремленность (индекс самостоятельности)	0,61
Аборт неприемлем ни при каких обстоятельствах	0,61
Для респондента характерно сильное чувство национальной гордости	0,60
Респондент предпочитает более высокую степень уважения к власти	0,51

³ В основном такие же результаты мы получаем при выявлении двух ценностных измерений с помощью альтернативной процедуры (вращении по методу облимин), хотя получаемые факторы уже не являются некоррелированными (см. интернет-приложение, примеч. 2).

Факторные нагрузки

Ценности выживания акцентируют следующее
(ценности самовыражения акцентируют обратное)**:

Респондент отдает экономической и физической защищенности предпочтение перед самовыражением и качеством жизни (Индекс материалистических/постматериалистических ценностей на основе 4 переменных)	0,59
Респондент считает себя не очень счастливым человеком	0,59
Гомосексуализм неприемлем ни в коем случае	0,58
Респондент никогда не подписывал и не подпишет никаких петиций	0,54
Следует быть очень осторожным, когда решаешь, доверять ли людям	0,44

Примечание. В исходных данных полярность значений переменных варьируется; строки таблицы показывают, как каждая составляющая связана с соответствующим фактором. Совокупный объем выборки N = 165 594; минимальный объем для любой из вышеперечисленных переменных N = 146 789.

* Первый фактор объясняет совокупную индивидуальную дисперсию на 26%; секулярные ценности приняты за положительный полюс.

** Второй фактор объясняет совокупную индивидуальную дисперсию на 13%; ценности самовыражения приняты за положительный полюс.

Источник: данные World Values Survey, полученные на основе 125 опросов, проведенных тремя «волнами» в 65 странах.

Каждый фактор отражает большое разнообразие культурных различий, описываемое десятками дополнительных переменных. В таблице 2.3 представлены задействованные в Values Survey 24 дополнительные переменные, которые демонстрируют значительную корреляцию с измерением «традиционные/секулярно-рациональные ценности» (медианный коэффициент корреляции составляет 0,61). Это измерение отражает различие между обществами, где религия по-прежнему играет очень важную роль, и теми, где это не так, однако почтительное отношение к Богу, родине и семье — явления, тесно связанные друг с другом. Очень важную тему представляет собой значение семьи: в обществах традиционного типа одна из главных целей в жизни большинства людей заключается в том, чтобы родители могли ими гордиться; считается, что к родителям всегда следует относиться с любовью и уважением, независимо от того, как они себя ведут; в свою очередь, родители должны заботиться о детях даже в ущерб собственному благосостоянию; кроме того, там идеализируется большая семья (и этот идеал воплощается на практике: высокие показатели по данному измерению демонстрируют страны со значительным уровнем рождаемости). Хотя члены традиционных обществ отличаются высоким уровнем национальной гордости, выступают за уважение к власти,

Таблица 2.3. ПЕРЕМЕННЫЕ, КОРРЕЛИРУЮЩИЕ СО ЗНАЧЕНИЯМИ
ПО ОСИ «ТРАДИЦИОННЫЕ/СЕКУЛЯРНО-РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ»

	Коэффициент корреляции со значениями по оси «традиционные/ секулярно-рациональные ценности»*
Традиционные ценности акцентируют следующее (секулярно-рациональные ценности акцентируют обратное):	
Религия играет крайне важную роль в жизни респондента	0,89
Респондент верит в существование рая	0,88
Одна из главных целей в жизни респондента — сделать так, чтобы его (ее) родители им (ею) гордились	0,81
Респондент верит в существование ада	0,76
Респондент регулярно посещает церковь	0,75
Респондент доверяет конфессиям, существующим в его стране	0,72
Религия дает респонденту силу и утешение	0,71
Респондент считает себя «религиозным человеком»	0,66
Эвтаназия неоправданна ни при каких обстоятельствах	0,65
Работа играет очень важную роль в жизни респондента	0,63
Необходимо жестче ограничивать торговлю иностранными товарами в данном государстве	0,61
Самоубийство неоправданно ни при каких обстоятельствах	0,60
Долг родителей — максимально заботиться о детях, даже в ущерб собственному благосостоянию	0,57
Респондент редко обсуждает (или никогда не обсуждает) политические темы	0,57
Респондент считает, что придерживается правых, а не левых убеждений	0,57
Развод неоправдан ни при каких обстоятельствах	0,56
Добро и зло — абсолютно четкие понятия	0,56
Четкое выражение собственных предпочтений важнее, чем понимание предпочтений других	0,56
Для решения экологических проблем моей страны не нужны никакие международные соглашения	0,53
Если жена зарабатывает больше мужа, в семье почти наверняка возникнут проблемы	0,49
К родителям следует всегда относиться с любовью и уважением, независимо от их поведения	0,45
Семья играет очень важную роль в жизни респондента	0,43
Респондент в принципе положительно относится к тому, чтобы его страной управляли военные	0,41
Респондент хотел бы иметь сравнительно большое количество детей	0,40

* Числа показывают, насколько сильно каждая переменная коррелирует с индексом традиционных/секулярно-рациональных ценностей. В исходных данных полярность значений переменных варьируется; строки таблицы показывают, как каждая переменная соотносится с индексом традиционных/секулярно-рациональных ценностей.

Источник: данные национального уровня, полученные в ходе опросов, проведенных в 1990 и 1996 годах в 65 странах в рамках проекта World Values Survey.

занимают протекционистскую позицию в отношении внешней торговли и считают, что экологические проблемы можно решать и без международных соглашений на этот счет, к общенациональным

органам власти они относятся пассивно и редко обсуждают политические темы. В доиндустриальных обществах семья имеет важнейшее значение для выживания. Соответственно, общества, тяготеющие к традиционалистскому полюсу данной оси, отвергают развод и занимают негативную позицию по отношению к абортam, эвтаназии и суициду. В таких странах акцент делается на соответствие общественным нормам, а не на индивидуальные стремления, поддерживается почтительное отношение к власти, наблюдается высокий уровень национальной гордости и националистических настроений. В обществах, где господствуют секулярно-рациональные ценности, отношение ко всем перечисленным вопросам прямо противоположное.

Измерение «ценности выживания/самовыражения» отражает синдром толерантности, доверия, акцентирования субъективного благополучия (subjective well-being), гражданской активности и самовыражения, возникающий в постиндустриальных обществах с высоким уровнем жизненной защищенности и личной независимости. На противоположном полюсе располагаются общества, характеризующиеся жизненной незащищенностью, а также жесткими идеологическими и социальными ограничениями личной независимости. Там, как правило, акцент делается прежде всего на экономической и физической защищенности; члены этих обществ считают, что иностранцы, этническое многообразие и культурные изменения несут в себе угрозу, — это порождает нетерпимость в отношении геев и других маргинальных групп, стремление сохранить традиционное распределение гендерных ролей и авторитарные тенденции в политическом мировоззрении.

Центральная составляющая этого измерения связана с противопоставлением материалистических и постматериалистических ценностей. Эти ценности отражают межпоколенческий сдвиг от акцента на экономической и физической защищенности к возрастающему значению самовыражения, субъективного благополучия и качества жизни (Inglehart 1977; Inglehart 1990; Inglehart 1997). Этот культурный сдвиг наблюдается во всех постиндустриальных обществах; он возникает в возрастной когорте, выросшей в условиях гарантированного выживания. С подобными ценностями также связано все большее внимание к защите окружающей среды, развитие женского движения, нарастающие требования относительно участия граждан в принятии решений по экономическим и политическим вопросам. Последние три десятка лет данные ценности при-

обретают все более широкое распространение почти во всех пост-индустриальных обществах, что мы продемонстрируем в главе 4.

В таблице 2.4 представлен широкий спектр ценностей, связанных с измерением «ценности выживания/самовыражения». Общества, где акцент делается на ценностях выживания, отличаются относительно низким уровнем индивидуального благосостояния, худшим здоровьем населения, характеризуются низким уровнем взаимного доверия между людьми и поддержки гендерного равенства, а также относительной нетерпимостью к чужеродным или маргинальным группам. В этих обществах преобладающую роль играют материалистические ценности, там относительно высок уровень веры в возможности науки и техники, слаба экологическая активность и существует скорее позитивное отношение к авторитарным формам правления. В обществах, занимающих высокие места в рейтинге ценностей самовыражения, как правило преобладают противоположные предпочтения по всем перечисленным пунктам. В целом ценности самовыражения отражают эмансипационные и гуманистические этические принципы, делающие упор на личную независимость и свободу выбора.

Таблица 2.4. ПЕРЕМЕННЫЕ, КОРРЕЛИРУЮЩИЕ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ПО ОСИ «ЦЕННОСТИ ВЫЖИВАНИЯ/САМОВЫРАЖЕНИЯ»

	Коэффициент корреляции со значениями по оси «ценности выживания/ самовыражения»*
Традиционные ценности акцентируют следующее (ценности самовыражения акцентируют обратное):	
Мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины	0,86
Респондент не удовлетворен финансовым положением своей семьи	0,83
Чтобы выполнить свое предназначение в жизни, женщина должна рожать детей	0,83
Респондент не хотел бы иметь в качестве соседей иностранцев, гомосексуалистов и ВИЧ-инфицированных	0,81
Респондент выступает за большее внимание к развитию технологий	0,78
Респондент не использует вещи из вторичного сырья с целью сохранения окружающей среды	0,78
Респондент ни разу не участвовал в митингах в защиту окружающей среды и не подписывался под обращениями экологической направленности	0,75
При выборе работы главное — хорошая зарплата и гарантированная занятость. Удовлетворение от работы и приятные люди в качестве коллег — дело второстепенное	0,74
Респондент скорее положительно относится к государственной собственности в промышленности и экономике в целом	0,74
Чтобы у ребенка было счастливое детство, он должен расти в полной семье	0,73
Респондент не считает себя абсолютно здоровым человеком	0,73

Продолжение табл. 2.4

**Коэффициент корреляции
со значениями
по оси «ценности
выживания/
самовыражения»**

К родителям следует всегда относиться с любовью и уважением, независимо от их поведения	0,71
При дефиците рабочих мест у мужчин должно быть больше прав на получение работы, чем у женщин	0,69
Занятие проституцией неоправданно ни при каких обстоятельствах	0,69
Государство должно больше заботиться о материальном благосостоянии всех граждан	0,68
Респондент не считает, что обладает полной свободой выбора и самостоятельностью в жизни	0,67
Высшее образование более важно для юношей, чем для девушек	0,67
Респондент не считает, что деньги и материальное имущество должны играть меньшую роль в жизни	0,66
Респондент не желает иметь в качестве соседей людей с уголовным прошлым	0,66
Респондент не желает иметь в качестве соседей сильно пьющих людей	0,65
Навыки усердного труда — одно из самых важных качеств, которые нужно воспитывать в ребенке	0,64
Богатство воображения не относится к числу самых важных качеств, которые нужно воспитывать в ребенке	0,62
Толерантность и уважение к другим не относятся к числу самых важных качеств, которые нужно воспитывать в ребенке	0,62
Научные открытия приносят человечеству пользу, а не вред	0,60
Досуг не относится к числу самых важных вещей в жизни	0,60
Наличие друзей не относится к числу самых важных вещей в жизни	0,58
Наличие сильного лидера, чью деятельность не ограничивают парламент и выборы, — хорошая форма управления государством	0,56
Респондент не принимал и не примет участие в каком-либо бойкоте	0,56
Долю государственной собственности в бизнесе и промышленности следует увеличить	0,55
Демократию не всегда следует считать наилучшей формой правления	0,45
Респондент выступает против экономической помощи бедным странам	0,42

* Числа показывают, насколько сильно каждая переменная коррелирует с индексом ценностей выживания/самовыражения. В исходных данных полярность значений переменных варьируется; строки таблицы показывают, как каждая переменная соотносится с индексом ценностей выживания/самовыражения.

Источник: данные национального уровня, полученные в ходе опросов, проведенных в 1990 и 1996 годах в 65 странах в рамках проекта World Values Survey.

Когда само выживание не гарантировано, возникает ощущение, что культурное многообразие несет в себе некую угрозу. В обществе, где люди едва сводят концы с концами, иностранцев считают опасными чужаками, способными отнять у вас средства к существованию. В попытке придать максимальную предсказуемость изменчивому миру люди держатся за традиционное распре-

деление гендерных ролей и сексуальные нормы, ассоциирующиеся с непреложностью общепринятых правил и привычными моделями поведения. И наоборот, когда выживание становится само собой разумеющимся, этническое и культурное многообразие выглядит все более приемлемым явлением — более того, на каком-то этапе к многообразию начинают относиться не просто терпимо, но и *позитивно*, оно вызывает интерес и вдохновляет. В постиндустриальном обществе люди любят ходить в рестораны иностранной кухни, чтобы попробовать новые блюда; они готовы платить немалые деньги и преодолевать большие расстояния, чтобы познакомиться с «экзотическими» культурами. Изменение гендерных ролей и норм сексуального поведения уже не кажется членам таких обществ чем-то угрожающим.

В последние десятилетия произошло одно из самых радикальных изменений в культурной сфере за всю историю — переход к гендерному равенству, давший женщинам гораздо более широкий выбор жизненного пути, чем когда-либо прежде. Поляризация мнений по поводу нового распределения гендерных ролей — один из важных компонентов измерения «ценности выживания/самовыражения»: особый накал противоречий вызывает вопрос о том, должны ли мужчины считаться более пригодными на роль политических лидеров, чем женщины. В целом большинство населения планеты по-прежнему отдает предпочтение мужчинам, однако в постиндустриальных обществах доля людей, придерживающихся противоположной точки зрения, уже составляет большинство — и оно постоянно растет, а среди молодежи стало просто подавляющим. Идея равноправия женщин, геев, лесбиянок, иностранцев и других «особых групп» отвергается обществами, где выживание по-прежнему не гарантировано, но пользуется все большей поддержкой там, где преобладают ценности самовыражения.

Таким образом, каждый из основных этапов модернизации — индустриализация и формирование постиндустриального общества — порождает важное измерение кросс-культурной вариабельности.

Кросс-культурная вариабельность — явление с жестко заданными параметрами. Распределение факторных нагрузок по первому измерению (см. табл. 2.1 и 2.2) показывает: если члены того или иного общества делают акцент на религии, можно прогнозировать, какими будут относительно преобладающие в данном обществе точки зрения и по ряду других переменных — от отношения к абортam,

чувства национальной гордости и уважения к власти до подходов к воспитанию детей. Второе измерение охватывает еще один широкий, но высококоррелированный кластер переменных, связанных с противостоянием материалистических (например, обеспечение порядка и борьба с инфляцией) и постматериалистических ценностей, таких как свобода и самовыражение, субъективное благополучие, доверие между людьми, политическая активность и толерантность по отношению к маргинальным группам (измеряемая отношением к гомосексуализму — весьма чувствительным индикатором отношения к таким группам в целом).

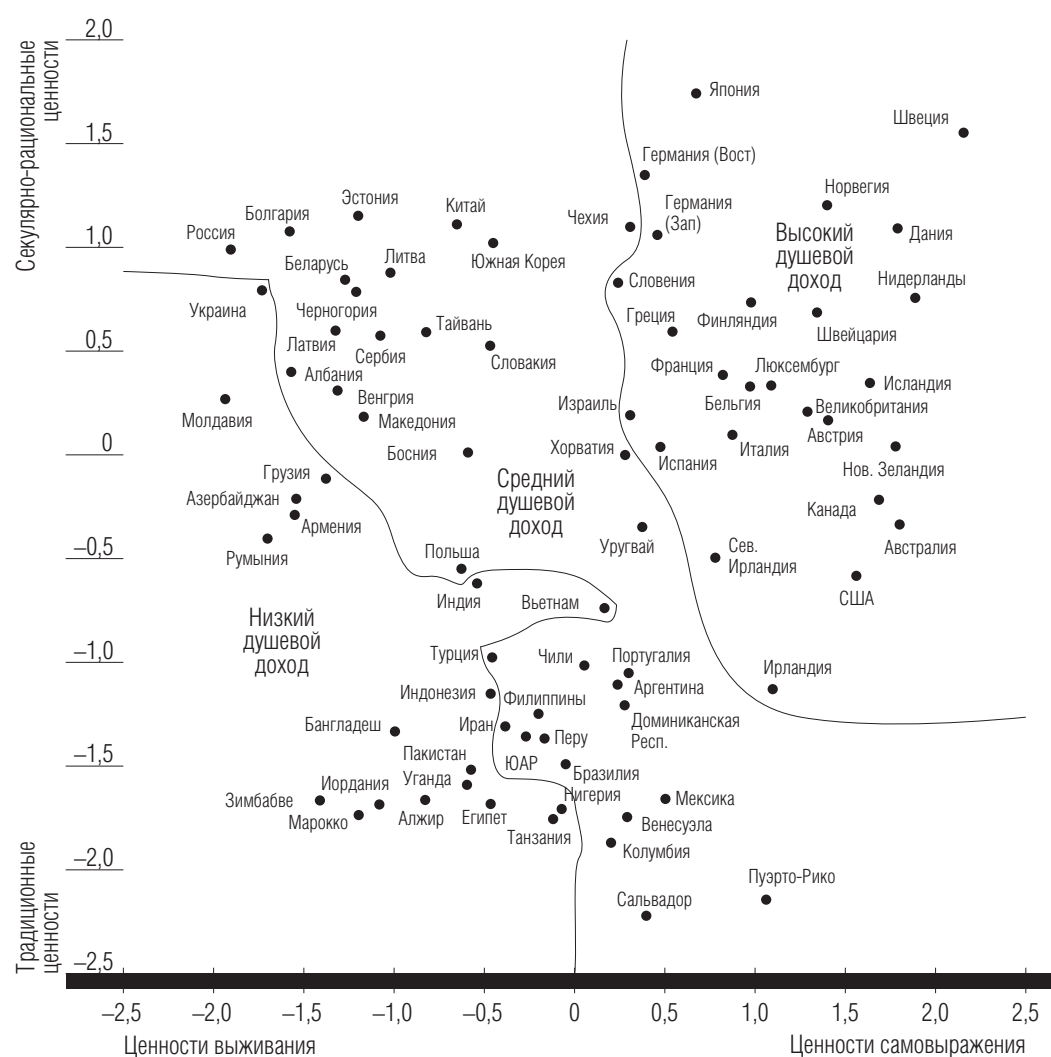
Ценности самовыражения акцентируют толерантность к многообразию и усилившееся стремление граждан участвовать в принятии решений по экономическим и политическим вопросам. Переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения связан с ростом ощущения защищенности и независимости человека, порождающим гуманистическую культуру толерантности и доверия, в рамках которой люди относительно высоко ценят независимость и самовыражение личности, а также ориентированы на политическую активность.

Социально-экономическое развитие и изменения в культурной сфере

Мы определили два основных измерения кросс-культурной вариативности. Действительно ли они, как мы предполагаем, связаны с социально-экономическим развитием? Рисунок 2.1 представляет собой «культурную карту мира», основанную на двух измерениях, выявленных в ходе описанного выше факторного анализа. Вертикальная ось отражает поляризацию между традиционными и секулярно-рациональными ценностями: общества, где акцент делается на традиционных ценностях, расположены в нижней части карты, а страны, где утвердились секулярно-рациональные ценности, — в верхней части. Горизонтальная ось демонстрирует полярность между ценностями выживания и самовыражения: страны, где приоритет отдается ценностям выживания, группируются в левой части карты, а те, где акцентируется самовыражение, — в правой части. Как видно на рисунке, основополагающие культурные ценности общества тесно связаны с его социально-экономическим развитием. Ценностные принципы богатых стран резко и систематически отличаются от тех, что господствуют в бедных государствах. Все страны с высоким душевым доходом (по определению Всемирного бан-

ка) занимают относительно высокие места по обоим измерениям, оказываясь в правом верхнем углу карты. И напротив, все страны с низким душевым доходом попадают в левый нижний угол рисунка 2.1. Общества со средним уровнем доходов располагаются в промежуточной культурно-экономической зоне. Социологические данные редко демонстрируют столь устойчивую закономерность: ни одна из 80 стран, по которым у нас имеются сведения, на этом рисунке не оказывается исключением из правил. Таким образом, социально-экономическое развитие подталкивает страны, независимо от их культурного наследия, в одном и том же направлении.

Рисунок 2.1. УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РАСПОЛОЖЕНИЕ 80 СТРАН НА «КУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ»

Примечание. Координаты каждой страны определяет значение двух факторов, соответствующих двум главным измерениям кросс-культурной вариативности. Зоны экономического развития соответствуют определениям Всемирного банка (см.: World Development Indicators 2002).

ГЛАВА 2. УСТОЙЧИВОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Объем душевого ВВП — лишь один из индикаторов уровня социально-экономического развития общества. Как утверждал Маркс, одним из важнейших явлений в Новой истории стало формирование класса промышленных рабочих. Более того, именно изменение характера рабочей силы определяет три четкие фазы социально-экономического развития: аграрное общество, индустриальное общество и постиндустриальное общество (Bell 1973; Bell 1976). Таким образом, для стран, представленных на рисунке 2.1, можно ввести еще один критерий классификации: общества, где высокая доля трудовых ресурсов занята в сельском хозяйстве, расположены в нижней части карты, общества с высокой долей промышленных рабочих — ближе к ее верхней части, а общества, где большую часть рабочей силы составляют работники сектора услуг, — на правой стороне карты.

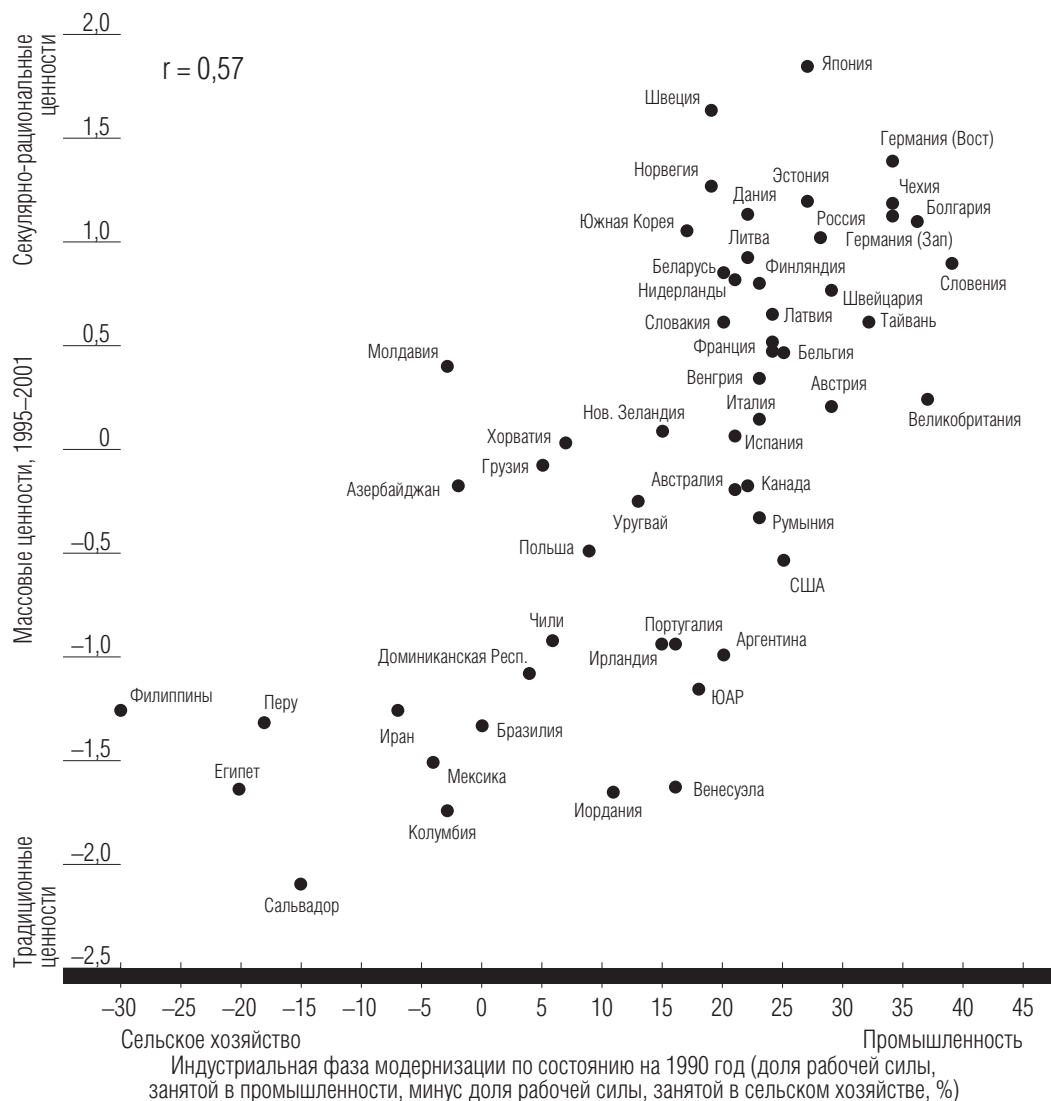
Измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности» связано с переходом от аграрного общества к индустриальному: оно демонстрирует сильную *положительную* корреляцию с долей трудовых ресурсов, занятых в промышленном секторе ($r = 0,61$), и негативную корреляцию с долей рабочей силы, занятой в аграрном секторе ($r = -0,49$). В то же время значительной связи между долей занятых в сфере услуг и позицией страны по этому измерению не наблюдается ($r = 0,19$). Переход от сельскохозяйственного способа производства к промышленному связан с переходом от традиционных ценностей к возрастающей секуляризации и рационализации.

Измерение «ценности выживания/самовыражения» привязано к формированию «экономики услуг». Оно демонстрирует корреляцию на уровне $r = 0,73$ с долей рабочей силы, занятой в секторе услуг (и корреляцию на уровне $r = -0,46$ с долей занятых в аграрном секторе), однако его связь с размером промышленного сектора слаба и носит негативный характер ($r = -0,21$). Таким образом, измерения «традиционные/секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания/самовыражения» отражают соответственно индустриальный этап развития и возникновение постиндустриального общества. Они воплощают собой двухэтапный процесс культурной модернизации. На первом этапе модернизации происходит рост промышленного сектора за счет аграрного. Этот процесс можно определить количественно — путем вычитания доли рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, из доли, занятой в промышленности. Процесс индустриализации связан с рационализацией представлений о власти и авторитете, отраженной в переходе к секуляр-

но-рациональным ценностям. На втором этапе модернизации растет уже сектор услуг — в ущерб промышленному. Количественно он измеряется путем вычитания доли рабочей силы, занятой в промышленности, из доли, занятой в секторе услуг. Генезис постиндустриальной экономической модели связан с другим изменением в отношении к власти и авторитету — эмансипацией *от* них, выраженной в утверждении ценностей самовыражения.

Иллюстрацией к этим тезисам служат рисунки 2.2а и 2.2б. Как показано на рисунке 2.2а, когда доля рабочей силы, занятой в промышленности, превышает долю занятой в сельском хозяйстве, в обществе возникает тенденция к переходу от традиционных ценностей к секулярно-рациональным. Межстрановая дисперсия

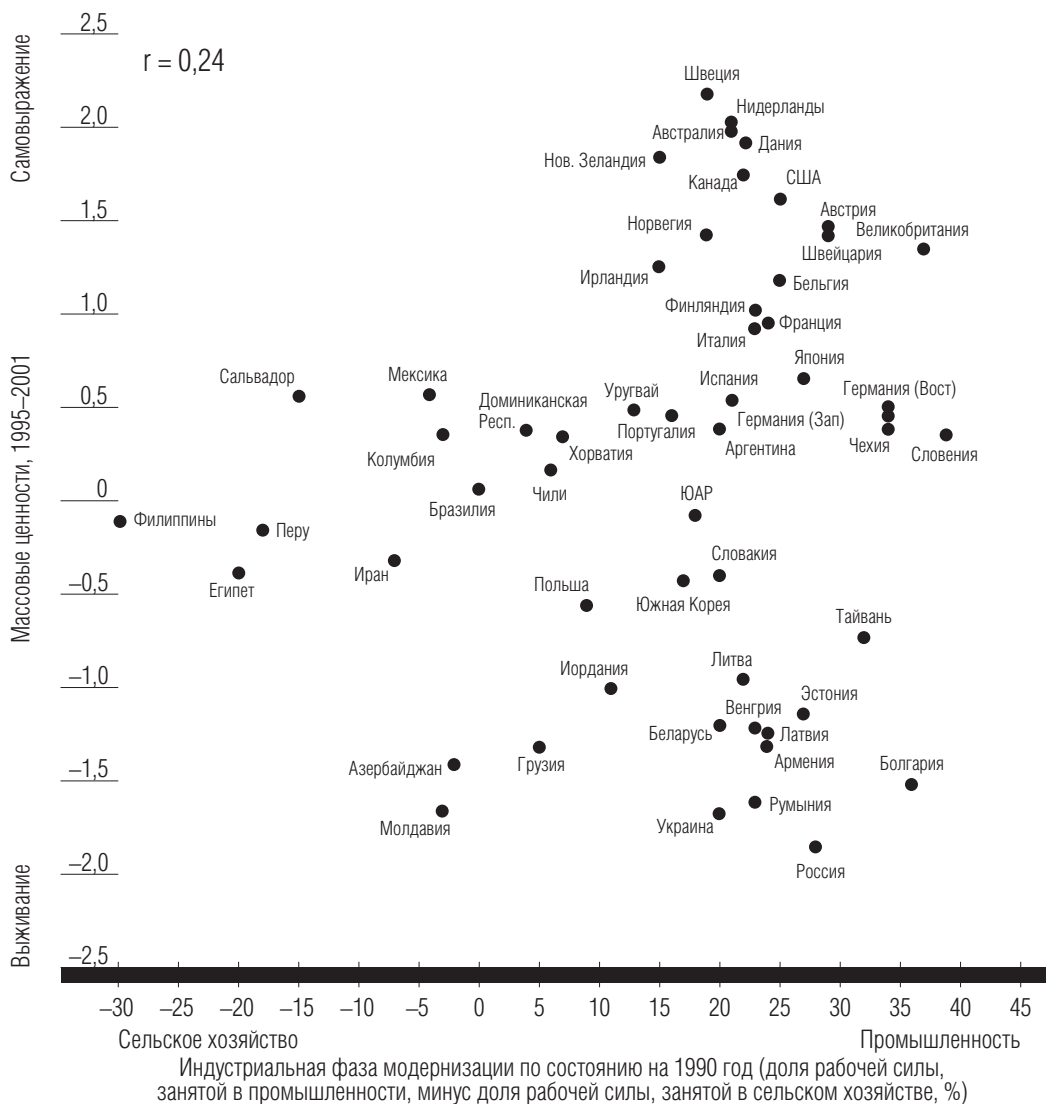
Рисунок 2.2а. ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННЫЕ/СЕКУЛЯРНО-РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

по показателю перехода от аграрного общества к индустриальному на 32% объясняет дисперсию по показателю секуляризации. В то же время этот процесс не оказывает существенного воздействия на измерение «выживание/самовыражение»: индустриализация, как показано на рисунке 2.26, не способствует усилению влияния ценностей самовыражения.

В этом состоит одна из причин, по которым индустриализация приносила с собой всеобщее избирательное право, но не всегда — демократию. Всеобщее избирательное право может вводиться (и зачастую вводится) в авторитарных государствах, например коммунистическом Китае или СССР — там показатели явки избирателей постоянно были намного выше, чем в любой демократической стране.

Рисунок 2.26. ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ЦЕННОСТИ ВЫЖИВАНИЯ/САМОВЫРАЖЕНИЯ

ЧАСТЬ I. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

Ценности, акцентирующие личную независимость и эмансипацию, еще не получают массового распространения в большинстве обществ, находящихся на ранней стадии индустриализации: как показывает опыт истории, в таких странах почти с равной вероятностью может утвердиться и демократический строй, и фашистские или коммунистические режимы. Система ценностей индустриального общества предусматривает рационализацию власти, а не эмансипацию от нее. Тот факт, что индустриализация не приводит к утверждению этики эмансипации, позволяет объяснить отсутствие сильной и конкретной связи между индустриализацией и демократией. Во всех индустриальных обществах происходит «мобилизация» населения, вводится всеобщее избирательное право и иные формы направляемого элитами участия граждан в политической жизни. Однако индустриализация с примерно одинаковой вероятностью порождает как демократические, так и авторитарные формы такого участия⁴.

Рисунок 2.3а демонстрирует, что при возрастании доли трудовых ресурсов, занятых в секторе услуг, и сокращении рабочей силы, занятой в промышленности, система представлений в обществе имеет тенденцию к переходу от ценностей выживания к ценностям самовыражения: этот процесс на 67% отвечает за вариацию в распространении ценностей самовыражения. Однако формирование постиндустриального общества, как видно из рисунка 2.3б, не влияет на измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности». Развивая этику эмансипации, постиндустриальная фаза эмансипирует индивидов как от традиционной, так и от «секуляризованной» власти. Поэтому, как мы убедимся, преобладающей политической системой в постиндустриальном обществе становится либеральная демократия⁵.

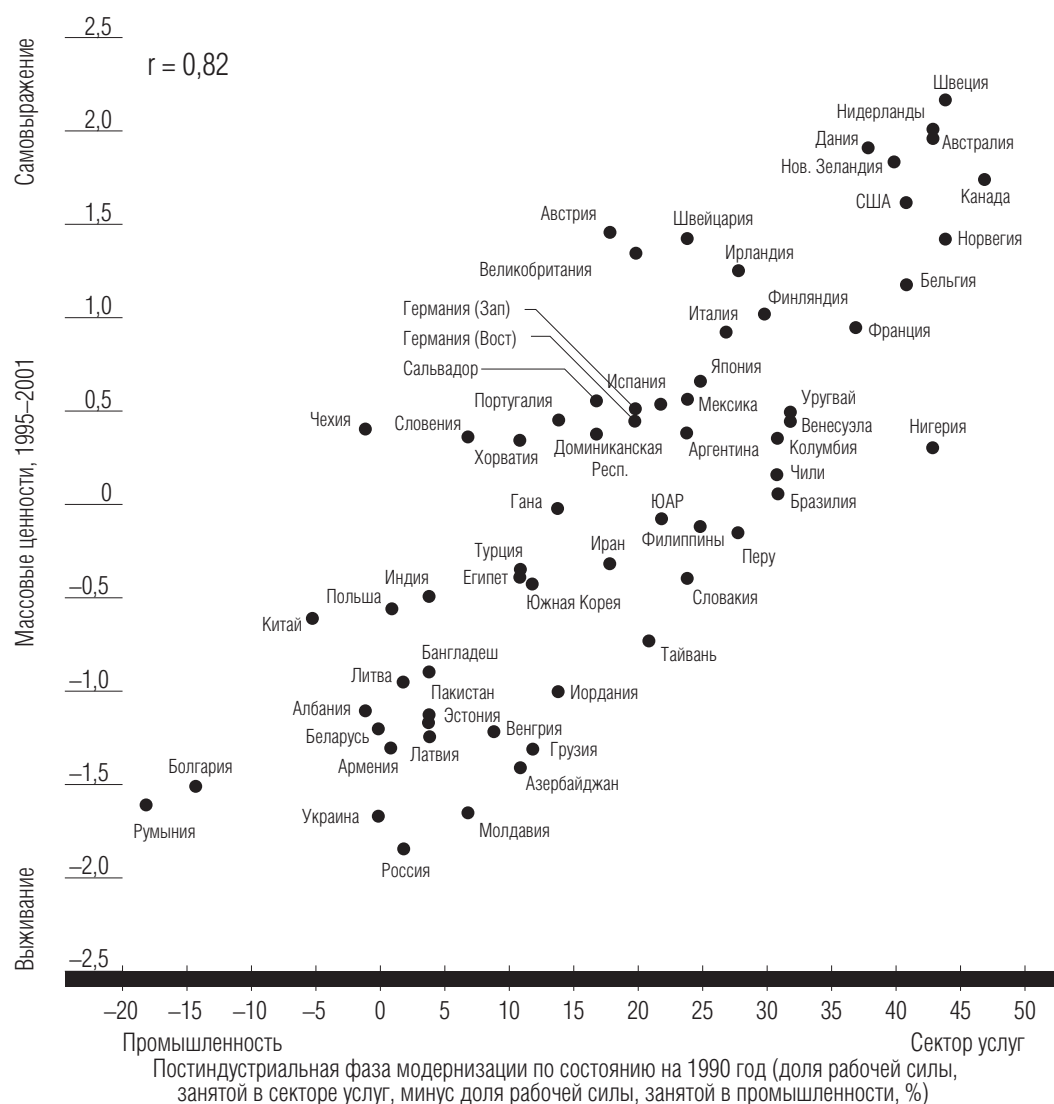
---

⁴ Как отмечает Мур, индустриализация приводила к утверждению демократии только в тех обществах, где еще в доиндустриальную эпоху действовали ограничения на полномочия государственной власти (Moore 1966). По мнению Тилли, с наибольшей вероятностью это могло произойти в тех обществах, где отсутствовал режим принудительного труда (характерный, к примеру, для стран Восточной Европы и империй Востока), а национальная консолидация проходила по «капиталоемкому» пути (Tilly 1997). Уровень личной независимости, которым обладали люди в большинстве стран Западной Европы и поселениях британских колонистов с их «фригольдерским» хозяйством доиндустриальной эпохи, оборачивался достаточно сильным этосом эмансипации, чтобы сорвать попытки навязать народу неограниченную власть государства.

---

⁵ В таких странах, как США, Швейцария и Нидерланды, где экономика и на доиндустриальном этапе носила коммерческий фригольдерский характер, форми-

Рисунок 2.3а. ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА ЦЕННОСТИ ВЫЖИВАНИЯ/САМОВЫРАЖЕНИЯ

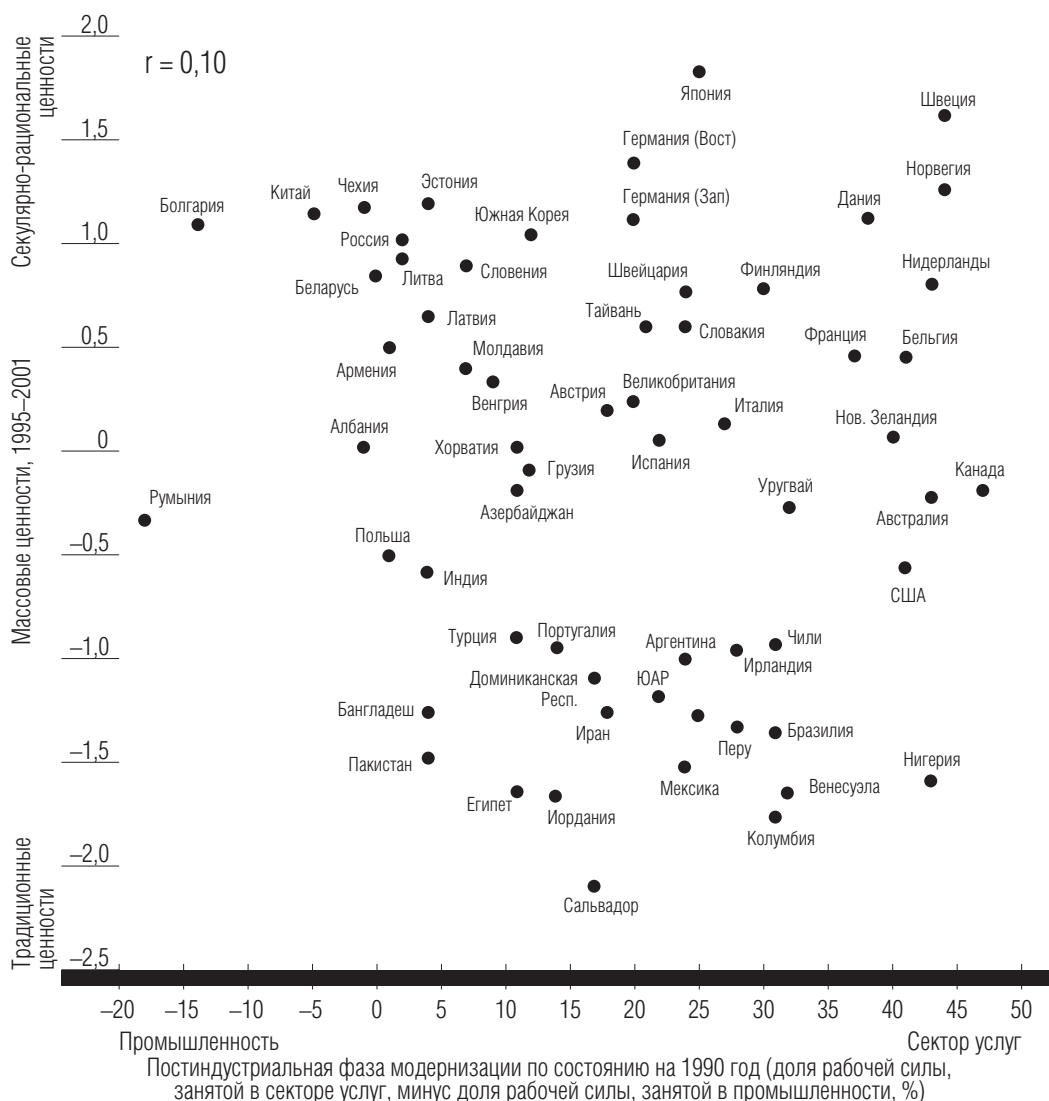

Связь между ростом сектора услуг и влиянием ценностей самовыражения наблюдается и на индивидуальном уровне. В рамках любого конкретного общества люди, получающие более высокие доходы, имеющие высшее образование и работающие в секторе услуг, как правило сильнее привержены ценностям самовыражения, чем остальные, и расположились бы на нашей карте выше и правее других своих соотечественников. Таким образом, согласно нашей

рование постиндустриального общества подкрепило традиционно существующую этику эмансипации. В обществах, где до начала индустриализации существовала аграрная система принудительного труда, формирование постиндустриального общества приносит этику эмансипации с собой.

Рисунок 2.36. ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА ТРАДИЦИОННЫЕ/СЕКУЛЯРНО-РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

версии теории модернизации, социально-экономическое развитие связано с изменением ценностей как на страновом, так и на индивидуальном уровне.

Культурная карта мира

На рисунке 2.4 показано расположение 80 охваченных исследованием стран по двум главным измерениям кросс-культурной вариативности. Вертикальная ось координат на нашей культурной карте мира отражает поляризацию между традиционной и секулярно-рациональной властью (авторитетом), связанную с процессом индустриализации. Горизонтальная представляет полярность ценностей выживания/самовыражения и связана с формированием пост-

индустриального общества. Границы между группами стран на этом рисунке проведены в соответствии с определением «культурных зон» Хантингтона (Huntington 1996) (достоверность этой классификации мы обсудим позднее)⁶. Эта культурная карта напоминает ту, что составил Инглхарт на основе данных, полученных по результатам опросов в рамках Values Survey в 1989–1991 годах (Inglehart 1997: 334–37). Хотя рисунок 2.4 основан на факторном анализе с использованием вдвое меньшего количества переменных, чем у Инглхарта (а количество стран, напротив, увеличено почти в два раза), места расположения соответствующих стран в данном случае удивительно точно совпадают с теми, которые они занимают на более ранних культурных картах. Это сходство связано с тем фактом, что наши два главных измерения кросс-культурной вариативности отличаются высокой устойчивостью. Основные культурные зоны и места их расположения, полученные в результате факторного анализа, основанного на значительно меньшем количестве элементов, сохраняют неизменность и после добавления десятков новых стран.

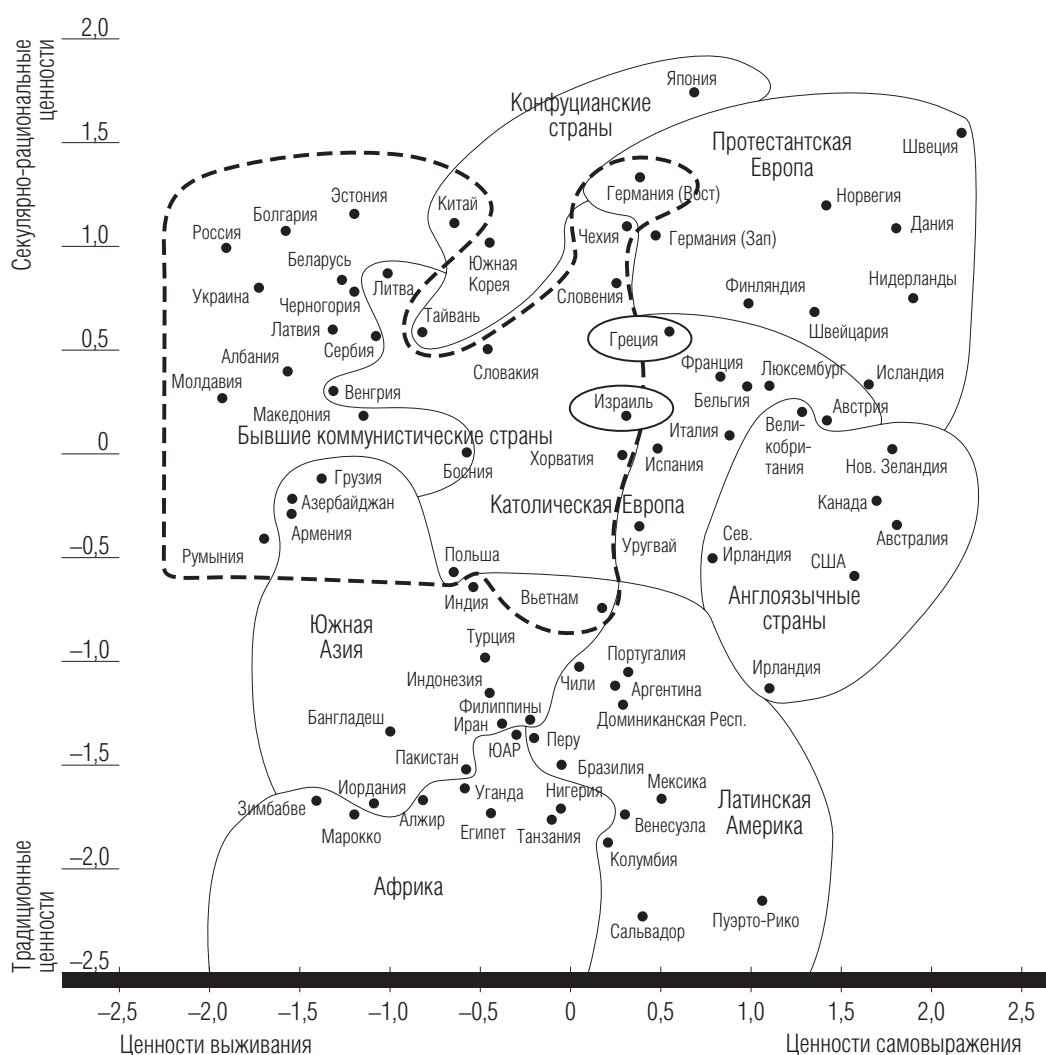
«Картографирование» месторасположения 66 стран, охваченных «волной» опросов 1995–1997 годов в рамках Values Survey, дает картину, очень похожую на результаты, полученные на основе «волны» 1989–1991 годов (см.: Inglehart, Baker 2000). В опросы 1995–1997 годов был включен ряд дополнительных стран, не охваченных «волной» 1989–1991 годов, в том числе шесть государств Латинской Америки и два англоязычных; все они вписались в соответствующие культурные зоны, нанесенные на карту 1990 года.

В рамках четвертой «волны» Values Survey особое внимание уделялось более полному охвату исламской и африканской культурных зон, прежде в основном остававшихся за бортом из-за проблем с финансированием исследований, их инфраструктурой и доступом на места. В результате в «волну» опросов 1999–2001 годов были дополнительно включены Алжир, Марокко, Египет, Иордания, Иран, Индонезия, Танзания, Уганда и Зимбабве, а также Вьетнам, Греция и Люксембург. Тем не менее общая структура, которую мы видим

---

⁶ Для выделения групп стран и проведения границ между ними альтернативным, не имеющим теоретического обоснования решением могло бы стать использование одного из многочисленных методов кластерного анализа. Однако мы решили применить теоретическую классификацию Хантингтона, а затем проверить ее объяснительную силу. Тем не менее использование кластерного анализа дает результаты, примерно аналогичные полученным нами.

Рисунок 2.4. КУЛЬТУРНАЯ КАРТА МИРА В 2000 ГОДУ

на рисунке 2.4, очень напоминает картину, полученную по результатам предыдущих исследований, — несмотря на то что мы добавили ряд стран, чьи социально-экономические и культурные характеристики резко отличаются от параметров обществ, исследованных в рамках предыдущих «волн» Values Survey.

Как предыдущие варианты «культурной карты», так и нынешний, более полный, демонстрируют одни и те же культурные кластеры. Хотя эти кластеры отражают все историческое наследие соответствующих обществ, включая и уникальную специфику каждой страны, они демонстрируют примечательную устойчивость. Это позволяет говорить о закономерности, существующей *несмотря* на особенности каждой страны. Для объединения стран в устойчивые кластеры особенно важны два исторических фактора

системного порядка: религиозные традиции данного общества и его колониальное прошлое. Так, страны с протестантскими традициями, как правило, занимают на шкале «выживание/самовыражение» более высокие места, чем католические. А бывшие коммунистические страны, напротив, демонстрируют сравнительно низкие показатели по измерению «выживание/самовыражение». Православные страны образуют отдельный кластер в рамках посткоммунистической зоны — исключение составляет Греция, не пережившая правления коммунистов: она занимает куда более высокое место на шкале «выживание/самовыражение», чем другие православные общества. Исламские страны образуют два кластера: один, более многочисленный, состоит из «типичных» мусульманских стран (Индонезия, Иран, Бангладеш, Пакистан, Турция, Марокко, Алжир, Иордания и Египет) и располагается компактной группой в юго-западном квадранте карты. В то же время мусульманские страны, пережившие коммунистическую эпоху (Азербайджан и Албания), демонстрируют куда больше «светских» черт. Различия в ВВП на душу населения и структуре занятости оказывают серьезное воздействие на преобладающие мировоззренческие принципы, однако историко-культурное влияние представляется более значительным.

Религиозные традиции оказывают устойчивое воздействие на системы ценностей современных обществ; это отмечали Вебер, Хантингтон и другие ученые. Однако культура страны отражает всю совокупность ее исторического наследия. Одним из важнейших явлений в истории XX века стали взлет и падение коммунистической империи, под властью которой еще недавно находилась треть населения планеты. Коммунизм наложил четкий отпечаток на систему ценностей тех, кто жил под его владычеством. Все страны, где существовали коммунистические режимы, образуют большой кластер в верхнем левом квадранте карты. Восточная Германия сохраняет культурную близость с Западной, однако ее ценностная система тяготеет к посткоммунистической зоне. Кроме того, Китай, относящийся к конфуцианской зоне, одновременно попадает и в кластер обществ, испытавших влияние коммунизма.

Влияние колониального прошлого со всей очевидностью проявляется в самом наличии латиноамериканской культурной зоны. В нее можно внести также Филиппины, поскольку, несмотря на географическую удаленность, они, как и Латинская Америка, испытали влияние испанского колониального правления и католической церкви. Прежние связи в рамках колониальной империи также от-

части объясняют существование англоязычной зоны, в которую входят Британия и другие страны, где говорят по-английски. Все семь англоязычных обществ, включенные в рамки настоящего исследования, демонстрируют относительное сходство культурных характеристик. Воздействие колониальной эпохи, судя по всему, особенно усиливается, если его подкрепляет массовая иммиграция в колонии. Так, Испания, Португалия, Италия, Уругвай, Чили и Аргентина располагаются достаточно близко друг к другу в районе границы между католической и латиноамериканской зонами: отметим, что население Уругвая, Аргентины и Чили состоит в основном из потомков испанских и итальянских иммигрантов. Этот вывод подтверждается исследованиями Райса и Фелдмана (Rice, Feldman 1997): они выявили сильную корреляцию между ценностями различных этнических групп, проживающих в Соединенных Штатах, и ценностными системами стран, откуда они прибыли, — заметную даже через два-три поколения после иммиграции в США.

Наша культурная карта также со всей очевидностью показывает, что вопреки мнению некоторых ученых, занимавшихся в послевоенный период проблемами модернизации, Соединенные Штаты нельзя рассматривать в качестве прототипа культурной модернизации. На деле США выглядят скорее отклонением от нормы: система ценностей в этой стране куда более традиционна, чем во всех других постиндустриальных обществах, за исключением ирландского. На шкале традиционных/секулярных ценностей Америка расположена гораздо ниже других богатых стран и демонстрирует уровень религиозности и национальной гордости, сравнимый с показателями некоторых развивающихся государств. Феномен американской «исключительности» исследовали Липсет (Lipset 1990; Lipset 1996), Бейкер (Baker W. 2005) и другие ученые: полученные нами результаты подтверждают их выводы. По шкале ценностей выживания/самовыражения Соединенные Штаты входят в группу самых передовых стран, но и там они не лидируют. Шведы, голландцы и австралийцы оказались ближе к переднему краю культурных изменений, чем американцы. Одним словом, модернизация и американизация — отнюдь не синонимы.

Насколько реальны выделенные нами культурные зоны?

Местонахождение каждой страны на культурной карте мира носит объективный характер: оно определяется факторным анализом данных соответствующих опросов. Однако *границы* между их группами

проведены субъективно — в соответствии с классификацией Хантингтона, разделившего мир на несколько культурных зон (Huntington 1996). Насколько «реальны» эти зоны? Указанные границы можно провести разными способами, поскольку на общества, о которых идет речь, оказывает влияние целый ряд факторов. В результате некоторые культурные зоны накладываются друг на друга — например, посткоммунистическая частично совпадает с протестантской, католической, конфуцианской, православной и исламской. Аналогичным образом, Британия располагается на пересечении англоязычной зоны и протестантской Европы; эмпирически она близка всем шести другим англоязычным странам и потому на нашей карте включена в соответствующую зону. Но достаточно слегка модифицировать эти границы, и Британия окажется среди протестантских стран, поскольку в культурном плане она близка и к этим обществам. Реальность сложна. Британия представляет собой и исторически протестантскую, и англоязычную страну, и ее эмпирическое положение отражает оба этих аспекта действительности. Аналогичным образом, мы объединили в одну область латиноамериканские страны, представляющие собой, по Хантингтону, особую культурную зону: и действительно, ценности всех десяти государств Латинской Америки сравнительно схожи на общемировом фоне. Но, внося небольшие изменения, мы могли бы создать пиренейскую культурную зону, включающую также Испанию и Португалию, поскольку в эмпирическом плане они также относительно близки к латиноамериканским странам. Более того, можно даже объединить Латинскую Америку, католическую Европу, Филиппины и Ирландию в одну большую римско-католическую культурную зону.

Культурные карты, составленные по двум измерениям, основаны на сходстве основополагающих ценностей, но отражают и относительную дистанцию между соответствующими обществами по многим другим измерениям, например религии, влиянию колониальной эпохи, воздействию коммунистического строя, структуре трудовых ресурсов и уровню экономического развития. Весьма примечательно уже то, что влияние столь многих исторических факторов можно продемонстрировать на достаточно простой карте, основанной на двух измерениях. Однако, поскольку эти разнообразие факторы не всегда в точности совпадают по своему влиянию, возникают и определенные аномалии. К примеру, обнаруживается немалое сходство между Японией и Восточной Германией. С одной стороны, ничего удивительного в этом нет: обе стра-

ны в высокой степени секулярны, относительно богаты и обладают высокой долей промышленной рабочей силы. Но, с другой стороны, характер японского общества определяется конфуцианским наследием, а восточногерманского — протестантизмом (хотя небезынтересно будет отметить, что при разработке первой конституции западного типа японцы взяли за образец конституцию Пруссии). Несмотря на подобные аномалии, страны с общим культурным наследием, как правило, *действительно* оказываются в одном и том же кластере. Однако их местоположение одновременно отражает и уровень социально-экономического развития, структуру занятости, религию и историческую принадлежность к империям — например, испано-португальское и британское колониальное наследие или влияние советской империи. Это двухмерное пространство воплощает многомерную реальность, и выявленная нами высокая степень соответствия социально-экономической и культурной составляющих отражает тот факт, что культура общества определяется всем его историческим наследием.

Теория модернизации предусматривает, что по мере экономического развития общества его культура также эволюционирует в предсказуемом направлении, и наши выводы соответствуют этому тезису. Социально-экономические различия *действительно* связаны с масштабными и глубокими культурными различиями, как это показано на рисунке 2.1. Тем не менее существуют и четкие данные, свидетельствующие о влиянии устойчивых культурных зон. Используя данные опросов 1995–1997 годов по каждой стране, мы ввели для каждого кластера на культурной карте бинарную (фиктивную) переменную, отражающую тот факт, что конкретное общество принадлежит или не принадлежит к англоязычной, посткоммунистической и другим зонам. Эмпирический анализ этих переменных показывает, что культурное местоположение конкретных обществ отнюдь не случайно. Восемь из девяти зон, обозначенных на наших культурных картах, демонстрируют статистически значимое соотношение по крайней мере с одним измерением кросс-культурной вариабельности (единственным исключением является кластер «католическая Европа»: он вполне устойчив, но нейтрален по обоим измерениям). К примеру, бинарная переменная для протестантской Европы демонстрирует коэффициент корреляции 0,46 с измерением «традиционные/секулярно-рациональные ценности» и корреляцию на уровне 0,41 с измерением «ценности выживания/самовыражения» (обе корреляции статистически значимы

с уровнем 0,0001). Аналогичным образом, посткоммунистическая бинарная переменная имеет коэффициент корреляции 0,43 с показателем «традиционные/секулярные ценности» и -0.74 — с показателем «ценности выживания/самовыражения».

Являются ли эти культурные кластеры простым отражением социально-экономических различий? Например, объясняется ли сходство ценностей у стран протестантской Европы лишь тем, что все они богаты? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Как явствует из нашего анализа, наличие у общества католического, протестантского, конфуцианского, православного или коммунистического наследия вносит самостоятельный вклад в его расположение на культурной карте мира. Тем не менее влияние социально-экономического развития наблюдается повсеместно. Объем ВВП на душу населения оказывает существенное воздействие на измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности» в пяти из восьми культурных зон (с использованием бинарной переменной для каждой культурной зоны в отдельном регрессионном уравнении)⁷. Более того, этот показатель серьезно влияет и на индекс ценностей выживания/самовыражения для каждой из восьми культурных зон. Показатель доли рабочей силы, занятой в промышленном секторе, демонстрирует даже более устойчивое воздействие на измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности», чем объем ВВП: его влияние оказывается существенным в семи из восьми регрессий. Доля трудовых ресурсов, занятых в секторе услуг, значимо воздействует на измерение «ценности выживания/самовыражения» в шести из восьми регрессий (Inglehart, Baker 2000).

Тем не менее и после введения дополнительных переменных «душевой ВВП» и «структура рабочей силы» в рамках множественного регрессионного анализа историко-культурное наследие общества сохраняет свое воздействие. Так, посткоммунистическая бинарная переменная демонстрирует сильное и статистически значимое влияние на переменную «традиционные/секулярно-рациональные ценности» и при всех поправках на социально-экономическое развитие. Секуляризирующий эффект коммунизма даже превышает аналогичное воздействие размера промышленного сек-

⁷ Бинарные (фиктивные) переменные были введены в качестве индикаторов принадлежности общества к конкретной зоне (1) или того, что оно к ней не принадлежит (0). Речь идет о посткоммунистической, протестантской европейской, англоязычной, латиноамериканской, африканской, южноазиатской, православной и конфуцианской зонах. Конкретные страны, входящие в эти зоны, см. на рисунке 2.4.

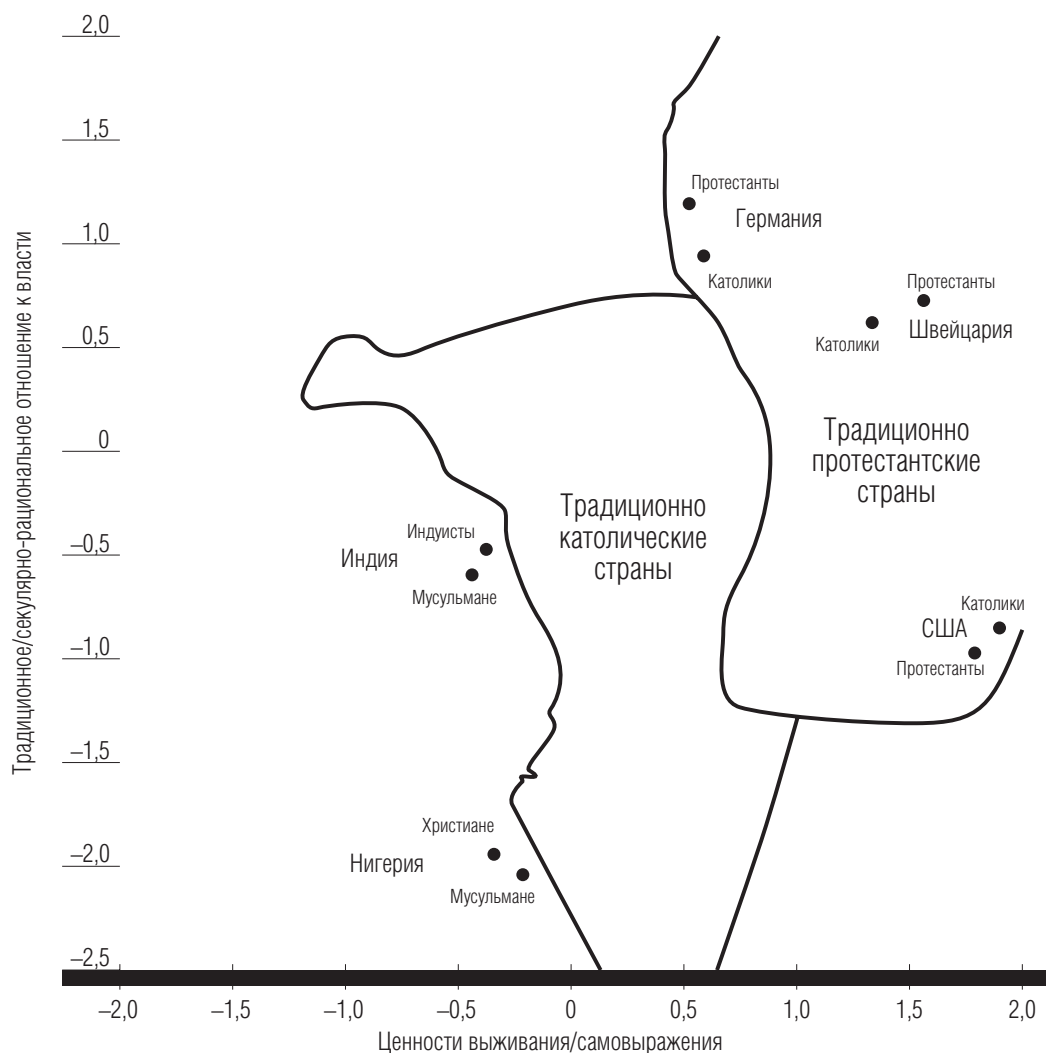
тора и почти равен влиянию показателя душевого ВВП. Посткоммунистическая бинарная переменная также оказывает значимое негативное воздействие на ценности выживания/самовыражения. Переменные, связанные с принадлежностью к протестантской Европе и англоязычным странам, значимо влияют на измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности». Однако, несмотря на то что по измерению «ценности выживания/самосохранения» англоязычные страны группируются близко к правому полюсу, эта тенденция исчезает, когда мы учитываем их относительное богатство и сосредоточение высокой доли трудовых ресурсов в секторе услуг. Тем не менее каждая из культурных бинарных переменных демонстрирует статистически значимое воздействие по крайней мере по одному из двух ценностных измерений.

Если мы объединяем кластеры, показанные на рисунке 2.4, в более широкие культурные зоны с большими размерами выборки, то введенные фиктивные переменные приобретают еще большую объяснительную силу. Как видно из этого рисунка, католические страны Восточной Европы составляют отдельный «субкластер» в рамках католического мира, расположенный на полпути между западноевропейскими католическими странами и православными обществами. Латиноамериканский кластер также примыкает к двум католическим группам, а рядом расположились еще две традиционно католических страны — Филиппины и Ирландия; таким образом, мы можем объединить все эти группы в римско-католическую «суперзону». Аналогичным образом, протестантскую Европу и всю англоязычную зону, за исключением Ирландии, можно объединить в одну «традиционно протестантскую» зону. Каждая из этих двух новых зон охватывает гигантское многообразие географических, исторических и экономических особенностей, однако они отражают воздействие общих религиозно-исторических факторов — и обладают относительной гомогенностью с общемировой точки зрения.

До сих пор мы исследовали вопрос о том, как общества в целом вписываются в культурные зоны, связанные с их историко-религиозным наследием. Однако в некоторых странах проживает большое количество как католиков, так и протестантов (или индуистов и мусульман, или христиан и мусульман). Какое место на общей картине занимают эти подгруппы? Разбиение страновых данных на основе этих характеристик индивидов позволяет понять, каким образом воздействие религиозных традиций происходит сегодня. Здесь существует два основных возможных варианта: данные

религиозные институты и сегодня прививают своим последователям в каждой стране отчетливо выраженные католические, протестантские или исламские ценности; либо указанные религиозные традиции в прошлом определяли национальную культуру соответствующих стран, однако в настоящее время их воздействие осуществляется в основном через общенациональные институты и транслируются на все население, включая и тех, кто совсем или почти совсем не связан с религиозными институтами. Если действительности соответствует первый вариант, следует ожидать, что немецкие католики окажутся в составе католической культурной зоны, а их соотечественники-протестанты займут место на большом удалении, ближе к северо-восточному углу карты. Если же верно вто-

Рисунок 2.5. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЦЕННОСТЯМИ РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП В СМЕШАННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Источник: Values Survey, 1999–2001.

ЧАСТЬ I. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

рое предположение, мы обнаружим лишь небольшие различия между католиками и протестантами, живущими в одной стране.

Как явствует из рисунка 2.5, эмпирические данные четко подтверждают второе предположение. Хотя традиционно католические, протестантские или мусульманские общества имеют ярко выраженные специфические ценности, различия между католиками и протестантами или христианами и мусульманами в рамках *одного* общества сравнительно невелики. В Германии, к примеру, характерные для католиков основополагающие ценности куда ближе к ценностям немцев-протестантов, чем к ценностям католиков из других стран. Представители католической общины Германии — в первую очередь немцы и лишь во вторую католики. То же самое относится к США, Швейцарии, Нидерландам и другим странам со смешанным в религиозном отношении населением: католики чуть больше привержены традициям, чем их соотечественники-протестанты, но не вписываются в зону традиционно католических обществ и даже занимают на карте весьма отдаленное от нее место. Как это ни удивительно, аналогичная картина наблюдается и если речь идет о различиях между индуистами и мусульманами в Индии или христианами и мусульманами в Нигерии. С точки зрения основополагающих ценностей нигерийцы-мусульмане куда ближе к своим соотечественникам-христианам, чем к мусульманам Индии. Изучая ответы на вопросы, напрямую связанные с исламской или христианской идентичностью, мы почти наверняка получим другие результаты, однако по нашим двум основным ценностным измерениям межстрановые различия ощущаются куда сильнее, чем различия между религиозными общинами в рамках одного общества. Аналогичным образом складывается и ситуация с другими переменными: различия с точки зрения двух ценностных измерений между людьми с разным уровнем образования, родом занятий, этнической принадлежностью, а также между представителями разных поколений в рамках одного общества куда меньше, чем в рамках различных обществ. Страны проживания и культурные зоны, в которых эти страны расположены, оказывают серьезнейшее воздействие на убеждения людей при формировании ярко выраженных национальных массовых систем взглядов (более подробный анализ этого тезиса см. в главе 9).

Протестантские и католические страны сегодня демонстрируют ценностное разнообразие в основном из-за того воздействия, которое соответствующие церкви оказывали на общество в целом,

а не потому, что они оказывают воздействие на свою паству сегодня. По этой причине мы относим Германию, Швейцарию и Нидерланды к традиционно протестантским странам: в историческом плане их характер предопределил протестантизм — даже несмотря на то, что сегодня (из-за притока иммигрантов, относительно низкого уровня рождаемости среди протестантов и относительно высокого уровня их «секуляризации») воцерковленных католиков там больше, чем протестантов.

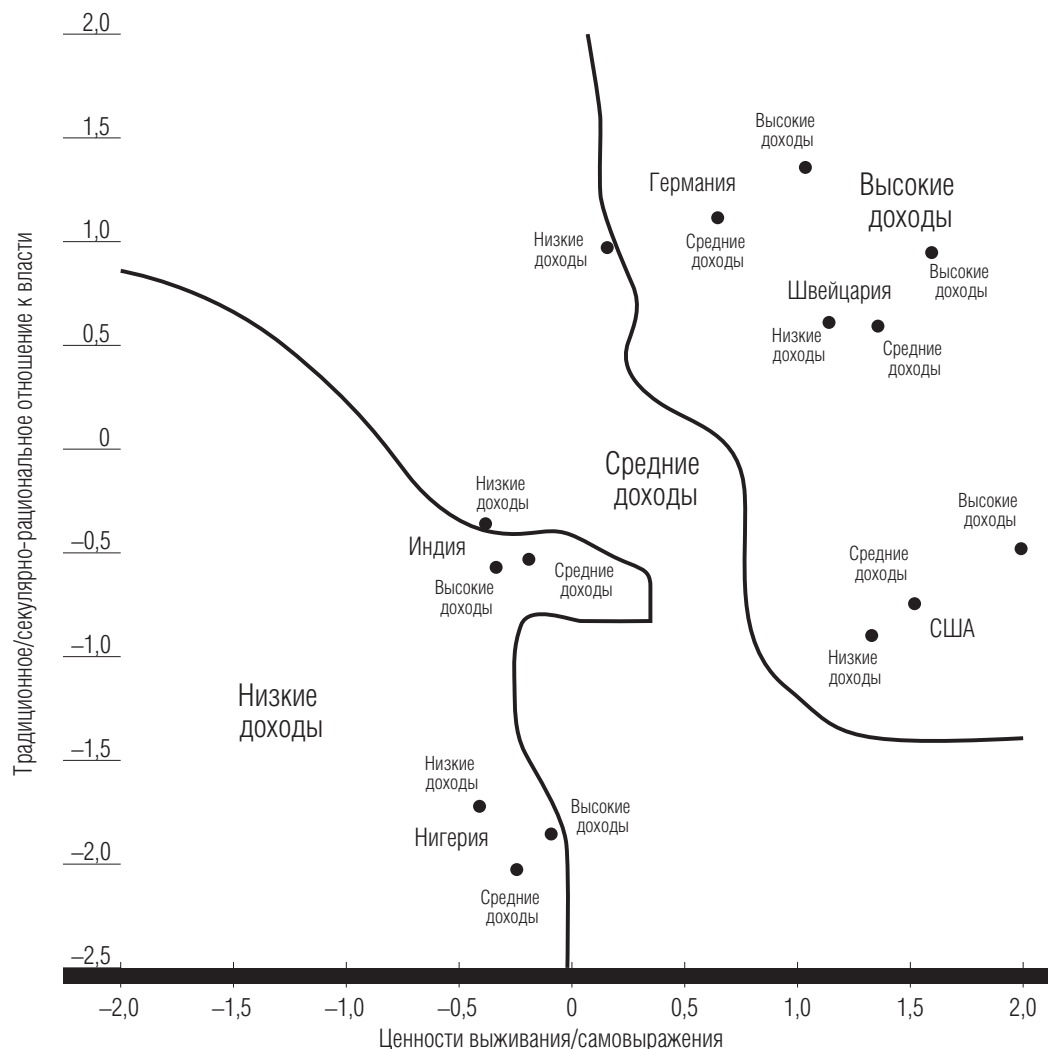
Эти выводы позволяют предположить, что, раз сформировавшись, кросс-культурные различия, связанные с религией, становятся частью национальной культуры, которую образовательные учреждения и СМИ соответствующей страны передают всему населению. Несмотря на постоянные разговоры о «глобализации культуры», страна остается ключевой составляющей совместно проживаемого опыта, а ее образовательные и культурные институты формируют ценности, свойственные почти всем ее жителям.

Другой иллюстрацией того же принципа служит рисунок 2.6, где сравниваются ценности групп населения с высокими, средними и низкими доходами в каждой из стран, включенных в рисунок 2.5. Высокий уровень экономического развития связан с большим акцентом на секулярных ценностях и ценностях самовыражения: именно поэтому богатые страны оказываются в правом верхнем секторе общемировой культурной карты. Следовательно, можно ожидать, что более обеспеченные слои каждого общества тоже окажутся ближе к этому углу, чем менее обеспеченные. Вопрос, однако, заключается в том, насколько ближе? Попадают ли все зажиточные люди, независимо от национальности, в правый верхний угол, или центростремительные тенденции, свойственные каждой стране, привязывают даже самых богатых и самых бедных к ее культурной «орбите»? Как показывает рисунок 2.6, национальная принадлежность и в этом плане серьезно влияет на ценностную ориентацию людей. В богатых странах более зажиточные люди последовательнее отдают предпочтение секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения, чем бедные, однако по ценностной ориентации богатые немцы (относящиеся к верхней трети в общей структуре распределения доходов) ближе к бедным соотечественникам, чем к богатым швейцарцам или американцам. Хотя в богатых странах ценностная ориентация зажиточных и образованных членов общества носит более секулярный характер, чем у бедных, то же самое не всегда наблюдается в странах с низким уровнем среднедуше-

вых доходов: как показано на рисунке 2.6, в Индии и Нигерии ценности богачей носят чуть более традиционный характер, чем ценности бедняков. Однако главный тезис, который иллюстрирует этот рисунок, заключается в том, что на уровне конкретной страны ценности богатых и бедных слоев населения ближе друг к другу, чем к ценностям граждан других государств, будь то богатых или бедных. Даже в эпоху Интернета национальная принадлежность остается мощным индикатором ценностной ориентации человека.

Устойчивое своеобразие ценностных систем, судя по всему, отражает тот факт, что культурное развитие исторически обусловлено (path dependent). Протестантские религиозные институты способствовали формированию протестантской этики, относительно

Рисунок 2.6. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЦЕННОСТЯМИ ГРУПП С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОХОДОВ (ПО ТЕРТИЛЯМ) В ПЯТИ СТРАНАХ

Источник: Values Survey, 1999–2001.

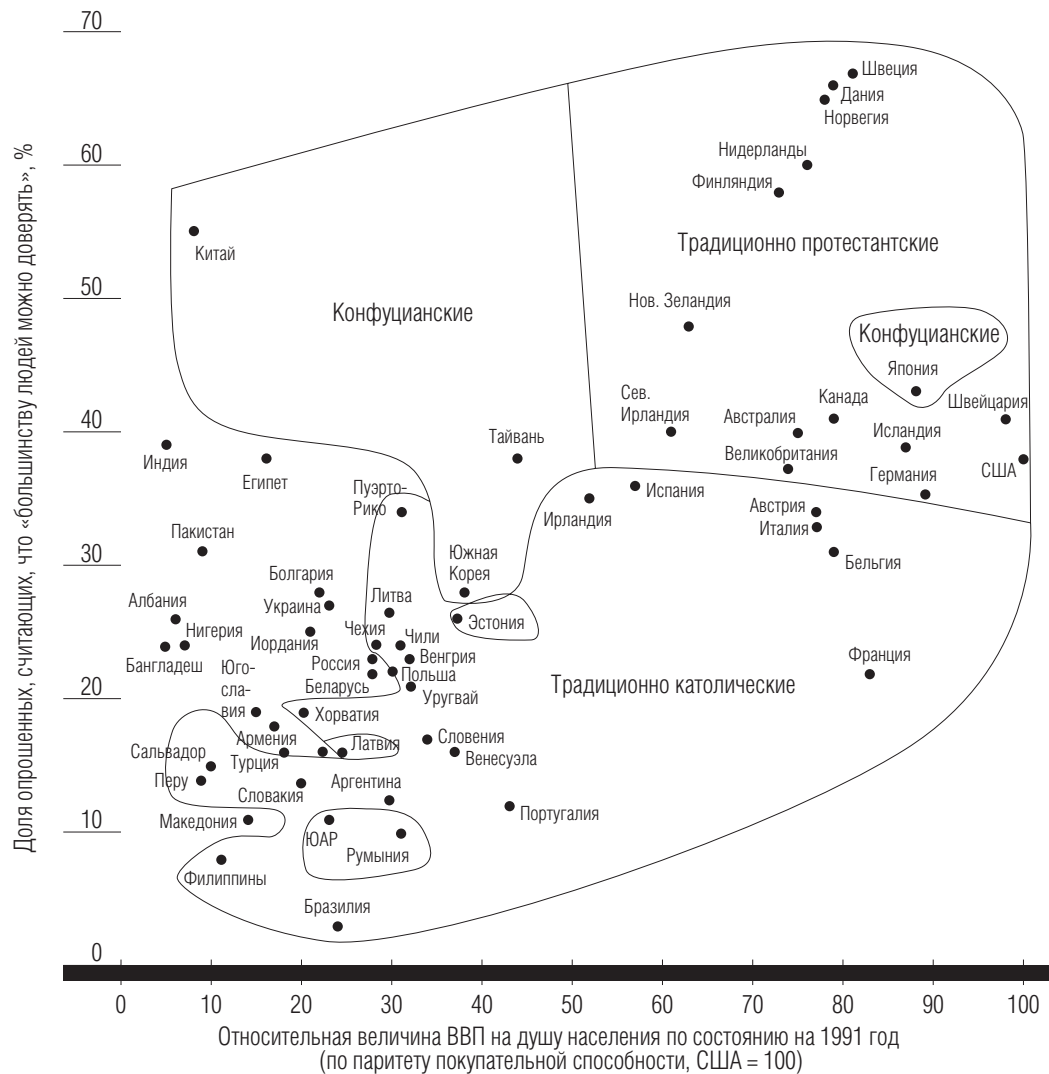
высокого уровня доверия между людьми и плюрализма в общественной жизни — отчасти благодаря этим факторам индустриализация в протестантских странах произошла раньше, чем в остальном мире. В свою очередь, относительное экономическое благосостояние протестантских обществ (сохраняющееся и сегодня) определило их характерные черты. Несмотря на динамичные социальные и культурные изменения, традиционно католические и протестантские (а также конфуцианские, мусульманские, православные и др.) общества сохраняют своеобразие. Выявление конкретных механизмов этой обусловленности развития потребует детального исторического анализа, который не входит в наши задачи. Однако данные социологических опросов в различных странах мира показывают, что их культурное своеобразие сохраняется.

Чтобы проиллюстрировать, насколько устойчивы эти кластеры, возьмем одну из основных переменных, встречающихся в научных трудах о кросс-культурных различиях, — доверие между людьми (один из компонентов измерения «выживание/самовыражение»). Алмонд и Верба, Коулмэн, Патнэм и Фукуяма утверждают, что доверие необходимо для формирования ассоциаций, лежащих в основе демократии, и сложных социальных организаций, составляющих фундамент крупных экономических предприятий (Almond, Verba 1963; Coleman 1990; Putnam 1993; Fukuyama 1995). Как явствует из рисунка 2.7, буквально все традиционно протестантские страны по уровню доверия между людьми опережают все католические. Этот тезис остается в силе даже после введения поправки на уровень экономического развития: как следует из указанной литературы, доверие между членами общества существенным образом коррелирует с объемом ВВП на душу населения ($r = 0,60$), но даже богатые католические страны в этом отношении демонстрируют более низкий показатель, чем столь же богатые протестантские. Коммунистическое прошлое, судя по всему, также оказывает воздействие на эту переменную: постсоветские государства в рейтинге по уровню доверия между людьми занимают особенно низкие места. В результате среди традиционно протестантских стран относительно невысокие показатели доверия имеют только Эстония и Латвия, пережившие период коммунистического правления. Из 20 стран, где более 35% населения считает, что большинству людей можно доверять, 14 являются традиционно протестантскими, три испытали влияние конфуцианства, одна — с преимущественно индуистским населением, еще одна — мусульманская, и только Испа-

ния представляет традиционно католические государства. Высокие места в рейтинге доверия между людьми занимают не только протестантские страны, но и общества, испытавшие влияние конфуцианства. При этом исламские страны, несмотря на гораздо более низкий уровень доходов населения по сравнению с католическими, в среднем также опережают их в нашем рейтинге взаимного доверия. Из десяти стран, занявших в нем самые низкие места, шесть являются традиционно католическими, но *ни одной* протестантской страны среди них не числится.

В рамках отдельных стран католики в рейтинге доверия между людьми занимают примерно такие же места, как и протестанты. Таким образом, ключевое значение здесь имеют не особен-

Рисунок 2.7. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДОВЕРИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, С УЧЕТОМ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ности личности, а общее историческое наследие конкретной *страны*. Как утверждал Патнэм, росту доверия между людьми способствует наличие горизонтальных организаций, контролируемых на локальном уровне; если страной управляет мощный, иерархический, централизованный бюрократический аппарат, это, скорее всего, ведет к подрыву такого доверия (Putnam 1993). Римско-католическая церковь в прошлом служила прототипом иерархических, контролируемых из одного центра структур; протестантские же церкви имели относительно децентрализованный характер и были более доступны для контроля с местного уровня. По-видимому, наличие контроля «снизу» либо же его противоположности — подчинения далекому иерархическому Центру — оказывает существенное долгосрочное влияние на уровень взаимного доверия в обществе. Общества, ставящие во главу угла *вертикальные* связи, основанные на жесткой иерархии, как правило делают это в ущерб связям *горизонтальным*, способствующим формированию доверия к людям. Очевидно, что эти кросс-культурные различия отражают не сегодняшнее влияние соответствующих конфессий. Католическая церковь за последние десятилетия во многом изменилась. Кроме того, во многих странах, особенно протестантских, количество людей, посещающих церковь, сократилось настолько, что сегодня там регулярно бывает лишь небольшое меньшинство населения. Большинство людей сегодня не имеет никакого или почти никакого контакта с церковью, однако тот факт, что они живут в обществе, сложившемся под преобладающим влиянием некогда могущественных институтов католицизма или протестантизма, воздействует на них и сегодня, определяя взгляды всех — католиков, протестантов и др., — кто «варится в котле» культуры этой страны.

Определение факторов, связанных с культурными зонами

Можно провести и более консервативный анализ — если попробовать отразить воздействие культурных зон с помощью одной переменной, а не восьми-девяти бинарных. Мы поступили следующим образом: взяв все имеющиеся данные опросов по странам той или иной конкретной культурной зоны, полученные в ходе первых трех «волн» Values Survey (проведенных в 1981–1997 годах), мы определили степень отклонения входящих в нее обществ от среднего значения фактора, которое может быть предсказано для данной группы на основе комбинации душевого ВВП (по оценкам Всемирного бан-

ка, выполненным с использованием паритета покупательной способности, ППС), доли трудовых ресурсов, занятых в промышленном секторе (для фактора «традиционные/секулярно-рациональные ценности») или секторе услуг (для фактора «ценности выживания/самовыражения»), и количества лет, в течение которых в стране существовал коммунистический режим. Для вычисления этих скорректированных значений факторов мы применили метод многомерной классификации (*multiple classification analysis*). Они показывают степень, в которой страны, входящие в соответствующую культурную зону, демонстрируют своеобразие ценностей в зависимости от их экономического благосостояния, социальной структуры и длительности периода, прошедшего под властью коммунистов.

Как уже отмечалось, в рамках раунда *Values Survey*, проходившего в 1999–2001 годах, одной из приоритетных задач стало обеспечение более полного охвата исламских стран, чем это было сделано в рамках предыдущих трех «волн». Единственными государствами с преимущественно мусульманским населением, где до этого проводились опросы, были Турция, Албания и Азербайджан, чей нынешний облик predetermined правлением режимов, активно стремившихся свести влияние ислама к минимуму, а также Бангладеш и Пакистан (их впервые включили в рамки исследования в ходе раунда 1995–1997 годов). Следовательно, наша база данных по исламской зоне была довольно скудной, и в ней преобладали самые секуляризованные из мусульманских государств. Чтобы компенсировать эти особенности, мы в рамках наших расчетов фактора исламской культурной зоны воспользовались тем, что в Индии и Нигерии проживают многочисленные мусульманские общины (в Нигерии мусульмане составляют до половины населения). Мы разделили данные по Нигерии и Индии на отдельные выборки по мусульманам и немусульманам и использовали их так, словно они представляют собой данные по двум отдельным странам, включив их средние показатели в выборку для расчета фактора исламской зоны по обоим измерениям. В результате для определения констант исламской культурной зоны, которые мы использовали в качестве одного из компонентов модели, прогнозирующей положение всех исламских стран в 1999–2001 годах, у нас оказалось семь мусульманских стран. В таблице 2.5 показаны культурно-зональные факторы, рассчитанные для каждого из «культурных регионов». Как явствует из нее, традиционно протестантские страны Европы по обоим измерениям находятся выше остальных примерно на 0,5 величины

стандартного отклонения, даже с поправкой на то, что они относятся к числу богатых государств и не находились под властью коммунистических режимов. Англоязычные страны занимают более высокие места по шкале ценностей самовыражения, чем можно было бы предположить, исходя из уровня их экономического благосостояния, однако демонстрируют бóльшую приверженность традиционным ценностям, чем прогнозировалось на основе других собственных им характеристик.

Таблица 2.5. КУЛЬТУРНО-ЗОНАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОТКЛОНЕНИЯ ПО ДВУМ ИЗМЕРЕНИЯМ

Культурная зона	Количество проведенных социологических исследований ^а	Фактор для измерения традиционные/«секулярно-рациональные ценности» ^б	Фактор для измерения «ценности выживания/самовыражения» ^в
Протестантская Европа	35	0,59	0,54
Англоязычные страны	20	-0,72	0,58
Католическая Европа	44	-0,19	0,05
Конфуцианская зона	13	1,25	-0,49
Православная зона	30	0,40	-0,50
Латинская Америка	22	-0,49	-0,03
Южная Азия	10	-0,44	-0,29
Исламская зона	22	-0,53	-0,71
Африка южнее Сахары	11	-0,95	-0,45

^а В ходе всех четырех «волн».

^б На основе опросов, проведенных в рамках первых трех «волн», с учетом душевого ВВП, доли занятых в промышленном секторе и количества лет, проведенных под властью коммунистических режимов.

^в На основе опросов, проведенных в рамках первых трех «волн», с учетом душевого ВВП, доли занятых в секторе услуг и количества лет, проведенных под властью коммунистических режимов.

Регрессионный анализ, проведенный с использованием этих культурно-зональных показателей отклонения, подтверждает вывод о том, что ценностная система общества находится под перманентным влиянием его социально-экономического развития, а также о том, что принадлежность к культурной зоне и наследие коммунистического прошлого тоже оказывают устойчивое и всепроникающее воздействие на его сегодняшние ценности и представления. В таблицах 2.6 и 2.7 показаны результаты применения линейного регрессионного анализа методом наименьших квадратов к межстрановым различиям по осям «традиционные/секулярно-рациональные ценности» (табл. 2.6) и «ценности выживания/самовыражения» (табл. 2.7) на материале 64 стран. Выясняется, что ду-

шевой ВВП (в пересчете по ППС) и структура трудовых ресурсов играют важную роль с точки зрения обоих измерений. Процесс индустриализации (определяемый долей трудовых ресурсов, занятых в промышленном секторе) оказывает серьезное воздействие на измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности», а возникновение постиндустриального общества (определяемое долей трудовых ресурсов, занятых в секторе услуг) существенным образом воздействует на переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения.

Таблица 2.6. ПРЕДСКАЗАННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ «ТРАДИЦИОННЫЕ/СЕКУЛЯРНО-РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ» НА 1999–2001 ГОДЫ

Независимые переменные	Зависимая переменная: традиционные/секулярно-рациональные ценности, 1999–2001 ^a				
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
	Среднедушевой ВВП на 1995 год, тыс. USD	0,38** (0,05)	0,33** (0,04)	0,65** (0,08)	0,50** (0,06)
Доля занятых в промышленном секторе, 1990, %	–	0,54** (0,06)	0,17* (0,02)	0,04 (0,004)	–
Период существования коммунистического режима, годы	–	–	0,62** (0,02)	0,45** (0,017)	–
Культурно-зональный показатель отклонения (на основе первых трех «волн»)	–	–	–	0,50** (0,91)	0,77** (1,42)
Скорректированный R ²	0,14	0,45	0,63	0,80	0,59
Количество стран	64	64	64	64	64

^a Нормализованные регрессионные коэффициенты; в скобках — ненормализованные коэффициенты. Уровень значимости: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$. Регрессионная формула предсказания значения показателя «традиционные/секулярно-рациональные ценности»: $\text{Loading} = -1,046 + 0,063 * \text{GDP/capita} + 0,00337 * \text{LaborIndus} + 0,017 * \text{ExComm} + 0,91 * \text{CultZone}$.

Источник: Values Surveys, 1999–2001.

Люди в более бедных странах, где аграрный сектор по масштабу превосходит промышленный, чаще всего придерживаются традиционных ценностей, а население более богатых государств с более развитым промышленным сектором отдает предпочтение секулярно-рациональным ценностям. Однако историческое наследие страны также оказывает серьезное воздействие на сегодняшние ценности и поведение ее граждан — даже если мы делаем поправку на уровень ее экономического благосостояния и структуру занятости⁸. Как по-

⁸ Вводя поправку на социально-экономические различия, мы, возможно, преуменьшаем воздействие исторического наследия на общество. Ведь, вполне возможно, протестантизм, конфуцианство или коммунизм отчасти *предопределили* нынешний уровень социально-экономического развития соответствующих стран.

казывает таблица 2.6, принадлежность страны к той или иной культурной зоне также значимым образом влияет на соотношение между традиционными и секулярно-рациональными ценностями. Эта тенденция отражает, к примеру, тот факт, что для конфуцианских обществ уже много столетий характерно относительно секулярное мировоззрение. Подобная ситуация сохраняется там и сегодня. Коммунистические режимы предприняли немало усилий для искоренения традиционных религиозных ценностей, и не без успеха. Однако исторически католические страны продемонстрировали сравнительно высокую сопротивляемость секуляризации — этот вывод сохраняет силу даже с поправкой на влияние социально-экономического развития и коммунистическое прошлое.

Таблица 2.7. ПРЕДСКАЗАННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЯ
«ЦЕННОСТИ ВЫЖИВАНИЯ/САМОВЫРАЖЕНИЯ», 1999–2001

Независимые переменные	Зависимая переменная: ценности выживания/самовыражения, 1999–2001 ^a				
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
	Среднедушевой ВВП в пересчете на ППС, 1995, тыс. USD	0,78** (0,10)	0,70** (0,09)	0,52** (0,07)	0,24** (0,03)
Доля занятых в секторе услуг, 1990, %	–	0,13* (0,01)	0,16* (0,01)	0,12* (0,009)	–
Период существования коммунистического режима, годы	–	–	–0,39** (–0,015)	–0,45** (–0,18)	–
Культурно-зональный показатель отклонения (на основе первых трех «волн»)	–	–	–	0,43** (1,06)	0,73** (1,84)
Скорректированный R ²	0,60	0,61	0,74	0,84	0,52
Количество стран	64	64	64	64	64

^a Нормализованные регрессионные коэффициенты; в скобках — ненормализованные коэффициенты. Уровень значимости: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$. Регрессионная формула предсказания значения показателя «ценности выживания/самовыражения»: $\text{Loading} = -0,215 + 0,031 * \text{GDP/capita} + 0,0093 * \text{LaborServ} - 0,0175 * \text{ExComm} + 1,06 * \text{CultZone}$.

Источник: Values Surveys, 1999–2001.

Согласно теории модернизации процесс социально-экономического развития и формирование промышленного вектора ведут к утверждению секулярно-рационального мировоззрения. Как видно из таблицы 2.6, с поправкой на культурное наследие страны воздействие объема ВВП на душу населения является статистиче-

---

К примеру, Вебер отводит протестантизму ключевую роль в качестве движущей силы экономического роста в Европе, и исторические факты однозначно свидетельствуют о том, что — на начальном этапе, конечно, а не сегодня — индустриализация происходила в первую очередь в странах с преобладанием протестантов среди населения или в протестантском сегменте смешанных обществ.

ски значимым с уровнем 0,001, в то время как воздействие индустриализации становится незначимым после включения в модель количества лет, которые страна провела под властью коммунистического режима (модель 3). Модель 4 позволяет объяснить бóльшую часть межстрановой дисперсии по оси «традиционные/секулярно-рациональные ценности» с помощью четырех переменных: душевого ВВП, доли трудовых ресурсов, занятых в промышленности, длительности существования коммунистического режима и культурно-зонального показателя смещения. Как показывают модели 3 и 5, длительность коммунистического правления и культурно-зональный показатель вносят существенный вклад в объяснение дисперсии. А добавление в регрессионное уравнение обоих этих культурных индикаторов увеличивает объясненную долю дисперсии с 45 до 80%. Таким образом, историческое наследие общества играет весьма важную роль.

Социально-экономические индикаторы модернизации (душевой ВВП и постиндустриальный характер структуры трудовых ресурсов) в рамках модели 1 (таблица 2.7) на 61% объясняют межстрановую дисперсию по шкале «ценности выживания/самовыражения». Здесь влияние факторов, связанных с традициями, также существенно (оно добавляет 23% к доле объясненной дисперсии по этой шкале). Формирование секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения определяется как процессом модернизации, так и культурными традициями общества, однако в первом случае относительно преобладает воздействие исторических факторов, а во втором — модернизационных.

Краткие итоги

Степень присутствия в обществе секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения можно объяснить сочетанием воздействия сдерживающих и движущих сил; при этом традиции и процесс модернизации воздействуют на культурные изменения по обоим указанным направлениям. Однако соотношение между этими силами различается самым существенным образом. Культурные традиции общества оказывают куда большее влияние на измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности», тогда как утверждение ценностей самовыражения в значительно большей степени обуславливается процессом модернизации. В этой общеисторической перспективе нам следует пойти дальше, чем Вебер: господствующей тенденцией модернизации становится

не рационализация власти, а *эмансипация* от нее: в результате модернизация превращается в процесс человеческого развития, способствующий эмансипации человека в самых разных областях. Эта трансформация личности в современную эпоху оборачивается важными последствиями на уровне всего общества. Как мы продемонстрируем во второй половине книги, человеческое развитие способствует укреплению гражданского общества, политических свобод, качественного государственного управления и гендерного равенства, а значит, увеличивает и вероятность утверждения демократии в тех странах, где ее еще не существует, и придает ей большую «отзывчивость» по отношению к интересам людей там, где демократическая система уже действует. Ценности самовыражения играют в этом процессе важную роль.

Глава 3 Вторжение в неизведанное: прогнозирование массовых реакций

В предыдущей главе мы утверждали, что культурные изменения можно спрогнозировать в той степени, в какой они определяются факторами, включенными в нашу модель процесса культурной модернизации. В то же время на эти изменения влияют и другие факторы, например войны, конкретные события в данной стране, а также действия ее политических партий и лидеров, поэтому любые прогнозы, основанные исключительно на теории модернизации, не будут обладать абсолютной точностью. Тем не менее в настоящей главе мы попытаемся спрогнозировать местоположение относительно обоих наших измерений для всех стран, которые с достаточной вероятностью будут включены в следующую «волну» Values Survey — 2005–2006 годов. Используя простую модель прогнозирования, основанную на нашей пересмотренной версии теории модернизации, мы для начала «предскажем» позиции, которые 80 стран должны были бы занять по двум главным измерениям кросс-культурной вариативности в ходе последнего раунда опросов (состоявшегося в 1999–2001 годах), и сравним этот прогноз с полученными результатами. После этого с помощью той же модели мы прогнозируем степень приверженности тем или иным ценностям жителей 120 с лишним стран, где, скорее всего, будут проводиться опросы в 2005–2006 годах. Более 40 из этих государств не фигурировали в предыдущих раундах Values Survey, а некоторые из них вообще *ни разу*, насколько нам известно, не становились объектом социологических исследований.

Прогнозирование — непростая задача для любого обществоведа. В общественных науках редко встречаются настоящие «предсказания вслепую» для последующей проверки выдвинутых гипотез. Как правило, гипотезы проверяются на основе уже имеющихся данных. Неподтвердившиеся тезисы можно отбросить или пересмотреть в свете существующих данных; чтобы гипотезы больше соответствовали фактам, можно ввести или изменить независимые переменные. Хотя обществоведы редко обнародуют прогнозы

или свои ожидания относительно результатов, данных по которым пока нет, существуют и важные исключения из этого правила. Экономическое прогнозирование, к примеру, играет весьма полезную роль в выработке антициклической политики. Весьма впечатляют и результаты прогнозного политико-экономического моделирования президентских выборов в США; хотя сами эти прогнозы несовершенны, тот факт, что они публикуются заранее, привлекает внимание публики к работоспособности таких моделей и возможным путям их совершенствования.

Наши прогнозы не будут идеально точными; в некоторых случаях они даже приблизительно не совпадут с реальными результатами. Дело в том, что они основаны на небольшом количестве переменных; мы не пытаемся включить в свою модель многие факторы (в том числе уникальные для конкретных стран), способствующие формированию массовых представлений. Чтобы обеспечить теоретически стройное объяснение динамики изменения ценностей, мы используем простую модель, а не сложную, способную объяснить статистически бóльшую долю дисперсии. Модель, включающая пять переменных и тем не менее способная объяснить дисперсию на 75%, более эффективна, чем та, что объясняет ее на 80%, но содержит десяток переменных. Мы стремимся разработать эффективную модель, способную объяснить максимальную долю дисперсии при минимальном количестве переменных; когда объяснение становится таким же сложным, как и сама реальность, ваша теория, можно сказать, сводится на нет. Наши прогнозы будут несовершенны, но мы уверены, что в большинстве случаев они окажутся гораздо ближе к реальным результатам, чем случайные догадки. Эта уверенность основывается на том, что анализ данных по 64 странам, где проводились опросы в ходе предыдущих «волн» Values Survey, позволяет предположить, что кросс-культурные различия в основополагающих ценностях весьма устойчиво связаны с социально-экономическим развитием. Хотя в межстрановом отношении они сильно варьируются, сами эти вариации ценностей и убеждений большинства членов различных обществ приблизительно предсказуемы и соответствуют пересмотренной версии теории модернизации, изложенной в главе 1.

Эта теория постулирует, что 1) социально-экономическое развитие, как правило, вносит предсказуемые изменения в социальные ценности. Однако речь идет не о простом линейном процессе: индустриализация несет с собой один тип перемен порядка, а пост-

индустриальная эпоха — другой. Более того, 2) культурные изменения исторически обусловлены: историческое наследие общества обладает устойчивым влиянием на его систему ценностей, в результате чего общества, сформированные протестантизмом, исламом или иными историческими силами, обладают ярко выраженным ценностным своеобразием, отличающим их от стран с иным культурным наследием.

Наш первый шаг — проверить модель на основе данных по 64 странам, полученных в ходе «волны» Values Survey 1999–2001 годов, спрогнозировав местоположение каждой страны по двум главным измерениям кросс-культурной вариабельности — шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности» и шкале «ценности выживания/самовыражения». Наша прогнозная модель основывается на результатах регрессионного анализа, показанных в таблицах 2.6 и 2.7, и включает два модернизационных фактора: 1) душевой ВВП в стране и 2) долю трудовых ресурсов, занятых в промышленном секторе или секторе услуг. Помимо этого задействуются два фактора, отражающие историческое наследие общества: 3) длительность коммунистического периода в истории страны (если там существовал коммунистический режим) и 4) культурно-зональный показатель смещения, на котором мы подробно останавливались в главе 2. Культурно-зональная константа была выведена из результатов первых трех «волн» опросов, проводившихся в 1981–1997 годах, и отражает степень отклонения страны с тем или иным историческим наследием от показателей, спрогнозированных на основе других компонентов модели.

Прогнозируя показатели каждой страны по двум измерениям культурных изменений, мы используем данные об объеме ее душевого ВВП по состоянию на 1995 год — за пять лет до опроса, проведенного в 2000-м. Это делается для того, чтобы поместить переменные в нужную причинно-следственную перспективу: причина предшествует результату, а наша гипотеза говорит о том, что ценности общества определяются его социально-экономическим развитием. Все остальные переменные, используемые для прогнозирования ценностных ориентаций, включая данные, с помощью которых мы определили контуры культурных зон, также основываются на сведениях, полученных раньше того момента, для которого делается прогноз.

Как мы увидим, эта простая модель позволяет со значительной точностью спрогнозировать ценностные ориентации, реально

наблюдаемые по итогам опросов, проведенных в 64 странах в 1999–2001 годах. При этом речь идет не только о новых опросах, организованных в уже обследовавшихся прежде странах; 12 из этих стран раньше не были охвачены исследованиями Values Surveys — таким образом, действительно получают предсказания за пределами выборки.

После этого мы предсказываем ожидаемое местоположение 120 стран в 2005 году в пространстве наших двух измерений; многие из этих стран мы никогда ранее не обследовали. По нашему мнению, многие из них будут включены в «волну» Values Survey, планируемую на 2005–2006 годы, но, даже если этого не произойдет, наши прогнозы сможет проверить каждый, кто пожелает провести в любой из этих стран социологический опрос. Результаты этих прогнозов были размещены на сайте World Values Survey в 2004 году. Мы проверим эти результаты после появления соответствующих данных; публикуя их заранее, мы стремимся стимулировать развитие прогнозирования в общественных науках. Кроме того, мы приглашаем всех, кто в этом заинтересован, использовать изложенные здесь формулы для проверки нашей модели.

Наша пересмотренная версия теории модернизации включает четыре компонента предсказуемости: социально-экономическое развитие страны позволяет предсказать ее место на кросс-культурной карте и направленность ее предполагаемого движения. Страны с большим душевым ВВП должны занимать высокие места как на шкале традиционных/секулярно-рациональных ценностей, так и на шкале ценностей выживания/самовыражения и оказаться в правом верхнем углу карты; напротив, государства с небольшим душевым ВВП по обоим измерениям должны находиться внизу — в левом нижнем углу карты. Более того, богатые страны должны постепенно *продвигаться* к позитивному полюсу по обоим измерениям, перемещаясь вверх и вправо. У стран с низкими доходами населения стартовая позиция должна находиться ближе к противоположному концу этой диагонали, и они не обязательно вообще продемонстрируют какое-либо движение. Более того, наша пересмотренная версия теории модернизации предсказывает, что различия в доле рабочей силы, занятой в промышленности, связаны с различиями показателей по измерению «традиционные/секулярно-рациональные ценности», и, если эта доля сравнительно велика, данная страна дальше продвинется к секулярно-рациональным ценностям, чем можно было бы предполо-

жить исходя из объема ее душевого ВВП. Аналогичным образом, согласно нашей теории, относительно высокая доля трудовых ресурсов, занятых в секторе услуг, способствует продвижению страны на нашей карте вправо, приближая ее к утверждению ценностей самовыражения больше, чем можно было бы ожидать исключительно на основе ее душевого ВВП.

Однако эта теория модернизации основывается не только на действии социально-экономических сил: она учитывает также влияние исторического наследия общества, которое не позволяет предсказать величину будущих изменений, но помогает в прогнозировании места страны на кросс-культурной карте. Как мы уже отмечали, религиозные традиции общества способствуют формированию его культуры; важную роль играют и прошлые связи по линии «колонии — метрополия». Принадлежность к испанской, португальской, британской и советской империям наложила глубокий отпечаток на культуру ряда стран. К примеру, англоязычные страны отличаются ценностными системами более традиционного характера, чем следовало бы ожидать от обществ с таким уровнем экономического развития. Мало того, опыт, приобретенный за период коммунистического правления, как правило побуждает людей делать больший акцент как на секулярных ценностях, так и на ценностях выживания, чем можно было бы предсказать, основываясь только на уровне экономического развития их стран. Социально-экономическое развитие — важный прогностический фактор ценностной системы общества, но его необходимо дополнить учетом исторического наследия.

Там, где присутствуют межпоколенческие различия, они служат еще одним индикатором того, происходят ли в обществе культурные изменения и какова их направленность. Последствия смены поколений проявляются медленно, но неуклонно, и за несколько десятилетий они могут накопить значительный кумулятивный эффект: этот факт можно использовать для прогнозирования изменений долгосрочного порядка. Однако в течение относительно короткого периода времени, например пятилетнего отрезка, охватываемого нашим анализом, ее воздействие носит относительно скромный масштаб, и его встраивание в нашу модель лишь излишне усложнило бы ее. Для простоты мы решили в нашей предсказательной модели ограничиться двумя модернизационными факторами и двумя факторами, связанными с историческим наследием.

Различия, обусловленные социально-экономическим развитием и культурными традициями, в значительной мере накладываются друг на друга. Страны протестантско-европейской и англоязычной зон намного превосходят Южную Азию и Африку южнее Сахары как по уровню благосостояния, так и по доле трудовых ресурсов, занятых в «постиндустриальных» секторах, что затрудняет вычленение вариаций, вызванных культурным и социально-экономическим различием, поскольку они накладываются друг на друга. В результате в рамках регрессионного анализа, представленного в главе 2, социально-экономические факторы (ВВП на душу населения и доля трудовых ресурсов, занятых в промышленном секторе) сами по себе объясняют дисперсию между соответствующими странами по шкале традиционных/секулярно-рациональных ценностей на 45%. Это значимый результат, однако наш культурно-зональный показатель смещения, взятый в отдельности, объясняет дисперсию по этому измерению на 59%. Совокупное воздействие социально-экономических факторов и факторов, связанных с культурным наследием, объясняет дисперсию в расположении стран на этой шкале на целых 80%; таким образом, факторы, связанные с наследием, сами по себе объясняют лишь дополнительные 35% дисперсии — помимо той, что можно приписать социально-экономическим факторам. Справедливо, однако, и обратное: социально-экономические переменные объясняют лишь 21% дисперсии в дополнение к тому, что можно приписать воздействию исторических традиций данных стран. Таким образом, можно сделать вывод, что культурное наследие объясняет от 35 до 59% дисперсии расположения стран на шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности». Если мы попросту поделим разницу пополам, получится, что воздействию культурного наследия можно приписать 47% дисперсии. В свою очередь, социально-экономические переменные отвечают за 21–45% дисперсии, и аналогичная операция в отношении разницы позволяет приписать воздействию социально-экономических факторов 33% дисперсии.

Точно так же одни лишь переменные, связанные с историческим наследием, объясняют 52% дисперсии по шкале «ценности выживания/самовыражения», но социально-экономические факторы объясняют дисперсию по этому же измерению на 61%, и, таким образом, в совокупности воздействие причин экономического и культурного порядка отвечает за 84% указанной дисперсии. В данном случае приверженец экономического детерминизма мог бы за-

явить, что вклад культурного наследия общества составляет лишь 23% дисперсии по шкале «ценности выживания/самовыражения», которую можно объяснить только одним социально-экономическим развитием. Сторонник культурного детерминизма, в свою очередь, укажет на то, что социально-экономические факторы добавляют лишь 32% к объяснению дисперсии, для которого достаточно одного культурного наследия. В зависимости от эпистемологических предпочтений читателя объясняющее значение социально-экономического развития может составлять от 32 до 61%, а культурного наследия — от 23 до 52%. Поделив разницу пополам, мы получаем следующий результат: социально-экономическому развитию можно приписать примерно 47% дисперсии, а культурному наследию — 38%.

Деление разницы пополам, конечно, представляет собой весьма примитивный способ найти ответ на вопрос, но он, пожалуй, позволяет приблизиться к истине больше, чем однозначный экономический или культурный детерминизм. Пока у нас не появится гораздо более протяженного по времени набора социологических данных, точного ответа ждать не приходится. Сейчас очевидно одно: и культурные, и социально-экономические факторы в значительной мере позволяют объяснить различия в местоположении той или иной страны на глобальной карте кросс-культурных различий. Наша модель строится с учетом обеих этих категорий факторов.

В предыдущих «волнах» Values Survey были непропорционально широко представлены страны с относительно высоким уровнем социально-экономического развития: в бедных странах подключить коллег к этой работе и найти необходимое финансирование оказалось гораздо сложнее. Следовательно, большая часть из 12 прежде не охватывавшихся исследованием стран, по которым мы попытаемся сделать прогнозы, относится к разряду менее экономически развитых, — некоторые из них числятся среди беднейших в мире. Более того, в предыдущих «волнах» опросов фигурировало слишком мало традиционно мусульманских стран, и мы постарались более адекватно охватить эту зону в ходе раунда 1999–2001 годов. В результате шесть из наших 12 прежде не исследовавшихся обществ представляют собой страны с преимущественно мусульманским населением, а еще три расположены в Африке южнее Сахары (из шести «новых» исламских государств три находятся в Северной Африке, в результате чего этот континент у нас представлен шестью

ранее не исследовавшимися государствами). Хотя оба региона представляют собой отдельные культурные зоны, для прогнозирования присущих им ценностей мы вынуждены были пользоваться довольно узкой эмпирической базой. Эти 12 новых объектов исследования, по которым мы дадим прогнозы, не только новы и нестандартны: они системным образом отличаются от базы данных, на которой основана наша модель.

Тем не менее мы попытаемся предсказать местоположение 64 изученных в 1999–2001 годах стран по двум основополагающим измерениям культуры, уделяя особое внимание двенадцати странам, где до этого опросы не проводились.

Разработка формул предсказания

Как показано в главе 2, используя сочетание переменных, связанных с модернизацией и традициями, можно создать модели, в весьма значительной мере объясняющие вариабельность в значениях факторов каждой страны по двум главным ценностным измерениям. Именно так мы и поступим, проанализировав для начала предикторы значений по измерению «традиционные/секулярно-рациональные ценности», а затем — по измерению «ценности выживания/самовыражения».

В таблице 2.6 представлены пять моделей, объясняющих межстрановые различия по шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности» с использованием различных сочетаний модернизационных переменных и переменных, отражающих культурные традиции. Хотя размер душевого ВВП зачастую представляет собой полезный предиктор в отношении социальных феноменов, в данном случае он сам по себе не дает больших результатов, объясняя лишь 14% межстрановой дисперсии. Однако сочетание двух модернизационных переменных — ВВП на душу населения и доли трудовых ресурсов, занятой в промышленном секторе, — позволяет в значительной мере объяснить дисперсию значений по шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности»: оно дает значение скорректированного R^2 , равное 0,45, т.е. объясняется 45% межстрановой дисперсии.

Тем не менее, чтобы объяснить бóльшую часть дисперсии по шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности», необходимо дополнительно ввести и фактор исторического наследия. К примеру, принадлежность к числу посткоммунистических обществ отражает два аспекта: воздействие на культуру нескольких

десятилетий коммунистического строя под контролем СССР и социально-экономическую ситуацию в соответствующих странах в годы, последовавшие за крушением коммунизма. Добавив в уравнение переменную, измеряющую количество лет, проведенных страной под властью коммунистического режима, мы повышаем долю объясненной дисперсии до 63%.

Наш культурно-зональный показатель смещения отражает воздействие соответствующего культурно-исторического наследия на фактор «традиционные/секулярно-рациональные ценности» с поправкой на влияние переменных, отражающих социально-экономическое положение и коммунистический исторический опыт. Добавление этого показателя к модели 4 позволяет объяснить межстрановую дисперсию на целых 80%. Формула, приведенная под таблицей 2.6, выработана на основе именно этого анализа; ее можно использовать, чтобы предсказать положение страны на шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности». Как видно из таблицы 2.4, ответы на десятки заданных в ходе Values Survey вопросов, описывающих установки респондентов, тесно коррелируют с местом страны на этой шкале. Зная душевой ВВП, долю промышленных рабочих в составе трудовых ресурсов и историческое наследие страны, вы можете со значительным уровнем точности спрогнозировать ответы населения данного государства на широкий спектр вопросов социологического исследования, касающихся религии, отношения к власти, национальной гордости и др.

Поскольку причины всегда предшествуют следствиям, все используемые нами независимые переменные были измерены в более ранние периоды времени, чем отрезок 1999–2001 годов, когда проводилось измерение ценностей. В полном соответствии с нашим предположением о том, что формированию ценностей общества способствуют социально-экономические факторы, мы обнаружили, что объем реального душевого ВВП в стране по состоянию на 1995 год позволяет предсказать ценности данного общества к моменту проведения «волны» опросов 1999–2001 годов более точно, чем тот же показатель за 2000 год, когда эти исследования уже осуществлялись. Этот результат означает, что мы можем использовать данные об объеме ВВП на душу населения за 2000 год для прогнозирования показателей по двум ценностным измерениям на 2005 год — что весьма удобно, поскольку к моменту написания этих строк мы еще не располагали соответствующей информацией о ВВП на этот год.

В процессе интерпретации результатов, содержащихся в таблице 2.6, возникает явный элемент двусмысленности. Выделенные нами культурные зоны сильно отличаются по уровню социально-экономического развития, однако в рамках данной процедуры объясняющая способность как социально-экономических, так и культурно-зональных факторов приписывается социально-экономическим переменным, что может привести к недооценке значения принадлежности страны к той или иной культурной зоне. Поэтому для расчета среднего значения фактора относительно общей средней величины (показателя смещения по отношению к простой средней величине, а не к значению, предсказанному с помощью социально-экономических переменных) мы разработали модель 5, учитывающую только принадлежность к культурной зоне. Любопытно, что взятый в отдельности культурно-зональный фактор позволяет объяснить до 59% дисперсии — больше, чем два социально-экономических фактора, использованные в модели 2, вместе взятые. Из этого можно было бы сделать вывод о том, что культурные факторы даже более важны для объяснения факторных значений на шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности», чем социально-экономические, однако подобная интерпретация представляется чересчур рискованной. Вероятно, с социально-экономическими различиями между культурными зонами связана немалая доля объясняемой дисперсии: это становится очевидным при введении поправки на воздействие социально-экономических факторов. Трудно убедительно выявить доли дисперсии, связанные с социально-экономическими и культурными факторами, но представляется несомненным, что оба этих набора факторов имеют важное значение, и в наших прогнозах все они учитываются.

В таблице 2.7 анализируются социально-экономические и культурные факторы, объясняющие факторные значения по измерению «ценности выживания/самовыражения». В данном случае душевой ВВП в стране сам по себе в такой степени объясняет дисперсию (на целых 60%), что добавление к нему в рамках модели 2 второй социально-экономической переменной (доли рабочей силы, занятой в секторе услуг) лишь незначительно повышает совокупную долю объясненной дисперсии. Однако в рамках модели 3, когда мы добавляем посткоммунистическую фиктивную переменную, доля объясненной дисперсии увеличивается существенным образом. В совокупности эти три фактора объясняют существующую дисперсию на 74%.

Добавление культурно-зональных факторов еще больше увеличивает объяснительный потенциал модели 4, доводя совокупную долю объясненной дисперсии до весьма высокого уровня в 84%. Здесь мы опять же рассчитали долю дисперсии, объясняемую одной лишь принадлежностью к той или иной культурной зоне, и установили, что она весьма значительна — 52%. Однако социально-экономические факторы представляют собой еще более мощные предикторы показателей по шкале «ценности выживания/самовыражения».

Принадлежность страны к той или иной культурной зоне, судя по всему, играет особенно важную роль в формировании традиционных или секулярно-рациональных ценностей, тесно связанных с глубоко укорененными историческими факторами — в первую очередь религиозным наследием данного общества. Однако переменные, характеризующие модернизацию, очевидно, имеют преобладающее значение для формирования ценностей, описываемых шкалой «выживание/самовыражение», которые не столь сильно привязаны к традиционному культурному наследию общества. Поэтому именно ценности самовыражения, а не секулярно-рациональные ценности следует считать главным проявлением модернизации в культурной сфере. Этот вывод, как мы продемонстрируем ниже, подчеркивает значение ценностей самовыражения в качестве центрального элемента последовательности процесса человеческого развития, ведущей от социально-экономического прогресса к утверждению демократии.

Формула в примечании к таблице 2.7, выведенная на основе этого анализа, позволяет предсказывать положение страны на шкале ценностей выживания/самовыражения с помощью нескольких социально-экономических и культурных индикаторов.

Во включенной в интернет-приложение¹ таблице А-1 показано, насколько успешно два уравнения, основанных на регрессионном анализе, итоги которых суммируются в таблицах 2.6 и 2.7, позволяют предсказать местоположение по этим двум измерениям для всех стран, охваченных исследованием 1999–2001 годов. Таблица А-1 содержит значения факторов, предсказанные нами для этих государств, те же самые показатели, полученные по итогам опросов 1999–2001 годов, а также разницу между ними. Различия между

---

¹ Интернет-приложение см. на сайте: <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

предсказанными и реально наблюдавшимися значениями факторов составляют от 0,00 до 1,15, но в целом они весьма близки друг к другу. По всем 64 странам средняя разница между предсказанными и наблюдаемыми показателями для измерения «традиционные/секулярно-рациональные ценности» составляет 0,36. По измерению «ценности выживания/самовыражения» этот показатель почти такой же: 0,37.

В таблице А-2 из интернет-приложения показана средняя величина погрешности для наших прогнозов по каждой стране — от самых точных (ЮАР и ФРГ) до наименее точных (Пуэрто-Рико и Швеция). Хотя по точности наши предсказания варьируются, с точки зрения большинства стандартов сравнительных исследований они демонстрируют впечатляющие результаты. Средняя величина погрешности на культурной карте с диапазоном от -2 до +2 по каждому измерению составляет 0,36. В среднем наш прогноз оказывается в радиусе 0,36 от значения, реально наблюдаемого для соответствующей страны, т.е. в круге, занимающем примерно 2% площади карты. Эти предсказания намного лучше, чем чисто случайные. И, как это ни удивительно, наши прогнозы оказались столь же точными в отношении и тех 12 стран, которые никогда прежде не охватывались исследованием (в таблице А-2 они выделены полужирным шрифтом), и тех, где опросы уже проводились как минимум один раз. Наша модель позволяет так же результативно прогнозировать ценности в обществах, никогда прежде не исследовавшихся на этот предмет, как и в тех странах (по состоянию на 1999–2001 годы), по которым у нас имеются данные предыдущих опросов.

Как эти предсказания, основанные на пересмотренной версии теории модернизации, соотносятся с предсказаниями, выполненными случайным образом? В таблице 3.1 представлены два набора предсказаний для 12 стран, прежде не охватывавшихся социологическими исследованиями. В первых двух столбцах таблицы приводятся результаты чисто случайного предсказания значения эмпирических переменных: в отсутствие какого-либо представления о реальном распределении ответов предсказание состоит в том, что мнения респондентов окажутся на середине шкалы по каждой из переменных, использованных для конструирования карты (например, шкала, используемая для измерения представлений о приемлемости абортов, состоит из целых чисел от 1 до 10, поэтому средний показатель для каждой страны принимается равным 5,5).

Используя ту же процедуру в отношении всех десяти переменных, задействованных в факторном анализе, мы получаем показатель 1,48 по вертикальной оси (намного превышающий реальную среднюю величину, полученную из эмпирических данных) и $-0,09$ по горизонтальной оси (что весьма близко к эмпирической средней величине). Итоги этих произвольных прогнозов сравнительно далеки от реально наблюдавшихся результатов: только для семи из 64 стран они оказываются в пределах одной величины стандартного отклонения; отклонения значений факторов от случайного предсказания для 12 стран приведены в таблице 3.1. Средняя величина двух погрешностей составляет 1,43. Как видно из таблицы 3.2, наша теоретически обоснованная модель дает среднюю погрешность предсказания в размере лишь 0,34, что вчетверо меньше средней погрешности случайного предсказания.

Второй способ получения случайного предсказания — это тот, к которому мог бы прибегнуть знающий социолог, предположив, что для каждого общества значения факторов по обоим измерениям соответствуют средним значениям этих факторов. Мы знаем, что при нормальном распределении случайной величины примерно две трети выборки окажется в пределах одного стандартного отклонения от этой точки, так что данное предположение является абсолютно логичным. При подобном подходе средняя прогнозная погрешность по этим 12 странам составляет 0,99 (это отражает тот факт, что значения факторов нормализованы таким образом, что имеют стандартное отклонение 1,0). Хотя по точности это предсказание уступает нашей модели (по тем же 12 странам она дает среднюю погрешность на уровне 0,36), оно, тем не менее, значительно превосходит случайное предсказание, отраженное в первых двух столбцах таблицы 3.1. Однако это предсказание не является случайным или априорным: среднее значение факторов становится известным лишь после того, как будут обследованы все страны и проанализированы соответствующие распределения. В рамках данного подхода просто выбирается точка, которая может быть известна лишь после сбора и анализа всех соответствующих данных. Однако наша модель позволяет делать настоящие прогнозы за пределами выборки, априорные прогнозы (в том числе и для обществ, никогда прежде не охватывавшихся исследованиями), причем куда более точные, чем данное «предсказание» *ex post facto*.

Таблица 3.1. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ ДЛЯ 12 СТРАН,
РАНЕЕ НЕ ОХВАЧЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

	Предсказание, основанное на срединной точке каждой шкалы		Предсказание, основанное на среднем значении фактора	
	Традиционные/ секулярно- рациональные ценности	Ценности выживания/ самовыражения	Традиционные/ секулярно- рациональные ценности	Ценности выживания/ самовыражения
Люксембург	0,46	0,30	0,37	1,18
Греция	0,82	-0,86	0,73	0,62
Зимбабве	1,37	2,81	1,46	1,33
Танзания	1,77	1,62	1,86	0,14
Вьетнам	0,61	1,21	0,70	0,27
Индонезия	0,96	1,89	1,05	0,41
Уганда	1,31	1,96	1,40	0,48
Египет	1,48	1,88	1,57	0,40
Марокко	1,53	2,61	1,62	1,13
Иран	1,10	1,81	1,19	0,33
Иордания	1,48	2,49	1,57	1,01
Алжир	1,56	2,20	1,65	0,72
Среднее	1,20	1,66	1,26	0,67
Среднее (по обоим измерениям)		1,43		0,99

Примечание. Числа, приведенные в таблице, представляют собой разницу между предсказанным и реально наблюдавшимся значением фактора.

Таблица 3.2. ОСНОВАННЫЕ НА ТЕОРИИ ПРЕДСКАЗАНИЯ КООРДИНАТ 12 СТРАН,
ПРЕЖДЕ НЕ ОХВАТЫВАВШИХСЯ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

	Точность прогнозов, основанных на пересмотренной версии теории модернизации	
	Традиционные/ секулярно-рациональные ценности	Ценности выживания/самовыражения
Люксембург	0,40	0,00
Греция	0,28	0,54
Зимбабве	0,04	0,93
Танзания	0,50	0,45
Вьетнам	0,03	0,10
Индонезия	0,02	1,14
Уганда	0,19	0,25
Египет	0,42	0,14
Марокко	0,64	0,48
Иран	0,15	0,14
Иордания	0,25	0,65
Алжир	0,17	0,22
Среднее	0,26	0,42
Среднее (по обоим измерениям)		0,34

Примечание. Числа, приведенные в таблице, представляют собой разницу между предсказанным и реально наблюдавшимся значением фактора.

ЧАСТЬ I. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

Случайные и систематические предсказания

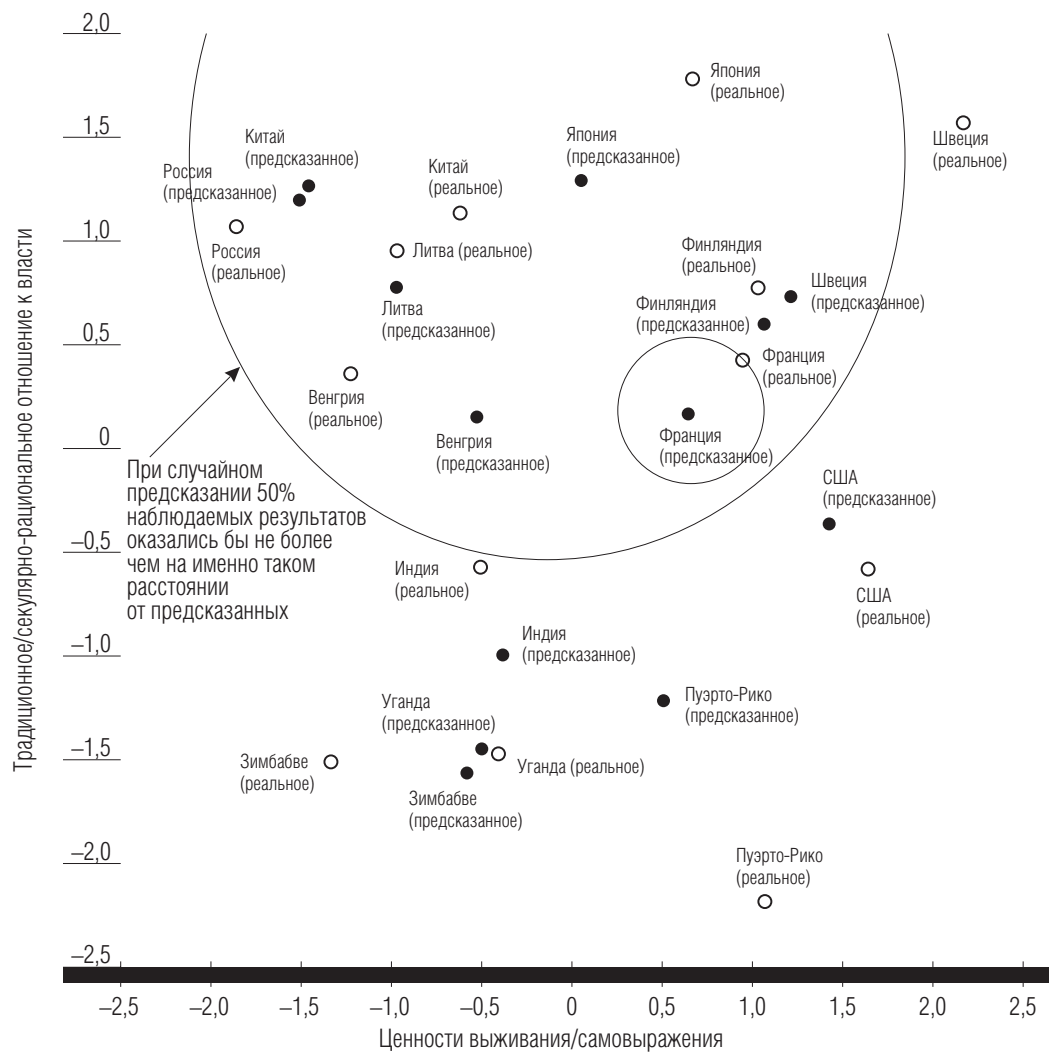
Только что мы рассмотрели некоторые настоящие предсказания за пределами выборки. Используя модель, основанную на данных первых трех «волн» опросов, мы предсказали местоположение всех 64 стран, ставших объектами исследования в 1999–2001 годах, в рамках четвертой «волны». Наша модель включает, в частности, культурно-зональный показатель смещения, представляющий собой константу для каждой культурной зоны, и не использует положение той или иной страны в ходе предыдущих раундов для прогнозирования ее положения по итогам четвертой «волны». Следовательно, речь идет о модели общего характера, позволяющей предсказать положение не только 64 стран, уже охватывавшихся исследованиями, но и 12 стран, прежде не попадавших в поле зрения Values Survey (по некоторым из них, в частности, Ирану, Зимбабве, Танзании и Вьетнаму, не существовало вообще никаких данных репрезентативных опросов общенационального масштаба: мы участвовали в разработке параметров первой общенациональной выборки для части этих государств).

Несмотря на существенные сдвиги, наблюдавшиеся в ходе каждой новой «волны» опросов по сравнению с предыдущей, наша модель, как видно из рисунка 3.1, позволила довольно точно предсказать местоположение большинства стран по обоим измерениям в 1999–2001 годах. Мы не пытаемся нанести на эту карту предсказанное и реальное положение всех 64 стран (эту информацию содержит таблица А-1 в интернет-приложении). Рисунок 3.1 просто иллюстрирует полученные результаты с помощью ряда репрезентативных примеров. Так, предсказанное место Финляндии и ее реальное положение по итогам четвертой «волны» опросов оказались в правом верхнем квадранте, чуть выше круга (предсказанное положение страны обозначается черным кружком, а реальное — белым). Оба кружка расположились на очень небольшом расстоянии друг от друга, поскольку наш прогноз по данной стране оказался одним из наиболее точных. Два самых точных прогноза (по Германии и ЮАР) на рисунке не показаны, поскольку в обоих случаях предсказанное и реальное местоположение этих стран почти совпадает и кружки просто наложились бы друг на друга. Однако мы представили на рисунке два наших самых неудачных прогноза — по Швеции и Пуэрто-Рико. Хотя в целом они попадают в «правильные» зоны — соответственно, в правый верхний и правый нижний углы карты, — эти прогнозы оказались наименее точными. Кроме того,

на рисунке 3.1 демонстрируются еще два наших наиболее удачных прогноза: показано предсказанное и реальное местоположение Литвы и Уганды. В каждом из этих случаев ожидаемое значение факторов мало отличается от реально наблюдавшегося.

Предсказанное и реальное местоположение Франции показывают, какова в среднем была точность наших расчетов: небольшой круг, в центре которого находится предсказанное место этой страны, на рисунке 3.1 равен средней величине погрешности для нашей модели. Большой круг в верхней части рисунка 3.1 иллюстрирует результаты случайного предсказания, основанного на про-

Рисунок 3.1. ПРЕДСКАЗАННОЕ И РЕАЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ СТРАН НА КУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ МИРА

Примечание. Предсказание для Франции в точности соответствует средней погрешности; окружность, которой обведено ее предсказанное местоположение, иллюстрирует полученную среднюю величину погрешности. Прогнозы по Швеции и Пуэрто-Рико наименее точны из всех результатов по 64 странам. Финляндия, Литва и Уганда входят в шестерку самых точных прогнозов.

ЧАСТЬ I. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

цедуре, о которой идет речь в первых двух столбцах таблицы 3.1 (предсказываемые ответы респондентов попадают в срединную точку каждой шкалы ответов на вопросы). Только для семи из 64 стран наблюдения попадают в окрестность предсказанной точки, имеющую радиус в одно стандартное отклонение. Для того чтобы в соответствующие круги попала половина стран, их радиус должен составлять 2,1 стандартного отклонения. Рисунок 3.1 позволяет наглядно сравнить среднюю величину погрешности нашей модели и модели случайного предсказания: большой круг, иллюстрирующий последнюю, по площади в 16 раз превышает малый круг, центром которого является местоположение Франции. Прогнозы, которые дает наша модель, основанная на данных первых трех «волн» опросов, не идеальны, однако в целом они оказываются достаточно близкими к местоположению стран по результатам четвертой «волны». Если бы мы включили в расчеты для нашей модели данные по четвертой «волне», то нам, наверно, удалось бы добиться еще большей точности, но тогда эти результаты нельзя было бы назвать подлинным прогнозом за пределами выборки.

Прогнозирование общих результатов опросов 2005–2006 годов по 120 странам

В естественных науках принято считать, что модель можно создать при любом массиве собранных наблюдений, однако настоящей проверкой любой теории является ее способность предсказать прежде не наблюдавшиеся явления. В общественных науках удовлетворить этому требованию гораздо труднее, чем в естественных, поскольку они имеют дело с явлениями куда более сложного характера, которые формируются взаимодействиями между множественными уровнями анализа. Взаимодействие между двумя элементарными частицами можно анализировать исключительно с физической точки зрения; в науках о человеке исследуются физические, химические, биологические, психологические, экономические, социальные, географические, исторические и культурные факторы. Тем не менее в поведении людей можно выявить некоторые закономерности, позволяющие делать прогнозы. Предсказания относительно поведения людей в будущем с неизбежностью носят вероятностный и приближительный характер, однако они могут оказаться полезными ориентирами для принятия решений и разработки политического курса.

Итак, попробуем предсказать, что жители различных стран скажут социологам о своих представлениях и ценностях в ходе

следующей «волны» Values Survey, запланированной на 2005–2006 годы. Наша модель позволяет сделать прогнозы по всем 192 государствам, входящим в состав Организации Объединенных Наций, но мы ограничимся предсказаниями ценностей граждан примерно 120 стран, которые, при самом оптимистическом варианте развития событий, могут быть включены в следующий раунд Values Survey. В этих странах проживает до 95% населения планеты.

Для этого прогноза мы намерены использовать данные по всем четырем «волнам» опросов в рамках Values Survey, проводившихся с 1981 по 2001 год. Следовательно, мы уточним культурно-зональные показатели смещения и использовавшиеся ранее в этой главе формулы предсказания, поскольку они основывались на данных лишь первых трех «волн» исследований. Этот скорректированный набор формул показателей смещения приведен в таблице А-3 интернет-приложения. Ни культурно-зональные показатели смещения, ни формулы предсказания в этом виде не имеют существенных отличий от предыдущих вариантов, однако, на наш взгляд, они позволяют получить несколько более точные прогнозы результатов опросов, которые будут проведены в 2005–2006 годах и проанализированы вскоре после этого.

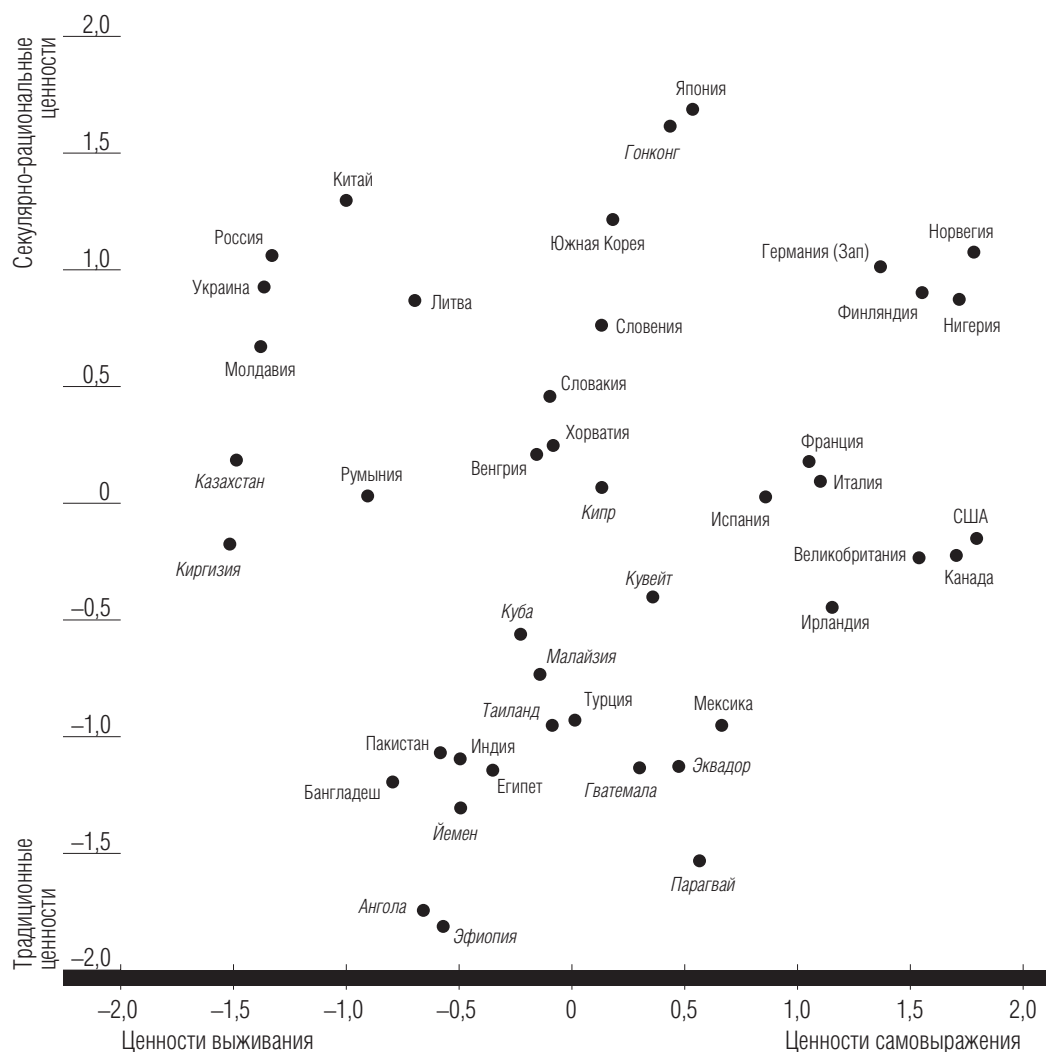
Используя все имеющиеся данные опросов, мы определили значения факторов по каждому измерению на 2005 год для всех стран, по которым существуют данные предыдущих опросов. Затем мы применили эти значения в качестве зависимых переменных в регрессионном анализе, с помощью которого были получены коэффициенты для новых уравнений, позволяющих предсказать соответствующие значения для стран, где социологические исследования еще не проводились. В таблице А-4 интернет-приложения приведены предсказанные с помощью нашей модели координаты каждой из 122 стран в 2005–2006 годах по шкалам «традиционные/секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания/самовыражения». Базовые ценности отличаются высоким уровнем стабильности, поэтому, как мы предполагаем, страны, ранее охватывавшиеся социологическими исследованиями, будут располагаться относительно близко к тем точкам, в которых они находились в 2000 году; впрочем, богатые страны, учитывая характерную для них тенденцию, продвинутся вверх по обоим измерениям за пятилетний период 2000–2005 годов. Погрешность измерения также приведет к определенным видимым изменениям. В целях максимальной точности положение прежде исследовавшихся стран в 2005 году про-

гнозируется на основе имеющихся данных по каждой стране, а не культурно-зонального фактора, вычисляемого для всех стран, входящих в соответствующую зону. Прогнозы о местоположении стран, ранее не охваченных исследованиями, основываются на предположении о том, что свойственные им ценности будут определяться теми же характеризующими модернизацию и устойчивость культуры факторами, что влияют на ценности других обществ и нашли отражение в нашей модели. Несомненно, в каких-то случаях нас ждут сюрпризы: местоположение некоторых обществ почти наверняка будет существенно отличаться от предсказанного — подобно тому, как американцы, по причинам, не учтенным в нашей модели, оказались привержены религиозным и традиционным ценностям в большей степени, чем мы предсказывали. Модель включает лишь несколько факторов, а присущие обществу ценности определяются всем его историческим опытом. Тем не менее мы достаточно уверены в том, что в целом опросы, планируемые на 2005 год, дадут результаты, более или менее сходные с теми, что прогнозируются в таблице А-4 интернет-приложения.

На рисунке 3.2 показано местоположение некоторых из этих стран на культурной карте. Если бы мы поместили на нее все 120 с лишним государств, она стала бы «нечитаемой» (хотя вы можете добавить туда любую интересующую вас страну, пользуясь данными таблицы А-4 из интернет-приложения). Особое внимание при подготовке этого рисунка уделялось прогнозируемому положению стран, ранее не охваченных исследованиями, на фоне ряда обществ, где такие исследования проводились. Поскольку большая часть богатых стран включалась в предыдущие «волны» Values Survey, большинство «новых» государств попадает в нижнюю часть карты: Гватемала, Эквадор и Парагвай образуют кластер, расположенный по соседству с другими латиноамериканскими государствами, а Кения, Эфиопия и Ангола оказываются вблизи полюса традиционных ценностей и слева от средней точки по шкале «выживание/самовыражение». В этот же сегмент, как ожидается, попадет Йемен, однако Кувейт благодаря высокому уровню экономического развития в рамках прогноза по нашей модели должен быть привержен секулярным ценностям сильнее, чем большинство исламских стран. В отличие от большинства впервые исследуемых государств Гонконг по прогнозу должен попасть в верхнюю часть карты — он окажется вблизи других стран с высоким уровнем доходов населения, например Японии, Германии и Словении. Кипр также представляет

Рисунок 3.2. ПРОГНОЗИРУЕМОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ СТРАН, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ВКЛЮЧЕНЫ В VALUES SURVEY НА 2005–2006 ГОДЫ, НА КУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ

Примечание. Названия 14 стран, прежде не охватывавшихся социологическими исследованиями, выделены курсивом.

собой страну с достаточно высоким среднедушевым доходом, и мы ожидаем, что он окажется рядом с центром, недалеко от Испании и Хорватии. Куба, хотя и является латиноамериканской страной, в отличие от других находится под управлением коммунистического режима, поэтому согласно нашей модели она окажется в стороне от других государств Латинской Америки, демонстрируя более секулярный характер ценностей. Аналогичным образом, в мусульманских странах Казахстане и Кыргызстане многие десятилетия существовал коммунистический строй, поэтому в нашем прогнозе они также расположены в отдалении от основного «массива» исламских обществ, значительно отличаюсь

от них по уровню секулярно-рациональных ценностей. Кроме того, поскольку доходы на душу населения там невелики, жители Казахстана и Кыргызстана должны делать акцент на ценностях выживания еще в большей степени, чем граждане большинства других посткоммунистических государств.

Прогнозирование ответов на конкретные вопросы в 2005–2006 годах

Каждое из двух измерений, на которых основана наша культурная карта, охватывает множество важных ценностей и представлений людей. Таким образом, зная расположение страны на карте, можно предсказать, какими будут ответы ее жителей на целый ряд дополнительных вопросов. В качестве иллюстрации этого тезиса в таблице А-5 интернет-приложения прогнозируются ответы граждан 120 стран на два конкретных вопроса: показана доля респондентов в каждом государстве, которые отметят в качестве соответствующего действительности вариант ответа: «Религия играет крайне важную роль в моей жизни» — и согласятся с утверждением: «При дефиците рабочих мест у мужчин должно быть больше прав на получение работы, чем у женщин».

Ни одна из этих переменных не использовалась при конструировании наших двух измерений — «традиционные/секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания/самовыражения». Мы представляем данные прогнозы в качестве иллюстрации способности нашей модели предсказывать реакцию людей на многие дополнительные переменные, помимо тех десяти, что использовались при конструировании двух указанных измерений. Такая возможность связана с тем, что каждое измерение тесно коррелирует с широким набором дополнительных переменных (как явствует из таблиц 2.2 и 2.3). За последние двадцать лет, в ходе которых проводились исследования Values Survey, отношение людей к гендерному равенству быстро менялось, поэтому, прогнозируя реакцию на связанные с этим вопросы, мы стараемся предсказать не только ситуацию в странах, прежде не становившихся объектами исследований, но и соответствующую динамику в остальных обществах.

Эти прогнозы нетривиальны. На момент написания этих строк ни один из опросов новой «волны» еще не проводился, а многие из указанных стран не включались ни в один из предыдущих раундов Values Survey (а некоторые — вообще в какие бы то ни было

социологические опросы)². В период работы над настоящей главой определить степень точности этих прогнозов было невозможно. Мы можем с уверенностью предположить, что они окажутся точными лишь приблизительно, а в некоторых случаях будут сильно отличаться от реальных результатов, поскольку в нашей модели используются только четыре переменные, связанные со значениями соответствующих факторов. Тот факт, что Соединенные Штаты «отклонились» от своего предсказанного местоположения по шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности» (хотя по измерению «ценности самовыражения/выживания» наш прогноз оказался точным), отражает важный элемент американской культуры, который оказался неучтенным в нашей модели.

Даже если бы наша модель позволяла делать идеальные прогнозы, мы никуда не делись бы от того обстоятельства, что погрешность выборки при измерении такого рода эмпирических переменных обычно находится в пределах 5–6 процентных пунктов, так что даже при использовании самой совершенной модели наши прогнозы все равно настолько же отличались бы от реальных результатов в пределах этого диапазона. Одним словом, средняя погрешность предсказания в 5–6 процентных пунктов представляет собой максимально возможное приближение к идеальной точности. С другой стороны, случайные предсказания дают среднюю погрешность в пределах 30–33 пунктов.

В ходе экспериментов, аналогичных прогнозированию расположения стран на двухмерной культурной карте по состоянию на 2000 год, мы попытались предсказать ответы по указанным выше двум эмпирическим переменным с использованием нашей модели, основанной на пересмотренной версии теории модернизации. Средняя погрешность предсказания доли ответивших, что религия играет крайне важную роль в их жизни, составила 10,5 пункта; для доли согласившихся с тем, что «при дефиците рабочих мест у мужчин должно быть больше прав на получение работы, чем у женщин», она равнялась 10,3 пункта. Подобный результат не идеален, но намного превосходит по своей точности случайные предсказания. Мы также произвели серию случайных предсказаний (с использованием генератора случайных чисел), продемонстрировавших среднюю погрешность в 32 пункта при предсказании доли

---

² В период работы над рукописью этой книги были получены данные по Саудовской Аравии и Кыргызстану, но их обработка еще не закончилась.

респондентов, согласившихся с тем, что «при дефиците рабочих мест у мужчин должно быть больше прав на получение работы, чем у женщин», и в 31 пункт для доли тех респондентов, в жизни которых «религия играет крайне важную роль». В эмпирическом плане наша модернизационная модель дает прогнозы с гораздо меньшей погрешностью, чем случайное предсказание.

Настоящий анализ основан на главной предпосылке теории статистических выводов: объяснительные модели разрабатываются так, чтобы снизить погрешности предсказания. Статистика соответствия в регрессионном анализе базируется на сравнении предсказанных и реальных данных: чем ближе спрогнозированные значения оказываются к реальным данным, тем выше соответствие, т.е. гипотеза подтверждается.

Заключение

Настоящая глава была посвящена проверке модели, основанной на пересмотренной версии теории модернизации и позволяющей предсказывать ценности и представления населения в различных странах. Данная модель экономична: используются два фактора модернизации (реальный объем ВВП на душу населения за пять лет до исследования и доля рабочей силы, занятой в соответствующем секторе экономики) и два фактора, характеризующие историческое наследие (количество лет, прожитых страной при коммунистическом правлении, и константа для каждой из восьми культурных зон, отражающая степень, в которой культурное наследие данной зоны предопределяет отличия, не связанные с простым экономическим детерминизмом). Данная модель позволяет объяснить более 80% дисперсии по каждому из двух главных измерений кросс-культурных различий. Мы использовали ее для прогнозирования ценностей населения 65 стран, исследовавшихся в ходе «волны» Values Survey 1999–2001 годов, включая 12 государств, где эти опросы проводились в первый раз. Поместив результаты наших прогнозов на двухмерной культурной карте, мы выяснили, что в среднем предсказанное местоположение страны оказывается на небольшом расстоянии от ее реального положения — в пределах круга, занимающего примерно 2% размера карты. В этом местоположении отражены ответы граждан каждой страны на важные вопросы политического и социального характера. Затем мы использовали данную модель для прогнозирования местоположения более 120 стран, где опросы в рамках Values Survey могут быть проведены в 2005–2006 годах,

а также ответов на два конкретных вопроса, которые будут задаваться респондентам в ходе этого исследования. Эти прогнозы были включены в интернет-приложение, размещенное на сайте Values Survey Association в сентябре 2004 года. Они, естественно, не идеальны; даже если бы наша модель давала стопроцентно точный результат, пришлось бы делать поправку на погрешность выборки. Тем не менее мы ожидаем, что эти прогнозы будут достаточно близки к реально полученным цифрам.

Наша модель, по-видимому, охватывает некоторые из наиболее важных факторов, определяющих кросс-культурную вариативность в системах массовых представлений. Мы заложили основу для дальнейшей проверки и совершенствования этой модели. На наш взгляд, усилия по составлению модели предсказания культурных изменений способствуют более глубокому пониманию их механизма и важных долгосрочных тенденций в этой сфере.

Наши прогнозы носят вероятностный, а не детерминистский характер, и мы ожидаем от них лишь приблизительной точности. Однако результаты анализа, изложенного в настоящей главе, дают нам определенную уверенность в том, что представленные здесь предсказания окажутся куда ближе к результатам исследований 2005–2006 годов, чем случайные предсказания. Степень их точности станет важным тестом на достоверность для нашей пересмотренной версии теории модернизации.

Глава 4 Смена поколений и изменение ценностей

В главе 2 мы отметили наличие резких и устойчивых различий в ценностных ориентациях жителей развитых и развивающихся стран. Эти различия позволяют предположить (но не доказывают), что социально-экономическое развитие приводит к системному сдвигу от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения.

В этой и следующей главе представлены дополнительные данные об указанных изменениях. В главе 5 демонстрируется, как секулярно-рациональные ценности и ценности самовыражения распространялись среди населения постиндустриальных стран в период с 1981 по 2001 год. Этот сдвиг — прямое свидетельство реальности культурных изменений и предсказуемости их направления, хотя речь идет всего о двух десятилетиях. В настоящей же главе исследуются паттерны межпоколенческих различий, ведущих к этим переменам. Дело в том, что, как мы выяснили, в развитых странах молодое поколение придает секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения куда большее значение, чем их соотечественники старшего возраста. Именно такого результата и следует ожидать, если изменение ценностей действительно связано со сменой поколений.

В некоторых ситуациях может возникнуть предположение, что эти связанные с возрастом различия отражают лишь особенности жизненного цикла человека, а не изменения, связанные со сменой поколений, т.е. что в старости все люди придают большее значение традиционным ценностям и ценностям выживания. Но если бы этот феномен существовал в реальности, младшие возрастные когорты *во всех* обществах должны были бы продемонстрировать большую приверженность секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения. Но в данном случае гипотеза о «жизненном цикле» не работает, поскольку указанные межпоколенческие различия наблюдаются только в развитых странах, но не в странах с низкими среднедушевыми доходами населения. На деле

человеку не свойственно с возрастом отдавать предпочтение традиционным ценностям и ценностям выживания¹. Аналогичным образом, нельзя утверждать, будто молодежь делает больший акцент на секулярно-рациональных ценностях и ценностях самовыражения, чем пожилые люди. Наличие или отсутствие межпоколенческих различий в этой сфере зависит от того, достигло ли данное общество высокого уровня социально-экономического развития. Подобные различия, наблюдаемые в развитых странах, отражают не особенности жизненного цикла человека, а социально-экономические изменения долгосрочного характера.

Связанные с возрастом различия, которые мы рассматриваем в настоящей главе, позволяют предположить, что процесс межпоколенческого изменения ценностей происходит уже 60 лет или более, — но это лишь косвенное свидетельство изменений в культурной сфере. Чтобы напрямую продемонстрировать, что культурные изменения долгосрочного порядка действительно имеют место, нам понадобились бы данные опросов, позволяющие измерить распространенность этих ценностей как в богатых, так и в бедных странах на протяжении последних 60–70 лет. Данных за столь долгий период на сегодняшний день нет — они появятся в распоряжении ученых лишь через полвека. В главе 5 изменения ценностей исследуются во времени — на основе результатов Values Survey за 1981–2001 годы. По некоторым странам данные опросов существуют за все эти 20 лет, по большинству — за 10 лет или меньше. Таким образом, речь идет о периоде времени, слишком непродолжительном, чтобы убедительно проверить гипотезу об изменении ценностей в связи со сменой поколений: когда берутся данные за сравнительно короткий промежуток времени, отдельные флуктуации и воздействие специфики конкретного периода могут легко затушевать результаты этих изменений. Тем не менее имеющиеся временные ряды демонстрируют изменения в предсказанном направлении (в сторону секулярно-рациональных ценностей и ценностей

---

¹ Смена поколений, однако, создает такое впечатление: по мере того как молодые возрастные группы, приверженные все более современным ценностям, заменяют группы старших возрастов, чьи ценности носят более традиционный характер, самая молодая на начало рассматриваемого периода когорта со временем превращается из носителя наиболее современных ценностей в носителя наименее современных. Но это связано не с тем, что ее собственные ценности изменились, а с тем, что ее предшественники, чьи ценности были еще менее современными, уже умерли.

самовыражения) буквально во всех странах с высокими доходами на душу населения. В бедных странах, напротив, такой картины не наблюдается. Мы не видим повсеместного перехода к секулярно-рациональным ценностям и ценностям выживания, который должен был бы стать результатом некоего общего процесса нивелировки культур за счет глобализации или распространения Интернета. Как следует из нашей пересмотренной версии теории модернизации, подобные изменения в сфере культуры связаны с социально-экономическим развитием и не происходят в тех странах, где его уровень низок.

Результаты, полученные на основе трех различных аналитических методик, указывают в одном и том же направлении — мы наблюдаем процесс межпоколенческого изменения ценностей, связанный с социально-экономическим развитием. Если бы к такому выводу подводили данные только из одного источника, он выглядел бы не столь убедительным. Но этот вывод делается на основе анализа огромного массива данных по 80 странам с использованием трех различных подходов — сравнения богатых и бедных стран, сопоставления поколений и изучения временных рядов за последние два десятка лет. Таким образом, речь действительно идет о масштабных культурных изменениях, отражающих процесс межпоколенческого изменения ценностей, связанный с индустриализацией и формированием постиндустриального общества.

Межпоколенческие различия и культурные изменения

Переход от аграрного общества к индустриальному, а затем от индустриального к постиндустриальному представляет собой поэтапный процесс, занимающий долгое время; наши же данные опросов, связанные с соответствующими трендами, охватывают в лучшем случае 20–30 лет, а для большинства стран с низкими доходами населения и того меньше — пять–десять. Это слишком короткий период, не позволяющий непосредственно измерить межпоколенческие изменения, которые отражают перемены в общественных условиях, происходящие на протяжении многих десятилетий.

Для бывших коммунистических государств, за исключением Венгрии, где первый опрос был проведен в 1981 году, мы располагаем данными начиная с 1989–1991 годов, поскольку до крушения авторитарных режимов в этих странах проводить там независимые социологические исследования было практически невозможно. Более того, для посткоммунистических обществ 1990-е годы были

нетипичным периодом, отмеченным полной перестройкой их экономической, социальной и политической системы, а также распадом СССР на 15 независимых государств. В бывших советских республиках реальные доходы на душу населения снизились в два с лишним раза, система социального обеспечения, законность и порядок рухнули, коммунистическая идеология утратила доверие людей, резко сократилась даже средняя продолжительность жизни. Это был крайне болезненный период для постсоветских обществ, и можно ожидать, что столь тяжелая ситуация нашла отражение в изменениях краткосрочного характера. Как отмечается в главе 9, именно этим отчасти объясняется тот факт, что новые независимые государства на пространстве бывшего СССР, за исключением прибалтийских республик, добились меньших успехов в построении демократии, чем большинство бывших социалистических стран.

Однако на протяжении большей части XX века СССР переживал высокие темпы экономического роста. В 1960-х годах, указав на то, что экономика социалистических стран развивается куда динамичнее, чем экономика западных демократий, Хрущев заявил: «Мы вас похороним!» В тот момент многим западным наблюдателям эта угроза представлялась вполне реальной. СССР тогда превратился в одну из двух мировых сверхдержав, и казалось, что перед ним открываются блестящие перспективы. Однако в 1990 году там начался период экономического расстройств и незащищенности. Можно предполагать, что в сознании населения стран бывшего СССР имели место изменения краткосрочного порядка, отражающие эту ситуацию. Следовательно, сравнительный анализ взглядов, присущих различным поколениям, должен давать более точную картину долгосрочных изменений в культурной сфере, происходящих в посткоммунистических обществах, чем временные ряды за «аномальный период» начиная с 1990 года, характеризовавшийся коллапсом политической, экономической и социальной системы, существовавшей при коммунистическом строе.

В отсутствие результатов опросов, позволяющих измерить эти ценности на протяжении многих десятилетий, полезные косвенные данные о долгосрочных культурных изменениях дает сравнение ответов респондентов из разных поколений. Если основополагающие ценности, свойственные тому или иному поколению, формируются в юности и в дальнейшем претерпевают незначительные изменения, межпоколенческие различия дают прибли-

тельное представление о долгосрочных тенденциях в этой сфере, особенно если у нас есть побочные данные, помогающие отличить эффекты жизненного цикла от воздействия смены поколений.

Если речь идет об обществах, характер которых определяется высокой степенью жизненной защищенности людей в течение продолжительного периода времени, можно ожидать, что мы обнаружим существенные различия в ценностях старшего и младшего поколений. В подобных обществах более молодые когорты должны придавать наибольшее значение ценностям самовыражения, в то время как от старших возрастных групп следует ожидать сохраняющейся приверженности ценностям выживания.

Согласно нашей гипотезе, утверждение ценностей самовыражения не является результатом глобального распространения единой культурной модели; оно зависит от того, обладают ли представители конкретного общества высокой степенью жизненной защищенности и личной независимости или пережили коллапс социально-экономической системы, как это произошло во многих посткоммунистических государствах.

Если эти межпоколенческие различия обусловлены социально-экономическим развитием, не следует ожидать значительных различий в ценностях разных поколений в обществах, где за последние несколько десятков лет не произошло резкого повышения уровня жизненной защищенности людей. В странах, переживающих экономическую стагнацию, молодые по идее должны придерживаться столь же традиционных взглядов, как и пожилые. Имеющиеся в нашем распоряжении данные по совершенно различным категориям обществ позволяют пролить свет на интерпретацию подобных эффектов, поскольку (как мы продемонстрируем) мы не находим какой-либо свойственной всем людям тенденции с возрастом отдавать большее предпочтение ценностям выживания: в постиндустриальных странах молодые действительно более привержены ценностям самовыражения, чем пожилые, однако в обществах, где процесс экономического развития не имел места совсем или был слабым, такой картины не наблюдается.

Чтобы прийти к однозначным выводам, необходимо проанализировать данные многих последовательных «волн» опросов, проводимых в разные моменты времени на протяжении многих десятилетий. Это позволило бы нам выделить эффекты, связанные с жизненным циклом человека, спецификой отдельных периодов и возрастной когортой. Но в нашем распоряжении нет необходимой

для этого гигантской базы данных. В ее отсутствие ни одна из возможных методик не даст нам окончательного результата, однако, если сочетание различных методов, индикаторов и наборов данных позволяет сделать выводы, указывающие в одном и том же направлении, это придаст нам больше уверенности в справедливости нашей гипотезы.

Самые протяженные и подробные временные ряды в отношении изменения ценностей из всех, что нам доступны, связаны с измерением материалистических или постматериалистических ценностных предпочтений. Ситуация с этими ценностями исследовалась в большом количестве стран, а социологическая служба Eurobarometer почти ежегодно проводит опросы на эту тему начиная с 1970 года. Начнем анализ фактора смены поколений с перехода от материалистических ценностей к постматериалистическим. Поскольку эти ценности представляют собой важный компонент измерения «ценности выживания/самовыражения», наш анализ даст представление о том, какими бы были результаты изучения других элементов этого измерения, если бы по ним у нас тоже имелись ежегодные данные за три десятилетия. Мало того, этот анализ полезен и по другой причине: он иллюстрирует проблемы, связанные с выявлением различий между долгосрочными межпоколенческими изменениями, эффектами жизненного цикла и спецификой периода с присущими ему изменениями в социально-экономических условиях.

Утверждение постматериалистических ценностей

Более тридцати лет назад Инглхарт выдвинул гипотезу о том, что в промышленно развитых странах ценностные приоритеты людей меняются: вместо «материалистических» задач, связанных с экономической и физической защищенностью, их начинают все больше волновать «постматериалистические» цели, касающиеся самовыражения и качества жизни (Inglehart 1977). Этот культурный сдвиг регулярно исследуется начиная с 1970 года в ходе опросов, проводимых во многих странах Запада. Огромный массив данных наглядно демонстрирует, что в этой сфере происходит межпоколенческий сдвиг в предсказуемом направлении.

Теория межпоколенческого изменения ценностей основана на двух основных гипотезах (Inglehart 1990):

Гипотеза дефицита. Практически каждый стремится к свободе и самостоятельности, но на практике приорите-

ты людей отражают их социально-экономическое положение, в результате чего на субъективном уровне наибольшую ценность для них приобретают самые насущные потребности. Способность удовлетворять материальные нужды и физическая защищенность — важнейшие предпосылки выживания. Поэтому в условиях нехватки материальных благ люди придают приоритетное значение материалистическим целям, а в ситуации изобилия они с большей вероятностью делают акцент на целях постматериалистических.

Гипотеза социализации. Избавление от нехватки материальных благ не оборачивается мгновенной коррекцией ценностных приоритетов: здесь наблюдается значительный временной лаг, поскольку основополагающие ценности человека во многом отражают условия, в которых прошли его детство и юность. Они меняются в основном за счет естественного воспроизводства населения. Более того, в каждом обществе старшее поколение передает свои ценности детям; это культурное наследие обладает немалой устойчивостью, но, если оно расходится с непосредственным опытом человека, его влияние слабеет.

Гипотеза нехватки материальных благ — аналог принципа убывающей предельной полезности в экономической теории. В этой гипотезе отражено основополагающее различие между материальными потребностями, удовлетворение которых необходимо для физического выживания и безопасности, и нематериальными потребностями, например в уважении, самовыражении и эстетическом наслаждении. Поскольку удовлетворение материальных потребностей является необходимой и насущной предпосылкой выживания, нехватка материальных благ придает этим потребностям приоритетное значение по отношению ко всем остальным, включая и постматериалистические потребности. И напротив, когда материальные потребности гарантированно удовлетворяются, это начинает восприниматься как должное, и приоритетное значение приобретают постматериалистические стремления, в результате чего люди обращают большее внимание на цели, занимающие более высокое место в пирамиде потребностей Маслоу.

В свете гипотезы нехватки история экономического развития передовых промышленных стран за последние полвека имеет ряд существенных следствий. Дело в том, что эти общества представляют

собой явное исключение из преобладающих «правил» истории: большинство их населения не живет в условиях голода и экономической незащищенности. Это приводит к постепенному духовному сдвигу, в результате которого потребность в причастности к «благому делу», уважении, интеллектуальном и эстетическом удовлетворении играет все большую роль. Можно предположить, что продолжительный период экономического процветания способствует распространению постматериалистических ценностей, а затяжной спад в экономике ведет к противоположному результату. Проявившиеся в последнее время тенденции, такие как относительно высокая безработица, крах на рынках акций и сокращение масштабов социального государства, привели к усилению экономической незащищенности людей; если этот процесс пойдет достаточно далеко, он может подрвать преобладающее ощущение гарантированности выживания, а в долгосрочной перспективе — вернуть на первое место материалистические ценности.

Однако однозначной взаимосвязи между социально-экономическим развитием и преобладанием постматериалистических ценностей не существует, поскольку эти ценности отражают субъективное ощущение защищенности, а не объективный уровень экономического развития как таковой. Более того, субъективное ощущение человеком собственной защищенности не только зависит от его личной безопасности, но и испытывает влияние общего представления о защищенности, бытующего в его социальном окружении. Хотя богатые индивиды и нации, как правило, чувствуют себя более защищенными, чем бедные, на это ощущение воздействуют также культурная среда и система институтов социального обеспечения, в рамках которых происходило становление личности. Таким образом, гипотезу нехватки материальных благ необходимо интерпретировать в сочетании с гипотезой социализации.

Одна из самых распространенных в общественных науках концепций связана с наличием некоей базовой структуры человеческой личности, которая обычно оказывается сформированной к моменту достижения взрослости, но в дальнейшем не претерпевающей значительных изменений. Эта концепция лейтмотивом проходит через ученые труды о человеке — от Платона до Фрейда — и подтверждается данными современных социологических исследований. В раннем возрасте социализация влияет на человека сильнее, чем в последующие годы. Значительный массив данных позво-

ляет сделать вывод, что базовые ценности людей приобретают фиксированный характер к тому моменту, когда они становятся взрослыми, и в дальнейшем меняются сравнительно мало (Rokeach 1968; Rokeach 1973; Inglehart 1977; Inglehart 1997; Baker, Dalton, Hildebrandt 1981). Шуман и Скотт утверждают, что у каждого поколения есть «коллективная память» — приобретенная в юности и молодости, она сохраняется у его представителей на всю жизнь (Schuman, Scott 1989). Если это так, то можно ожидать, что в обществах, где ощущение защищенности усилилось, будут наблюдаться значительные различия в ценностях старшего и молодого поколений. Более того, хотя в процессе социализации молодой человек усваивает культурные традиции, это не всегда означает воспроизводство конкретной системы ценностей в неизменном виде. В период формирования личности люди не всегда «впитывают» все те ценности, что общество им внушает. С наибольшей вероятностью они примут на вооружение те ценности, которые соответствуют их непосредственному опыту в период становления личности, и откажутся от тех, которые ему не соответствуют. В результате создается возможность для изменения ценностей в процессе смены поколений. Если социализация молодых происходит в условиях, существенно отличных от тех, что определяли характер представителей предыдущих поколений, ценности общества в целом постепенно изменятся за счет естественного воспроизводства населения.

Вместе взятые, эти гипотезы позволяют сделать ряд четких прогнозов, связанных с изменением ценностей. Во-первых, из гипотезы нехватки материальных благ следует, что экономическое благосостояние способствует утверждению постматериалистических ценностей, хотя гипотеза социализации позволяет предположить, что ценности, как на индивидуальном уровне, так и в масштабе всего общества, не меняются в одночасье. Фундаментальные изменения в сфере ценностей происходят постепенно — в основном за счет того, что молодое поколение заменяет старшее в качестве основной массы взрослого населения страны.

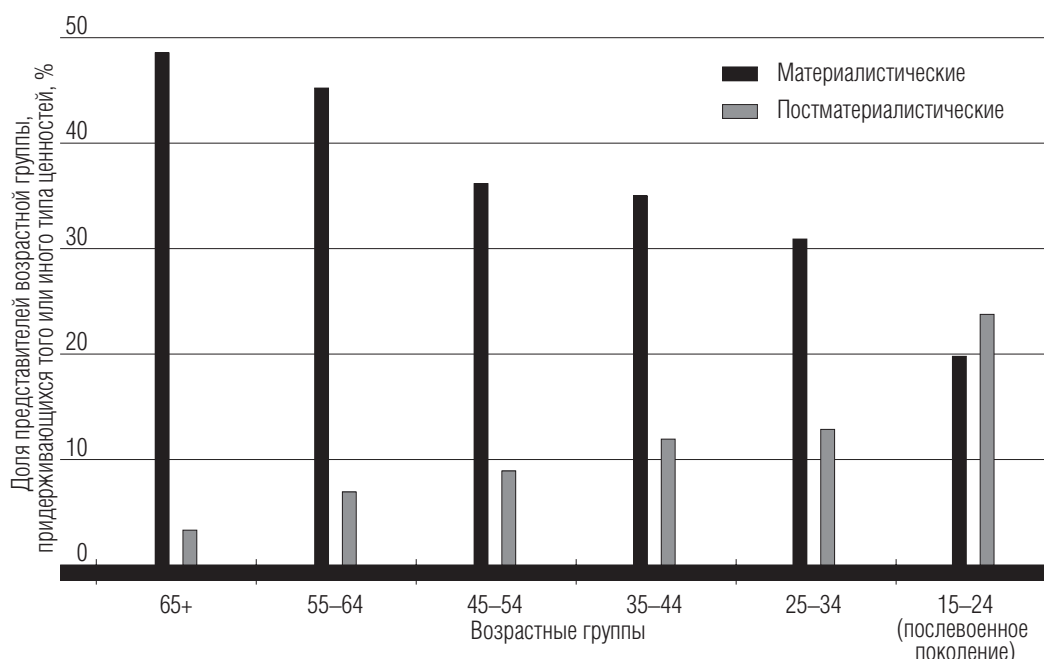
Следовательно, после продолжительного периода усиления экономической и физической защищенности людей должны проявиться существенные различия в ценностных приоритетах младших и старших возрастных групп: это связано с различием их опыта в период формирования личности. Однако между изменениями в экономике и их политическими последствиями должен существовать значительный временной лаг. Через десять–пятнадцать лет

после начала периода экономического благосостояния в ряды электората начинают вливаться представители возрастных когорт, чья личность сформировалась в условиях процветания. Еще через десять–двадцать лет они начнут выполнять функции членов элиты.

Проверка гипотезы об изменении ценностей

Тезис об изменении ценностей впервые подвергся эмпирической проверке в 1970 году, при проведении опроса в Британии, Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии и Нидерландах. Во всех шести странах наблюдались различия в ценностной ориентации возрастных групп, предсказанные гипотезой социализации. Как показано на рисунке 4.1, в 1970 году в самой старшей возрастной группе материалисты по численности намного превосходили постматериалистов; но по мере продвижения вниз по возрастной шкале доля материалистов сокращалась, а постматериалистов — увеличивалась (Inglehart 1977). В самой старшей возрастной когорте (старше 65 лет) материалистов насчитывалось в 14 раз больше, чем постматериалистов, но в самой младшей когорте последние уже немного превосходили материалистов числом.

Рисунок 4.1. РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ТИПОВ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ НАСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ, ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, БЕЛЬГИИ И НИДЕРЛАНДОВ, 1970 г.

Источник: опрос, проведенный Европейским сообществом в 1970 году на основе блока из четырех вопросов, выявляющих материалистические/постматериалистические ценности. Опубликовано в: Inglehart 1990: 76.

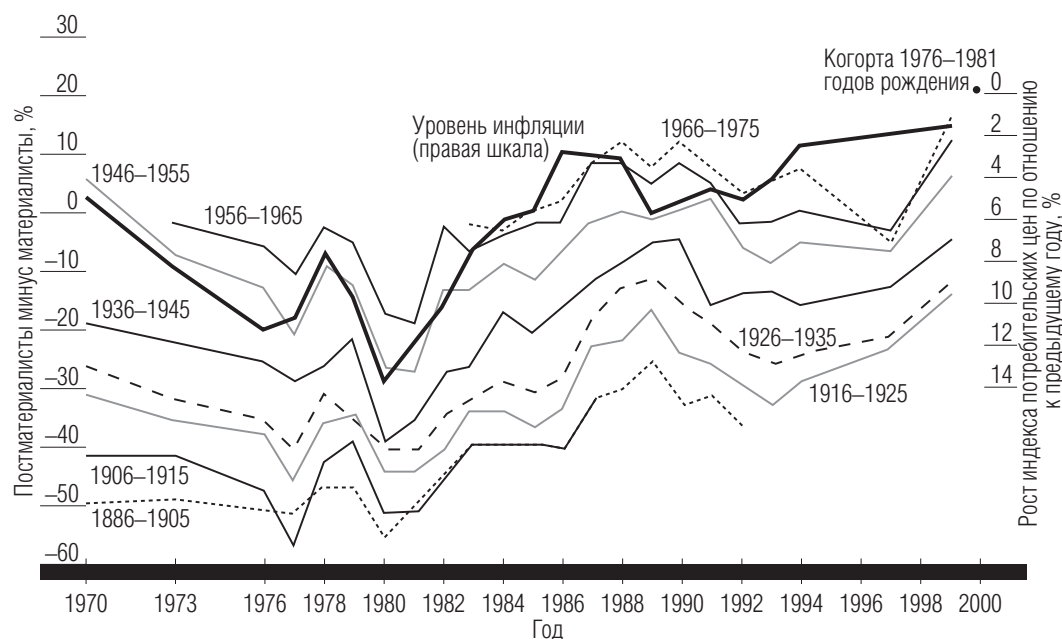
Что отражает эта картина: эффект жизненного цикла, последствия смены поколений или некое сочетание первого со вторым? Согласно нашей гипотезе, речь идет о межпоколенческих различиях, но нельзя исключать и того, что наблюдаемое нами несоответствие ценностных ориентаций молодых и пожилых отражает некую свойственную людям тенденцию превращаться с возрастом в «материалистов». Если это так, то ценности молодых людей с течением времени должны становиться все более и более похожими на те, которые характерны для пожилых, и никаких изменений в масштабе общества в целом происходить не будет. Единственный способ определить, отражают ли эти различия между возрастными группами процесс смены поколений или воздействие старения, — проследить мировоззрение конкретных возрастных когорт во времени, чтобы выяснить, становятся ли их представители с возрастом «материалистами».

К счастью, это в наших силах: блок из четырех вопросов, выявляющих материалистические/постматериалистические ценности, фигурировал в социологических опросах, проводившихся в ряде стран практически ежегодно начиная с 1970 года и до наших дней.

На рисунке 4.2 показано, каким образом эволюционировали ценности каждой возрастной когорты в период с 1970 по 1999 год. Мы опять используем сводные данные по Великобритании, Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии и Нидерландам. Позиция каждой когорты на графике в конкретный момент времени определяется путем вычитания доли материалистов в ее составе из доли постматериалистов. В нулевой точке вертикальной оси обе группы обладают одинаковой численностью (когорты 1946–1955 годов рождения в 1970 году находилась вблизи этой точки). По мере продвижения вверх доля постматериалистов растет, а доля материалистов увеличивается при продвижении вниз. Если возрастные различия в ценностях отражают эффект жизненного цикла, кривые, обозначающие все когорты, должны клониться книзу, к материалистическому «полюсу», по мере продвижения слева направо в рамках этого почти тридцатилетнего периода.

Однако такой направленности движения мы не обнаруживаем. Вместо этого в течение всего периода 1970–1999 годов когорты с более поздними годами рождения остаются большими постматериалистами, чем «старшие» когорты. Таким образом, с возрастом люди не превращались в материалистов — даже наоборот, многие представители этих когорт к концу рассматриваемого периода де-

Рисунок 4.2. АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ ПО ВОЗРАСТНЫМ КОГОРТАМ
(ДОЛЯ ПОСТМАТЕРИАЛИСТОВ ЗА ВЫЧЕТОМ ДОЛИ МАТЕРИАЛИСТОВ В ШЕСТИ ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ, ШКАЛА СЛЕВА) В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНФЛЯЦИЕЙ (ОБРАТНАЯ ШКАЛА СПРАВА) 1970–1999

Источник: основано на комбинированной взвешенной выборке опросов Eurobarometer, проводившихся в Западной Германии, Франции, Великобритании, Италии, Нидерландах и Бельгии за соответствующий период с использованием четырехкомпонентного индекса материалистических/постматериалистических ценностей.

монстрировали немного *меньшую* приверженность материалистическим ценностям, чем в его начале.

Более того, если бы преобладающим механизмом был эффект жизненного цикла, никакого общего изменения ценностей произойти бы не могло. Однако, как мы убедимся позднее, с 1970 по 1999 год имели место масштабные изменения в сфере ценностных ориентаций, и они происходили в предсказанном направлении. Эти изменения отражают тот факт, что представители каждой новой возрастной когорты, становившейся объектом исследования, являются большими постматериалистами, чем представители предыдущей, и остаются таковыми. В результате по мере смены более ранних (по году рождения) когорт более поздними происходит сдвиг в сторону постматериалистических ценностей. Из рисунка 4.2 явствует, что эффект специфики периода *также* оказывает свое воздействие: с ним связаны краткосрочные колебания «уровня постматериализма», затрагивающие все возрастные группы примерно в одинаковой степени. Текущие условия могут «подтолкнуть» все возрастные когорты как вверх, так и вниз, в зависимости от того,

какой эти условия носят характер — благоприятный или неблагоприятный. Однако в конечном итоге вызванные ими скачки вверх сводят на нет предыдущие скачки вниз, поэтому долгосрочного воздействия этот эффект не оказывает. Межпоколенческие различия отличаются сравнительной стабильностью, в результате чего направленность воздействия смены поколений может оставаться одинаковой в течение многих десятилетий, приводя к масштабным изменениям кумулятивного характера.

С чем связан эффект специфики периода?

Причины эффекта специфики периода представлены на рисунке 4.2, где показан текущий уровень инфляции, показанный в виде широкой серой линии на графике изменения ценностей возрастных когорт. Поскольку в соответствии с нашей гипотезой предполагается, что постматериалистические ценности получают более широкое распространение при более низкой инфляции, индекс инфляции изображен с помощью «перевернутой» шкалы — более низкий уровень соответствует верхней части шкалы, а более высокий — нижней. При таком изображении становится очевидным, что уровни инфляции и постматериалистических ценностей изменяются вместе — в рамках ограниченного диапазона флуктуаций, отражающего стабильность межпоколенческих различий.

Эффекты специфики периода проявляются со всей наглядностью: линии, соответствующие каждой когорте, делают зигзаги в сторону материалистического полюса в ходе рецессии середины 1970-х годов, а также последующих спадов в начале 1980-х и начале 1990-х. Эти эффекты подразумеваются нашей гипотезой, поскольку она увязывает постматериалистические ценности с экономической стабильностью. Из-за высокого уровня инфляции люди чувствуют себя экономически незащищенными, и, как видно из графика, существует чрезвычайно точное совпадение между текущей экономической ситуацией и краткосрочными колебаниями уровня материалистических и постматериалистических ценностей. Однако эти эффекты специфики периода носят преходящий характер: при нормализации экономических условий они сходят на нет. В долгосрочном плане ценности всех возрастных когорт отличаются высокой стабильностью. Несмотря на колебания, вызванные текущими экономическими условиями, межпоколенческие различия сохраняются: практически в любой момент времени все «поздние» возрастные когорты демонстрируют значительно меньшую

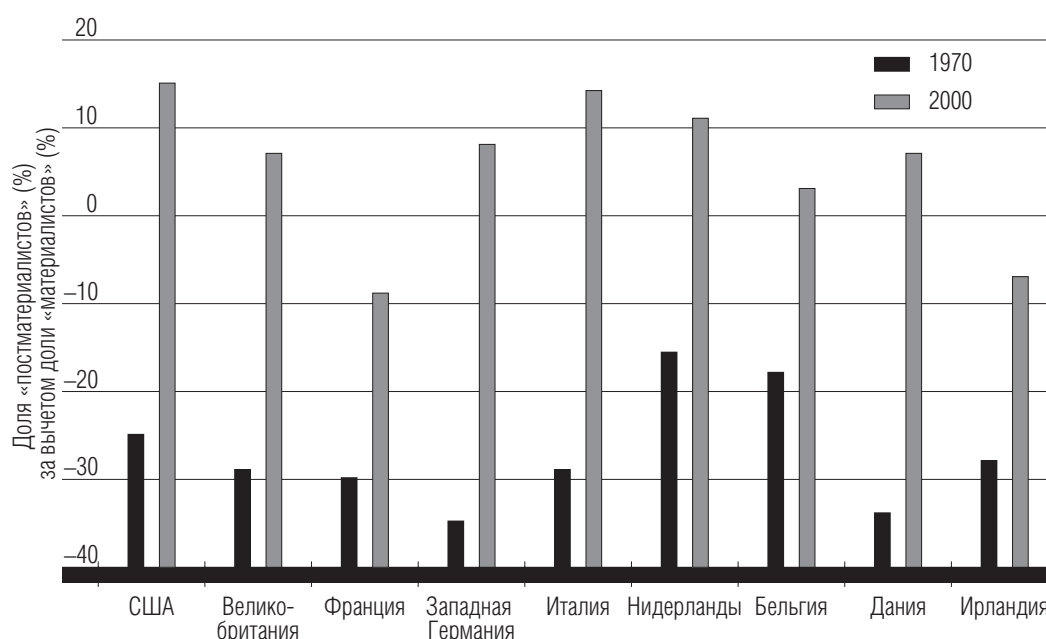
приверженность материалистическим ценностям, чем «ранние». Эти устойчивые межпоколенческие различия отражают разницу в условиях, сформировавших личности представителей этих когорт: на старшие повлияли голод и незащищенность, характерные для периодов Первой мировой войны, Великой депрессии и Второй мировой войны; младшие же росли в передовых социальных государствах, в беспрецедентную за всю историю человечества эпоху мира и благосостояния.

Таким образом, и эффекты текущего момента, и эффекты социализации реально существуют, отражая разные аспекты действительности: эффекты специфики периода — воздействие краткосрочных факторов, а эффекты социализации — межпоколенческие изменения долгосрочного плана. Все когорты, независимо от года рождения, реагируют на краткосрочные ощущения жизненной незащищенности, связанные с циклическими колебаниями в экономике. Но эти моменты адаптации представляют собой небольшие отклонения от фиксированной основной линии.

Гипотеза о смене поколений, введенная в научный оборот задолго до того, как были собраны представленные здесь данные, позволяла предсказать наличие и устойчивых различий между когортами, и эффектов специфики периода, которые позднее наблюдались в реальности. Тезис об изменении ценностей в связи со сменой поколений также позволяет предсказать, что в долгосрочной перспективе произойдет переориентация населения указанных стран с материалистических ценностей на постматериалистические. С тех пор как была предпринята первая попытка проанализировать этот процесс изменения ценностей, прошло более тридцати лет. Наблюдаем ли мы в реальности предсказанный сдвиг в этой сфере? Как видно из рисунка 4.3, он действительно имеет место.

На рисунке 4.3 показан фактический сдвиг в этом направлении, наблюдающийся во всех шести западноевропейских государствах, где социологические исследования на данную тему ведутся с 1970 года, причем эти результаты дополняются данными общенационального опроса, проведенного в ходе предвыборной кампании 1972 года в США, а также опросов Eurobarometer, впервые организованных в Дании и Ирландии в 1973-м, когда эти страны вошли в Европейское сообщество. Последние по времени данные по всем странам относятся к «волне» Values Survey 1999–2001 годов. Таким образом, у нас имеются временные ряды по указанным странам, охватывающие почти тридцатилетний период.

Рисунок 4.3. ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДЕВЯТИ СТРАН ЗАПАДА НА ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ, 1970–2000

Во всех девяти государствах мы наблюдаем реальный сдвиг от материалистических ценностей к постматериалистическим. На вертикальной шкале схемы показана доля постматериалистов за вычетом доли материалистов — т.е. нулевая отметка на этой шкале означает количественное равенство приверженцев материалистических и постматериалистических ценностей. В начале 1970-х материалисты во всех девяти странах преобладали — все они находились значительно ниже нулевой отметки на вертикальной шкале. К примеру, по результатам первого опроса в США доля материалистов превосходила долю постматериалистов на 24 процентных пункта, а в ФРГ — на 34 процентных пункта. За прошедшие с тех пор три десятилетия картина радикально изменилась: в ходе опросов 1999–2001 годов выяснилось, что во всех девяти странах постматериалисты численно превосходят материалистов. Несмотря на значительные краткосрочные колебания, предсказанный сдвиг в сторону постматериалистических ценностей действительно имел место.

На рисунке 4.3 показаны лишь стартовая и конечная ситуации в рамках временных рядов по каждой стране. В более детальном исследовании, охватывающем результаты как минимум 33 опросов по каждой стране, Инглхарт и Абрамсон прослеживают соответствующие тенденции в каждом из восьми упомянутых западноевропейских государств (Inglehart, Abramson 1999). Затем с помощью

регрессионного анализа они показывают, что в период с 1970 по 1994 год в Великобритании, Франции, Западной Германии, Италии, Нидерландах, Ирландии и Дании наблюдается масштабный, статистически значимый сдвиг от материалистических ценностей к постматериалистическим. В восьмой стране — Бельгии — эта тенденция носит не столь выраженный характер, поскольку резкий рост уровня безработицы во многом нивелировал воздействие смены поколений. Однако анализ, учитывающий совокупное воздействие инфляции и безработицы, демонстрирует, что статистически значимый тренд в сторону постматериалистических ценностей имел место во всех восьми странах Западной Европы, по которым мы имеем подробные данные временных рядов.

В соответствии с тезисом об изменении ценностей в связи со сменой поколений прогнозируется сдвиг ценностной ориентации населения этих стран от материалистических ценностей к постматериалистическим. Эмпирические данные, собиравшиеся в течение тридцати лет, соответствуют этому прогнозу: наблюдаемые нами существенные и устойчивые различия между возрастными когортами, судя по всему, отражают процесс изменения ценностей, связанный со сменой поколений. С 1970 года по естественным причинам состав населения сильно изменился, что способствовало существенному сдвигу в сторону постматериалистических ценностей. Эта долгосрочная тенденция, основанная на воспроизводстве населения, естественно, поменяет вектор, если социально-экономические условия изменятся настолько, что новые поколения в период становления личности будут испытывать чувство жизненной незащищенности.

Связанный со сменой поколений сдвиг в сторону постматериалистических ценностей чреват важными последствиями с точки зрения ожидаемых в ближайшие десятилетия изменений в политической сфере: как мы продемонстрируем, он представляет собой один из элементов общего культурного сдвига, постоянно усиливающего в обществе требования демократизации (там, где демократии не существует) или большей «отзывчивости» демократических институтов (там, где они уже созданы).

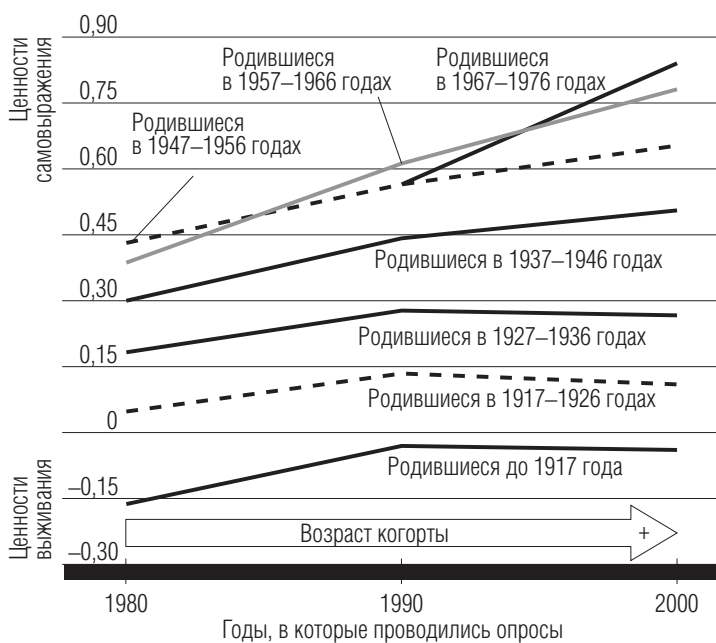
Усиление акцента на вопросах, связанных с качеством жизни, накладывается на прежние классовые разделительные линии индустриального общества. С середины XIX по середину XX столетия в политической жизни преобладающую роль играли классовые конфликты, связанные с перераспределением доходов и собственностью на средства производства. Однако в последние десятилетия

масштабы «голосования по классовому принципу» сократились; теперь, наряду с классовыми, на политической арене присутствуют темы постматериалистического характера с акцентом на вопросы, относящиеся к образу жизни, и защиту окружающей среды.

Распространение постматериализма не означает, что проблемы и заботы материалистического характера снимаются с повестки дня. Конфликты относительно способов обеспечения благосостояния и устойчивого экономического развития всегда будут оставаться важным элементом политической жизни. Кроме того, у населения постиндустриальных стран выработались более утонченные формы потребления, материализма и гедонизма. Однако характер этих новых форм материализма определяется распространением постматериалистических ценностей. Новые формы потребления уже не ориентированы в первую очередь на демонстрацию экономического положения людей. Они все больше превращаются в способ самовыражения личности, проявление индивидуальных вкусов и образа жизни. Акцент на самовыражении — неотъемлемая черта постматериализма, представляющего собой главный компонент системы ценностей самовыражения.

Фактические данные со всей очевидностью демонстрируют, что межпоколенческие различия в ценностных ориентациях, наблюдающиеся в постиндустриальных обществах, *не* связаны

Рисунок 4.4. ПРЕДПОЧТЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ, ПО ВОЗРАСТНЫМ КОГОРТАМ

с эффектом жизненного цикла. Как явствует из рисунка 4.2, представители конкретных когорт с возрастом не становятся большими материалистами. На рисунке 4.4 показано, что такая же закономерность характерна и для более общего сдвига в культурной сфере, составной частью которого является распространение постматериалистических ценностей, — сдвига от ценностей выживания в сторону ценностей самовыражения². С самого начала этого периода более молодые возрастные когорты придавали большее значение ценностям самовыражения, чем «старшие» когорты, и не сделали выбора в пользу ценностей выживания за те два десятка лет, что прошли с 1981 по 1999–2001 годы (для простоты на рисунке 4.4 эти стартовая и конечная точки обозначены как 1980 и 2000 годы). На протяжении всего этого периода указанные когорты продолжали придерживаться ценностей самовыражения в большей степени, чем «старшие». И хотя за период, отраженный на рисунке 4.4, представители всех возрастных когорт постарели на 20 лет, ни одна из них не продемонстрировала в 1999–2001 годах меньшей приверженности ценностям самовыражения, чем в 1981-м, — что было бы невозможно, если бы эти различия отражали эффект жизненного цикла. Напротив, мы видим, что все возрастные когорты со временем начали делать даже *большой* акцент на ценностях самовыражения. Особенно это относится к когортам с более поздними годами рождения: с 1981 по 1999–2001 годы они приобрели значительно большую приверженность этим ценностям; позиция «старших» когорт осталась в основном неизменной, но у них не произошло поворота в сторону ценностей выживания.

Мы только что проанализировали данные об изменении ценностей в связи со сменой поколений на материале нескольких стран, по которым существуют наиболее протяженные и подробные временные ряды. Но все они — богатые постиндустриальные демократические государства. И возникает вопрос: что же происходит в других странах мира? Давайте теперь изучим данные по куда большему количеству государств, охваченных Values Survey.

Сдвиг в сторону ценностей самовыражения не является результатом их глобального распространения. Наша теория припи-

---

² Объектом анализа, результаты которого показаны на рисунке 4.4, стали все постиндустриальные страны, где проводились опросы в рамках первой, второй и четвертой «волн» Values Survey: Бельгия, Великобритания, Германия (Западная), Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, США, Швеция, Финляндия, Франция и Япония.

сывает его изменениям поколенческого характера, связанным с повышением уровня социально-экономического развития, из чего следует, что распространение постматериализма будет наиболее выраженным в богатых постиндустриальных обществах и, возможно, не проявится в странах, остающихся в тисках бедности. В 1970-х годах данные опросов по странам с низкими доходами населения были крайне скудны, а в коммунистических и иных авторитарных государствах проводить такие исследования было почти невозможно. Однако благодаря Values Survey сегодня мы имеем данные по гораздо более широкому кругу стран.

На таблице А-6, помещенной в интернет-приложении³, показан сдвиг от материалистических ценностей к постматериалистическим на материале 33 стран, не учтенных на рисунке 4.4, — по данным всех проведенных опросов, от самых первых до последних. В ряде случаев первые опросы проводились в 1981 году, в других — в 1989–1991 годах, а последний опрос относится к 1999–2001 годам. Таким образом, речь идет по сути о десятилетнем периоде наблюдений (страны, по которым данные имеются за меньший срок, мы в таблицу не включали). Лишь в 14 из этих стран наблюдается позитивный сдвиг, а в 18 — негативный (в сторону от постматериалистических ценностей). Направленность этих изменений отражает уровень национального дохода.

В таблице А-6 звездочками отмечены названия «богатых» стран — тех, где душевой ВВП в 2000 году превышал 15 000 долларов (по оценкам Всемирного банка в пересчете по ППС). В 10 из 14 таких стран за этот период произошел позитивный сдвиг. В это число не входят девять богатых стран, ситуацию в которых мы проанализировали выше; если включить и их, получится, что в 19 из 23 стран с высокими доходами населения, по которым у нас имеются данные, произошло усиление акцента на постматериалистических ценностях. В то же время в 14 из 19 стран, где реальный ВВП на душу населения составляет менее 15 000 долларов, произошедший сдвиг имел негативный характер. Другими словами, несмотря на экономические трудности 1990-х в 85% стран с высокими доходами населения позиции постматериализма укрепились, но в 74% менее процветающих стран наблюдалась противоположная динамика. Это соответствует типичной картине, которую мы видим,

---

³ Интернет-приложение см. на сайте: <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

анализируя культурные изменения в последние десятилетия: люди, живущие в богатых странах, придают все большее значение ценностям самовыражения и ведут себя соответственно. Однако нельзя утверждать, что в том же направлении движется весь мир, — напротив, население бедных стран по-прежнему сохраняет приверженность ценностям выживания. Следовательно, различие в мировоззрении граждан богатых и бедных стран не уменьшается, а даже усиливается.

Межпоколенческие ценностные различия в мире

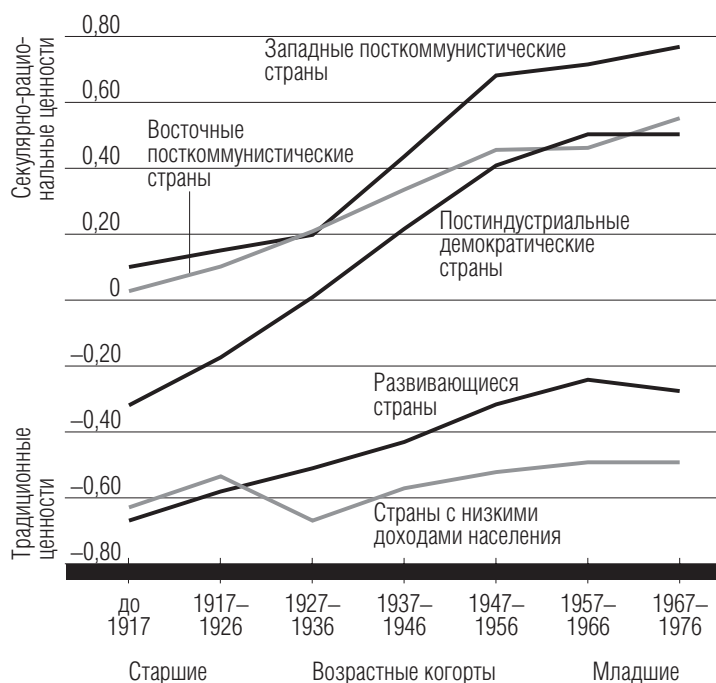
На рисунке 4.5 представлены межпоколенческие различия по шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности» по семи возрастным когортам, охватывающим людей, родившихся в период с 1907 по 1976 год. В данном случае мы уже не анализируем происходящие изменения во времени, а просто сравниваем ценности, которым привержены различные возрастные когорты. Любая попытка отобразить на графике возрастные различия у населения нескольких десятков стран привела бы к совершенно нечитаемому изображению, поэтому мы разделили их на пять категорий в зависимости от их экономической истории в XX столетии⁴:

Постиндустриальные демократические страны: душевой ВВП превышает 10 000 долларов (в 1995 году согласно оценкам Всемирного банка по ППС). В XX веке эти страны пережили значительный экономический рост: как явствует из общемировых статистических таблиц, составляемых Центром сравнительных исследований при Пенсильванском университете (Penn World Tables) (<http://pwt.econ.upenn.edu>), их средний реальный душевой ВВП с 1950 по 1992 год увеличился в 6,3 раза.

Развивающиеся страны: в эту категорию входят все некоммунистические государства, где реальный душевой ВВП составляет от 5 000 до 10 000 долларов. Их долгосрочные темпы экономического роста не превышали соответствующие показатели для постиндустриальных демократий, поэтому в целом разрыв в уровне благосостояния между развивающимися и развитыми странами оставался неизменным.

⁴ См. интернет-приложение (№ 67 в разделе «Переменные»): там разъясняется, каким образом страны из выборки Values Survey классифицировались по этим пяти категориям.

Рисунок 4.5. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ ПО ШКАЛЕ «ТРАДИЦИОННЫЕ/СЕКУЛЯРНО-РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ» ДЛЯ ПЯТИ ТИПОВ ОБЩЕСТВ

Страны с низкими доходами населения: все некомунистические государства, где реальный душевой ВВП не достигает 5000 долларов. В этой группе стран средние долгосрочные темпы роста были самыми низкими: с 1950 по 1992 год их душевой ВВП увеличился всего лишь в 2,4 раза. Эти общества с самого начала были бедны, а за прошедшие десятилетия стали еще беднее по сравнению с постиндустриальными странами.

Западные посткоммунистические страны: в эту группу входят бывшие коммунистические государства с католическими или протестантскими традициями. По классификации Всемирного банка они относятся к категории стран со средними доходами (душевой ВВП от 5000 до 10 000 долларов). За последние 50 лет их экономика развивалась значительными темпами, в результате чего с 1950 по 1992 год душевой доход там повысился в 4,2 раза. Более того, переход к рыночной экономике эти страны совершили гораздо успешнее, чем восточные посткоммунистические государства.

Восточные посткоммунистические страны: речь идет о странах с православным или мусульманским религиозным

наследием, включая все государства бывшего СССР, за исключением трех прибалтийских республик, а также Албанию, Болгарию, Румынию, Сербию и Боснию. В 1950-х годах они относились к категории стран с низкими доходами, но в течение нескольких десятилетий большинство из этих государств добивалось впечатляющего экономического роста, в результате чего к 1992 году их душевой ВВП повысился в семь раз. Однако после 1980 года они столкнулись с постоянно возрастающими экономическими затруднениями, кульминацией которых стал коллапс советской экономики, обернувшийся резким падением душевого ВВП населения, а в некоторых случаях — и сокращением средней продолжительности жизни⁵.

Как явствует из рисунка 4.5, в постиндустриальных демократических и бывших коммунистических странах, особенно западных, молодые гораздо меньше привержены традиционным ценностям, чем

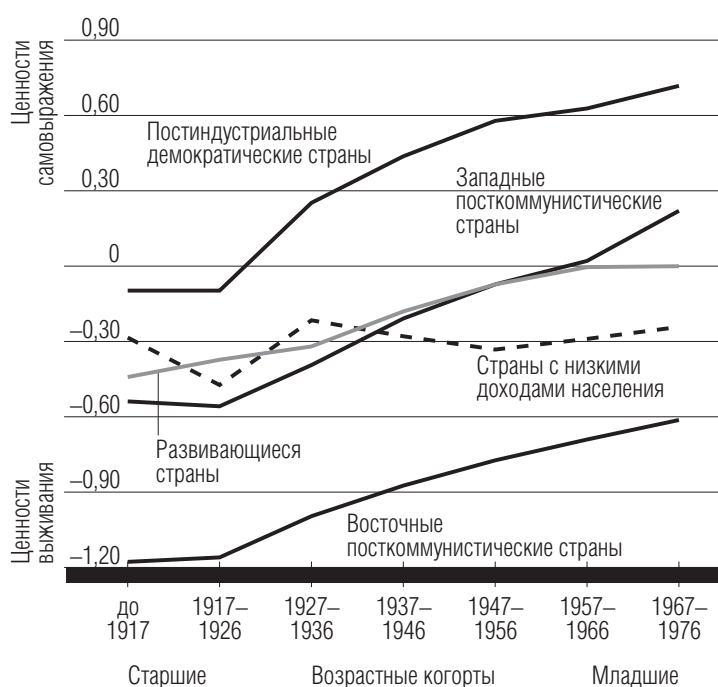
⁵ Лучшим индикатором жизненной защищенности в период формирования личности является средняя продолжительность жизни в соответствующей стране с 1900–1910 годов (на этот период пришлось детство самых старших из наших респондентов) до сегодняшнего дня. Хотя по большинству стран мы не располагаем такими временными рядами, мы знаем, что сто лет назад средняя продолжительность жизни в мире была сравнительно низкой и с тех пор резко возросла в тех странах, где наблюдался экономический рост, улучшился рацион питания и медицинское обслуживание населения и действовали иные факторы. Даже в США, которые уже в начале XX столетия были самой богатой страной мира, средняя продолжительность жизни в 1900 году составляла всего 48 лет; за прошедшее столетие она увеличилась до 78. Все страны, где сегодня средняя продолжительность жизни наиболее высока, после 1900 года демонстрировали резкое повышение уровня жизненной защищенности. Поскольку средняя продолжительность жизни — лучший объективный индикатор жизненной защищенности, из этого следует вывод, что соответствующее ощущение у большинства населения этих стран должно было также укрепиться. Если это так, следует ожидать высокой корреляции между средней продолжительностью жизни в стране и межпоколенческими различиями в ценностях. Именно это мы и наблюдаем. Межпоколенческие различия в ценностях наиболее велики в обществах с самой высокой средней продолжительностью жизни. На материале 61 страны коэффициент корреляции между средней продолжительностью жизни по состоянию на 1995 год и межпоколенческими различиями по шкале «традиционные/секулярно-рациональные ценности» составляет 0,56 с уровнем статистической значимости 0,0001. Коэффициент корреляции между средней продолжительностью жизни и различиями по шкале «ценности выживания/самовыражения» равен 0,41 (с уровнем значимости 0,001). Хотя условия жизни в посткоммунистических странах в последние годы резко ухудшились, на протяжении большей части XX столетия средняя продолжительность жизни существенно увеличивалась не только в постиндустриальных странах, но и в большинстве коммунистических государств.

пожилые⁶. В то же время в развивающихся странах, по нашим наблюдениям, молодым людям секулярные ценности свойственны не намного больше, чем пожилым, а в странах с низкими доходами населения, где реальный экономический рост в период после 1950 года был незначителен, тенденции к такого рода межпоколенческим различиям не отмечается вообще. Изменение социально-экономических условий играет значительную роль в формировании различий между возрастными когортами, но помимо него здесь действуют и другие факторы. Отметим, что старшие когорты в западных и восточных посткоммунистических странах более привержены секулярно-рациональным ценностям, чем их ровесники в обществах всех других категорий. В обоих типах экс-коммунистических государств формирование личности старшего поколения происходило на фоне динамичного экономического роста — в период, когда казалось, что социалистические страны «догонят и перегонят» капиталистические. Более того, они находились под воздействием масштабных пропагандистских кампаний, призванных искоренить в сознании людей традиционные и религиозные ценности. Соответственно, в посткоммунистических странах мы наблюдаем резкие различия в ценностных ориентациях между старшими и младшими возрастными группами. Однако в последние два десятилетия эти страны пережили экономическую стагнацию и деидеологизацию. В результате межпоколенческие различия сглаживаются, а среди молодых — практически исчезают. Особенно это относится к восточным посткоммунистическим государствам (в основном православным и входившим в состав СССР); в западных (в большинстве своем католических) посткоммунистических странах резкость различий снижается, однако самые молодые возрастные когорты в западной группе стран, переживших коммунизм, значительно больше склонны к секуляризму, чем их ровесники из восточной группы. Напротив, в постиндустриальных странах самые старшие возрастные группы демонстрируют более традиционную ценностную ориентацию, чем их одногодки из посткоммунистических государств.

---

⁶ Лишь небольшое число стран с низкими доходами населения было охвачено опросами Values Survey, предшествовавшими «волнам» 1995–1997 и 1999–2001 годов. Соответственно, при составлении схем на рисунках 4.5 и 4.6 мы ограничились данными этих двух последних «волн», чтобы иметь возможность сравнить позиции разных возрастных когорт из различных типов обществ в одно и то же время. В интернет-приложении (№ 67 в разделе «Переменные») разъясняется, каким образом страны из выборки Values Survey классифицировались по этим пяти категориям.

Рисунок 4.6. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ ПО ШКАЛЕ «ЦЕННОСТИ ВЫЖИВАНИЯ/САМОВЫРАЖЕНИЯ» ДЛЯ ПЯТИ ТИПОВ ОБЩЕСТВ

Однако в постиндустриальных обществах наклон более крутой, причем на протяжении большего времени, поэтому в них самые молодые возрастные группы по уровню секуляризма сравнимы со сверстниками из восточных посткоммунистических стран⁷.

⁷ Для обществ, придерживающихся традиционных ценностей, также характерен намного более высокий уровень рождаемости по сравнению со странами, где распространены секулярно-рациональные ценности, а это означает, что традиционные ценности там по-прежнему сильны, несмотря на воздействие сил модернизации. Наш индекс традиционных/секулярно-рациональных ценностей демонстрирует отрицательную корреляцию между распространением последних и уровнем рождаемости по состоянию на 1995 год ($r = 0,75$). Сегодня в большинстве промышленно развитых стран рождаемость не достигает уровня, необходимого для воспроизводства населения. В Германии, России, Японии, Испании и Италии на одну женщину репродуктивного возраста сегодня приходится в среднем 1,2–1,6 ребенка (уровень, необходимый для воспроизводства населения, равен 2,1). Напротив, в странах с низкими доходами населения сохраняется гораздо более высокий уровень рождаемости (отчасти высокий уровень воспроизводства поощряется традиционными ценностями). В Нигерии, например, на одну женщину приходится в среднем 5,5 ребенка, причем рождает она в более молодом возрасте, что сокращает интервалы между поколениями. Различия в уровне рождаемости между промышленно развитыми и развивающимися странами настолько велики, что мы наблюдаем две на первый взгляд несовместимые тенденции: с одной стороны, большинство стран мира переживает процесс индустриализации, который ведет к распространению секулярного мировоззрения, а с другой — в количественном отношении приверженцев тради-

Паттерн, который мы видим на рисунке 4.5, соответствует нашим ожиданиям: наибольшие межпоколенческие различия в ценностных ориентациях мы наблюдаем в тех странах, где увеличилась средняя продолжительность жизни населения и имел место устойчивый экономический рост; там же, где эти тенденции только начинают проявляться, подобные различия не столь выражены.

На рисунке 4.6 показаны значения по шкале «ценности выживания/самовыражения» для семи возрастных когорт по пяти категориям стран. Мы вновь обнаруживаем, что наиболее резкие межпоколенческие различия наблюдаются в постиндустриальных, а также восточных и западных посткоммунистических обществах; в развивающихся странах они носят умеренный характер, а в странах с низкими доходами населения различия в ценностях молодого и старшего поколений практически отсутствуют. Однако в одном важном аспекте рисунок 4.6 решительно отличается от рисунка 4.5. Восточные посткоммунистические страны демонстрируют гораздо более низкие — по сравнению с другими категориями обществ — показатели доверия между людьми, толерантности, субъективного благополучия, гражданской активности и самовыражения — т.е. по всем компонентам второго основного измерения кросс-культурной изменчивости. Судя по всему, это связано с эффектами специфики периода, вызванными травматическими кризисными явлениями в этих обществах: в прошлом десятилетии все восточные посткоммунистические страны пережили потрясения, а народы бывших советских республик столкнулись с крахом прежней экономической и социально-политической системы. Жизнь в этих обществах приобрела небезопасный и непредсказуемый характер. Таким образом, несмотря на сравнительно резкие межпоколенческие различия, говорящие о том, что в последние 60 лет жизнь людей в восточных посткоммунистических странах становилась все более защищенной, в настоящее время их жители придают ценностям выживания даже большее значение, чем граждане стран с низкими доходами населения. Другими словами, воздействие специфики периода накладывается на эффект смены поколений.

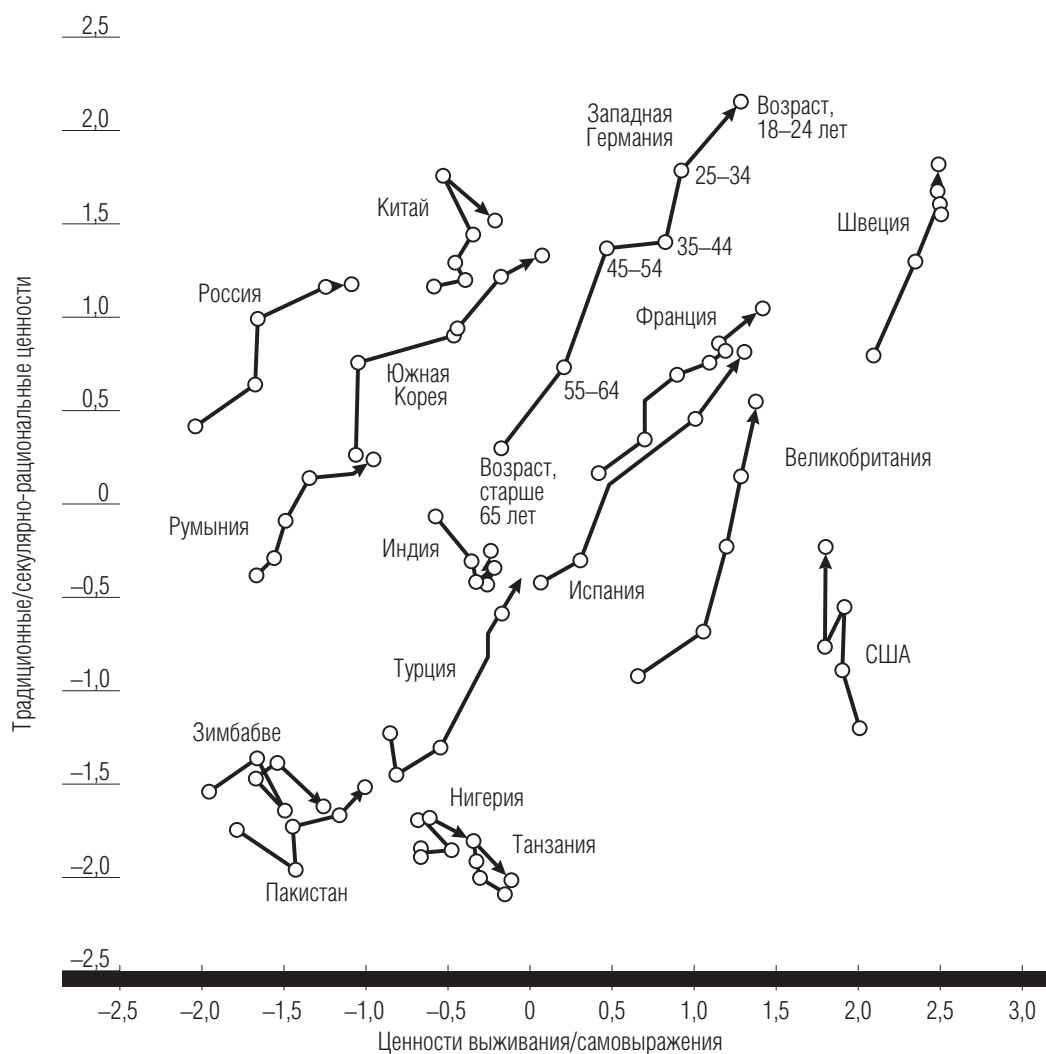
ционных ценностей сегодня больше, чем когда-либо. В 1970 году в развивающихся странах проживало 73% населения планеты, а в развитых — 27%. К 1996 году граждане развитых стран составляли уже не более 20% населения Земли; к 2020-му их доля, по оценкам, снизится до 16% (см.: US Bureau of the Census 1996). Народы развитых стран придерживаются все более современных ценностей, но они составляют все меньшую часть человечества.

Слабое развитие ценностей самовыражения в восточных посткоммунистических странах проявляется в явном несовершенстве демократического строя (Rose 2001). Как мы продемонстрируем в главе 8, ценности самовыражения оказывают сильнейшее воздействие на процесс формирования подлинной демократии в обществе. И относительная слабость этих ценностей в восточных посткоммунистических странах позволяет с уверенностью прогнозировать ущербность их демократических институтов. И напротив, в западных посткоммунистических странах, где ценности самовыражения играют гораздо бóльшую роль, демократия, как мы увидим, функционирует намного более эффективно. Постиндустриальные страны гораздо сильнее проявляют ценности самовыражения, и именно они составляют большинство в числе подлинно демократических государств мира. Слабость же ценностей самовыражения ведет либо к недемократическому строю (как это происходит в большинстве стран с низкими доходами населения), либо к неэффективности демократических институтов (что мы наблюдаем в большинстве восточных посткоммунистических стран).

Поскольку только для половины этих обществ у нас есть данные, полученные в ходе опросов 1990 и 1995 годов, мы не можем провести их анализ по возрастным когортам, который позволил бы нам отделить друг от друга эффекты указанных краткосрочных и долгосрочных изменений. Тот факт, что восточные посткоммунистические страны сегодня занимают столь низкие места в нашем рейтинге, говорит о значительном воздействии краха их прежней экономической и политической системы. Данные, полученные в ходе опроса в рамках Values Survey, проведенного в 1981 году (тогда восточные коммунистические страны были представлены лишь Тамбовской областью — репрезентативным для России регионом), показывают, что в то время уровень субъективного благополучия в этих странах был существенно выше, чем сегодня. Коллапс коммунистической системы привел к резкому падению этого уровня, и сегодня по субъективному благополучию эти общества сильно отстают от стран с низкими доходами населения. Поскольку этот показатель является одним из основных компонентов данного ценностного измерения, мы подозреваем, что сильный акцент на ценностях выживания, характерный сегодня для группы восточных посткоммунистических стран (см. рисунок 4.7), связан с крахом прежней социально-экономической системы.

Рисунок 4.7. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ НА КУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ. СТРЕЛКИ НАПРАВЛЕНЫ ОТ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП К МЛАДШИМ

В странах с низкими доходами населения межпоколенческих изменений мы почти не наблюдаем; слабо выраженные различия между возрастными группами позволяют предположить, что подавляющее большинство населения этих государств в последние десятилетия сохраняло приверженность ценностям выживания. В восточных посткоммунистических странах мы, напротив, видим, что ряд возрастных групп все больше ощущал собственную экономическую защищенность — пока мощное воздействие специфики периода, связанной с крахом коммунизма, не вызвало резкого падения уровня этой защищенности.

На рисунке 4.7 показаны межпоколенческие различия по некоторым странам: мы расположили на нашей двумерной культурной карте результаты последнего опроса по различным возрастным

группам. Западная Германия⁸ занимает одно из первых мест в мире по масштабам различий между возрастными группами: ценности соответствующих возрастных когорт в этой стране отличаются значительным разбросом на культурной карте. Самая старшая из них находится возле ее центра, а самая младшая — в северо-восточном углу (чтобы разместить на карте положение самых младших возрастных групп Западной Германии и Швеции, нам пришлось даже сдвинуть северную и восточную границы по сравнению с прежними рисунками, содержащими такого рода карты). Разделение населения Западной Германии на шесть возрастных групп отражает шесть десятилетий, характеризовавшиеся разными условиями формирования личности: две самые старшие возрастные группы еще помнят Великую депрессию (которая ударила по Германии сильнее, чем по любой другой стране мира), а также гигантские разрушения и людские потери, связанные с Второй мировой войной. В то же время четыре послевоенные возрастные когорты росли в новой Германии — занимающей одно из первых мест в мире по уровню экономического благосостояния, качеству системы социального обеспечения и стабильности демократических институтов.

Необычайно велико и расстояние, разделяющее ценности самых молодых и самых старших групп в Испании и Южной Корее. В обоих случаях самые старшие возрастные когорты росли в ситуации, радикально отличающейся от нынешней. Их детство прошло в нестабильных странах с авторитарными режимами, где жизненный уровень и средняя продолжительность жизни были невелики. Теперь же Южная Корея и Испания представляют собой процветающие и все более стабильные демократии.

Во Франции, Британии, Швеции и Соединенных Штатах наблюдаются не столь резкие, но тоже значительные различия между поколениями. В посткоммунистических странах, представленных на нашей карте, — России, Китае⁹ и Румынии — эти различия

---

⁸ Мы по-прежнему анализируем данные по западной части Федеративной Республики Германии отдельно от восточных регионов, входивших в состав Германской Демократической Республики, несмотря на воссоединение страны в 1990 году. Это связано со значительным несовпадением условий формирования личностей нынешних жителей этих двух частей страны, что и сегодня находит отражение в ценностях и убеждениях восточных и западных немцев.

---

⁹ Хотя в Китае коммунистическая партия по-прежнему находится у власти, в экономическом и культурном плане страна начиная с 1978 года отходит от комму-

так же существенны, хотя и не столь велики, как в Германии, Испании и Южной Корее. Практически во всех случаях, когда изменения, связанные со сменой поколений, имеют место, они явно направлены в сторону большего акцентирования как секулярно-рациональных ценностей, так и ценностей самовыражения.

Однако межпоколенческие различия нельзя считать общемировым явлением. В Индии, Нигерии и Танзании четких тенденций в этом отношении не просматривается: различия между возрастными когортами настолько малы, что укладываются в пределы статистической погрешности; к тому же они колеблются в обоих направлениях, в результате чего общего продвижения почти не происходит. В Пакистане и Зимбабве некоторое движение в сторону ценностей самовыражения имеет место, но его темпы невелики.

Заключение

Изменение ценностей, связанное со сменой поколений, отражает исторические изменения в условиях существования людей. Оно не носит всеобщего характера: изменения обнаруживаются лишь в тех обществах, где условия, в которых формируются личности представителей молодого поколения, существенно отличаются от тех, в которых формировались люди старшего возраста.

Анализ когорт и сравнение ценностей различных поколений показывают, что мы становимся свидетелями межпоколенческого изменения ценностей, связанного с социально-экономическим развитием. Это явление отражает тот факт, что улучшение условий существования людей уменьшает их зависимость от религии и побуждает придавать все большее значение самовыражению. Такая интерпретация подкрепляет выводы, сделанные в главе 2, где мы продемонстрировали, что население богатых стран с гораздо большей вероятностью отдает приоритет секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения, чем жители государств с низкими доходами населения. Кроме того, этот тезис подтверждается представленным в настоящей главе анализом временных рядов в том, что касается сдвига в сторону постматериалистических ценностей, а также анализом временных рядов некоторых других

нистической модели — сегодня более половины выпускаемой в КНР продукции приходится на долю рыночного сектора. В этом смысле Китай следует отнести к категории посткоммунистических стран.

переменных, которому посвящена глава 5. Большой массив данных, проанализированных по трем различным методикам — путем сравнения богатых и бедных стран, сопоставления поколений и исследования временных рядов (за два последних десятилетия), — указывает на то, что масштабные изменения в культурной сфере происходят в реальности и что они носят характер межпоколенческих изменений, связанных с повышением уровня жизненной защищенности людей.

Глава 5 Изменение ценностей во времени

В главе 4 мы говорили о больших межпоколенческих различиях, связанных со шкалой «ценности выживания/самовыражения», однако они обнаруживаются не везде. В постиндустриальных демократических и западных посткоммунистических странах молодежь с гораздо большей вероятностью делает акцент на ценностях самовыражения, чем старшее поколение; меньшие различия между возрастными группами наблюдаются в восточных посткоммунистических странах; наконец, в странах с низкими доходами населения межпоколенческие различия почти или совсем не обнаруживаются. Если эти различия указывают на долгосрочный сдвиг в сторону ценностей самовыражения в постиндустриальных обществах, последствия подобного явления крайне важны. Дело в том, что (как мы покажем в части II книги) распространение ценностей самовыражения связано с нарастанием массовых требований установления демократии в странах, где ее пока не существует, и углубления демократии там, где она уже есть.

Шкала «материалистические/постматериалистические ценности» — один из важных компонентов измерения «ценности выживания/самовыражения», и, как мы только что убедились, серьезные различия между возрастными группами в этой сфере, обнаруженные в 1970 году, действительно позволили предсказать долгосрочное изменение преобладающих ценностей в постиндустриальных странах. Действует ли эта закономерность в более широком масштабе, т.е. можно ли спрогнозировать долгосрочные социальные изменения на основе возрастных различий по шкале «ценности выживания/самовыражения»? Как мы увидим ниже, можно. Давайте проанализируем изменения во времени других компонент измерения «ценности выживания/самовыражения», начав с такой характеристики, как участие людей в политике.

Нарастание противозэлитной гражданской активности

Более 25 лет назад Инглхарт предсказал сокращение в западных странах масштабов политической мобилизации, направляемой элитами (elite-directed), и рост противозэлитной (elite-challenging)

активности масс (Inglehart 1977: 5, 317–321). Одним из факторов, обусловивших именно такой прогноз, стал тот самый переход от материалистических ценностей к постматериалистическим, который мы проанализировали в предыдущей главе: материалистов волнуют в первую очередь насущные потребности, связанные с выживанием, а постматериалисты ощущают относительную уверенность в том, что удовлетворение этих нужд им гарантировано, и потому могут направить больше психической энергии на решение других вопросов. Отметив, что в передовых промышленно развитых странах «младшие» возрастные когорты обладают более развитыми политическими навыками, чем «старшие», Инглхарт пришел к выводу, что процессы изменения ценностей и мобилизации когнитивных способностей людей идут параллельно. Население этих стран придает все большее значение самовыражению, а рост знаний и навыков позволяет людям участвовать в политической жизни на более высоком уровне, самостоятельно определяя характер решений, затрагивающих их жизнь, и не передоверяя эту задачу элитам. Позднее, анализируя данные о расширении масштабов противоэлитной политической деятельности, Инглхарт отметил: «Постматериалисты с большей вероятностью будут участвовать в неортодоксальных формах политического протеста, чем материалисты. Более того, ценности, которым привержен человек, взаимодействуют с мобилизацией его когнитивных способностей таким образом, что на высоком уровне когнитивной мобилизации различия между типами ценностей существенно увеличиваются... Среди людей, приверженных материалистическим ценностям и обладающих низким уровнем когнитивной мобилизации, лишь 12% принимают участие или готовы принять участие в бойкоте товаров или более обременительных разновидностях политической деятельности. Среди постматериалистов, обладающих высоким уровнем когнитивной мобилизации, 74% принимали участие или готовы принять участие в такого рода деятельности. Процесс когнитивной мобилизации, судя по всему, повышает в западных странах потенциал противоэлитной политической активности» (Inglehart 1990: 361–362).

Этот прогноз выглядел парадоксальным, поскольку в течение многих лет явка на выборах в постиндустриальных странах уменьшалась, и многие утверждали, что сокращение «социального капитала» ведет к политической инертности общества (Putnam 2000). Мы не согласны с подобным диагнозом (его критический разбор см.: Voggs 2001). Вместо этого мы усматриваем в происходящем

две противоположные тенденции. С одной стороны, забюрократизированные и управляемые элитами формы участия народа в политическом процессе, такие как голосование и членство в партиях, *действительно* переживают упадок. С другой стороны, резко расширился масштаб движимых внутренней мотивацией, экспрессивных и противоэлитных форм такого участия. Этот процесс отражает изменение характера социального капитала: он не сходит на нет, но приобретает новую форму, что ведет и к появлению новых типов коллективного действия. В индустриальном обществе массы контролировались иерархически устроенными политическими партиями и механизмами, обеспечивавшими дисциплинированную явку избирателей к урнам для голосования, после чего конкретные решения принимались уже элитами. Сегодня же люди все чаще напрямую выражают свои предпочтения по конкретным вопросам, таким как аборт, права женщин и геев, коррупция в рядах элит и проблемы экологии. Хотя эти проблемы сами по себе конкретны, они обладают широким символическим значением, представляя собой вопросы образа жизни в обществах, приобретающих все более гуманистический характер.

Барнс, Каазе и их соавторы прогнозировали распространение так называемых «неортодоксальных форм участия в политической деятельности». Они разработали методики измерения как «традиционных» форм политической деятельности вроде голосования и обращений избирателей к депутатам парламента, так и «неортодоксальных» форм, таких как демонстрации, бойкоты и захват зданий. Установив, что «неортодоксальные» политические акции сильно коррелируют с постматериалистическими ценностями и гораздо более распространены среди младших, а не старших возрастных когорт, они спрогнозировали расширение масштабов таких акций: «Мы интерпретируем это возрастание протестного потенциала как устойчивую характеристику общественности демократических стран, а не просто преходящий „скачок“ участия масс в политической жизни, который со временем неизбежно сойдет на нет» (Barnes, Kaase et al. 1979: 524).

Сегодня, четверть века спустя, стало очевидно, что они были правы, а распространенные предположения о спаде гражданской и политической активности в постиндустриальных странах, называемые «кризисом демократии», оказались неверными (Pharr, Putnam 2000). Теории кризиса демократии уже давно предсказывали ослабление представительных демократических институтов,

а в конечном итоге и уменьшение роли граждан в политической жизни стран Запада. В своей недавней работе Патнэм и Госс утверждали: «Как это ни парадоксально, в момент величайшего триумфа либеральной демократии возникает и беспокойство по поводу эффективности важнейших общественных институтов, в том числе институтов представительной власти, в развитых демократиях Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии. По крайней мере применительно к Соединенным Штатам есть основания подозревать, что некоторые фундаментальные предпосылки эффективности демократии за последние десятилетия размываются в результате постепенного, но масштабного процесса ослабления гражданской активности людей» (Putnam, Goss 2002: 4).

Несмотря на эти прогнозы, временные ряды, полученные в ходе опросов в рамках проекта «Политическое действие» (Political Action) (Barnes, Kaase et al. 1979), а также четырех «волн» Values Survey, показывает, что на деле имеет место существенное увеличение масштабов противозэлитной активности масс — настолько, что петиции, демонстрации, бойкоты и другие формы подобных действий уже не считаются «неортодоксальными», а стали нормой для значительной части граждан постиндустриальных стран. Мы не обнаруживаем существенного нарастания пассивности общественности ни в Соединенных Штатах, ни в других странах¹. На наш взгляд, речь идет о более сложной картине.

Полученные нами результаты противоречат утверждениям о том, что население постиндустриальных стран в целом проявляет меньшую гражданскую активность. Эти тезисы верны лишь отчасти. Мы полностью согласны с Патнэмом в том, что люди поворачиваются спиной к таким организациям, как Орден Лосей (общество взаимопомощи) или клубы любителей боулинга (Putnam 2000). Сокращается количество членов буквально во всех традиционных, управляемых элитами организациях иерархического типа — от

---

¹ Примечательно, что большинство ученых, разрабатывающих теорию «социального капитала», не считают его проявлением новые формы коллективных противозэлитных действий. Это не соответствует определению социального капитала, включающему все формы «сетевых» коллективных действий (Coleman 1990). Более того, игнорирование коллективных противозэлитных действий означает недооценку значения этой формы гражданской активности для развития демократии. А ведь именно коллективные действия, бросавшие вызов элитам, стали движущей силой построения ранних, ограниченных вариантов демократии в ходе либеральных революций XVII–XVIII столетий и распространения современной демократии в рамках «третьей волны» (см.: Markoff 1996).

профсоюзов до церквей. Число людей, вступающих в политические партии, также резко уменьшается (Dalton, Wattenberg 2000). Партийно-политические «машины» в больших городах теряют контроль над некогда лояльными группами электората, в результате чего явка на выборах не увеличивается, а зачастую и падает (Wattenberg 1996). Аналогичным образом, в большинстве богатых демократических стран слабеет и доверие общества к государству, его институтам и любым крупным организациям (см.: Nye, Zelikow, King 1997; Norris 1999; Dalton 2000). В условиях постиндустриального общества люди начинают более критически относиться к институционализированной власти в целом и политической власти в частности и проявляют все меньше желания вступать в забюрократизированные организации. Поскольку такие организации составляют списки своих членов, сокращение их численности фиксируется документально. Но это лишь одна сторона медали.

Те же самые люди все чаще принимают участие в коллективных действиях объединений иного типа, где членство не регистрируется, поскольку речь идет о не имеющих четкой структуры, но разветвленных «сетевых» противоэлитных общественных ассоциациях. В этом — широком — смысле общество отнюдь не избегает гражданской активности. Напротив, предсказанное четверть века назад расширение масштабов противоэлитных действий происходит буквально во всех постиндустриальных странах. Эта тенденция означает не размывание социального капитала, а изменение его природы — переход от контактов, навязываемых извне через механизмы социального контроля, к контактам, устанавливаемым самими людьми, по собственной воле. Приверженность той или иной конфессии или членство в профсоюзе в значительной степени определяется религиозными традициями вашей семьи или вашей классовой принадлежностью; участие же в экологической организации или правозащитной деятельности, как правило, является следствием индивидуального выбора. В постиндустриальном обществе социализация из «вынужденного родства» превращается в «симпатию по собственному выбору» (Beck 2002).

Направляемые элитами действия масс, такие как голосование на выборах или посещение церкви, переживают стагнацию или упадок, однако противоэлитные гражданские акции получают все большее распространение. Лишенные четкой структуры сетевые ассоциации, координирующие подобные действия, не имеют постоянного, официально регистрируемого членства. Количество их

участников не фиксируется, если кто-то не проведет специального социологического исследования, чтобы определить их численный состав. К счастью, опросы в рамках проекта «Политическое действие», а также Values Survey предусматривают именно это, и результаты этих исследований однозначно противоречат тезису об «общественной пассивности» людей. Они показывают, что граждане США и других постиндустриальных государств все меньше готовы быть лояльными членами олигархически контролируемых организаций, но с куда большим энтузиазмом участвуют в акциях, направленных против решений, принимаемых элитами.

Мы имеем дело с масштабной новой тенденцией, определяемой не нарастающей гражданской инертностью, а связанным со сменой поколений переходом от участия в политической жизни под руководством элит к противоэлитной политической активности. По мере того как младшие возрастные когорты, отличающиеся более высоким уровнем образования и большей приверженностью постматериалистическим ценностям, начинают преобладать в структуре взрослого населения, смена поколений обуславливает рост решительности и экспрессивности действий общества.

Эти изменения в сфере гражданской активности связаны не только с культурными изменениями. Они переплетены с экономическим, социальным и политическим развитием соответствующих обществ. Как мы только что продемонстрировали, переход к постматериалистическим ценностям отражает воздействие и долгосрочного процесса смены поколений, и краткосрочных эффектов специфики периода. Рецессии вызывали у всех когорт тенденцию к материализму, однако, когда экономическое благосостояние устанавливалось вновь, они возвращались к прежней приверженности постматериалистическим ценностям.

На наш взгляд, эти основополагающие культурные изменения увеличивают потенциал участия масс в противоэлитных действиях. Однако люди выражают свой протест не в вакууме: они реагируют на текущие проблемы, например вопросы войны и мира, экономическое процветание или экономический крах, идеологические установки конкретных политических партий и особенности личности конкретных политических лидеров.

Следовательно, можно ожидать, что эта долгосрочная тенденция, связанная с естественным воспроизводством населения и краткосрочными эффектами специфики текущего периода, будет развиваться и дальше. Изменение состава населения в связи со

сменой поколений — процесс долгосрочный, действующий систематически и в предсказуемом направлении в течение многих десятилетий, однако его влияние в любой конкретный момент времени усиливается или ослабляется текущими событиями в экономической и политической сфере. Попробуем проверить этот тезис с помощью данных, полученных в рамках Values Survey с 1981 по 1999–2001 годы. Поскольку этот период включает такие события, как крушение коммунистической системы и «третью волну» демократизации, достигшую апогея в 1987–1995 годах, речь идет об эпохе, с высокой вероятностью сопровождающейся весьма масштабными эффектами, связанными со спецификой текущего момента. Переход к демократии в этот период произошел в десятках стран. Переход этот в значительной мере определялся действиями масс, бросившими вызов элитам (Bernhard 1993; Foweraker, Landman 1997). «Воля народа» способствовала приходу к власти демократических режимов в целом ряде государств — от восточноазиатских до латиноамериканских. С наибольшей наглядностью она проявилась в крушении коммунистических режимов — особенно в группе западных посткоммунистических стран (Diamond L. 1993a; Paxton 2002). Однако по завершении этого перехода обнаруживаются эффекты «окончания медового месяца» (Inglehart, Catterberg 2003). Переход к демократии — период необычайной мобилизации масс: например, в прибалтийских республиках в 1990 году на улицы выходило почти все население. Однако, по мере того как в связи с успехом перехода потребность в активности людей ослабевает, а эйфория, связанная с демократизацией, проходит, можно ожидать снижения уровня участия масс в политической жизни, особенно в тех странах, где демократизация обернулась сильными разочарованиями.

В процессе перехода к демократии массы мобилируются в ее поддержку. Однако зачастую массовая поддержка демократии основана не на внутренней убежденности, а на утилитарной мотивации — например, надеждах, что этот строй обеспечит населению такое же экономическое благосостояние, как в традиционно демократических странах. Подлинная поддержка демократии возникает тогда, когда люди высоко ценят и считают самоцелью гражданские и политические права, которые она несет с собой. Такую подлинную мотивацию обеспечивают ценности самовыражения — поскольку без гражданских и политических свобод беспрепятственное самовыражение невозможно. Однако во многих странах демократия пользуется мощной поддержкой даже несмотря на то, что ценности

самовыражения там распространены слабо. В этих случаях люди выступают за демократию прежде всего по утилитарным мотивам, а не ради неотделимых от нее свобод (см.: Hofferbert, Klingemann 1999). Подобная «прагматическая» поддержка теряет устойчивость, если результаты перехода к демократии вызывают разочарование (подробное обоснование данного тезиса см. в главе 11). Разочарование первыми результатами перехода может привести к ослаблению поддержки демократии, если она не закреплена в сознании людей ценностями самовыражения.

В ходе «третьей волны» демократизации распространилось мнение — зачастую подкреплявшееся соответствующим дискурсом в рядах элиты, — что демократия несет с собой не только свободу, но и рост экономического благосостояния; именно оно стало одним из важнейших факторов, обеспечивших повышение поддержки демократии до беспрецедентного уровня даже в тех обществах, где ценности самовыражения не были укоренены. Если в дальнейшем экономическая ситуация складывалась неблагоприятно, у людей возникало разочарование в демократии. Более того, жизнь в условиях авторитарных режимов порождала нереалистичные ожидания, связанные с демократией и демократическим политическим процессом: «Ожидания активистов, пожалуй, были нереально завышенными и включали идеалистическое представление о том, что они могут реально влиять на события „снизу“ ... [Но] политический процесс в его реальном виде, по мнению многих, не действует в интересах народа» (Rueschemeyer et al. 1998: 101–102).

Если поддержка демократии основывается в первую очередь на завышенных ожиданиях в политической сфере, а не убежденности в ценности свободы выбора как таковой, у тех, кто активно способствовал переходу к демократии, может возникнуть чувство безысходности. Все большее несовпадение между надеждами и действительностью привело к разочарованию общественности во многих из молодых демократических государств, особенно там, где пришедшие к власти новые режимы действовали неэффективно. С другой стороны, относительная укорененность ценностей самовыражения обеспечивает подлинную поддержку демократии, сохраняющуюся даже при разочаровании политикой новой власти².

---

² В Чили и Испании поддержка демократии не ослабла, несмотря на то что результаты экономической политики новых демократических властей оказались хуже, чем у предыдущих авторитарных режимов, добившихся впечатляющих успехов в обеспечении устойчивого экономического роста. В чилийском и испанском обще-

Так, разочарование в демократии приобрело ярко выраженный характер в восточных посткоммунистических и многих латиноамериканских странах, но не в западной группе посткоммунистических государств. В первой группе стран, как мы увидим, разочаровывающие результаты принимавшихся государством мер привели к резкому снижению ожиданий в отношении эффективности участия народа в демократическом процессе и к самоустранению людей от политической жизни после аномально высокого уровня противоэлитной активности, которая способствовала переходу к демократии.

Политические акции протеста не являются прямым отражением *объективных* поводов для недовольства, существующих у людей. В этом случае наибольшую протестную активность населения мы наблюдали бы в самых бедных странах, а наименьшую — в самых богатых, но на деле происходит как раз обратное. В странах с низкими доходами населения разочарование часто ведет к чувству безнадежности и самоустранению. Если, однако, разочарование сочетается с широким распространением ценностей самовыражения, эта ситуация, вероятнее всего, даст толчок эффективным массовым противоэлитным акциям. Парадоксально, но факт: рецепт от политической пассивности масс, предлагаемый некоторыми коммунистами, сторонниками общинности, — отказ от ценностей самовыражения — на деле приведет как раз к самоустранению людей от гражданской активности.

К примеру, население России выражает крайнюю озабоченность высоким уровнем коррупции в рядах правящей элиты. Однако относительная слабость ценностей самовыражения в этой стране (и других постсоветских государствах) не дает людям достаточной мотивации для проявления своего недовольства в форме перманентной массовой противоэлитной активности. И напротив, в Бельгии — куда менее коррумпированной стране, чем Россия, — политические скандалы конца 1990-х обернулись масштабной

ствах ценности самовыражения были уже широко распространены; в этом случае провалы в экономике не приводят к подрыву легитимности демократических режимов. И напротив, авторитарные режимы неизменно утрачивают легитимность, если они не способны поддерживать экономический рост. При такой ситуации разочарование в авторитаризме может породить *утилитарно мотивированную* массовую поддержку демократии (в расчете на улучшение положения в экономике). Впрочем, как это ни парадоксально, авторитарные режимы еще больше утрачивают легитимность в том случае, если им удастся в течение долгого времени поддерживать экономический рост, поскольку экономическое развитие способствует утверждению ценностей самовыражения, лежащих в основе поддержки демократии *по убеждению*.

мобилизацией людей в рамках движения «Белый марш» (Walgrave, Manssens 2000). Этот контраст в реакции масс на политические провалы и недостойное поведение элит отнюдь не случаен: бельгийцы проявляют куда большую приверженность ценностям самовыражения, чем россияне. Реакция общества на недостатки элит отражает не только объективный масштаб этих изъянов, но и свойственную людям *степень критичности*, которая возрастает вместе с утверждением ценностей самовыражения. Поэтому массовые противоэлитные акции — один из главных компонентов синдрома ценностей самовыражения.

Таким образом, следует предполагать наличие долгосрочной тенденции к расширению масштабов массовой противоэлитной активности в традиционно демократических странах, особенно тех, чье население отличает высокий уровень приверженности ценностям самовыражения. И напротив, в новых демократиях, возникших на гребне «третьей волны», следует ожидать спада массовой противоэлитной активности — отчасти потому, что переход к демократии представляет собой период беспрецедентной мобилизации масс, за которым обычно следует ее возврат к нормальному уровню. Однако эта краткосрочная реакция, скорее всего, не превратится в долгосрочный спад — за исключением тех случаев, когда ценности самовыражения в обществе настолько слабы, что люди реагируют на провалы элит с чувством обреченности.

Если же мы ошибаемся, а утверждения сторонников концепции «кризиса демократии» о всеобъемлющем самоустранении общественности от любых форм участия в политической жизни справедливы, мы должны обнаружить снижение масштабов массовой противоэлитной активности во всех традиционно демократических странах — особенно там, где ценности самовыражения укоренились относительно прочно. Дело в том, что сторонники тезиса о кризисе демократии приписывают «самоустранение» людей росту индивидуализма, связанного с распространением ценностей самовыражения (см.: Lawler, McConkey 1998; Putnam 2000; Flanagan et al. 2002).

К счастью, у нас есть возможность проверить свои прогнозы с помощью анализа достаточно протяженных временных рядов, используя результаты проводящихся с 1974 года исследований в рамках проекта «Политическое действие» и четырех «волн» Values Survey. Начнем с изменений в ответах на пять вопросов, использовавшихся для оценки уровня противоэлитной активности сначала в рамках «Политического действия», а затем позаимствованных у него организаторами Values Survey.

В таблицах 5.1a–с показано, какая доля респондентов в восьми западных демократических странах, где опросы проводились в 1974 году, заявляла о своем участии в различных формах массовых противоэлитных акций и как менялось их поведение в последующую четверть века.

В таблице 5.1a мы видим, какая доля респондентов подписывала какие-либо петиции³. За пределами Соединенных Штатов этот вид гражданской активности в 1974 году был еще сравнительно мало распространен: в среднем по восьми странам лишь 32% респондентов сообщили, что подписывались под петициями (от 17% итальянцев до 60% американцев). В течение следующих 25 лет доля людей, подписывающих петиции, увеличилась во всех восьми странах, причем увеличение носило резкий характер. В среднем эта доля почти удвоилась — с 32% в 1974 году до 63% в 2000-м. К 2000 году подписание петиций стало нормой — в нем участвует большинство населения почти всех упомянутых стран.

Аналогичная ситуация наблюдается и с другими формами политических акций (данные по ним приводятся в таблицах 5.1b и 5.1c). В каждой из восьми стран, по которым мы имеем данные за длительный период времени, доля респондентов, участвовавших в демонстрациях, с 1974 по 2000 год также увеличилась. Как видно из таблицы 5.1b, доля людей, заявивших, что они принимали участие в демонстрациях, в среднем увеличилась в два с лишним раза — с 9% в 1974 году до 21% в 2000-м. Доля людей, принимавших участие в потребительских бойкотах, тоже выросла в каждой из восьми стран (см. табл. 5.1c) — в среднем почти в три раза, с 6% в 1974 году до 15% в 2000-м. Мы располагаем данными о трех формах противоэлитной активности по восьми странам, что в совокупности составляет 24 отдельные возможности проверить наш прогноз. И во всех 24 случаях спрогнозированный результат подтверждается. Общая тенденция (причем без исключений) связана с расширением масштабов массовых противоэлитных акций.

Наращение противоэлитной активности — это прежде всего расширение масштабов *гражданских* акций: массовые действия, сопряженные с насилием, пользуются куда меньшей поддержкой,

³ Патнэм обнаруживает в США противоположную тенденцию (Putnam 2000), однако данные из Архива Роупера, которыми он пользуется, представляются аномальными. Результаты Values Survey говорят о явном увеличении доли людей, подписывающихся под петициями, причем не только в Соединенных Штатах, но и во всех западных странах, по которым имеются соответствующие данные.

и устойчивого роста в этой сфере не наблюдается. Этот тезис иллюстрируют таблицы А-7а и А-7б в интернет-приложении⁴: в них приводятся данные о том, какая доля респондентов заявляла об участии соответственно в несанкционированных забастовках и захватах зданий. Даже в 2000 году подобные действия воспринимались как нечто из ряда вон выходящее, и количество их участников было крайне невелико.

Таблица 5.1а. ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, ПОДПИСЫВАВШИХСЯ ПОД ПЕТИЦИЯМИ, 1974–2000, %

	1974	1981	1990	1995	2000	Чистое приращение
Великобритания	23	63	75		81	+58
Западная Германия	31	47	57	66	47	+16
Италия	17	42	48		55	+38
Нидерланды	22	35	51		61	+39
США	60	64	72	71	81	+21
Финляндия	20	30	41	39	51	+31
Швейцария	46		63	68		+22
Австрия	39		48		56	+17
В среднем	32	42	57	58	63	+30

Таблица 5.1б. ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В ДЕМОНСТРАЦИЯХ, 1974–2000

	1974	1981	1990	1995	2000	Чистое приращение
Британия	6	10	14		23	+7
Западная Германия	9	15	21	26	22	+13
Италия	19	27	36		35	+16
Нидерланды	7	13	25		32	+25
США	12	13	16	16	21	+9
Финляндия	6	14	14	13	15	+9
Швейцария	8		16	17		+9
Австрия	7		10		16	+9
В среднем	9	13	19	20	21	+12

Масштабы противоэлитной активности увеличиваются не везде. Согласно нашей гипотезе, повышение уровня такого рода активности является элементом культурного сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Этот сдвиг не носит общемирового характера: он связан с высоким уровнем социально-экономического развития, а потому чаще всего происходит в бога-

⁴ Интернет-приложение см. на сайте: <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

тых, а не бедных странах. Всем восьми государствам, по которым у нас имеются данные начиная с 1974 года, свойственен высокий объем душевого ВВП (в то время именно в таких странах обычно и проводились социологические исследования). Данные Values Survey, охватывающие гораздо более широкий круг стран (хотя и за более короткий период времени), помогают дополнить картину. В таблице А-8 (см. интернет-приложение) показано, как менялась доля респондентов, заявлявших, что они подписывались под петициями, во всех 50 странах, по которым мы имеем данные двух или более опросов. В 30 из них эта форма политического действия расширялась, а в 19 ее масштабы снизились.

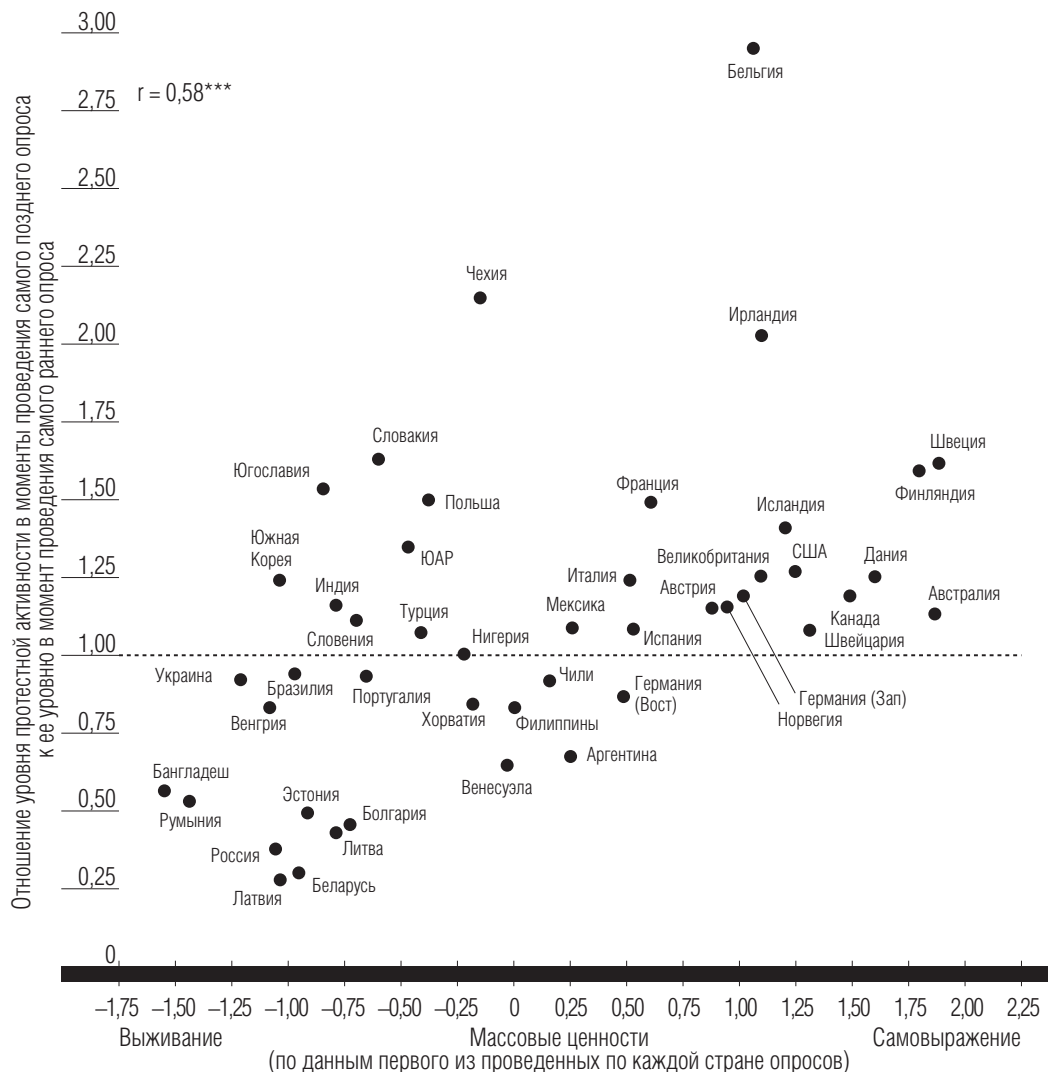
Таблица 5.1с. ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ БОЙКОТАХ, 1974–2000

	1974	1981	1990	1995	2000	Чистое приращение
Британия	6	7	14		17	+11
Западная Германия	5	8	10	18	10	+5
Италия	2	6	11		10	+8
Нидерланды	6	7	9		22	+16
США	16	15	18	19	25	+9
Финляндия	1	9	14	12	15	+14
Швейцария	5			11		+6
Австрия	3		5		10	+7
В среднем	6	8	11	12	15	+9

Подобное соотношение отнюдь не случайно. Как видно из рисунка 5.1, уровень распространения ценностей самовыражения позволяет в значительной мере объяснить динамику противоэлитной активности в том или ином обществе: чем выше уровень этих ценностей, тем больше в дальнейшем увеличиваются масштабы массовых противоэлитных акций — как в традиционных, так и в молодых демократиях⁵. Как и почти в любой ситуации, эффекты специфики текущего периода в данном случае также присутствуют.

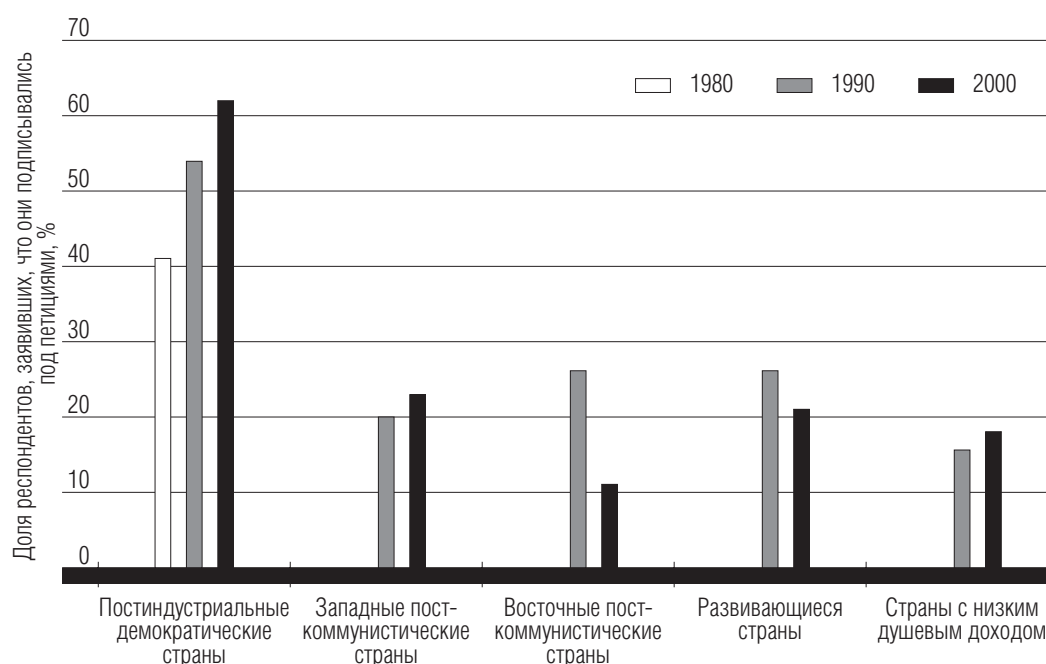
⁵ Доля людей, заявляющих, что они подписывались под петициями, — один из пяти компонентов нашей системы измерения уровня ценностей самовыражения, поэтому может показаться, что тестирование воздействия этих ценностей на ситуацию с противоэлитной активностью носит отчасти тавтологический характер. Тем не менее это не так, поскольку зависимая переменная в рамках данного анализа отражает не уровень такой активности, а его *изменение* в период *после* измерения независимой переменной — уровня распространения ценностей самовыражения. Более того, она отражает изменения по всем трем формам противоэлитной активности (петиции, демонстрации, бойкоты).

Рисунок 5.1. ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В УРОВНЕ ПРОТИВОЭЛИТНОЙ АКТИВНОСТИ В ПЕРИОД С ПЕРВОГО ПО ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРОВОДИВШИХСЯ ОПРОСОВ НА ЭТУ ТЕМУ

К примеру, необычайно резкий рост такой активности в Бельгии связан с появлением движения «Белый марш» в ответ на скандалы второй половины 1990-х. Общая картина, однако, вырисовывается со всей четкостью. Сокращение масштабов противозэлитной активности после перехода к демократии было намного более значительным в странах, где ценности самовыражения развиты слабо; там же, где они укоренились глубоко, этого сокращения либо вообще не произошло, либо оно было незначительным. В этом отношении опять же поражает контраст между западной и восточной группами посткоммунистических обществ. В Румынии, Болгарии и России ценности самовыражения распространены слабее, чем в Чешской Республике, Польше и Словении; и если в первых противозэлитная

Рисунок 5.2. ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ РЕСПОНДЕНТОВ, ПОДПИСЫВАВШИХСЯ ПОД ПЕТИЦИЯМИ, ПО ПЯТИ КАТЕГОРИЯМ СТРАН

активность после перехода к демократии пошла на спад, то в последних ее масштабы, напротив, *увеличились*.

Как показывает рисунок 5.2, в постиндустриальных демократических странах доля респондентов, подписывавшихся под петициями, существенно выросла — в среднем с 43% в 1981 году до 62% в 1999–2000-м. Именно в этих обществах ценности самовыражения распространены гораздо больше, чем во всех остальных. В развивающихся и западных посткоммунистических странах эти ценности укоренены слабее, но тоже относительно сильны, что должно вести к акциям, продиктованным потребностями в самовыражении, например подписанию петиций. Однако эти общества недавно перешли к демократии, за чем, по идее, должен последовать спад подобной активности. Похоже, эти две тенденции нейтрализуют друг друга, поэтому четкой общей тенденции в случае развивающихся и западных посткоммунистических стран выявить не удастся.

Помимо постиндустриальных демократических стран, лишь в восточных посткоммунистических странах прослеживается четкая тенденция в масштабах активности по подписанию петиций — в данном случае резкое сокращение доли таких респондентов с 26% в 1990 году до 11% в 2000-м. Эта динамика отражает как воздействие «постпереходного» спада противоэлитной активности, так и слабую укорененность ценностей самовыражения.

Тенденции, связанные с подписанием петиций, проявляются и в отношении любых массовых противоэлитных акций. Сравнив изменения в доле респондентов, принимавших участие хотя бы в одной из пяти разновидностей таких акций, по результатам двух последних опросов и двух первых, мы обнаруживаем рост во всех 17 богатых демократических странах⁶, по которым у нас имеются данные.

В молодых демократических странах, напротив, наблюдается неоднозначная картина. Для сравнительного анализа изменений, произошедших между периодом до перехода к демократии или самим этим переходом, с одной стороны, и «постпереходным» периодом — с другой, у нас есть данные «до» и «после» по 15 новым демократиям⁷. В девяти из этих 15 стран мы наблюдаем спад противоэлитной политической активности, однако глубина этого спада варьируется⁸. В наибольшей степени он проявился в восточной группе посткоммунистических стран, где ценности самовыражения особенно слабы. И напротив, три страны, относящиеся к западной посткоммунистической группе (Венгрия, Польша и Словения), демонстрируют рост противоэлитной активности, а в трех других (Чешской Республике, Словакии и Восточной Германии) она снизилась незначительно. Сравнительно твердая приверженность их населения ценностям самовыражения воспрепятствовала сильному «постпереходному спаду» противоэлитной активности.

Другие аспекты сдвига в сторону ценностей самовыражения

Переход к постматериализму и расширение масштабов противоэлитной политической активности представляют собой элементы общего процесса утверждения ценностей самовыражения, меня-

---

⁶ Богатые страны с развитой демократией, включенные в рамки данного анализа, — это Австралия, Бельгия, Великобритания, Германия (Западная), Дания, Италия, Испания, Канада, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Финляндия, Франция, США, Швеция, Швейцария и Япония.

---

⁷ Речь идет об Аргентине, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Германии (Восточной), Латвии, Литве, Мексике, Польше, России, Словакии, Словении, Чешской Республике, Чили и Эстонии.

---

⁸ Прибалтийские страны настолько малы, что в 1990 году в таких акциях было задействовано почти все их взрослое население. Учитывая этот необычайно высокий уровень мобилизации масс, последующий спад активности был практически неизбежен.

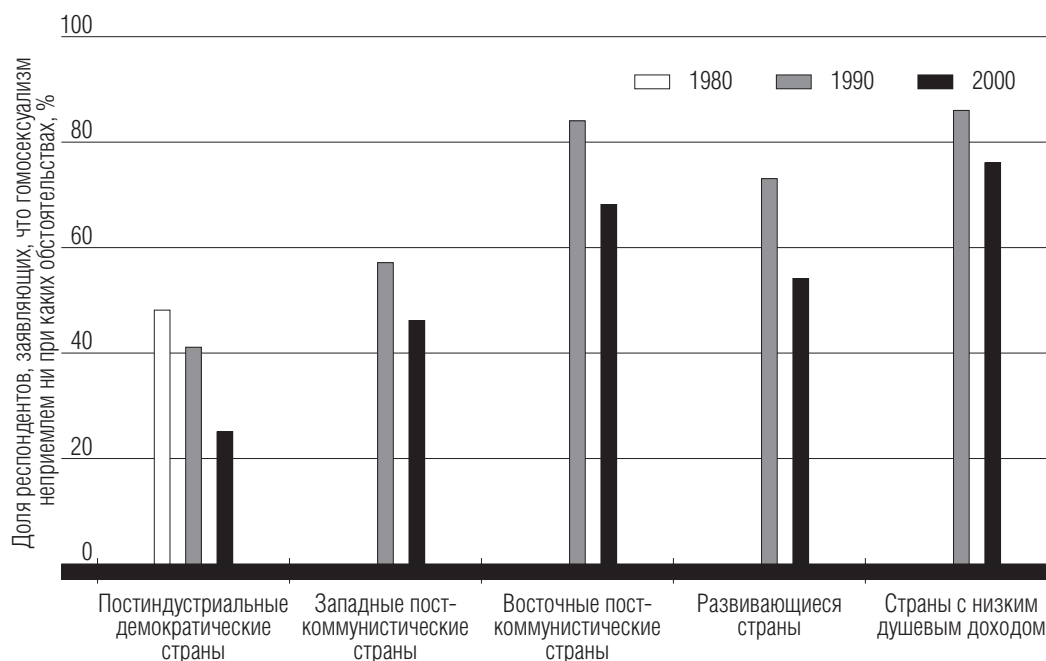
ющего отношение жителей постиндустриальных стран к власти, политике, гендерным ролям и сексуальным нормам. Так, постматериалисты и молодежь гораздо терпимее относятся к гомосексуализму, чем материалисты и старшее поколение: и это лишь одно из проявлений всеобъемлющей тенденции — распространения гуманистических норм, в основе которых лежит эмансипация и самовыражение человека. Нормы, гласившие, что семья должна быть только гетеросексуальной и полной, ослабевают — это обусловлено рядом причин от возникновения «социального государства» до резкого снижения детской смертности. Когда возникают новые формы поведения, не соответствующие традиционным нормам, их чаще всего берут на вооружение молодежь и сравнительно обеспеченные слои населения. Личности постматериалистов формировались в условиях высокого уровня жизненной защищенности, сопровождавшей их детство и юность, поэтому они гораздо благожелательнее, чем материалисты, относятся к абортам, разводам, любовным отношениям вне брака, проституции и гомосексуализму⁹. Материалисты, напротив, обычно привержены традиционным общественным нормам, благоприятствующим рождению и воспитанию детей, — но только в рамках ориентированной на выживание парадигмы гетеросексуальной полной семьи, подкрепляемой моральным осуждением любой сексуальности вне ее рамок.

Анализируя данные опросов, проводившихся в рамках Values Survey в 1981 году, Инглхарт выявил значительные различия по возрастным группам в отношении к геям и на этой основе спрогнозировал изменение соответствующих норм: «Почти в каждой стране молодые заметно терпимее относятся к гомосексуальности, чем старики. В среднем по 16 странам представители самой старшей возрастной группы почти вдвое чаще считают, что гомосексуализм неприемлем ни при каких обстоятельствах, чем представители самой молодой... Само по себе это нельзя считать доказательством того, что здесь имеет место межпоколенческий сдвиг. Различия между возрастными группами могут отражать эффекты жизненного цикла, а не исторические изменения, связанные с естественным воспроизводством населения... Однако гипотеза о жизненном цикле

---

⁹ Тот факт, что постматериалисты проявляют терпимость в этих вопросах, не означает, что их можно считать нравственными нигилистами. Так, они относительно *нетерпимы* к любым шагам, покушающимся на гражданские права, неприкосновенность личности и человеческое достоинство.

Рисунок 5.3. ПАДЕНИЕ УРОВНЯ НЕТЕРПИМОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГОМОСЕКСУАЛИЗМУ В ПЯТИ ТИПАХ ОБЩЕСТВ

выглядит неправдоподобной: из нее следует не только то, что с возрастом нынешние молодые станут столь же нетерпимы по отношению к гомосексуалистам, как и старшее поколение, но и то, что нынешние старики 40 или 50 лет назад терпимо относились к гомосексуализму, что крайне маловероятно» (Inglehart 1990).

Данные последующих опросов по программе Values Survey недвусмысленно говорят об изменении отношения к гомосексуальности. В таблице А-9 (см. интернет-приложение) приведены данные о доле респондентов в 51 стране (по которым у нас есть данные двух или более опросов), заявивших, что гомосексуализм неоправдан ни при каких обстоятельствах. Если брать мир в целом, отношение к гомосексуализму отличается высоким уровнем нетерпимости: в большинстве стран в ходе опросов большая часть респондентов выбирала пункт 1 по десятибалльной шкале, где «1» означает *полное неприятие* гомосексуализма, а «10» — что он приемлем *при любых обстоятельствах*. Социологам нечасто приходится сталкиваться со столь резким перекосом во взглядах: подобные результаты означают, что на нынешнем историческом этапе гомосексуалисты в большинстве стран представляют собой крайне непопулярную маргинальную группу. Однако в течение последних 20 лет отношение к гомосексуальности быстро менялось. В 42 странах из упомянутых 51 доля людей, считающих, что гомосексуализм «неприемлем

ни в коем случае», за это время сократилась. Особенно резкий характер изменения носят в богатых странах: рисунок 5.3 представляет собой «рейтинг» этих пяти десятков государств по степени усиления толерантности. 17 из 18 стран, где уровень терпимости повысился больше всего, относятся к государствам с высокими доходами на душу населения по классификации Всемирного банка (единственным исключением является Чили). И напротив, население трех стран (Сербия, Черногория, Хорватия), где уровень терпимости особенно снизился, столкнулось с необычайно серьезными, смертельными опасностями в ходе войн, связанных с распадом Югославии. Это отражает общую тенденцию: жизненная незащищенность порождает нетерпимость и ксенофобию.

Межпоколенческие различия, которые Инглхарт обнаружил в данных опросов 1981 года, в этом случае четко выявляются на основе куда более широкой выборки. Как явствует из рисунка 5.3, в постиндустриальных демократических странах уровень нетерпимости по отношению к гомосексуалистам значительно ниже, чем во всех других категориях государств. Только группа западных посткоммунистических стран достигла к 2000 году уровня терпимости в отношении гомосексуализма, сопоставимого с тем, что существовал в постиндустриальных демократиях еще в 1981-м. Межпоколенческие различия в богатых демократических странах также выражены ярче, чем в обществах других типов. В этих странах до 70% представителей самой старшей возрастной группы считают гомосексуализм абсолютно неприемлемым; однако в самой младшей возрастной группе сторонников этой точки зрения в три раза меньше (20%). Не столь сильные, но тоже значительные межпоколенческие различия наблюдаются в развивающихся странах (самая старшая возрастная когорта — 74%, самая младшая — 49%) и в группе западных посткоммунистических стран (самая старшая когорта — 75%, самая младшая — 31%). И напротив, в группе восточных посткоммунистических стран межпоколенческие различия проявляются гораздо слабее (самая старшая когорта — 90%, самая младшая — 80%), а в странах с низким душевым ВВП они почти отсутствуют (самая старшая когорта — 83%, самая младшая — 81%). Это в очередной раз говорит о том, что экономическая история страны влияет на изменение основополагающих ценностей.

На рисунке 5.3 представлена динамика изменений в каждой из пяти категорий стран. В богатых демократических обществах изменения за период с 1981 по 1999–2001 годы носят весьма впечатля-

ющий характер. В 1981 году почти 50% населения 17 богатых демократических стран считали гомосексуализм неприемлемым. 20 лет спустя эта цифра уменьшилась практически вдвое: в 2001 году только 26% опрошенных придерживались такого мнения. Не столь впечатляющие, но тоже существенные изменения произошли и в западной группе посткоммунистических стран, а также в развивающихся странах; в то же время в восточных посткоммунистических государствах и странах с низким душевым ВВП изменения были невелики.

Рисунок 5.3 создает несколько преувеличенное впечатление о масштабах изменений в развивающихся странах и государствах с низким душевым ВВП, поскольку основывается на данных по Аргентине, Индии, Мексике, Нигерии, Чили и ЮАР — единственных странах из этих двух категорий, по которым у нас имеются соответствующие результаты опросов как за 1989–1991, так и за 1999–2001 годы. В нашем распоряжении нет временных рядов, позволяющих судить об отношении к гомосексуализму в исламских государствах, поскольку тамошние коллеги-социологи не считали возможным даже задавать респондентам такой вопрос. С большим трудом нам удалось провести один опрос на эту тему в десяти мусульманских странах, и вот каковы были его итоги: абсолютно неприемлемым гомосексуализм сочли 99% респондентов в Бангладеш, 99% в Египте, 98% в Иордании, 96% в Пакистане, 95% в Индонезии, 94% в Иране, 93% в Алжире, 89% в Азербайджане, 84% в Турции и 68% в Албании. Даже без временных рядов очевидно, что существенных сдвигов в сторону толерантности по отношению к гомосексуализму в этих странах не было. Если самый недавний опрос показывает, что 95% жителей страны считает гомосексуализм неприемлемым ни в коем случае, это, несомненно, свидетельствует об отсутствии либерализации в этой сфере. Эта картина подтверждается данными по Нигерии, где примерно половина населения исповедует ислам: там доля респондентов, считающих гомосексуальность абсолютно неприемлемой, даже *увеличилась* — с 72% в 1990 году до 78% в 2000-м. Мы обнаруживаем, что резкое повышение толерантности по отношению к геем и лесбиянкам произошло в постиндустриальных демократических странах. В несколько меньшей степени эти изменения проявились в посткоммунистических и развивающихся странах, но они практически не затронули исламский мир — регион, занимающий самое низкое место в рейтинге соблюдения прав человека (Freedom House 2002).

Отношение к гендерному равенству

В таблице А-10 интернет-приложения показано, какая доля респондентов выразила несогласие с утверждением: «При дефиците рабочих мест у мужчин должно быть больше прав на получение работы, чем у женщин». Это прекрасный индикатор отношения к гендерному равенству, который, помимо прочего, имеет высокую факторную нагрузку по измерению «ценности выживания/самовыражения», а значит, в богатых странах доля несогласных с этим утверждением должна быть высока. В ходе первой «волны» Values Surveys этот вопрос не задавался, поэтому он не был задействован при составлении нашего индекса ценностей выживания/самовыражения (для этого используются только те элементы, по которым мы имеем результаты всех четырех «волн» опросов). Более того, подобно ситуации с терпимым отношением к гомосексуализму, молодые респонденты чаще поддерживают гендерное равенство, чем пожилые, а межпоколенческие различия в постиндустриальных демократических странах выражены сильнее, чем в развивающихся. Это позволяет предположить, что при хронологическом анализе мы обнаружим в постиндустриальных демократических странах более выраженный сдвиг в сторону гендерного равенства, чем в других категориях обществ.

Из 50 стран, по которым мы имеем данные двух или более опросов, 37 (74%) демонстрируют рост уровня поддержки гендерного равенства. Так, в 17 из 20 стран с высоким душевым ВВП масштабы этой поддержки увеличиваются, а в двух, где это не так (Южной Корее и Восточной Германии), снижение составляет не более одного процентного пункта. Среди же девяти стран, где наблюдается более сильное снижение, только Япония относится к государствам с высоким душевым ВВП. Остальные восемь — развивающиеся страны.

Таблица А-11 в интернет-приложении содержит данные о доле населения в 62 странах, не согласившейся с утверждением «Мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины». В рамках Values Survey этот вопрос задавался только в ходе «волн» 1995–1997 и 1999–2001 годов, поэтому в нашем распоряжении имеются лишь короткие временные ряды, однако и они представляются весьма интересными. Страны ранжированы в соответствии с долей респондентов, заявивших в ходе последнего опроса о несогласии с тем, что мужчины в качестве политических лидеров предпочтительнее женщин. Девять из 10 стран, где доля сторонников гендерного равенства в политических делах наиболее

высока, — это страны с высокими доходами на душу населения по классификации Всемирного банка; кроме того, все страны с большим объемом душевого ВВП оказались в верхней половине таблицы А-11, т.е. 50 или более процентов их населения не согласны, что мужчины подходят на роль политических лидеров больше, чем женщины. В других странах доля несогласных варьируется от 70 до 12%. Из восьми государств, где несогласие с этим тезисом выражает менее 30% граждан, пять — это исламские страны, а в шестой (Нигерии) мусульмане составляют примерно половину населения.

Таблица В-11 также демонстрирует динамику изменений в этой сфере в тех странах, по которым у нас есть данные двух и более опросов. В странах, расположенных в верхней половине таблицы, уровень гендерного равенства повысился везде, кроме одной. В то же время все страны, оказавшиеся в ее нижней половине, демонстрируют ослабление гендерного равенства. Таким образом и по этому направлению мы не находим некоей общемировой тенденции к нивелировке культур, порождающей повсюду переход к ценностям, считающимся «хорошим тоном» в богатых демократических странах. Вместо этого налицо культурное многообразие, в рамках которого страны, занимающие в рейтинге высокие места (т.е. постиндустриальные), продвигаются к повышению уровня гендерного равенства, в то время как в других странах по данному направлению наблюдается стагнация или противоположная динамика.

Ощущение счастья и доверие между людьми

Постматериалистические ценности, противоэлитная политическая активность и терпимое отношение к гомосексуализму тесно связаны друг с другом: все это компоненты ценностного измерения «выживание/самовыражение». Тот факт, что противоэлитная политическая активность и толерантность в отношении гомосексуалистов тесно коррелируют с постматериализмом и характеризуются значительными межпоколенческими различиями, позволяет сделать прогноз: со временем их уровень будет расти за счет естественного воспроизводства населения, как это происходит в случае с переходом к постматериалистическим ценностям. В результате мы предсказали, что распространение постматериалистических ценностей, масштабы противоэлитной активности и терпимое отношение к гомосексуализму в постиндустриальных странах будут нарастать. И, как мы только что убедились, все три предсказанных сдвига действительно происходят.

В то же время подобные прогнозы не делались относительно двух других переменных, которые, как позднее выяснилось, также следует считать компонентами измерения «выживание/самовыражение», — доверия между людьми и ощущения счастья. Счастье и доверие куда меньше коррелируют с постматериалистическими ценностями, чем толерантность в отношении гомосексуализма и противозелитные политические акции; с возрастными факторами они также коррелируют слабее. Хотя соответствующего прогноза не делалось, доля людей, считающих себя счастливыми, повышалась в большинстве стран, по которым у нас имеются временные ряды, — это явствует из таблицы А-12, включенной в интернет-приложение. Такое повышение мы наблюдаем в 40 из 53 стран (75% от общего числа); только в девяти (17%) доля таких людей уменьшилась. Чаще всего «уровень счастья» растет в странах с высокими доходами населения: в период между самым первым и самым последним опросом на данную тему это произошло в 88% таких государств. Менее выражена эта тенденция в посткоммунистических странах: ощущение счастья усилилось лишь в 61% из них, причем только в западной посткоммунистической группе это усиление превысило 2%. Подобный результат подтверждает картину, которую предлагает рисунок 6.2: улучшение условий существования подпитывает в людях ощущение личной независимости, что, в свою очередь, усиливает ощущение субъективного благополучия.

Общий уровень доверия к людям практически не коррелирует с возрастом респондентов ($r = -0,01$) и не демонстрирует тенденции к повышению — напротив, в чуть более 50% стран, по которым у нас есть соответствующие временные ряды, этот уровень в период между первым и последним опросами снизился (см. табл. А-13 в интернет-приложении). Однако эти тенденции резко дифференцируются по категориям стран: в 81% посткоммунистических государств уровень доверия между людьми падает, однако для стран с высокими доходами населения аналогичный показатель составляет всего 43%. Крах административно-командной экономики обернулся неопределенностью и (особенно на постсоветском пространстве) резким снижением уровня жизни. В результате у граждан многих бывших коммунистических стран усилилась недоверчивость друг к другу. Эта контрастная картина соответствует общей закономерности, в рамках которой богатые демократические страны с намного большей вероятностью демонстрируют рост по переменным, связанным с измерением «ценности выживания/

самовыражения», чем посткоммунистические государства (особенно их восточная группа, в основном состоящая из республик бывшего СССР) и страны с низким душевым ВВП.

Изменения по шкале

«ценности выживания/самовыражения» в целом

Мы подробно рассмотрели эмпирически наблюдаемую в последние годы динамику по различным компонентам измерения «ценности выживания/самовыражения». Попробуем теперь проанализировать общий характер изменений по этому измерению. На рисунке 4.6 показаны возрастные различия по пяти категориям стран. Обнаруженное более 30 лет назад присутствие таких различий в постиндустриальных демократических странах позволяло предположить, что естественное воспроизводство населения приведет к предсказуемым изменениям в характере преобладающих ценностей в этих обществах. Эмпирические данные показывают, что наш прогноз для постиндустриальных демократических стран был верен. В этих странах наблюдаются значительные межпоколенческие различия: молодежь делает куда больший акцент на ценностях самовыражения, чем пожилые люди, в результате чего за счет естественного воспроизводства населения там произойдет общий сдвиг к таким ценностям. Как видно из рисунка 5.4, именно это и происходит. И с 1981 по 1990, и с 1990 по 2000 год масштаб распространения этих ценностей в богатых демократических странах увеличивался. В 1981 году смещение этой группы по отношению к общемировой средней величине¹⁰ по шкале «ценности выживания/самовыражения» составляло 0,51 стандартного отклонения. К 1990 году средний показатель по данной шкале для этих 17 богатых демократических стран отстоял от той же общемировой средней величины уже на величину 0,98 одного стандартного отклонения. А по результатам «волны» 2000 года средний показатель для упомянутых 17 стран находился на расстоянии 1,25 стандартного отклонения от общемировой средней величины, т.е. чистый рост в предсказанном направлении по этому важному измерению кросс-культурной вариабельности составил 0,74 стандартного отклонения. Эти данные дают

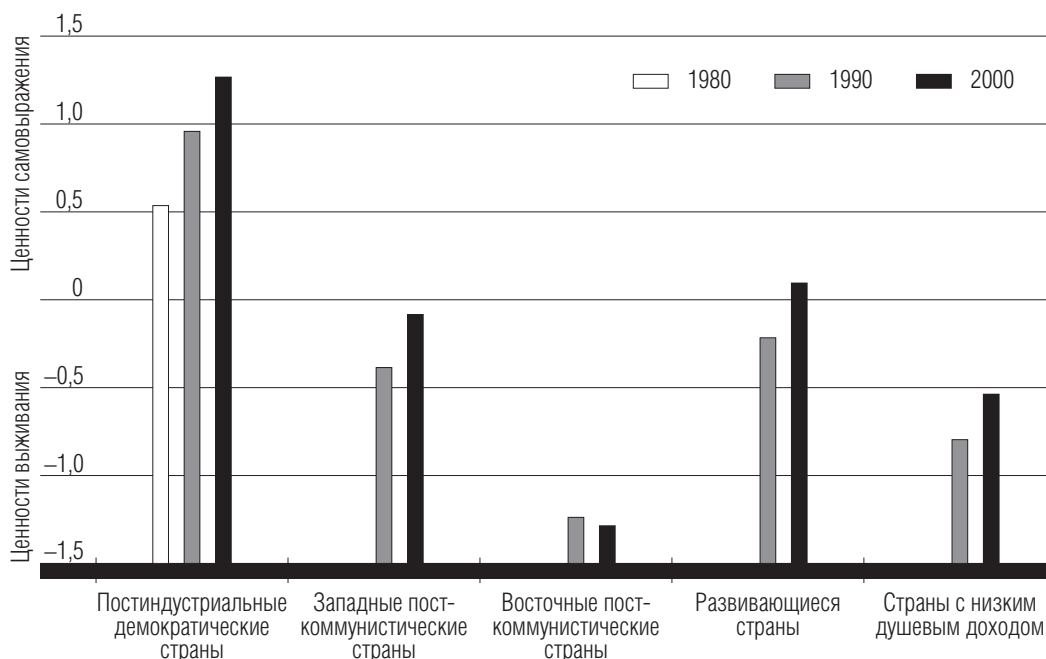
¹⁰ Общемировая средняя величина основывается на данных всех 195 опросов, проведенных в ходе четырех «волн» Values Survey (таким образом, эта общемировая средняя величина, от которой мы отталкиваемся при измерении произошедших изменений, остается постоянной). Всего с 1981 по 2001 год было опрошено 265 037 респондентов.

мощное подтверждение нашему прогнозу, сделанному с учетом процесса смены поколений.

Однако этот прогноз не относится ко всем категориям обществ. Наиболее очевидная причина, по которой его нельзя считать универсальным, заключается в том, что в некоторых категориях стран мы не находим аналогичных межпоколенческих различий: ведь они отражают долгосрочный процесс улучшения условий жизни, влияющий на становление личности представителей соответствующих поколений, а подобное улучшение имело место не везде. Как явствует из рисунка 4.6, наибольшие различия между возрастными группами существуют в постиндустриальных демократических странах, несколько меньшие — в посткоммунистических и развивающихся государствах, а в странах с низким душевым ВВП ценности разных поколений почти или совсем не отличаются друг от друга. Следовательно, в последней группе стран процесс смены поколений не приведет к существенным изменениям по данному измерению. Рисунок 5.4 подтверждает это предположение: мы видим, что сдвиг в сторону ценностей самовыражения в постиндустриальных демократических странах носит более масштабный характер, чем в других категориях обществ.

Однако, как показывает ситуация в восточной группе посткоммунистических стран, связанные с возрастом различия, даже

Рисунок 5.4. СДВИГ В СТОРОНУ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ ПО ПЯТИ КАТЕГОРИЯМ СТРАН

там, где они присутствуют, не всегда приводят к изменениям. Дело в том, что объем изменений, наблюдаемый в любой конкретный момент времени, зависит сразу от двух факторов: смены поколений и эффекта специфики периода. Временная динамика отражает как текущие социально-экономические условия, так и присутствие межпоколенческих различий. Хотя последние отличаются устойчивостью — они сохранялись в течение всего тридцатилетнего периода, отраженного на рисунке 4.6 (см. гл. 4), — в периоды рецессии приверженность постматериалистическим ценностям у всех возрастных групп слабеет, а при благоприятных условиях усиливается. Хотя воспроизводство населения за счет смены поколений ведет к все большему утверждению постматериалистических ценностей, воздействие специфики текущего периода в любой конкретный момент может перевесить эту тенденцию.

Из рисунка 4.6 видно, что в восточных посткоммунистических странах наблюдались значительные различия между возрастными группами. Несмотря на ужасное состояние экономики этих стран в последние годы, не следует забывать, что в первые послевоенные десятилетия по темпам роста они опережали западные демократии, что доходы их населения отличались высокой степенью равенства, а социальные льготы в этих странах были весьма значительны. Даже в период стагнации — и несмотря на ставшую притчей во языцех неэффективность своей хозяйственной системы — коммунистическим государствам удавалось обеспечивать своим гражданам довольно высокий уровень жизненной защищенности, что вылилось в межпоколенческие различия по ценностям выживания/самовыражения. Однако в период между опросами 1990 и 2000 годов экономическая, политическая и социальная система восточных посткоммунистических стран рухнула, что породило у людей острое чувство незащищенности. Этот эффект текущего момента по своему влиянию был намного серьезнее, чем последствия недавних рецессий в западных странах, — и действовал он, судя по всему, аналогично тем эффектам специфики периода, что зафиксированы на рисунке 4.2, — побуждая все возрастные группы придавать большее значение ценностям выживания, но при этом не затрагивая межпоколенческие различия.

В результате, несмотря на существенные межпоколенческие различия, наблюдаемые в восточных посткоммунистических странах, чистого сдвига в сторону большего акцента на ценностях самовыражения там, как видно из рисунка 5.4, не происходит; напротив,

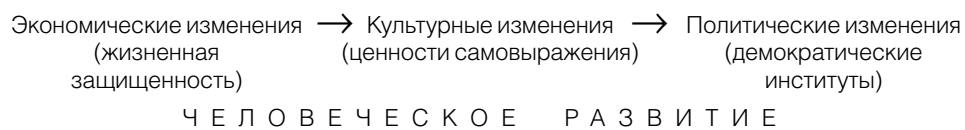
в период с 1989–1991 по 1999–2001 годы там слегка усилился акцент на ценностях выживания. Воздействие естественного воспроизводства населения оказалось слабее мощного эффекта специфики периода. В соответствии с нашей теорией после оживления в экономике этот эффект должен сойти на нет; когда это произойдет, влияние значительных межпоколенческих различий больше не будет нейтрализовываться негативной спецификой момента. Таким образом, с улучшением ситуации в экономике процесс смены поколений обеспечит продвижение восточных посткоммунистических стран в сторону ценностей самовыражения. До крушения коммунизма этот процесс уже шел, подрывая легитимность правящих режимов. Поскольку ценности самовыражения тесно связаны с демократией, мы можем дать следующий прогноз: в долгосрочной перспективе экономическое оживление и естественное воспроизводство населения породят в посткоммунистических обществах, включая и восточную группу, мощный импульс в пользу сохранения и развития демократических институтов.

Заключение

В последние десятилетия широкое распространение получила упрощенная теория глобализации, согласно которой глобализация в сфере СМИ и массовых коммуникационных сетей ведет к «культурной конвергенции» — международное сообщество превращается в одну «глобальную деревню», где все «настроены на одинаковую волну». Представленные в этой главе данные показывают, что это не так — на деле тенденции мирового развития имеют прямо противоположную направленность. Ценности, которым привержено население богатых стран, быстро меняются, однако в государствах с низким среднедушевым ВВП этого совсем или почти совсем не происходит. В результате между базовыми ценностями представителей богатых и бедных обществ усиливается *разрыв* (что, кстати, соответствует более глубоким концепциям глобализации — см., например: Hadel et al. 2003).

Социально-экономическое развитие, как правило, порождает межпоколенческие ценностные различия и сдвиг в сторону ценностей самовыражения. Как мы продемонстрируем в следующих главах, степень распространения этих ценностей отчасти позволяет объяснить причины проявившейся в последнее время тенденции к демократизации. Однако варибельность по шкале ценностей самовыражения помогает понять, почему одни страны

продвинулись в сторону полномасштабной демократии дальше, чем другие, и почему в некоторых государствах демократические институты функционируют более эффективно. В следующих главах мы покажем, что ценности самовыражения воздействуют как на само возникновение демократии, так и на ее качество. Это отражает наш основной тезис, обобщенно представленный в виде последовательности человеческого развития (см. введение, табл. 0.1): все более благоприятные условия существования людей побуждают их делать больший акцент на свободе и возможностях выбора, что, в свою очередь, дает импульс утверждению и укреплению демократических свобод. Тезис о человеческом развитии можно изобразить в виде следующей диаграммы:

Как мы далее продемонстрируем, главное изменение в сфере культуры — это сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Переход к секулярно-рациональным ценностям не играет центральной роли в процессе демократизации. Если религиозные структуры не пытаются взять под контроль политическую систему, демократические институты одинаково хорошо функционируют в условиях как религиозного, так и светского общества. Переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным важен сам по себе — настолько, что этому феномену посвящена отдельная книга (см.: Norris, Inglehart 2004). Здесь мы не касаемся этого процесса, поскольку с точки зрения демократизации он имеет второстепенное значение, и к тому же он уже подробно проанализирован в других работах.

Глава 6 Индивидуализм, ценности самовыражения и гражданственность

Психологические корни человеческого развития

В последнее время ученые-психологи начали уделять больше внимания проблемам культуры, которые анализируются на основе концепций индивидуализма и коллективизма. Триандис утверждает, что кросс-культурные исследования тематики, связанной с индивидуализмом и коллективизмом, ведутся интенсивнее, чем работы по любому другому аспекту психологической науки (Triandis 1995), а Ойзерман, Кун и Кеммельмайер составили список трудов на эту тему, включающий сотни названий (Oyserman, Coon, and Kemmelmeier 2002). Гринфилд называет дихотомию «коллективизм — индивидуализм» «глубинной основой» культурных различий, с которыми, по его мнению, связано происхождение всех других вариаций (Greenfield 2000). Западное обществоведение давно уже отводит важную роль контрасту между индивидуализмом и коллективизмом.

Дюркгейм противопоставлял тесные, фиксированные, холистические связи между одинаковыми членами «сегментарных обществ» (он назвал это «механической солидарностью») и более свободные, гибкие и разнообразные связи между неодинаковыми людьми в рамках «обществ, основанных на разделении труда» (по его терминологии, «органическую солидарность»). Дюркгейм рассматривал переход от механической солидарности к органической как один из аспектов модернизации, утверждая, что в результате на смену коллективным моделям самоидентификации приходят индивидуалистические (Durkheim [1893] 1988). Вебер полагал, что главное различие между протестантскими и католическими обществами заключается в том, что в первых главную роль играет индивид, а в последних — коллектив (Weber [1904] 1958). Тённис подчеркивал разницу между *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* — общностью и обществом (Tönnies [1887] 1995). Суть общности — в тесных и холистических «скрепляющих связях», обеспечивающих высокий уровень внутригруппового единства, но одновременно придающих группам закрытый, интровертный характер. Общество

предусматривает менее жесткие и более специфические «связи, наводящие мосты», объединяющие людей из разных социальных слоев на основе общих интересов. «Общность» порождает коллективную идентичность, а «общество» — индивидуалистическую.

Различие между индивидуализмом и коллективизмом в широком смысле этих понятий остается одной из главных тем в изучении кросс-культурных различий учеными-психологами. Хофстед определил индивидуализм как акцент на правах, а не обязанностях, озабоченность собой и своим ближайшим окружением, приверженность личной независимости и самореализации и построение идентичности на основе личных достижений (Hofstede 1980). Он разработал методику, позволившую «замерить» ситуацию с коллективизмом и индивидуализмом в ходе опроса сотрудников компании IBM в 40 с лишним странах. Позже сравнительно-страновое исследование на тему индивидуализма провел Триандис (Triandis 1989; Triandis 2001; Triandis 2003). Шварц изучил тесно связанный с этой темой вопрос о независимости/включенности (embeddedness), опросив студентов и преподавателей в десятках стран (Schwartz 1992; Schwartz 1994; Schwartz 2003). Кроме того, как мы покажем в настоящей главе, уровни индивидуализма/коллективизма (измеряемые по методике Триандиса) и независимости/включенности (по методике Шварца) связаны с тем же измерением кросс-культурной вариативности, что и ценности выживания/самовыражения: акцентом на самостоятельном принятии решений.

Индивидуализм/коллективизм, независимость/включенность и ценности выживания/самовыражения — все эти факторы связаны с процессом человеческого развития и отражают ослабление ограничений свободного выбора. Тот факт, что индивидуализм, независимость и ценности самовыражения тяготеют к одному и тому же полюсу кросс-культурной вариативности, сам по себе не вызывает особого удивления. Характеристика ценностей самовыражения весьма напоминает разработанное Хофстедом определение индивидуализма (напомним, его ключевыми элементами ученый считает акцент на личной независимости и самореализации); говоря о значении интеллектуальной независимости и независимости в привязанностях, Шварц, по сути, также выделяет ключевые элементы ценностей самовыражения. Основа у всех этих показателей общая: акцент на самостоятельном выборе человека.

Ключевым элементом коллективизма является представление о том, что принадлежность к группе связывает людей друг с дру-

гом и накладывает на них взаимные обязательства (Oyserman 2002; Kühnen, Oyserman 2002). В коллективистских обществах социальные единицы обладают общей судьбой и общими целями; личное — лишь компонент общественного, в результате чего интересы группы приобретают ключевое значение. В условиях коллективизма групповая принадлежность представляет собой один из центральных аспектов идентичности, и высокую ценность обретает способность жертвовать личными целями ради общего блага. Более того, коллективизм подразумевает, что самореализация личности связана с выполнением сформулированных другими обязательств, т.е. мотивация человека носит *внешний* характер, основывается на необходимости соответствовать ожиданиям других. Соответственно, большое значение приобретает эмоциональное самоограничение, призванное обеспечить гармонию (хотя, как мы продемонстрируем ниже, подобное подавление собственных чувств снижает у человека субъективное благополучие). В коллективистских обществах большое место в познании и каузальном мышлении людей занимает социальный контекст, смыслы контекстуализируются. Наконец, коллективизм предусматривает, что групповая принадлежность воспринимается как непреложный факт, к которому люди должны приспособливаться — иного выбора у них нет. Границы между «своими» и «чужими» для членов групп стабильны, во многом непреодолимы и важны; обмены же строятся на взаимных обязательствах и патриархальных связях.

Сегодня у нас есть эмпирические данные об уровне индивидуализма, независимости и ценностей самовыражения, и все они, как выясняется, относятся к одному и тому же измерению кросс-культурной вариабельности, отражая акцент на самостоятельности выбора. Средние национальные показатели по этим трем переменным демонстрируют коэффициент корреляции на уровне от 0,62 до 0,70 со средним значением 0,66. Факторный анализ средних показателей по странам показывает, что индивидуализм, независимость и ценности самовыражения отражают одно и то же скрытое измерение, на долю которого приходится целых 78% межстрановой дисперсии (см. табл. 6.1). Результаты замеров уровня индивидуализма по методике Триандиса также сильно коррелируют с этим измерением ($r = 0,88$), но включать их в этот факторный анализ не имеет смысла, поскольку его подсчеты основаны на данных Хофстеда, дополненных оценками соответствующих показателей по ряду не охваченных его исследованием стран¹.

¹ Ранговая шкала «дистанция по отношению к власти», составленная Хофстедом, также тесно связана с данным измерением ($r = -0,72$).

Таблица 6.1. ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ, ИНДИВИДУАЛИЗМ И НЕЗАВИСИМОСТЬ СВЯЗАНЫ С ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ ИЗМЕРЕНИЕМ

Измерение индивидуализма/независимости/самовыражения: акцент на собственном выборе человека (анализ методом главных компонент)	Объясняет 78% дисперсии
Инглхарт: ценности выживания/самовыражения	0,91
Хофстед: ранговая шкала «индивидуализм/коллективизм»	0,87
Шварц: независимость/включенность (средний показатель по выборке, представляющей преподавателей и студентов)	0,87

Высокий уровень индивидуализма сопровождается высоким уровнем независимости и распространения ценностей самовыражения. Результаты анализа по методикам Хофстеда, Шварца, Триандиса и Инглхарта затрагивают кросс-культурную вариабельность по одному и тому же фундаментальному аспекту человеческой психологии — стремлению к расширению открывающегося перед людьми выбора. Явление, которое демонстрируют эти результаты, отнюдь не исчерпывается индивидуалистическим или коллективистским характером тех или иных культур. Общества, занимающие высокие места на шкале распространения ценностей самовыражения, отличаются сильным акцентом на личной независимости и качестве жизни, а не на экономической и физической защищенности. Население этих стран характеризуется относительно низким уровнем уверенности в том, что технологии и научные открытия позволят решить стоящие перед человечеством проблемы, и сравнительно высокой готовностью предпринимать какие-либо действия в защиту окружающей среды. Граждане этих стран также занимают достаточно высокие места по показателям толерантности по отношению к геем, лесбиянкам, иностранцам и другим «чуждым» группам, демонстрируют сравнительно высокий уровень субъективного благополучия и доверия друг к другу, считают, что у детей следует развивать воображение и прививать им терпимость.

Однако индивидуализм, независимость и самовыражение — не статические характеристики общества. Их уровень меняется вместе с ходом социально-экономического развития. Как мы видели, социально-экономическое развитие (особенно на его постиндустриальном этапе) приводит к росту жизненной защищенности, в свою очередь порождающей усиление акцента на индивидуализме, независимости и самовыражении. Бёрч и Кобб считают, что в этом процессе проявляется эволюционная тенденция к «освобождению жизни» (Birch, Cobb 1981). Мы же трактуем его как процесс человеческого развития, в рамках которого самое «типичное»

человеческое свойство — способность к самостоятельному выбору — становится все более важной характеристикой современного общества, придающей ему гуманистическую ориентацию. Как мы увидим, этот синдром индивидуализма, независимости и самовыражения способствует возникновению и сохранению демократических институтов.

Общее измерение, лежащее в основе индивидуализма, независимости и самовыражения, отличается незаурядной устойчивостью. Оно выявляется при применении различных подходов к измерению, разных выборок и в разные периоды времени. Хофстед обнаружил этот феномен в конце 1960-х — начале 1970-х годов, анализируя ценностные ориентации людей на основе кросс-страновой выборки сотрудников IBM. Шварц замерил его в ходе опросов преподавателей и студентов, проводившихся с 1988 по 2002 год, а Инглхарт — изучая репрезентативную выборку респондентов из 43 стран, опрошенных в 1989–1991 годах. То же измерение было выявлено в результате опроса респондентов из 60 стран, проведенного в 1995–1997 годах по репрезентативной выборке, и обработки данных исследования, проведенного в 70 с лишним странах в 1999–2001 годах. Похоже, наличие этого измерения является неотъемлемой чертой кросс-культурной вариабельности — настолько, что возникает уверенность: оно обнаружится в ходе любого анализа базовых ценностей на материале широкой кросс-культурной выборки.

Индивидуализм, независимость и самовыражение как эволюционирующие феномены

Большинство культурно-психологических теорий трактует соотношение «индивидуализм/коллективизм» как один из статичных атрибутов соответствующих культур, игнорируя вероятность того, что индивидуалистическая или коллективистская ориентация отражает сложившиеся в обществе в определенный момент времени социально-экономические условия. Согласно нашей гипотезе, степень преобладания ценностей самовыражения (или индивидуализма) над ценностями выживания (или коллективизмом) отражает уровень социально-экономического развития общества: по мере ослабления внешних ограничений выбора люди (и общество в целом) начинают придавать все большее значение ценностям самовыражения, или индивидуализму. При этом подобное развитие событий не зависит от особенностей той или иной культуры, а представляет собой закономерность.

Самым главным внешним ограничителем свободы выбора является степень жизненной защищенности (или незащищенности) людей. Почти всегда в истории для большинства людей выживание было отнюдь не гарантировано. Большинство детей не доживало до взрослых лет, а главными причинами смерти являлись недоедание и связанные с ним болезни. Хотя сегодня населению западных стран уже не приходится жить в подобных условиях, в большинстве других регионов мира отсутствие жизненной защищенности остается фундаментальным фактом действительности. В такой ситуации приоритетное значение приобретают ценности выживания. Выживание — потребность настолько фундаментальная, что, когда оно находится под вопросом, вся жизнь человека определяется этим фактом. Низкий уровень социально-экономического развития не только оборачивается материальными ограничениями имеющихся у людей возможностей выбора — их образованность и информированность также слабы. Эта «интеллектуальная нищета» накладывает когнитивные ограничения на свободу выбора. Наконец, в отсутствие «социального государства» единственной формой социального страхования является мощная система внутригрупповых обязательств, что обставляет эту свободу выбора еще и социальными ограничениями.

В последние десятилетия все больше стран достигает беспрецедентного за всю свою историю уровня социально-экономического развития. Ослабление материальных, когнитивных и социальных ограничений выбора ведут к переходу от ценностей выживания к ценностям самовыражения — и от приоритета коллектива к приоритету индивида; при этом внешние источники мотивации заменяются внутренними.

Вывод о том, что межстрановая культурная вариабельность отражает вариации в психологии индивидов, имеет фундаментальное значение. Он указывает на то, что социокультурные изменения следуют по линии процессов, глубоко укоренившихся в человеческой психологии, — многие культурологи этот факт просто игнорируют. По мере того как объективные ограничения имеющейся у человека свободы выбора ослабевают, у него усиливается субъективное ощущение собственной независимости. У этого процесса, как мы продемонстрируем, тоже есть свои последствия. Тот факт, что массы начинают придавать первостепенное значение свободе выбора, способствует утверждению политической системы, обеспечивающей наиболее широкие возможности для такого выбора, — демократии. Таким образом, переход к демократии — не просто

вопрос рационализации институциональной системы, но и результат эволюции институциональных проявлений общего процесса человеческого развития, в конечном итоге обусловленного самой природой человека.

Субъективное благополучие — психологическая движущая сила самовыражения

По мере ослабления объективных ограничений свободы выбора в обществе повышается приоритетность стремления к самовыражению. Стремление к свободе выбора и самовыражению свойственно всем людям: когда это возможно, у человека возникает ощущение самореализации, как давно уже отметил Абрахам Маслоу (Maslow 1988 [1954]). Утверждение Маслоу о том, что самовыражение связано с более мощным ощущением самореализации, получило эмпирическое подтверждение в ходе исследований психологов, установивших, что самостоятельные люди, движимые внутренней мотивацией, чувствуют себя более счастливыми, чем люди, движимые мотивацией внешней, — независимо от коллективистского или индивидуалистического характера общества, в котором они живут (Schmuck, Kasser, Ryan 2000). Аналогичным образом, Чирков с соавторами показывают, что независимость на индивидуальном уровне порождает у людей, принадлежащих как к индивидуалистическим, так и коллективистским культурам, ощущение собственного благополучия (Chirkov et al. 2003).

Людам присуща потребность в самовыражении. Если эта потребность подавляется жизненной незащищенностью или ограничительными социальными нормами, люди в меньшей степени ощущают самореализацию и при опросах демонстрируют более низкий уровень общей удовлетворенности жизнью. Эмпирические данные Values Survey указывают на то, что наличие возможностей для самовыражения связано с относительно высоким уровнем удовлетворенности жизнью. Результаты всех 191 репрезентативных опросов общенационального масштаба, проведенных в 73 несхожих друг с другом странах — от США до Уганды, Китая, Ирана, Бразилии, Швеции и Польши, — демонстрируют весьма существенную корреляцию между удовлетворенностью индивидов собственной жизнью и их представлением о возможностях выбора, которые у них имеются².

² Удовлетворенность жизнью в Values Survey измеряется по десятибалльной шкале, от 1 — «совершенно неудовлетворен» до 10 — «полностью удовлетворен».

Средний коэффициент корреляции на уровне индивидуальных респондентов в масштабе одной страны — $r = 0,37$. Стандартная погрешность этого показателя невелика ($SE = 0,07$); это говорит о том, что связь между удовлетворенностью жизнью и ощущением свободы выбора меняется незначительно в зависимости от страны, где производится расчет. Кроме того, как видно из рисунка 6.1, эта связь не является характерной чертой какой-либо культурной зоны. Она не является уникальной характеристикой западных протестантских обществ. Степень этой связи у каждой из культурных зон своя, но она обладает статистической значимостью во всех из них. Более того, в некоторых обществах, не относящихся к западному миру, удовлетворенность жизнью и ощущение свободы выбора связаны даже сильнее, чем в части стран Запада. Так, в Китае, Индонезии и Зимбабве эта связь носит более тесный характер, чем в Нидерландах, Дании, Исландии и Финляндии.

Связь между удовлетворенностью жизнью и ощущением собственной свободы выбора существует повсеместно, поскольку стремление к самостоятельному выбору укоренено в человеческой психологии, и даже в коллективистских обществах наличие у человека большей свободы выбора приводит к более высокой степени удовлетворенности жизнью. Это стремление не является продуктом «западного индивидуализма», а существует в рамках всех культур. Различается лишь степень внешних ограничений, которые то или иное общество накладывает на свободу выбора своих членов. И отражением этих различий является степень удовлетворенности жизнью респондентов в разных странах. Общество может установить культурные нормы, во многом не позволяющие людям осуществлять свободу выбора на практике, но это ведет к снижению общего уровня удовлетворенности жизнью у его членов.

Представление о возможностях выбора также измеряется по десятибалльной шкале, содержащейся в формулировке следующего вопроса: «Некоторые люди считают, что обладают полной свободой выбора и контролем над собственной жизнью, другие же полагают, что фактически лишены возможности влиять на то, что с ними происходит. Пожалуйста, воспользуйтесь данной шкалой, где 1 означает „никаких возможностей выбора“, а 10 — „очень широкие возможности“, чтобы оценить степень свободы выбора и контроля над собственной жизнью, которую вы ощущаете». В ходе 191 опроса, по данным которых можно определить величины этих переменных, мы выявили весьма значимую позитивную корреляцию. Средняя величина коэффициента корреляции в рамках одного опроса — $r = 0,37$. При объединении данных всех опросов коэффициент корреляции на индивидуальном уровне составляет $r = 0,40$ ($N = 248\ 000$). На уровне совокупных общенациональных данных этот коэффициент составляет $r = 0,78$.

Рисунок 6.1. КОЭФФИЦИЕНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ЖИЗНЬЮ И ОЩУЩЕНИЕМ СВОБОДЫ ВЫБОРА (НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ)

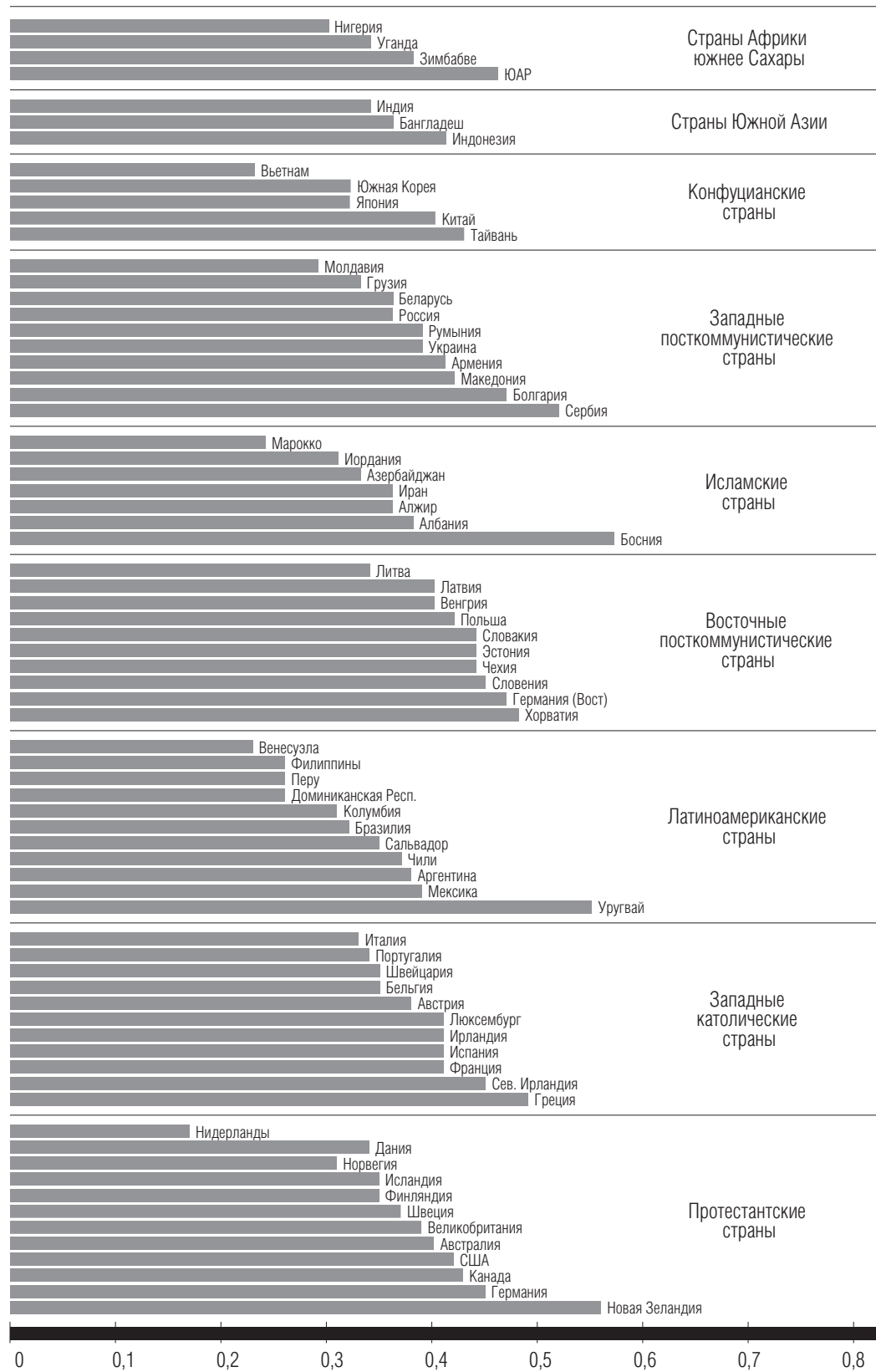
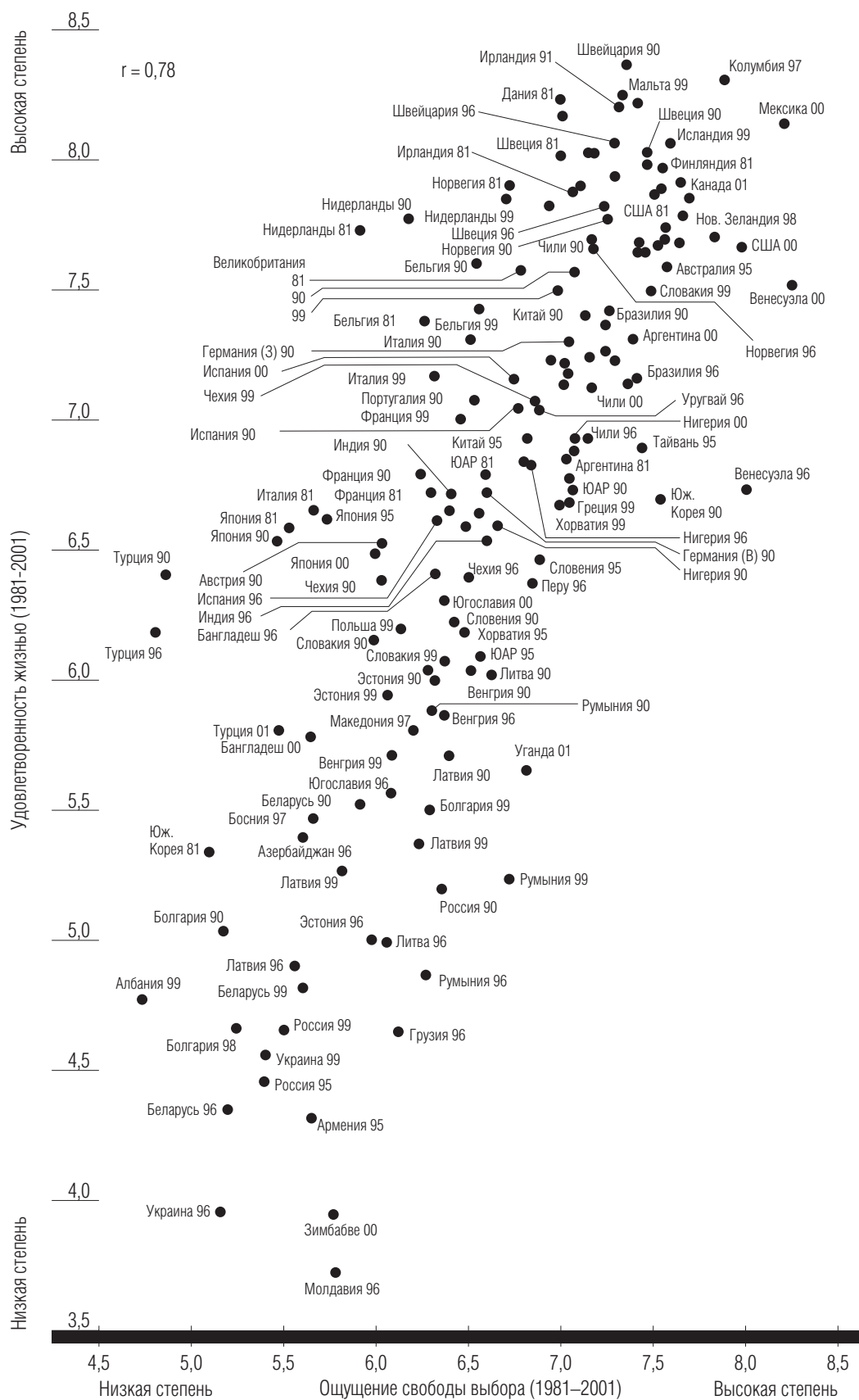

Рисунок 6.2. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И ОЩУЩЕНИЕ СВОБОДЫ ВЫБОРА НА УРОВНЕ ОБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ (ПО СТРАНАМ И В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ)

ЧАСТЬ I. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

Связь между ощущением свободы выбора и удовлетворенностью жизнью особенно сильна на страновом уровне; свидетельство тому — рисунок 6.2.

По странам и в хронологической перспективе преобладающее у людей ощущение свободы выбора объясняет уровень удовлетворенности жизнью в обществе на 61%. В атмосфере, способствующей свободе выбора, люди чувствуют себя счастливыми. Отдельные индивиды могут и не осознавать, что между самостоятельностью в принятии решений и ощущением счастья существует связь, но те, кто полагает, что обладают значительной степенью контроля над собственной судьбой и сравнительно большими возможностями выбора, в ходе опросов систематически демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности жизнью. Вывод о том, что независимость делает людей счастливее, показывает, что она является движущей силой человеческого развития. Эта движущая сила способствует утверждению норм и институтов, повышающих степень свободы людей.

Гражданственная природа ценностей самовыражения

Критические (existential) угрозы побуждают людей искать защиты в рамках тесно спаянных групп. Это способствует формированию сильных холистических связей, что сужает сферу солидарности людей до расширенного круга сородичей (Geertz 1963). Закрытость внутригрупповых связей повышает уровень доверия между членами группы в ущерб доверию к людям в целом. Это явление оказывает сильнейшее воздействие на характер социальных связей или «социального капитала»: в условиях незащищенности социальный капитал скорее «скрепляет» (bonding) людей, принадлежащих к одной группе, а не «наводит мосты» (bridging) между представителями разных групп.

Следовательно, в ходе дискуссии по поводу «ослабления» социального капитала в постиндустриальном обществе игнорируется один важный вопрос. На самом деле социальный капитал в постиндустриальных странах не слабеет, а просто принимает иную форму. Без социальных связей не может существовать ни одно общество. Разница заключается в характере этих связей. «Скрепляющая» и «наводящая мосты» формы социального капитала конкурируют друг с другом, и максимальное развитие обеих форм одновременно невозможно. Неизбежно возникает противоречие между интенсивностью и экстенсивностью социальных связей человека: интенсивные внутригрупповые контакты ограничивают его

способность завязывать более свободные связи с большим количеством людей (Fukuyama 2000)³. Таким образом, мы не согласны с точкой зрения Патнэма, считающего, что сокращение числа членов формальных ассоциаций в Соединенных Штатах свидетельствует о размывании социального капитала (Putnam 2000). Его данные свидетельствуют об упадке одной конкретной его разновидности — «скрепляющей». В то же время возрастает роль социального капитала, «наводящего мосты», — об этом говорит заметное расширение масштабов противозэлитных коллективных действий, основанных на самоорганизации их участников. В постиндустриальных странах меняется характер социального капитала. Растущая индивидуализация придает людям все большую социальную независимость: социальные контакты, которые они завязывают, становятся результатом их самостоятельного выбора, а не следования навязываемым извне групповым нормам. Именно самостоятельный выбор в условиях постиндустриального общества все больше превращается в определяющий фактор при формировании социальных связей (Beck 2002; Florida 2002). Они все чаще определяются внутренней мотивацией людей, а не навязываются им извне.

У членов закрытой группы формируется подчинение ее нормам, а «чужаки» подвергаются дискриминации (Monroe, Hankin, van Vechten 2000). Необходимость соответствовать норме оказывает деиндивидуализирующее воздействие, в результате чего люди в большей степени готовы поддержать ограничение индивидуальных свобод ради групповой дисциплины (Pettigrew 1998). Что же касается дискриминации в отношении «посторонних», то она ослабляет гуманистическую составляющую общества, приводит к непризнанию за «чужаками» элементарных прав человека — порой дело доходит до того, что приемлемым средством обеспечения благосостояния «своей» группы становится геноцид. Утверждение ценностей выживания представляет собой логичную реакцию людей на критические

---

³ В этом отражается противоречие между интенсивностью и экстенсивностью сотрудничества между людьми, связанное с равновесием, существующим между сотрудничеством и соперничеством. Если соперничество становится крайне интенсивным (например, в случае гражданской войны), сотрудничество внутри противостоящих друг другу лагерей приобретает такой же уровень (люди сотрудничают настолько интенсивно, что готовы даже отдать жизнь друг за друга). Если конкуренция отличается меньшей остротой, снижается и интенсивность сотрудничества людей со «своими», а круг общения с «чужими» расширяется. Однако сотрудничество как сумма интенсивности и экстенсивности связей обычно остается на постоянном уровне, даже если его характер резко меняется.

угрозы: когда ресурсы настолько скудны, что залогом выживания одной группы становится гибель другой, дискриминация «посторонних», жесткие взаимные обязанности и предпочтение «своих»⁴ становятся неизбежными. Преобладающее влияние критических угроз на жизнь людей создает питательную среду для распространения ксенофобии. В таких условиях ценности выживания вполне функциональны, но они вынуждают людей принимать этику, в основе которой лежит благополучие «своей» группы, а не всех людей. Ценности выживания способствуют утверждению «скрепляющего» социального капитала, который зачастую используется в дискриминационных целях. Тенденция к дискриминации «чужаков» придает этим ценностям во многом антигражданственный характер.

Ценности выживания анализировались под разными углами зрения. Роквич исследовал феномен «закрытости сознания» (Rokeach 1960), который, по мнению Поппера, ведет к формированию «закрытого общества», управляемого «стадным инстинктом» (Popper [1945] 1966). Патнэм подчеркивает антигражданственный характер «скрепляющих связей» (Putnam 1993), Бэнфилд изучал ценности «аморальной семейственности» (Banfield 1958), а Монро с соавторами проанализировали взаимосвязанные феномены внутригруппового фаворитизма и дискриминации посторонних (Monroe et al. 2000). Все перечисленное — проявления общего синдрома ценностей выживания, приобретающих наиболее экстремальные формы в ситуациях, когда под угрозой оказывается само существование группы. Таким образом, явление, которое Хофстед называет «коллективной идентичностью» (Hofstede 1980), а Кюннен и Ойзерман — «взаимозависимым» самоощущением (Kühnen, Oyserman 2002), нельзя считать попросту статичными атрибутами той или иной культуры. Эти психологические особенности отражают преобладание ценностей выживания в условиях жизненной незащищенности. Эти ценности отдают приоритет коллективной дисциплине перед свободой личности, соответствию групповой норме перед многообразием и государственной власти перед гражданской независимостью.

И напротив, ценности самовыражения приобретают распространение тогда, когда критические угрозы отступают. Они возникают по мере того, как подрастают поколения, живущие в условиях жизненной защищенности и личной независимости, сни-

---

⁴ Наиболее распространенными формами такого предпочтения являются трайбализм, nepoтизм и «семейственность».

мающих потребность в защите со стороны группы. В результате ослабляется давление в пользу соответствия групповым нормам. Самоощущение людей становится все более независимым. Установление контактов с другими уже не связано с внешними ограничениями, а становится вопросом личного выбора, что помогает людям вырваться из узкого круга «расширенного родства». На смену «скрепляющим» связям приходят связи, «наводящие мосты», а на смену доверия к «своим» — доверие к людям в целом. Люди уже меньше готовы соглашаться с ограничением свободы индивида ради преданности группе и все чаще рассматривают не похожих на себя людей как самоценные личности. Соответственно, ценности самовыражения побуждают людей к поддержке свободы личности и прав человека. Эти ценности обладают антидискриминационным и гуманистическим, а значит, гражданственным характером.

Обществоведы исследовали различные аспекты этого феномена, разработав разнообразные термины, такие как открытое сознание, связи, «наводящие мосты», независимость самоощущения, индивидуализм и альтруизм. С точки зрения человеческого развития все они представляют собой различные грани одного феномена, который мы назвали ценностями самовыражения. Подобные ценности приобретают все большее распространение, когда ограничения свободы выбора, связанные с условиями существования людей, ослабевают, расширяя простор для осуществления присущих всем стремлений к самореализации и личной независимости. С точки зрения человеческого развития это широкое разнообразие психологических и культурных характеристик представляет собой не особенности тех или иных культур, а феномены, связанные с социально-экономическими условиями.

Придерживаясь аналогичной линии рассуждения, теория регулируемой установки (*regulatory focus theory*) в экспериментальной психологии доказывает, что ориентации людей определяются социальными условиями (Förster, Higgins, Idson 1998). Если ситуация в обществе отягощена незащищенностью и угрозами, для ориентаций характерно «фокусирование на предотвращении» (*prevention focus*), в результате чего люди применяют стратегии, обеспечивающие выживание за счет попыток избежать серьезного ущерба и ошибок. Если же социальная обстановка безопасна и позволяет людям добиваться чего-то большего, то для ориентаций характерно «фокусирование на расширении» (*promotion focus*), делающее упор на инициативу, творчество и самовыражение. В этом смысле социаль-

но-экономическое развитие приобретает ключевое значение, поскольку оно меняет социальную ситуацию для целых народов, и «фокусирование на расширении» становится преобладающим типом ориентации в масштабе всего общества. Таким образом, утверждение ценностей самовыражения можно рассматривать как результат преобладания в обществе «фокусирования на расширении». В основе культурных изменений лежат психологические механизмы.

Авторы работ, посвященных анализу качеств, необходимых достойным гражданам демократического государства (см.: Sullivan, Transue 1999; Galston 2001), выделяют два полюса, каждый из которых становится предметом отдельного изучения: ксенофобию и альтруизм в отношении людей к «посторонним» (например, негражданам), а также авторитаризм и либерализм в отношении к «своим» (например, согражданам). Эти два различия объединяются в рамках одной общей поляризации — между ценностями выживания и самовыражения. Дискриминационный импульс, свойственный ценностям выживания, сочетает ксенофобию в отношении «чужаков» с авторитаризмом для «своих». И напротив, гуманистическая направленность ценностей самовыражения сочетает космополитическую тенденцию признания прав человека за всеми с либертарианской направленностью, ставящей во главу угла свободу личности.

В ходе дискуссии о гражданских добродетелях индивидуализм и гуманизм зачастую расцениваются как взаимно противоречивые феномены. Однако эта точка зрения основана на ложной предпосылке: индивидуализм приравнивается к асоциальному эгоизму. Из этого делается вывод, что индивидуализм оборачивается негативными последствиями в том, что касается гражданственности (см.: Lawler, McConkey 1998; Flanagan et al. 2002). Истоки этой концепции прослеживаются еще в античной Греции, где эпикурейцы поднимали на щит эгоистические интересы, а стоики делали акцент на бескорыстии и служении другим (см.: Coleman 1990: 302). Однако между индивидуализмом и гуманизмом существует лишь кажущееся противоречие. На деле индивидуализм чаще всего сопровождается *гуманистической*, а не *эгоцентристской* ориентацией. Отнюдь не случайно философия гуманизма, возникшая в XV веке, в эпоху Ренессанса, была создана в благополучных городах Фландрии и Ломбардии, жителям которых доиндустриальный капитализм придал более индивидуалистическое мировоззрение, чем членам всех других сообществ того времени (Jones 1985).

Заключение

Мы утверждаем, что кросс-культурная вариабельность основополагающих психологических характеристик — включая поляризации «коллективизм/индивидуализм», «включенность/независимость» и «фокусирование на предотвращении / фокусирование на расширении» — тесно связаны с измерением «ценности выживания/самовыражения». Индивидуализм, независимость, фокусирование на расширении и самовыражение отражают одну и ту же основополагающую тенденцию к самостоятельности выбора. Из этого следует два вывода. Во-первых, поляризация между ценностями выживания и самовыражения укоренена в человеческой психологии: это измерение существует в рамках всех культур, хотя они сильно различаются по приближенности к тому или другому полюсу. Во-вторых, преобладающее среди большинства специалистов по культурной психологии мнение о том, что такие характеристики, как индивидуализм или коллективизм, представляют собой фиксированные элементы определенных культур, требует корректировки: в какой-то степени они действительно отражают определенное культурное наследие, но со временем эти ориентации могут измениться. В значительной мере формирование гуманистической ориентации отражает процесс человеческого развития. Ни одно общество не обладает иммунитетом от этого процесса. Напротив, как мы продемонстрировали в предыдущих главах, ценности самовыражения связаны с социально-экономическим развитием. Эти ценности не являются статической характеристикой определенных культур, а представляют собой эволюционирующий феномен, обусловленный общей для всех культур закономерностью: по мере того как внешние ограничения самостоятельности выбора ослабевают, у людей усиливается субъективный акцент на свободе.

Формирование эмансипационных ориентаций — индивидуализма, независимости, фокусирования на расширении и ценностей самовыражения — отражает процесс человеческого развития. Это ведет к позитивным последствиям с точки зрения гражданственности, поскольку усиление акцента на самостоятельности выбора в силу самой природы этого феномена ведет к формированию антидискриминационных представлений о человеческом благополучии. Наконец, эмансипационные ориентации, по сути, ставят человека на центральное место — в этом состоит главная причина тесной связи между утверждением ценностей самовыражения и демократией. Это означает, что само возникновение и развитие демократии является элементом процесса человеческого развития — что мы продемонстрируем в части II настоящей книги.

Часть II

Последствия изменения
ценностей

Глава 7 Причинно-следственная связь между демократическими ценностями и демократическими институтами: теоретические аспекты

Распространение ценностей самовыражения превращает процесс модернизации в процесс человеческого развития, порождая гуманистическое общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям. Эта трансформация оборачивается рядом важных социальных последствий. Одно из них состоит в том, что этот процесс способствует построению и развитию демократических институтов. В настоящей главе дается его описание и анализируется вопрос о причинно-следственной связи между массовыми ценностями самовыражения и возникновением демократических институтов. В главе 8, основанной на предыдущих исследованиях Вельцеля (Welzel 2002), тезисы и выводы, изложенные в главе 7, проверяются с использованием количественного эмпирического анализа.

С точки зрения человеческого развития важнейший аспект демократизации заключается в том, что она наделяет властью народ. Демократия обеспечивает людям гражданские и политические права, дает им свободу выбора в частной и общественной жизни (см.: Dahl 1973; Dahl 2003; Rose 1995; Sen 1999: 152–154). Не все формы демократии в равной степени соотносятся с человеческим развитием; в наиболее конкретной форме оно связано с либеральным аспектом демократии — институционализацией свободы выбора.

В результате «третьей волны» демократизации возник ряд новых демократических государств; поначалу этот процесс был встречен с энтузиазмом (Pye 1990; Fukuyama 1992). Постепенно, однако, все больше наблюдателей обращали внимание на то, что многие из этих «молодых демократий» страдают серьезными изъянами в том, что касается практического осуществления гражданских и политических свобод (Ottaway 2003). Результатом этой озабоченности стало появление таких понятий, как «демократия низкой интенсивности», «электоральная демократия», «дефектная демократия»

и «нелиберальная демократия» (Collier, Adcock 1999; Bollen, Paxton 2000; Merkel et al. 2003; O'Donnell, Vargas Cullel, Iazetta 2004). Многие ученые подчеркивают необходимость проводить различие между чисто «формальной» или электоральной демократией и подлинно эффективной либеральной демократией (см., например: Gills, Rosamora 1992; O'Donnell 1996; Bunce 2000; Heller 2000; Rose 2001). С учетом этого различия становится очевидной одна важная вещь. Формальную демократию можно установить практически в любом обществе, но ответ на вопрос, обеспечивает ли она гражданам подлинную самостоятельность выбора, зависит от преобладающих в данном обществе ценностей. И из всех ценностей, связанных с эффективностью демократии, наиболее важное значение имеют ценности самовыражения, что мы и продемонстрируем в главах 7 и 8.

Таблица 7.1. КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ИНДИКАТОРАМИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЦЕННОСТЯМИ САМОВЫРАЖЕНИЯ

Корреляты	Коэффициент корреляции с процентным индексом ценностей самовыражения, середина 1990-х ^a
Душевой ВВП в пересчете по ППС в ценах 1995 года (World Bank 2000)	0,86*** (73)
Индекс человеческого развития, 1998 (UNDP 1998)	0,75*** (69)
Индекс социального прогресса, 1995 (Estes 1998)	0,65*** (72)
Уровень постиндустриализации, 1990 (доля трудовых ресурсов, занятых в секторе услуг, за вычетом доли занятых в промышленности)	0,74*** (71)
Индекс социально-экономических ресурсов по состоянию, начало 1990-х (Vanhanen 1997)	0,88*** (73)

^a Наиболее ранние данные опросов из второй–четвертой «волн» Values Survey (1989–2001). Среднее измерение — в 1995 году. Уровень значимости: *p < 0,10; **p < 0,01; ***p < 0,001.

Центральное значение ценностей самовыражения

В предыдущих главах мы показали, что степень распространения ценностей самовыражения представляет собой одно из важных измерений кросс-культурной вариабельности. Утверждение в обществе этих ценностей тесно связано с его социально-экономическими и политическими характеристиками. Таблицы 7.1 и 7.2 иллюстрируют этот тезис, показывая коэффициенты корреляции между процентным индексом распространенности ценностей самовыражения¹

¹ Процентный индекс — взвешенная средняя величина его пяти компонентов (взвешенных по факторной нагрузке): 1) постматериалистическое стремление к гражданским и политическим свободам; 2) толерантность к свободе других на примере толерантности в отношении гомосексуалистов; 3) противозэлитная гражданская активность на примере подписания петиций; 4) общая степень доверия

в том или ином обществе, различными показателями социально-экономического развития (табл. 7.1) и ситуации с демократией (табл. 7.2)². Этот измеритель ценностей самовыражения демонстрирует высокий уровень корреляции со значением фактора, которое мы использовали в первой части настоящей книги ($r = 0,96$), однако здесь мы применяем именно процентный индекс по двум причинам: во-первых, процентные показатели обладают большей интуитивной понятностью, чем значения факторов; и, во-вторых, поскольку в настоящем разделе книги мы не проводим сравнительного анализа во времени, отпадает необходимость использовать лишь те переменные, которые фигурируют во всех четырех «волнах» Values Survey. Мы можем воспользоваться самыми эффективными способами измерения, имеющимися в нашем распоряжении.

Таблица 7.2. КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ПОКАЗАТЕЛЯМИ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ И ЦЕННОСТЯМИ САМОВЫРАЖЕНИЯ

Корреляты	Коэффициент корреляции с процентным индексом ценностей самовыражения, середина 1990-х ^a
Наличие демократии	
Конституционная демократия, 1998–2001 (данные проекта «Полития» [Polity IV])	0,62*** (66)
Электоральная демократия, 2001 (Vanhanen 2003)	0,75*** (71)
Либеральная демократия, 2000–2002 (Freedom House 2003)	0,75*** (73)
Качество демократии	
Индекс развития гражданского общества, 2000 (Anheier et al. 2004)	0,85*** (31)
Гендерное равенство, 2000 (UNDP 2002)	0,85*** (55)
«Порядочность» элит, 2000–2002 (антикоррупционный индекс, World Bank 2003)	0,89*** (73)
Эффективность демократии (наличие демократии × качество демократии): либеральная демократия × «порядочность» элит	0,90*** (73)

^a Наиболее ранние данные опросов из второй–четвертой «волн» Values Survey (1989–2001). Медианное измерение — в 1995 году. Уровень значимости: * $p < 0,10$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

к людям; и 5) ощущение субъективного благополучия, измеряемое уровнем удовлетворенности жизнью. Подробнее о разработке процентного индекса см. интернет-приложение, № 49 в разделе «Переменные». Процентная шкала дает интуитивное представление о степени распространения в обществе ценностей самовыражения. Это важный показатель, если рассматривать самовыражение как социальную движущую силу коллективных действий. Подробнее см. интернет-приложение на сайте: <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

² Подробнее о измерении остальных переменных, использованных в таблицах 7.1 и 7.2, см. интернет-приложение, раздел «Переменные», № 04 (постиндустриализация), № 05 (душевой ВВП), № 06 (индекс человеческого развития), № 07 (индекс социального прогресса), № 08 (социально-экономические ресурсы), № 16 (конституционная демократия), № 17 (электоральная демократия), № 18 (либеральная демократия), № 20 (порядочность элит), № 21 (эффективность демократии).

Доля людей в обществе, твердо приверженных ценностям самовыражения, демонстрирует высокую степень корреляции с показателями социально-экономического развития и состояния демократических институтов — это позволяет предположить наличие единого измерения, лежащего в основе всех этих трех явлений. На деле они представляют собой три элемента «головоломки», объединяющей темой которой является человеческое развитие: социально-экономическое развитие, ценности самовыражения и демократические институты представляют собой факторы, способствующие расширению пространства самостоятельного выбора.

Каким образом эти три элемента осуществляют данную функцию? Процесс начинается с социально-экономического развития, ослабляющего ограничения самостоятельного выбора через увеличение экономических, когнитивных и социальных ресурсов человека. Экономические ресурсы включают богатство и доход (т.е. финансовый капитал), придающие человеку большую материальную независимость. Когнитивные ресурсы имеют своим источником доступ к информации и формальному образованию (т.е. человеческому капиталу), которые повышают интеллектуальную независимость людей. Социальные ресурсы (или социальный капитал) увеличиваются, когда организация общества усложняется, позволяя человеку свободнее завязывать и прекращать контакты с другими, усиливая тем самым его социальную независимость. Социально-экономическое развитие увеличивает объем всех этих трех категорий ресурсов за счет повышения уровня доходов и образования, а также диверсификации взаимодействия между людьми. В совокупности экономические, когнитивные и социальные ресурсы представляют собой «социально-экономические» ресурсы. Повышение уровня социально-экономических ресурсов расширяет спектр действий, которые человек может предпринять, придавая ему *объективную способность* поступать по собственному выбору.

Поскольку социально-экономическое развитие усиливает материальную, интеллектуальную и социальную независимость людей, оно порождает у них ощущение жизненной защищенности и автономии. Растущее ощущение независимости побуждает людей придавать приоритетное значение гуманистическим ценностям самовыражения, утверждающим эмансипацию человека, примат свободы над дисциплиной, многообразия над соответствием норме, независимости над властью. По мере того как рост социально-экономических ресурсов расширяет спектр действий, между кото-

рыми человек может выбирать, ценности самовыражения расширяют спектр действий, к которым человек стремится. Одним словом, объективная способность к выбору пробуждает субъективное стремление к выбору.

Распространение ценностей самовыражения побуждает людей требовать создания институтов, позволяющих им действовать в соответствии с собственным выбором. Соответственно, ценности самовыражения мотивируют людей к обретению гражданских и политических прав, лежащих в основе либеральной демократии. Дело в том, что эти права узаконивают возможности людей действовать по собственному выбору в частной и общественной жизни. Таким образом, субъективное стремление к выбору ведет к требованиям относительно предоставления права на выбор.

Человеческое развитие сопровождается ростом трех компонентов: 1) объективной способности действовать по собственному выбору, основанной на социально-экономических ресурсах; 2) субъективной потребности в самостоятельном выборе, основанной на ценностях самовыражения; и 3) юридических возможностей, основанных на гражданских и политических свободах, дающих людям право действовать в соответствии с самостоятельным выбором. У этих трех компонентов общий акцент — акцент на самостоятельности выбора людей. Эта концепция человеческого развития резюмируется в таблице 0.1 в предисловии к настоящей книге.

В предыдущих главах мы анализировали первую важнейшую связь, проявляющуюся в процессе человеческого развития, — между социально-экономическим развитием и ценностями самовыражения. В последующих главах речь пойдет о второй важной связи этого гуманистического процесса — между ценностями самовыражения и демократическими институтами. Как видно из таблицы 7.2, ценности самовыражения тесно связаны со всеми общепринятыми показателями развития демократии. Однако прочность этой связи варьируется в зависимости от того, несколько непосредственно тот или иной показатель затрагивает основополагающий элемент свободы: степень, в которой люди в повседневной жизни обладают реальной возможностью выбора.

Индикатор, используемый в проекте «Полития IV», относится к «конституционной демократии» — понятию, основанному на концепции «моделей власти» (authority patterns) Экштейна и Гурра (Ekstein, Gurr 1975). Составные элементы этого индикатора — институциональные предпосылки состязательности политического

процесса, ограничение полномочий исполнительной власти и открытость политической конкуренции (Gurr, Jagers 1995; Marshall, Jagers 2000)³. Этот индекс отражает в обобщенном виде процедуры, регулирующие формальное функционирование государственных институтов, которые управляют обществом. Подобный анализ, основанный на взгляде «сверху вниз», несомненно, охватывает один из важных элементов демократии, но он сосредоточивает внимание на аспекте, довольно далеком от вопроса о том, какой степенью реальной свободы обладают люди в повседневной жизни. Поэтому из всего набора показателей индекс конституционной демократии слабее всего связан с массовыми ценностями самовыражения: $r = 0,62$.

Разработанный Ванханеном индекс «электоральной демократии» представляет собой составной индикатор массовости и конкурентности общенациональных парламентских выборов — его значение увеличивается вместе с повышением явки на выборах и снижением концентрации власти в руках отдельных парламентских партий (Vanhanen 1997; Vanhanen 2003)⁴. Этот индекс в большей степени относится к определению имеющихся у людей фактических возможностей выбора, поскольку не ограничивается конституционными положениями, а сосредоточивает внимание на одном из реальных аспектов принимаемых людьми решений — парламентских выборах. Поэтому показатель электоральной демократии демонстрирует более тесную связь с массовыми ценностями самовыражения, чем индекс конституционной демократии: $r = 0,75$.

Индексы, публикуемые правозащитной организацией Freedom House, также имеют бóльшую релевантность в отношении фактических возможностей выбора, чем индикатор конституцион-

---

³ Более детальные определения переменных, описание процедур получения и источников данных см. на интернет-сайте проекта <http://www.bsos.umd.edu/cidcm/inscr/polity>

⁴ Поскольку этот индекс основывается исключительно на данных о выборах, мы расцениваем его как индикатор «электоральной демократии», а не демократии как таковой. Мы признаем важное значение выборов, однако необходимо помнить об «электоральном заблуждении» (Linz, Stepan 1996: 4) — склонности полностью отождествлять демократические выборы и демократию. Выборы — один из центральных аспектов демократического процесса, но их результаты не отражают ситуации с гражданскими правами — основой либеральной демократии. Более детальное описание методики исчисления в рамках этого индекса см. в интернет-приложении (раздел «Переменные», № 17).

ной демократии «Полития IV», поскольку измеряют демократию не «сверху вниз», а «снизу вверх»: показывают степень, в которой люди обладают гражданскими и политическими правами⁵. Подобно «электоральной демократии», этот индикатор «либеральной демократии» более тесно связан с массовыми ценностями самовыражения ($r = 0,75$), чем показатель конституционной демократии.

На рисунке 7.1 мы видим связь между ценностями самовыражения и либеральной демократией на основе рейтинговых показателей Freedom House — наиболее широко используемого индикатора демократических свобод. Эта связь чрезвычайно сильна, особенно с учетом того факта, что две переменные измеряются на разных уровнях и с помощью совершенно различных методов: ценности самовыражения — феномен, присущий индивидам, и измеряются они на основе независимых социологических опросов, проводящихся в десятках стран, а показатели Freedom House представляют собой составляемые экспертами рейтинги, связанные со степенью, в которой институты тех или иных государств обеспечивают политические права и гражданские свободы. Несмотря на эти фундаментальные различия, связь между двумя переменными отличается прочностью и высокой статистической значимостью. В одном важном аспекте она даже, судя по всему, носит детерминированный характер: все без исключения страны, где более половины населения привержено ценностям самовыражения, демонстрируют связанные с либеральной демократией показатели на уровне 90% и более от максимального значения.

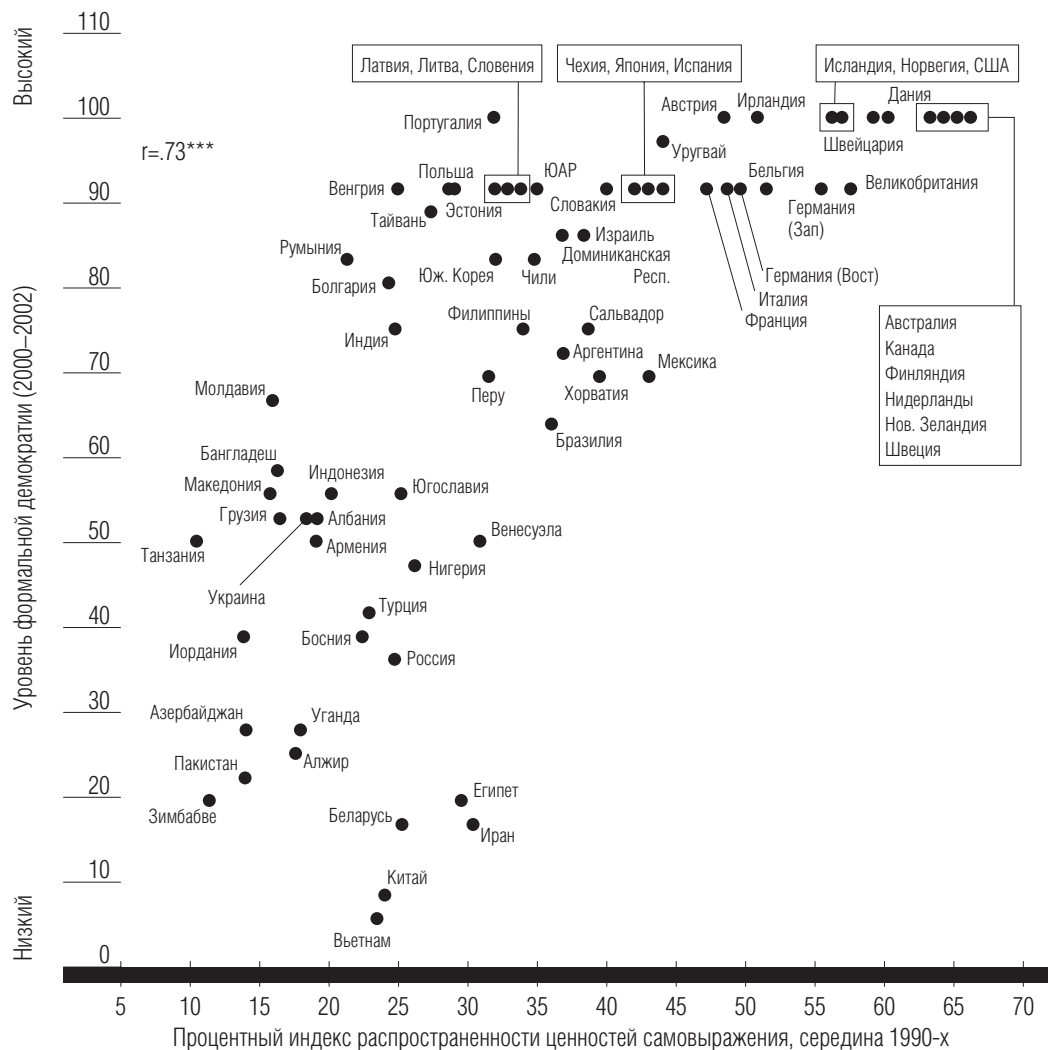
Индикаторы электоральной и либеральной демократии, разработанные Ванханеном и Freedom House, несомненно полезны, но обладают существенной ограниченностью. Индекс Ванханена носит узкий характер, оставляя за бортом все, что не относится к выборам, а рейтинги Freedom House показывают лишь уровень институционализации гражданских и политических свобод, что не всегда отражает степень их реального соблюдения политическими элитами. В последнее время в научной литературе акцентируется различие между формальной и подлинно либеральной демократией

---

⁵ Концепция либеральной демократии включает в себя как «негативную» свободу от государства (гражданские права), так и «позитивную» свободу воздействия на государство (политические права) (см.: Berlin 1969; Rose 1995). Поэтому при анализе ситуации с либеральной демократией мы неизменно используем составные индексы гражданских и политических свобод по методике Freedom House. Подробнее об этой методике см: <http://www.freedomhouse.org>

(Ottaway 2003; O'Donnell et al. 2004). Чтобы охватить последний аспект, нам необходима мера «эффективной демократии», отражающая не только степень формальной институционализации гражданских и политических свобод, но и их реализацию *на практике*, т.е. уровень реальной свободы выбора в жизни людей. Чтобы составить такой индекс эффективной демократии, мы умножаем показатели рейтинга гражданских и политических свобод Freedom House на показатели антикоррупционных рейтингов Всемирного банка (Kaufman, Kraay, Mastruzzi 2003), которые мы рассматриваем как индикатор «порядочности» элит или степени, в которой люди, находящиеся у власти, на деле соблюдают правовые нормы (более подробный анализ этого индекса см. в главе 8). Исследуя связь между этой системой измерения подлинности демократии и массовыми ценностями самовыражения, мы обнаруживаем необычайно высокую корреляцию

Рисунок 7.1. ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ И ФОРМАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

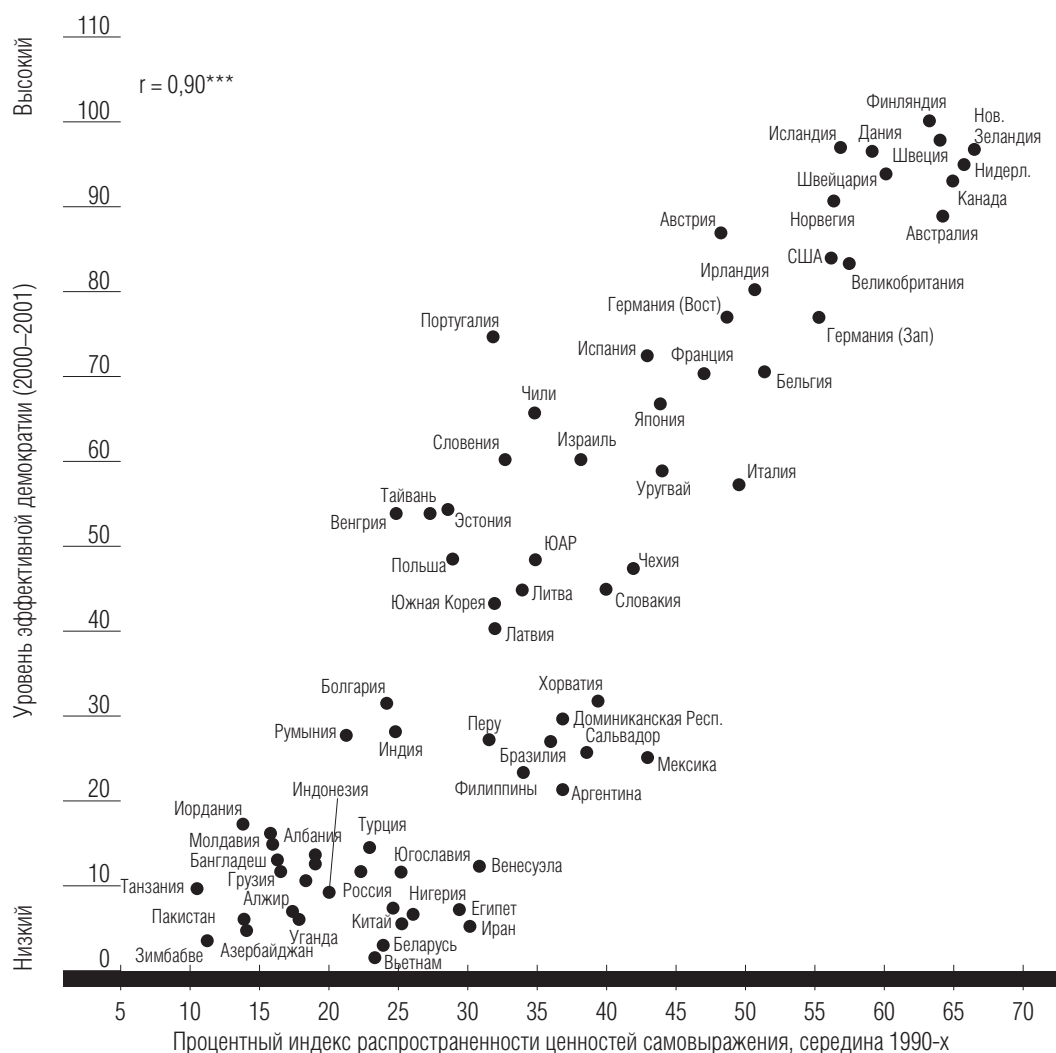

ЧАСТЬ II. ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

($r = 0,90$) по 73 странам. Этот результат отражает прочную межуровневую связь между массовыми ценностями, акцентирующими свободу выбора, и степенью, в которой институты общества реально обеспечивают эту свободу.

На рисунке 7.2 показана связь между этим индексом фактической демократии и ценностями самовыражения. Степень распространения в обществе этих ценностей на целых 80% объясняет межстрановую дисперсию той степени, в которой либеральная демократия осуществляется на практике. Этот вывод позволяет утверждать, что значение связи между ценностями, которым привержены индивиды, и развитием демократических институтов недооценивается. Массовые ценностные предпочтения играют ключевую роль в процессе формирования подлинной демократии (Welzel, Inglehart, Deutsch 2004).

Рисунок 7.2. ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ И ЭФФЕКТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Как видно из рисунка 7.1, «формальная» демократия обычно возникает в том случае, когда приверженность ценностям самовыражения демонстрирует более 30% населения страны. Что же касается подлинно эффективной демократии, то она, согласно рисунку 7.2, формируется тогда, когда эти ценности исповедует как минимум 45% населения. Конечно, речь в данном случае идет о вероятности: до тех пор пока правящая элита контролирует вооруженные силы государства, она в состоянии подавить движение масс за демократизацию. Однако статистическая связь на удивление сильна: распространенность ценностей самовыражения объясняет 80% дисперсии по уровню эффективной демократии.

Связь между массовыми ценностями самовыражения и формальной демократией отличается силой и устойчивостью: существует лишь несколько исключений из этого правила, хотя и весьма важных. Так, в Китае и Вьетнаме уровень демократии оказывается значительно ниже, чем можно было бы предположить, основываясь на ценностях их населения. Авторитарные режимы, правящие в обеих странах, резко увеличили пространство самостоятельного выбора для своих граждан в экономической сфере и в настоящее время экспериментируют с демократией на местном уровне, однако они сохраняют однопартийную систему и не допускают конкуренции на общенациональной политической арене. Однако эти режимы подвергаются мощному социальному давлению в сторону либерализации, и мы прогнозируем, что в течение ближайших 15–20 лет в обеих странах установится либерально-демократический строй. Успешное проведение экономических реформ в Китае и Вьетнаме порождает в обществе тенденции, подрывающие однопартийную систему. Авторитарные правители некоторых стран Азии утверждают, что из-за характерных для этих обществ «азиатских ценностей» демократический строй для них непригоден (Lee, Zakaria 1994; Thompson 2000). Однако на рисунках 7.1 и 7.2 большинство азиатских стран занимают именно те места, которые можно было бы предсказать, исходя из уровня их социально-экономического развития. Япония как с точки зрения ценностей самовыражения, так и по уровню развития демократии находится в той же группе, что и традиционно демократические страны Запада. А положение Южной Кореи по обоим измерениям аналогично положению государств, где демократический строй утвердился относительно недавно, например Чили и Уругвая. Население конфуцианских стран относится к демократии намного более позитивно, чем принято считать.

В то же время в нашей выборке исламских стран ценностям самовыражения привержены менее 30% их населения: среди основных «культурных групп» они в нашем рейтинге оказались на втором месте снизу (немного опережая православные посткоммунистические страны). Возможно, установление демократии и является для жителей исламских стран привлекательной целью (в том, что это так, мы убедимся в главе 11), однако характерный для них уровень толерантности, доверия к людям и ценностей самовыражения недотягивает до параметров ни одного из традиционно демократических обществ. Тем не менее мы не считаем, что между исламскими обществами и остальным миром существует какая-то непреодолимая пропасть. Системы представлений, характерные для этих стран, примерно соответствуют тому, что можно было ожидать, исходя из их уровня социально-экономического развития. Наиболее развитая из мусульманских стран — Турция — на сегодняшний момент располагается в «промежуточной зоне» вместе с другими государствами — такими как Филиппины, ЮАР, Польша и Словения, — где недавно произошел переход к демократии. Иран представляет собой серьезное исключение из правил, поскольку уровень демократии там ниже, чем можно было предположить на основе ценностей его населения. Из всех исламских обществ именно в Иране мы наблюдаем наиболее мощное социальное давление в сторону либерализации. Это несоответствие позволяет нам предположить, что рост массовой поддержки демократии в конечном итоге поможет либеральным силам одолеть авторитарный теократический режим и вывести страну на путь к либеральной демократии.

Что же первично — демократическая политическая культура или демократические институты? Степень поддержки людьми ценностей самовыражения тесно связана с развитием демократических институтов. Но что здесь причина, а что следствие? Мы полагаем, что демократические институты относительно слабо воздействуют на ценности самовыражения, распространение которых определяется в первую очередь социально-экономическим развитием. Однако утверждение этих ценностей должно существенным образом влиять на формирование демократических институтов, поскольку они по сути своей связаны с гражданскими и политическими свободами, составляющими основу демократии.

Чтобы продемонстрировать реальное существование такой причинно-следственной связи, необходим комплексный эмпири-

ческий анализ, которому мы посвятили следующую главу. Однако предыдущие исследования указывают на то, что именно социально-экономическое развитие ведет к утверждению демократии, а не наоборот (правда, в этих исследованиях не учитывается роль другого фактора — изменений культурного порядка). Причинно-следственную связь между социально-экономическим развитием и демократией анализировали, в частности, Буркхарт и Льюис-Бек, использовавшие эмпирические данные по 131 стране (Burkhardt, Lewis-Beck 1994). На основе теста причинности Грейнджера они пришли к выводу, что социально-экономическое развитие является причиной возникновения демократии, но демократия не является причиной социально-экономического развития. Аналогичные результаты получил и Хеллиуэлл (Helliwell 1993). Более того, утверждение Пшеворского и Лимонджи о том, что социально-экономическое развитие лишь способствует сохранению демократического строя там, где он уже существует, но не его установлению в других странах (Przeworski, Limongi 1997), опровергнуто Буа и Стоуксом: они продемонстрировали, что социально-экономические факторы оказывают позитивное воздействие и на сохранение демократии, и на ее распространение (Boix, Stokes 2003). Анализ, который мы представим в главе 8, подтверждает справедливость этого вывода и показывает, что промежуточной переменной в данном процессе является культура. Ее роль дает ответ на вопрос, почему социально-экономическое развитие ведет к демократии — прежде всего за счет того, что оно порождает массовые ценности самовыражения.

Эта причинно-следственная связь носит вероятностный, а не детерминистский характер. Социальные процессы — это комплексные феномены, и в основе их развития редко лежит одна причина. К примеру, известно, что существует вероятностная связь между курением и возникновением рака легких. Несмотря на многочисленные исключения, можно утверждать, что в среднем курение заметно увеличивает риск заболеть раком. Аналогичным образом, мы утверждаем, что — при прочих равных условиях — распространение ценностей самовыражения сильно увеличивает вероятность того, что общество станет демократическим (если этот строй там еще не утвердился) или останется таковым. Отдельные исключения, конечно, существуют, но они не опровергают того факта, что распространение ценностей самовыражения — одна из важных движущих сил демократизации.

Культура или институты: что первично?

Вопрос о причинно-следственных связях занимает центральное место в рамках одной из самых острых научных дискуссий, связанных с демократизацией: является ли наличие культуры, обеспечивающей устойчивость демократии, результатом деятельности хорошо продуманных демократических институтов? Или же в основе продемократической политической культуры лежат другие факторы, а уже она порождает эффективно действующие демократические институты? Окончательного ответа на эти вопросы не дано до сих пор. Как отмечает Даль, «точный характер взаимосвязи между модернизацией в социально-экономической сфере, демократизацией и формированием демократической культуры на сегодняшний день остается почти таким же неясным, как и четверть века тому назад» (Dahl 1998: 35). С тех пор как было опубликовано первопроходческое исследование Алмонда и Вербы о проблеме гражданской (civic) культуры (Almond, Verba 1963), ученые, специализирующиеся на вопросах, связанных с политической культурой, утверждают, что массовые ценности играют важную роль в процессе укрепления демократии. Признанные специалисты полагают, что доверие к людям, толерантность и ощущение собственной способности повлиять на ход событий представляют собой «гражданственные качества», обеспечивающие эффективное функционирование демократических институтов (Lasswell 1958b; Sniderman 1975; Putnam 1993; Gibson 1997; Inglehart 1997; Pettgrew 1998; Dalton 2000; Newton 2001; Norris 2002). Кроме того, Экштейн и его соавторы утверждают, что демократический строй обретает стабильность лишь в том случае, если для людей демократические нормы стали «своими», если они следуют им в повседневной практике (Eckstein 1966; Eckstein et al. 1996; см. также Nevitte 1996; обзор литературы на эту тему см.: Sullivan, Transue 1999)⁶.

---

⁶ Основоположниками концепции политической культуры можно считать Монтескье (Montesquieu [1748] 1989) и Аристотеля: и тот и другой утверждали, что существующие в обществе институты отражают конкретные «добродетели», преобладающие у его членов. Токвиль в своей книге об американской демократии на ранних этапах ее развития пришел к аналогичному выводу: в деятельности существующих в США институтов отражается «гражданский дух» американского народа (Tocqueville [1837] 1994). Намного раньше эту идею выдвинули Геродот и Фукидид, говоря о культурных различиях между греками и персами, а также между афинянами и спартанцами: они отмечали, что характеристики политических систем у этих народов связаны с различием в том, что они считают добродетелями. Таким образом, вывод о том, что политический строй отражает преобладающие в обществе ценности,

Главный тезис «политико-культурной» научной школы заключается в том, что политические институты и массовые ценности должны носить взаимно согласующийся характер — только в этом случае соответствующий режим будет стабилен и эффективен. Таким образом, авторитарный режим вряд ли будет эффективно функционировать, если он подвергается серьезному давлению со стороны общественных сил, выступающих за институционализацию независимости, свободы выбора и самовыражения людей. Граждане, высоко ценящие самовыражение, как правило, не поддерживают режимы, ограничивающие свободу в этой сфере и вынуждающие их нести издержки, связанные с «подавлением стремлений» (Kuran 1991), которые начинают расти, если общественность все больше делает акцент на ценностях самовыражения. Рост издержек, связанных с подавлением стремлений, все больше снижает эффективность авторитарного режима, порождая конфликты внутри элит, усиление диссидентских и антиправительственных движений (см.: Welzel 1999: 105–113; Paxton 2002: 256–257). Аналогичным образом, либеральная демократия вряд ли сможет утвердиться или действовать эффективно, если она существует в рамках культуры с преобладанием ценностей выживания, где свобода человека имеет второстепенное значение по сравнению с соответствием социальным нормам и подчинением государственной власти. В такой ситуации харизматический лидер может без труда нагнетать в обществе ощущение нависшей над страной угрозы, создавать благоприятные условия для давления социальных групп на индивидов и обеспечивать согласие населения с авторитарной по своему характеру властью — вплоть до поддержки людьми отмены их собственных гражданских прав.

Данные, представленные на рисунках 7.1 и 7.2, похоже, подтверждают эти предположения: степень наличия формальной демократии и тем более уровень ее эффективности во многом зависят от того, насколько сильно в обществе распространены ценности самовыражения. Если быть совсем точным, то в рамках выборки, состоящей из 73 стран, охваченных второй–четвертой «волнами» Values Survey, межстрановые различия по шкале ценностей самовыражения объясняют 52% дисперсии по шкале формальной демо-

---

считается общепризнанным с момента зарождения политических наук; его актуальность признают и современные политологи, например Алмонд и Верба, проводившие на основе этого тезиса эмпирические исследования (Almond, Verba 1963). Тот факт, что этот тезис прошел проверку временем, говорит о том, что он отражает реально существующую закономерность.

кратии и 80% дисперсии по шкале эффективной демократии. С учетом хронологической разницы между используемыми переменными — уровень ценностей самовыражения измерялся *раньше* (разница составила от двух до 12 лет), чем оба аспекта демократии, — любому, кто интерпретирует эту связь как определяющее влияние демократии на ценности, понадобились бы очень убедительные дополнительные данные, чтобы подкрепить свой тезис.

Попробуем в свете данных, показанных на рисунках 7.1 и 7.2, представить, какими доводами ученый, полагающий, что демократические институты формируют продемократические ценности, может обосновать свою точку зрения. Один вариант подобной аргументации мог бы выглядеть так: эти две цифры выведены без учета того факта, что сами ценности самовыражения формировались под определяющим воздействием предшествующего развития демократии. Поэтому их кажущееся влияние на последующую динамику демократизации отражает лишь хронологическую корреляцию демократии с самой собой. Соответственно, введя поправку на предшествующее развитие демократии, мы увидим, что воздействие ценностей самовыражения на последующие демократические процессы сводится к нулю (как мы покажем в следующей главе, на самом деле этого не происходит).

В главе 8 мы проверяем эту и иные альтернативные интерпретации с помощью количественных методов анализа. В настоящей же главе мы приводим субстантивные аргументы относительно того, почему причинно-следственная связь по линии «ценности — демократия» представляется более правдоподобной, чем по линии «демократия — ценности».

Один из вариантов объяснения прочной связи между массовыми ценностями самовыражения и демократическими институтами основан на предположении о том, что продемократические ценности *обуславливаются* наличием демократии, возникают за счет «привыкания» или «институционального обучения» жизни в рамках демократической институциональной системы (Rustow 1970; Muller, Seligson 1994; Jackman, Miller 1998). Другими словами, благодаря демократии люди обретают толерантность, доверие к другим, счастье и постматериалистические стремления к гражданской и политической свободе. Подобное истолкование выглядит привлекательно: оно предполагает наличие универсального рецепта для решения большинства мировых проблем — примите демократическую конституцию и живите счастливо.

К сожалению, опыт большинства стран бывшего СССР не подтверждает эту точку зрения. Со времен драматического перехода к демократии в 1991 году люди в большинстве этих государств не стали больше доверять друг другу, не стали более толерантными и счастливыми, не стали большими постматериалистами (Inglehart, Baker 2000). Как показывают рисунки 7.1 и 7.2, Россия и восточная группа посткоммунистических стран (Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Грузия, Македония, Молдова, Румыния, Сербия-Черногория и Украина) в рейтинге ценностей самовыражения расположены даже ниже тех исламских стран, по которым у нас имеются данные, и намного ниже наиболее передовых мусульманских государств — Турции и Ирана. Это не относится ко всем посткоммунистическим государствам вообще: некоторые страны из западной группы посткоммунистических обществ (особенно Восточная Германия, Чешская Республика, Словакия, Хорватия и Словения) демонстрируют сравнительно сильный акцент на ценностях самовыражения — он даже несколько сильнее, чем у таких стран, как Португалия, где переход к демократии произошел намного раньше. Все это процветающие общества, где посткоммунистический переходный период происходил относительно гладко. Однако буквально все государства, образовавшиеся на месте бывшего СССР, демонстрируют более низкий уровень приверженности ценностям самовыражения, чем большинство исламских стран, — несмотря на то что там существуют демократические институты, отсутствующие во всех мусульманских государствах, кроме Турции. Судя по всему, укоренение демократии куда больше зависит от ценностей самовыражения, чем от простой привычки к жизни при демократических институтах. Хотя степень присутствия продемократической культуры в разных странах сильно различается, ни одна культурная зона, похоже, не избегает тенденций к демократизации. Несмотря на наличие «азиатских ценностей» или исламского культурного наследия, возникновение постиндустриального общества ведет к усилению акцента на самовыражении, что, в свою очередь, побуждает массы активнее требовать установления демократии.

Даже наилучшим образом сконструированным институтам необходима совместимость с преобладающей в обществе культурой. Институты не могут должным образом функционировать, пока общественность не будет рассматривать соответствующие им нормы как свои собственные. Особенно это относится к демокра-

тическим институтам, которые зависят от одобрения и поддержки масс. Кстати, в одной из самых эффективных и стабильных демократий мира — Великобритании — конституции вообще нет, и демократические институты там существуют *только* в виде неформальной системы норм. Если бы вам пришлось выбирать между демократической конституцией, превосходно составленной, но не пользующейся массовой поддержкой, и набором демократических норм, никогда не кодифицировавшихся в виде закона, но глубоко усвоенных людьми, очевидно, что второй вариант для вас был бы предпочтительнее. Если институциональные нормы противоречат преобладающим в обществе ценностям, практика резко отличается от требований этих норм, лишая их связи с реальностью. В этом состоит один из самых фундаментальных выводов «политико-культурной» научной школы: правильные конституционные установления далеко не гарантируют эффективного функционирования демократии.

Наглядные контрасты

Тенденция сочетания демократии с высоким уровнем социально-экономического развития — одна из наиболее статистически подтвержденных теоретических «связок» в общественных науках (см.: Lipset 1959a; Diamond 1992; Voix, Stokes 2003). Тем не менее ряд критиков модернизационной теории утверждает, что этот тезис не выдерживает проверки фактами, так как в качестве своего обоснования указывает на примеры, не укладывающиеся в его рамки: так, часто отмечается, что в Индии существует демократия, хотя эта страна отличается низким уровнем среднедушевых доходов, и, напротив, в ряде богатых государств — в частности, Сингапуре и странах — экспортерах нефти — демократического строя нет. Однако более тщательный анализ этих «исключений» показывает, что они не противоречат теории модернизации.

Сторонники модернизационной концепции рассматривают социально-экономическое развитие как комплексный синдром изменений в условиях жизни людей, связанных с сокращением масштабов бедности, ростом уровня образования и диверсификацией социальных отношений — все эти явления усиливают самостоятельность людей в повседневной жизни. Страны — экспортеры нефти разбогатели за счет присвоения ренты: там богатства в основном сосредоточены в руках правящей элиты. Этот процесс не связан с модернизацией и не приводит к росту самостоятельности

людей в вопросах, определяющих их жизненный путь. Поскольку преобладающее влияние на ситуацию в этих обществах оказывают нефтяные доходы, усиления самостоятельности основной массы населения там не происходит — наоборот, люди зависят от контролируемых государством нефтяных компаний-монополистов. Поэтому эмансипационные эффекты модернизации в странах —экспортёрах нефти почти отсутствуют, и их воздействие в сторону утверждения эмансипационных ценностных ориентаций и демократизации институтов ощущается весьма слабо — в полном соответствии с тем, что говорит теория модернизации.

Сингапур на первый взгляд представляется отклонением от нормы в другую сторону. В течение 40 лет он демонстрирует самые высокие в мире темпы экономического роста и перешел из категории бедных государств в категорию стран с высоким душевым ВВП. В отличие от стран — экспортёров нефти в Сингапуре модернизация действительно *имеет место*. В краткосрочной перспективе его впечатляющие экономические достижения способствовали легитимации ограничений в сфере политической конкуренции. Однако в долгосрочном плане они способствуют формированию социальной инфраструктуры, которая со временем обязательно породит рост требований демократизации. В настоящее время по классификации Freedom House Сингапур входит в категорию «частично свободных» стран. Мы прогнозируем, что в течение десяти лет с момента выхода этой книги там произойдет переход к полномасштабной демократии.

Что же касается Индии, то в этой стране демократические институты действительно чрезвычайно сильны для ее уровня социально-экономического развития; существует много научных трудов, авторы которых стараются объяснить, почему она представляет собой столь явное исключение из правил. Среди 64 государств, которые Всемирный банк определяет как «страны с низким душевым ВВП», Freedom House лишь два — включая Индию — относит к категории «свободных»; и напротив, из 51 высокодоходной страны в число «свободных» попали почти все. Пример с Индией иллюстрирует тот факт, что, хотя формальная демократия с гораздо большей вероятностью возникает на высоком уровне экономического развития, эта связь носит вероятностный, а не детерминированный характер. Кроме того, хотя Индия, будучи бедной страной с недееспособной демократической конституцией, действительно представляет собой ярко выраженное исключение из правил, есть основания

сомневаться в том, что там существует подлинно либеральная демократия, где лидеры позволяют людям эффективно реализовывать на практике гражданские и политические права, которыми теоретически их наделяет конституция (см.: Heller 2000). На деле показатель Индии по шкале эффективной демократии примерно соответствует уровню ее социально-экономического развития и степени распространения ценностей самовыражения среди ее граждан (см. рис. 7.2).

Порой для опровержения модернизационного тезиса приводится довод о том, что демократия не смогла укорениться в Германии периода Веймарской республики — хотя она и являлась высокоразвитой страной. Но этот аргумент не относится к существу дела. В результате гиперинфляции начала 1920-х годов и Великой депрессии в начале 1930-х в Германии разразилась экономическая катастрофа, куда более жестокая, чем в любой другой стране мира (Vermeil 1956: 120; James 1986: 311–328). В то время высокая безработица существовала и в США, однако в Германии в пересчете на численность населения она была в два раза больше; к тому же ее воздействие усугублялось предшествовавшей гиперинфляцией, обесценившей сбережения почти всего среднего класса. Причиной краха демократии в Веймарской республике, таким образом, стало не экономическое процветание, а экономический коллапс (James 1986: 45–48; Lieberman 1998: 184–194).

При наличии серьезных критических угроз продемократические ценности, акцентирующие самовыражение, укорениться не способны. Жизненная незащищенность ведет к распространению ценностей выживания, побуждая людей искать защиты, надеясь на сильных лидеров, жесткость власти и групповую дисциплину. Это увеличивает популярность харизматичных экстремистов, обыгрывающих возникающее у людей ощущение тревоги и угрозы, якобы исходящей от внутренних и внешних врагов. Веймарская Германия унаследовала от существовавшего до Первой мировой войны милитаризованного общества с преобладанием «прусского духа» авторитарную политическую культуру. Если бы страна достигла благополучного и устойчивого экономического положения, это, вероятно, способствовало бы формированию ощущения жизненной защищенности и независимости — предпосылок распространения ценностей, благоприятствующих демократии, — но, к сожалению, события развивались по прямо противоположному сценарию. Неоднократные экономические кризисы усиливали

традиционную авторитарную культуру Германии, препятствуя возникновению эмансипационных ценностей (Conradt 1980; Dalton 1988: 3–6). Соответственно, Веймарская республика стала «демократией без демократов» (Bracher [1955] 1971).

Культурные модели могут измениться, о чем свидетельствуют противоположные результаты двух попыток установления демократии в Германии — после Первой и после Второй мировой войны. В Веймарской Германии эксперимент с демократией потерпел неудачу не просто потому, что ее институты были плохо сконструированы. Введение после Второй мировой войны пятипроцентного барьера для прохождения партий в парламент и ослабление полномочий президента представляли собой разумные новшества, но не эти и другие конституционные факторы предопределили крушение Веймарской республики и успешное построение стабильной демократической системы в ФРГ. Если бы Веймарская республика, подобно Боннской, пережила «экономическое чудо», Гитлер никогда бы не пришел к власти: даже короткий период относительного благополучия во второй половине 1920-х практически лишил нацистскую партию шансов победить на выборах, и лишь из-за Великой депрессии она вновь превратилась в мощную политическую силу. И напротив, если бы ФРГ прошла через Великую депрессию, в стране вряд ли произошел бы тот постепенный, но неуклонный межпоколенческий сдвиг в сторону демократической политической культуры, который зафиксирован в научной литературе (Boynnton, Loewenberg 1973; Baker et al. 1981). Эмпирические данные позволяют предположить: чтобы в обществе возникло ощущение жизненной защищенности и независимости, на основе которого формируются ценности самовыражения, необходим длительный период экономического благополучия. К сожалению, в период Веймарской республики события развивались совершенно иначе, что дало экстремистски настроенным лидерам возможность нагнетать ксенофобские и антидемократические настроения, способствовавшие захвату власти Гитлером в 1933 году.

Аналогичным образом, успех демократии в послевоенной Германии был обусловлен не только тем, что ее конституция была удачно составлена. Сами стартовые условия для ФРГ сложились лучше: нацистский режим привел страну к полной катастрофе, дискредитировавшей идеи фашизма, а ужасающие результаты, которыми обернулось утверждение социализма советского образца в Восточ-

ной Германии, способствовали дискредитации и второй основной авторитарной альтернативы демократии. Впрочем, этого было недостаточно для возникновения эмансипационных ценностей, обуславливающих поддержку демократии по внутреннему убеждению. Напротив, поначалу в ФРГ сохранялась та же антидемократическая политическая культура, что была характерна для Веймарской республики (см.: Almond, Verba 1963; Konradt 1980; Dalton 1988: 8). Главным фактором, необходимым для трансформации этой авторитарной культуры в демократическую, был длительный период экономического процветания, породивший у людей чувство жизненной защищенности и стремление к независимости. Контраст здесь просто поразителен: в Веймарской Германии постоянные экономические неурядицы препятствовали внедрению демократической культуры; в ФРГ же устойчивый экономический рост создал условия для демократической трансформации.

Если сравнивать веймарский и боннский периоды, мы увидим, что различия между ними с точки зрения условий существования людей носят намного более фундаментальный характер, чем различия в деталях конституционного устройства. В свое время конституция Веймарской республики считалась образцовой. Если бы она действовала в послевоенной Германии, демократия там все равно утвердилась бы, а в Веймарской республике — скорее всего, рухнула бы и в том случае, если бы там действовала конституция ФРГ.

Эти противоположные примеры служат иллюстрацией последовательности процесса: ограничения, связанные с условиями существования людей, порождают культуру социального контроля и конформизма в гражданской сфере с преобладающей ролью ценностей выживания. Подобная ситуация не исключает возникновения либеральной демократии, в чем мы убедились на примере Индии, но сильно снижает его вероятность. Люди, поглощенные заботами о физическом выживании, придают меньшее значение эмансипации личности, а потому с большей готовностью принимают — а порой и требуют — ограничения политических и гражданских свобод, составляющих суть демократии. И напротив, социально-экономическое развитие ослабляет такого рода ограничения независимости людей, увеличивая объем их экономических, когнитивных и социальных ресурсов. Проявлением этого становится «культура самовыражения», в рамках которой демократия воспринимается как форма правления, наиболее подходящая для максимального усиления свободы выбора.

Интересные данные о влиянии культурных факторов на демократические институты представил Патнэм (Putnam 1993). В Северной и Южной Италии существуют одни и те же политические институты, однако на Севере они работают намного эффективнее, чем на Юге, — поскольку на урбанизированном промышленном Севере гражданственная культура укоренилась глубже. Основоположники социологии — такие, как Эмиль Дюркгейм (Durkheim [1893] 1988), Фердинанд Тённис (Tönnies [1887] 1955) и Георг Зиммель (Simmel [1908] 1984), — указывали, что в основанных на рыночной экономике городских сообществах происходит диверсификация транзакций между людьми, расширение круга общения за пределы родни, а контрактные отношения преобладают над клиентелистскими (см. также: Granovetter 1973; Coleman 1990). Контрактные отношения носят в основном горизонтальный характер. Они пересекают вертикальные связи по линии «патрон — клиента» и «наводят мосты» между социальными группами; ослабляют конформистское давление тесно спаянных групп на индивида, снижают его зависимость от внешней власти и тем самым сокращают социальные ограничения независимости и свободы выбора. Эти тенденции, в свою очередь, приводят к росту самооценки индивида, доверия между людьми и формированию других гражданственных качеств, способствующих утверждению демократии (Dahl 1973: 33–47). Такие характеристики горизонтального общества с преобладанием среднего класса связаны с ресурсами более общего характера: совместно они порождают «наводящий мосты» социальный капитал, основанный на ценностях самовыражения.

Наоборот, в Южной Италии не было среднего класса, ориентированного на рыночные отношения. Даже сегодня этот регион сохраняет многие черты общества с преобладанием иерархических отношений «патрон — клиент» и клановыми структурами мафиозного типа. Наличие этих структур связано с дефицитом ресурсов, накладывающим жесткие ограничения на личную независимость и подталкивающим людей к созданию тесно переплетенных сетей взаимоотношений, удерживающих свою целостность с помощью строгой групповой дисциплины и управляемых с помощью жестких моделей власти. Как доказывает Бэнфилд, функционирование подобных вертикально организованных обществ подрывает в людях гражданственные качества и порождает «аморальную семейственность» (Banfield 1958). Экзистенциальные ограничения личной независимости проявляются в акценте на конформистских

ценностях выживания. Жизненная незащищенность подпитывает ощущение угрозы, обращившись «закрытостью» сознания людей, нетерпимостью и недоверием к аутсайдерам (Rokeach 1960); в таких условиях люди отдают предпочтение порядку, дисциплине и сильной власти (см.: Lerner 1958; Inkeles and Smith 1974).

Региональные органы власти, созданные после реформы 1970-х годов, намного эффективнее действовали на севере Италии, чем на юге. Этот контраст, очевидно, не может быть проявлением институциональных различий: ведь по всей стране одновременно были учреждены одинаковые институциональные структуры. Столь несходные результаты деятельности этих институтов отражают региональные культурные различия, которые можно связать с неодинаковым уровнем ограничения личной независимости, что, в свою очередь, вызвано разными социально-экономическими условиями.

Подобная интерпретация в определенной степени наличествовала и в более ранних версиях теории модернизации. Когда Лернер, Липсет, Даль и Хантингтон пытаются объяснить, почему экономическое развитие способствует установлению демократического строя, каждый из них упоминает о роли массовых ценностей: социально-экономическое развитие ведет к демократии потому, что оно придает массовым ценностям характер, менее совместимый с авторитаризмом и более подходящий для демократии (Lerner 1958; Lipset 1959a; Dahl 1973: 79; Huntington 1991: 69). Однако ни один из этих авторов не стал развивать подобную аргументацию, поскольку в то время, когда они создавали свои труды, еще не существовало данных опросов, позволяющих проверить эту гипотезу. Тем не менее сам по себе этот аргумент настолько логичен, что излагался неоднократно.

Очевидно, богатство само по себе не создает демократию. В противном случае Кувейт давно уже был бы демократической страной. Для этого необходим некий промежуточный механизм, например изменения в культурной сфере. Логика такой аргументации заключается в следующем: когда у людей отпадает необходимость бороться за само существование, они становятся более самостоятельными в экономическом, когнитивном и социальном плане. Это усиливает у людей ощущение собственной независимости, побуждая их придавать все большее значение свободе выбора, а в конечном итоге — требовать гражданских и политических свобод, составляющих основу демократии, даже если опыта жизни при демократическом строе у них нет. Социально-экономическое развитие расширяет спектр действий, которые потенциально могут

предпринять люди, и повышает приоритетность ценностей самовыражения. В результате распространения этих ценностей существующие в обществе институты подвергаются все большему давлению в направлении обеспечения свободы выбора, что подрывает легитимность авторитарных режимов.

Связь между социально-экономическим развитием, распространением ценностей самовыражения и утверждением гражданских и политических свобод можно наблюдать на индивидуальном уровне. Социологические исследования неоднократно демонстрировали, что люди с более высоким уровнем доходов и образования с наибольшей вероятностью проявляют приверженность самовыражению в политической сфере и наиболее склонны к реализации своих прав на практике за счет участия в политических процессах (Inglehart 1977; Verba, Nie, Kim 1978; Barnes, Kaase et al. 1979; Brint 1984; Scarbrough 1995; Nevitte 1996; Dalton 2001; Norris 2002). Как отмечают Верба с соавторами, «во всех странах люди, как правило, „конвертируют“ социально-экономические ресурсы в участие в политической жизни» (Verba et al. 1978: 73). Эта связь между социально-экономическими ресурсами, ценностями самовыражения и практическим воплощением демократических свобод присутствует не только на уровне отдельных индивидов. Как видно из таблиц 7.1 и 7.2, она существует и в масштабе общества в целом: в странах, где люди обладают большим объемом социально-экономических ресурсов, ценности самовыражения распространены сильнее, чем в обществах, где у людей таких ресурсов меньше. А в обществах, где ценности самовыражения получили большее распространение, гражданские и политические свободы институционализированы сильнее и пользуются подлинным уважением со стороны элит. Рост значения ценностей самовыражения означает сдвиг в сфере легитимности от авторитарных режимов к демократическим, поскольку только демократический строй обеспечивает ту свободу, которой требуют эти ценности. Таким образом, сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения создает благоприятные условия для развития демократии.

Узость подходов, сосредоточенных на элитах и институтах

Связь между социально-экономическим развитием, распространением ценностей самовыражения и формированием демократических институтов носит фундаментальный характер. Без учета этой

связи понять механизм возникновения и укрепления демократии невозможно. Однако многие ученые, исследующие «третью волну» демократизации, не только игнорируют эту связь, но и настаивают, что возникновение демократического строя не имеет отношения к воздействию социальных сил общего характера, таких как социально-экономическое развитие и распространение ценностей самовыражения. Эту тенденцию можно проиллюстрировать цитатой из работы Карла и Шмиттера: «Поиски причин развития демократии в сфере вероятностных связей с экономическими, социальными, культурными, психологическими и международными факторами пока не выявили некоего общего „закона демократизации“, и вряд ли это произойдет в ближайшем будущем, несмотря на то что в последнее время стран, где установился демократический строй, стало намного больше» (Karl, Schmitter 1991: 270). Как мы продемонстрируем в следующей главе, это утверждение абсолютно неверно. Сторонники такой точки зрения и других подобных концепций заявляют, что им удалось преодолеть рамки социального детерминизма, проявлением которого они считают теорию модернизации (см.: O'Donnell and Schmitter 1986; DiPalma 1990; Marks 1992; Przeworski 1992; Casper, Taylor 1996), однако вместо нее они предлагают нечто столь же сомнительное — «элитоцентричный» или «институционально-центричный» детерминизм (критическую оценку этих концепций см.: Foweraker, Landman 1997; Gasiorowski, Power 1998).

Согласно элитоцентричной детерминистской концепции возникновение и сохранение политических институтов предопределяется действиями элит и особенно их решениями в институциональной сфере: «Если основоположниками демократии считаются... политические лидеры, то от них же в дальнейшем, после первоначального прорыва, зависит, сохранится она или будет подорвана» (Bunce 2000: 709). Согласно этому тезису, люди, находящиеся у власти, ни в коей мере не зависят от ценностей и взглядов населения, которым они правят (см.: Higley, Burton 1989; Higley, Gunther 1992), а значит, массы никак не влияют на поведение элит. Таким образом, из этой концепции следует парадоксальный вывод, что в условиях демократии предпочтения масс фактически не имеют значения — хотя сама сущность демократии состоит в том, что дело обстоит *ровно наоборот*. Аналогичным образом, институционально-центричные детерминистские концепции сводятся к тому, что успех или провал демократии зависит не от социальных сил, а от создания соответствующей институциональной инфраструктуры (см.: Main-

waring, O'Donnell, Valenzuela 1992; Linz, Valenzuela 1994; Lijphart, Waisman 1996). Подобные элитистские и институционалистские теории трактуют формирование эффективной демократии как вопрос внедрения «просвещенными» элитами «правильных» институциональных решений. Обычным людям же отводится роль пассивного наблюдателя.

Сторонники подобного подхода считают, что наличие дееспособных демократических институтов является предпосылкой возникновения культуры, способствующей демократии, а не его результатом (Muller, Seligson 1994; Jackman, Miller 1998; Seligson 2000). Растоу, к примеру, утверждает, что гражданственная культура, подкрепляющая демократию, не может возникнуть в недемократическом обществе: формирование массовой демократической культуры происходит в результате «привычки» к жизни в условиях уже установленных демократических институтов (Rustow 1970). «Привычка» же появляется лишь в том случае, если существуют соответствующие институциональные основы, благодаря которым выборы, формирование правительства и законотворческая деятельность осуществляются без сбоев. Тогда люди начинают ценить эти институты и усваивают воплощенные в них нормы: таким образом, эффективность демократии в первую очередь зависит от институциональной инфраструктуры.

Аналогичным образом, Джекман и Миллер (Jackman, Miller 1998: 53–57), критикуя работы Патнэма (Putnam 1993) и Инглхарта (Inglehart 1997), утверждают, что продемократическая гражданственная культура «обуславливается» наличием функционирующих демократических институтов: именно они порождают массовую культуру, поддерживающую демократию. Экономическое развитие, утверждают они, возможно, и способствует возникновению продемократических ценностей — но лишь в том случае, если демократические институты уже существуют. В соответствии с этой аргументацией, массовые ценности, поддерживающие демократию, могут появиться лишь в обществе, в котором имеются демократические институты: возможность возникновения демократических ценностей в условиях авторитарной системы исключается.

Ошибочность подобного тезиса очевидна. События новой и новейшей истории свидетельствуют о том, что требования политического самовыражения, представительства и избирательных прав возникли раньше, чем утвердилась демократия в ее современном понимании, — и утвердилась она в результате роста социально-

экономических ресурсов, придавшего людям большую независимость в экономическом, когнитивном и социальном плане (Markoff 1996). Массовая поддержка демократии связана не с тем, что демократия уже существует, — напротив, демократия *возникает благодаря* такой поддержке. Происхождение демократии связано с сопротивлением общества автократии (Finer 1999). Народное представительство и избирательные права родились в ходе либеральных революций XVII–XVIII столетий. Во главе этих революций стояли самостоятельные социальные группы — свободные фермеры и торговцы, связанный с коммерческой деятельностью средний класс. Этими группами двигали эмансипационные ценности, согласно которым их личная независимость должна обеспечиваться «естественными» правами — правами, которые необходимо отстаивать от попыток центральных властей облагать подданных налогами без их согласия: «Нет налогам без представительства!» — под таким лозунгом прошло Бостонское чаепитие в 1773 году (см.: Downing 1992; Tilly 1997).

Более того, как мы увидим в следующей главе, межпоколенческий сдвиг в сторону массовой приверженности ценностям самовыражения произошел в ряде стран с авторитарными режимами — от Польши до Тайваня — и породил требования их демократизации *до того*, как там были учреждены демократические институты. И появление современной концепции демократии, и ее распространение в недавнем прошлом имеют эмансипационные корни, связанные с либеральными революциями XVIII века и освободительными движениями «третьей волны» (Markoff 1996). Сама сущность демократии заключается в том, что она отражает волю народа, а не просто решения конституционного характера, принимаемые просвещенными элитами (Foweraker, Landman 1997). В истории процесс демократизации был успешен в основном в тех случаях, когда был поддержан массовыми освободительными движениями и кампаниями борьбы за свободу. Демократизация привлекает простых людей тем, что наделяет их гражданскими и политическими свободами. Эта цель особенно важна для тех, кем движут эмансипационные ценности, ставящие во главу угла самовыражение личности. Что же касается самих этих ценностей, то они возникают естественным путем в результате того, что ослабление ограничений, связанных с необходимостью бороться за выживание, формирует у людей ощущение личной независимости. Этот процесс может происходить и происходит даже в рамках авторитарной системы. И он побуждает

людей по внутреннему убеждению поддерживать идею демократии, даже если они не имеют практического опыта жизни в условиях демократического строя.

В некоторых случаях демократические институты устанавливались не благодаря модернизации, а в результате войн. В Веймарской республике, а также послевоенной Германии, Италии и Японии демократические институты создавались в принудительном порядке оккупационными властями. Тем не менее во всех этих случаях демократия, с которой общество должно было «просто смириться», обрела эффективность только потому, что общество начало поддерживать ее по внутреннему убеждению — благодаря распространению эмансипационных ценностей, ставящих на первое место самовыражение.

Навязывание демократии извне нетипично для «третьей волны» (как не было оно типично для периода изобретения демократии). За исключением событий на Гренаде, в ходе «третьей волны» движущей силой демократизации становились внутренние эмансипационные тенденции общества. Как мы продемонстрируем, импульс этим эмансипационным силам дали массовые ценности самовыражения. Это позволяет сформулировать две гипотезы. Согласно первой, распространение ценностей самовыражения способствует утверждению демократии, если переход к этому строю обусловлен внутренними факторами, а не навязан извне. Согласно второй гипотезе, независимо от того, каким образом произошло установление демократической системы, распространение ценностей самовыражения необходимо для того, чтобы вновь созданные демократические институты обрели подлинную эффективность. Формальную демократию можно навязать извне, даже если эти ценности слабы (хотя вероятность успеха в данном случае невелика); однако, как мы покажем ниже, без массового распространения ценностей самовыражения она практически ни при каких обстоятельствах не обретет подлинной эффективности.

Основные «волны» демократизации становятся результатом действия мощных механизмов распространения демократического строя за пределы национальных границ (Huntington 1991). Это с особой очевидностью проявилось в ходе «третьей волны» 1980–1990-х годов, когда демократия побеждала в одной стране за другой — в Латинской Америке, Восточной Азии, Восточной Европе (Starr 1991; Diamond 1993a). Распространению демократии в последние годы, несомненно, способствовал тот факт, что ее успешно

действовавшая модель уже существовала и людям незачем было изобретать ее заново. Однако этот процесс не происходил равномерно во всех регионах планеты. Некоторые общества оказались намного более восприимчивы к демократическим веяниям, чем другие, причем это зависело в основном от внутренних факторов, в частности наличия социальных сил, придававших большое значение самовыражению. Почти во всех государствах с высоким душевым доходом (за исключением стран — экспортеров нефти) демократический строй к 1989 году уже существовал, поэтому пополнение рядов демократий в последующие годы происходило за счет обществ, для которых характерен средний уровень душевого ВВП по классификации Всемирного банка. Среди новых демократий почти нет стран с низким душевым ВВП (даже если считать Монголию и Непал демократическими государствами). Аналогичным образом, на пространстве бывшей Югославии Словения приняла демократические институты раньше и последовательнее, чем Хорватия, а последняя, в свою очередь, — раньше и в большей степени, чем Сербия. В этом отразился различный уровень экономического развития трех республик и их разная восприимчивость к демократии. Как мы продемонстрируем, прочность ценностей самовыражения играет важную роль в формировании восприимчивости того или иного общества к демократии.

Модернизация и смена режимов

Тезис о том, что социально-экономическое развитие ведет к утверждению демократии, представляет собой один из традиционных элементов теории модернизации: «Чем зажиточнее страна, тем больше шансов, что демократия там упрочится» (Lipset 1959a: 32). Пока что, однако, исследования количественного характера, посвященные воздействию социально-экономического развития на *переход* к демократии, весьма немногочисленны (см.: Hannan, Carroll 1981; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Muller, Seligson 1994; Inglehart 1997, гл. 6; Przeworski, Limongi 1997; Welzel, Inglehart 2001; Welzel 2002). В большинстве количественных исследований анализируется уровень развития демократии или период существования демократического строя в той или иной стране⁷. Подобные аналитические методики

---

⁷ Среди вышедших в последние годы работ следует назвать Arat 1991; Hadenius 1992; Helliwell 1993; Lipset et al. 1993; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Barro 1997; Vanhanen 1997; Gasiorowski, Power 1998; Boix, Stokes 2003.

не дают ответа на вопрос, способствует ли социально-экономическое развитие лишь сохранению уже существующего демократического строя или еще и его утверждению.

Учитывая это различие, Пшеворский и Лимонджи сосредотачивают внимание на процессе возникновения демократии (Przeworski, Limongi 1997). Используя общемировую выборку, они разделили существующие в различных странах политические режимы на демократические и авторитарные, а затем выявили все случаи перехода от авторитаризма к демократии за период с 1950 по 1990 год. Главный вывод авторов заключается в том, что социально-экономическое развитие, возможно, способствует сохранению существующего демократического строя, но не влияет на само установление демократии (см.: Przeworski, Limongi 1997: 176–177). Ученые утверждают, что этот результат опровергает теорию модернизации и подтверждает «элитоцентричную» концепцию О’Доннелла и Шмиттера (O’Donnell, Schmitter 1986), согласно которой «демократия — результат человеческих действий, а не просто сложившихся условий» (Przeworski, Limongi 1997: 176).

К этому выводу Пшеворский и Лимонджи приходят, сравнивая смены автократических режимов демократическими в странах, относящихся к семи разным категориям по уровню душевого дохода. Они находят, что в странах из категории самых богатых вероятность перехода от авторитаризма к демократии не выше, чем в более бедных государствах (Przeworski, Limongi 1997: 160), и интерпретируют это как опровержение тезиса о том, что социально-экономическое развитие способствует переходу к демократии.

Этот вывод ошибочен. Он не учитывает огромные различия между богатыми и бедными странами по степени стабильности правящих режимов. Ситуация в бедных странах, как правило, намного менее стабильна, чем в богатых, а потому там гораздо чаще происходит смена режимов — в *обоих* направлениях. В бедных странах переход к демократии происходил довольно часто, просто потому, что они нестабильны, но эта тенденция с лихвой компенсируется еще большим количеством случаев обратного перехода — *от* демократии к авторитаризму.

Чтобы прийти к осмысленным выводам по поводу воздействия экономического развития на процесс демократизации, необходимо определить ту степень, в которой смена режимов в одном направлении уравнивается изменениями *противоположного* характера. На деле вопрос следует ставить таким образом: складыва-

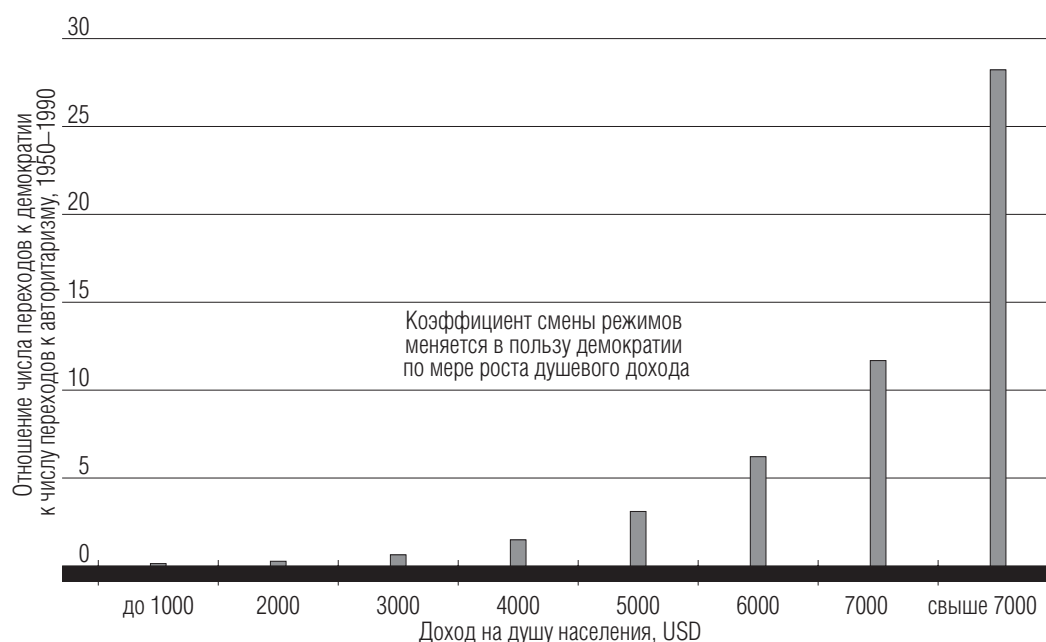

ется ли общий баланс изменений, порожденных экономическим развитием, в пользу демократии? Теория модернизации предусматривает положительный ответ на этот вопрос.

Используя данные самих Пшеворского и Лимонджи (Przeworski, Limongi 1997: 162, табл. 2), мы рассчитали соотношение между изменениями в сторону демократии и в сторону автократии, разделив общее число изменений в первом направлении на общее число изменений во втором. Чем выше этот коэффициент, тем в большей степени изменения в пользу демократии перевешивают сдвиги в сторону авторитаризма. Мы рассчитали этот коэффициент для всех семи категорий по уровню доходов населения, на которые разделили страны мира Пшеворский и Лимонджи. Результаты нашего анализа прямо противоположны выводам, сделанным этими двумя учеными.

Из рисунка 7.3 явствует, что баланс смены режимов существенно и неизменно смещается в сторону демократии по мере возрастания уровня доходов населения. В странах, где душевой доход составляет менее 1000 долларов, смена режима в сторону авторитаризма происходит в 10 раз чаще, чем в сторону демократии. Однако в государствах, где душевой ВВП превышает 7000 долларов, демократизация происходит в 28 раз чаще, чем поворот к автократии. При возрастании душевых доходов на каждую тысячу

Рисунок 7.3. БАЛАНС СМЕНЫ РЕЖИМОВ В ОБОИХ НАПРАВЛЕНИЯХ В СООТВЕТСТВИИ С ДУШЕВЫМИ ДОХОДАМИ (ПО ВОЗРАСТАНИЮ)

долларов коэффициент смены режимов увеличивается в пользу демократии вдвое. Таким образом, по мере повышения уровня доходов людей «отбор» форм правления все больше благоприятствует демократии.

При учете баланса смены режимов вывод Пшеворского и Лимонджи меняется на прямо противоположный: социально-экономическое развитие способствует утверждению демократии — и самым существенным образом. Оно представляет собой эволюционный механизм, влияющий на процесс смены режима и серьезно корректирующий его в пользу демократии. Используя иную методику, Буа и Стоукс также убедительно опровергают тезис Пшеворского и Лимонджи (Voix, Stokes 2003). Процесс демократизации отражает состояние общества, а не просто выбор, сделанный элитами. Как отмечает Геддес, «Пшеворский и Лимонджи преподносят свои результаты как ревизию теории модернизации, но лично мне они представляются ее подтверждением с ревизионистских позиций — более того, самым убедительным на сегодняшний день подтверждением на эмпирической основе» (Geddes 1999: 117).

Пределы социально-экономической модернизации

Как мы отмечали выше, социально-экономическое развитие — лишь один из элементов процесса. Материальное благосостояние не ведет автоматически к установлению в стране демократического строя; в противном случае «образцовыми демократиями» стали бы государства — экспортеры нефти (см.: Ross M. 2001). Мы утверждаем нечто иное: воздействие социально-экономического развития на ситуацию с демократией происходит прежде всего за счет того, что оно порождает изменения культурного порядка, приводящие к усилению акцента на человеческой эмансипации и самовыражении.

Решения, принимаемые элитами, и события международного масштаба, например окончание холодной войны, несомненно также имеют важное значение: хотя к этому моменту в ряде стран Восточной Европы на общественном уровне уже сложились предпосылки демократизации, эти предпочтения масс не могли быть реализованы, пока существовала угроза военной интервенции со стороны СССР (Huntington 1984). Однако, как только эта опасность была снята, внутренние социальные факторы, прежде, казалось, неспособные оказать влияние на события, —

например, массовые ценности, — вдруг превратились в ключевые элементы при решении вопроса, быть или не быть демократии в этих странах.

Как мы видели (см. табл. 7.1 и 7.2, а также рис. 7.1 и 7.2), социально-экономическое развитие, ценности самовыражения и демократические институты тесно взаимосвязаны друг с другом. Доказательство этого основано на сильной парной корреляции, однако для каузальной интерпретации требуются более убедительные тесты, учитывающие временной порядок причин и следствий и альтернативные объясняющие переменные. Так, Инглхарт продемонстрировал, что между значениями по шкале ценностей самовыражения по состоянию на 1989–1991 годы и количеством лет, прожитых той или иной страной при демократическом строе за период с 1920 года, существует сильная корреляция (Inglehart 1997). Он истолковал эту связь как причинно-следственные отношения между ценностями самовыражения и демократическими институтами, утверждая, что межстрановые различия по степени распространенности этих ценностей отличаются относительной устойчивостью во времени, а потому выявленные различия по состоянию на 1990 год, вероятно, дают верное представление о культурных различиях, уже существовавших в период 1920–1990 годов. Однако подкрепить этот важнейший тезис фактами невозможно, поскольку данные соответствующих опросов имеются лишь начиная с 1981 года. Решению этой проблемы мы посвятили следующую главу.

Хотя теория Инглхарта касается прежде всего изменений в сфере культуры, в вышеприведенной аргументации подчеркивается *устойчивость* культуры, что, впрочем, нисколько не противоречит основному тезису. Когда речь идет об эволюционирующих феноменах, таких как культура, устойчивость и изменения, — это две стороны одной медали. Ценностные системы обществ, как мы видели, постепенно меняются, но позиции конкретных стран *по отношению друг к другу* остаются постоянными в течение длительных периодов времени. Культура — инерционное явление, характеризующееся накоплением изменений, происходящим медленно, но неуклонно. Следовательно, стартовая позиция конкретной страны отражается в ее последующем местоположении. Феномены эволюционного характера, такие как культура, как правило демонстрируют подобное *сочетание* изменчивости и устойчивости. Как мы показали в главе 1, большинство стран, включенных в рамки Values

Survey, при всех различиях стартового уровня постепенно продвигались к большему акценту на ценностях самовыражения, кроме тех случаев, когда экономический застой или коллапс способствовал сохранению ценностей выживания. Там же, где имеет место социально-экономическое развитие, преобладают неуклонные культурные изменения. Тем не менее относительный уровень распространения ценностей самовыражения в конкретных странах отличается высокой стабильностью: мы нашли, что по 21 стране, включенной в первую и вторую «волны» опросов в рамках Values Survey, коэффициент корреляции между уровнями этих ценностей в 1981 и 1989–1991 годах составляет $r = 0,89$. Аналогичным образом, коэффициент корреляции между уровнями распространенности ценностей самовыражения в 1989–1991 и 1995–1997 годах, вычисленный по данным опросов в 30 странах, составил $r = 0,94$. Инерция, свойственная процессу изменений культурного порядка, приводит к сохранению межстрановой вариабельности в сфере ценностей, даже несмотря на происходящие перемены.

Заключение

В настоящей главе рассматривались нетипичные случаи, используемые теми, кто пытается опровергнуть тезис о том, что социально-экономическое развитие подпитывает культурные изменения, способствующие утверждению, сохранению и укреплению демократии. При всей важности этих нетипичных случаев, демонстрирующих, что экономическое развитие — не единственный фактор, задействованный в указанном процессе, они ни в коей мере не опровергают того факта, что между развитием и демократией существует весьма сильная вероятностная связь. Аналогичным образом, анализ двух попыток построения демократии в Германии — после Первой и Второй мировых войн — иллюстрирует значение контраста между первым и вторым случаями: экономическая катастрофа привела к гибели демократии в Веймарской республике, а «экономическое чудо» способствовало упрочению демократии в ФРГ.

Первые, ограниченные варианты демократии в ее современном понимании возникли в результате сопротивления граждан абсолютной власти государства в ходе либеральных революций XVII–XVIII столетий. Таким образом, продемократические тенденции культурного характера первоначально возникли в условиях авторитарного правления — что полностью противоречит утвержде-

ниям о том, будто формирование культуры, поддерживающей демократические институты, может произойти лишь при уже существующем демократическом строе. Кроме того, в ходе «третьей волны» широкая массовая поддержка демократизации сложилась также при авторитарных режимах, и массовые акции сыграли важную роль в процессе перехода к демократии.

Нет никаких логических оснований, по которым само наличие демократических институтов должно внушать людям ценности самовыражения — как и конкретного механизма подобного воздействия. Эти ценности отражают акцент на личной независимости, порождаемый благоприятными социально-экономическими условиями. Наличие демократических институтов не всегда обуславливает их распространение (как показывает пример Веймарской республики), и зачастую они формировались внутри авторитарных обществ — как в далеком прошлом, так и в недавней истории. Обнаруженная нами мощная эмпирическая связь между массовыми ценностями самовыражения и демократическими институтами, судя по всему, отражает тот факт, что эти ценности способствуют возникновению демократических институтов — поскольку именно последние обеспечивают людям политические и гражданские свободы, имеющие приоритетное значение в рамках ценностей самовыражения.

Выводы Пшеворского и Лимонджи — хотя многие считают, что они опровергают теорию модернизации, — не выдерживают проверки. Их собственные данные показывают, что баланс между изменениями в пользу авторитаризма и демократии резко смещается в сторону последней по мере роста уровня развития. При «естественном отборе» высокий уровень модернизации обеспечивает демократии все более явное преимущество. Модернизация сама по себе не приводит к утверждению демократии, поскольку представляет собой всего лишь обезличенный процесс, происходящий без участия каких-либо коллективных акторов. Для формирования работающих в пользу демократизации социальных сил и соответствующих коллективных действий необходим некий промежуточный мотивирующий фактор. Этим фактором и являются ценности самовыражения: они мотивируют коллективные действия, направленные на демократизацию (как мы продемонстрируем в главе 9).

Одним словом, мы утверждаем следующее: 1) социально-экономическое развитие создает все более благоприятные условия

существования людей; 2) эти условия, в свою очередь, обеспечивают распространение массовых ценностей самовыражения, придающих приоритетное значение свободе личности и свободе выбора; 3) эти ценности мобилизуют социальные силы, выступающие за установление демократического строя, если он еще не существует, и за сохранение и углубление демократии там, где она уже построена. В следующей главе мы проводим эмпирическую проверку этой гипотезы.

Глава 8 Причинно-следственная связь между демократическими ценностями и демократическими институтами: эмпирический анализ

«Институциональные» объяснения против «культурных»

В предыдущей главе обсуждался вопрос о причинно-следственной связи между массовыми ценностями и демократическими институтами с точки зрения теории человеческого развития. Настоящая глава посвящена эмпирической проверке этой теоретической гипотезы на основе данных о демократических институтах и массовых ценностях по десяткам стран. Сильная связь между массовыми ценностями и демократическими институтами интерпретируется с точки зрения как «институциональной» концепции, так и «культурной» — и с совершенно различными результатами.

Согласно «институциональной» гипотезе, жизнь в условиях наличия демократических институтов приводит к формированию у людей продемократических ценностей. В рамках «культурной» концепции вектор причинно-следственной связи меняется на противоположный — наличие продемократических массовых ценностей ведет к возникновению и упрочению демократических институтов. Можно предположить существование взаимного влияния демократических институтов и демократических массовых ценностей, в этом случае главный вопрос звучит так: в каком из двух направлений это воздействие сильнее? Согласно «институциональному» объяснению, имеющийся демократический опыт общества оказывает мощное воздействие на политическую культуру масс. «Культурное» объяснение, напротив, утверждает, что массовые ценности, существующие в обществе, оказывают более сильное воздействие на последующее развитие демократии.

В предыдущей главе излагались некоторые теоретические основания, по которым «культурное» объяснение взаимосвязи между массовыми ценностями и демократией следует считать более правдоподобным, чем «институциональное». В настоящей главе

мы с помощью количественных методов изучаем большой массив фактических данных, чтобы определить, какое из объяснений подтверждается эмпирически — «институциональное» или «культурное». В ходе нашего анализа мы сосредоточиваем внимание на «либеральной» демократии, поскольку наша теория подразумевает, что человеческое развитие по своей природе связано с эмансипационными аспектами демократического строя. Наше исследование проводится в четыре этапа.

Сначала мы изучаем вопрос о том, в какой степени гражданские и политические права, составляющие основу либеральной демократии, получают институциональное закрепление. В ходе «третьей волны» либеральная демократия утвердилась в ряде стран. Сосредоточив внимание на изменениях, произошедших в этот период, мы получаем возможность проверить взаимосвязь между ценностями самовыражения и либеральной демократией. Мы можем проверить, оказали ли эти ценности, измеренные в ходе «третьей волны», более сильное воздействие на ситуацию с демократией *после* нее, или степень их распространения в основном стала результатом уровня либеральной демократии, существовавшего *до* «третьей волны».

Далее мы переходим к одной из фундаментальных предпосылок теории политической культуры, которая, однако, никогда не подвергалась проверке: тезису о соответствии. Согласно этому тезису политические институты обретают устойчивость лишь в том случае, если они соответствуют лежащей под ними массовой культуре. Следовательно, сдвиги в сторону демократии должны отражать степень несоответствия между требованиями масс относительно демократизации и отсутствием демократических институтов: чем сильнее требования масс превышают степень присутствия демократических институтов, тем больше вероятность сдвига в сторону демократии. Мы также проверяем и обратный тезис о том, что демократический строй не может сохраниться, если он сочетается с преимущественно авторитарной политической культурой общества. Таким образом, мы измеряем несоответствие по обоим направлениям и проверяем, помогают ли полученные результаты объяснить сдвиги в сторону демократии, произошедшие в ходе «третьей волны».

В-третьих, институционализация гражданских и политических свобод является необходимой предпосылкой либеральной демократии, однако этого недостаточно для придания демократии подлинной эффективности. Либеральная демократия обретает эффективность лишь тогда, когда элиты, управляя государством, ис-

пользуют методы, уважающие и учитывающие права людей. Эффективная демократия должна основываться на верховенстве закона (Rose 2001). Соответственно, мы используем системы измерения законопослушности элит, чтобы расположить страны в рамках континуума, отражающего различия в степени *эффективности* демократии. Этот континуум дает представление о том, насколько гражданские и политические свободы институционально закреплены и на практике соблюдаются политическими элитами. Далее мы используем эти расчеты, чтобы ответить на вопрос о том, что именно оказывает решающее воздействие на степень эффективности демократии в той или иной стране — предшествующий уровень распространения ценностей самовыражения или демократические традиции.

В-четвертых, поскольку различие между формальной и эффективной (фактической) демократией имеет смысл лишь в том случае, если между этими двумя формами либеральной демократии существуют значительные несовпадения, мы непосредственно рассматриваем вопрос об указанных несовпадениях. Мы обнаруживаем, что ценности самовыражения действуют в качестве социальной силы, способствующей преодолению разрыва между формальной и эффективной демократией.

Перечисленные методы анализа используются для проверки зависимости либеральной демократии от ценностей самовыражения под четырьмя разными углами зрения. И все эти четыре подхода приводят к одному и тому же выводу: ценности самовыражения оказывают серьезное воздействие на развитие либеральной демократии.

Определение демократии

Способы измерения уровня демократии отчасти зависят от теории, которой придерживается исследователь (Collier D., Adcock 1999). В центре нашего подхода — концепции человеческого развития — находится вопрос о свободе выбора. С этой точки зрения наиболее важен либеральный аспект демократии, поскольку гражданские и политические свободы дают людям право свободного выбора в частной и общественной деятельности (Berlin 1969; Rose 1995; Rose 2001; Sen 1999). Гражданские и политические свободы наделяют их «полномочиями» самостоятельно определять свою судьбу. Стремление обрести гражданские и политические свободы всегда служило одним из главных побудительных мотивов к борьбе за демократию, за политическое самоопределение человека (Macpherson 1977; Markoff 1996; Foweraker, Landman 1997; Shapiro 2003). Участие масс

в освободительных движениях и кампаниях борьбы за права человека представляет собой один из важнейших элементов демократизации (Bernhard 1993; Casper, Taylor 1996; Collier R. 1999; McAdam, Tarrow, Tilly 2001).

Гражданские и политические свободы очерчивают пространство выбора, позволяющее людям определять собственный жизненный путь в соответствии со своими ценностями. Право голоса имеет большое значение, но это лишь один из элементов, поэтому сосредоточивать все внимание только на нем было бы ошибкой. Электоральная демократия легко подвергается манипуляциям, позволяющим скрыть изъяны в практической реализации гражданских и политических свобод. В рамках формальной системы электоральной демократии реальный исход голосования может определяться авторитарными властными механизмами, как это происходит во многих странах бывшего СССР (Rose 2001). Воля народа закрепляется не только всеобщим избирательным правом: необходим более широкий набор гражданских и политических свобод. По мнению Исаяи Берлина, эти свободы включают право на свободное принятие решений частными лицами («негативную» свободу *от* государственной власти) и право на свободное принятие политических решений («позитивную» свободу, стоящую *над* государственной властью) (Berlin 1969).

Пшеворский и Лимонджи применяют дихотомическую классификацию, попросту разделяя политические режимы на демократические и недемократические (Przeworski, Limongi 1997). Этот подход имеет серьезные концептуальные и методологические изъяны (на этот счет см. убедительные критические замечания Элкинса: Elkins 2000) и уместен лишь в том случае, если вас интересует исключительно электоральная демократия. Действительно, страны можно делить на категории в зависимости от того, существуют там свободно избранные депутаты и правительства или нет (Collier D., Adcock 1999). Но простой бинарный подход для анализа либеральной демократии не годится (Bollen, Paxton 2000). Элементы либеральной демократии не просто *полностью* присутствуют или отсутствуют, они присутствуют или отсутствуют в различных *степенях*. Существуют значительные различия в том, насколько в странах, отнесенных к недемократическим, на деле реализуются или подавляются свободы. В рамках дихотомической классификации, к примеру, Сингапур попадет в число недемократических государств, т.е. на одну доску с Северной Кореей, однако буквально все наблюдатели согласятся с тем, что в Северной Корее гражданские и политические

свободы подавляются намного сильнее. Либеральная демократия — вопрос степени, и континуум возможных степеней простирается от полного отсутствия политических и гражданских свобод до полного их присутствия. Выборы в рамках либеральной демократии — лишь один, пусть и важный, компонент из многих.

Чтобы измерить степень «официального» наличия либеральной демократии — пусть даже на бумаге, — мы используем сочетание рейтингов гражданских и политических свобод, составляемых правозащитной организацией Freedom House (Freedom House 2002)¹. Несмотря на существование альтернативных систем измерения, например методики, разработанной для проекта «Полития» Маршаллом и Яггерсом (Marshall, Jagers 2000), мы используем рейтинги Freedom House, поскольку наш теоретический подход предусматривает первостепенное внимание к проблеме свободы выбора. С этой точки зрения свобода в принятии решений и права, защищающие ее, представляют собой важнейшие элементы демократии. Таким образом, степень формального наличия либеральной демократии измеряется по шкале от 0 до 12 следующим образом:

$$\begin{array}{rcccl} \text{Гражданские} & & \text{(Гражданские} & & \text{Политические} \\ \text{и политические свободы}_t & = & \text{свободы}_t & + & \text{свободы}_t & -2 \\ \text{(по шкале от 0 до 12)} & & \text{(по шкале от 1 до 7)} & & \text{(по шкале от 1 до 7)} & \end{array}$$

Прослеживаем «третью волну» демократизации

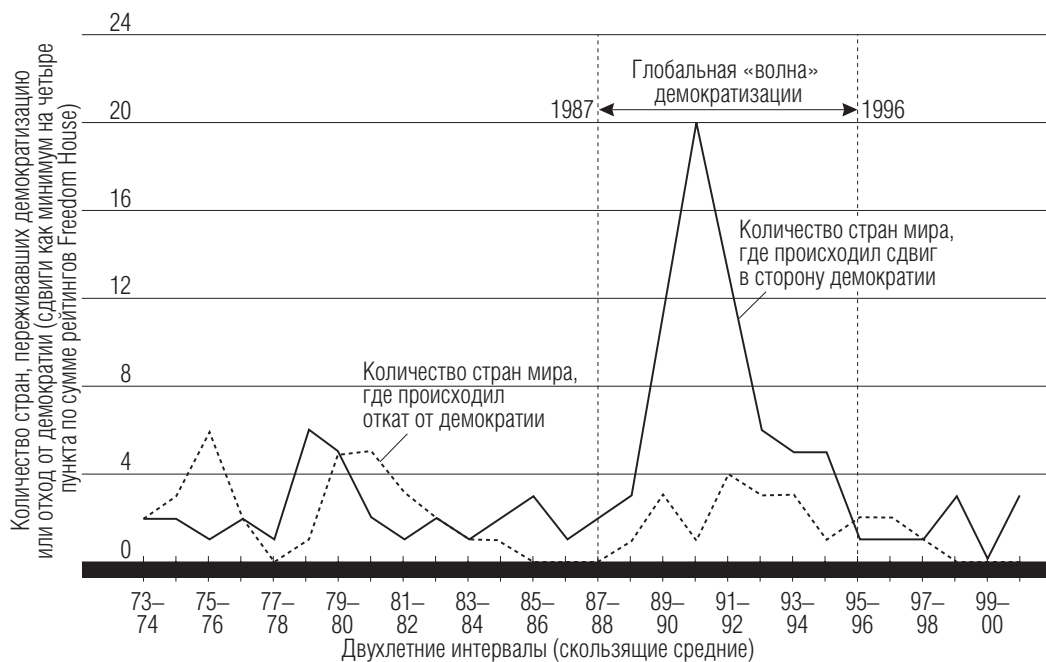
Используя эту систему измерения степени формального наличия либеральной демократии, на рисунке 8.1 мы показываем, в какие моменты периода с 1972 по 2002 год происходили существенные сдвиги в сторону демократии и откаты от нее. Отдельными линиями обозначается число стран, переживших демократизацию (за счет обретения гражданских и политических свобод), и стран, отходивших от демократии (за счет утраты политических и гражданских свобод)

¹ Freedom House измеряет степень свободы личности по шкале от 1 до 7 для «гражданских прав» и «политических прав». В обоих случаях 1 обозначает самый высокий, а 7 — самый низкий уровень свободы. Мы «перевернули» эту шкалу, чтобы более высокая цифра означала и более высокую степень свободы. Затем мы прибавили одну шкалу к другой, чтобы создать совокупный индекс либеральной демократии — от 0 до 12 (на самом деле от 2 до 14, поэтому мы вычли два пункта, чтобы минимум оказался на уровне 0). Затем мы приравняли максимум (12) к 100, получив таким образом процентную шкалу уровня либеральной демократии. О достоверности рейтингов Freedom House и их высокой корреляции с альтернативными методиками измерения уровня демократии см.: Vollen, Paxton 2000.

за соответствующий период. Хантингтон относит начало «третьей волны» к середине 1970-х, когда произошел переход к демократии в Португалии, Испании и Греции (Huntington 1991). Однако в более ранней работе, опубликованной в 1984 году, он не выявил общей тенденции к демократизации: на вопрос «Пополнятся ли ряды демократических стран?» ученый отвечал отрицательно. Тем не менее в книге, вышедшей в 1991 году, он задним числом утверждает, что демократизация в Португалии, Испании и Греции положила начало «третьей волне». На деле, как видно на рисунке 8.1, эти события можно считать предвестниками демократической «волны», которая началась несколько позже.

Эмпирические данные, подытоженные на рисунке 8.1, не подтверждают хантингтоновскую датировку «третьей волны». Как явствует из рисунка, до 1987 года сдвиги в сторону демократии в некоторых странах уравнивались антидемократическими изменениями в других государствах (в среднем смена режимов в каждом из направлений происходила в двух-трех странах в год). Таким образом, до 1987 года глобального сдвига в сторону демократии не наблюдалось: демократизация в нескольких странах Южной Европы в 1970-х годах уравнивалась переменами в противоположном направлении в других государствах мира. Авторы других недавних работ на эту тему приходят к тому же выводу, что и мы (Kurzman 1998).

Рисунок 8.1. СДВИГИ В СТОРОНУ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ОТКАТЫ ОТ ДЕМОКРАТИИ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ, 1973–2001

На рисунке 8.1 видно, что существенного общемирового сдвига в сторону демократии до второй половины 1980-х годов не наблюдалось. Однако начиная с 1987 года в течение восьми лет происходил настоящий «взрыв демократизации» (Doorenspleet 2000): этот период стал историческим водоразделом между уровнем демократии в мире до 1987 года и после 1996-го.

В своем анализе мы учитываем историческое значение этого периода, исследуя воздействие ценностей на развитие демократии в ситуации, когда благоприятная международная обстановка сделала возможным утверждение этого строя в целом ряде стран. Анализ многочисленных изменений, произошедших за эти годы, позволяет провести масштабную проверку, чтобы определить, в какой степени продемократическая культура ведет к возникновению демократических институтов, а в какой — наличие демократических институтов порождает продемократическую культуру. Согласно нашей гипотезе, факторы культурного порядка оказывают на уровень демократии более сильное влияние, чем существующие демократические институты — на политическую культуру. Это значит, что существующий на определенный момент уровень распространения ценностей самовыражения влияет на последующий уровень демократии сильнее, чем существовавший прежде уровень демократии на уровень распространения ценностей самовыражения в упомянутый выше момент времени. В ходе нашего анализа мы сосредоточим внимание на глобальном сдвиге от уровня демократии, существовавшего до 1987 года, к уровню демократии, установившемуся после 1996-го. Мы исследуем изменения, произошедшие за этот период в десятках стран по всему миру. Чтобы устранить эффект случайных колебаний до 1987 года и после 1996-го, мы используем средние показатели уровня демократии за шестилетние периоды до и после этих двух дат в качестве «предшествующего» и «последующего» индикаторов. Другими словами, мы анализируем изменения между средним уровнем демократии в 1981–1986 и в 1997–2002 годах. Применяя регрессионный анализ переменных в последовательные моменты времени, мы измеряем, насколько сильно уровень распространения ценностей самовыражения, существовавший в исходный момент, повлиял на последующий уровень демократии — в 1997–2002 годах. Затем мы сравниваем полученный результат с показателем, демонстрирующим, насколько сильно предыдущий уровень демократии, в 1981–1986 годах, повлиял на последующий уровень

распространения ценностей самовыражения. При этом в обоих случаях мы делаем поправку на социально-экономическое развитие и автокорреляцию во времени.

Статистический анализ причинно-следственных связей

Выявление каузальной направленности статистической взаимосвязи — дело непростое. Тем не менее это возможно, если у вас есть данные, позволяющие смоделировать три основополагающих условия, имеющие значение при выявлении каузальности: временной порядок, ложную корреляцию и автокорреляцию (см.: Сох, Wermuth 2001).

Принцип временного порядка означает, что воздействие независимой переменной X на зависимую переменную Y можно считать каузальным только в том случае, если X измеряется по состоянию на более ранний момент, чем Y , поскольку причина всегда предшествует следствию. К примеру, высокую корреляцию между ценностями самовыражения и демократией нельзя интерпретировать как каузальное воздействие этих ценностей на демократию, если они измеряются в тот же момент, что и уровень демократии, или позже. Если ценности самовыражения являются причиной развития демократии, то они должны существовать раньше, чем демократия.

Второе условие — отсутствие ложной корреляции — требует от нас ответить на вопрос, сохранится ли воздействие независимой переменной X на зависимую переменную Y , если будут учтены некие третьи переменные, имеющие отношение к делу. Это необходимо для того, чтобы убедиться, что воздействие X на Y не является простым артефактом третьей переменной Z , оказывающей каузальное воздействие как на X , так и на Y . В последнем случае воздействие X на Y будет фиктивным. Если это так, то воздействие X на Y исчезает при учете Z . К примеру, воздействие ценностей самовыражения на развитие демократии нельзя считать каузальным, если оно исчезнет при учете уровня социально-экономического развития. В этом случае социально-экономическое развитие выступает в качестве общей причины возникновения ценностей самовыражения и демократии, но сами по себе эти ценности не являются причиной развития демократии — они воздействуют на последнюю лишь в той степени, в которой они связаны с социально-экономическим развитием.

Третье условие — автокорреляция — требует, чтобы мы проверили, сохраняется ли воздействие X на Y при введении поправки на предшествующую величину Y . Если этого не происходит, X никак не объясняет временную динамику Y . Так, воздействие цен-

ностей самовыражения на демократию можно признать каузальным лишь в том случае, если оно сохраняется при учете прежних измерений уровня демократии. Это явление известно под названием «тест причинности Грейнджера» (Granger 1996): если уровень переменной на одном этапе почти полностью объясняется ее предшествующим уровнем, экзогенные факторы не могут оказывать на нее серьезного каузального воздействия (доля дисперсии, которую они объясняют, слишком незначительна).

Ниже мы смоделируем все три этих условия каузальности, сначала по отдельности, а затем и одновременно, с помощью регрессий, в которых мы будем менять местами зависимые и независимые переменные, соответствующим образом варьируя их временной порядок.

У нас есть данные о распространении ценностей самовыражения за соответствующий период времени по 61 стране с различными культурными традициями, включая и большое количество государств, где демократия утвердилась в ходе «третьей волны», например Южную Корею, Тайвань, Чили, Польшу, Венгрию, Россию и ЮАР. Эти ценности измерялись в 1990 и 1995 годах, входящих в период исторического перехода, изображенный на рисунке 8.1². Таким образом, используемые нами измерения уровня ценностей самовыражения производились *после* «допереходного» замера уровня демократии (1981–1986) и *до* «постпереходного» (1997–2002). Чтобы расположить данные по ценностям самовыражения как можно раньше на хронологической шкале переходного периода, мы, там где это возможно, использовали замеры, сделанные в 1990 году, — они существуют по 41 стране³. По остальным 20 странам мы брали данные по состоянию на 1995 год. Использование этого более позднего замера представляется уместным из-за сильной временной автокорреляции между агрегированными показателями ценностей самовыражения на начало и середину 1990-х годов: для 30 стран, по которым существуют данные обеих «волн», коэффициент корреляции

---

² По соображениям, связанным с временным порядком, последующий анализ ограничивается данными по тем странам, которые были включены во вторую и третью «волны» Values Survey (сбор данных проводился в самом начале и середине 1990-х).

³ Чтобы узнать, по каким странам данные были взяты в ходе второй «волны» Values Survey, а по каким — в ходе третьей, см. интернет-приложение, примеч. 4. Все ссылки на интернет-приложение даются по <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

составляет $r = 0,94$. Соответственно, эти замеры ценностей, сделанные в 1995 году, позволяют достоверно судить об их уровне в 1990-м⁴. Большое количество замеров производилось в районе 1990 года, поэтому в среднем получается, что наши данные по ценностям самовыражения условно собирались в 1992 году (назовем это «замером в начале 1990-х годов»). Во всех случаях ценности самовыражения измерялись раньше, чем постпереходный уровень демократии в 1997–2002 годах, т.е. в период, когда он стабилизировался в странах, переживших демократизацию в ходе «третьей волны».

Поскольку причины должны предшествовать своим следствиям, мы используем временной порядок, состоящий из таких этапов, как «допереходный» (1981–1986), «переходный» (начало 1990-х) и «постпереходный» (1997–2002), в регрессионных уравнениях, связывающих значения переменных в последовательные моменты времени, с помощью которых мы оцениваем допереходный уровень демократии в качестве предиктора переходного уровня ценностей самовыражения и переходный уровень этих ценностей в качестве предиктора постпереходного уровня демократии. Если институциональная интерпретация взаимосвязи между ценностями самовыражения и демократией справедлива, допереходная ситуация с демократией должна оказывать на переходный уровень ценностей самовыражения более сильное влияние, чем эти ценности — на постпереходный уровень демократии. Если же справедлива «политико-культурная» интерпретация и ценности самовыражения ведут к упрочению демократии, то справедливо противоположное утверждение.

Однако и эта модель остается слишком упрощенной. Чтобы оценить каузальную направленность взаимосвязи между двумя переменными, нужно не только выстроить независимую и зависимую переменные в правильном временном порядке, чтобы первая измерялась за более ранний период, чем вторая. Необходимо также проверить, сохраняется ли воздействие более ранней переменной на более позднюю при вводе поправок на другие, предположительно относящиеся к делу переменные. В данном случае нам известно, что и ценности самовыражения, и либеральная демократия демонстрируют высокую корреляцию с социально-экономическим разви-

---

⁴ Это наблюдение остается в силе, даже несмотря на снижение уровня ценностей самовыражения в посткоммунистических странах (особенно государствах бывшего СССР). Дело в том, что даже в этих случаях приблизительное расположение этих стран по отношению к другим осталось прежним.

тием — т.е. можно предположить, что именно оно является причиной обоих этих явлений. Чтобы проверить это предположение, необходимо проверить, сохраняет ли значимость взаимосвязь между ценностями самовыражения и демократией, когда мы вводим поправку на влияние социально-экономического развития. Таким образом, мы введем социально-экономическое развитие в качестве дополнительной независимой переменной для наших регрессионных уравнений, анализирующих связь между ценностями самовыражения и предшествующим уровнем демократии и связи между демократией и предшествующим уровнем этих ценностей.

Однако для того, чтобы мы могли сделать выводы о каузальной направленности взаимосвязи между либеральной демократией и ценностями самовыражения, необходим еще один шаг. Следует учесть тот факт, что переменные подвержены автокорреляции во времени. Переменная может быть исторически обусловлена, так что ее предшествующий уровень позволяет в основном объяснить варибельность ее последующих значений, и лишь небольшая доля дисперсии будет объясняться воздействием других факторов. Мы ожидаем, что это может относиться и к ценностям самовыражения, так как уровень их распространения демонстрирует высокую корреляцию во времени (в этом отражается тот факт, что их эволюция происходит путем постепенного накопления). Соответственно, мы полагаем, что предшествующий уровень демократии не может объяснить основную часть дисперсии значений уровня ценностей самовыражения, если мы учтем предшествующий уровень самих этих ценностей. С другой стороны, как мы уже убедились, в ходе «третьей волны» уровень демократии радикально изменился, а это означает, что допереходный и постпереходный замеры демократии в меньшей степени коррелируют во времени, и таким образом значительная часть их дисперсии должна объясняться воздействием экзогенных факторов, например ценностей самовыражения. Эмпирический анализ покажет, подтверждаются ли эти гипотезы фактическими данными.

Первый этап: объяснение наличия формальной демократии

Ведут ли ценности самовыражения к утверждению демократии, или, наоборот, она порождает культуру, основанную на этих ценностях? На рисунках 8.2а–с подытожены результаты проверки этих двух гипотез с помощью шести регрессионных моделей. На каждом из

этих графиков регрессионная модель, помещенная в верхней половине, составлена с использованием сделанных в начале 1990-х замеров ценностей самовыражения в качестве предиктора постпереходного уровня демократии, измеренного в 1997–2002-м. В графиках, помещенных в нижней части, анализируется вариант с противоположной каузальной направленностью, с использованием измеренного в 1981–1986 годах уровня демократии в качестве предиктора уровня ценностей самовыражения по состоянию на начало 1990-х годов.

В двух моделях, показанных на рисунке 8.2, в качестве дополнительного предиктора мы используем индекс «ресурсов влияния», разработанный Ванханеном (Vanhanen 1997). Речь идет об индексе социально-экономических ресурсов, позволяющем судить об объеме и распределении материальных, когнитивных и социальных ресурсов. Он включает показатели распределения собственности и доходов, связанные с экономическими ресурсами; агрегированные показатели уровня образования, связанные с распределением когнитивных ресурсов; и индикаторы сложности социальной организации общества, измеряющие объем социальных ресурсов, доступных индивидам, которые участвуют в разнообразных формах взаимодействия, характерных для сложно организованных обществ⁵. Этот индекс дает нам рассчитанные на широкой основе показатели социально-экономических ресурсов общества, или модернизации, и замеряется он раньше, чем соответствующая зависимая переменная⁶.

В двух моделях на рисунке 8.2b значение соответствующей зависимой переменной за более ранний период вводится в качестве дополнительного предиктора для учета автокорреляции этой переменной во времени. Наконец, в двух моделях, показанных на

---

⁵ Подробнее об индикаторах, используемых Ванханеном при создании своих индексов, см. интернет-приложение, № 08 в разделе «Переменные».

⁶ В части I мы стремились проанализировать воздействие социально-экономического развития на ценности по отдельности для трех типов ресурсов, которые это развитие обеспечивают. В настоящей части книги социально-экономическое развитие интересует нас как контрольный фактор, для которого нам достаточно одного совокупного индикатора. Именно поэтому на данном этапе мы пользуемся компактным индексом социально-экономических ресурсов Ванханена. Мы предпочли его Индексу человеческого развития, поскольку он уже дает нам мультипликативную комбинацию ресурсов, что позволяет избежать вычисления их средней величины в рамках аддитивной комбинации. Индекс человеческого развития, напротив, представляет собой аддитивную комбинацию составляющих его показателей (UN Development Program 1995; UN Development Program 2000). Более того, он не включает показатель сложности социальной организации общества, который может служить опосредованным индикатором объема социальных ресурсов.

рисунке 8.2с, в качестве предикторов используются и индекс социально-экономических ресурсов, и предыдущее значение зависимой переменной.

Результаты этой проверки однозначны. Во-первых, с учетом социально-экономических ресурсов «переходный» показатель ценностей самовыражения оказывает чрезвычайно значимое воздействие на постпереходный уровень демократии (рис. 8.2а, верхняя модель). Это воздействие является даже более сильным, чем влияние социально-экономических ресурсов на уровень демократии в постпереходный период. Таким образом, воздействие этих ценностей на демократию нельзя считать фиктивным казуальным эффектом социально-экономического развития. Хотя ценности самовыражения сами формируются социально-экономическими ресурсами, они оказывают значительное самостоятельное воздействие на уровень демократии.

Во-вторых, когда мы вводим поправку на социально-экономические ресурсы, допереходный уровень демократии *не оказывает* существенного влияния на постпереходный уровень ценностей самовыражения (рис. 8.2а, нижняя часть), в то время как объем социально-экономических ресурсов воздействует на него весьма значительно. Таким образом, если предшествующий уровень демократии в стране демонстрирует высокий коэффициент парной кор-

Рисунок 8.2а. ГДЕ ПРИЧИНА, А ГДЕ СЛЕДСТВИЕ?
ТЕСТ НА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ С УЧЕТОМ ТРЕТЬЕЙ ПЕРЕМЕННОЙ

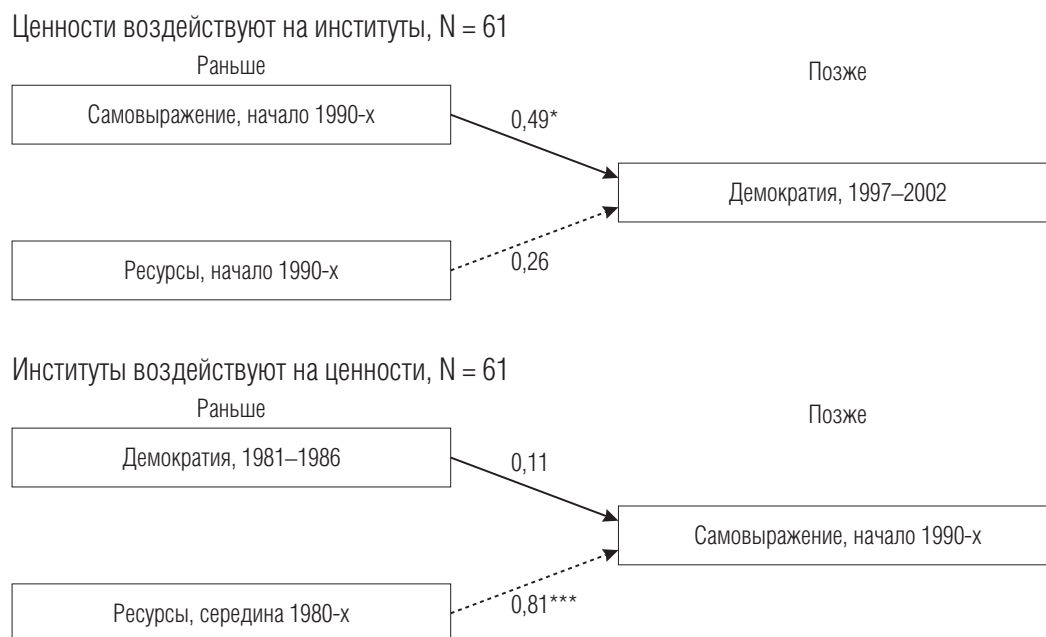
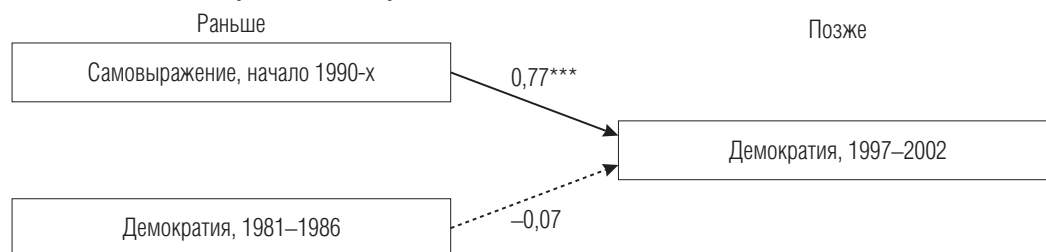

Рисунок 8.2б. ТЕСТ НА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ С УЧЕТОМ АВТОКОРРЕЛЯЦИИ

Ценности воздействуют на институты, N = 61

Институты воздействуют на ценности, N = 19

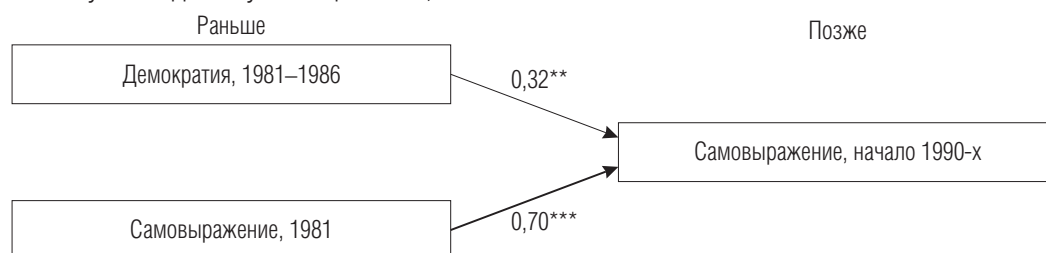
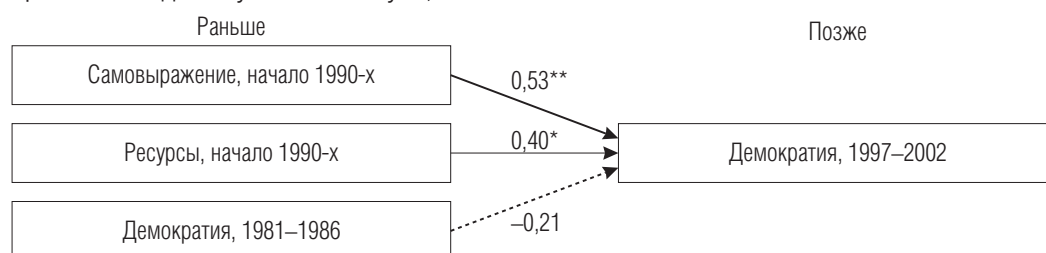
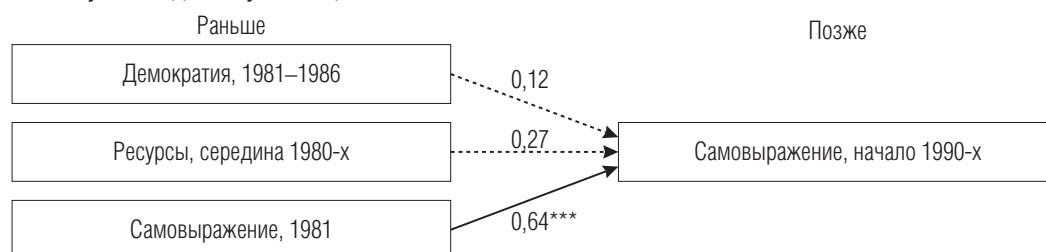

Рисунок 8.2с. ТЕСТ НА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ С УЧЕТОМ ТРЕТЬЕЙ ПЕРЕМЕННОЙ И АВТОКОРРЕЛЯЦИИ

Ценности воздействуют на институты, N = 61

Институты воздействуют на ценности, N = 19

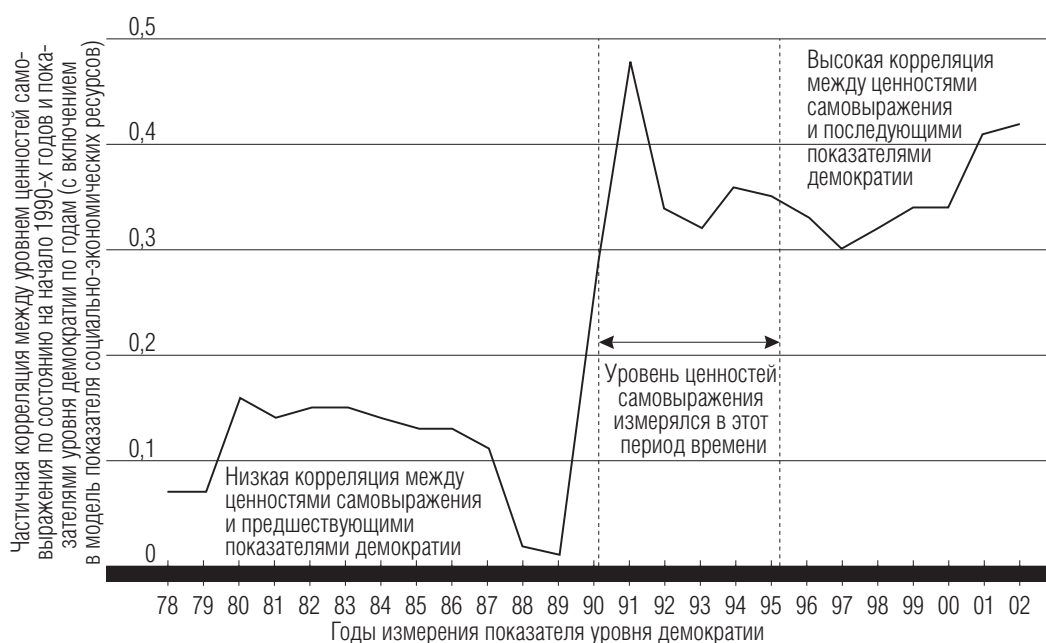
реляции с последующим уровнем ценностей самовыражения ($r = 0,78$), эта связь представляет собой артефакт социально-экономического развития: корреляция здесь существует только потому, что демократия связана с социально-экономическим развитием, и исчезает, если принять его за константу.

ЧАСТЬ II. ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

На рисунке 8.3 этот результат представлен в графическом виде. Этот график, составленный с учетом включения в модель социально-экономических ресурсов, иллюстрирует тот факт, что между ценностями самовыражения и *последующими* показателями уровня демократии существует более сильная корреляция, чем между этими ценностями и *предшествующим* уровнем демократии. Другими словами, взаимосвязь между ними намного более сильна, если мы рассматриваем ценности самовыражения как *причину* развития демократии, а не наоборот. Мы обнаруживаем резкий скачок в величине коэффициента корреляции, когда происходит переход от показателя демократии, вычисленного хронологически *ранее* показателя ценностей самовыражения, к показателю демократии, рассчитанному одновременно с показателем этих ценностей или после него. При включении в модель социально-экономического развития практически отсутствует какая-либо корреляция показателя ценностей самовыражения по состоянию на начало 1990-х с предшествующими во времени величинами показателя уровня демократии; однако значения показателя демократии на тот же момент или позднее демонстрируют статистически значимую и сильную позитивную корреляцию с указанными ценностями. Это позволяет предположить, что на вариабельность в уровне ценностей самовыражения, существующую независимо от социально-экономических ресурсов, не оказывает воздействие предшествующий уровень демократии. И напротив, сама эта независимая вариабельность ценностей самовыражения влияет на последующий уровень демократии даже при учете фактора социально-экономических ресурсов⁷. Более того, поскольку величина корреляции на рисунке 8.3 увеличивается, очевидно, что либеральная демократия и ценности самовыражения приобрели большее взаимное соответствие. Однако в рамках данного анализа меняются только показатели демократии, тогда как уровень ценностей самовыражения остается константным. Таким образом, динамика, показанная на рисунке 8.3, демонстрирует, что уровень демократии «подстраивается» под существующую в обществе степень приверженности ценностям самовыражения, что говорит о каузальном воздействии ценностей индивидуального уровня на институты в масштабе общества в целом.

⁷ Мы использовали процедуру определения частичной корреляции, в рамках которой мы вычисляли коэффициент частичной корреляции уровня ценностей самовыражения по состоянию на начало 1990-х годов с показателями демократии за разные годы со включением в модель разработанного Ванханеном показателя социально-экономических ресурсов по состоянию на вторую половину 1980-х годов.

Рисунок 8.3. КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ЦЕННОСТЯМИ САМОВЫРАЖЕНИЯ И ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ И ПОСЛЕДУЮЩИМ УРОВНЯМИ ДЕМОКРАТИИ

На рисунке 8.2b анализируется взаимосвязь между ценностями самовыражения и демократией с поправкой на автокорреляцию зависимой переменной (демократии) во времени. Как видно из рисунка, показатель ценностей самовыражения в разгар переходного периода оказывает сильное и статистически значимое воздействие на постпереходный уровень демократии даже с поправкой на допереходный уровень демократии (рис. 8. 2b, верхняя часть)⁸. Кроме того, допереходный уровень демократии существенно не влияет на ее постпереходный уровень, если мы вводим поправку на ценности самовыражения по состоянию на середину переходного периода. Эти результаты отражают тот факт, что уровень демократии во многих странах в ходе переходного периода значительно изменился — и что *масштаб* этих изменений в немалой степени зависел от распространенности ценностей самовыражения в том или

⁸ Хадениус и Теорелл предпринимали аналогичный анализ, однако в качестве поправки на автокорреляцию демократии во времени они использовали индекс демократии Freedom House за 1990 год (Hadenius, Teorell 2004). Эта процедура не учитывает историческую волну смены режимов, показанную у нас, а потому не позволяет в должной мере разделить допереходные и постпереходные показатели демократии. Дело в том, что показатели 1990 года относятся к тому периоду, когда во многих странах демократия находилась «в движении». Чтобы учесть события «третьей волны», необходимо при учете автокорреляции сравнивать постпереходный и допереходный уровни демократии.

ином обществе к началу этого перехода. И напротив, если мы вводим поправку на автокорреляцию во времени для ценностей самовыражения, выясняется, что допереходный уровень демократии сравнительно слабо повлиял на уровень ценностей самовыражения в середине переходного периода (рис. 8.2b, нижняя часть)⁹. Это отражает сильный элемент исторической обусловленности в развитии ценностей самовыражения, в результате чего предшествующим уровнем демократии может быть объяснена лишь небольшая доля их дисперсии.

Как показано на рисунке 8.2с, одновременное введение обеих поправок подтверждает предыдущие результаты. Уровень ценностей самовыражения, существовавший к началу переходного периода, оказывает статистически значимое и сильное воздействие на постпереходный уровень демократии; в то же время объем социально-экономических ресурсов оказывает на нее не столь сильное, но также значимое влияние (рис. 8.2с, верхняя часть). И напротив, при вводе поправки на ценности самовыражения и социально-экономические ресурсы мы видим, что допереходный уровень демократии не оказывает на ценности самовыражения существенного влияния (рис. 8.2с, нижняя часть). Динамика ценностей самовыражения зависит в наибольшей степени от их собственного предшествующего уровня, а также испытывает существенное влияние со стороны социально-экономического развития, но допереходный уровень демократии на нее воздействия не оказывает. Наличие политической культуры, придающей первостепенное значение ценностям самовыражения, по-видимому, не связано с предшествующим существованием либеральной демократии, однако эта культура ведет к ее утверждению.

Если мы примем во внимание последовательность событий «третьей волны», взаимосвязь между либеральной демократией и ценностями самовыражения невозможно интерпретировать как влияние демократических институтов на массовые ценности.

---

⁹ В нижней части рисунков 8.2b и 8.2с, где мы вводим поправку на автокорреляцию ценностей самовыражения, наша выборка ограничивается странами, охваченными первой волной Values Survey, проходившей в 1981 году. В этих случаях уровень постматериалистического стремления к свободе невозможно рассчитать на базе трех компонент (см. интернет-приложение, № 43 в разделе «Переменные»); это делается на основе двух компонент (из-за изменений в вопросниках). Это означает, что применительно к данным за 1981 год процентный индекс ценностей самовыражения рассчитывался на несколько иной основе.

Фактические данные по десяткам стран прямо противоречат «институциональной» интерпретации этой взаимосвязи. При учете последовательности во времени, возможности ложных корреляций и автокорреляции ценности самовыражения продолжают оказывать сильное, статистически значимое каузальное воздействие на последующий уровень демократии, однако утверждения об обратном не выдерживают этой проверки. Факты подтверждают «культурную», а не «институциональную» интерпретацию взаимосвязи между массовыми ценностями и демократическими институтами.

Коэффициент корреляции 0,89 между агрегированными показателями уровня ценностей самовыражения на 1981 и 1990 годы получен на основе данных по 21 стране, в которых в оба этих года проводились опросы¹⁰. Большинство этих стран относятся к традиционным западным демократиям. Является ли высокая временная автокорреляция ценностей самовыражения между 1981 и 1990 годами отличительным признаком, характерным только для стабильных демократических обществ? Очевидно, нет, поскольку мы также располагаем данными по четырем странам, где в 1981 году, когда проводился первый опрос, демократия еще не установилась, — Южной Корее, Венгрии, ЮАР и Мексике. Эти страны демонстрируют не меньшую стабильность уровня ценностей самовыражения, чем традиционно демократические государства. В последних за 1981–1990 годы уровень этих ценностей вырос в среднем на 10 процентных пунктов. В Венгрии соответствующие изменения составили 12%, в Мексике — 5%, в ЮАР — 4%, а в Южной Корее — 0,5%. Поскольку данные изменения составляют небольшую долю от уровня ценностей самовыражения, накопившегося постепенно, они лишь незначительно затрагивают относительное местоположение страны на шкале. Поэтому в обществах, где эти ценности в 1981 году были развиты достаточно сильно, спустя 10 лет ситуация осталась в целом такой же. Относительная стабильность уровня ценностей самовыражения во времени характерна для всех категорий стран, даже постсоветских государств, где за последние годы наблюдалось его существенное падение. Однако по отношению к другим странам эти общества, несмотря на упомянутое сокращение, остались примерно в том же положении, что и раньше.

¹⁰ Как отмечалось в предыдущем примечании, агрегированные показатели ценностей самовыражения за 1981 и 1990 годы основаны на несколько различных компонентах. Несмотря на подобное несоответствие, корреляция между этими двумя отрезками времени высока.

Эти результаты опровергают предположение о том, что уровень ценностей самовыражения, который мы наблюдаем в странах, переживших демократизацию, обусловлен переходом к демократии. На деле верно как раз обратное: эти ценности отчасти обусловили демократизацию. Отнюдь не случаен тот факт, что переход к демократии затормозился или даже повернулся вспять именно в тех государствах, где ценности самовыражения развиты слабее всего (например, в странах бывшего СССР, за исключением прибалтийских республик).

Второй этап: объяснение процессов демократизации и отката от демократии

Попробуем проверить тезис о том, что ценности самовыражения ведут к утверждению демократии, с помощью другой методики. Будем исходить из основополагающего принципа теории политической культуры, никогда прежде не подвергавшегося проверке: тезиса о соответствии. Экштейн, Гурр, Алмонд и Верба и многие другие обществоведы полагают, что стабильность политического строя зависит от степени соответствия между политическими институтами и массовыми ценностями: политические институты должны соответствовать ценностной ориентации граждан, иначе они не будут считаться легитимными и их стабильность снизится (Eckstein 1966; Eckstein, Gurr 1975; Almond, Verba 1963). Чем больше несоответствие между массовыми ценностями и политическими институтами, тем менее стабилен режим. Если это предположение справедливо, оно говорит о том, что смена режима представляет собой результат несоответствия между институтами и культурой: чем оно больше, тем радикальнее впоследствии изменится режим¹¹. Если происходит смена режима, она носит наиболее масштабный характер в тех странах, где стартовый разрыв между культурой и институтами особенно велик. С этой точки зрения, смена режима корректирует несоответствие между культурой и институтами.

Связь между демократическими институтами и ценностями самовыражения можно рассматривать как отражение соответствия между «спросом» и «предложением» свободы. Демократические институты представляют собой институционализированное предложение свободы, поскольку демократия институционально

¹¹ Эта аргументация относится к тем случаям, когда смена режима происходит за счет внутренних социальных факторов, а не навязывается извне.

закрепляет гражданские и политические права. Что же касается ценностей самовыражения, то они создают спрос на свободу, поскольку акцентируют свободный выбор. Таким образом, появляется возможность выявить две формы несоответствия — в зависимости от соотношения между спросом на свободу и ее предложением.

Таблица 8.1. СООТВЕТВИЕ/НЕСООТВЕТВИЕ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ СВОБОДЫ

	Культурно обусловленный спрос на свободу	
	Слабый спрос: преобладают ценности выживания	Высокий спрос: преобладают ценности самовыражения
Институциональное предложение свободы		
Высокое предложение: широкий спектр гражданских прав	Несоответствие (предложение выше спроса): нестабильная демократия	Соответствие (высокий уровень спроса и предложения): стабильная демократия
Низкое предложение: узкий спектр гражданских прав	Соответствие (низкий уровень спроса и предложения): стабильный недемократический режим	Несоответствие (спрос выше предложения): нестабильный недемократический режим

В таблице 8.1 мы иллюстрируем эту ситуацию с помощью четверной классификации. Несоответствие между институциональным предложением свободы и культурно обусловленным спросом на нее может возникнуть как в демократическом, так и в авторитарном государстве. В авторитарном государстве это несоответствие выражено слабо, если у населения преобладают ценности выживания и оно не придает первостепенного значения самовыражению личности. В данном случае низкий культурно обусловленный спрос на свободу гармонично сочетается с ее низким институциональным предложением. При демократическом строе аналогичное несоответствие отсутствует, если люди привержены ценностям самовыражения, что создает высокий культурно обусловленный спрос на свободу, соответствующий такому же уровню ее институционального предложения.

Несоответствие между культурой и институтами общества может приобретать и большие масштабы. Если граждане государства с высоким уровнем демократии не придают большого значения свободе личности, там возникает избыточное институциональное предложение свободы. Если сдвиг в сторону демократии или в противоположном направлении следует логике ослабления несоответствия, то в данном случае следует ожидать *отката* от демократии, устраняющего переизбыток институционального предложе-

ния свободы. И напротив, если в авторитарном государстве общественность придает большое значение ценностям самовыражения, несоответствие устраняет переход к демократии: повышение уровня свободы позволяет сблизить культурно обусловленный спрос и институциональное предложение.

Рассчитать величину несоответствия между предложением свободы и спросом на нее, отражающего разрыв между уровнем либеральной демократии и ценностей самовыражения, позволяет следующая формула:

$$\text{Несоответствие}_t = \text{предложение свободы}_t \text{ (либеральная демократия)} - \text{спрос на свободу}_t \text{ (ценности самовыражения)}$$

Несоответствие между институциональным предложением свободы и культурно обусловленным спросом на нее рассчитывается путем вычитания спроса из предложения. Поскольку мы собираемся вычислить несоответствие, существовавшее до переходного периода, в качестве индикатора предложения свободы мы используем допереходные показатели уровня демократии, относящиеся к 1981–1986 годам. Чтобы рассчитать культурно обусловленный спрос на свободу, мы берем показатель распространения ценностей самовыражения по состоянию на 1990 год, который дает представление об их уровне *перед* началом переходного периода. Этот показатель можно считать приблизительно точным, поскольку уровень ценностей самовыражения в любой конкретный момент времени достаточно достоверно отражает степень их распространения в непосредственно предшествовавший период; об этом свидетельствуют регрессионные модели, представленные на рисунке 8.2.

Мы не можем просто вычесть из допереходного показателя уровня демократии чистый показатель распространения ценностей самовыражения, поскольку эти две переменные рассчитываются по различным методикам: чтобы получить разницу между ними, следует сначала привести их в рамки одной шкалы. Для этого мы нормировали обе переменные таким образом, чтобы значение 1,0 соответствовало эмпирическому максимуму. Затем мы вычли из показателя демократии показатель ценностей самовыражения, получив шкалу несоответствия в диапазоне от –1 до +1, где –1 обозначает максимальный уровень либеральной демократии при полном отсутствии ценностей самовыражения, а +1 — диаметрально противоположную ситуацию. Соответственно, по мере того, как мы продвигаемся по шкале несоответствия от –1 к +1, уровень ценно-

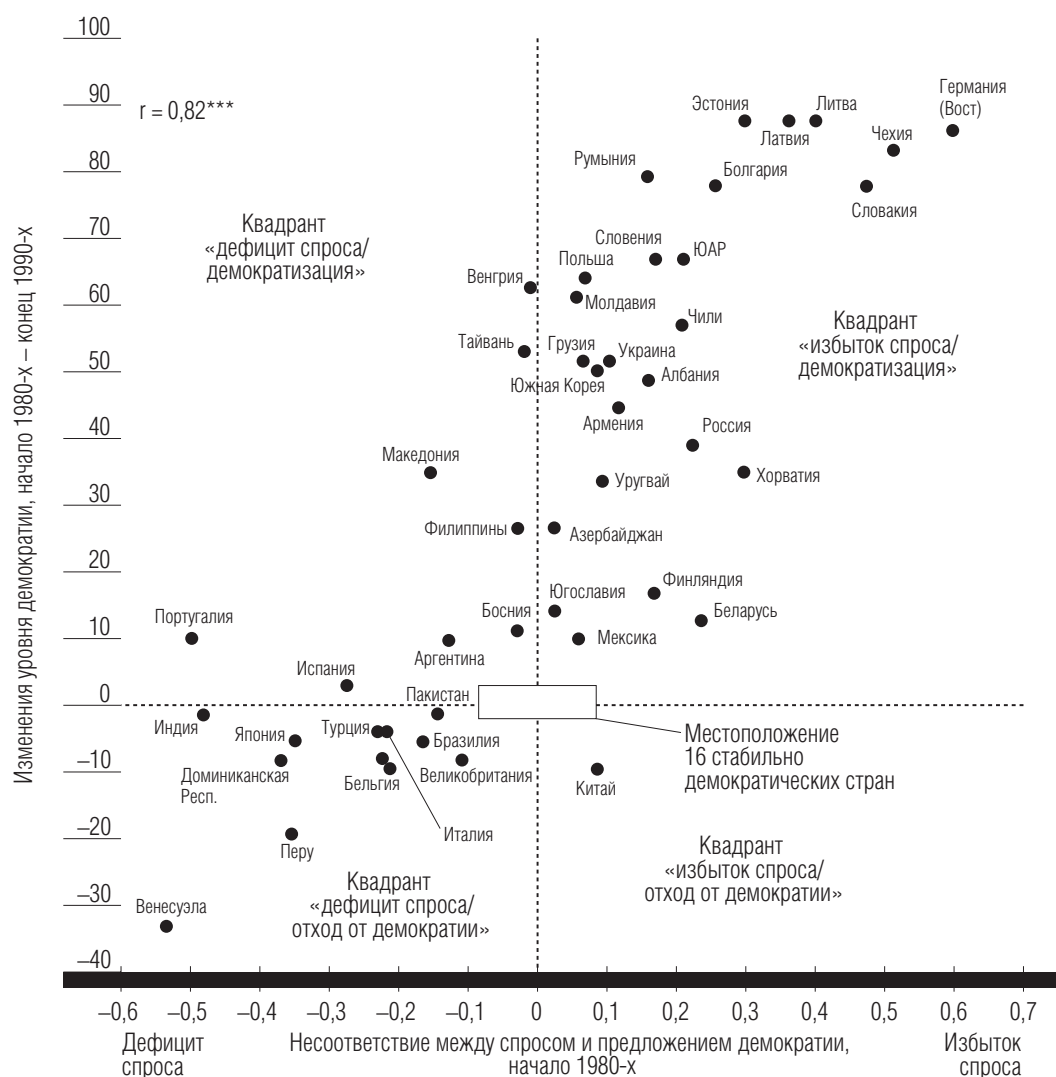
стей самовыражения сначала сравнивается с уровнем демократии, а затем и превосходит его (т.е. культурно обусловленный спрос на свободу возрастает относительно ее институционального предложения). Таким образом, показатель, равный -1 , означает максимально возможный дефицит спроса на свободу, а показатель на уровне $+1$ — максимальный избыток спроса на нее. Наша выборка включает ряд стабильно демократических стран Запада, где уровень демократии остается постоянным в течение всего периода наблюдений. Очевидно, эти общества находятся в состоянии равновесия: в них спрос и предложение демократии взаимно соответствуют друг другу. Таким образом, нулевая точка на шкале несоответствия — где предложение демократии в точности соответствует спросу на нее — совпадает со средним показателем для этих стабильных западных демократий отнюдь не случайно¹².

Шкала несоответствия, которую мы составляем за счет этих преобразований, представляет собой континуум, отражающий степень, в которой предложение свободы превышает спрос на нее или недотягивает до этого спроса. Согласно нашей гипотезе, показатель той или иной страны на этой шкале позволяет спрогнозировать и направление ее развития, и степень, в которой она позднее пережила демократизацию или отход от демократии: страны, имеющие показатели со знаком плюс, должны продвигаться по демократическому пути, а те, у кого они имеют знак минус, скорее всего переживут откат от демократии. Более того, продвижение к демократии будет наибольшим для стран, имеющих наивысшие положительные показатели на шкале несоответствия (аналогичным образом, сильнее всего отойдут от демократии те государства, у кого наибольшие показатели будут в минусовой части шкалы). Одним словом, смена режимов должна функционально зависеть от несоответствия между спросом и предложением свободы, т.е. изменения, имевшие место в ходе «третьей волны» демократизации, должны отражать несоответствие между спросом и предложением свободы, существовавшее непосредственно перед началом переходного периода.

Как видно на рисунке 8.4, наш прогноз полностью подтверждается: чем сильнее в 1986 году культурно обусловленный спрос на свободу в той или иной стране превышал ее институциональное предложение, тем дальше она продвинулась к демократии

¹² Подробнее о методике составления шкалы несоответствия см. интернет-приложение, № 50 в разделе «Переменные».

Рисунок 8.4. ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ СПРОСОМ И ПРЕДЛОЖЕНИЕМ СВОБОДЫ НА УРОВЕНЬ ДЕМОКРАТИИ

в 1987–2002 годах¹³. Обратное соотношение также подтверждается: чем больше культурно обусловленный спрос на свободу недотягивал до уровня ее институционального предложения, тем сильнее страна отошла от демократии. Значительное продвижение по демократическому пути произошло лишь в тех странах, где спрос на свободу превышал предложение. Кроме того, практически ни в одном из государств, где этот спрос превышал предложение, не произошло существенного отката от демократии (единственным исключением является Китай).

¹³ Показатель изменений уровня демократии представляет собой разницу между допереходным уровнем формальной демократии (1981–1986) и ее постпереходным уровнем (1997–2002), полученную путем вычитания первого значения из второго (см. интернет-приложение, № 19 в разделе «Переменные»).

В целом несоответствие спроса на свободу и ее предложения позволяет объяснить 73% дисперсии показателя движения в сторону демократии или отхода от нее в период «третьей волны». Таким образом, мы получили динамическую модель, объясняющую *процесс* демократизации, а не просто наличие или отсутствие демократии.

На рисунке 8.4 также видно, что «потери» демократии в странах, где существовал дефицит спроса на свободу, оказались меньше, чем ее «прирост» в странах с превышением спроса: в этом отразился тот факт, что преобладающей тенденцией «третьей волны» была демократизация. Эту общую тенденцию также можно объяснить с точки зрения принципа несоответствия: стран, где спрос на свободу превышал предложение, было намного больше, чем тех, где существовала противоположная ситуация. Последних было немного, но предложение свободы превышало спрос, например, в Венесуэле и Перу, и именно там в рассматриваемый период мы наблюдаем снижение уровня демократии.

Рисунок 8.4 дает основу и для прогнозирования «особых случаев». Так, Китай стал одной из немногих стран, где события развивались вопреки нашим предсказаниям. Как можно видеть на рисунке 8.4, в этой стране существовала напряженность между спросом и предложением свободы: это позволяло предположить, что в китайском обществе усилятся требования демократизации. Эта тенденция проявилась в форме демократического движения в 1989 году, когда демонстранты, выступавшие за свободу слова, заняли пекинскую площадь Тяньаньмэнь. Какое-то время власти колебались, но в июне 1989 года высшее руководство страны приказало войскам разогнать митинг. На демонстрантов двинулись танки; произошла настоящая бойня. Подавление демократического движения в Китае показывает, что демократические требования масс не всегда приводят к успешному результату. Решительно настроенные авторитарные элиты, если они обладают контролем над вооруженными силами, в состоянии подавить требования масс. Однако чисто репрессивные методы чреваты большими издержками и, в конечном итоге, опасными последствиями. В 1989 году демократическое движение в Китае охватывало в основном образованные слои городской молодежи, тогда как большую часть населения страны по-прежнему составляли сельские жители. В китайском обществе массовый спрос на свободу уже превышает институциональное предложение. Если социально-экономическое развитие страны продолжится нынешними темпами (а есть все ос-

нования полагать, что так и будет), ценности самовыражения получат в обществе еще большее распространение; вероятно, они начнут проникать в ряды военных и молодых представителей партийной элиты, что сильно затруднит противодействие демократизации. Мы прогнозируем, что процесс либерализации социально-экономической сферы и эксперименты властей с демократией на уровне местных органов управления распространятся на всю страну, в результате чего в ближайшие два десятка лет в Китае произойдет переход к демократии¹⁴.

Взаимосвязь, показанную на рисунке 8.4, совершенно невозможно интерпретировать как отражение воздействия демократических институтов на ценности самовыражения. В главах 1 и 2 мы продемонстрировали, что изменение уровня этих ценностей происходит неуклонно, но медленно. Поэтому уровни ценностей самовыражения 1990 года должны были быть достигнуты в процессе постепенного накопления на протяжении долгого времени и уже существовали как раз перед тем, как произошла внезапная смена режимов. Таким образом, логически невозможно, чтобы эта смена режимов породила уровень ценностей самовыражения, уже существовавший к тому времени. Каузальный вектор может идти только от накопленных ценностей к внезапной смене режимов. Следовательно, демократизация «догоняет» уже накопленный спрос, приводя предложение свободы в соответствие с его уровнем.

Подобное развитие событий подтверждает тезис, представленный на рисунках 8.2а–с, показывающих — при учете третьих переменных и автокорреляции во времени, — что связь между ценностями самовыражения и либеральной демократией носит в основном односторонний характер и направлена от ценностей в сторону демократии. После введения поправки на авто-

---

¹⁴ Конечно, в Китае продолжают нарушения прав человека, и правящая коммунистическая партия не допускает существования открытой оппозиции. В стране не существует выборной демократии. Но очевидно и другое: экономические преобразования, перестройка административного аппарата и реформа местного самоуправления увеличивают самостоятельность людей и спектр их выбора в определении собственного жизненного пути. Масштаб политических свобод на местном уровне и гражданских свобод в социально-экономической и культурной сферах в Китае существенно расширен. Это, однако, не отражается в рейтинге Freedom House, где Китай по-прежнему находится в конце списка. Данный факт в очередной раз свидетельствует о том, что эта правозащитная организация, как правило, присваивает тем странам, где не проводятся свободные выборы, низкие рейтинги свободы в целом.

корреляцию ценностей самовыражения во времени мы не наблюдаем никакого воздействия предшествующего уровня демократии на эти ценности. В то же время распространение ценностей самовыражения, напротив, оказывает значительное воздействие на уровень демократии даже при учете автокорреляции последней во времени.

Третий этап: объяснение уровня эффективной демократии

Наш главный тезис заключается в том, что ценности самовыражения превращают модернизацию в процесс человеческого развития, формируя гуманистическое общество, в котором акцент делается на эмансипации личности. Одним из элементов этого процесса является утверждение гражданских и политических свобод там, где они еще отсутствуют, а также углубление и усиление эффективности этих свобод там, где они существуют.

Гражданские и политические свободы — неотъемлемый элемент либеральной демократии, однако, если они не поддерживаются правящими элитами на практике, дело ограничивается лишь формальной демократией. Чтобы гражданские и политические права эффективно реализовывались, необходима приверженность правящих элит принципу верховенства закона, и степень этой приверженности в различных странах резко варьируется. Обществоведы слишком часто ставят знак равенства между формальной и подлинно эффективной демократией. На практике эти два явления редко совпадают, и разрыв между первой и второй варьируется от сравнительно небольшой разницы до резкого расхождения, превращающего демократический строй в пустую декорацию. С самого начала гражданские и политические права были призваны ограничить полномочия государства и деспотизм власти (Finer 1999). Однако для того, чтобы это действительно произошло, элиты должны быть честными и законопослушными. Коррупция в широкой трактовке этого понятия — это проявления кумовства, блата и действия других незаконных механизмов, используемых элитами, чтобы обойти закон, злоупотреблять властью к собственной выгоде и лишать граждан их законных прав (Sandholtz, Taagerera 2005). Аналогичным образом, одной формальной демократии недостаточно, чтобы гарантировать отсутствие нарушений прав человека; для того чтобы эти права стали реальностью, требуется и «порядочность» элит (Davenport,

Armstrong 2004)¹⁵. Коррупция в составе элит зачастую достигает такого уровня, что демократические нормы оказываются полностью недееспособными (Stiglitz 2002). Таким образом, нашим следующим шагом должен стать анализ связи между ценностями самовыражения и *эффективными* вариантами либеральной демократии.

Понятие «эффективной» демократии в этом контексте не связано с успехом тех или иных политических шагов. Речь идет об эффективности с точки зрения определяющих элементов либеральной демократии — гражданских и политических прав. В этом смысле уровень эффективной демократии означает ту степень, в которой формально институционализированные гражданские и политические права существуют на практике — т.е. соблюдаются элитами при реализации полномочий государства (Rose 2001).

До сих пор для измерения уровня гражданских и политических прав мы пользовались рейтингами Freedom House. В этих рейтингах отражается институциональное наличие или отсутствие гражданских и политических прав, но *не* эффективность их практической реализации государством. Если государственные должностные лица и руководители страны не соблюдают эти права в процессе отправления власти, последние существуют лишь на бумаге. Чтобы оценить эффективность демократии, необходимо учесть, в какой степени формально существующие гражданские и политические свободы обретают дееспособность благодаря верховенству закона¹⁶.

---

¹⁵ Дэвенпорт и Армстронг показывают, что постепенный рост уровня формальной демократии не оказывает последовательного ослабляющего воздействия на нарушения прав человека (Davenport, Armstrong 2004). Это подтверждает тот факт, что одна формальная демократия не гарантирует подлинного уважения к политическим правам граждан и правам человека со стороны людей, находящихся у власти: без порядочности элит это невозможно.

---

¹⁶ Роуз также высказывает этот аргумент (Rose 2001). Однако при оценке эффективности демократии он просто рассчитывает средние показатели формального наличия гражданских прав и верховенства закона. Подобное простое сложение несостоятельно с теоретической точки зрения, поскольку при этом высокий уровень верховенства закона может компенсировать низкий уровень гражданских и политических прав. Таким образом, будет считаться, что в соответствующей стране существует средний уровень эффективной демократии, даже если политические и гражданские права у ее жителей полностью отсутствуют, но элиты действуют в полном соответствии с существующим законодательством. До недавних пор примером такой ситуации мог считаться Сингапур. По этой причине мы используем процедуру взвешивания, в рамках которой значения верховенства закона вводят поправку при заданном значении уровня гражданских и политических прав. Таким образом,

Уровень эффективной демократии отражает степень, в которой должностные лица реализуют свои полномочия способами, не лишаящими простых людей формальных прав, предоставленных им как гражданам государства. Таким образом, самым серьезным фактором, снижающим эффективность демократии, является коррумпированность элит (Linz, Stepan 1996; Heller 2000; Brzezinski 2001; Brown 2001; Fairbanks 2001; Rose 2001; Shevtsova 2001). Коррупция по определению означает, что должностные лица не предоставляют гражданам услуг, полагающихся им по закону. Вместо этого элиты обеспечивают этими услугами только тех, кто в состоянии «купить» их за счет взяток или взаимных одолжений. Это нарушает принципы верховенства закона и равноправия. Коррупция порождает неформальные подпольные структуры, в рамках которых люди связаны взаимными обязательствами, что подпитывает кумовство, фаворитизм и клиентелизм. Из-за коррупции социальные привилегии распределяются избирательным и дискриминационным образом, ущемляющим права основной массы населения. Коррупция подрывает народовластие. Она — антитеза верховенству закона. Коррупция способна подорвать гражданские и политические права людей до такой степени, что они полностью лишаются реального содержания.

Чтобы измерить уровень эффективной демократии, необходимо измерить не только уровень институционализации политических и гражданских прав, но также степень, в которой должностные лица на деле *соблюдают* эти права. Показатели по первому из этих двух компонентов можно найти в рейтингах Freedom House. Хотя по замыслу разработчиков эти рейтинги должны отражать подлинную ситуацию с гражданскими и политическими правами, в них не учитывается степень практической реализации этих прав законопослушными элитами. Если в стране проводятся демократические выборы, Freedom House, как правило, заносит ее в категорию «свободных», предоставляя ей место на вершине шкалы или близости от нее. В результате молодые демократические государства Восточной Европы получают такие же высокие баллы, как и традиционно демократические западноевропейские государства, хотя сколько-нибудь глубокий анализ ситуации показывает, что на прак-

---

высокие показатели верховенства закона не могут компенсировать низких уровней гражданских и политических прав. В наилучшем случае высокий уровень верховенства закона просто воспроизводит заданное значение уровня гражданских и политических прав.

тике коррупция там распространена гораздо больше, чем можно было бы предположить на основе рейтингов Freedom House (см.: Rose 2001). Поскольку в этих рейтингах ставится знак равенства между формальной и эффективной демократией, их необходимо дополнить, чтобы ответить на вопрос, в каких странах демократические институты действуют по-настоящему эффективно, обеспечивая гражданам подлинную свободу выбора.

Индекс контроля над коррупцией (control of corruption), разработанный Всемирным банком (Kaufman et al. 2003), обеспечивает наиболее полный и методологически обоснованный измеритель законопослушности и честности в поведении элит («порядочности» элит). Его значения получаются на основе результатов опросов экспертов и населения и отражают представления о том, насколько должностные лица злоупотребляют властью ради личной выгоды. Сложный метод «ненаблюдаемых компонент» позволяет собрать данные о восприятии коррупции из 25 различных источников, обладающих межстрановой сопоставимостью, и свести их в однофакторную шкалу, на которой высокие уровни означают отсутствие коррупции, или «порядочность» элит. Мы, в свою очередь, преобразовали индекс контроля над коррупцией в шкалу с диапазоном от 0 до 1,¹⁷ Мы используем эту систему измерения «порядочности» элит для уточнения показателей формальной демократии (преобразовав составной индекс Freedom House в процентную шкалу, где максимум равен 100%). Поскольку мы опираемся на самые последние индексы Freedom House и Всемирного банка (за 2000–2002 годы), мы получаем оценку эффективности демократии по состоянию на те же 2000–2002 годы¹⁸. В результате вышеописанной процедуры мы создаем индекс эффективной демократии, представляющий собой показатель формальной демократии, взвешенный с помощью показателя ее эффективности¹⁹:

$$\begin{array}{l} \text{Формальная демократия} \\ (\%) \end{array} \times \begin{array}{l} \text{«Порядочность» элит} \\ (\text{диапазон от 0 до 1}) \end{array}$$

¹⁷ Подробнее о системе измерения порядочности элит см. интернет-приложение, № 20 в разделе «Переменные».

¹⁸ См. также интернет-приложение, № 12 в разделе «Переменные».

¹⁹ Хадениус и Теорелл подвергают подобную систему измерения критике, утверждая, что она основана на концептуальной путанице, поскольку соединяет два различных явления (Hadenius, Teorell 2004). С таким же успехом можно утверждать,

Хотя «порядочность» элит повышает эффективность соответствующих политических и гражданских свобод, она не способна компенсировать их отсутствие. В качестве поправочного множителя «порядочность» элит может не более, чем воспроизвести тот или иной уровень формальной демократии. Даже при максимальном уровне «порядочности» элит (1,0), означающем полное отсутствие коррупции, этот фактор не в состоянии повысить низкий уровень формальной демократии — он его только поддерживает. Однако низкий уровень «порядочности» элит может девальвировать высокий уровень формальной демократии: это отражает наличие значительных различий в степени наличия эффективной демократии в странах, относящихся к категории формально демократических.

Высокий уровень формальной демократии — необходимая предпосылка достижения высоких значений уровня эффективной демократии, но одного его недостаточно. Представим себе страну, где конституция гарантирует гражданам полный набор гражданских и политических прав: если этой страной управляют коррумпированные элиты, не соблюдающие эти права, их формальное наличие перестает иметь какое-либо значение. В этом случае даже наивысший показатель уровня формальной демократии может после внесения поправки опуститься почти до нуля, если и «порядочность» элит приближается к нулю. Таким образом, страна может получить низкий балл по шкале эффективной демократии по двум причинам: либо там отсутствует формальная демократия, и даже наивысшая «порядочность» элит не может придать эффективность тому, чего нет; либо формальная демократия там присутствует, но «непорядочность» элит лишает ее эффективности. В *обоих* случаях граждане лишены прав. Подобная методика измерения осмысленным образом отражает действительность — как и степень, в которой люди обладают реальной возможностью выбора.

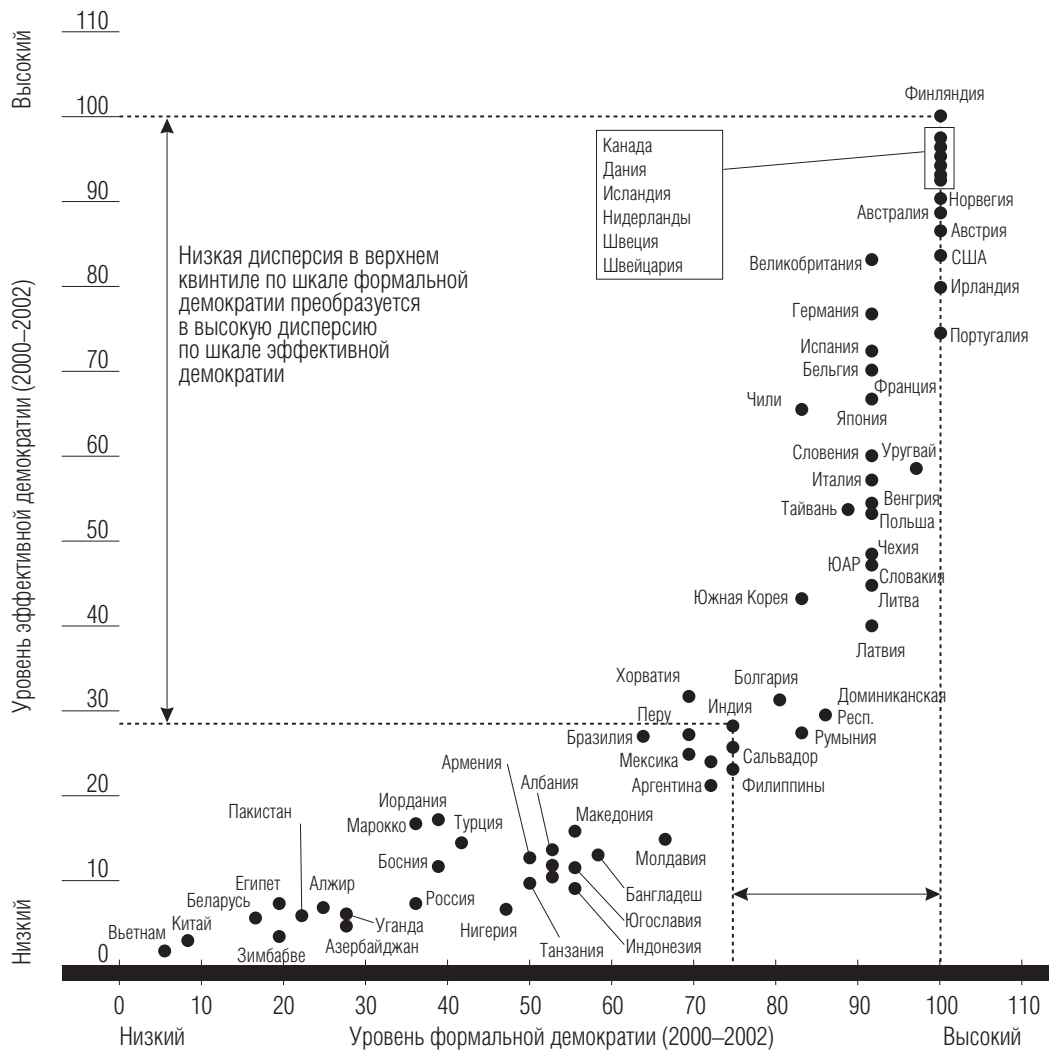

что поваренная соль содержит в себе концептуальную путаницу, поскольку состоит из натрия и хлора — щелочного металла и зеленоватого газа, т.е. совершенно разных элементов. На деле абсолютно разные явления могут взаимодействовать и часто взаимодействуют, порождая существенные результаты. Критика Хадениуса была бы более уместной, если бы мы просто составили средний показатель формальной демократии и порядочности элит, чего мы не стали делать именно потому, что это две разные вещи. Однако формальная демократия и порядочность элит могут взаимодействовать и взаимодействуют, порождая эффективную демократию. Их мультипликативная комбинация — в рамках которой ни один из элементов не может замещать другой — позволяет измерить уровень этого взаимодействия.

Одним словом, показатель эффективности демократии позволяет судить не только о наличии в обществе свобод «на бумаге», но и о степени, в которой государство и его служащие соблюдают их на практике. Эта переменная охватывает континуум от отсутствия или слабости реальной демократии до абсолютно эффективной демократии.

Как показано на рисунке 8.5, получить высокий показатель по шкале эффективной демократии труднее, чем по шкале формальной демократии. Формальная демократия преобразуется в эффективную криволинейно: сравнительно высокая дисперсия в нижней половине шкалы формальной демократии дает относительно низкую дисперсию на шкале эффективной демократии, в то время как маленькая дисперсия в верхнем квартиле по шкале

Рисунок 8.5. ФОРМАЛЬНАЯ И ЭФФЕКТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

формальной демократии оборачивается большой дисперсией по шкале эффективной демократии. Эти результаты отражают тот факт, что формальная демократия является необходимой предпосылкой эффективной демократии: только страны, имеющие высокие показатели по шкале наличия гражданских и политических прав (выше 75%), могут получить высокие показатели на шкале эффективности демократии. Однако гражданские и политические права нельзя считать достаточным условием эффективной демократии: не все страны, имеющие высокие показатели в этой сфере, получают столь же высокий балл по шкале эффективной демократии, поскольку это зависит от уровня «порядочности» их элит. «Порядочность» элит — решающий фактор дифференциации между формальной и эффективной демократией.

Подобная картина отражает один из важных аспектов действительности. К примеру, Freedom House присваивает Латвии и Словакии тот же уровень формальной демократии, что и Британии с Германией (примерно 90% от максимального), однако по шкале эффективной демократии показатель двух последних стран намного выше, чем у Латвии и Словакии (соответственно около 75% и 35% от максимального). Если мы будем руководствоваться только показателями формальной демократии, то придем к выводу, что по уровню демократии Латвия и Словакия ничем не отличаются от Британии и Германии. Однако в действительности элиты первых двух стран достаточно коррумпированы, чтобы конституционные права, которыми теоретически обладают их граждане, девальвировались (см.: Rose 2001; Sandholtz, Taagepera 2005). И напротив, если уровень формальной демократии в странах с низким душевым ВВП резко варьируется (от уровня ниже 10-го перцентиля для Китая до 75-го перцентиля для Индии), распространенная среди их элит коррупция существенно снижает эти различия: Китай на шкале эффективной демократии попадает в 5-й перцентиль, а Индия — чуть ниже 30-го. С учетом действенности гражданских и политических прав Индия оказывается ближе к Китаю, чем к Японии, хотя в рейтинге формальной демократии Индия стоит намного выше, чем Китай. Эффективная демократия — более жесткий и более содержательный критерий, чем демократия формальная: он показывает, какой степенью свободы люди обладают в реальности, а не «на бумаге». Поскольку люди, приверженные ценностям самовыражения, стремятся именно к эффектив-

ной демократии, можно ожидать, что с ней эти ценности связаны еще теснее, чем с формальной демократией²⁰.

Рисунок 7.2 подтверждает этот вывод. На рисунке 7.1 мы уже продемонстрировали, что между ценностями самовыражения и формальной демократией существует статистически значимая связь. Однако рисунок 7.2 показывает, что еще теснее эти ценности связаны с эффективной демократией. Уровень распространения ценностей самовыражения объясняет до 80% межстрановой дисперсии последующих измерений эффективности демократии, причем явных исключений из этого правила не наблюдается (в общую тенденцию вписывается даже Индия). Однако, чтобы точно установить причинно-следственный характер этой связи, необходим дополнительный анализ.

Ценности самовыражения и эффективная демократия

Как и раньше, для выявления воздействия ценностей самовыражения на последующий уровень эффективной демократии мы применяем грейнджеровский тест причинности, вводя поправку на предшествующие по времени показатели демократии. Поскольку замеры эффективности демократии имеются лишь начиная с 1998 года (когда Всемирный банк начал составлять индексы контроля над коррупцией), мы используем в качестве заменителя длительность периода, в течение которого общество управлялось демократическими институтами (или укорененность «демократической традиции»). По мнению ряда видных теоретиков, длительность этого периода представляет собой один из ключевых факторов: они утверждают, что появление подлинно демократических ценностей зависит от продолжительности существования в обществе демократических институтов (см.: Rustow 1970; Linz, Stepan 1996). По мнению этих авторов, чем дольше существуют демократические институты, тем сильнее они превращаются в неотъемлемую часть коллективной идентичности общества как в глазах элит, так и в глазах масс. Если этот аргумент справедлив, продемократический характер ценностей самовыражения представляет собой лишь следствие достаточно длительного существования общества в рамках демократических

---

²⁰ На шкале эффективной демократии Китай попадает в 5-й процентиль, в то время как при простой дихотомической классификации он однозначно попал бы в категорию недемократических стран. Наша усложненная систематизация является более информативной: она демонстрирует не только сам факт недемократичности китайской политической системы, но и *степень* ее недемократичности.

институтов. Таким образом, при введении поправки на демократические традиции эти ценности не должны демонстрировать какого-либо воздействия на уровень эффективной демократии. В настоящем разделе мы проверим эту гипотезу. Более того, следуя за Бансом, а также Копштейном и Рейли — они утверждают, что пространственное распространение действует в качестве самостоятельной детерминанты демократии (Bunce 2000: 715–71; Kopstein, Reilly 2000), — в качестве дополнительного контрольного предиктора мы анализируем ее распространение в рамках культурных зон, тем самым делая поправку на экзогенные эффекты распространения демократии в рамках соответствующего региона.

Анализ, проведенный в предыдущих главах, продемонстрировал, что значения экономических, культурных и политических переменных для стран чрезвычайно варьируются в зависимости от их принадлежности к той или иной культурной зоне. Более того, введя простейшую систематизацию в виде восьми культурных зон, мы объясняем примерно 85% межстрановой дисперсии по шкалам социально-экономических ресурсов, ценностей самовыражения и эффективной демократии для 70 с лишним государств. Этот результат говорит о том, что социально-экономические ресурсы, массовые ценности и социальные институты нельзя считать чисто эндогенным феноменом: они также отражают процессы экзогенного распространения, проникающие через национальные границы и придающие однородные черты странам, принадлежащим к одной и той же культурной зоне (см.: Starr 1991; Diamond L. 1993a; Whitehead 1996; Kopstein, Reilly 2000). Чтобы учесть эффекты распространения, в качестве дополнительного поправочного фактора мы вводим средние значения зависимых переменных по культурным зонам (аналогичную процедуру см.: Gasiorowski, Power 1998).

К примеру, для прогнозирования уровня ценностей самовыражения по состоянию на начало 1990-х годов в качестве дополнительного предиктора мы используем средний уровень этих ценностей по каждой культурной зоне, присваивая каждой стране медианное значение уровня ценностей самовыражения для всех обществ в данной культурной зоне, исключая ее саму²¹. Тем самым обеспечивается присвоение каждой стране среднего значения переменной, которое не зависит от ее собственного. Аналогичным об-

---

²¹ Подробнее об измерении средних значений уровня ценностей самовыражения по культурным зонам см. интернет-приложение, № 51 в разделе «Переменные».

разом, при прогнозировании последующих уровней эффективной демократии в качестве дополнительного предиктора мы включаем ее средний уровень для каждого региона. Таким образом, мы моделируем каждую зависимую переменную как функцию ее распространения в рамках культурных зон.

Подчеркнем: эти средние значения мы рассчитывали таким образом, чтобы сделать их экзогенными по отношению к каждой стране, поэтому значение самой страны исключалось при вычислении присвоенного ей среднего по культурной зоне. Это означает, что каждой стране, входящей в культурную зону, мы присваиваем среднюю величину по культурной зоне, несколько отличную от аналогичных средних величин для других стран. Эмпирически это не ведет к большим изменениям, однако с концептуальной точки зрения подобная процедура важна, поскольку понятие экзогенных эффектов играет ключевую роль в теории распространения (Starr 1991).

В таблице 8.2 показаны результаты регрессионного анализа нашей первой серии моделей. Они предсказывают уровень ценностей самовыражения по состоянию на начало 1990-х с использованием следующих независимых переменных: продолжительности демократической традиции в стране до 1990 года (т.е. количества лет, которые она прожила при демократическом строе до этой даты)²²; уровня ее социально-экономического развития к 1990 году (с использованием разработанного Ванханеном индекса объема и распределения социально-экономических ресурсов) и уровня ценностей самовыражения в пределах культурной зоны. Первые четыре модели представляют собой двумерные регрессионные модели, а следующие — многомерные комбинации с поправкой на эффект демократических традиций для одного из других предикторов.

В моделях, включенных в таблицу 8.3, направленность причинно-следственной связи по сравнению с моделями из таблицы 8.2 меняется на противоположную. Мы оцениваем воздействие ценностей самовыражения (по состоянию на начало 1990-х) на последующий уровень эффективной демократии (в 2000–2002 годах), вводя поправки на социально-экономическое развитие,

---

²² Чтобы составить показатель демократической традиции, мы использовали индекс «авторитаризм/демократия», разработанный в рамках проекта «Полития IV» (Marshall, Jaggers 2000). Мы рассчитали для каждой страны количество лет, в течение которых ее показатель составлял не менее +7. Подробнее см. интернет-приложение, № 23 в разделе «Переменные».

предшествующую демократическую традицию и средний уровень эффективной демократии по культурной зоне²³. Чтобы проверить нашу гипотезу, сравним результаты, показанные в таблицах 8.2 и 8.3.

Таблица 8.2. ВОЗДЕЙСТВИЕ ДЕМОКРАТИИ НА ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ С УЧЕТОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПРОЦЕССА РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ КУЛЬТУРНЫХ ЗОН

Предикторы	Зависимая переменная: процентный индекс распространенности ценностей самовыражения, начало 1990-х ^a					
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Существование демократического строя до 1990 года, количество лет	0,79*** (9,83)			0,15 (н.з.) (1,53)	0,42*** (5,14)	0,08 (н.з.) (0,91)
Индекс социально-экономических ресурсов, конец 1980-х		0,90*** (15,97)		0,78*** (7,99)		0,58*** (6,15)
Культурно-зональный уровень зависимой переменной			0,82*** (10,93)		0,55*** (6,76)	0,35*** (4,86)
Скорректированный R ²	0,62	0,81	0,67	0,81	0,77	0,85

Примечание. Данные представляют собой нормализованные регрессионные коэффициенты (значения Т-критерия приведены в скобках). Уровень значимости: * $p < 0,100$; ** $p < 0,010$; *** $p < 0,001$; н.з. — не значим. Статистические результаты тестов на коллинеарность, гетероскедастичность и влияющие наблюдения находятся ниже критического порога.

^a Данные самого раннего опроса из второй и третьей «волны» Values Survey (1989–1991 и 1995–1997 годов). Среднее измерение — в 1992 году. N = 61.

И напротив, влияние ценностей самовыражения на последующий уровень эффективной демократии в стране сохраняет высокую статистическую значимость при всех поправках, в том числе и с учетом количества лет, которые эта страна прожила при демократическом строе. Собственно говоря, демократические традиции ничего не добавляют к воздействию ценностей самовыражения на эффективность демократии (ср. модели 1 и 6 в табл. 8.3). Таким образом, тест причинности Грейнджера опять дает положительный результат: ценности самовыражения оказывают высокое позитивное воздействие на демократию, даже после ввода поправки на корреляцию данного уровня демократии с ее же предшествующими показателями²⁴.

²³ Подробнее о методике расчета этой переменной см. интернет-приложение, № 22 в разделе «Переменные».

²⁴ Грейнджер утверждает, что воздействие предиктора на зависимую переменную носит каузальный характер, если оно сохраняется после поправки на предшествующие по времени показатели этой зависимой переменной (Granger 1969). Наши результаты соответствуют этому критерию, показывая, что ценности самовыражения оказывают существенное воздействие на демократию даже с поправкой на ее предшествующие показатели.

Таблица 8.3. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА ДЕМОКРАТИЮ С УЧЕТОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ПРОЦЕССОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ КУЛЬТУРНЫХ ЗОН

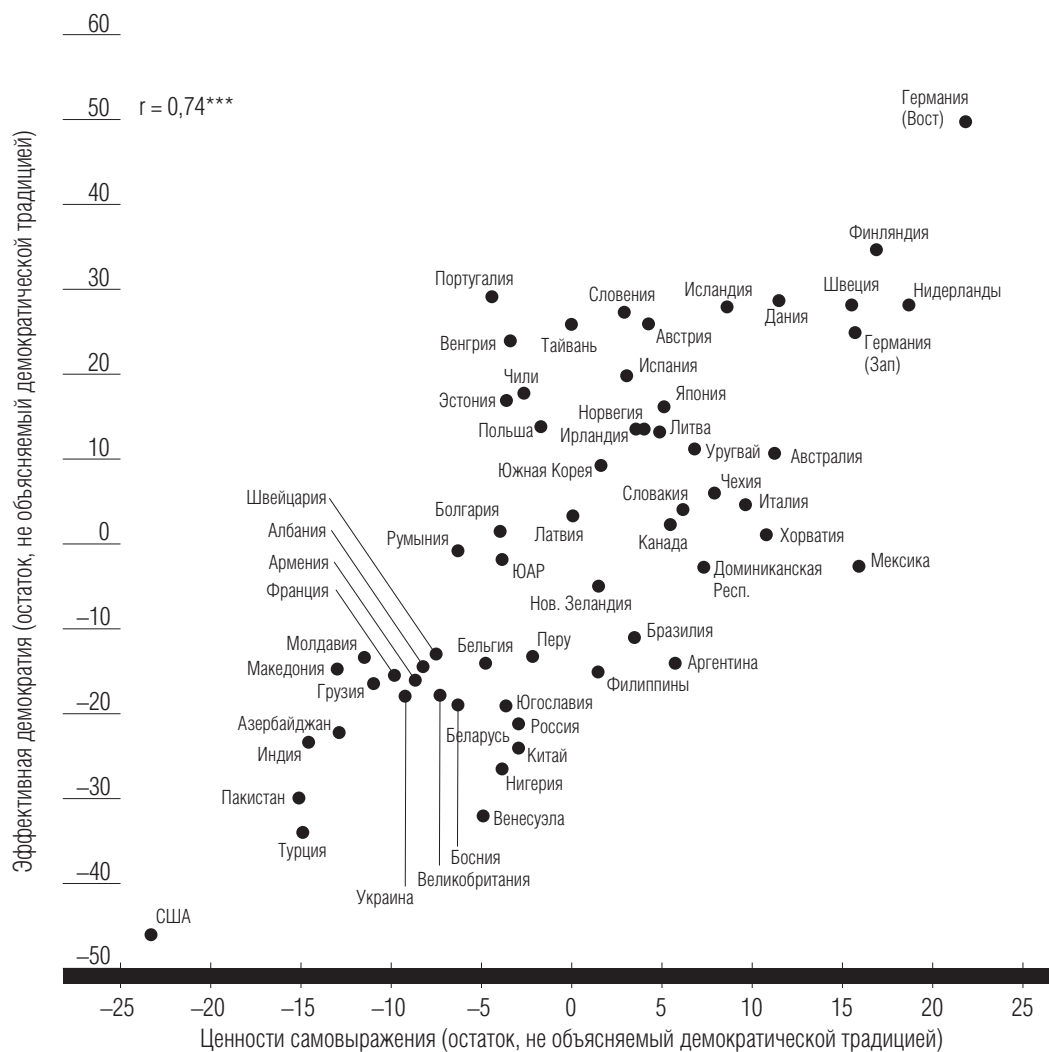
Предикторы	Зависимая переменная: уровень эффективной демократии, 2000–2002							
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
Процентный индекс распространённости ценностей самовыражения, начало 1990-х	0,89*** (15,33)				0,59*** (4,97)	0,80*** (8,38)	0,63*** (7,02)	0,57*** (4,56)
Индекс социально-экономических ресурсов, начало 1990-х		0,87*** (13,34)			0,35*** (2,94)			0,33*** (2,67)
Существование демократического строя до 1995 года, количество лет			0,75*** (8,82)			0,12 н.з. (1,29)		0,04 н.з. (0,41)
Культурно-зональный уровень зависимой переменной				0,84*** (11,67)			0,33*** (3,64)	
Скорректированный R ²	0,80	0,74	0,56	0,69	0,82	0,80	0,83	0,80

Примечание. Данные представляют собой нормализованные регрессионные коэффициенты (значения Т-критерия приведены в скобках). N = 61. Уровень значимости: * p < 0,100; ** p < 0,010; *** p < 0,001; н.з. — не значима. Статистические результаты тестов на коллинеарность, гетероскедастичность и влияющие наблюдения находятся ниже критического порога.

Эти выводы опровергают «институциональные» версии возникновения демократических массовых ценностей. Утверждения о том, что столь фундаментальная продемократическая ориентация, как ценности самовыражения, возникает лишь на основе продолжительного опыта жизни в условиях демократических институтов, ошибочны. Эти ценности могут возникнуть даже в самых авторитарных государствах, и они намного больше влияют на последующее демократическое развитие страны, чем ее предшествующий опыт существования при демократическом строе. Степень распространения в обществе ценностей самовыражения не зависит от предшествующего уровня демократии, но испытывает сильное влияние имеющегося в данной стране уровня социально-экономических ресурсов. На рисунках 8.6 и 8.7 эта ситуация изображена в графической форме.

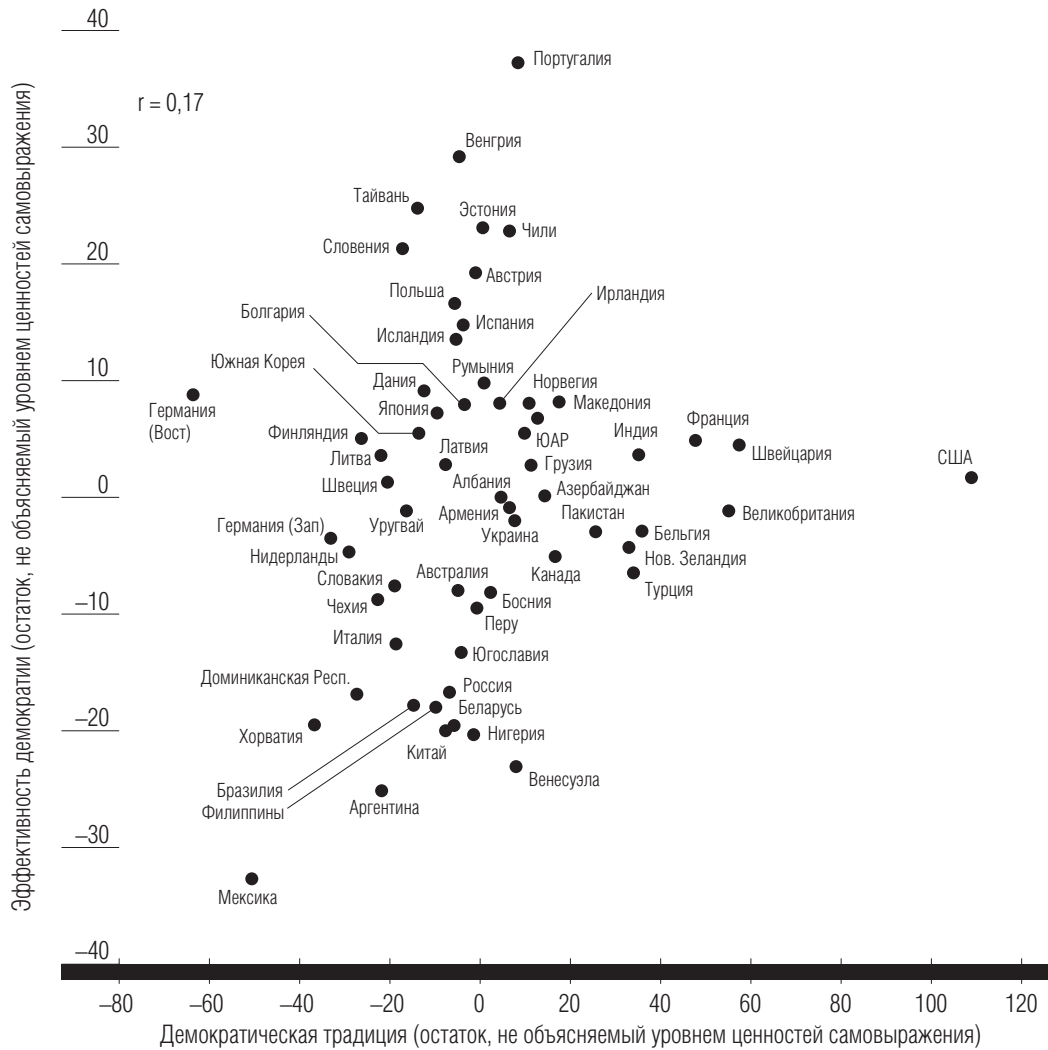
На рисунке 8.6а показано воздействие ценностей самовыражения на эффективность демократии с поправкой на продолжительность демократической традиции каждой из стран. Мы обнаруживаем, что страны, где уровень ценностей самовыражения более

Рисунок 8.6а. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА УРОВЕНЬ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ (С ПОПРАВКОЙ НА КОЛИЧЕСТВО ЛЕТ, ПРОЖИТЫХ СТРАНАМИ ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СТРОЕ)

высок, чем можно предположить, исходя из продолжительности периода, который они прожили при демократическом строе, демонстрируют и более высокий уровень эффективной демократии, чем можно было бы предположить, исходя из их демократических традиций (достаточно посмотреть на расположение Восточной Германии, Дании, Финляндии, Швеции, Нидерландов и Западной Германии). Аналогичным образом, в странах, где ценности самовыражения развиты слабее, чем можно предположить, исходя из их демократических традиций, уровень эффективной демократии также ниже, чем диктует их демократический опыт (см. расположение США, Бельгии, Индии, Венесуэлы и Нигерии). В целом независимая дисперсия уровня ценностей самовыражения объясняет 53% незави-

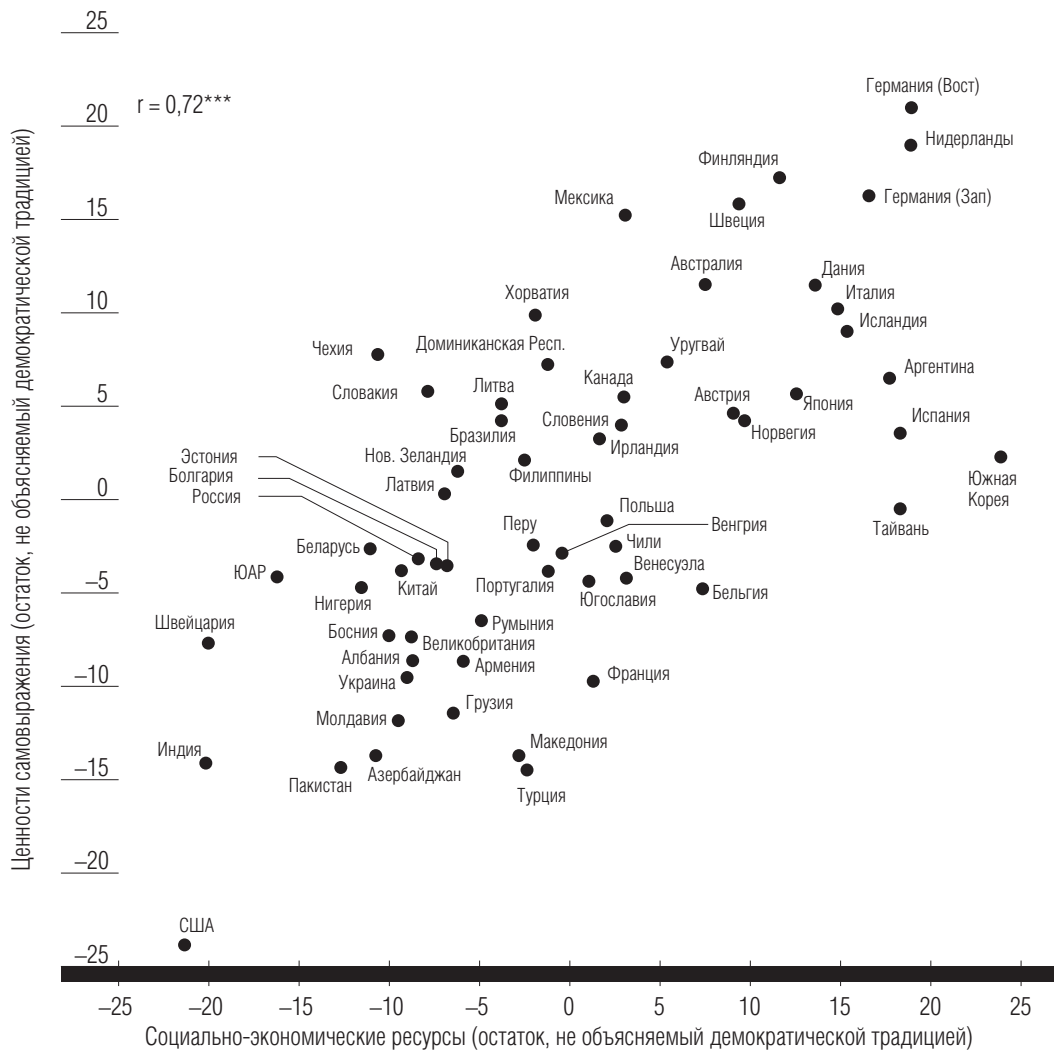
Рисунок 8.6б. ВОЗДЕЙСТВИЕ ПЕРИОДА, ПРОЖИТОГО СТРАНОЙ ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СТРОЕ, НА УРОВЕНЬ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ (С ПОПРАВКОЙ НА УРОВЕНЬ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ)

символической дисперсии уровня эффективной демократии. Ценности самовыражения оказывают воздействие на уровень эффективной демократии даже с учетом продолжительности существования демократических институтов.

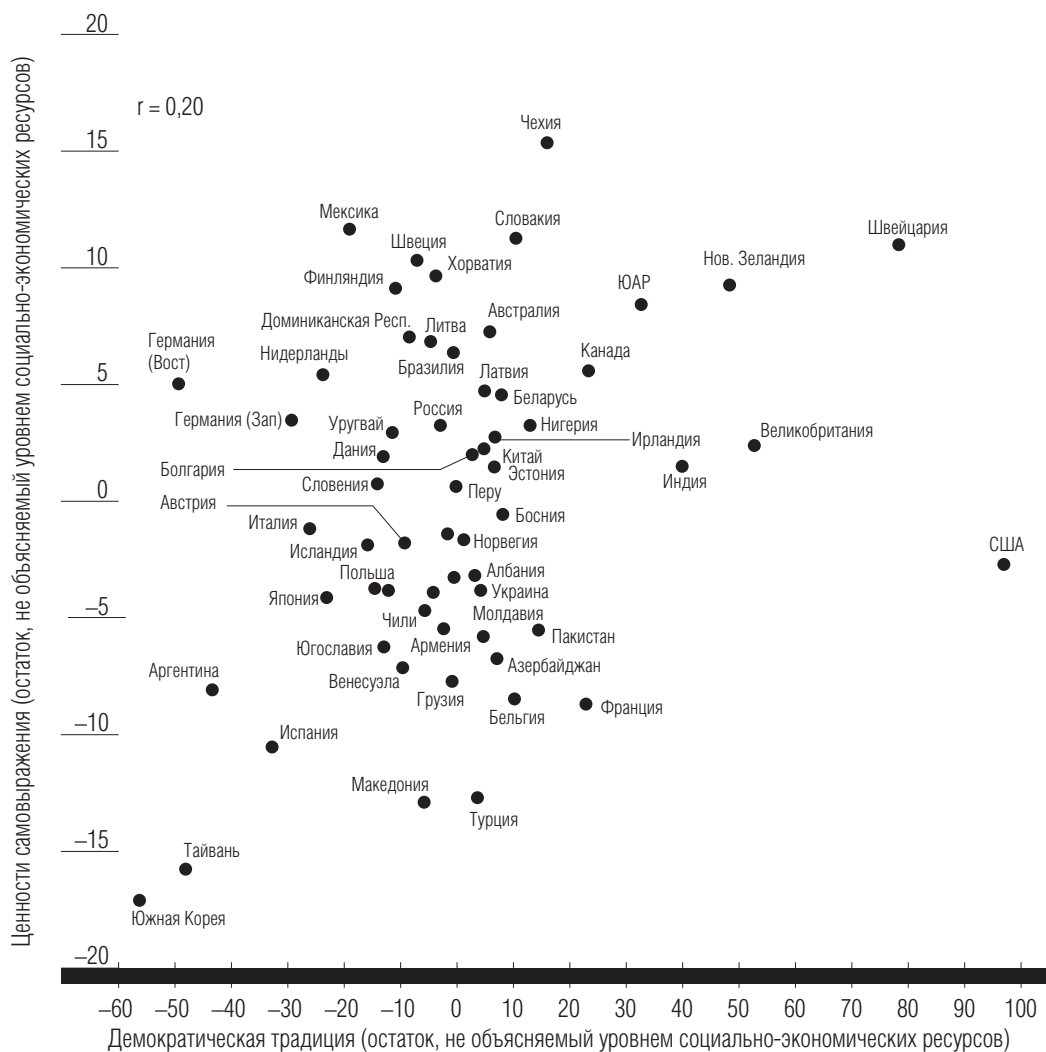
На рисунке 8.6б демонстрируется воздействие демократических традиций на эффективность демократии с учетом уровня ценностей самовыражения в каждой из стран. С первого взгляда становится очевидно, что расположение стран на рисунке напоминает диаграмму случайного рассеяния. Значительная доля дисперсии по шкале демократических традиций не зависит от уровня ценностей самовыражения в стране, однако она объясняет лишь незначительные 4% независимой дисперсии уровня эффективной

Рисунок 8.7а. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ (С ПОПРАВКОЙ НА КОЛИЧЕСТВО ЛЕТ, ПРОЖИТЫХ СТРАНАМИ ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СТРОЕ)

демократии: страны с более продолжительной демократической традицией, чем можно было бы предположить, исходя из их уровня ценностей самовыражения, не обладают более эффективной демократией, чем позволяет этот уровень. Таким образом, будучи отделенной от степени распространения ценностей самовыражения, продолжительность демократической традиции не оказывает существенного воздействия на эффективную демократию в обществе. Демократическая традиция связана с эффективной демократией почти исключительно постольку, поскольку она сочетается с высоким уровнем ценностей самовыражения. Следовательно, при введении поправки на распространение ценностей самовыражения ее воздействие почти сходит на нет.

Рисунок 8.7b. ВОЗДЕЙСТВИЕ КОЛИЧЕСТВА ЛЕТ, ПРОЖИТЫХ СТРАНАМИ ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СТРОЕ, НА ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ (С ПОПРАВКОЙ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ)

На рисунке 8.7а ценности самовыражения представлены в качестве зависимой переменной: мы иллюстрируем, в какой степени они испытывают влияние социально-экономических ресурсов, а кроме того вводим поправку на продолжительность демократической традиции. Как явствует из рисунка, общества с более высоким уровнем социально-экономических ресурсов, чем можно предположить, исходя из их демократических традиций, также обладают более высоким уровнем ценностей самовыражения, чем следует из их опыта жизни при демократическом строе (см. расположение Восточной Германии, Нидерландов, Южной Кореи и Аргентины). Аналогичным образом, общества со слишком низким для их демократических традиций уровнем этих ресурсов отличаются

и более слабым распространением ценностей самовыражения, чем можно предположить, исходя из периода существования в этих обществах демократического строя (см. расположение США, Индии, Турции, ЮАР и Швейцарии). В целом дисперсия индекса социально-экономических ресурсов, независимая от продолжительности демократической традиции страны, объясняет 54% независимой дисперсии по уровню распространения ценностей самовыражения. Таким образом, социально-экономические ресурсы общества оказывают существенное воздействие на уровень ценностей самовыражения, и этот эффект в основном не зависит от продолжительности существования демократических институтов в стране.

На рисунке 8.7b показано воздействие демократических традиций на ценности самовыражения с поправкой на уровень социально-экономических ресурсов. Имеется дисперсия по длительности демократических традиций, независимая от социально-экономических ресурсов общества, но она объясняет лишь незначительные 4% независимой дисперсии по уровню ценностей самовыражения. Количество лет, в течение которых страна живет при демократическом строе, не оказывает статистически значимого воздействия на ценности самовыражения, если мы введем поправку на имеющийся у нее уровень социально-экономических ресурсов.

Эти выводы позволяют ответить на приведенный в главе 7 вопрос Даля: где причина, а где следствие? Они свидетельствуют, что синдром человеческого развития возникает в результате последовательности процессов, в рамках которой рост социально-экономических ресурсов подпитывает эмансипационные социальные силы, выраженные в распространении ценностей самовыражения, а те, в свою очередь, ведут к установлению демократического строя.

Роль других системных факторов

В литературе по вопросам демократизации социально-экономическое развитие чаще всего фигурирует в качестве главной детерминанты демократии. Наши результаты подтверждают, что социально-экономическое развитие оказывает существенное воздействие на развитие демократии, однако оно слабее, чем влияние ценностей самовыражения. Во многом развитие связано с демократией потому, что оно обуславливает изменение ценностей, ведущее к демократизации. Более того, рассчитывая воздействие ценностей самовыражения на последующие демократические показатели страны, мы ввели поправку на ее предшествующую демократическую тра-

дицию и процесс распространения демократии в регионах мира. Ни один из этих факторов не делает воздействие ценностей самовыражения статистически незначимым.

Останется ли этот результат в силе, если мы введем поправку на дополнительные факторы системного порядка, которые в научной литературе также рассматриваются как детерминанты демократии? Оставив в стороне другие формы массовых представлений (их мы рассмотрим в главе 11), отметим, что среди наиболее часто обсуждаемых системных детерминант демократии можно назвать внешние влияния, религиозные традиции и социальные противоречия (общий обзор темы см.: Bollen, Jackman 1985; Gasiorowski, Power 1998; Berg-Schlosser, Mitchell 2000; Doorenspleet 2004).

Что касается факторов международного порядка, то, согласно теории «мировых систем», социально-экономическое развитие ведет к демократии *лишь в том случае*, если страна занимает выгодные позиции в мировой экономике, имея возможность торговать на равных с центрами мирового капитализма (Wallerstein 1974). Согласно другой концепции — теории свободы торговли — в странах, способных преумножить свое материальное богатство за счет свободной торговли, естественным образом возникнут либеральные тенденции, поскольку они постоянно подвергаются воздействию новых идей, приходящих извне (Bollen, Jackman 1985; McNeill 1990; Landes 1998). Позиция страны на мировом рынке определяется величиной ее душевого экспорта в денежном выражении: чем больше эта цифра, тем выгоднее положение страны. Соответственно, следует ожидать, что высокий уровень душевого экспорта должен позитивно влиять на развитие либеральной демократии²⁵.

В литературе по проблемам демократизации также активно обсуждается роль факторов, связанных с социальными противоречиями. Резкие классовые различия, поляризация общества и крайне неравномерное распределение богатства, как считается, негативно сказываются на развитии демократии (Muller 1997). Социальное неравенство побуждает высшие классы опасаться, что демократия позволит низшим классам предпринять шаги перераспределительного характера, связанные с конфискацией их имущества. Это создает у высших классов мощный стимул для противодействия подлинной демократии. И напротив, более равное распределение

---

²⁵ Расчет величины душевого экспорта по состоянию на 1990 год см. в интернет-приложении (№ 09 в разделе «Переменные»).

богатства ведет к преобладанию в обществе среднего класса, стоящего на умеренных политических позициях, — демократия не представляет для него особой угрозы, а наоборот, дает значительные преимущества. Следовательно, сравнительно равное распределение богатства должно позитивным образом влиять на развитие демократии (Voix 2001)²⁶.

Когда возникает крайний дисбаланс в распределении богатства, государство, как правило, обретает более широкие полномочия по осуществлению принуждения, поскольку для защиты своего статуса от перераспределительных притязаний «низов» привилегированные классы нуждаются в применении насилия (Dahl 1973). Соответственно, наличие таких полномочий должно оказывать негативное воздействие на демократию, особенно когда затраты государства на реализацию принудительных функций осуществляются в ущерб социальным расходам²⁷.

Этнически неоднородный состав населения также считается фактором, негативно влияющим на демократию (Muller, Seligson 1994). Этническое многообразие может быть использовано для нагнетания межэтнической вражды, что подрывает демократическую концепцию «общества равных»; соответственно, утверждается, что этническая фрагментация препятствует развитию демократии²⁸.

Последний фактор системного характера связан с религиозными традициями общества. Многие авторы приписывают индивидуалистическое мировоззрение влиянию протестантизма (Vollen, Jackman 1985). Косвенно из этого следует, что наиболее благоприятная почва для возникновения либеральной демократии с ее акцентом на права личности существует в протестантских странах. Если это так и протестантский характер общества проявляется в доле приверженцев этой религии в составе населения, этот фактор должен оказывать позитивное воздействие на развитие демократии.

---

²⁶ Для расчета неравенства в распределении доходов мы использовали коэффициент Джини по состоянию на 1990 год. Подробнее см. интернет-приложение (№ 10 в разделе «Переменные»).

²⁷ Чтобы определить, в какой степени затраты государства на реализацию принудительных функций осуществляются за счет социальных ассигнований, мы вычислили разницу между бюджетными расходами на военные нужды и ассигнованиями на здравоохранение и образование (подробнее см. интернет-приложение, № 13).

²⁸ Мы использовали индексы этнической и лингвистической фрагментации, составленные Алесиной и Девлеешовером (Alesina, Devleeshauer 2003), а также Редером (Roeder 2002). Подробнее см. интернет-приложение, № 11.

И напротив, считается, что исламское общество обладает ярко выраженным антидемократическим характером (Huntington 1996). Если и это справедливо, а исламский характер общества выражается в доле мусульман в составе населения, то мы должны обнаружить здесь негативное влияние на демократию. Составив на основе этих показателей процентный индекс, позитивная величина которого будет увеличиваться в зависимости от того, насколько доля протестантов перевешивает долю мусульман, мы должны ожидать, что он продемонстрирует позитивное воздействие на демократию²⁹.

Таблица 8.4. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА ДЕМОКРАТИЮ С УЧЕТОМ РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

Зависимая переменная: уровень эффективной демократии, 2000–2002

Предикторы	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
Существование демократического строя до 1995 года, количество лет	0,14 (1,51)	0,24* (2,58)	0,17 (1,62)	0,10 (1,10)	0,17* (1,88)	0,15 (1,65)
Процентный индекс распространенности ценностей самовыражения, начало 1990-х	0,65*** (5,95)	0,67*** (7,11)	0,71*** (6,72)	0,64*** (5,93)	0,56*** (5,31)	0,61*** (4,77)
Объем душевого экспорта, 1990, USD	0,18* (2,18)					
Индекс этнолингвистической фрагментации, 1985		-0,20** (-3,45)				
Неравенство доходов, 1995, коэффициент Джини			-0,16* (-2,36)			
Уровень образования для возрастной группы 20–24-летних, 1992, количество лет обучения				0,25** (2,88)		
Государственные социальные расходы за вычетом военных расходов, 1990					0,30*** (4,25)	
Доля протестантов за вычетом доли мусульман, 1990, %						0,21* (2,20)
Скорректированный R ²	0,83 (59)	0,83 (61)	0,79 (51)	0,84 (54)	0,85 (51)	0,81 (61)

Примечание. Данные представляют собой нормализованные регрессионные коэффициенты (значения Т-критерия приведены в скобках). Уровень значимости: * p < 0,100; ** p < 0,010; *** p < 0,001; н.з. — не значима. Статистические результаты тестов на коллинеарность, гетероскедастичность и влияющие наблюдения находятся ниже критического порога.

В таблице 8.4 показано, что происходит, если в дополнение к ценностям самовыражения мы вводим каждый из этих системных

²⁹ Подробнее о методах расчета такого индекса см. интернет-приложение, № 14 в разделе «Переменные».

факторов. В соответствии с принципами каузального анализа, введенными Грейнджером, мы вводим поправку на длительность демократической традиции для того, чтобы определить степень воздействия этих переменных на последующий уровень демократии в той мере, в которой они действуют независимо от предшествующей демократической традиции.

Результаты, содержащиеся в таблице 8.4, показывают, что ряд упоминаемых в научной литературе факторов системного характера оказывает существенное дополнительное воздействие на эффективную демократию, однако ни один из них не уменьшает влияния ценностей самовыражения на ту же переменную до статистически незначимого уровня. Более того, все эти факторы уступают ценностям самовыражения по силе воздействия. Таким образом, можно сделать вывод, что влияние этих ценностей на демократию не является артефактом других системных факторов, обсуждаемых в научной литературе.

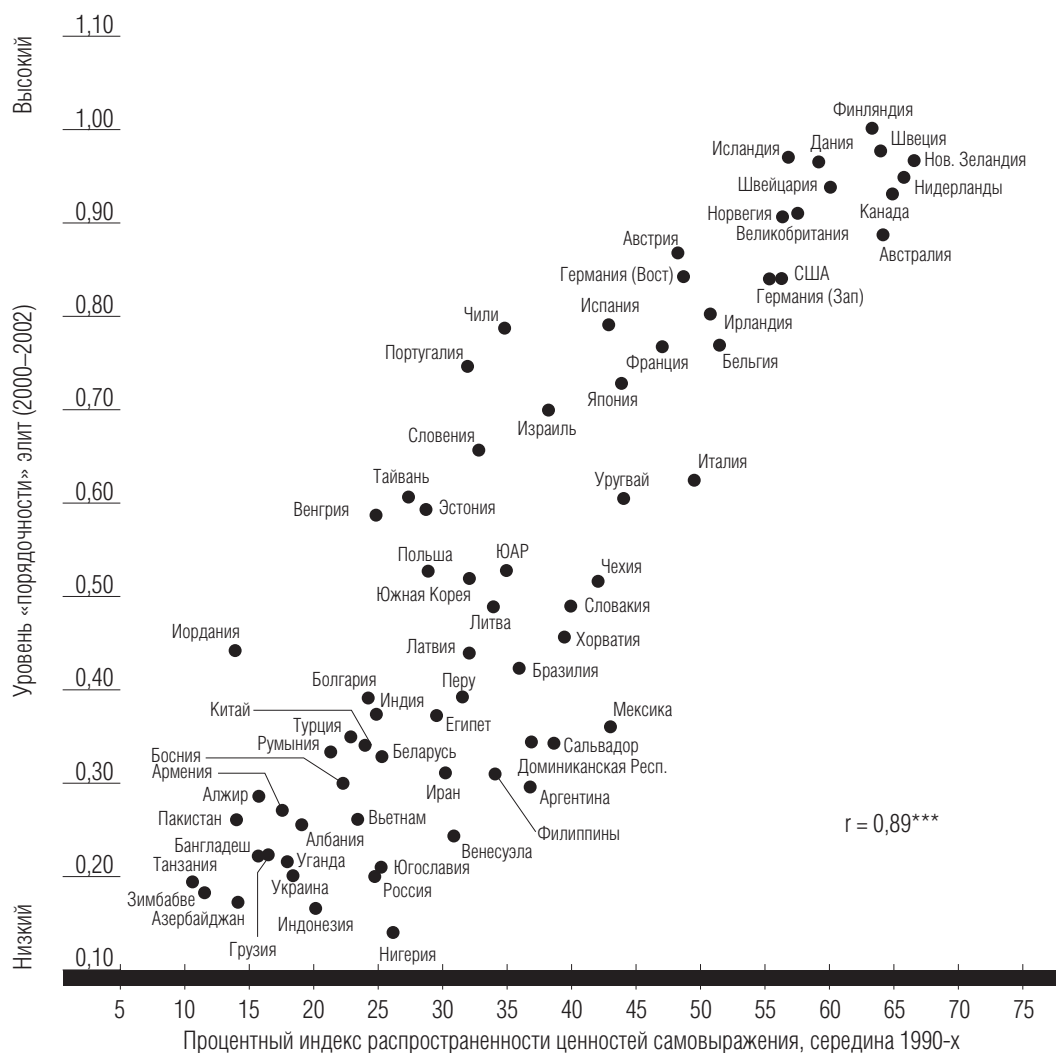
Четвертый этап: объяснение разрыва между формальной и эффективной демократией

Проводить различие между формальной и эффективной демократией имеет смысл лишь в том случае, если между этими двумя вариантами либеральной демократии *действительно существует* значительный разрыв. Как видно на рисунке 8.8, этот разрыв имеет место и он очень велик.

Различие между формальной и эффективной демократией полностью обусловлено «порядочностью» элит: разрыв между этими двумя вариантами отражает ее дефицит. Относительно высокий уровень «порядочности» элит повышает эффективность демократии до уровня формальной демократии, а низкий приводит к тому, что уровень эффективной демократии оказывается гораздо ниже уровня демократии формальной. Таким образом, чтобы понять, как ценности самовыражения влияют на разрыв между эффективной и формальной демократией, необходимо определить степень воздействия этих ценностей на «порядочность» элит.

Как видно на рисунке 8.8, ценности самовыражения оказывают необычайно сильное воздействие на степень «порядочности» элит в последующие моменты времени, объясняя до 79% межстрановой дисперсии последней. Это означает, что распространение указанных ценностей действует в качестве социальной силы, сокращающей разрыв между эффективной и формальной демократией за

Рисунок 8.8. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА «ПОРЯДОЧНОСТЬ» ЭЛИТ

счет повышения «порядочности» элит — фактора, устраняющего различие между двумя вариантами либеральной демократии.

Воздействие ценностей самовыражения на формальную демократию носит, как показывает рисунок 7.1, несколько иной характер. С одной стороны, речь идет о сильном воздействии с высокой статистической значимостью, объясняющем до 50% дисперсии в уровне формальной демократии. Кроме того, этот эффект, судя по всему, имеет специфическую направленность: высокий уровень ценностей самовыражения является достаточным условием для возникновения формальной демократии, поскольку все без исключения страны, занимающие на шкале ценностей самовыражения место выше 33-го перцентиля (т.е. выше уровня Венесуэлы), демонстрируют показатели формальной демократии на уровне 60-го перцентиля и выше. С другой стороны, воздействие этих ценностей

на формальную демократию ослабляется тем, что их высокий уровень не является необходимым условием для установления формальной демократии. Свободные выборы можно ввести практически везде, и страны, недотягивающие до 25-го перцентиля по уровню ценностей самовыражения, порой демонстрируют показатели формальной демократии на уровне 80-го перцентиля.

Примерами государств, где формальная демократия находится на высоком уровне, несмотря на слабое развитие ценностей самовыражения, могут служить Румыния, Болгария и Индия. Однако во всех этих случаях слабое распространение ценностей самовыражения сочетается с резким дефицитом «порядочности» элит, в результате чего их высокие показатели по шкале формальной демократии оборачиваются ее низкой эффективностью. Другими словами, высокий уровень формальной демократии сводится на нет, если в обществе слабо акцентированы ценности самовыражения. И напротив, когда уровень распространения этих ценностей высок, высока и «порядочность» элит, что придает эффективность существующему уровню формальной демократии. Таким образом, ценности самовыражения являются той социальной силой, которая подталкивает к сокращению разрыва между формальной демократией и эффективной демократией за счет поощрения «порядочности» элит.

Если взглянуть на ситуацию под другим углом, то слабость ценностей самовыражения означает наличие высокого уровня ценностей выживания, побуждающих людей искать защиты в рамках сплоченных групп и налаживать прочные скрепляющие связи, культивируя фаворитизм в качестве «страховки» от жизненных невзгод. Фаворитизм же создает благодатную почву для коррупции. В рамках «культуры выживания» типичным поведением становится коррупция, и народ ожидает этого от элиты. И наоборот, эмансипационная природа ценностей самовыражения способствует формированию недискриминационных и универсальных представлений о благосостоянии. Возникновение эмансипационной культуры сопровождается растущим неприятием массами фаворитизма и коррупции. Таким образом, когда формальная демократия сочетается с широким распространением ценностей самовыражения, возникают мощные социальные силы, работающие на повышение «порядочности» элит и делающие формальную демократию эффективной. Распространение этих ценностей создает в обществе давление в пользу устранения разрыва между формальной и эффективной демократией.

Заключение

В настоящей главе мы исследовали воздействие ценностей самовыражения на демократию под несколькими разными углами зрения. Мы обнаружили, что эти ценности существенным образом связаны с различными аспектами демократии, включая конституционную демократию, электоральную демократию и либеральную демократию. С точки зрения человеческого развития либеральная демократия имеет особое значение, поэтому мы сосредоточили внимание именно на ней, проводя различие между ее формальным и эффективным вариантами. Далее мы продемонстрировали, что: 1) ценности самовыражения оказывают сильное каузальное воздействие на возникновение формальной демократии, однако 2) еще больше эти ценности влияют на создание эффективной демократии и 3) ведут к повышению «порядочности» элит — фактора, устраняющего разрыв между формальной и эффективной демократией. Каузальные эффекты противоположного порядка, т.е. воздействие демократических институтов на ценности самовыражения, как выяснилось, не обладают статистической значимостью. Этот вывод является сильным аргументом в пользу культурного объяснения происхождения демократии и опровергает «институциональные» концепции возникновения политической культуры. Он говорит о том, что распространение ценностей самовыражения играет главную роль в процессе демократизации.

Глава 9 Социальные силы, коллективные действия и события международного масштаба

Мы только что представили убедительные доказательства того, что массовые ценности самовыражения способствуют утверждению демократии и повышению ее эффективности. Однако одними изменениями в сфере культуры здесь дело не исчерпывается. К примеру, есть основания утверждать, что «третьей волны» демократизации вообще не было бы, если бы Михаил Горбачев не отменил доктрину Брежнева, а США не поддержали бы демократические процессы в таких странах, как Филиппины и Южная Корея. Дело в том, что демократизацию порождают не безличные массовые ценности, например ценности самовыражения, а коллективные действия, в рамках которых ключевую роль играют конкретные акторы, в том числе элиты и контрэлиты.

Было бы абсурдом утверждать, что культурные изменения автоматически влекут за собой изменения институционального характера, например демократизацию, однако они, судя по всему, представляют один из важных факторов, обуславливающих эти процессы. Итак, возникает вопрос: каким образом процесс распространения ценностей самовыражения сочетается с событиями на уровне элит — такими, как решение Горбачева не прибегать к военному вмешательству для сохранения зашатавшихся коммунистических режимов в странах Восточной Европы, — чтобы их результатом становилось утверждение или укрепление демократии? Чтобы ответить на него, нам нужно проанализировать три категории каузальных факторов (см.: Tilly 1984).

Во-первых, важную роль в возникновении «волн» демократизации на мировой арене играет изменение международной обстановки, вызываемое, в частности, такими событиями, как появление «вашингтонского консенсуса» или отказ от доктрины Брежнева (Pridham 1991; Diamond L. 1993a; Robinson W.I. 1996; Markoff 1996; Whitehead 1996). Воздействие таких событий на международной арене является очевидным фактом для каждого, кто изучал проблемы

демократизации, однако это только часть истории. Для укоренения демократии в любой стране требуются соответствующие социальные условия. Так, США оказывали помощь демократическим движениям не только на Филиппинах и в Южной Корее, но также и в Иране с Пакистаном. Однако определенный объем помощи в некоторых странах дал куда больший результат, чем в других, — по причинам внутреннего порядка. Аналогичным образом, отказ советского руководства от поддержки военными средствами коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе в конце 1980-х годов создал возможности для демократизации. Однако в разных странах эта возможность была реализована совершенно по-разному. Упразднение доктрины Брежнева равным образом касалось и Польши, и Румынии, однако различные условия внутри этих стран привели к тому, что события там развивались по-разному: Польша достаточно быстро осуществила переход к полномасштабной и сравнительно эффективной демократии, а Румыния до сих пор лишь пытается добиться аналогичного результата.

Кроме того, даже если с точки зрения социальной обстановки страна «созрела» для демократизации, этот процесс могут блокировать авторитарные элиты — особенно в тех случаях, когда они пользуются поддержкой зарубежных держав. Как только эта внешняя поддержка ослабевает, авторитарные элиты оказываются под давлением демократических сил внутри страны — *если*, конечно, такие силы существуют. События на международной арене могут как блокировать, так и стимулировать демократические силы в стране. Однако они способны лишь мобилизовать такие силы, а не создать их. Если демократических сил не существует или они слишком слабы (судя по всему, именно такая ситуация складывается в Китае, Вьетнаме, Саудовской Аравии и других государствах, где авторитарные режимы сохраняются, несмотря на все более неблагоприятные для авторитаризма международные условия), само по себе внешнее воздействие эффекта не даст.

Независимо от развития событий в международном масштабе, демократизация происходит путем коллективных действий, таких как массовые демонстрации, кампании в поддержку свободы и процессы «торга» на уровне элит, в рамках которого власти и их оппоненты разрабатывают механизмы переходного процесса (см., в частности: O'Donnell, Schmitter 1986; Karl, Schmitter 1991; Higley, Gunther 1992; Bernhard 1993; Casper, Taylor 1996; Foweraker, Landman 1997). Однако концепции, связанные с последовательностью

коллективных действий, объясняют далеко не все, даже после их систематизации в рамках общей типологии. Дело в том, что и сами эти действия представляют собой неотъемлемый элемент процесса перехода к демократии. Они позволяют объяснить, *как* происходит переход, но не *почему* он происходит.

Демократизация всегда происходит через посредство коллективных действий, независимо от того, принимает ли она форму мобилизации масс или «торга» с участием элит. К элитам принадлежат люди, принимающие важные решения, так что их действия по определению представляют собой заключительное звено в процессе демократизации — но это не означает, что элиты осуществляют их в вакууме. Напротив, их действия, как правило, обуславливаются более глубинными социальными силами, например теми, которые связаны с ценностями самовыражения: эти силы определяют характер коллективных действий, направляя их в то или иное русло, в рамках которого одни результаты — например, формирование эффективной демократии — становятся более вероятными, чем другие. Мы определяем социальные силы как массовые тенденции, служащие мотивацией для коллективных действий, направляющие их в сторону конкретных результатов — например, формирования той или иной конфигурации институтов, позволяющей сделать реальностью эффективную демократию. Коллективные действия — инструмент перехода. Однако именно социальные силы придают им определенное направление.

Эта концепция социальных сил соответствует понятиям, разработанным в теориях общественных движений и мобилизации масс. «Ресурсно-мобилизационная» теория Тилли утверждает, что для мобилизации социальных сил необходимы ресурсы (Tilly 1978). Модернизация, как мы помним, обеспечивает людей экономическими, когнитивными и социальными ресурсами, необходимыми для пробуждения социальных сил. Однако сами по себе ресурсы не определяют направления, в котором будут действовать социальные силы, и цели, на достижение которых они работают. Тенденции в сфере массовых представлений также играют здесь ключевую роль, побуждая людей отдавать предпочтение одним задачам перед другими. Макадам, к примеру, продемонстрировал, что мобилизация участников «Лета свободы в Миссисипи» в 1964 году была связана не только с ресурсами, но и с мотивационной мобилизацией по принципу, как он выразился, «общности установок» (attitudinal affinities) (McAdam 1986). Активисты движения способствуют определению

целей, ради которых мобилизуются люди (Benford, Snow 1988). Однако вопрос о том, какие политические цели могут с наибольшей вероятностью привлечь внимание людей, определяет именно «общность установок», побуждающая людей принимать определенные задачи близко к сердцу. Так, приверженцы ценностей самовыражения позитивнее реагируют на вещи, символизирующие гражданские права, чем на атрибуты «сильной власти», тогда как реакция людей, исповедующих ценности выживания, скорее всего будет противоположной.

Ценности самовыражения представляют собой тенденцию в сфере массовых представлений, акцентирующую гражданские и политические свободы, а также подлинно эффективную демократию. Сами по себе эти ценности не создают демократические институты и не придают им эффективность. Однако они концентрируют коллективные действия на тех направлениях, которые увеличивают вероятность успешной демократизации. Мощное воздействие ценностей самовыражения на эффективность демократии происходит потому, что эти ценности способствуют коллективным действиям, формирующим и поддерживающим демократию. Подобный вывод неизбежен, ведь демократия всегда утверждается и сохраняется за счет коллективных действий. Если бы ценности самовыражения не порождали коллективные действия, с помощью которых в конечном итоге устанавливается и углубляется демократический строй, они не оказывали бы существенного воздействия на возникновение демократии и ее эффективность.

Любой переход к демократии отражает взаимодействие трех категорий каузальных факторов: события на международной арене *стимулируют* существующие в обществе социальные силы; социальные силы *направляют* коллективные действия к достижению тех или иных политических результатов; а коллективные действия непосредственно *реализуют* процессы, обеспечивающие эти результаты. Таким образом налицо взаимодействие *стимулирующих* факторов (международных событий), *направляющих* факторов (социальных сил) и факторов *реализации* (коллективных действий). В рамках подобного взаимодействия основополагающим фактором являются социальные силы. Они обеспечивают первопричину таких процессов, как демократизация, в то время как коллективные действия представляют собой их непосредственную, ближайшую причину. Чтобы углубить наше понимание процесса демократизации, необходимо сосредоточиться не только на ее непосредственной

причине, но изучить и первопричину — социальные силы. Эти силы отражаются в тенденциях массовых представлений, таких как ценности самовыражения.

Ритм изменений

Как мы показали в главе 8, уровни демократии и распространения ценностей самовыражения демонстрируют очень разную степень стабильности. Распространение ценностей самовыражения представляет собой медленный накопительный процесс: в течение коротких промежутков времени их уровень меняется незначительно. Следовательно, значение показателя ценностей самовыражения в определенный момент позволяет весьма точно спрогнозировать их уровень в ближайшем будущем. И напротив, в ходе «третьей волны» уровень демократии во многих странах изменился самым радикальным образом: автокорреляция демократии во времени выражена намного слабее, т.е. для того, чтобы объяснить сдвиги в сторону демократии, мы должны обратиться к другим факторам (например, ценностям самовыражения). Подобные различия в плане временной стабильности говорят о различиях в логике изменений — эти различия следует принимать во внимание при интерпретации причинно-следственных связей.

Внезапная смена режимов, которую мы наблюдали в ходе «третьей волны», резко контрастирует с инерционным характером изменений в социально-экономической и культурной сфере, которые происходят неуклонно, но медленно. Авторитарный политический режим может в одночасье смениться демократическим, однако от нищеты к процветанию или от культуры, акцентирующей ценности выживания, к приверженности ценностям самовыражения страны идут десятилетиями.

Постепенно меняющиеся переменные, например социально-экономическое развитие, отличаются немалой инерцией. Его прирост или убывание за год незначительны по сравнению тем, что уже накоплено. Ежегодный прирост ВВП страны всегда составляет небольшой процент от его объема. Такие постепенно меняющиеся переменные демонстрируют значительные изменения лишь в долгосрочной перспективе. Мы будем называть их «накопительными» переменными (*cumulating variables*). И напротив, переменные, переживающие «взрывные» изменения, например демократизация и иные институциональные преобразования, в течение долгого времени остаются неизменными, после чего происходит неожиданный

резкий сдвиг, создающий совершенно новую ситуацию — прорыв, имеющий историческое значение. Такие переменные мы определим как «прорывные». Различия в динамике изменений между этими типами переменных оказывают двойное воздействие на интерпретацию их причинно-следственной взаимосвязи.

Во-первых, каузальная взаимосвязь между накопительной и прорывной переменными не носит непрерывного характера: она проявляется только в тот момент, когда прорывная переменная совершает резкий скачок. Не считая этих скачков, прорывная переменная, как правило, остается неизменной. Чтобы проанализировать этот феномен, необходимо сосредоточиться на том моменте, когда прорывная переменная вдруг резко изменяется. Стандартные методы анализа временных рядов для этого не подходят, поскольку одинаково трактуют все промежутки времени, смешивая мгновенные скачки прорывной переменной с продолжительными периодами, когда с ней ничего не происходит. Эпизодический характер сдвигов можно уловить, сосредоточиваясь на конкретных периодах времени, — вместо того, чтобы вычислять средние величины прорывной переменной в течение многих лет, когда с этой переменной ничего не происходит. Именно такая стратегия реализована в ходе анализа, результаты которого мы изложили в главе 8. Вместо того чтобы анализировать динамику демократии на среднегодовой основе, мы сосредоточились на волне изменений, резко отделяющей период до 1987 года от периода после 1997-го.

Во-вторых, внезапные скачки, которые демонстрирует прорывная переменная в определенные периоды времени, не отражают соответствующих скачков в динамике накопительной переменной, поскольку такие переменные не развиваются скачкообразно. Неважно, насколько выросла экономика страны за предыдущий год — на 1 или 3%: от этого не зависит, сделает ли она внезапный скачок в сторону демократии. Однако величина душевого ВВП, накопленного до скачка — скажем, 500 или 10 000 долларов, — может определить, перейдет страна к демократии или нет. Как показывают последние исследования, почти все страны с низким уровнем душевого дохода в ходе «третьей волны» остались за рамками процесса демократизации, однако во многих государствах со средним уровнем душевого дохода такой переход произошел (см.: Voix, Stokes 2003). Иными словами, вероятность скачка к демократии для Чили была гораздо выше, чем для Бенина. Накопительные изменения,

такие как социально-экономическое развитие и изменения в сфере культуры, носят инерционный характер — они не обязательно демонстрируют какую-либо динамику в те короткие периоды, когда с прорывной переменной происходит радикальный сдвиг.

Из-за своей постепенной, но непрерывной динамики накопительные переменные демонстрируют значительный разброс по уровню, накопленному к любому конкретному моменту времени. Различия в темпах текущего экономического роста сравнительно невелики по сравнению с различиями в уровне душевого ВВП: самая зажиточная страна из нашей выборки в 200 раз богаче самой бедной.

Некоторые примеры, демонстрирующие разницу между накопительными и прорывными переменными, были приведены в главе 1, где мы показали, как межпоколенческие культурные изменения, вызревавшие много десятилетий, внезапно оборачивались институциональными прорывами: легализаций разводов в Испании, Италии и Ирландии или однополых браков в Нидерландах, Германии и Канаде. В таких случаях любые попытки объяснить институциональные прорывы с точки зрения изменившихся за последние предшествовавшие им годы представлений бессмысленны. За несколько лет, предшествовавших разрешению однополых браков, отношение к гомосексуалистам сильнее изменилось в Нигерии, чем в Нидерландах. Однако в первой из этих двух стран терпимо относились к гомосексуалистам лишь 8% населения, а во второй — 78%, поэтому институциональный прорыв произошел именно в Нидерландах. Анализ последних изменений в общественных представлениях не только покажет слабые эффекты, но и зачастую подтолкнет вас к неверным выводам.

Краткосрочные изменения накопительных переменных, например ценностей самовыражения, невелики и не оказывают существенного воздействия на резкое изменение прорывных переменных. Когда происходит резкая смена режима, небольшие флуктуации в уровне ценностей самовыражения, происходившие в последнее время, значения не имеют. Важно другое — достигли ли эти ценности *уровня*, на котором их можно считать относительно распространенными, поскольку именно степень приверженности людей ценностям самовыражения определяет размеры «спроса» на свободу. Этот вывод также получил отражение в нашем анализе: мы объясняли изменение уровня демократии достигнутым уровнем ценностей самовыражения, а не *изменением* этого уровня.

Одним словом, анализ сдвигов к более высокому или низкому уровню демократии должен проводиться с учетом трех основных соображений. Во-первых, каждая смена режима — событие уникальное, представляющее собой прорыв исторического масштаба. Она происходит не постепенно, в течение многих лет, а в течение строго ограниченного периода — порой лишь один раз за всю историю страны. Соответственно, любой масштабный анализ смены режимов должен быть сосредоточен на периодах, когда эти процессы приобретают характер большой волны. Во-вторых, если мы хотим объяснить воздействие накопительной переменной, например ценностей самовыражения, на смену режимов, недавние колебания уровня накопительной переменной значения не имеют: важен сам ее уровень. Краткосрочные изменения накопительных переменных обычно незначительны по сравнению с уровнем, которого они достигают к конкретному моменту времени. В-третьих, необходимо учитывать тот факт, что влияние накопительной переменной на смену режимов, как правило, является условным и взаимодействует с внешними условиями, активизирующими это воздействие. По указанным причинам стандартные методы анализа временных рядов непригодны для анализа смены режимов, и поэтому в настоящей главе, как и в предыдущей, при рассмотрении проблемы каузальности мы использовали иной подход.

Внешние стимулирующие факторы

Внезапные скачки прорывной переменной нельзя объяснить одним воздействием накопительных переменных: оно сочетается с влиянием соответствующих событий на международной арене. В том, что касается демократизации в Восточной Европе, таким событием стало аннулирование доктрины Брежнева. Пока коммунистические режимы поддерживались мощью Советской армии¹, их смена была невозможна — независимо от степени приверженности граждан восточноевропейских стран ценностям самовыражения. Но как только Горбачев в 1988 году объявил, что Советская армия больше не будет вводиться в другие страны для поддержки коммунистических режимов, внутренние социальные силы, в частности приверженность масс ценностям самовыражения, тут же проявили себя, обусловив значительное и устойчивое продвижение к демократии в тех странах, где

---

¹ Аналогичным образом Соединенные Штаты в годы холодной войны поддерживали ряд авторитарных режимов из-за их антикоммунистического характера.

эти ценности получили широкое распространение (например, в Польше, Чешской Республике, Словении), и не столь масштабные и успешные изменения там, где они были развиты слабее (например, в Беларуси, России, Сербии). Смена режимов произошла внезапно. Однако обусловившие ее изменения в социальной и культурной сфере постепенно нарастали в течение долгого времени.

Сравнительно широкое распространение ценностей самовыражения в таких странах, как Чили, Южная Корея и Венгрия, не могло обеспечить переход к демократии до тех пор, пока их правящие авторитарные режимы пользовались финансовой, военной и политической поддержкой одной из двух сверхдержав. Но как только такая поддержка исчезла, ценности самовыражения сразу же обрели значение, воздействуя на политические режимы этих стран, и вскоре после изменения внешних условий они уступили место демократии. Правые авторитарные режимы в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и Африке, прежде пользовавшиеся поддержкой США, утратили эту поддержку после выработки «вашингтонского консенсуса» в середине 1980-х (см.: Pridham 1991; Gills, Rocamora 1992; Pridham, Vanhanen 1995; Robinson W.I. 1996; Whitehead 1996; Randall, Theobald 1998). С тех пор Соединенные Штаты начали поддерживать движения за гражданские права по всему миру, а Всемирный банк — увязывать предоставление своих кредитов с принципом «качественного государственного управления». На этом этапе авторитарные режимы лишились поддержки Запада (за исключением некоторых стран — экспортеров нефти, например Саудовской Аравии). Соответственно, смена режимов в сторону демократии в большинстве стран Восточной Азии (на Филиппинах и Тайване, в Южной Корее, Таиланде и Индонезии), Латинской Америки (в Чили, Панаме, Гайане, Парагвае, Суринаме) и Африки (в Бенине, Гане, Мали, ЮАР, Замбии) началась в конце 1980-х, а не раньше (Diamond 1993b).

Правящие режимы в странах Варшавского договора еще более неожиданно лишились гарантий помощи извне, когда в 1988 году Горбачев заявил, что вооруженные силы СССР больше не будут использоваться для сохранения коммунистического строя в государствах Центральной и Восточной Европы (Diamond 1993b; Robinson W.I. 1996). Последовавшее за этим крушение коммунизма и распад Советского Союза также носили внезапный характер, но в разных странах обернулись весьма различными последствиями. В некоторых странах, например в Беларуси и государствах Центральной Азии, результатом стал возврат к авторитарной форме

правления, в других, например в России и Сербии, установилась «авторитарная демократия», в третьих (Чешской Республике, Словении, прибалтийских государствах) возник подлинно демократический строй. Как мы продемонстрировали, подобные итоги во многом отражают уровень ценностей самовыражения, существовавший в этих обществах к началу переходного периода.

Задолго до крушения коммунизма на проблему сочетания внешних и внутренних условий обратил внимание Хантингтон. Он отметил: «С точки зрения культурных традиций, экономического развития и социальной структуры общества Чехословакия сегодня, несомненно, была бы демократической страной (и, вероятно, то же самое можно сказать о Польше и Венгрии), если бы не „право вето“, связанное с присутствием советских войск» (Huntington 1984: 211). Этот диагноз был абсолютно точен. Из него следовало, что в отсутствие угрозы советской интервенции внутренние социальные силы в этих странах, несомненно, повлияли бы на существовавшие там институты: именно так все впоследствии и произошло. Поддержка авторитаризма извне внезапно прекратилась в 1988 году: в результате был снят блокирующий фактор, препятствовавший переходу к демократии стран, где внутренние условия для этого уже сложились. Как только перестал действовать блокирующий фактор, различия в ценностных ориентациях, десятилетиями, казалось, лишённые какой-либо актуальности, внезапно вышли на первый план и сыграли решающую роль в переходе к демократии.

Наша аргументация вполне совместима с теорией ценностей и ожиданий (*value-expectancy theory*), принятой в научной литературе по проблемам массовых движений (Klandermans 1984). Согласно этой концепции, мобилизация масс общественными движениями связана с сочетанием двух факторов: ожиданий людей, что подобная деятельность имеет реальные шансы на успех, и степени, в которой цели движения представляют для них ценность. Даже если люди высоко ценят цели общественного движения, они не станут участвовать в нем, если считают, что их действия не имеют шансов на успех. В то же время, как бы ни была высока вероятность успеха движения, они не примкнут к нему, если его цели не представляют для них ценности.

Механизм взаимодействия событий внешнего характера, например аннулирования доктрины Брежнева, и существующего в обществе уровня ценностей самовыражения действует по той же логике. Чтобы люди участвовали в демократическом движении, они

должны ожидать, что их действия имеют немалые шансы на достижение результата — установления демократического строя. Не видя такого шанса, они не присоединятся к движению, даже если всей душой выступают за демократизацию. Это позволяет объяснить, почему ценности самовыражения не оказывали своего воздействия, пока доктрина Брежнева оставалась в силе: надежды масс на успех в противостоянии с советскими танками равнялись нулю. Однако их стремление к демократии, основанное на ценностях самовыражения, дало свои результаты, как только угроза вмешательства советских войск была снята. Радикальное изменение внешних условий актуализировало уже существующие ценности самовыражения, но сформировать их оно не смогло бы. Поскольку в различных обществах эти ценности были распространены неодинаково, одни и те же изменения внешних условий обернулись разной степенью мобилизации масс в поддержку демократии.

Если ожидания близки к нулю, то произведение ценностей на ожидания оказывается также близким к нулю, лишая множитель ценностей какого-либо значения. Именно такова была ситуация до 1988 года. Однако по мере изменения ожиданий это произведение начинает зависеть от множителя ценностей, поэтому после 1988 года разница в уровне ценностей самовыражения позволяет объяснить различия в масштабах мобилизации масс демократическими движениями и в результатах демократизации.

Смену режимов можно интерпретировать как результат взаимодействия внутренней ситуации и соответствующих событий на международной арене, причем внешние факторы зачастую способны блокировать или стимулировать воздействие внутренних условий. Соответственно, в ходе нашего анализа мы сосредоточиваемся на том, как изменилась ситуация по окончании «третьей волны» по сравнению с ее кануном — т.е. результате актуализации внутренних факторов внешними. Мы учитываем значение внешних международных факторов двумя способами: анализируем смену режимов, ставшую возможной благодаря изменению внешних условий, и принимаем во внимание фактор пространственного распространения, т.е. определяем степень, в которой смена режима в той или иной стране отражает изменения в его окружении.

Чтобы остаться у власти, недемократические режимы не всегда нуждаются в поддержке извне. Так, они сохраняются в отсутствие внешней поддержки в таких странах, как Китай и Беларусь, где продемократические социальные силы пока что относительно слабы.

То же самое относится к режимам формально демократическим, но на деле явно не соответствующим стандартам демократии, например, в плане соблюдения гражданских прав. Однако, как мы продемонстрировали, в странах, где недемократические режимы или неэффективная демократия сохраняются без поддержки извне, в культуре общества отсутствует сильный акцент на ценностях самовыражения. Аналогичным образом, как мы убедились, если в обществе распространятся эти ценности, недемократические режимы и неэффективная демократия вряд ли способны сохраняться без поддержки извне.

Культура масс и поведение элит

Каким образом ценности самовыражения обуславливают коллективные действия, ведущие к демократизации? После появления фундаментального труда О’Доннела и Шмиттера (O’Donnell, Schmitter 1986) многие исследователи утверждают, что непосредственной причиной перехода к демократии являются коллективные действия, управляемые элитами (Karl, Schmitter 1991; Higley, Gunther 1992; Marks 1992; Przeworski 1992; Linz, Stepan 1996). Соответственно, переход к демократии можно расценивать как результат «игры между нападающим и защитником» (Casper, Taylor 1996) — элитами, находящимися у власти, и контрэлитами, бросающими им вызов. Даже если масштабная мобилизация масс затрагивает значительные сегменты населения, ключевую роль в процессе играют немногочисленные политические элиты и активисты. Тот же аргумент приводится в качестве обоснования стабильности режимов: демократический строй отличается стабильностью, если все элиты согласны в том, что демократия — «единственный возможный вариант» (Linz, Stepan 1996: 4).

Концепция, согласно которой стабильность или смена режимов являются результатом коллективных действий, где главную роль играют политические элиты и контрэлиты, отличается узостью: ее сторонники сосредоточивают все внимание на непосредственных причинах демократизации, игнорируя более широкие социальные силы, нацеливающие действия этих акторов в определенном направлении. Утверждения о том, что переход от авторитарного строя к демократическому происходит потому, что продемократические «нападающие» играют более умело, чем антидемократические «защитники», по сути представляют собой тавтологию. Конечно, поведение элит неизменно представляет собой непосредственный

фактор, обеспечивающий смену режима, но это не дает никакого представления о социальных силах, побуждающих элиты действовать именно так, а не иначе (Huntington 1991: 36). Тот факт, что судьба политических режимов «является результатом действий, а не просто условий» (Przeworski, Limongi 1997: 176), еще не означает, что эти действия не предопределяются более широкими социальными силами, такими как массовые ценности самовыражения.

Само собой разумеется, что созданием, совершенствованием и практическим использованием демократических институтов занимаются элиты. Но это означает, что существенное воздействие ценностей самовыражения на демократические институты (а факт такого воздействия мы выявили в ходе предыдущего анализа) может осуществляться лишь одним способом: предпочтения масс должны оказывать влияние на поведение элит. Поскольку действия элит являются непосредственной причиной демократизации, факт воздействия ценностей самовыражения на демократические процессы говорит о том, что такое влияние существует. Но каким образом оно реализуется?

Есть два возможных пути, которыми эмансипационные социальные силы, пробужденные ценностями самовыражения, могут направлять поведение элит в русло демократизации. Первый из этих вариантов связан с чертами, характерными для общества, где широко распространены ценности самовыражения. По определению в таком обществе велика доля людей, придающих большое значение эмансипации личности и готовых активно протестовать против неприемлемых действий элит. В обществе, где распространены ценности самовыражения, люди зачастую присоединяются к массовым социальным движениям и поддерживают общественные кампании, призванные вынудить элиты отреагировать на их требования и соблюдать их права. Более того, поскольку эти ценности формируются при высоком уровне социально-экономического развития, приверженные им люди, как правило, обладают ресурсами, необходимыми, чтобы претворить свои требования в жизнь. Таким образом, один из способов, которым ценности самовыражения воздействуют на поведение элит, связан с обусловленным этими ценностями давлением масс. Подобное давление может принимать форму массовых движений, общественных кампаний и акций протеста — все они представляют собой эффективные рычаги давления на элиты, связанные с государством (см.: Diamond L. 1993b; Markoff 1996; Paxton 2002: 256).

Авторитарные элиты — если они контролируют вооруженные силы и не останавливаются перед применением силы, — как правило, обладают достаточным могуществом, чтобы поставить заслон требованиям масс. Однако ресурсы и решимость, которые люди вкладывают в борьбу за свободу и демократические движения, могут перевесить потенциал принуждения, имеющийся у режима (Dahl 1973; Markoff 1996; Tilly 1997). Массовые и активные демократические кампании демонстрируют силу общества в противостоянии государственному принуждению, демонстрируя, что, если элиты решат применить военные методы, режиму придется столкнуться с высокими издержками подавления. Возможность повышения таких издержек влияет на оценку элитами потенциальных рисков, усиливая вероятность того, что у них возникнут колебания по поводу применения военной силы (Marks 1992: 50–55; Karklins, Petersen 1992; Gibson 2001). Если бы в 1989 году в Китае массовые демонстрации в поддержку демократии проходили во всех крупных городах и охватили все слои населения, руководство компартии, возможно, оказалось бы не в состоянии подавить это движение силовыми методами. И напротив, если бы аналогичные акции в Чехословакии и ГДР в том же 1989 году ограничились пределами столиц и поддерживались лишь студенческой молодежью, коммунистическое руководство этих стран рисковало бы куда меньше, если бы решило направить против протестующих войска.

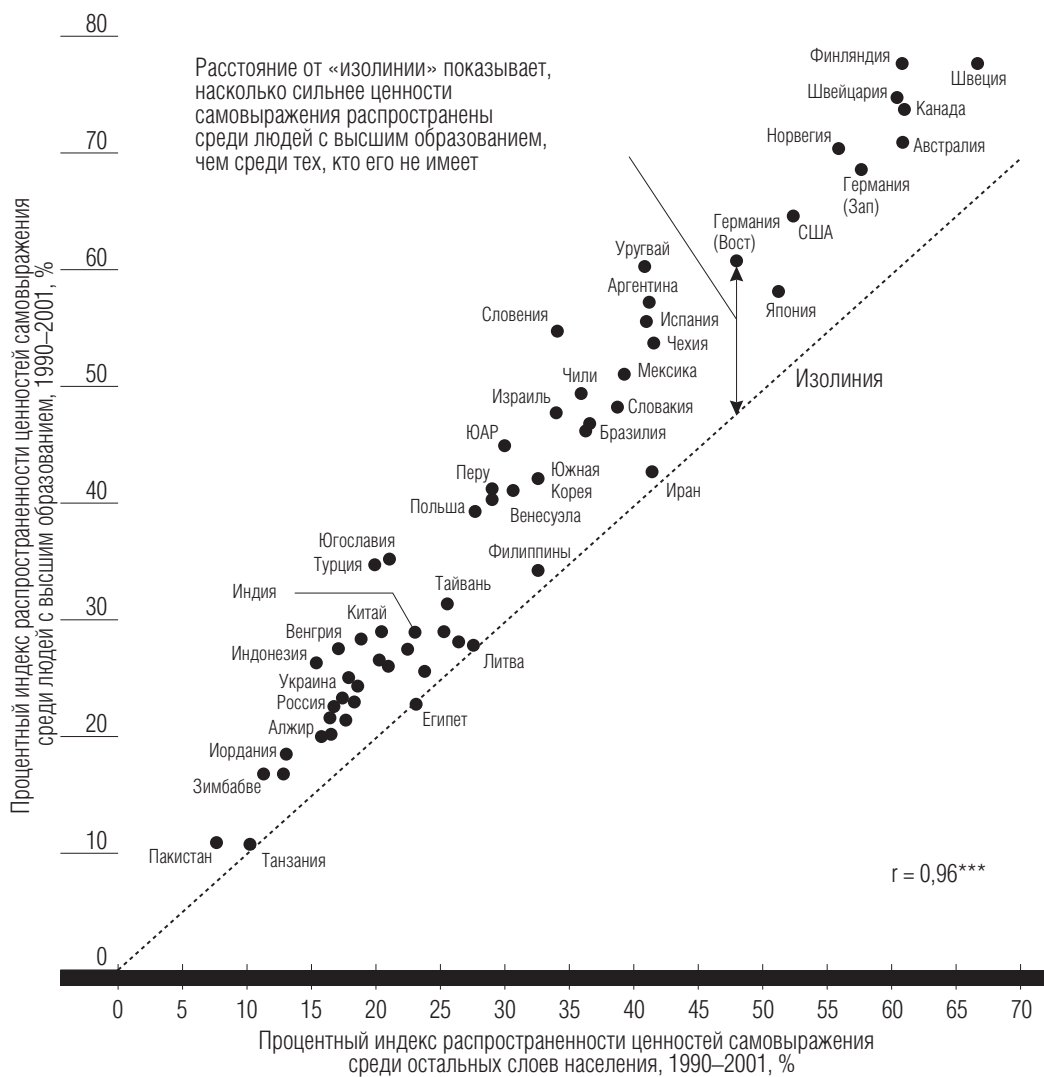
Было бы ошибкой считать, что элитам, чтобы гарантировать сохранение авторитарного режима, нужны лишь решимость остаться у власти и готовность защищать свое положение любыми средствами. Авторитарные элиты, как правило, хотят остаться у власти; вопрос в другом — в состоянии ли они этого добиться? В этом отношении решающим фактором становится сила массовой оппозиции, и факты говорят о том, что ценности самовыражения подпитывают массовую оппозицию авторитаризму, а ценности выживания, напротив, ограничивают ее масштабы. Это отчасти позволяет объяснить, почему в 1989 году демократическое движение победило в Чехословакии и потерпело неудачу в Китае.

Другая причина, позволяющая сделать вывод, что ценности самовыражения работают против авторитаризма, связана с тем, что межпоколенческие изменения затрагивают не только массы, но и элиты. Если молодые возрастные когорты элит становятся приверженцами ценностей самовыражения, эмансипационная природа этих ценностей подрывает убежденность этих представителей

элит в легитимности применения силы против мирного движения за гражданские права. Элиты почти всегда стремятся сохранить власть, но не обязательно любой ценой. Эмансипационные нормы способствуют снижению той цены, которую элиты готовы заплатить за то, чтобы остаться у власти, в результате чего они уже не считают применение военной силы против гражданской оппозиции легитимным. Вспомним еще раз события в Китае и Чехословакии в 1989 году: китайские элиты направили войска против мирных демонстрантов, а чехословацкие этого не сделали. Как мы уже отмечали, в Чехословакии манифестации в пользу демократии носили более масштабный и интенсивный характер, чем в Китае, поэтому в первом случае любые попытки подавить их силой были чреватны намного большим риском. Тем не менее возможно также, что чехословацкие элиты решили не применять силу, поскольку более развитые эмансипационные нормы (уже присутствовавшие в обществе) ослабили их готовность развязать репрессии по сравнению с китайским правящим режимом. Более того, правящая верхушка, вероятно, осознала, что элиты более низкого уровня могут не выполнить ее приказ открыть огонь по демонстрантам, если сочтут подобные действия нелегитимными (именно так, в частности, развивались события в ГДР в том же 1989 году, см.: Friedheim 1993). Но почему чехословацкие элиты могли оказаться более приверженными эмансипационным нормам, чем китайские?

Между элитами и массами есть немало различий. Исследования показывают, что установки элит систематическим образом отличаются от тех, которые характерны для населения в целом (Dalton 1985; Iversen 1994). Однако общие условия в стране затрагивают как основную массу населения, так и элиты: рост благосостояния приводит к изменению ценностей и у тех, и у других. Этот факт проявляется в том, что различия между ценностями элит и масс в одной и той же стране немного меньше, чем различия между ценностями жителей разных стран (это мы продемонстрируем ниже). Как правило, элита того или иного общества проявляет еще большую приверженность ценностям самовыражения, чем население в целом. Поскольку эти ценности связаны с высоким уровнем экономического благосостояния и образования, которым как раз и отличаются элиты, в такой ситуации нет ничего удивительного — однако ее значение весьма велико. Ведь речь идет о том, что если в обществе формируются ценности самовыражения, то они возникают не только у основной массы населения, но и у элит. Это значит,

Рисунок 9.1. УРОВЕНЬ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ У ЛЮДЕЙ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ И НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕЛОМ

что, если преобладающая культура масс становится более враждебной по отношению к фаворитизму, коррупции и авторитаризму, те же черты, скорее всего, приобретает и культура элит.

В данных по 80 с лишним странам, охватываемым проектом Values Survey, нет отдельной выборки по элитам, но во всех государствах политическая элита пополняется в основном за счет людей с высшим образованием. Поэтому мы рассматриваем ценностные ориентации людей, закончивших вузы, в качестве приблизительного индикатора ценностных ориентаций элит и предполагаем, что люди с высшим образованием должны проявлять бóльшую приверженность ценностям самовыражения, чем население страны в целом.

Данные, представленные на рисунке 9.1, подтверждают нашу гипотезу. На горизонтальной оси графика для каждой страны показан процентный индекс приверженности ценностям самовыражения среди простых граждан. На вертикальной оси показан аналогичный индекс для людей с каким-либо высшим образованием². «Изолиния» показывает, где располагались бы все представленные страны, если бы ценности самовыражения были одинаково распространены среди людей с высшим образованием и простых граждан. Отклонения от «изолинии» показывают, насколько образованные и остальные слои населения различаются по уровню распространения ценностей самовыражения. Отклонение страны от изолинии вниз демонстрирует, насколько *меньше* эти ценности распространены среди людей с высшим образованием, отклонение вверх — насколько *выше* уровень ценностей самовыражения у образованных слоев населения.

Как видно на рисунке 9.1, практически все охваченные опросами страны оказываются выше «изолинии»: это означает, что люди с высшим образованием больше привержены ценностям самовыражения, чем среднестатистический гражданин. Подобный результат можно истолковать как свидетельство того, что университетское образование способствует эмансипационной ориентации, выраженной в акцентировании ценностей самовыражения. С другой стороны, в этом может проявляться и тот факт, что люди, сумевшие получить высшее образование, росли в условиях большей жизненной защищенности, чем основная масса населения.

В любом случае различия между образованными слоями и остальным населением страны (выраженные расстоянием от «изолинии») относительно невелики и более или менее постоянны по величине, составляя в среднем семь процентных пунктов. Межстрановые различия в этом плане превышают данный показатель порой в 10 раз. Даже самое большое расстояние от «изолинии» несравнимо с гигантскими межстрановыми различиями — например, удаленностью Танзании в левом нижнем углу рисунка от Швеции в правом верхнем. Различия в уровне ценностей самовыражения *между* странами намного больше, чем между образованными слоями и остальным населением *в одной* стране. На деле целых 92% межстрановой дисперсии по показателю приверженности образо-

² В ходе опросов в рамках Values Survey респондентам задавался вопрос об уровне их формального образования (V 227) по шкале от 1 до 9, где 8 означает «какое-либо высшее образование», а 9 — «диплом о высшем образовании». Чтобы определить респондентов с высшим образованием, мы объединили обе эти категории.

ванных слоев ценностям самовыражения объясняется соответствующим массовым уровнем этих ценностей в тех же странах. Несмотря на наличие практически повсеместной тенденции, в рамках которой люди с высшим образованием придают большее значение ценностям самовыражения, чем население в целом, этот эффект ограничивается высокой степенью соответствия ценностей элит и широкой общественности в каждой отдельно взятой стране. Позиция элит, как правило, отражает ценности, преобладающие в обществе.

В целом ценности основной массы населения оказывают намного большее воздействие на приверженность его образованной части ценностям самовыражения, чем их собственный более высокий образовательный уровень. Другими словами, образованные слои не просто навязывают свои ценности остальным: их ценности отражают уровень социально-экономического развития общества. В каждой стране элиты формируются из ее же населения, и чаще всего их мировоззрение не «убегает» далеко вперед (и не «отстает») от преобладающих в данном обществе ценностей.

Эти выводы указывают на то, что культура масс и элит, как правило, совпадает в том, что касается фундаментальных ценностей, и последствия этого весьма важны. В какой-то степени населению, возможно, даже незачем подталкивать элиты к большей «отзывчивости» и законопослушности: те же факторы, что способствуют формированию ценностей самовыражения в массовом сознании, внедряют их среди элит за счет смены поколений.

В определенной мере решения, принимаемые элитами, можно объяснить рациональным расчетом рисков, но не следует забывать, что сами представления об имеющихся вариантах действий носят культурно обусловленный характер. Культурные нормы и усвоенные ценности, несомненно, ограничивают разнообразие вариантов, учитываемых при подобном рациональном расчете. Другими словами, культурные нормы и усвоенные (интернализированные) ценности определяют индивидуальное соотношение выгод и издержек при выборе человеком того или иного варианта действий (Lal 1998). Варианты, идущие вразрез с нормами, которых человек придерживается по внутреннему убеждению, влекут тем самым дополнительные издержки, делающие выбор этих вариантов менее вероятным. Эти издержки носят психологический характер и выражаются в эмоциональном страдании или дискомфорте, которые человек испытывает, действуя вопреки собственным интернализированным ценностям. В зависимости от силы

этих интернализированных ценностей, психологические издержки от такого нарушения могут превысить материальные выгоды от принимаемого решения. К примеру, в некоторых обществах представление о том, что женщина должна оставаться девственной до вступления в брак, укоренены настолько глубоко, что девушки скорее расстанутся с жизнью, чем потеряют невинность. Аналогичным образом, толерантность может быть настолько усвоена человеком, что он откажется подвергаться дискриминации даже самых злейших врагов, хотя это и принесло бы ему прямую выгоду. Так, британское правительство даже не рассматривает возможность применения войск против оппозиции, даже если бы такие методы принесли нужный ему результат. И это не следствие сознательного расчета. Премьер-министр и члены его кабинета не принимают решений об использовании войск не потому, что рассмотрели данный вариант и сочли его нецелесообразным, — им просто такое и в голову не приходит. Подобные действия — к которым часто прибегают во многих регионах мира — просто находятся для них за пределами спектра культурно допустимых вариантов. Поэтому представляется абсурдным даже само предположение о том, что британский премьер мог бы подумать о подавлении оппозиции военной силой. Такое просто невысказуемо. И, судя по всему, подобные методы к 1989 году считались невысказуемыми и в Чехословакии — но не в Китае.

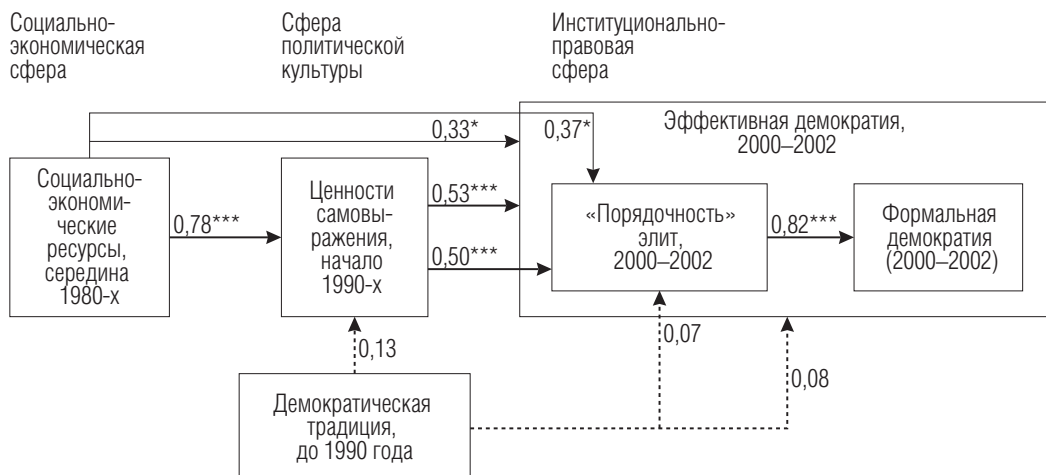
Пат-анализ

В предыдущем разделе мы утверждали, что массовые ценности оказывают воздействие на ситуацию с демократией через свое влияние на поведение элит. Другими словами, ценности самовыражения влияют на эффективную демократию, поскольку подталкивают элиты к большей «порядочности», что делает формальную демократию эффективной. Этот тезис можно протестировать двумя способами. Если мы правы, ценности самовыражения должны оказывать на эффективную демократию даже более сильное воздействие, чем на формальную, поскольку элементом последней является «порядочность» элит. С другой стороны, если разложить эффективную демократию на два компонента — формальную демократию и «порядочность» элит, — эти ценности должны оказывать на формальную демократию лишь косвенное влияние, действуя в основном через повышение «порядочности» элит, которое, в свою очередь, должно представлять собой непосредственную причину утверждения формальной демократии.

Пат-анализ, показанный на рисунке 9.2, подтверждает эти предположения. Как мы видим, воздействие ценностей самовыражения на формальную демократию теряет значимость, если мы вводим поправку на «порядочность» элит. Как и предполагают теоретики, занимающиеся элитами, только «порядочность» последних оказывает значимое воздействие на эффективность демократии; в то же время, вопреки утверждениям этих ученых, сама по себе «порядочность» элит *не является* независимым фактором. Напротив, «порядочность» элит во многом определяется ценностями самовыражения. В рамках многофакторного анализа выявляется также дополнительное воздействие социально-экономического развития, поскольку тот или иной уровень распространения ценностей самовыражения оказывает более мощное воздействие в пользу «порядочности» элит, если люди обладают большим объемом ресурсов. В то же время продолжительность демократической традиции страны не оказывает существенного воздействия ни на ценности самовыражения, ни на «порядочность» элит, ни на формальную демократию. Теория, объясняющая возникновение демократической политической культуры «привычкой», эмпирического подтверждения не находит. Вместо этого представленная на рисунке 9.2 пат-модель демонстрирует последовательность, в которой отправной точкой является социально-экономическое развитие, затем возникают ценности самовыражения, затем «порядочность» в поведении элит и, наконец, формируется эффективная демократия — т.е. подтверждается правильность диаграммы, которую мы поместили в конце главы 7, и последовательность процесса человеческого развития, зафиксированная в таблице 0.1.

Было бы крайне нелогичным интерпретировать выявленную нами прочную связь между ценностями самовыражения и «порядочностью» элит как свидетельство того, что именно последняя формирует в массах культуру толерантности, стремления к свободе, акцента на субъективном благополучии, доверия к людям и готовности бросить вызов элитам. Это связано не только с тем, что уровень ценностей самовыражения мы измеряем по состоянию на начало 1990-х годов, а «порядочность» элит — по состоянию на начало XXI века, но и с тем, что столь распространенные и глубоко укорененные ценности отражают долгосрочные процессы межпоколенческих изменений. Элиты могут апеллировать к подобным ценностям, но создавать их они не в состоянии.

Рисунок 9.2. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ПАТ-АНАЛИЗ

Примечание. Коэффициенты представляют собой нормализованные пат-коэффициенты. Жирными стрелками обозначается наиболее сильное воздействие на соответствующие зависимые переменные, пунктирными — незначительные эффекты. Полного соответствия этой полностью идентифицированной модели эмпирическим данным не наблюдается. Если исключить воздействие фактора «продолжительность существования демократического строя», скорректированный индекс качества подгонки (Adjusted Goodness of Fit Index) составит 0,88; это демонстрирует, что воздействие демократической традиции является пренебрежимо малым. Количество стран — 68.

Даже если бы они и были на это способны, трудно представить, что может побудить элиты формировать у народа уверенность в себе, требовательность и скептическое отношение к авторитету правящей верхушки — т.е. основные черты приверженцев ценностей самовыражения. Рациональный собственный интерес элит должен состоять в том, чтобы народ был послушен и почитал институционализированную власть, а не воспринимал ее критически. Таким образом, нет никаких оснований предполагать, что прочная связь между ценностями самовыражения и «порядочностью» элит обусловлена тем, что эта «порядочность» формирует у масс ценности, акцентирующие терпимость, свободу и готовность бросить вызов элитам. Напротив, именно ценности самовыражения представляют собой мощную силу, способствующую повышению «порядочности» элит — либо за счет их распространения в рядах самой элиты, либо за счет соответствующего давления со стороны широкой общественности. На наш взгляд, здесь задействованы оба этих механизма. Единственная логичная интерпретация имеющихся фактов заключается в том, что ценности самовыражения способствуют максимальному повышению уровня «порядочности» элит.

Культурные изменения и коллективные действия

Сторонники подходов, придающих главное значение акторам (actor-centered approach), утверждают, что формирование и укрепление демократии невозможно объяснить факторами, носящими экзогенный характер по отношению к коллективным действиям, посредством которых и происходят эти процессы (O'Donnell, Schmitter 1986: 16; Karl, Schmitter 1990: 270). По их мнению, процессы, реализуемые через коллективные действия, можно понять исключительно путем реконструкции этих действий. Соответственно, Пшеворский и Лимонджи заявляют, что все процессы, воздействующие на стабильность политических режимов, «связаны с действиями, а не просто со сложившимися условиями» (Przeworski, Limongi 1997: 176). Это верное, но близорукое наблюдение: оно игнорирует тот факт, что у любых действий существуют предпосылки. Конечно, для *описания* процесса необходимо реконструировать последовательность составляющих его действий, но *объяснить* его действиями, носящими эндогенный характер по отношению к данному процессу, невозможно. Любое подобное объяснение неизбежно превращается в «масло масляное». И действительно, основным вывод многих трудов по проблемам демократизации, сосредоточенных на роли акторов, можно подытожить такой фразой: «Установление и стабилизация демократического строя зависит от превосходства акторов, заинтересованных в демократизации, над акторами, чьи интересы носят антидемократический характер» (Rössel 2000: 629). Этот тезис, конечно, справедлив, но тривиален. Задним числом всегда можно сказать, что победители были сильнее побежденных, но это не дает никакого представления о более широких социальных движущих силах, чье наличие которых позволяет объяснить, *почему* победители оказались сильнее. Коллективные действия необходимо рассматривать в контексте общих социальных сил, оказывающих влияние на их характер. Устойчивая связь между массовыми ценностями самовыражения и процессом утверждения и укрепления демократии помогает объяснить *причину*, по которой шансы на победу демократически настроенных акторов увеличиваются.

В настоящем исследовании мы не ставим своей целью анализ конкретного механизма коллективных действий, посредством которого ценности самовыражения воздействуют на демократические институты в конкретных странах. Вместо этого мы сосредоточились на *результатах* коллективных действий — а именно изменениях в уровне формальной демократии и различных степенях

эффективной демократии. Если ценности самовыражения влияют на указанные результаты, это может происходить только за счет того, что данные ценности порождают коллективные действия, которые в конечном итоге приводят к этим результатам. Поскольку коллективные действия неизменно являются ближайшей причиной изменения политических институтов, этот тезис даже не нуждается в проверке: можно с уверенностью утверждать, что он справедлив.

Что же касается вопроса о том, *как именно* ценности самовыражения порождают коллективные действия, ведущие к формированию и поддержанию эффективной демократии в каждом конкретном случае, то наиболее точный ответ на него дают конкретные исследования вроде тех, что предприняли Рюшемайер с соавторами (Rueschemeyer et al. 1992), Каспер и Тэйлор (Casper, Taylor 1996) или Фоуврейкер и Ландман (Foweraker, Landman 1997). Изучение коллективных действий в конкретных странах необходимо для углубления нашего понимания процесса в целом. Оно выполняет важную задачу, но подобные исследования слишком масштабны, чтобы вписаться в рамки настоящей книги, посвященной более общим системным связям, в контексте которых разворачиваются коллективные действия. Тем не менее мы в общих чертах обрисуем механизмы влияния ценностей самовыражения на появление коллективных акторов, действующих в пользу демократии. Поскольку эмансипационная направленность ценностей самовыражения порождает требования о наделении людей гражданскими и политическими правами, составляющими основу либеральной демократии, эти ценности концентрируют коллективные действия в направлении демократизации — и это происходит следующими путями.

Во-первых, степень распространения ценностей самовыражения среди населения определяет размер человеческого резерва, из которого выходят активисты демократического движения: чем больше эти ценности распространены, тем больше становится «запас» потенциальных активистов. При наличии недемократического правящего режима эти активисты образуют контрэлиту и создают диссидентские организации, формирующие ядро гражданского общества, само существование которого подрывает систему авторитарного контроля над страной (Bernhard 1993; Markoff 1996; Paxton 2002). Структуры гражданского общества, представленные диссидентскими демократическими организациями, в ряде случаев сыграли важную роль в процессах демократизации периода «третьей волны», причем эти процессы, как правило, дают более успешные

результаты там, где диссидентские движения имеют сравнительно широкий охват и значительную численность (Diamond L. 1993b; Joppke 1994; Foweraker, Landman 1997).

При сравнительно широком распространении ценностей самовыражения среди населения шансы на то, что диссиденты смогут мобилизовать значительные сегменты общества в рамках массовых кампаний за гражданские и политические права, а также демократические выборы, также возрастают. Подобная мобилизация масс стала одним из ключевых факторов в ходе смены многих режимов в недавнем прошлом, особенно в Аргентине, на Филиппинах, в Южной Корее, странах Балтии, Чехословакии, ГДР, Венгрии, России и Индонезии. В этих странах немалая часть населения участвовала в демонстрациях, требуя свободы слова и демократических выборов. Напротив, в Китае в 1989 году манифестации в поддержку демократии происходили главным образом в одном месте (на площади Тяньаньмэнь) и поддерживались в первую очередь сравнительно немногочисленной прослойкой студенческой молодежи. В то время у демократического движения не было многочисленной массовой базы в целом по стране: в этом проявился тот факт, что в Китае ценности самовыражения были еще слабо распространены, о чем свидетельствуют и данные Values Survey за 1990 год.

Широкие массовые кампании в поддержку демократии приобретают особое значение, если правящая элита едина в своем стремлении остаться у власти, как это было в Китае, Чехословакии и ГДР. Повышение массовости и активности этих кампаний означает, что режим сталкивается с перспективой высоких издержек при их подавлении, если элиты решат применить военную силу. Это не может не влиять на оценку элитами потенциальных рисков. Возрастает также и опасность того, что чиновники местного уровня и командиры воинских частей не подчинятся приказу стрелять в демонстрантов (Marks 1992). Приказ открыть огонь по участникам мирных акций может стать для потенциальных исполнителей тяжелым психологическим испытанием, и еще меньше вероятность, что он будет выполнен, если речь идет об убийстве многих тысяч демонстрантов в разных городах страны. Таким образом, размах массовых кампаний может побудить авторитарную власть уступить и объявить свободные выборы — либо потому, что ее представители сделают правильный вывод о своей неспособности мобилизовать достаточные силы для подавления оппозиции, как это случилось на Филиппинах, в Южной Корее и Чехословакии, либо потому,

что их попытки применить силовые методы заканчиваются провалом, как в ГДР, где диктатор-коммунист Эрик Хоннекер отдал военным приказ стрелять в демонстрантов, но представители местных властей отказались ему подчиниться (Friedheim 1993). Одним словом, распространение среди населения ценностей самовыражения влияет на размер массовой базы демократической оппозиции, а также на издержки и риски, связанные с применением репрессивных методов, повышая вероятность успешного перехода к демократии.

Порой правящая элита раскалывается на два лагеря — консерваторов, отстаивающих статус-кво, и либералов-реформаторов, проявляющих определенную готовность пойти на уступки демократической оппозиции (Przeworski 1992; Marks 1992). В данном случае уровень распространения ценностей самовыражения, а следовательно, и размер массовой базы демократической оппозиции также способен решающим образом повлиять на ситуацию, поскольку с широким демократическим движением реформаторы могут заключить дееспособный альянс, укрепляющий их позиции и повышающий вероятность уступок со стороны консервативного лагеря, — именно так развивались события в Испании, Польше, Чили и ЮАР (Casper, Taylor 1996).

Распространение среди населения ценностей самовыражения повышает и шансы на само образование либерального лагеря внутри правящих элит. Если эти ценности относительно широко распространены среди населения в целом, становится более вероятным, что их влияние испытает на себе и молодое поколение правящей элиты, а значит, оно уже не будет считать насильственные методы легитимными и, скорее всего, сформирует лагерь либералов-реформаторов. Так случилось в Венгрии, а также в Мексике и на Тайване, где второе поколение элиты, как выяснилось, было привержено гораздо более либеральным идеям, чем основатели, соответственно, социалистического правительства Институционально-революционной партии и гоминьдановского режима (Diamond L. 1993b). Когда представители либерально настроенных элит занимают достаточное количество высоких должностей, их лидеры приступают к осуществлению демократических реформ. В описанных выше случаях необходимости в массовых уличных акциях демократической оппозиции просто не было, поскольку изменившиеся ценности просочились в среду самой элиты. Это наиболее вероятный сценарий для всех авторитарных режимов, которые пытаются приспособиться к эпохе «общества знаний» за счет расширения высшего образо-

вания и отбора молодежи в состав элиты на основе профессиональной квалификации, а не преданности официальной идеологии, как это происходило в Венгрии и на Тайване (о событиях в Венгрии подробнее см.: Konrad, Szelenyi 1991; о ситуации на Тайване см.: Domes 1990).

Подводя итог, отметим: распространение среди населения ценностей самовыражения, судя по всему, способствует не только формированию мощной демократической оппозиции, но и появлению либералов-реформаторов в рядах правящей элиты.

Таблица 9.1. КАК ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕНТРИРУЮТ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И СИЛЫ В НАПРАВЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ

Распространение ценностей самовыражения					
в условиях недемократического режима увеличивает			в условиях демократического режима увеличивает		
резерв потенциальных активистов движений за гражданские права и пределы влияния диссидентских кругов	массовую поддержку движений за гражданские права	вероятность формирования либерально- реформатор- ского лагеря внутри элиты	резерв активистов общественных движений	массовую поддержку новых общественных движений	«отзывчивость» элит
Все это повышает вероятность перехода к демократии			Все это повышает эффективность демократии		
Распространение ценностей самовыражения способствует установлению и укреплению демократии					

В странах, где демократический строй уже существует (хотя бы формально), ценности самовыражения также играют важную роль. Когда они распространяются в достаточной мере, люди чаще начинают протестовать против непопулярных решений элит и на практике реализовывать права, которыми они формально наделены. Кроме того, люди, приверженные ценностям самовыражения, как правило обладают средствами, обеспечивающими результативность их протеста, поскольку эти ценности с наибольшей вероятностью формируются в обществах, отличающихся изобилием социально-экономических ресурсов. Более того, по мере распространения в обществе ценностей самовыражения они проникают и в СМИ, придавая новым поколениям журналистов более критический настрой и готовность тщательнее следить за фактами коррупции в рядах элит и некомпетентными действиями государства. Эти ценности порождают социальные силы, оказывающие давление на демократические элиты в пользу большей «отзывчивости»

и ответственности перед народом, укрепляя тем самым демократию и повышая ее эффективность. В таблице 9.1 мы подытоживаем наши утверждения относительно того, каким образом ценности самовыражения обуславливают расстановку сил среди коллективных акторов, способствующую установлению демократии и процессу демократизации.

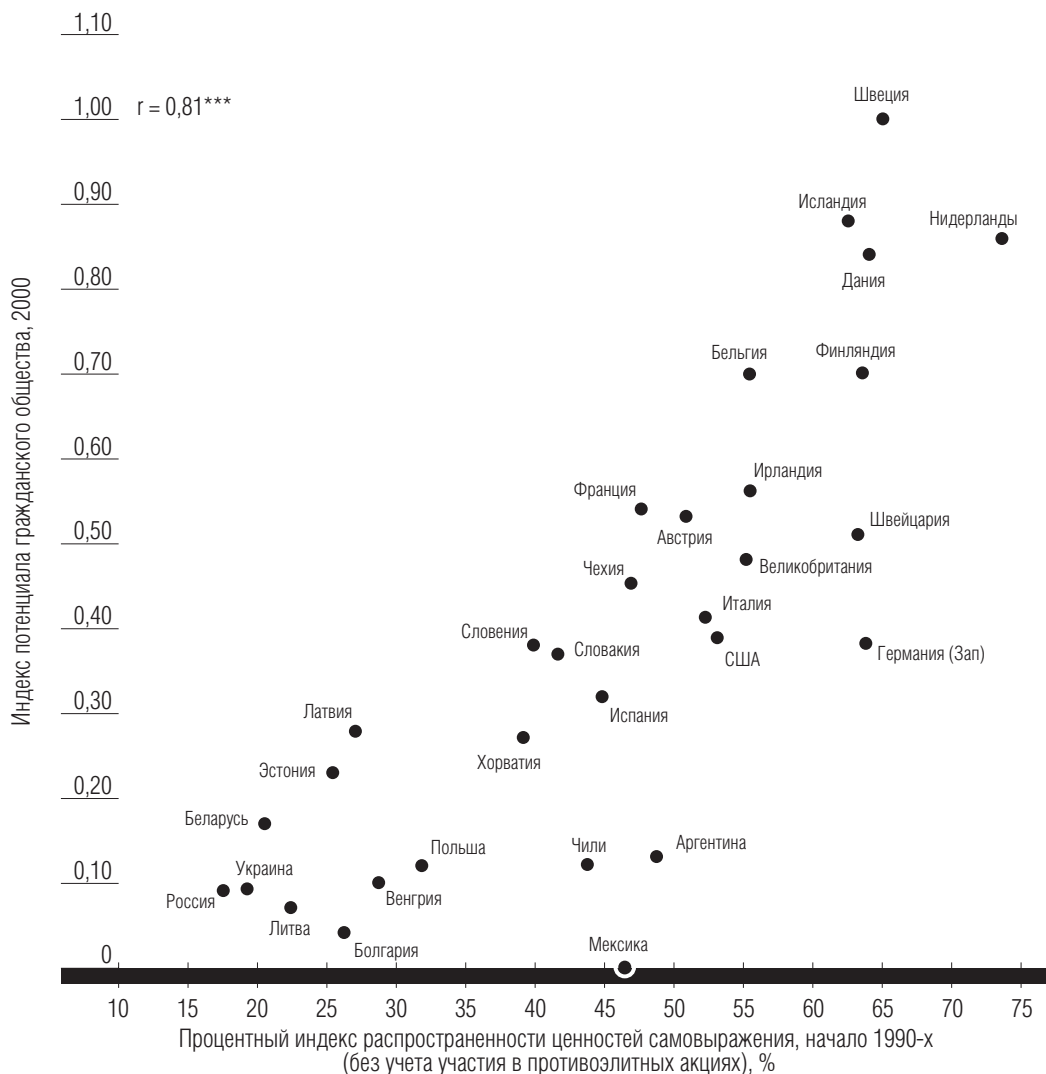
Рисунок 9.3 демонстрирует, что ценности самовыражения на деле повышают способность общества к коллективным действиям. Вертикальная шкала этого графика представляет собой индекс потенциала гражданского общества, составленный на основе данных, полученных в рамках проекта «Глобальное гражданское общество» (Global Civil Society) (Anheier, Glasius, Kaldor 2001)³. Очевидно, что в странах, где ценности самовыражения распространены сравнительно широко, гражданское общество более развито. Эти данные подтверждают наш тезис о том, что распространение указанных ценностей оказывает позитивное влияние на способность общества осуществлять коллективные действия.

Если обратиться к следствиям из этого вывода применительно к странам, где существуют авторитарные режимы, то он говорит о том, что распространение ценностей самовыражения способствует расширению круга диссидентов, масштабов движений за гражданские права и публичных проявлений народного протеста против авторитарной формы правления. Когда демократические силы бросают вызов авторитарным режимам, вероятность успешного перехода к демократии увеличивается, если движения за гражданские права и кампании борьбы за свободу подпитываются сравнительно широким распространением этих ценностей. Методика, использованная Каспером и Тэйлором при исследовании конкрет-

---

³ При составлении индекса агрегируются данные о количестве членов общественных ассоциаций, разветвленности структуры неправительственных организаций, толерантности по отношению к иммигрантам, школьном образовании, а также количестве участников акций протеста. В результате получается сводный рейтинг влияния гражданского общества (подробнее о методике составления индекса и источниках данных см. интернет-сайт <http://www.lse.ac.uk/depts/global/yearbook>). Такая система измерения отчасти пересекается с нашим индексом распространения ценностей самовыражения, поскольку и в том, и в другом случае учитывается количество респондентов, подписывавшихся под петициями. Чтобы избежать на рисунке 9.3 частичной тавтологии, мы пересчитали индекс распространения ценностей самовыражения, исключив из него ответы на вопрос о подписях под петициями. См. также интернет-приложение, № 24 в разделе «Переменные». Все ссылки на интернет-приложение даются по: <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

Рисунок 9.3. ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ных проблем перехода к демократии, подтверждает эту гипотезу (Casper, Taylor 1996). Ученые проанализировали развитие событий в 24 авторитарных государствах, где на повестке дня стояла смена режимов, в период с начала 1980-х до середины 1990-х и пришли к выводу, что его итоги распадаются на три варианта: 1) сохранение авторитаризма (либо существовавшему авторитарному режиму удалось отстоять свою власть, либо на его место пришел новый авторитарный режим); 2) частичная демократизация (в стране утверждалась электоральная демократия, но права граждан по-прежнему ограничивались); и 3) полномасштабная демократизация (электоральная демократия дополнялась полным набором политических и гражданских прав, определяемых по методике Freedom House) (см.: Ibid., 41). Исключив из нашей выборки все традиционно демократические

государства, мы использовали критерии Каспера и Тэйлора для систематизации стран, охваченных Values Survey, по этим трем категориям⁴.

Указанные три категории стран демонстрируют существенные различия по уровню распространения ценностей самовыражения: 1) 18 государств, где сохранились авторитарные режимы, в среднем попадают в 21-й перцентиль; 2) для 16 стран, где демократизация носила неполный характер, среднее значение показателя относится к 27-му перцентилю; и 3) 19 стран, где произошла полномасштабная демократизация, имеют средний балл в 34-м перцентиле. «Неполная демократизация», судя по всему, представляет собой промежуточную зону между первой и третьей категориями, которые практически не соприкасаются между собой: большинство стран, где авторитаризм сохранился, оказываются между 14-м и 25-м перцентильями по уровню распространения ценностей самовыражения, а большинство государств, где утвердилась полномасштабная демократия, находятся в промежутке от 29-го до 38-го перцентиле. Подобные результаты говорят о том, что различия в распространении этих ценностей обуславливают и различия в уровне демократии, достигнутом в результате коллективных действий — в полном соответствии с теорией человеческого развития.

Заключение

Наш подход, в рамках которого основное внимание сосредоточивается на прочности связи между ценностями самовыражения и демократическими институтами, не исключает альтернативных подходов, в основе которых лежит, например, анализ механизмов «торга» между элитами или формирования классовых коалиций. Напротив, наша модель дополняет эти подходы, связанные с анализом «опосредующих» факторов, связывающих характеристики общества с массовыми тенденциями. Остатки, получаемые в рамках

---

⁴ В категорию «сохранившихся авторитарных режимов» попали все страны, у которых значение показателя формальной демократии по состоянию на 2000–2002 годы было ниже 50-го перцентиле. Страны, попавшие в интервал с 50-го до 75-го перцентиле, были отнесены в категорию переживших «неполную демократизацию». Наконец, те, у которых значение показателя попало в 75-й перцентиль и выше, прошли через «полномасштабную демократизацию». Напомним, что традиционно демократические страны были исключены из этого анализа итогов перехода к демократии. Списки стран, вошедших в каждую из трех категорий см. в интернет-приложении, № 68 в разделе «Переменные».

наших моделей, дают примерное представление о воздействии этих промежуточных факторов. Если это так, можно сделать вывод, что эти факторы объясняют 25–30% дисперсии по степени демократизации и эффективности демократии. Эта доля, несомненно, значительна, но она меньше той, которая объясняется массовыми ценностями.

Демократия — и особенно эффективная демократия — слишком глубокий социальный феномен, чтобы его можно было считать лишь продуктом решений, принимаемых «просвещенными» элитами или продуманной системой институтов. Демократия не простой итог консенсуса элит или рациональности институциональной структуры. Она прочно укоренена в общий синдром человеческого развития, связывающий модернизацию с растущим значением самовыражения в массовом сознании, а также ценности самовыражения с демократией.

Глава 10 Ценности на индивидуальном уровне и демократия на системном уровне (проблема кросс-уровневого анализа)

Неверная трактовка понятия «экологическая ошибка»

Как мы видели, социально-экономическое развитие влечет за собой распространение ценностей самовыражения, которые, в свою очередь, способствуют становлению либеральной демократии. Мы проанализировали эти связи на уровне общества в целом, используя процентный индекс распространенности ценностей самовыражения в каждой стране в качестве показателя для определения степени воздействия массовых установок на демократию. Поскольку демократия существует только на уровне общества в целом, то именно на этом уровне следует (и возможно) анализировать этот процесс — хотя сами ценности первоначально измерялись на уровне отдельных индивидов. Однако анализ межуровневых связей, например, между ценностями на индивидуальном уровне и демократией на уровне всего общества, представляет собой нетрадиционный метод (поскольку требует наличия сравнимых данных опросов по десяткам стран, что бывает редко), по-прежнему зачастую встречающий непонимание. В результате Селигсон, к примеру, утверждает, что выявленная Инглхартом на агрегированном уровне высокая корреляция между политической культурой и стабильностью демократии носит «мнимый» характер (Seligson 2002). Это связано с тем, что сам Селигсон не находит высокой корреляции между содержащимися в работах Инглхарта индикаторами политической культуры и данными о поддержке демократии на индивидуальном уровне. Таким образом, полагает он, выявленная Инглхартом межуровневая связь между массовыми ценностями и демократией представляет собой «экологическую ошибку».

Понятие «экологическая ошибка» известно каждому: речь идет о проблеме, возникающей при агрегировании данных индивидуального уровня до масштаба всего общества. Однако суть этой проблемы зачастую трактуется неверно — даже видными обществоведами. Поскольку основная аналитическая методика, использу-

емая в настоящей книге, как раз и связана с агрегированными на уровне общества индивидуальными данными, давайте рассмотрим этот вопрос поподробнее.

В своей классической статье о проблеме «экологических ошибок», опубликованной более полувека назад, У. С. Робинсон отметил, что взаимосвязи между двумя переменными, существующие на агрегированном уровне, не всегда совпадают с теми, которые существуют между ними на индивидуальном уровне: во втором случае корреляция между ними может быть значительно слабее и даже иметь противоположный знак, т.е. совершенно иную направленность по сравнению с выявленной в первом случае (Robinson W.S. 1950). Приведем пример такой ситуации: до начала эпохи борьбы за гражданские права чернокожих в США в избирательных округах с наибольшей долей афроамериканцев в Конгресс проходили кандидаты, твердо поддерживавшие сегрегацию. Если бы кто-то наивно предположил, что взаимосвязь между расовой принадлежностью и политическими предпочтениями, наблюдаемая на агрегированном уровне, сохраняется и на уровне индивидуальном, из этого следовало бы, что афроамериканцы были сторонниками расовой дискриминации. Естественно, это было не так, однако в их избирательных округах преобладали белые расисты, рьяно отстаивавшие сегрегацию (отчасти потому, что видели угрозу в том, что по соседству с ними проживает много чернокожих).

Взаимосвязь между любыми двумя переменными на индивидуальном уровне не обязательно аналогична той, которая проявляется на агрегированном уровне. Этот вывод был справедлив полвека назад, остается справедливым сегодня и будет неизменным завтра — однако он интерпретировался и до сих пор интерпретируется неправильно (Inglehart, Welzel 2003). Зачастую люди говорят об «экологической ошибке» так, как будто агрегирование индивидуальных данных до уровня общества в целом представляет собой нечто порочное, превращая вывод Робинсона в заповедь: «Не агрегируй данные индивидуального уровня и не интерпретируй их как феномен в масштабах всего общества!» Это ошибка. Если придерживаться этого запрета всерьез, будет перечеркнута большая часть результатов теоретических исследований о проблемах демократии, в центре внимания которых как раз и лежит связь между массовыми тенденциями в индивидуальных представлениях и демократическими институтами системного уровня. Предпочтения на индивидуальном уровне преобразуются в феномен в масштабе всего

социума, который иногда называют «волей народа» или «властью большинства». Массовые предпочтения оказывают воздействие на демократические институты, хотя последние существуют лишь на уровне общества в целом. Если бы этой межуровневой связи не существовало, механизм демократии не смог бы функционировать. Литература по проблемам политической культуры основывается на предположении о том, что агрегированные ценности и убеждения индивидов воздействуют на феномены в масштабе всего общества, например существующий в стране уровень демократии. В настоящей книге проводится эмпирическая проверка этой гипотезы — на основе более обширного, чем прежде, массива данных. Заповедь, вытекающую из вывода Робинсона, лучше сформулировать таким образом: «В некоторых случаях агрегирование данных индивидуального уровня до уровня общества в целом — это именно то, что надо сделать, но не предположи бездумно, что взаимосвязи на обоих этих уровнях действуют одинаково!»

Как это ни парадоксально, смысл робинсоновского урока во многих его трактовках меняется на противоположный: считается, что взаимосвязи на агрегированном и индивидуальном уровне *должны* работать одинаково — и если этого не происходит, то вывод, сделанный на основе агрегированных данных, почему-то считается «мнимым». В этом проявляется полное непонимание мысли ученого. Главный тезис концепции «экологической ошибки» заключается в том, что прочная взаимосвязь, наблюдаемая на агрегированном уровне, не всегда воспроизводится на уровне индивидуальном. Когда Робинсон писал свою статью, в округах с высокой долей афроамериканцев среди населения (в то время они располагались в основном на Юге) избирались чаще всего сторонники сегрегации, однако эта взаимосвязь не воспроизводилась на индивидуальном уровне — сами афроамериканцы не голосовали за кандидатов-расистов. Это не означает, что взаимосвязь, наблюдаемая на агрегированном уровне, является «мнимой»: невозможно оспорить тот факт, что от округов с высокой долей чернокожего населения в Конгресс действительно проходили ярые сторонники сегрегации, и подобная ситуация сохранялась десятилетиями. Тенденции как на индивидуальном, так и на агрегированном уровне были подлинными и имели важные последствия, хотя и абсолютно противоречили друг другу.

Аналогичным образом, в сегодняшней Франции ксенофобский Национальный фронт (НФ) набирает больше всего голосов в тех округах, где проживает много иммигрантов-мусульман. Это

не означает, что иммигранты поддерживают НФ. Они голосуют против него. Тем не менее тот факт, что иммигранты не поддерживают НФ, не означает «мнимого» характера связи между этническим составом населения и политикой: наличие сравнительно большого количества иммигрантов в округе действительно оборачивается увеличением числа голосов, поданных за НФ, — даже несмотря на то, что корреляция между характером голосования и статусом иммигранта на разных уровнях анализа меняет свою полярность.

Судить о мнимости или подлинности взаимосвязи на основе ее существования или отсутствия на другом уровне анализа — это как раз то, от чего предостерегал нас Робинсон: неоправданное межуровневое умозаключение (логический вывод в отношении одного уровня по данным другого). Вывод о мнимости связи можно делать только на основе данных *того же* уровня анализа. Поэтому известное утверждение Пшеворского и Тюне о том, что «экологическая корреляция» носит мнимый характер, если не отражена на индивидуальном уровне внутри каждой единицы агрегирования (Przeworski, Teune 1970: 73), попросту не соответствует действительности. Селигсон ссылается именно на этот тезис, называя выявленную нами связь между массовыми ценностями и демократией на уровне общества мнимой, поскольку, по его мнению, на индивидуальном уровне эти ценности не связаны с открытой поддержкой демократии (Seligson 2002).

Первый изъян этой аргументации заключается в том, что взаимосвязь между агрегированными ценностями индивидуального уровня и демократическими институтами на уровне общества в целом должна, по мнению автора, проявляться аналогичным образом и на индивидуальном уровне, а если этого не происходит, то и феномена на агрегированном уровне не существует. Более того, Селигсон проверяет свое утверждение об отсутствии корреляции между массовыми ценностями и демократией на индивидуальном уровне, анализируя корреляцию между индивидуальными ценностями и открытой поддержкой демократии. Тем самым он ставит знак равенства между поддержкой демократии на индивидуальном уровне и самой демократией — а ведь она существует только на уровне общества. Подобное действие представляет собой неоправданное межуровневое умозаключение. Как мы продемонстрируем в главе 11, открытая поддержка демократии зачастую представляет собой лишь пустопорожнее словесное изъятие приверженности идее, позитивно воспринимаемой в обществе. Таким образом,

приравнивая это к самой демократии, Селигсон допускает ту самую «экологическую ошибку», от которой предостерегают авторы работ, посвященных ошибке этого типа. Ценности самовыражения на самом деле связаны с поддержкой демократии на индивидуальном уровне (это мы продемонстрируем в главе 11), но в данном случае это не имеет отношения к делу. Главное же состоит в том, что на уровне общества в целом ценности самовыражения оказывают сильнейшее воздействие на эффективную демократию, а открытая поддержка демократии никакого воздействия не оказывает, если мы введем поправку на эти ценности (см. гл. 11). Вывод о «мнимом» характере связи между массовыми ценностями и демократией, поскольку она не проявляется аналогичным образом на индивидуальном уровне, говорит о полном непонимании автором сути межуровневого анализа.

Массовые тенденции и системные характеристики

А теперь зададимся вопросом: каков смысл агрегированных данных, таких как индекс распространенности ценностей самовыражения среди населения? Является ли этот процент подлинной характеристикой социума? Этот индекс рассчитывается на основе ответов, полученных от индивидов в ходе социологических исследований. Таким образом, агрегированные данные представляют массовые тенденции, почти полностью носящие экзогенный характер по отношению к каждому из индивидов, ответы которых являются основой для их составления. Индекс ценностей самовыражения не есть характеристика, относящаяся к индивидуальному уровню. Он представляет собой коллективное свойство, как и положено подлинным системным характеристикам, таким же, как, например, демократия. Коллективные свойства могут оказывать и оказывают воздействие на демократические институты на уровне общества — единственном уровне, на котором возможен их анализ.

В отличие от сводных показателей распространения ценностей самовыражения демократия представляет собой системную характеристику, которую нельзя разбить на данные индивидуального уровня. В этом смысле *массовые тенденции и системные характеристики* представляют собой различные категории феноменов одного и того же уровня — уровня общества в целом. Тот факт, что тенденции в массовых представлениях и демократия представляют собой феномены разного характера на уровне общества в целом, не означает, что между ними не может быть взаимосвязи — напротив,

от этого данная взаимосвязь становится еще более интересной. Подобный тип взаимоотношений лежит в основе теоретических исследований проблем демократии, которые, по сути, представляют собой анализ связи между предпочтениями масс и формой правления. Исследование связей между агрегированными переменными индивидуального уровня и характеристиками системного уровня не только имеет полное право на существование: если вас интересуют главные вопросы демократической теории, оно представляет собой *единственно возможный* способ их эмпирического анализа.

Объяснение межуровневых различий

Связи между любыми двумя переменными на индивидуальном уровне и на уровне общества могут сильно различаться. Присутствие таких различий не перечеркивает самого существования этих связей на любом из двух уровней. Однако характер различий между связями на индивидуальном уровне и на уровне общества позволяет прояснить природу социальных механизмов, эти различия порождающих. Различия в связях между одними и теми же переменными на этих двух уровнях можно разбить на три категории. Они отражают «эффект меньшинства», «эффект контекста» и сочетание эффекта порога воздействия с концентрацией вокруг среднего значения.

Связи с противоположными знаками на индивидуальном уровне и уровне общества в целом

Связь, существующая на уровне общества, может на индивидуальном уровне поменять знак на противоположный; этот феномен много лет назад выявил У.С. Робинсон (Robinson W.S. 1950). Как мы уже отмечали, на уровне избирательных округов существовала высокая *положительная* корреляция между долей проживающих там афроамериканцев и поддержкой политики сегрегации, но на индивидуальном уровне связь между принадлежностью к афроамериканцам и поддержкой такой политики приобретала *отрицательный* знак.

Подобное несоответствие между корреляциями на уровне общества и индивидуальном уровне указывает на наличие «эффекта меньшинства»: отрицательная корреляция на индивидуальном уровне между принадлежностью к иммигрантам и поддержкой сегрегации не преобразуется в такую же корреляцию на уровне социума до тех пор, пока иммигранты составляют в нем меньшинство.

*Связи, существующие на уровне общества
и отсутствующие на индивидуальном уровне*

Есть случаи, когда между двумя переменными существует связь на уровне общества, однако на индивидуальном уровне она теряет значимость. Примером этого может служить связь между уровнем безработицы и поддержкой нацистов в последние годы существования Веймарской республики. На уровне электората в целом существовала высокая корреляция между долей безработных и количеством голосов, поданных за нацистскую партию (Falter 1991). В то же время на индивидуальном уровне корреляция между статусом безработного и поддержкой нацистов отсутствовала или почти отсутствовала.

В этом случае рост безработицы приводил к усилению поддержки нацистов избирателями, проживающими в конкретных округах, независимо от того, имели они работу или нет. Часть людей поддерживала нацистов не потому, что они сами были безработными, а потому, что многие другие в их округе потеряли работу: это создавало атмосферу нависшей над всеми угрозы, ведущую к нарастанию ксенофобских и экстремистских настроений. Соответственно, позитивная корреляция между ростом безработицы и поддержкой нацистов не отражала различий в статусе между избирателями, проживавшими в одном и том же округе. Однако она проявлялась в различиях между округами: там, где уровень безработицы был выше, больше людей голосовало за нацистов, и с ростом безработицы поддержка нацистской партии увеличивалась.

Подобный тип несоответствия между корреляцией на индивидуальном уровне и уровне общества связан с «эффектом контекста»: определенная характеристика, например безработица, влияет на поведение человека в качестве черты, присущей контексту, а не самому индивиду.

*Прочные связи на уровне общества
ослабевают на индивидуальном уровне*

Существует и еще один вариант, при котором высокая корреляция на уровне общества, сохраняя свой знак и статистическую значимость, тем не менее на индивидуальном уровне проявляется значительно слабее. Корреляции между переменными, как *правило*, выражены на индивидуальном уровне значительно слабее, чем на уровне социума. Это связано с совокупным влиянием порога воздействия

и концентрации вокруг среднего. Поскольку это явление, при всей его элементарности, часто трактуется неверно, остановимся на нем поподробнее.

Порог влияния и усредняющие тенденции

Изменение независимой переменной X почти никогда не сочетается с точно таким же изменением зависимой переменной Y . Практически все взаимосвязи социального порядка носят вероятностный характер, отличаясь разной степенью неопределенности, в результате чего небольшие изменения переменной X не всегда оборачиваются аналогичными изменениями переменной Y . Только если изменения X достаточно велики, чтобы превысить определенный порог, они проявляются в соответствующих изменениях Y , что свидетельствует о наличии *порога воздействия*: чтобы воздействовать на Y , изменение X должно быть выше этого порога (Inglehart, Welzel 2003). Этот феномен можно сравнить с люфтом рулевого колеса большегрузного автомобиля: колеса машины повернутся в нужную сторону, только если поворот руля превысит определенный порог чувствительности. Как бы хорошо машина ни слушалась руля, в какой-то степени данный порог между причиной и следствием существует всегда. Он отсутствует только у чисто детерминистских эффектов. В социальной сфере эффектов такого рода обществоведы пока не выявили (Sekhon 2004).

Существование порога воздействия приобретает особое значение, если оно сочетается с концентрацией вокруг среднего, типичной для значений переменных, описывающих население страны. Это означает, что разброс значений на индивидуальном уровне ограничен определенными пределами, и в результате изменение X редко превышает тот порог, после которого его воздействие на Y становится очевидным. Это с неизбежностью ведет к низкой корреляции между X и Y на индивидуальном уровне *внутри населения*.

В рамках социальных единиц — например, стран, — создающих общую коллективную идентичность у своего населения, наблюдается сильная концентрация вокруг средних. Это означает, что социальные характеристики индивидов внутри страны ограничиваются определенными пределами. Конечно, всегда существуют нетипичные случаи (статистические выбросы), чьи характеристики чрезвычайно отличаются от большинства, но основная масса населения группируется в ограниченных рамках понятия «медианный гражданин». Однако от единицы к единице [агрегирования] средние

значения зачастую резко варьируются, т.е. различия между индивидами, принадлежащими к разным социальным единицам, намного больше тех, что мы обнаруживаем среди индивидов, принадлежащих к одной и той же единице. К примеру, показатели удовлетворенности жизнью у шведов и россиян носят сравнительно концентрированный характер, т.е. их уровень в каждом из случаев тяготеет к общенациональной средней величине, однако сами эти средние показатели двух стран резко различаются: среднестатистический швед гораздо больше удовлетворен жизнью (8,1 балла по десятибалльной шкале), чем среднестатистический россиянин (3,9 балла). При этом показатели удовлетворенности жизнью у жителей каждой из стран настолько плотно концентрируются вокруг общенационального среднего показателя, что эти множества значений практически не пересекаются. Это свидетельствует о том, насколько ярко выраженный характер может иметь концентрация вокруг среднего.

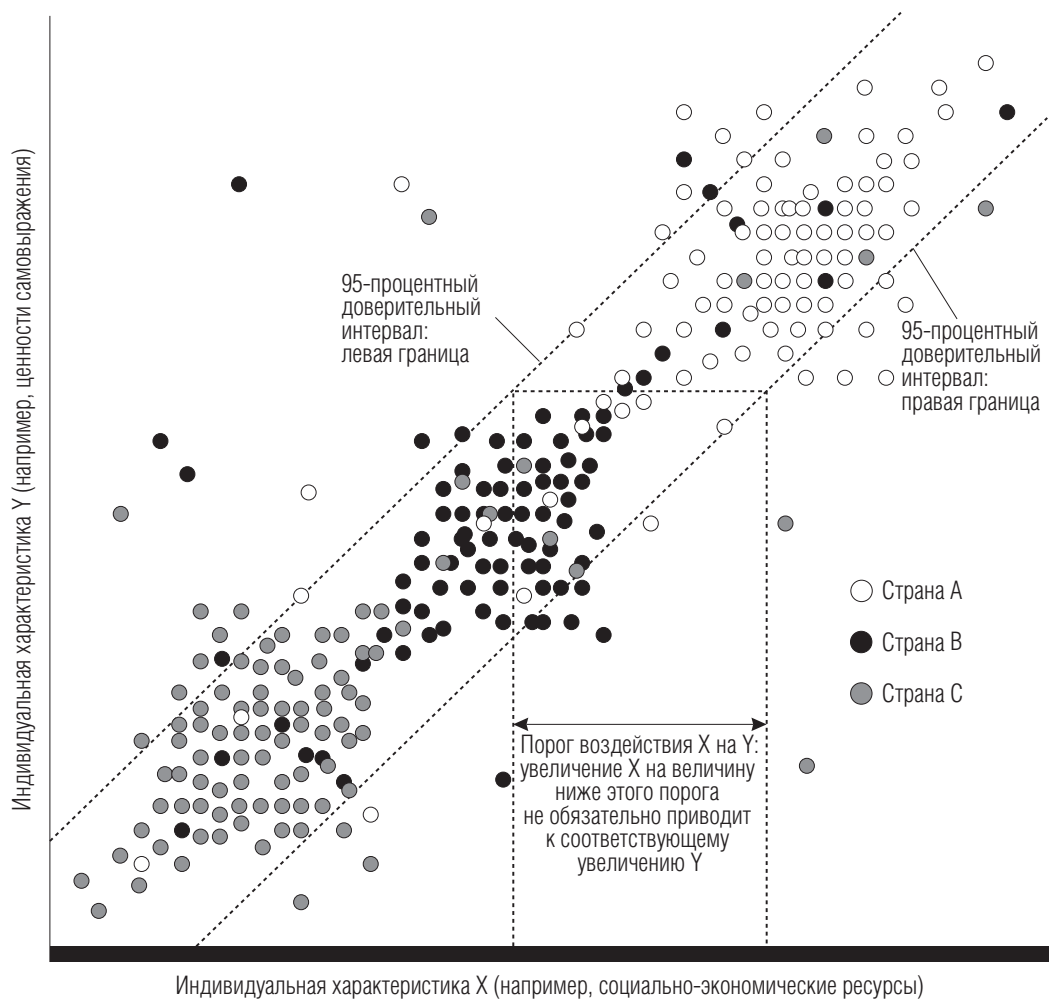
Рисунок 10.1 иллюстрирует эту ситуацию. На нем показана положительная взаимосвязь между двумя переменными (в данном случае — социально-экономическими ресурсами и ценностями самовыражения), при этом обе переменные демонстрируют весьма концентрированное распределение внутри стран и значительные различия между средними показателями по странам. В такой ситуации большинство индивидов внутри каждой страны оказывается в пределах области, в которой различия в объеме социально-экономических ресурсов невелики и которая не обязательно порождает такой же небольшой разброс по шкале ценностей самовыражения.

Порог воздействия во взаимосвязи между социально-экономическими ресурсами и ценностями самовыражения обозначен на рисунке 10.1 расстоянием по горизонтали между левой и правой границей доверительного интервала. В любой точке левой границы доверительного интервала, от которой начинается движение вправо (т.е. к большему объему ресурсов), остается неясным, обнаружится ли в следующей точке более высокий уровень ценностей самовыражения, если движение остается в рамках порога воздействия. Но как только порог воздействия будет преодолен, можно практически с полной уверенностью сказать, что в следующей точке уровень ценностей самовыражения окажется выше. Как видно на рисунке 10.1, порог воздействия может быть высоким, даже если речь идет о строго линейной взаимосвязи. Этот результат неизбежно порождает сравнительно небольшую корреляцию на индивидуальном уровне *внутри* каждой страны. Однако межстрановой

разброс в величине социально-экономических ресурсов намного больше, и порог воздействия, после которого возникает соответствующий разброс по уровню ценностей самовыражения, преодолевается гораздо большим процентом индивидов. Следовательно, совокупная корреляция на индивидуальном уровне будет намного выше, чем корреляции на индивидуальном уровне внутри стран. Как показывает рисунок 10.1, когда на индивидуальном уровне внутри стран две переменные имеют сравнительно концентрированные распределения, но между странами существуют значительные различия, их взаимосвязь на уровне всего общества проявляется куда сильнее, чем на индивидуальном уровне в каждой стране.

Более того, показатели индивидуального уровня, особенно данные опросов, содержат значительный компонент случайной погрешности измерения (см.: Converse 1970; Inglehart 1977; Page,

Рисунок 10.1. КОНЦЕНТРИРОВАННЫЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ *ВНУТРИ* СТРАН И ДИСПЕРСНЫЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ *МЕЖДУ* СТРАНАМИ (ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ)

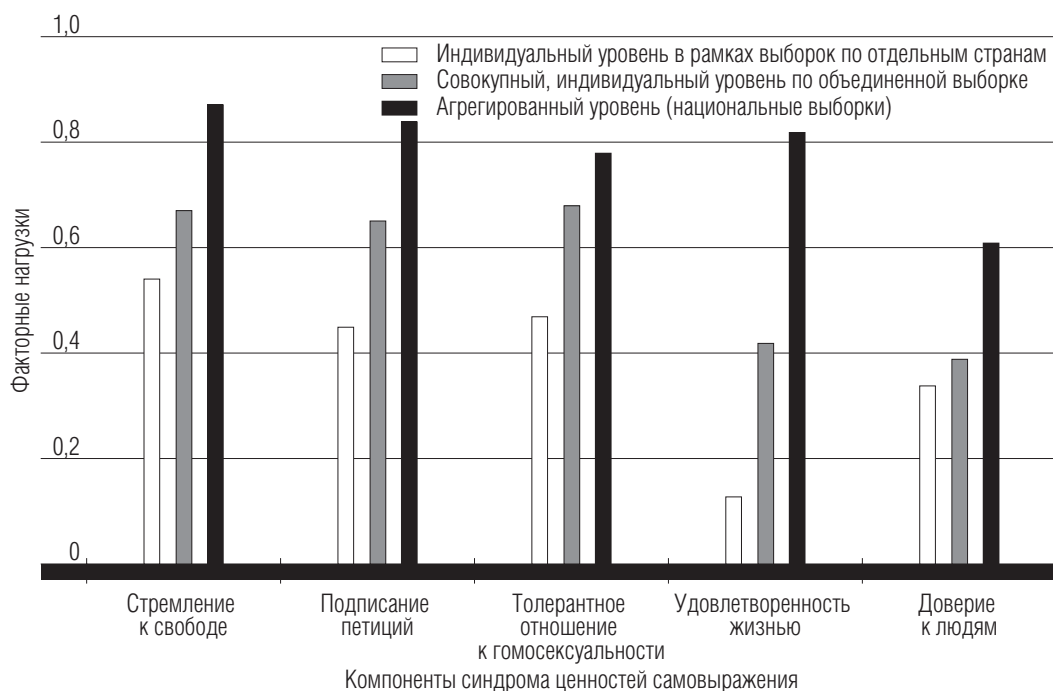
Shapiro 1993; Erikson, MacKuen, Stimson 2002). Агрегирование этих данных до уровня общества в целом устраняет данную погрешность, поскольку случайные отклонения от общенациональной средней величины при этом, как правило, взаимно компенсируют друг друга. Это приводит к уменьшению элемента случайности в корреляции, в результате чего при переходе с индивидуального уровня на уровень общества корреляция систематически увеличивается.

Одним словом, коэффициенты корреляции внутри стран на индивидуальном уровне, как правило, меньше, чем совокупный коэффициент корреляции на индивидуальном уровне, если (что обычно и происходит) разброс в рамках объединенной выборки оказывается шире, чем в пределах отдельной страны. Более того, совокупный коэффициент корреляции индивидуального уровня оказывается меньше корреляции на уровне обществ, если (что также, как правило, происходит) в данных индивидуального уровня содержится случайная погрешность, которая устраняется при агрегировании. Эти два вывода показаны на рисунке 10.2, содержащем реальные данные о различных установках, порождающих ценности самовыражения. Связь между этими установками слабее всего проявляется на индивидуальном уровне внутри стран, где факторная нагрузка всех компонентов ценностей самовыражения имеет наименьшую величину. В то же время она становится значительно сильнее на совокупном индивидуальном уровне: в этом случае факторная нагрузка компонентов увеличивается. И наибольшей прочностью эта связь отличается на уровне общества в целом, где мы видим наивысшую факторную нагрузку всех компонентов синдрома ценностей самовыражения.

Тот факт, что взаимосвязь на уровне всего общества не отражается на индивидуальном уровне, не перечеркивает самого наличия этой связи на уровне всего общества. Например, на индивидуальном уровне связь между терпимым отношением к гомосексуальности и удовлетворенностью жизнью не является статистически значимой в большинстве национальных выборок в рамках Values Survey. Однако на уровне общества в целом эта связь обладает высокой значимостью ($r = 0,50$; $N = 194$ страны, участвовавшие в «волне»). Соответственно, жители стран, где более терпимо относятся к гомосексуальности, также в большей степени удовлетворены жизнью. Это не означает, что они удовлетворены жизнью именно потому, что проявляют толерантность по отношению к гомосексуальности. Просто в странах, где подобная толерантность распростра-

Рисунок 10.2. ФАКТОРНАЯ НАГРУЗКА КОМПОНЕНТОВ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА ТРЕХ УРОВНЯХ АНАЛИЗА

нена широко, социальный климат в целом отличается большим дружелюбием и это затрагивает всех членов общества, порождая и более высокий уровень удовлетворенности жизнью. Таким образом, толерантность не воздействует на удовлетворенность жизнью в качестве черты, присущей тому же индивиду, но влияет на нее в качестве характеристики общества, к которому принадлежат эти индивиды. Люди больше удовлетворены жизнью не потому, что они лично проявляют толерантность, а потому, что они живут в обществе, где *социальная атмосфера в целом* отличается большей толерантностью. Подобный эффект контекста не проявляется в различиях между членами одного и того же общества; он становится заметен лишь при сравнении различных обществ. Поэтому воздействие представлений, определяемых социальным контекстом, следует анализировать также на уровне социума в целом — на том уровне, где они влияют на демократические институты.

Эквивалентность массовых ценностей в различных культурах

Как мы продемонстрировали, на разных уровнях анализа важные социальные процессы идут весьма различным образом. Тем не менее необходимо убедиться в том, что наши данные о ценностях на

индивидуальном уровне по различным странам отражают одни и те же представления. В ходе исследований в рамках Values Survey, проводящихся в странах с разными культурными особенностями, респондентам задаются одни и те же стандартные вопросы. В результате возникают проблемы, характерные для любого сравнительного анализа: одинаковые формулировки в разных культурных контекстах могут иметь различный смысл. Организаторы Values Survey решают подобные проблемы за счет исключения ситуационно-специфических вопросов, смысл которых резко варьируется в разных контекстах, а также вопросов, настолько отдаленных от повседневной жизни людей, что респонденты могут просто не найти четкого ответа. Вместо этого исследования проводятся с помощью вопросов универсального характера — об удовлетворенности жизнью, толерантности, отношении к религии, гендерному равенству, — непосредственно связанных с повседневной жизнью людей практически во всех странах, по которым любой респондент может высказать мнение на основе собственного жизненного опыта.

Оценить, имеют ли вопросы, задаваемые респондентам в рамках Values Survey, один и тот же смысл в странах, относящихся к разным культурным категориям, можно с помощью эмпирической проверки. Порой мы действительно обнаруживали, что определенные вопросы, использовавшиеся в некоторых социологических исследованиях, имеют совершенно разное значение в различных культурных контекстах: в ходе анализа их взаимосвязи с другими переменными выяснялось, что они имеют различные коннотации и различные демографические корреляты.

В качестве особенно важного случая исследуем кросс-культурную релевантность главного культурного показателя, используемого в настоящей книге: постматериалистического стремления к личной свободе («свободе слова» [free speech]) и политической свободе («большему праву голоса» [more say]). Это стремление к свободе (liberty aspirations) представляет собой центральный элемент ценностей самовыражения, демонстрируя самые большие факторные нагрузки среди всех компонентов этого синдрома. Стремление к расширению свободы выбора относится к самой сути ценностей самовыражения.

Стремление к свободе отражает один из конкретных компонентов постматериалистической ориентации. Постматериализм в целом включает не только стремление к свободе, но также экологические и идеалистические установки, делающие акцент на защи-

те окружающей среды и гуманности общества. Стремление к свободе является частью этого комплекса, однако оно более тесно связано с демократией, поскольку акцентирует личную и политическую свободу. Соответственно, в ходе нашего анализа мы сосредоточимся на трех «видах» стремления к свободе, используя три из шести вопросов, входящих в постматериалистический блок: о «защите свободы слова», «предоставлении людям большего права голоса при принятии властями важных решений» и «предоставлении людям большего права голоса в том, что касается происходящего у них на работе и по месту жительства».

На основе уровня приоритетности, который респонденты придают каждому из этих пунктов (первостепенное значение, второстепенное значение, никакого значения) рассчитывается значение индекса по шестибальной шкале, где 0 означает самый низкий, а 5 — самый высокий уровень стремления к свободе¹. Средние значения индекса по страновым выборкам составляют континуальную шкалу для измерения общего уровня стремления к свободе в том или ином обществе. Эти средние значения представляют собой центры распределений, вокруг которых концентрируются значения индекса стремления к свободе для той или иной страны, поскольку в каждой стране позиция большинства населения по данным вопросам приближается к общенациональной средней величине; в нашей практике не было случаев бимодального или поляризованного распределения.

Представление о том, имеет ли стремление к свободе один и тот же смысл в странах, принадлежащих к разным категориям, может быть получено, в частности, путем ответа на вопрос, демонстрирует ли оно одинаковые связи с другими установками. Как мы увидим, несмотря на то, что уровень постматериалистического стремления к свободе резко варьируется в разных обществах, набор других установок, с которыми оно коррелирует, является на удивление сходным для разных типов обществ.

На рисунках 10.3–10.6 показаны существующие на индивидуальном уровне связи между стремлением к свободе и некоторыми иными установками для разных категорий обществ — сравниваются паттерны этих связей, характерные для постиндустриальных

---

¹ Подробнее о составлении этого индекса см. интернет-приложение, № 43 в разделе «Переменные». Все ссылки на интернет-приложение даются по <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

демократий, западных и восточных посткоммунистических государств, развивающихся стран и стран с низким душевым ВВП². В рамках каждой категории респонденты разбиваются на шесть групп в зависимости от силы их стремления к свободе. На рисунке они изображены в виде шести столбцов по каждой категории стран, сгруппированных слева направо по мере возрастания уровня стремления к свободе: крайне левый столбец обозначает респондентов с минимальным стремлением, следующий — со слабым, затем с уровнем от слабого до умеренного, затем — от умеренного до высокого, затем — с высоким уровнем. Наконец, в крайне правый столбец попадают респонденты с максимально высоким стремлением к свободе.

Сравнивая высоту этих столбцов, мы видим, насколько сильно та или иная установка распространена 1) среди респондентов с различным уровнем стремления к свободе в одной и той же категории обществ и 2) среди респондентов из разных категорий обществ с одним и тем же уровнем стремления к свободе. О наличии или отсутствии связей между постматериалистическим стремлением к свободе и другими установками можно судить по сходству конфигурации столбцов. Чем больше сходства между их паттернами, тем больше сходна взаимосвязь между постматериалистическим стремлением к свободе и другими установками и тем больше сходства в смыслах, которыми это стремление к свободе наделено в странах, принадлежащих к разным категориям.

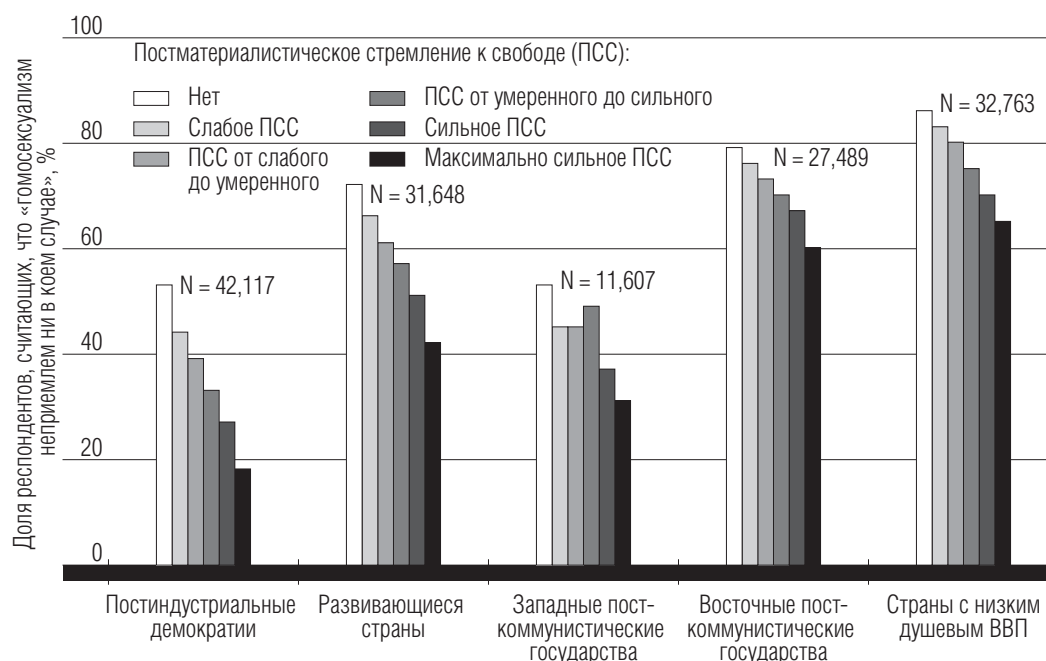
На рисунке 10.3 показана связь на индивидуальном уровне между стремлением к свободе и толерантным отношением к гомосексуалистам в постиндустриальных демократических, развивающихся странах, западных и восточных посткоммунистических государствах и странах с низким душевым ВВП. Рисунок наглядно демонстрирует сходный характер конфигурации столбцов по всем категориям стран: их высота неизменно убывает слева направо. В этом проявляется тот факт, что по мере распространения постматериалистического стремления к свободе в странах, относящихся ко *всем* пяти категориям, все меньше людей считает гомосексуализм неприемлемым при любых обстоятельствах³.

---

² Подробнее о критериях систематизации стран по этим категориям см. интернет-приложение, № 67 в разделе «Переменные».

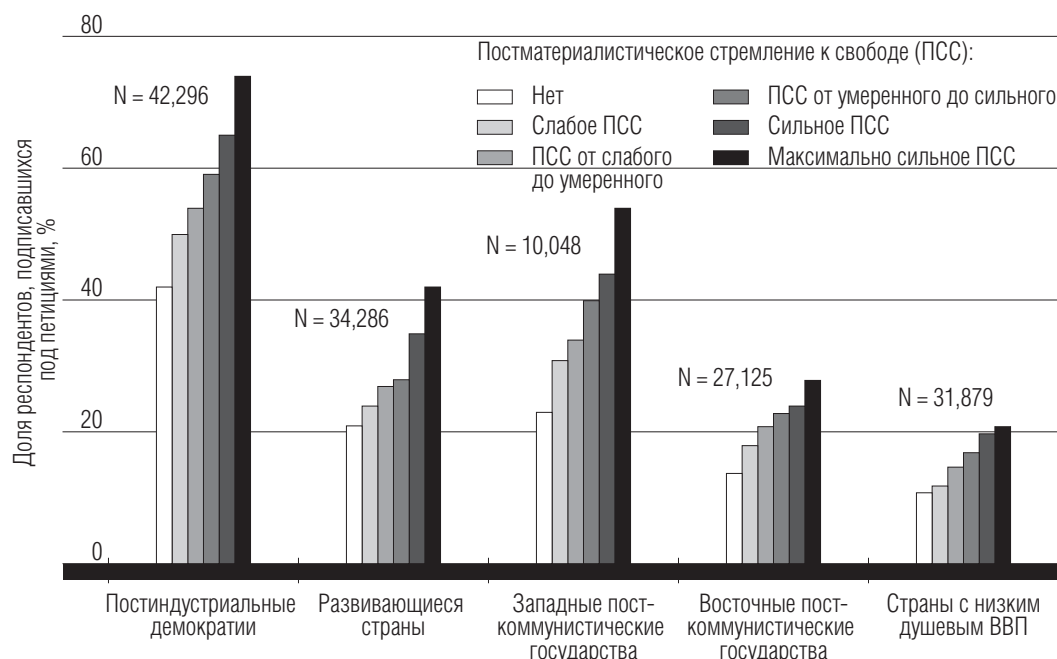
³ Подробнее о методике измерения уровня терпимости по отношению к гомосексуальности см. интернет-приложение, № 44 в разделе «Переменные».

Рисунок 10.3. ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ

Конфигурация столбцов во всех категориях стран выглядит одинаково: это свидетельствует о том, что внутренняя логика взаимосвязи между стремлением к свободе и толерантностью не является свойством, характерным лишь для обществ определенных типов. Напротив, она проявляется повсеместно: люди со слабо развитым стремлением к свободе демонстрируют более низкий уровень толерантности по сравнению со среднестатистическим показателем их стран; те же, у кого оно высоко, по уровню терпимости превосходят среднюю цифру для своего общества. В отличие от конфигурации столбцов их высота по разным категориям стран существенно различается. Постиндустриальные демократии отличаются наиболее высоким уровнем толерантности во всех шести группах респондентов. Таким образом, сила стремления к свободе не фиксирует толерантность людей на некоем абсолютном уровне, постоянном для всех категорий обществ. Вместо этого она смещает уровень толерантности у людей либо выше, либо ниже базового уровня (различного для разных стран). В общем и целом постиндустриальные демократические страны демонстрируют наибольший уровень как стремления к свободе, так и толерантности, а страны с низким душевым доходом — наименьший. Подобный результат соответствует теории человеческого развития. Однако, независимо от средних уровней стремления к свободе и толерантности,

Рисунок 10.4. ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ И ПРОТИВОЭЛИТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

в каждой стране индивиды с более сильным стремлением к свободе проявляют и большую толерантность.

Тот же самый паттерн наблюдается и в случае соотношения между постматериалистическим стремлением к свободе и противоэлитными действиями (см. рис. 10.4)⁴. Высота столбцов систематически возрастает слева направо, отражая тот факт, что степень участия людей в подобных действиях в рамках каждой категории стран увеличивается вместе с уровнем стремления к свободе. Аналогичным образом, люди тем меньше доверяют государственным институтам (например, полиции, судебной системе, парламенту), чем выше уровень их стремления к свободе (рис. 10.5)⁵. Более того, как явствует из рисунка 10.6, это стремление неизменно связано и с поддержкой гендерного равенства⁶: во всех категориях обществ люди в большей степени выступают за гендерное равенство, если уровень их стремления к свободе выше.

⁴ В качестве критерия таких действий мы берем подписание петиций. Подробнее см. интернет-приложение, № 45 в разделе «Переменные».

⁵ Подробнее о методике измерения доверия к государственным институтам см. интернет-приложение, № 52 в разделе «Переменные».

⁶ Критерием поддержки гендерного равенства является несогласие с тезисом о том, что мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины. Подробнее см. интернет-приложение, № 66 в разделе «Переменные».

Рисунок 10.5. ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ И ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ

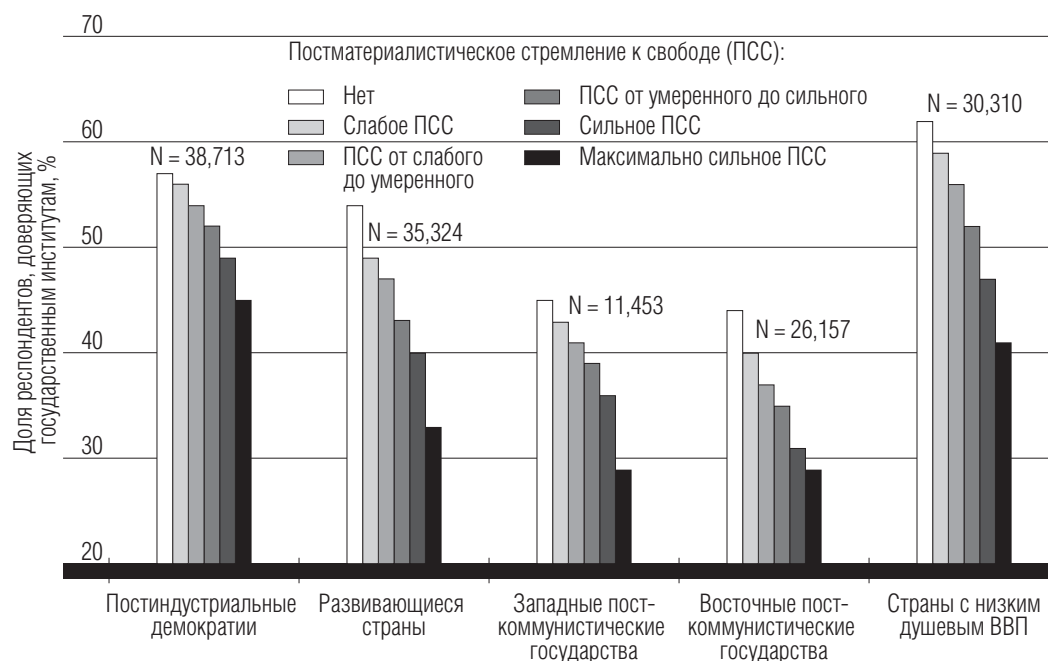
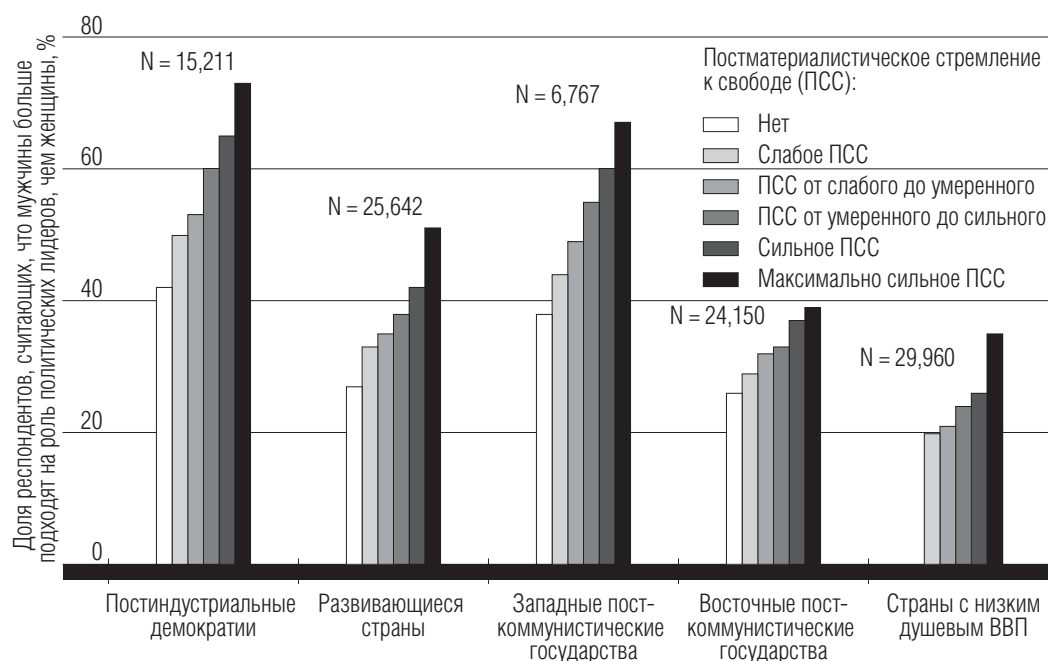

Рисунок 10.6. ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ И ПОДДЕРЖКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Необычайное сходство между конфигурацией столбцов на рисунках 10.3, 10.4, 10.5 и 10.6 говорит о том, что между постматериалистическим стремлением к свободе и рядом важных установок

и ценностей существует связь, одинаковая для всех категорий стран, в которых проводились опросы в рамках Values Survey. Мы могли бы существенно дополнить приведенный здесь список (другие примеры см.: Inglehart, Abramson 1999), однако и без этого основная закономерность очевидна. Люди в различных категориях обществ вкладывают в понятия стремления к свободе и ценностей самовыражения примерно одинаковый смысл, в результате чего межстрановой сравнительный анализ, применяемый в настоящей книге, выглядит абсолютно оправданным.

Заключение

Распространенное представление о том, что взаимосвязи на уровне общества в целом носят «мнимый» характер, если они не существуют в той же самой форме на индивидуальном уровне, связано с неверной трактовкой проблемы «экологической ошибки». Мнимость или подлинность взаимосвязи можно определить лишь на том уровне, на котором она существует, а не путем неоправданных умозаключений межуровневого характера.

Если бы наблюдающаяся на уровне общества в целом прочная связь между ценностями самовыражения и демократией не проявлялась на индивидуальном уровне, это не означало бы, что такая взаимосвязь отсутствует. На самом деле поиски этой взаимосвязи на индивидуальном уровне бессмысленны, поскольку демократия представляет собой феномен, свойственный обществу в целом, и на индивидуальном уровне она просто *не существует*. Если на демократию оказывают влияние ценностные ориентации индивидов, то это влияние осуществляется лишь через массовые тенденции в сфере этих ориентаций — что и происходит на самом деле, как мы могли убедиться.

Связи между различными компонентами ценностей самовыражения на индивидуальном уровне внутри страны проявляются значительно слабее, чем на уровне общества в целом; это же относится и к большинству любых аспектов человеческих представлений. Сказанное, однако, не перечеркивает самого наличия этих связей на уровне общества. Указанный феномен отражает системные различия между связями на индивидуальном уровне и на уровне социума, а также тот факт, что некоторые взаимосвязи носят скорее контекстуальный, а не индивидуалистический характер. При анализе проблем, связанных с демократией, значение имеют именно контекстуальные, а не индивидуалистические связи.

Наконец центральный элемент ценностей самовыражения — постматериалистическое стремление к свободе — одинаковым образом связан с рядом других установок во всех категориях стран, по которым у нас имеются социологические данные. Это говорит о том, что ценности самовыражения имеют одни и те же коннотации во всех обществах. Изучая степень распространения и характер распределения этих ценностей в различных обществах, мы проводим сравнительный анализ действительно сопоставимых феноменов.

Глава 11 Компоненты продемократической политической культуры

Конкурирующие концепции политической культуры

С самого начала ученые, специализирующиеся на проблемах политической культуры, утверждали, что функционирование и сохранение демократических институтов на системном уровне тесно связано с ценностными ориентациями на уровне индивидуальном (Lerner 1958; Almond, Verba 1963; Eckstein 1966). Таким образом, понятие взаимосвязи «население — система», соединяющей политические институты и массовые тенденции в сфере индивидуальных ценностей, представляет собой один из важнейших элементов теории политической культуры. Согласно этой точке зрения, судьба политической системы во многом определяется политическими взглядами и ценностными ориентациями людей. Еще Аристотель в IV веке до н. э. и Монтескье в XVIII веке утверждали, что разные формы правления отражают различные добродетели, преобладающие в народе (Montesquieu [1748] 1989). На основе этого же вывода ученые объясняли и захват власти нацистами в Германии. Многие исследователи считают: корни этой катастрофы связаны с тем, что в Веймарской республике «существовала демократия, но не было демократов» (Bracher [1958] 1971).

Именно тезис о том, что массовые ориентации имеют важнейшее значение для развития демократии, стал исходной предпосылкой для Алмонда и Вербы — авторов первого сравнительного эмпирического исследования, где анализировалась связь между массовыми установками и устойчивостью и дееспособностью демократических институтов (Almond, Verba 1963). Они пришли к выводу, что здоровое сочетание «ориентаций подданного» и «ориентаций на участие» ведет к возникновению «гражданской культуры», способствующей расцвету демократии. В последующих сравнительных эмпирических исследованиях подчеркивалось значение установок и ценностей на индивидуальном уровне для поддержания демократических институтов на уровне системном (см., в частности: Barnes, Kaase et al. 1979; Baker K. et al. 1981; Putnam 1993; Klingemann, Fuchs

1995; Inglehart 1997; Pharr, Putnam 2000; Dalton 2001; Norris 2002). Возникновение новых демократий в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европе стимулировало новую волну исследований, посвященных политической культуре (см., например: Gibson, Dutch, Tedin 1992; Hofferbert, Klingemann 1999; Gibson 2001; Mishler, Rose 2001; Bratton, Mattes 2001; Newton, Norris 2000; Diamond 2003). Практически все эти авторы считают, что массовые тенденции в области индивидуальных установок и ценностных ориентаций имеют важное значение с точки зрения функционирования демократии на системном уровне. Эта посылка служит главным обоснованием изучения политической культуры как такового.

Несмотря на распространенность этого тезиса, его проверка проводилась редко (примерами могут служить работы: Putnam 1993; Muller, Seligson 1994; Inglehart 1997, гл. 6; Newton 2001; Paxton 2002). Большинство исследований по проблемам политической культуры попросту исходит из того, что определенные установки на индивидуальном уровне имеют большое значение для развития демократии на системном уровне, и это допущение используется в качестве обоснования для анализа детерминант указанных индивидуальных установок. Однако предположение о том, что массовые тенденции в сфере этих установок оказывают воздействие на системном уровне, в большинстве трудов о политической культуре просто принимается на веру. Попытки проверить его предпринимаются редко, хотя, если этот тезис не соответствует действительности, само изучение политической культуры во многом теряет смысл.

Вместо того чтобы принимать как само собой разумеющееся утверждение о том, что массовые тенденции в сфере определенных установок и ценностных ориентаций обладают системным влиянием на развитие демократии, мы в настоящей главе проведем его эмпирическую проверку. Поскольку прежде подобная проверка проводилась крайне редко, не стоит удивляться, что некоторые ученые ставят под сомнение тезис о позитивном воздействии массовых установок на дееспособность и устойчивость демократического строя. Вопрос о причинно-следственной направленности взаимосвязи между массовыми установками и демократическими институтами традиционно вызывал и по-прежнему вызывает споры. Так, Растоу утверждал, что массовая поддержка демократии может быть следствием разочарования в авторитаризме, но «внутренние» демократические ценности, отражающие глубоко укорененную приверженность демократическим нормам, вырабатываются только

за счет «привычки», т.е. усвоения этих норм на практике в условиях существования демократических институтов (Rustow 1970). По мнению Растоу, демократические массовые ценности — не предпосылка, а *следствие* установления дееспособного демократического строя. Аналогичным образом, Джеkmэн и Миллер, подвергая резкой критике работы Патнэма (Putnam 1993) и Инглхарта (Inglehart 1997), утверждают, что демократическая культура масс — результат опыта жизни при демократических институтах, а не предпосылка их возникновения (Jackman, Miller 1998; см. также: Muller, Seligson 1994).

В главе 8 мы уже рассматривали эти противоречивые аргументы и выдвинули гипотезу о том, что ценности самовыражения отражают внутреннюю приверженность демократическим нормам, таким как свобода и толерантность. Соответственно, мы попытались с помощью эмпирической проверки ответить на вопрос, определяются ли ценности самовыражения предыдущим опытом существования в условиях демократических институтов, или, напротив, наличие этих ценностей способствует последующему формированию указанных институтов. Результаты проверки однозначны: после введения поправки на социально-экономическое развитие выясняется, что предшествующее наличие демократических институтов оказывает лишь небольшое воздействие на распространение ценностей самовыражения. В то же время сами эти ценности оказывают устойчивое и существенное воздействие на последующее возникновение демократических институтов, даже если принять социально-экономическое развитие в качестве константы. Аналогичным образом, после введения поправок на автокорреляцию во времени ценности самовыражения демонстрируют существенное влияние на демократические институты, а обратного процесса не наблюдается. Эти результаты позволяют предположить, что основная направленность причинно-следственной связи направлена от массовых ценностей к демократическим институтам, а не наоборот.

Поскольку факты свидетельствуют о воздействии массовых ценностей на демократию, необходимо далее установить, какие именно из этих ценностей оказывают на нее наиболее сильное влияние. Согласно теории человеческого развития, таковыми должны являться ценности самовыражения, однако другие обществоведы отводят приоритетную роль иным ценностям и представлениям. В настоящей главе на основе эмпирических данных по десяткам стран мы постараемся определить, какие массовые ориентации наиболее существенно воздействуют на демократию.

Три конкурирующие концепции

В исследованиях по проблемам политической культуры прослеживаются три основных подхода: сторонники каждого из них придают разным категориям ценностей приоритетное значение для укрепления демократии. Мы назвали эти подходы «концепцией легитимности» (или поддержки системы), «коммунитаристской концепцией» (или «концепцией социального капитала») и «концепцией человеческого развития» (эмансипационной).

В своем фундаментальном труде Дэвид Истон утверждал, что любому политическому строю необходима легитимность, которую он приобретает, если население страны поддерживает его отдельные институты и систему в целом (Easton 1965). Соответственно, сторонники концепции легитимности считают, что массовая поддержка той или иной формы государственного управления и доверие к ее конкретным институтам обеспечивает политической системе легитимность, необходимую для эффективного функционирования (см.: Gibson 1997; Klingemann 1999; Mishler, Rose 2001; Seligson 2002). Они полагают, что массовая поддержка демократии играет ключевую роль в делегитимации авторитаризма и легитимации демократического строя (см.: Chanley, Rudolph, Rahn 2000; Newton, Norris 2000; Anderson, Tverdova 2001; Newton 2001).

Два других подхода — с точки зрения коммунитаризма и человеческого развития — следуют традициям школы «гражданской культуры»: их главный тезис состоит в том, что для построения работоспособной демократии простого доверия к ее институтам и предпочтения демократического строя другим формам правления недостаточно — необходим более широкий набор гражданственных ценностей.

В рамках коммунитаристской концепции акцент делается на ценностях, вовлекающих граждан в повседневную общественную жизнь, укрепляющих их социальные связи и лояльность по отношению к своему сообществу (Bell 1993; Etzioni 1996). По мнению Патнэма, подобная коммунитаристская ориентация создает социальный капитал, а ее проявлениями являются участие людей в деятельности общественных организаций и доверие к согражданам (Putnam 1993; Putnam 2000). Таким образом, сторонники концепций коммунитаризма и «социального капитала» считают членство в общественных организациях и доверие между людьми той общей плодородной почвой, на которой «расцветает» демократия (см.: Norris 2002, гл. 8). Другая научная школа в рамках коммунитаристского

течения делает акцент на законопослушности граждан и соблюдении правил «достойного» поведения, или, как они выражаются, «гражданской честности» и «добросовестности», считая их тем моральным ресурсом, что поддерживает и укрепляет демократию (Crozier, Huntington, Watanuki 1975; Levi, Stoker 2000; Rothstein 2000). В отличие от диктатуры демократическая система обладает лишь ограниченными репрессивными инструментами для обеспечения законности. Таким образом, она в большей степени, чем любая другая форма правления, зависит от добровольного соблюдения законов гражданами или «подчинения нормам».

Сторонники концепции человеческого развития, как и представители коммунитаристской научной школы, исходят из того, что для развития демократии большое значение имеют не просто те или иные установки в отношении политической системы и ее институтов, а гражданские ценности. Теория человеческого развития имеет дело с социальными условиями, ограничивающими или расширяющими имеющиеся у людей возможности выбора. Одним из важнейших среди этих условий является демократия. Она институционализирует гражданские и политические свободы, обеспечивая людям правовые гарантии свободы выбора в частной и общественной жизни. А поскольку именно выбор лежит в основе демократии, эффективность ей придают гражданские ценности, акцентирующие его свободную реализацию, т.е., по нашему определению, ценности самовыражения. Таким образом, не все общественные ценности и формы социального капитала одинаково важны с точки зрения демократии: наибольшее значение имеют те из них, которые мотивируются стремлением человека к свободе — и свободе выбора в частности. Именно это измерение охватывают ценности самовыражения. Они по самой сути своей непосредственно связаны с эмансипационной природой демократии.

Доверие к людям, соблюдение норм и участие в общественных ассоциациях — все это является проявлением коммунитаристских ценностей и формами социального капитала, но не всегда отражает эмансипационные ценности и вдохновленные ими разновидности социального капитала. Коммунитаристские ценности могут также носить авторитарный и ксенофобский характер, создавать «скрепляющие», а не «наводящие мосты» разновидности социального капитала. «Скрепляющие» формы социального капитала существуют в виде интровертных сетей отношений, в рамках которых люди не эмансипируются, а подвергаются давлению со сто-

роны своей группы. Согласно теории человеческого развития, эти формы коммунитаристских ценностей и социального капитала не способствуют развитию демократии: подобную роль играют лишь эмансипационные ценности и «наводящий мосты» социальный капитал. Эмансипационные ценности предусматривают примат свободы личности над дисциплиной коллектива, многообразия над соответствием групповой норме и независимости граждан над государственной властью. Формы социального капитала, «наводящие мосты», вдохновляются эмансипационными ценностями. Они ослабляют зависимость людей от интровертных групп, одновременно вовлекая их в систему менее жестких, но более разнообразных форм взаимодействия друг с другом.

Итак, не все формы коммунитаристских ценностей и социального капитала соответствуют главному принципу демократии — свободе выбора. Для развития демократии необходимы ценности, акцентирующие самовыражение, а значит, по определению противоречащие любой дискриминации и непосредственно связанные с эмансипационными элементами демократического строя. Концепция человеческого развития не согласуется с тезисом Алмонда и Вербы о том, что неотъемлемым элементом демократической политической культуры является значительный компонент «ориентации подданного» (Almond, Verba 1963). Напротив, мы считаем, что слабость и неэффективность демократии вызвана не отсутствием коллективной дисциплины, соответствия групповым стандартам и «подчинения нормам». Намного более вероятен другой вариант: недостаточный уровень «гражданского неповиновения» и неразвитость ценностей самовыражения существенно облегчают задачу авторитарным правителям. Для демократизации большинству стран нужна не большая «покладистость», а более эмансипационный настрой граждан.

Ценности самовыражения включают в себя постматериалистическое стремление к личной и политической свободе, гражданскую протестную активность, терпимость к свободе других и ощущение субъективного благополучия, основанное на удовлетворенности жизнью. Доверие между людьми также входит в синдром ценностей самовыражения (см. рис. 10.2)¹.

¹ Это замечание касается исключительно *общего* доверия к людям, а не доверия к *близким* людям. Первое отличается меньшей интенсивностью, но имеет больший социальный радиус, что немаловажно для поддержания многообразия взаимодействия между людьми, необходимого для функционирования сложно

Тем не менее мы полагаем, что связь последнего фактора с демократией не носит прямого характера: он действует через другие компоненты синдрома ценностей самовыражения — прежде всего стремление к свободе. Из всех составных частей синдрома ценностей самовыражения именно постматериалистическое стремление к личной и политической свободе самым прямым образом сфокусировано на беспрепятственном выборе и гарантирующих его правах. Соответственно, наша гипотеза заключается в том, что стремление к свободе теснее всего связано и с демократией.

Таким образом, упомянутые три концепции выдвигают на первый план три разных аспекта массовой политической культуры. Концепция легитимности (поддержки системы) акцентирует доверие к институтам и поддержку демократии. Последнюю ее сторонники считают особенно важным фактором делегитимации авторитаризма и легитимации демократии — независимо от мотиваций и ценностей, лежащих в основе этой поддержки. Далее, коммунитаристская концепция (или концепция социального капитала) акцентирует соответствие нормам, общественную активность и доверие между людьми в качестве факторов, порождающих социальную общность и гражданскую лояльность, которые обеспечивают процветание демократии. Наконец, в основе концепции человеческого развития лежит тезис о том, что ценности самовыражения и в особенности стремление к свободе представляют собой тип массовой ориентации, по своей природе сильнее всего связанный с демократией и ее акцентом на свободе выбора.

Исследовательская стратегия

Какие ценностные ориентации масс имеют наибольшее значение с точки зрения развития демократии? В таблицах 11.1 и 11.2 представлены результаты корреляционного и регрессионного анализа, в ходе которого мы измерили воздействие на демократию всех трех упомянутых выше типов ориентаций. Подчеркнем: уровень формальной и эффективной демократии мы рассчитывали по состоянию на 2000–2002 годы, а все политико-культурные предикторы — по состоянию на середину или начало 1990-х. Такая выборка позво-

---

устроенного современного общества. Напротив, доверие к близким людям ограничивается членами тесно спаянных групп, которые могут существовать в изоляции друг от друга, без «наведения мостов». Доверие к близким людям не создает социального капитала, необходимого для развития многообразного взаимодействия в рамках сложно организованного общества.

ляет нам утверждать, что результаты анализа отражают влияние политической культуры на состояние демократических институтов². Более того, регрессионные уравнения, представленные в таблице 11.2, содержат поправку на временную автокорреляцию демократии: мы вводим в качестве дополнительного предиктора продолжительность существования демократии в стране до середины 1990-х годов. Это позволяет нам учесть вероятность того, что уровень демократии в 2000–2002 годах мог попросту отражать результаты ее предшествующего развития, а связь между ценностями самовыражения и демократией представляет собой лишь артефакт, возникший из-за воздействия на эти ценности предшествующего уровня демократии. Длительность демократического опыта страны в общем случае оказывает позитивное воздействие на ее последующие показатели в этом плане (Wessels 1997). Делая поправку на данный эффект, мы изучаем вопрос о том, является воздействие массовых ценностей на последующие уровни демократии подлинным или мнимым.

Приняв демократическую традицию за константу, мы также вводим поправку на влияние западной культуры, которая тоже может играть роль одного из факторов, поскольку именно западные страны обладают самыми продолжительными демократическими традициями. Соответственно, мы анализируем воздействие тех или иных массовых ценностей на демократию в той степени, в какой они не зависят от демократического наследия Запада.

Таблицы в настоящей главе составлены таким образом, чтобы можно было видеть воздействие конкретных типов массовых ценностей на достигнутые обществом результаты в развитии демократии, проводя различие между формальной и эффективной либеральной демократией. Из этих таблиц явствует, что доля объясняемой дисперсией применительно к одной лишь формальной демократии оказывается значительно ниже по сравнению с объясняемой дисперсией по уровню эффективной демократии. Это говорит о том, что формальная демократия представляет собой феномен, менее укорененный социально, чем эффективная демократия,

---

² Как и в ходе анализа, представленного в главе 8, все данные о представлениях респондентов взяты из наиболее ранних для соответствующей страны опросов в рамках второй (1989–1991) и третьей (1995–1997) «волн» Values Survey. Тем самым мы гарантируем, что эти данные по времени предшествуют показателям наших зависимых переменных — формальной и эффективной демократии, — измерившихся по состоянию на 2000–2002 годы.

— этот результат мы уже подробно проанализировали в главе 8. Кроме того, и на формальную, и на эффективную демократию распространяется одна и та же закономерность: массовые ценности, в наибольшей степени объясняющие уровень второй, в наибольшей степени объясняют и уровень первой. Поскольку уровень эффективной демократии представляет собой более важную зависимую переменную, мы сосредоточиваем внимание на интерпретации тенденций, связанных именно с ней.

Концепция легитимности

Доверие к государственным институтам практически во всех передовых демократических странах Запада слабеет уже несколько десятков лет (Pharr, Putnam, Dalton 2000; Newton, Norris 2000; Newton 2001). Поскольку точка зрения о том, что доверие к институтам имеет ключевое значение для демократии, достаточно распространена, его падение привлекает большое внимание и на поверхность вновь всплыл тезис о кризисе легитимности, сформулированный Крозье и его соавторами еще в 1970-х (Crozier et al. 1975). Но *действительно ли* высокий уровень доверия к институтам представляет собой важнейшую предпосылку процветания демократии? Снижается ли эффективность демократии, если это доверие ослабевает? Чтобы ответить на эти вопросы, мы измерили для каждой страны средний уровень доверия общества к основополагающим государственным институтам («доверие к государственным институтам»), а также ко всем категориям институтов, о доверии к которым просили высказаться респондентов («общий уровень доверия к институтам»)³.

Рейтинги доверия демонстрируют положительную корреляцию по всем институтам, и факторный анализ не выявляет полярности между доверием к их различным категориям. Таким образом, целесообразным представляется суммирование показателей доверия к институтам. Результаты показаны в двух первых строках таблицы 11.1: они свидетельствуют об отсутствии статистически значимой связи между доверием людей к институтам и последующими показателями уровня демократии, независимо от категории стран.

³ Подробнее о методике измерения см. интернет-приложение, № 52–53 в разделе «Переменные». Все ссылки на интернет-приложение даются по <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

Таблица 11.1. КОРРЕЛЯТЫ ДЕМОКРАТИИ, АКЦЕНТИРУЕМЫЕ ТРЕМЯ КОНЦЕПЦИЯМИ
(ДАННЫЕ НАИБОЛЕЕ РАННИХ ОПРОСОВ)

Корреляты	Коэффициент корреляции с формальной демократией, 2000–2002	Коэффициент корреляции с эффективной демократией, 2000–2002
Концепция легитимности		
Доверие к государственным институтам, начало 1990-х	0,13 (61)	0,33** (61)
Общий уровень доверия к институтам, начало 1990-х	-0,12 (61)	-0,4 (61)
Поддержка демократии, середина 1990-х	0,38** (60)	0,42** (60)
Предпочтение демократии авторитаризму, середина 1990-х	0,57*** (60)	0,68*** (60)
Коммунитаристская концепция, начало 1990-х		
Добровольное участие в ассоциациях социальной направленности	-0,06 (60)	-0,06 (60)
Добровольное участие в ассоциациях всех типов	-0,13 (60)	-0,11 (60)
Подчинение нормам	0,13 (61)	0,25* (61)
Доверие между людьми	0,37** (61)	0,63*** (61)
Концепция человеческого развития, начало 1990-х		
Постматериалистическое стремление к свободе	0,70*** (61)	0,80*** (61)
Толерантность по отношению к сексуальной свободе	0,50*** (60)	0,67*** (60)
Участие в подписании петиций	0,64*** (61)	0,76*** (61)
Удовлетворенность жизнью	0,59*** (61)	0,73*** (61)
Синдром ценностей самовыражения	0,72*** (61)	0,89*** (61)

Примечание. Начало 1990-х — данные самых ранних опросов из второй-третьей «волн» Values Survey (1989–1991 или 1995–1997). Середина 1990-х — данные самых ранних опросов из третьей-четвертой «волн» Values Survey (1995–1997 и 1999–2001). Уровень значимости: * $p < 0,10$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Однако можно предположить, что доверие к институтам не функционирует одинаково во всех категориях стран, а способствует развитию демократии только в обществах, где уже существует демократическое наследие. В этом случае влияние доверия к институтам проявится только после введения поправки на демократический опыт страны. Именно на этом основан наш регрессионный анализ, показанный в таблице 11.2, в котором мы учитываем предшествующие демократические традиции общества. Но даже если принять предыдущий уровень демократии за константу, выясняется, что доверие людей к институтам не оказывает значимого воздействия на последующее демократическое развитие страны. Этот вывод остается неизменным как в отношении доверия к государственным институтам, так и к любым институтам вообще. Более того, если подобное воздействие и существует, оно скорее носит негативный, чем позитивный характер, о чем свидетельствует знак минус перед рядом корреляционных и регрессионных коэффициентов.

Таблица 11.2. ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ С ПОМОЩЬЮ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДИКТОРОВ СОГЛАСНО ТРЕМ РАЗЛИЧНЫМ КОНЦЕПЦИЯМ (ОТДЕЛЬНЫЕ РЕГРЕССИИ, КАЖДАЯ — С ПОПРАВКОЙ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ ТРАДИЦИЮ ДО 1995 ГОДА)

Предикторы	Формальная демократия, 2000–2002		Эффективная демократия, 2000–2002	
	Бета	Частичный R ² , %	Бета	Частичный R ² , %
Концепция легитимности				
Доверие к государственным институтам, начало 1990-х	-0,09	02	0,06	00
Общий уровень доверия к институтам, начало 1990-х	-0,18*	05	-0,13	00
Поддержка демократии, середина 1990-х	0,20*	05	0,16*	05
Предпочтение демократии авторитаризму, середина 1990-х	0,38**	15	0,38***	20
Коммунитаристская концепция, начало 1990-х				
Добровольное участие в социальных ассоциациях	-0,09	00	-0,11	00
Добровольное участие в ассоциациях всех типов	-0,10	00	-0,08	00
Подчинение нормам	-0,03	00	0,04	00
Доверие между людьми	0,09*	00	0,31**	15
Концепция человеческого развития, начало 1990-х				
Постматериалистическое стремление к свободе	0,61***	29	0,54***	37
Толерантность по отношению к сексуальной свободе	0,28**	07	0,37***	20
Участие в подписании петиций	0,50***	17	0,46***	23
Удовлетворенность жизнью	0,40**	13	0,42***	23
Синдром ценностей самовыражения	0,77***	32	0,80***	55

Примечание. Начало 1990-х — данные самых ранних опросов из второй-третьей «волн» Values Survey (1989–1991 или 1995–1997). Середина 1990-х — данные самых ранних опросов из третьей-четвертой «волн» Values Survey (1995–1997 и 1999–2001). Количество стран в каждой регрессии см. в таблице 11.1. Уровень значимости: * p < 0,10; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Каким бы удивительным ни казался подобный результат в свете существующей литературы на данную тему (см.: Pharr et al. 2000), доверие людей к институтам, судя по всему, не оказывает систематического воздействия на достигнутые обществом результаты в развитии демократии. Высокий или низкий уровень этого доверия можно обнаружить в рамках любой политической системы, независимо от ее демократичности. В некоторых традиционно авторитарных государствах, например Китае, существует высокий уровень доверия к институтам, а в некоторых зрелых демократиях, в частности США, он низок. Доверие людей к институтам не демонстрирует систематических различий в зависимости от продол-

жительности существования демократического строя в стране. Кроме того, оно не воздействует статистически значимым образом на последующие показатели демократии, даже с поправкой на демократические традиции страны. В результате возникают серьезные сомнения в оправданности того значения, которое придается доверию к институтам и его падению в большинстве развитых стран за последние десятилетия. Полученный нами результат подтверждает гипотезу (сформулированную в главе 4) о том, что ослабление доверия к институтам не несет в себе угрозу демократии. Напротив, оно отражает менее «почтительный», более «антиэлитарный» настрой граждан в современном обществе, способствующий, по нашему мнению, развитию демократии.

Наши выводы позволяют предположить, что высокий уровень доверия людей к институтам нельзя рассматривать как надежный индикатор наличия в обществе продемократической гражданской культуры. Аналогичным образом, низкий уровень этого доверия не обязательно чреват угрозой для демократии. При этом мы не утверждаем, что доверие к институтам вообще не имеет никакого значения: его релевантность может проявляться какими-то особыми путями, оставшимися за рамками нашей проверки. Но и в этом случае вывод о том, что доверие к институтам не оказывает на демократию систематического воздействия, одинаково проявляющегося для всех единиц наблюдения, остается в силе. Данный результат говорит о том, что доверие к институтам не является *универсальным* индикатором наличия продемократической гражданской культуры.

Хотя доверие масс к институтам не связано с демократией на системном уровне, возможно, на нее воздействует поддержка людьми демократии как таковой. Интуитивно все так и должно выглядеть: массовая поддержка демократического строя создает давление в пользу установления и сохранения демократии. Несомненно, именно поэтому многие региональные проекты социологических исследований, включая «Барометр новых демократий» (New Democracies Barometer), «Латинобарометр» (Latinobarometer) и «Афробарометр» (Afrobarometer), предусматривают вопросы об удовлетворенности демократией и ее поддержке респондентами. Ниже мы рассмотрим эти методики измерения более подробно. В любом случае мы согласны с Клингеманом и Роузом, отмечающими, что выяснять следует не только уровень поддержки демократии, но и степень неприятия людьми недемократических альтернатив (Klingemann 1999;

Rose 1995). Поэтому мы измеряем уровень предпочтения демократии авторитаризму, вычитая из показателя поддержки демократии показатель поддержки автократии: в результате получается чистый уровень предпочтения демократии. Подобная методика в отношении предпочтений той или иной политической системы имеет важное значение, поскольку у некоторых людей отсутствует четкое понимание сущности демократии и они высказываются в поддержку как демократической, так и недемократической формы правления. В таких случаях поддержка человеком демократии сводится на нет поддержкой авторитаризма, что говорит о мировоззренческой путанице. Другие люди, напротив, не только высказываются в пользу демократии, но и однозначно отвергают авторитарную политическую систему, демонстрируя высокий уровень «чистого» предпочтения демократии. Таких людей мы называем «твердыми демократами»⁴.

Можно предположить, что согласие с утверждением «Демократия представляет собой наилучшую из форм правления» должно демонстрировать статистически значимую положительную корреляцию с последующими уровнями формальной и эффективной демократии: так и происходит (см. табл. 11.1). Но если мы введем поправку на предшествующий уровень демократии, это воздействие теряет статистическую значимость (см. табл. 11.2). Что же касается предпочтения демократии авторитаризму, то здесь наблюдается совершенно иная картина. Двумерные корреляции, представленные в таблице 11.1, демонстрируют статистически значимую положительную связь между предпочтением, которое отдают граждане страны демократическому строю, и последующими показателями формальной и эффективной демократии. С поправкой на предшествующий демократический опыт страны этот результат сохраняет высокую статистическую значимость, объясняя до 25% дисперсии по показателю эффективной демократии, не объясненной предшествующей демократической традицией.

Низкий уровень доверия к общественным институтам может сопровождаться и сопровождается высоким уровнем предпочтения демократии авторитаризму. Даже если люди живут при демократическом строе и однозначно предпочитают его авторитар-

---

⁴ Подробнее о нашей методике измерения поддержки демократии см. интернет-приложение, № 55 в разделе «Переменные», измерения предпочтения демократии авторитаризму — № 56, и измерения поддержки демократии ее твердыми сторонниками — № 57.

ной форме правления, они вполне могут критически относиться к тому, как находящиеся в данный момент у власти элиты распоряжаются конкретными институтами, — что и влечет за собой слабое доверие к этим институтам. Именно такая ситуация складывается сегодня во многих демократических странах Запада: подавляющее большинство населения предпочитает демократию любым альтернативным формам правления и в то же время слабо доверяет институтам и выражает неудовольствие тем, как функционирует демократическая система (Klingemann 1999; Newton 2001). Жизнь в условиях высокой жизненной защищенности ведет к тому, что люди начинают придавать приоритетное значение самовыражению и демократии, но в то же время все более критически относятся к власти.

Падение доверия к институтам не обязательно представляет собой результат размывания демократических ценностей. И, очевидно, подобную ориентацию нельзя считать обоснованным критерием наличия или отсутствия продемократической гражданской культуры. Напротив, предпочтение демократии авторитаризму *действительно* представляется достоверным индикатором существования такой культуры, причем его воздействие носит аналогичный характер по всем единицам наблюдения.

Коммунитаристская концепция

Концепции «социального капитала» и коммунитаризма акцентируют значение добровольных ассоциаций, утверждая, что они представляют собой опору общественной жизни и гражданского общества, на которых, в свою очередь, основывается устойчивая демократия (Putnam 1993, 2000; Norris 2002, гл. 8). Подобную точку зрения можно встретить еще у Токвиля (Tocqueville [1837] 1994), называвшего общественные ассоциации «школами демократии». Мы составили два индекса, демонстрирующие уровень участия людей в общественных организациях по странам: в одном из них показан процент граждан, участвующих в деятельности таких организаций чисто социального характера, а другом – доля людей, участвующих в любых добровольных ассоциациях⁵.

Как видно из таблиц 11.1 и 11.2, наблюдаемая в стране степень участия граждан в общественных организациях не оказывает статистически значимого воздействия на ее уровень демократии, даже

---

⁵ Подробнее о методике измерения см. интернет-приложение, № 61–62 в разделе «Переменные».

при вводе поправки на демократические традиции. Добровольное участие в ассоциациях не объясняет сколько-нибудь значительной доли дисперсии по показателям формальной или эффективной демократии. Этот результат относится к участию как в социальных, так и в любых других ассоциациях. Подобно доверию граждан к институтам, их участие в общественных организациях не оказывает сколько-нибудь систематического влияния на развитие демократии — и, возможно, на то есть причина. Как доверие к институтам, так и участие в добровольных ассоциациях не обязательно связаны с основой демократии — свободой выбора. Число, отражающее простой уровень участия граждан в ассоциациях, ничего не говорит нам о том, какие принципы они поддерживают — демократические или авторитарные. Кайзеровская Германия славилась высокой долей людей, занятых в добровольных ассоциациях, однако до окончания Второй мировой войны эта высокая общественная активность немцев не способствовала развитию демократии.

Этот вывод, несомненно, удивит тех, кто считает, что активность граждан в общественных ассоциациях играет важную роль в процессах демократизации, но эмпирические данные говорят сами за себя: они не подтверждают этот тезис, даже когда мы принимаем демократическое наследие страны за константу, чтобы проверить гипотезу о том, что подобная активность оказывает позитивное влияние лишь в условиях уже существующего демократического строя. Данный результат не означает, что уровень общественной активности людей не имеет никакого отношения к демократии, однако его актуальность в этом плане, возможно, зависит от того, какими ценностями обуславливается подобная активность.

Вывод о том, что высокая степень участия граждан в добровольных ассоциациях не всегда благоприятствует демократии, побуждает нас остановиться на ценностях, которые, как считается, способствуют развитию последней. Сторонники коммунитаристского лагеря утверждают: с точки зрения демократии особенно важно, чтобы граждане проявляли высокий уровень добросовестности и законопослушности, следовали общественным нормам. Эти ценности определяются как «добропорядочность», «гражданская мораль» или «гражданская честность» (Coleman 1990; Scholz, Lubell, 1998; Tyler 1998; Uslaner 1999; Levi, Stoker 2000; Rothstein 2000; Rose-Ackerman 2001). Соответственно, мы составили индекс «под-

чинения нормам», основанный на степени неодобрения людьми недобросовестного поведения, например уклонения от налогов или проезда «зайцем» в общественном транспорте⁶.

Как видно из таблиц 11.1 и 11.2, подчинение нормам не имеет статистически значимой взаимосвязи как с формальной, так и с эффективной демократией, независимо от поправки на предшествующий уровень демократии. С этим критерием возникает та же проблема, что и с доверием к институтам и членством в общественных организациях: соблюдение норм является специфичным для главного эмансипационного принципа демократии — свободы выбора. Такое подчинение может отражать как лояльность нормам демократии, так и лояльность Адольфа Эйхмана нацистским законам и принципам. Подчинение нормам не всегда свидетельствует о гражданском здоровье общества. Если в обществе распространено осуждение нарушения норм, то причиной может быть тот факт, что высокий уровень таких нарушений превратился для страны в серьезную социальную проблему — не случайно по нашему показателю подчинения нормам Россия занимает более высокое место, чем Финляндия. В любом случае этот измеритель подчинения нормам не демонстрирует какого-либо воздействия на уровень демократии в обществе и, судя по всему, не может служить достоверным индикатором наличия продемократической гражданской культуры.

Напротив, доверие между людьми демонстрирует статистически значимую позитивную связь и с формальной, и с эффективной демократией (см. табл. 11.1). Когда мы вводим поправку на демократические традиции (табл. 11.2), воздействие этого показателя на формальную демократию становится менее существенным, но его воздействие на эффективную демократию сохраняет высокую статистическую значимость, объясняя 15% межстрановой дисперсии по этой переменной⁷. Таким образом, доверие между людьми

---

⁶ Подробнее о методике измерения уровня соблюдения норм или неодобрения недобросовестного поведения см. интернет-приложение, № 63 в разделе «Переменные».

⁷ Если последовать примеру Норриса (Norris 2002, гл. 8) и составить совокупный индекс «социального капитала», объединив доверие между людьми с гражданской активностью в рамках ассоциаций, это никак не повлияет на объяснение уровня демократии в стране. Все воздействие совокупного социального капитала происходит за счет влияния доверия к людям, а общественная активность ничего к нему не прибавляет.

оказывает существенное воздействие на показатели эффективной демократии и его можно рассматривать как достоверный индикатор наличия продемократической гражданской культуры.

В общем, пока что мы видим противоречивую картину. Два индикатора, выдвигаемые на первый план сторонниками концепции легитимности, — доверие людей к институтам и поддержка демократии — не оказывают на развитие демократии систематического воздействия; в то же время один индикатор — предпочтение демократии авторитаризму — такое влияние оказывает. Аналогичным образом, два индикатора, лежащие в основе коммунитаристской концепции, — участие в добровольных ассоциациях и подчинение нормам — на демократию сколько-нибудь систематически не влияют, а третий — доверие между людьми — существенно воздействует на ее уровень.

Концепция человеческого развития

При анализе индикаторов, играющих важнейшую роль в нашей эмансипационной версии теории человеческого развития, мы видим: эмпирические данные подводят к однозначным выводам. Как показывают таблицы 11.1 и 11.2, все компоненты синдрома ценностей самовыражения оказывают высокое по значимости воздействие на качество демократии в стране в последующий период, независимо от поправки на ее предшествующий демократический опыт. Мы уже продемонстрировали, что это относится к доверию между людьми, также входящему в данный синдром, хотя из всех его компонентов он и является наиболее слабым по воздействию. Другие компоненты ценностей самовыражения демонстрируют еще более сильное влияние на развитие демократии, даже с поправкой на продолжительность существования демократических институтов в стране. Это наблюдение в особенности относится к ориентации, самым непосредственным образом связанной со свободой человека, — постматериалистическому стремлению к личной и политической свободе. Стремление к свободе оказывает большое влияние на качество демократии в стране, объясняя 37% дисперсии по уровню эффективной демократии, не объясненной продолжительностью ее демократической традиции.

Противоэлитные действия также оказывают существенное самостоятельное воздействие на демократию, поскольку требуют от элит большей «отзывчивости»; именно они способствовали свержению авторитарных режимов и установлению демократиче-

ского строя во многих странах, в том числе на Филиппинах, в Южной Корее, ЮАР и Чешской Республике, в ходе «третьей волны» (Bernhard 1993; Diamond L. 1993a; Foweraker, Landman 1997; Paxton 2002: 255–257). Тем не менее, хотя противоэлитные действия зачастую создают «давление» в пользу демократии, при отсутствии связей с ценностями самовыражения они могут быть направлены и на осуществление антидемократических целей. Этим объясняется причина, по которой подобные действия влияют на демократию несколько меньше, чем стремление к свободе — главный элемент синдрома ценностей самовыражения. Кроме того, хотя противоэлитные действия влияют на институты в направлении демократизации, для них самих большим подспорьем является существование демократических институтов — по той простой причине, что демократические институты обеспечивают гражданские и политические права, придающие законность подобным действиям и снижающие тем самым риск, связанный с участием в этих акциях. Таким образом на противоэлитные действия влияет предыдущий опыт существования страны при демократическом строе, и тем самым часть влияния таких действий на последующие показатели эффективной демократии следует отнести на счет демократической традиции. Но даже с поправкой на продолжительность этой традиции противоэлитные действия сохраняют статистически значимое самостоятельное влияние на последующий уровень демократии. Они являются не только продуктом демократии, но и движущей силой демократизации — особенно когда такие действия вдохновляются ценностями самовыражения (Welzel et al. 2005). Это еще одно доказательство того, что демократия коренится в народной силе.

Как мы видели, доверие между людьми статистически значимым образом воздействует на демократию, но значительно слабее, чем стремление к свободе. То же самое относится и к двум другим компонентам ценностей самовыражения — толерантности по отношению к гомосексуалистам и удовлетворенности жизнью (субъективному благополучию). Причины, по которым терпимость к гомосексуализму и удовлетворенность жизнью влияют на демократию слабее, аналогичны тем, о которых мы упомянули, говоря о доверии между людьми: все эти три фактора в меньшей степени сфокусированы на гражданских и политических правах, чем стремление к свободе. Тем не менее доверие, удовлетворенность жизнью и толерантность обладают определенным воздействием на развитие

демократии в качестве элементов общего синдрома ценностей самовыражения. Таким образом, следует остановиться на влиянии этого синдрома в целом.

В рамках общего синдрома ценностей самовыражения стремление к свободе сочетается с протестной активностью, терпимостью по отношению к гомосексуальности, субъективным благополучием и доверием между людьми. Как видно на рисунке 10.2, постматериалистическое стремление к свободе обладает наиболее высокими факторными нагрузками в рамках ценностей самовыражения; за ним в порядке убывания идут противозлитные действия, удовлетворенность жизнью, терпимость к гомосексуальности и доверие между людьми. Это создает асимметричную связь с демократией: в наибольшей степени она формируется стремлением к свободе и в наименьшей — доверием между людьми. Однако, несмотря на асимметрию этой связи, синдром ценностей самовыражения *в целом* демонстрирует более сильное воздействие на демократию, чем любой из его компонентов, включая и стремление к свободе. Как видно из таблицы 11.2, уровень ценностей самовыражения объясняет 55% дисперсии по уровню эффективной демократии — с учетом поправки на продолжительность демократической традиции. Итак, целое превосходит средние показатели своих компонентов.

Наиболее важный вывод, который отсюда следует, заключается в том, что ценности самовыражения объясняют существенно большую долю дисперсии по уровню эффективной демократии, чем любая другая переменная, выдвигаемая на первый план в научных трудах по проблемам политической культуры. Многомерные регрессии, показанные в таблице 11.3, однозначно подтверждают этот тезис. При введении поправки на синдром ценностей самовыражения ни одна из ценностных ориентаций, не входящих в этот синдром, не оказывает статистически значимого воздействия на демократию. Само же воздействие ценностей самовыражения сохраняет высокую значимость и практически не уменьшается, когда мы вводим поправку на любые другие индикаторы, связанные с политической культурой. Сравнив эти результаты с теми, которые сведены в таблице 8.4, мы видим, что воздействие ценностей самовыражения на демократию не является артефактом, искусственно порожденным ее связями с другими социальными факторами — будь то структурного или культурного порядка. Несмотря на то что все концепции, наиболее распространенные в трудах по проблемам политической культуры, акцентируют внимание на других факто-

рах, центральная роль, судя по всему, принадлежит именно ценностям самовыражения. Вне привязки к этим ценностям другие политико-культурные факторы, похоже, не оказывают на демократию никакого влияния.

Таблица 11.3. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА ДЕМОКРАТИЮ (С ПОПРАВКОЙ НА ДРУГИЕ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ИНДИКАТОРЫ)

Предикторы	Зависимая переменная: эффективная демократия, 2000–2002				
Существование демократического строя до 1990 года, количество лет	0,12 (1,16)	0,11 (1,20)	0,13 (1,38)	0,11 (1,12)	0,08 (0,85)
Процентный индекс распространенности ценностей самовыражения, начало 1990-х, %	0,80*** (8,04)	0,72*** (7,36)	0,78*** (7,99)	0,80*** (8,36)	0,72*** (6,89)
Общий уровень доверия к институтам, начало 1990-х	0,01 (0,23)				0,05 (0,85)
Предпочтение демократии авторитаризму, середина 1990-х		0,15* (2,11)			0,16* (2,03)
Добровольное участие в ассоциациях всех типов, начало 1990-х			-0,07 (-1,06)		-0,5 (0,79)
Подчинение нормам, начало 1990-х				0,05 (0,75)	0,04 (0,69)
Скорректированный R ²	0,80	0,83	0,79	0,80	0,82
N	61	60	59	61	58

Примечание. Данные представляют собой нормализованные бета-коэффициенты (значения Т-критерия приведены в скобках). Уровень значимости: * p < 0,10; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Эти результаты подтверждают гипотезу о том, что формирование культуры, делающей упор на самовыражении человека, представляет собой наиболее важную движущую силу, работающую на укрепление демократии. В свете этого эффективную демократию можно рассматривать как институциональное проявление социальных сил, акцентирующих свободу выбора и самовыражение — в соответствии с нашей теорией человеческого развития. Ценности самовыражения — важнейший компонент гражданской демократической культуры.

Центральное значение стремления к свободе

Все компоненты синдрома ценностей самовыражения демонстрируют статистически значимую связь с демократией. Этот синдром включает постматериалистическое стремление к свободе личности, доверие между людьми, противоэлитные действия, толерантное отношение к маргинальным меньшинствам и акцент на субъективном благополучии. Эти атрибуты сочетаются друг с другом, поскольку все они суть проявления культуры, основанной на сравнительно

высоком уровне жизненной защищенности. В результате маргинальные группы уже не внушают угрозу, люди чувствуют себя в безопасности в достаточной мере, чтобы доверять другим, и высокую приоритетность приобретают опора на собственные силы, творчество и инициатива. Свобода выбора и свобода самовыражения — как для себя, так и для других — приобретают в глазах людей все большую ценность.

В основе синдрома ценностей самовыражения лежит однозначный акцент на свободе выбора. Это становится более очевидным, если сосредоточить внимание на постматериалистическом стремлении к свободе, в центре которого находится стремление к личной и политической свободе. Это стремление самым непосредственным образом связано с выбором. Стремление к свободе представляет собой постматериалистический феномен, получивший наибольшее распространение в условиях постиндустриального общества. Однако он характерен не только для стран, находящихся на постиндустриальном этапе развития. В той или иной степени стремление к свободе присутствует во всех обществах, и уровень его распространения определяет вероятность демократизации в той или иной стране.

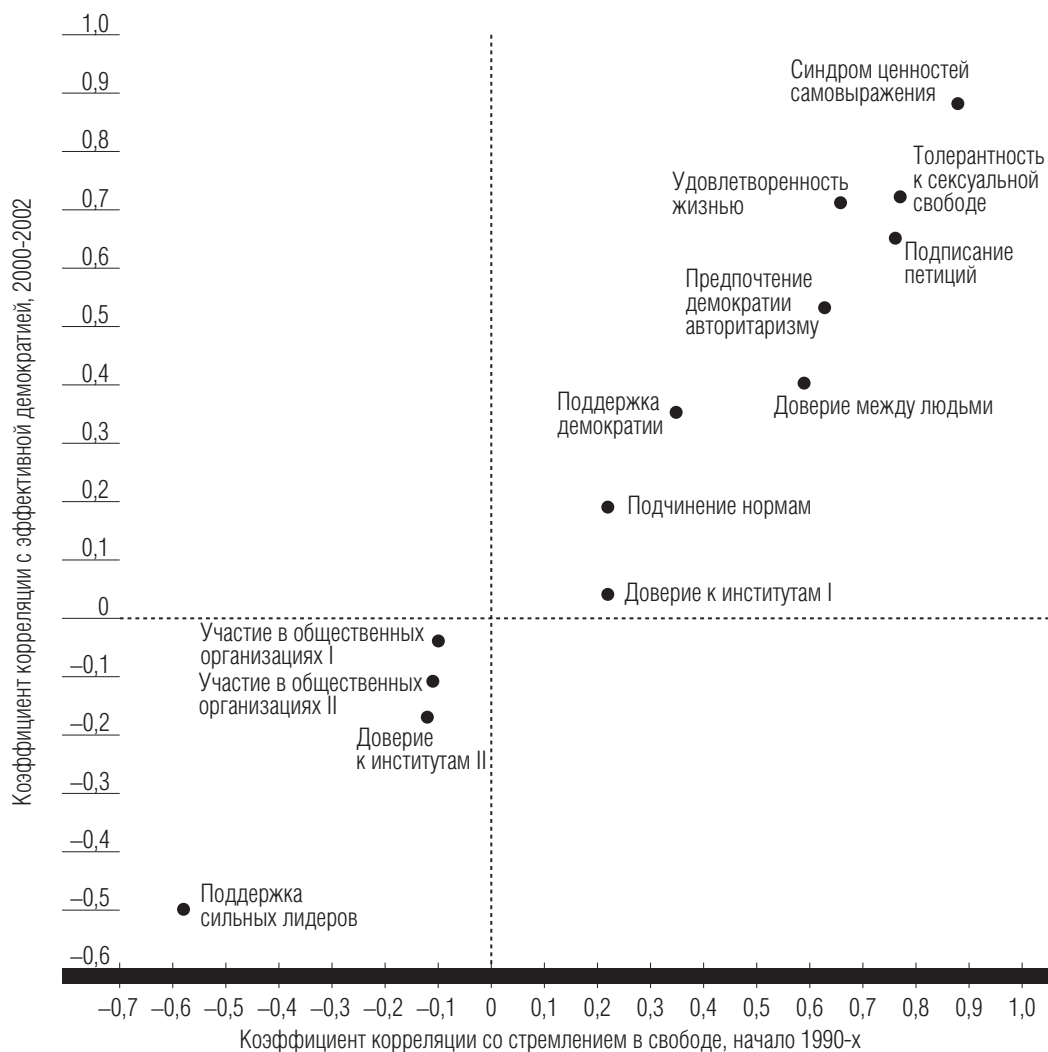
Взаимоотношения других категорий массовых представлений со стремлением к свободе отражают степень связи этих представлений с либеральной сущностью демократии — ценностями самовыражения, или их «антиподом» — социальным конформизмом. Установки, имеющие положительную корреляцию со стремлением к свободе, оказывают позитивное воздействие на демократию; те же, что с ним не коррелируют, такого влияния лишены. Именно поэтому некоторые из факторов, которым придается большое значение в рамках концепции легитимности и коммунитаристского подхода, на деле, как выясняется, не оказывают воздействия на демократию, а другие такое воздействие демонстрируют.

К примеру, доверие людей к институтам на развитие демократии не влияет (см. табл. 11.2): в этом проявляется тот факт, что оно не связано со стремлением к свободе. В авторитарных государствах уровень доверия к институтам бывает столь же высок, как и в демократических. Соответственно, массовое стремление к свободе по сути не коррелирует с доверием к государственным институтам ($r = 0,05, N = 61$) и демонстрирует *отрицательную* (хотя и статистически незначимую) корреляцию с доверием к институтам в целом ($r = -0,18, N = 61$). И напротив, наш составной индикатор

предпочтения демократии авторитаризму обладает статистически значимым воздействием на демократию: причина состоит в том, что он демонстрирует устойчивую и статистически значимую корреляцию со стремлением к свободе ($r = 0,53$).

Аналогичным образом, ни одна из форм добровольного участия в деятельности ассоциаций не демонстрирует статистически значимого воздействия на демократию, поскольку эта активность лишена статистически значимой связи со стремлением к свободе. Однако массовые показатели субъективного благополучия, противоэлитных действий и толерантности существенным образом влияют на уровень демократии. Эта ситуация отражает высокую корреляцию всех этих компонентов со стремлением к свободе, порождающую синдром ценностей самовыражения.

Рисунок 11.1. МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВЯЗАНЫ С ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ В ТОЙ СТЕПЕНИ, В КАКОЙ ОНИ СВЯЗАНЫ СО СТРЕМЛЕНИЕМ К СВОБОДЕ

Эти результаты приводятся в обобщенном виде на рисунке 11.1: из него явствует, что связь между тем или иным политикокультурным индикатором и эффективной демократией представляет собой линейную функцию связи данного индикатора со стремлением к свободе. Индикаторы, позитивно связанные со стремлением к свободе, демонстрируют и положительную корреляцию с демократией. Если же их связь с этим стремлением отрицательна, то и корреляция с демократией будет иметь знак минус. При этом чем сильнее связь индикатора со стремлением к свободе, тем устойчивее и его связь с демократией. Данный результат подтверждает наша эмансипационная версия теории человеческого развития, который говорит о том, что демократия представляет собой институциональное отражение массового акцента на выборе и свободе личности.

Доверие к институтам и межличностное доверие

Необходимо еще раз отметить, что доверие к институтам и людям по-разному связаны со стремлением к свободе. Этот вывод соответствует тезису Патнэма, указавшего на различия между «горизонтальным» и «вертикальным» доверием (Putnam 1993).

Доверие к институтам имеет вертикальную направленность — ведь речь идет о доверии к институционализированной иерархической системе, через которую власть управляет людьми. Патнэм отмечает, что устойчивые разновидности вертикального доверия характерны для обществ с преимущественно иерархическими социальными связями. Эти связи усиливают интенсивность доверия, но одновременно и сокращают его социальный радиус: человек доверяет авторитету лидеров, но не другим, таким же, как он, членам общества, если те не принадлежат к «его» первичной группе (см. также: Banfield 1958; Fukuyama 1995; Fukuyama 2000).

Доверие к людям в целом, напротив, ориентировано горизонтально, поскольку речь идет о доверии между равноправными гражданами. Горизонтальное доверие характерно для эгалитарных обществ с преобладанием среднего класса, в рамках которых людей связывает система разнообразных форм экономического и гражданского взаимодействия. Горизонтальное доверие не всегда отличается интенсивностью, но его социальный радиус относительно велик. Горизонтальное доверие отражает «силу слабых связей», поскольку оно не «скрепляет», а «наводит мосты» (см.: Granovetter 1973). В той степени, в какой эта категория доверия отражает и создает гражданское взаимодействие, мотивируемое самостоятель-

ностью его участников, она способствует эмансипации, а не конформизму. Соответственно, горизонтальное доверие в большей степени ведет к гражданственному сотрудничеству, создающему давление на элиты в пользу демократизации, чем вертикальное доверие. Высокий уровень вертикального доверия может способствовать подчинению людей диктаторской власти.

Рокич и Розенберг с Оуэнсом утверждают, что высокая степень доверия к другим людям свидетельствует о наличии «открытой» (open-minded) социальной атмосферы, типичной для свободных обществ (Rokeach 1960; Rosenberg, Owens 2001). Этим объясняется положительная корреляция между доверием к людям и стремлением к свободе на уровне общества в целом. Обществами, в которых стремление к свободе имеет большое значение, по определению движет дух эмансипации, что, в свою очередь, предусматривает критическое отношение к иерархии и власти (Nevitte 1996). В этом и состоит причина пусть слабой, но отрицательной корреляции между стремлением к свободе и доверием к институтам. Поскольку это стремление отражает независимость от институционализированного авторитета и даже определенное его неприятие, оно способствует падению доверия к институтам — особенно если это доверие отражает авторитарное мировоззрение.

По мнению авторов некоторых теорий «социального капитала», доверие между гражданами должно сочетаться с уверенностью в работоспособности институтов (см.: Newton 2001). На самом деле все обстоит с точностью до наоборот, поскольку связь этих двух форм доверия со стремлением к свободе имеет противоположный знак.

Конформистские и противоэлитные формы гражданской активности

Постматериалистическое стремление к свободе представляет собой критерий, помогающий нам проводить различие не только между разными формами доверия, но и между разными формами гражданской активности. Разновидности такой противоэлитной активности — например, участие в демонстрациях, бойкотах и подписание петиций — демонстрируют положительную корреляцию с массовым стремлением к свободе. Доля граждан, подписывающих петиции, участвующих в демонстрациях и присоединяющихся к бойкотам, коррелирует с постматериалистическим стремлением к свободе на высоком статистически значимом уровне ($r = 0,62$). Противоэлитные

действия свидетельствуют о критическом настрое граждан, способных и готовых оказывать давление на тех, кто в данный момент находится у власти, добиваясь выполнения своих требований.

Таким образом, мы обнаруживаем позитивную связь между массовым стремлением к свободе и противоэлитными действиями. В то же время добровольное участие в деятельности формальных ассоциаций демонстрирует пусть небольшую, но отрицательную корреляцию с этим стремлением (см. рис. 11.1). Соответственно, противоэлитная активность существенным образом воздействует на демократию, а членство в ассоциациях на нее не влияет (см. табл. 11.1 и 11.2).

Многие ассоциации традиционного типа, в особенности церковь, профсоюзы и политические партии, носят бюрократический характер и управляются узким кругом лидеров. Их деятельность соответствует сформулированному Михельсом «железному закону олигархии» (Michels [1912] 1962). По мере того как в условиях постиндустриального общества стремление к свободе распространяется все шире, количество членов этих традиционных забюрократизированных ассоциаций начинает сокращаться (см.: Putnam 2000; Norris 2002, гл. 9). Флорида характеризует это явление как «конец эпохи организаций», в ходе которой с гигантских организационных «конвейеров» сходили дисциплинированные и единообразные когорты последователей (Florida 2002). Это не значит, что люди с сильно развитым стремлением к свободе — этикие политические нигилисты, которых интересуют лишь их личные цели. Напротив, в обществах, ориентированных на свободу, люди зачастую принимают участие в «экспрессивных» формах гражданской активности, допускающих более высокую степень независимости и самоопределения личности. Эти виды деятельности, к которым люди могут присоединиться по собственному выбору и так же прекращать участие в них, за последние десятилетия получили намного большее распространение, чем прежде (см.: Norris 2002, гл. 10). Как мы продемонстрировали в главе 4, доля людей, принимающих участие в подписании обращений, демонстрациях и общественных акциях бойкота, с 1974 по 2001 год увеличилась во всех восьми западных странах, по которым у нас есть данные за весь указанный период (см. также: Dalton 2001; Welzel, Inglehart, Deutsch 2004)⁸. Общий уровень гражданской активности

⁸ Данные Роуперовского института (Roper Institute), которые Патнэм приводит в доказательство того, что сегодня граждане США реже подписываются под петициями (Putnam 2000), не соответствуют результатам, полученным в ходе World Values Survey: последние говорят о повышении доли людей, участвующих в подобной

в демократических странах не снизился: он остался неизменным или даже увеличился (Norris 2002, гл. 8). Однако ее характер изменился: вместо конформистского участия в ассоциациях на первый план выходят формы экспрессивной противоэлитной активности. Подобная деятельность становится настолько неотъемлемой частью повседневной жизни людей, что уже не считается чем-то необычным, и СМИ перестали уделять ей повышенное внимание.

До сих пор последователи теории социального капитала в ходе анализа уровня гражданского сотрудничества в обществе пользовались в основном данными об участии людей в деятельности формальных ассоциаций, игнорируя значение противоэлитной активности, хотя такая активность также представляет собой проявление функционирования социальных сетей, скоординированных коллективных действий и гражданского сотрудничества — основных элементов определения социального капитала по версиям Бурдьё, Коулмэна и Патнэма (Bourdieu 1986; Coleman 1990; Putnam 1993). По нашему мнению, противоэлитные действия являются более точным индикатором ситуации с социальным капиталом гражданского типа, работающим в пользу демократии, чем активность в рамках формальных ассоциаций. Дело в том, что противоэлитные действия отражают свободолобивый и критический настрой общества, его способность к организованному сопротивлению и недвусмысленному выражению своей воли. История показывает, что именно такой настрой является наиболее эффективным противоядием против авторитарных и диктаторских тенденций.

Воздействие различных индикаторов политической культуры на последующий уровень демократии в стране отражает степень их связи со стремлением к свободе (это явствует из рисунка 11.1). Такой результат подчеркивает эмансипационную природу демократии: эффективнее всего она функционирует в рамках политической культуры, акцентирующей свободу выбора.

Поддержка демократии: утилитарная или по убеждению

Исследования связи между массовыми представлениями и демократией в основном сосредотачиваются на вопросах открытой поддержки демократии. Это вполне понятно: самый очевидный и прямой

деятельности как в Соединенных Штатах, так и буквально во всех других демократических странах Запада. Поскольку указанный рост наблюдается во всех западных демократических государствах, по которым имеются соответствующие данные, эта тенденция очевидно превалирует.

способ определения поддержки демократии — просто задать людям вопрос, положительно ли они относятся к этому строю и предпочитают ли его другим формам правления. Однако, как мы видели, некоторые другие элементы синдрома ценностей самовыражения представляют собой *еще более точные*, чем открытая поддержка этой системы, индикаторы того, насколько политическая культура того или иного общества благоприятствует демократии.

Прошло уже десять лет с тех пор, как «третья волна» демократизации привела к утверждению этого строя в целом ряде стран, и сегодня возникает уместный вопрос: насколько сильна поддержка демократии населением этих стран? За прошедшие годы в некоторых из таких государств поддержка демократии ослабла — но в основном это касается стран, где демократия существует лишь на бумаге. Результаты исследований, связанных с политической культурой в России, позволяют предположить, что твердое большинство населения этой страны поддерживает демократические институты (Gibson, Duch 1994; Miller et al. 1994; Gibson 1996; Gibson 1997; Gibson 2001; Fleron, Ahl 1998; Rose 2000). Несмотря на различные нюансы, авторы всех этих работ делают вывод о том, что перспективы развития демократии в России выглядят благоприятно.

Тем не менее, хотя ученые абсолютно справедливо отмечают, что большинство россиян положительно относится к демократии, если мы проанализируем полученные ими результаты в широком кросс-культурном контексте, выяснится, что поддержка демократии в России относительно слаба — слабее, чем почти во всех 70 с лишним странах, где проводились опросы в рамках Values Survey. Более того, по некоторым важным параметрам продемократические настроения среди россиян в 1990-х годах не усилились, а ослабли. Некоторые наблюдатели даже сомневаются, что в постсоветских государствах, за исключением прибалтийских республик, даже декоративная электоральная демократия сохранится надолго (Brzezinski 2001).

Перспективы развития демократии в исламских странах также подвергаются сомнению: некоторые авторы утверждают, что базовые ценности мусульман несовместимы с либеральной демократией (Huntington 1996). Вопреки этим утверждениям, мы обнаруживаем на удивление высокий уровень поддержки демократии среди населения 12 исламских стран, где в 1999–2001 годах проводились опросы в рамках Values Survey. Но насколько надежны стандартные индикаторы поддержки демократии?

Мониторинг поддержки населением демократических институтов проводится в рамках нескольких масштабных эмпирических научных проектов, включая «Барометр новых демократий», «Барометр новой России», «Латинобарометр», «Афробарометр» и World Values Survey. В научном сообществе выработался определенный консенсус относительно наиболее эффективных методик, и некоторые вопросы, связанные с открытой поддержкой демократии, регулярно используются в рамках подобных исследований. На первый взгляд, они удачно сформулированы и носят непротиворечивый характер: люди, поддерживающие демократию в соответствии с одним индикатором, как правило поддерживают ее и в соответствии с другими индикаторами. Однако наше доверие к этим методикам связано исключительно с их внешней «правильностью»: никто пока не доказал, что высокий процент положительных ответов на стандартные вопросы на деле является предпосылкой утверждения демократических институтов.

Сегодня высокий уровень открытой поддержки демократии населением наблюдается повсюду. В одной стране за другой явное большинство населения высказывается в пользу демократии. В ходе последней «волны» опросов в рамках Values Survey буквально во всех странах подавляющее большинство респондентов заявляло, что «наличие демократического строя» — это «хорошо» или «очень хорошо». Медианное страновое значение составляет целых 92%. Наименьший показатель наблюдается в России — там о позитивном отношении к демократии заявили 62% опрошенных. Второе место снизу занял Пакистан, где аналогичный показатель составил 68%. При этом большинство других охваченных опросом мусульманских стран, в отличие от Пакистана, заняли сравнительно высокие места в рейтинге: в Албании, Египте, Бангладеш, Азербайджане, Индонезии, Марокко и Турции о поддержке демократических институтов заявили от 92 до 99% респондентов — они опережают даже американцев. Население исламских стран занимает антизападную позицию по ряду направлений, однако, вопреки распространенному мнению, демократические идеалы в глазах мусульман выглядят весьма привлекательно.

На современном историческом этапе имидж демократии весьма позитивен на всей планете. Но так было не всегда. В 1930–1940-х годах во многих странах фашистские режимы завоевали поддержку подавляющего большинства населения, а в течение многих десятилетий большой популярностью пользовались режимы коммунистические. Однако в 1990-х демократия стала в буквальном

смысле единственной политической моделью, которая может похвастаться поддержкой в масштабе всей планеты. Хотя Фрэнсис Фукуяма, пожалуй, впал в некоторое преувеличение, назвав эту ситуацию «концом истории», похоже, мы действительно вступили в новую эпоху, когда все главные альтернативы демократии себя дискредитировали.

Исследование проблем политической культуры мотивировалось предположением о том, что продемократические представления в обществе ведут к созданию демократических институтов. Если это так, преобладание демократии должно быть наибольшим в тех странах, где широко распространены продемократические настроения. Это, однако, вопрос из сферы эмпирического знания: вышеуказанный тезис нельзя считать само собой разумеющимся. И факты говорят о том, что, хотя ответы большинства респондентов на вопросы о поддержке демократии в целом коррелируют с ее уровнем в масштабе всего общества, многие из этих вопросов являются слабыми предикторами.

Подавляющее большинство респондентов выражает согласие с утверждением «демократический политический строй подходит для нашей страны», однако этот вопрос представляет собой относительно скромный предиктор ситуации с демократией в масштабе всего общества: его корреляция с реальным уровнем формальной и эффективной демократии составляет лишь соответственно 0,38 и 0,42 (см. табл. 11.1). Доля согласившихся со сформулированным в этом вопросе утверждением в Албании и Армении оказывается выше, чем в Швеции и Швейцарии. Тщательно продуманный составной индекс, измеряющий системное предпочтение демократии авторитаризму, обладает большим объяснительным потенциалом, чем любой из его компонентов, — это мы также демонстрируем в таблице 11.1. Индекс демонстрирует коэффициент корреляции с формальной демократией на уровне 0,57, а с эффективной демократией — на уровне 0,68. Страны, занимающие высокие места в рейтинге предпочтения демократии авторитаризму, как правило относятся к числу эффективных демократий. Таким образом, стандартные вопросы, применяемые для мониторинга массовой поддержки демократии, нельзя принимать на веру, однако продуманный составной индекс является хорошим предиктором реального состояния демократии в той или иной стране.

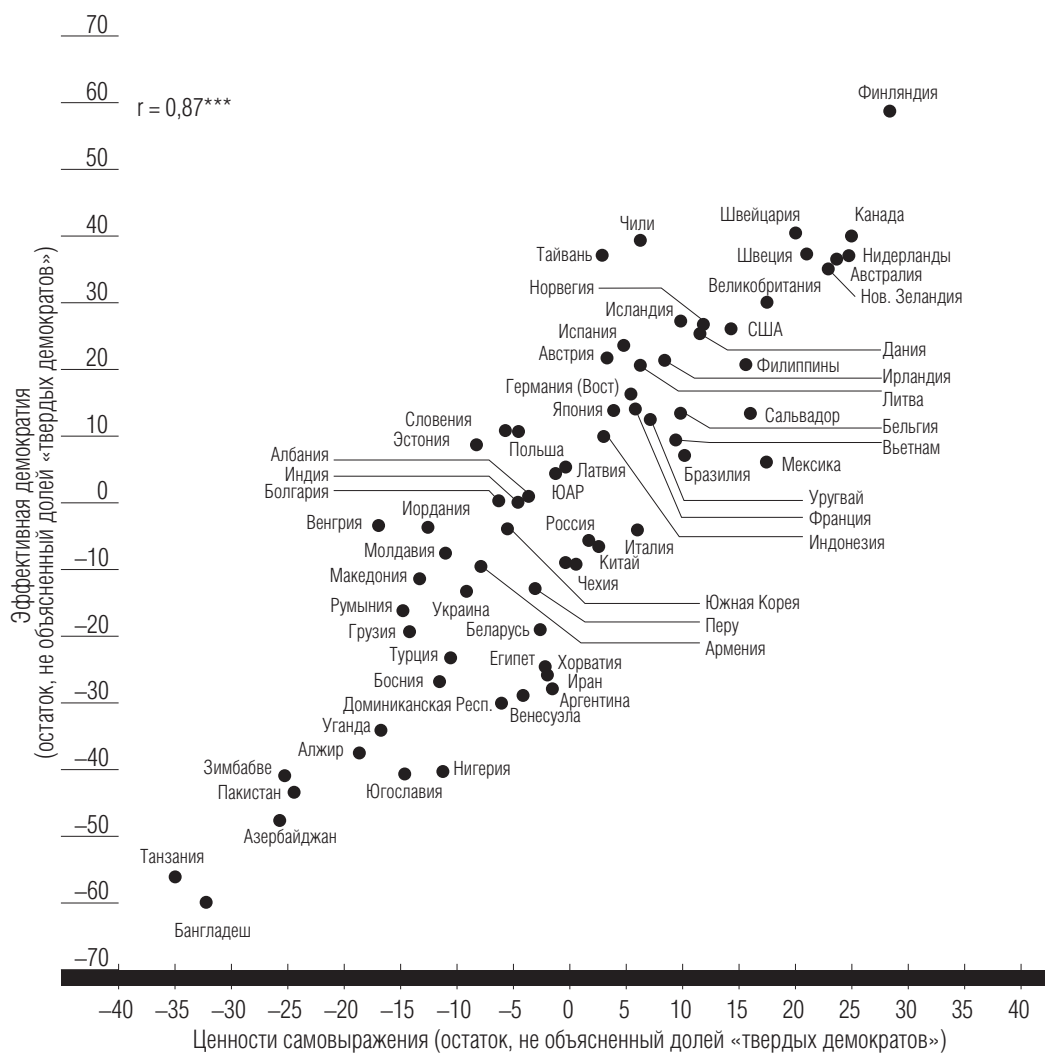
В то же время некоторые компоненты ценностей самовыражения (сформулированные на их основе вопросы не содержат пря-

мых упоминаний о демократии) представляют собой еще более точные предикторы эффективной демократии, чем упомянутый индекс ее открытой поддержки (см. нижнюю часть табл. 11.1). Степень наличия в обществе низовой культуры, ориентирующей на противоэлитные действия, а также высокая приоритетность субъективного благополучия, свободы слова и самовыражения — более надежные предикторы эффективной демократии, чем высказывания людей о предпочтении демократии авторитаризму. Стремление к свободе является самым точным предиктором демократичности общества. Люди, придающие большое значение свободе личности, отдают предпочтение демократическим свободам по внутреннему убеждению, а не потому, что демократия ассоциируется у них с материальным благосостоянием. Таким образом, стремление к свободе демонстрирует коэффициент корреляции порядка 0,80 с уровнем эффективной демократии в стране — связь между ними намного прочнее, чем в случае каждого из критериев измерения открытой поддержки демократии. Более того, это стремление является гораздо более точным предиктором демократии на системном уровне, чем четырехзвенный индекс предпочтения демократии авторитаризму.

Но самым неожиданным результатом является тот факт, что массовое предпочтение демократии авторитаризму не оказывает самостоятельного воздействия на демократию, если мы вводим поправку на ценности самовыражения (см. табл. 11.3). Вопросы, используемые для определения предпочтений в отношении системы, напрямую касаются поддержки демократии или ее авторитарных альтернатив. С точки зрения их внешнего содержания может возникнуть впечатление, что эти формулировки представляют собой идеальный инструмент измерения демократической политической культуры, но эмпирические данные показывают, что они являются существенно более слабыми предикторами демократии, чем ценности самовыражения. Этот вывод весьма важен, но отнюдь не самоочевиден. Чтобы проиллюстрировать его, на рисунках 11.2a и 11.2b мы представили воздействие системного предпочтения демократии авторитаризму и ценностей самовыражения на уровень эффективной демократии (с учетом друг друга).

На рисунке 11.2a, основываясь на данных всех четырех «волн» Values Survey, мы показываем воздействие ценностей самовыражения на эффективную демократию с поправкой на долю граждан каждой страны, твердо заявивших о предпочтении

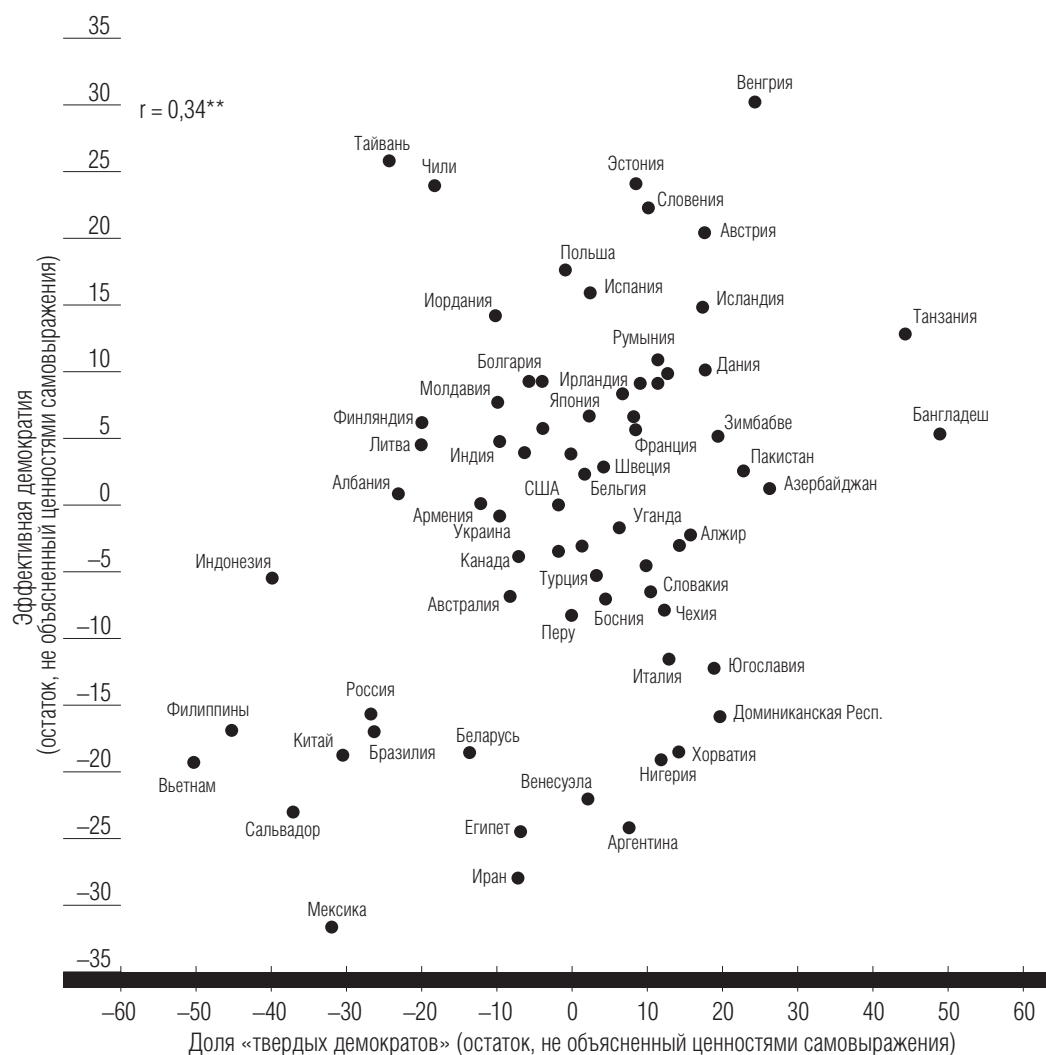
Рисунок 11.2а. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА ЭФФЕКТИВНУЮ ДЕМОКРАТИЮ С ПОПРАВКОЙ НА ДОЛЮ «ТВЕРДЫХ ДЕМОКРАТОВ» В КАЖДОЙ СТРАНЕ

демократии авторитаризму («твердых демократов»). Как явствует из рисунка, страны, где ценности самовыражения распространены сильнее, чем можно было бы предположить, исходя из доли «твердых демократов» в составе их населения, также демонстрируют более высокий уровень эффективной демократии, чем можно предположить, исходя из этой же доли «твердых демократов» (см. расположение Финляндии, Новой Зеландии, Швеции, Швейцарии и Австралии). И напротив, в обществах, где ценности самовыражения распространены меньше, чем можно было бы предположить, исходя из доли «твердых демократов», уровень эффективной демократии также оказывается ниже (см. расположение Нигерии, Югославии, Азербайджана, Турции и Венесуэлы). В це-

Рисунок 11.2b. ВОЗДЕЙСТВИЕ ДОЛИ «ТВЕРДЫХ ДЕМОКРАТОВ» В СТРАНЕ НА УРОВЕНЬ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ С ПОПРАВКОЙ НА СТЕПЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ

лом дисперсия по распространенности ценностей самовыражения, не зависящая от доли «твердых демократов», объясняет 76% дисперсии по уровня эффективной демократии, не зависящей от доли «твердых демократов». Таким образом, ценности самовыражения оказывают весьма мощное воздействие на эффективную демократию даже с поправкой на долю «твердых демократов» среди граждан любой страны.

На рисунке 11.2b показано воздействие массового предпочтения демократии авторитаризму (выраженного долей «твердых демократов») на эффективную демократию с поправкой на распространенность ценностей самовыражения. Связь здесь довольно слаба, и существует она только из-за ситуации в одной стране —

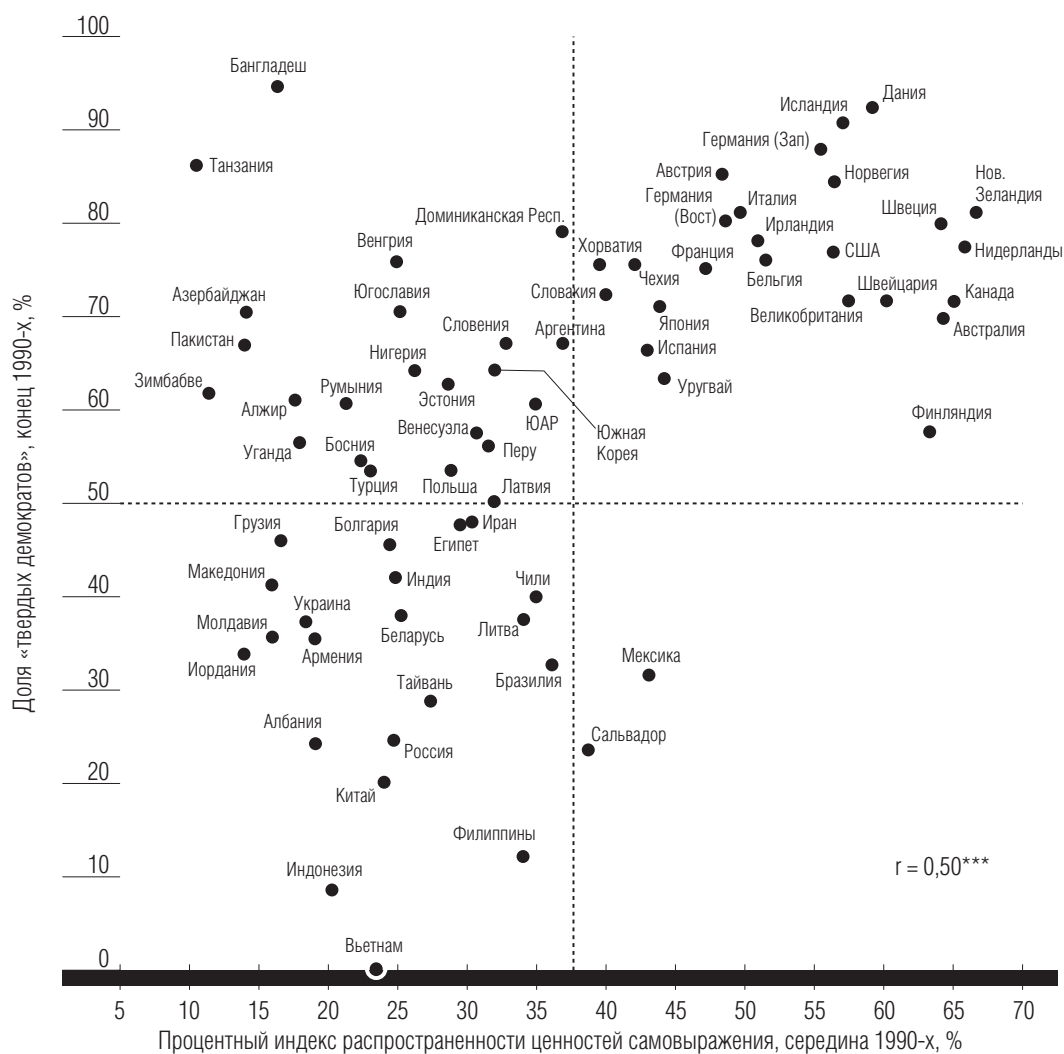
Вьетнаме⁹. Если бы мы оставили за скобками Вьетнам, никакой взаимосвязи вообще не наблюдалось бы. В любом случае доля «твердых» демократов в таких странах, как Венгрия, Нигерия и Хорватия, оказывается гораздо выше, чем можно было бы предположить исходя из распространения в этих обществах ценностей самовыражения; в то же время в Мексике, России и на Тайване доля «твердых демократов» меньше, чем можно было бы предположить исходя из уровня ценностей самовыражения. Разброс доли «твердых демократов» в основном не зависит от распространения ценностей самовыражения. Однако независимая дисперсия этого показателя объясняет уровень эффективной демократии лишь на 12%. Таким образом, если отделить предпочтение демократии авторитаризму от ценностей самовыражения, выясняется, что оно не оказывает сильного воздействия на эффективность демократии. Это предпочтение связано с эффективной демократией в основном через связь с ценностями самовыражения.

Как видно на рисунке 11.3, соотношение между ценностями самовыражения и якобы твердой поддержкой демократии достаточно красноречиво. Уровень ценностей самовыражения объясняет до 25% дисперсии доли «твердых демократов». Однако этот эффект говорит о нелинейности данной взаимосвязи: широкое распространение ценностей самовыражения является достаточной, но не необходимой предпосылкой для того, чтобы твердая поддержка демократии распространилась на большинство населения. Если индекс приверженности этим ценностям составляет более 43% (это показатель Мексики), «твердыми демократами» является большинство граждан страны. У этого правила нет исключений: за этим «порогом» мы неизменно обнаруживаем, что большинство населения однозначно поддерживает демократию. Однако в обратном направлении эта связь не действует: в странах, граждане которых придают относительно небольшое значение самовыражению личности, уровень открытой поддержки демократии бывает как низким, так и высоким — от почти нулевого во Вьетнаме до 95% в Бангладеш. Одобрение демократии на словах может быть обусловлено самыми разными мотивами, в том

---

⁹ Крайне низкая доля «твердых демократов» во Вьетнаме связана с тем, что очень большая часть респондентов высказалась в поддержку правления военных. В стране, где армия является символом национального освобождения, этот результат требует особого толкования. Мы, однако, решили представить на рисунке все данные как они есть, не исключая примеров, не вписывающихся в общую тенденцию.

Рисунок 11.3. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТЕЙ САМОВЫРАЖЕНИЯ НА ОТКРЫТУЮ ПОДДЕРЖКУ ДЕМОКРАТИИ

числе и представлением о том, что демократия неразрывно связана с могуществом и богатством. Соответственно, поддержка демократии значительной частью населения не всегда свидетельствует о наличии культуры, ставящей во главу угла свободу выбора.

На индивидуальном уровне приверженность ценностям самовыражения, как правило, сочетается с поддержкой демократии, поскольку почти все люди, придающие большое значение самовыражению, позитивно относятся и к демократии. Однако многие из тех, кого нельзя считать приверженцами этих ценностей, также поддерживают демократию — но по другим причинам, например ассоциируя ее с защищенностью и материальными благами. Мотивы такого рода носят утилитарный характер: они связаны не с тем, что люди ценят демократию как таковую. Ее поддержка в данном случае

связана с тем, что этот строй в глазах людей символизирует процветание и порядок. Подобная поддержка быстро сходит на нет, если практический опыт жизни в условиях демократического строя приносит разочарование. Полученные нами результаты указывают на то, что открытая поддержка массами демократического строя ведет к формированию эффективной демократии лишь постольку, поскольку она связана с ценностями самовыражения.

То, что открытые высказывания в пользу демократии могут быть обусловлены и мотивами иного рода, продемонстрировали Брэттон и Мэттс (Bratton, Mattes 2001). Основываясь на данных опросов, проведенных в рамках программы «Афробарометр», эти ученые установили, что поддержка демократии на индивидуальном уровне тесно связана с оценкой ее практических достижений, особенно в сфере экономики, а также законности и порядка. Люди, полагающие, что демократический строй более успешно по сравнению с другими формами правления обеспечивает развитие экономики и разрядку социальной напряженности, как правило отдают ему предпочтение перед другими типами политических систем. Мы воспользовались этой методикой, чтобы проанализировать данные опросов в рамках Values Survey, и получили аналогичные результаты (см. табл. 11.4): представления людей о практических достижениях демократии¹⁰ (т.е. причина утилитарной поддержки) представляют собой более значительный предиктор их системного предпочтения демократии, чем приверженность ценностям самовыражения (причина поддержки по внутреннему убеждению). Подобное утверждение справедливо для обществ всех пяти категорий: везде, от постиндустриальных до посткоммунистических государств и стран с низким душевым доходом, утилитарные мотивы объясняют системную поддержку людьми демократического строя в большей степени, чем внутренняя убежденность. Несомненно, люди, приверженные ценностям самовыражения, однозначно поддерживают демократию, но за нее выступают и те, кто не придает этим ценностям большого значения, если считают, что для демократических стран характерно динамичное развитие экономики, а также законность и порядок.

---

¹⁰ Мы измеряем оценку практических достижений демократии на основе таких утверждений, как «демократические государства плохо управляют экономикой» и «демократические государства не справляются с обеспечением порядка». Полярность ответов на эти вопросы мы поменяли. Подробнее см. интернет-приложение, № 65 в разделе «Переменные».

Таблица 11.4. УТИЛИТАРНЫЕ МОТИВЫ И ВНУТРЕННЯЯ УБЕЖДЕННОСТЬ:
ОБЪЯСНЕНИЕ ПОДДЕРЖКИ ДЕМОКРАТИИ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ

Зависимая переменная: предпочтение демократии авторитаризму (мотивы)	Индекс распространенности ценностей самовыражения	Оценка практических результатов демократии	Скорректированный R²	N
Постиндустриальные демократические страны				
По убеждению	0,26	–	0,07	13 119
Утилитарные	–	0,39	0,15	27 950
Комбинированные	0,20	0,38	0,21	12 307
Развивающиеся страны				
По убеждению	0,13	–	0,02	18 831
Утилитарные	–	0,33	0,11	21 082
Комбинированные	0,12	0,34	0,14	17 571
Западные посткоммунистические государства				
По убеждению	0,22	–	0,05	4835
Утилитарные	–	0,41	0,17	11 333
Комбинированные	0,15	0,38	0,19	4586
Восточные посткоммунистические государства				
По убеждению	0,17	–	0,05	16 816
Утилитарные	–	0,48	0,23	21 654
Комбинированные	0,11	0,45	0,23	15 580
Страны с низким душевым ВВП				
По убеждению	0,02	–	0,00	18 576
Утилитарные	–	0,27	0,07	19 845
Комбинированные	0,02	0,26	0,07	17 088

Примечание. Данные представляют собой нормализованные бета-коэффициенты. Все коэффициенты статистически значимы с уровнем 0,001.

Источник: данные взяты из третьей-четвертой «волн» Values Survey (1995–2001).

Показатель поддержки демократии не обязательно отражает внутренние убеждения людей — даже если в вашем распоряжении хорошо продуманный составной индекс чистого предпочтения демократии авторитаризму. Открытая поддержка демократии отражает внутреннюю убежденность только в той мере, в какой она связана с ценностями самовыражения, и эта связь объясняет лишь меньшую часть дисперсии по уровню поддержки демократии. В целом ряде стран поддержка демократии во многом обуславливается утилитарными мотивами. В то же время вопросы, с помощью которых измеряется распространение ценностей самовыражения, не содержат прямого упоминания о демократии:

именно поэтому к ответам не примешивается чисто словесная поддержка демократии, превратившейся сегодня в «социально желательное» понятие. Сама по себе открытая поддержка демократии не является наиболее важным ингредиентом продемократической гражданственной культуры. Большее значение имеют мотивы, обуславливающие эту поддержку: по ним можно судить о том, носит она лишь утилитарный характер или отражает внутреннюю приверженность демократии, основанную на ценностях самовыражения.

Современный мир уже не делится на сторонников и противников демократии: подавляющее большинство людей сегодня отдает предпочтение демократическому строю, и главное различие заключается в том, какими мотивами руководствуются при этом люди — утилитарными или принципиальными. В постиндустриальных демократических странах убежденные сторонники демократии составляют значительное большинство тех, кто поддерживает эту систему. В то же время в восточных посткоммунистических государствах и странах с низким душевым доходом, несмотря на то что открытую поддержку демократии выражает высокая доля граждан, лишь незначительную часть этой группы составляют сторонники демократии по убеждению¹¹. Именно в этих странах мы обнаруживаем самый низкий уровень реальной демократии. Более того, для всех 57 стран, по которым мы располагаем этими переменными, межстрановая дисперсия по степени *утилитарной* поддержки демократии имеет отрицательный (на уровне $-0,521$) коэффициент корреляции с последующими показателями эффективной демократии. В то же время дисперсия по уровню поддержки демократии по убеждению демонстрирует положительный коэффициент корреляции с эффективной демократией ($+0,84$). Распространение ценностей самовыражения способствует поддержке демократии по убеждению — той поддержке, которая имеет наибольшее значение для возникновения и сохранения демократического строя.

---

¹¹ Чтобы произвести указанные вычисления, мы разделили «твердых сторонников» демократии (см. интернет-приложение, № 57) на две категории. Те, кто сравнительно твердо привержен ценностям самовыражения (т.е. имеет на факторной шкале показатели выше нуля), вошли в категорию «убежденных сторонников», а те, кто придает этим ценностям меньшее значение, попали в другую группу (см. интернет-приложение, № 58).

Заключение

Полученные нами результаты позволяют сделать три вывода:

1. Мы обнаруживаем убедительные доказательства того, что набор гражданственных ценностей, акцентирующих свободу и самовыражение, имеет большее значение для развития демократии, чем открытая поддержка демократических институтов. Причина этого связана с тем, что демократия представляет собой не только институциональный феномен: большую роль играет и позиция граждан. Как отмечали Токвиль, Алмонд и Верба, Экштейн, Патнэм и другие авторы, работоспособность демократии требует наличия у населения гражданственных ценностей.
2. Из числа гражданственных ценностей большое значение для развития демократии имеет доверие между людьми, однако его роль проявляется в основном через связь с другими ценностями самовыражения, в том числе стремлением к свободе, имеющим более прямое отношение к демократии. Постматериалистическое стремление к свободе отражает предпочтение демократических институтов и правил по внутреннему убеждению и обусловленную аналогичными мотивами поддержку демократии.
3. Массовое участие в бюрократически организованных ассоциациях классического типа и доверие людей к иерархически структурированным институтам зачастую служит проявлением социального конформизма, а не личной независимости. Поскольку независимость лежит в основе главного элемента демократии — свободы выбора, представления, способствующие социальному конформизму, не имеют позитивной связи с демократией на системном уровне.

Демократия — это не просто набор правил, зависящих исключительно от социальной инженерии. Она представляет собой нормативную концепцию, основанную на внутренней убежденности и акцентирующую свободу выбора, независимость и эмансипацию (см.: Macpherson 1977; Donnelly 1993). Для претворения этих норм в практику мало словесной поддержки модного ныне понятия демократии. Здесь необходима приверженность свободе выбора и личной независимости, а все это связано с ценностями самовыражения. Эти ценности предусматривают примат свободы личности над дисциплиной коллектива, разнообразия над соответствием

групповой норме, гражданской независимости над государственной властью. Если поддержка демократии не сочетается с этими эмансипационными ценностями, она фактически не имеет отношения к эффективной демократии на системном уровне. Эффективная демократия связана не только с институциональным устройством: она отражает укорененную в сознании людей приверженность определенным нормам. Эта приверженность приобретает особое значение в нынешнюю эпоху перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в результате которого происходит перенастройка общественных движущих сил с социального конформизма на гражданскую эмансипацию — в полном соответствии с логикой человеческого развития. Наш индикатор ценностей самовыражения создавался лишь в последние несколько лет и, несомненно, может быть усовершенствован. Тем не менее именно он представляется наиболее надежным индикатором наличия демократической гражданской культуры из всех, что на сегодняшний день имеются в распоряжении науки.

Глава 12 Гендерное равенство, эмансипационные ценности и демократия

Гендерное равенство как один из аспектов человеческого развития

Утверждение гендерного равенства — один из аспектов процесса человеческого развития, сравнимый по значению и тесно связанный с общемировой тенденцией к демократизации. С начала истории женщины при любом строе занимали в обществе более низкое положение, чем мужчины. Роль женщин в основном ограничивалась репродуктивными функциями и ведением хозяйства: принятие решений в публичной сфере и политическая власть в подавляющем большинстве случаев были делом мужчин (Daly 1978; Ember, Ember 1996: 124; Nolan, Lenski 1999: 102; Fulcher, Scott 2003: 164–168). Даже сегодня мужское преобладание сохраняется в большинстве сфер экономической и общественной жизни.

Однако на постиндустриальном этапе развития уравнивание мужчин и женщин становится одним из главных аспектов модернизации (Inglehart, Norris 2003: 29–48). Подобное изменение традиционных гендерных ролей представляет собой элемент гуманистической трансформации общества в целом, связанной с распространением ценностей самовыражения, которые способствуют повышению толерантности к многообразию в жизни людей и возникновению антидискриминационных движений различной направленности (см.: Fulcher, Scott 2003: 179–191).

Гендерное равенство становится ключевым критерием качества демократии. Демократия основана на идее ценности каждой личности, независимо от ее биологических характеристик, таких как раса или пол (Birch, Cobb 1981; Rose 1995; Sen 1999; Dahl 2003). Суть демократии — наделение людей правами, обеспечивающее организацию государства по принципу общественного договора между равными индивидами, каждый из которых должен иметь одинаковые возможности для принятия самостоятельных и ответственных решений (Sen 1999, гл. 6). Таким образом, любая дискриминация по расовому или половому признаку вступает

в противоречие с демократической идеей равенства всех людей (McDonagh 2002; Welzel 2003).

Человеческое развитие отражает ту степень, в которой социальные условия позволяют индивидам реализовывать свой потенциал в плане свободного выбора (Anand, Sen 2000; Welzel 2002; Welzel, Inglehart, Klingemann 2003). Следовательно, ситуация с гендерным равенством представляет собой весьма чуткий индикатор того, насколько продвинулась та или иная страна по пути человеческого развития. Даже сегодня женщины занимают в обществе невыгодное положение, в результате чего им труднее по сравнению с мужчинами использовать свои способности в тех видах деятельности, которые не связаны с домашним хозяйством (Inglehart, Norris 2003). Объективно женщины обладают теми же способностями, что и мужчины, и могут реализовывать их за пределами традиционно отводящейся им ограниченной роли. Субъективно же на протяжении всей истории человечества их воспитывали в таком духе, чтобы они мирились с ограниченностью своего положения.

Однако история в последнее время фундаментальным образом сменила направление. В постиндустриальных странах женщины более не желают принимать как должное эти традиционные ограничения, и расширение возможностей для женщин заняло там одно из важных мест в политической повестке дня (Inglehart, Norris, Welzel 2002). Гендерное равенство стало одной из центральных характеристик процесса человеческого развития, поскольку оно представляет собой важнейший аспект равенства между людьми — наряду с гражданскими и политическими свободами, а также правами человека. Никогда еще в истории цивилизации женщины не имели такой степени равенства и свободы в выборе образования, карьеры, партнеров и образа жизни, как сегодня в постиндустриальных странах. Все эти изменения произошли сравнительно недавно. Хотя их корни прослеживаются во введении всеобщего избирательного права в некоторых странах после Первой мировой войны, расширение возможностей для женщин лишь в последние десятилетия приобрело всеобъемлющий характер. Этот процесс проявляется в масштабной тенденции к повышению доли женщин среди депутатов национальных парламентов и сдвигу в сторону эмансипационной ценностной ориентации, в рамках которой традиционное представление о том, что «мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины», быстро сходит на нет — по крайней мере, в условиях постиндустриального общества. Этот уси-

ливающийся акцент на гендерном равенстве представляет собой одно из направлений гуманистических изменений, приводящих в движение антидискриминационные силы, которые движут вперед человеческое развитие и повышают качество демократии.

Мы утверждаем, что гендерное равенство — наряду с толерантностью к «нестандартным» социальным группам, например представителям других рас, иностранцам, гомосексуалистам, — превращается в один из ключевых элементов демократии. Но, может быть, это утверждение носит этноцентрический характер и равносильно навязыванию западных культурных стандартов остальному миру? На первый взгляд все может выглядеть именно так, поскольку именно в западных странах эти ценности сегодня распространены сильнее, чем в большинстве других. Однако сами эти ценности не имеют чисто «западного» характера. Еще несколько десятков лет назад они были столь же чужды западному обществу, как сегодня — незападным странам; более того, до сравнительно недавнего времени в некоторых незападных обществах к части упомянутых «нестандартных» групп относились более терпимо, чем на Западе. Акцент на гендерном равенстве, а также толерантности по отношению к геям и другим маргинальным группам возник в постиндустриальных странах мира в результате межпоколенческого процесса изменения ценностей — и старшие возрастные когорты в этих странах по своим представлениям напоминают сверстников из менее развитых государств (Inglehart, Norris 2003). Идея о том, что для функционирования демократии необходимы более единообразные стандарты для всех, в том числе гендерное равенство, приобретает все большее значение: она связана с всеобъемлющим гуманистическим сдвигом, в рамках которого распространение ценностей самовыражения преобразует процесс модернизации в процесс человеческого развития.

Сама демократия возникла намного раньше, чем гендерное равенство превратилось в актуальный вопрос. Однако демократическая система, утвердившаяся в Новое время в Великобритании и США, представляла собой ограниченный вариант этого строя, допускавший рабство, имущественный избирательный ценз и отсутствие у женщин политических прав. По сегодняшним стандартам эти страны вообще нельзя было бы назвать демократическими. Дело в том, что понятие демократии лишено статичности — со временем оно эволюционирует. Культурные изменения преобразуют определение демократии, и сегодня гендерное равенство становится одной из основных ее характеристик.

Рисунок 12.1. УВЕЛИЧЕНИЕ ДОЛИ ЖЕНЩИН СРЕДИ ДЕПУТАТОВ ПАРЛАМЕНТОВ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

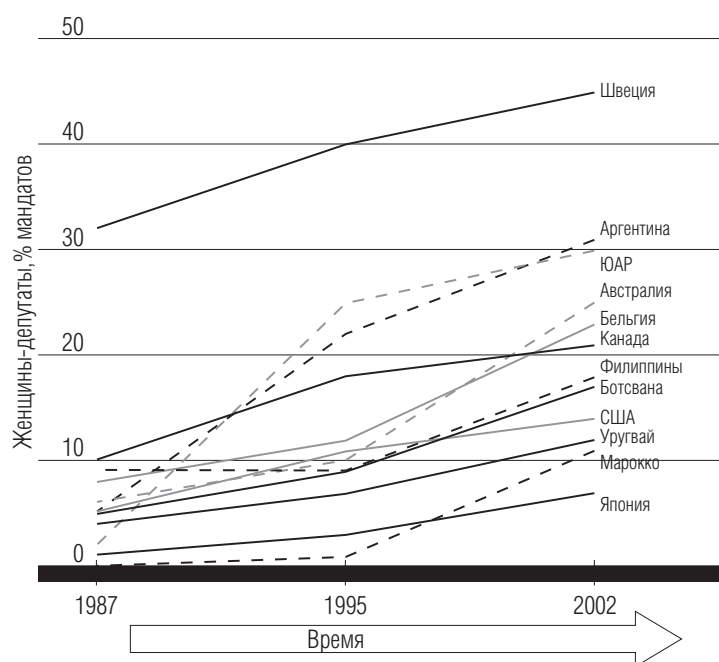
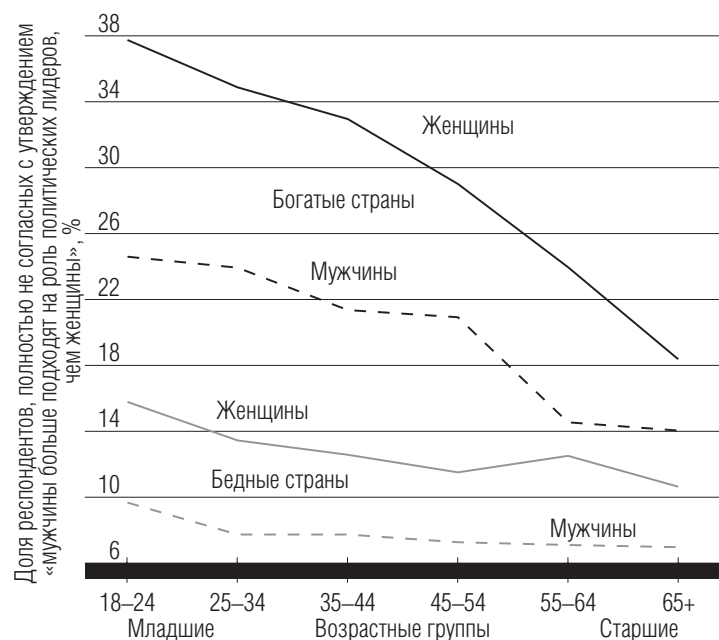

Рисунок 12.2. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ ПОДДЕРЖКИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА (БОГАТЫЕ/БЕДНЫЕ СТРАНЫ)

Рисунки 12.1 и 12.2 иллюстрируют эти аргументы. На рисунке 12.1 на основе данных Межпарламентского союза показано, что за последние 15 лет доля женщин в составе парламентов стран с различными культурными традициями увеличивается. Хотя в разных

странах эта тенденция возникает при разном стартовом уровне и развивается разными темпами, общая закономерность очевидна: представительство женщин в высших законодательных органах растет повсюду — от Бельгии до Ботсваны.

На рисунке 12.2 в графическом виде представлена негативная реакция на утверждение «мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины» в зависимости от пола и возраста респондентов, а также уровня экономического развития стран. Доля не согласных с этим утверждением среди женщин выше, чем среди мужчин, — как в богатых, так и в бедных странах. Однако гендерные различия по данному вопросу в бедных странах сравнительно невелики — по крайней мере, они существенно ниже, чем различия между респондентами обоего пола из богатых и бедных стран. В последних доля мужчин, не согласных с этим утверждением, существенно выше, чем доля занимающих аналогичную позицию женщин в странах с низкими доходами населения. Таким образом, очевидно, что различия в представлениях о гендерных ролях обусловлены не рациональными «эгоистическими интересами» мужчин или женщин. Эти представления меняются, однако они глубоко укоренены в культурную специфику общества: в рамках патриархальной культуры как мужчины, так и женщины демонстрируют патриархальную ценностную ориентацию. И напротив, в условиях более современной культуры даже мужчины придерживаются сравнительно эгалитарного подхода в вопросе о гендерных ролях.

Акцент на гендерном равенстве усиливается, особенно в богатых странах, и происходит это за счет естественной смены поколений. Соответственно, по данному вопросу мы обнаруживаем большие возрастные различия: среди представителей молодого поколения тех, кто уверен в превосходстве мужчин, меньше, чем среди людей старшего возраста. Эти различия также не укладываются в гендерные рамки: молодые мужчины в постиндустриальных странах отличаются более эгалитарным подходом к гендерному вопросу, чем пожилые женщины. В этом находит объяснение тот факт, что проблема гендерного равенства вышла на первый план сравнительно недавно: обусловившие этот феномен движущие силы действовали достаточно долгое время, однако политическую актуальность вопрос приобрел лишь после того, как смена поколений привела к изменению позиции взрослого электората. Кроме того, в рамках молодого поколения гендерные различия по этой проблеме проявляются намного сильнее: молодые женщины переходят

к эгалитарному подходу быстрее, чем молодые мужчины. Тем не менее, как показывают наши данные, в общемировом масштабе даже среди молодых женщин те, кто категорически отвергает идею «мужского превосходства», пока не составляют абсолютного большинства, хотя в отдельных странах, например в Швеции и Нидерландах, такое большинство уже сформировалось как среди мужчин, так и среди женщин¹.

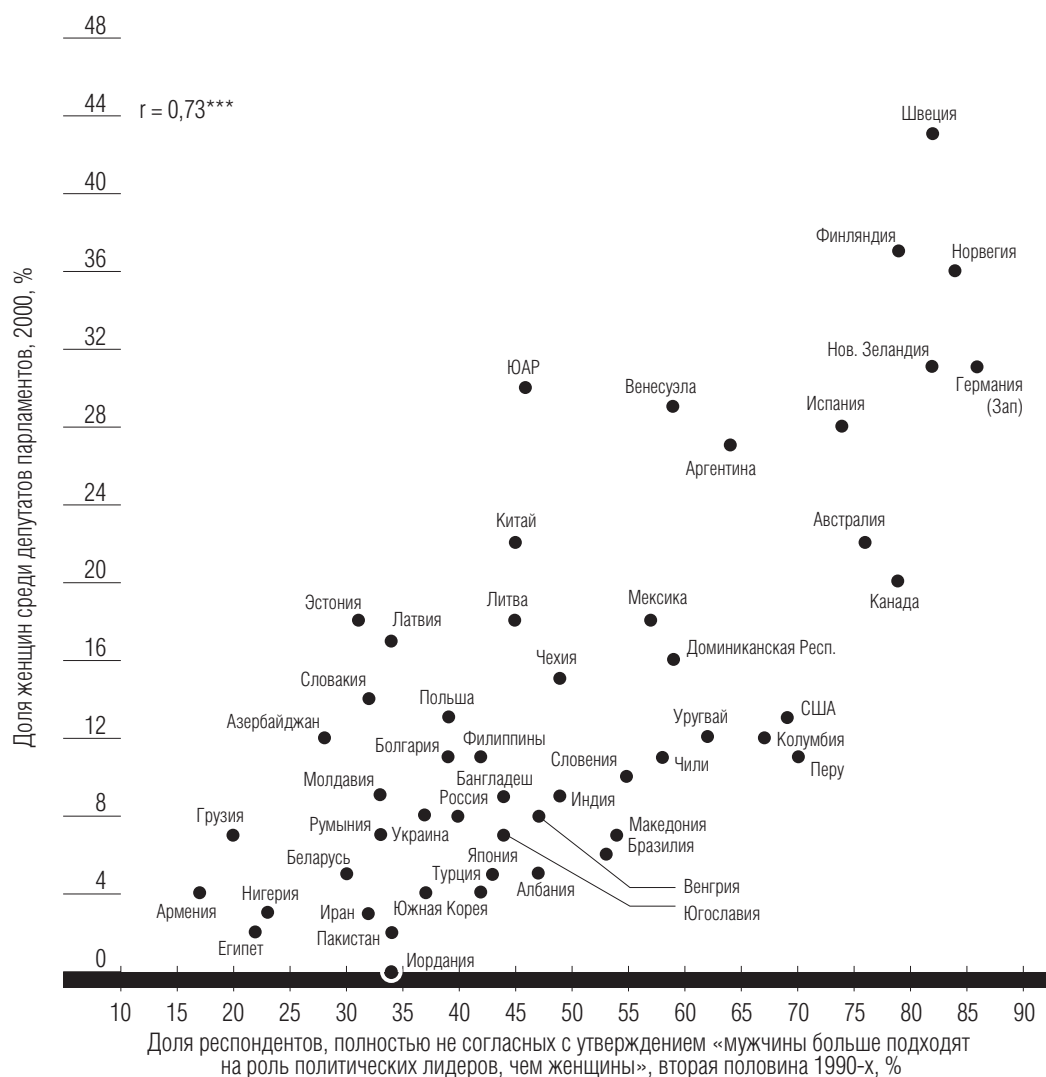
Традиционное представление о том, что «мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины», меняется по мере того, как молодое поколение приходит на смену старшему. И речь идет не просто о словах — это изменение ценностей оборачивается важными политическими последствиями.

Как видно из рисунка 12.3, в странах, где широкая публика отвергает идею, что мужчины больше подходят на роль политических лидеров, женщин в депутаты парламента избирается намного больше. Доля приверженцев эгалитарного подхода в этом вопросе является даже более точным предиктором представительства женщин в парламенте, чем показатель уровня демократии в стране (Inglehart et al. 2002). Это позволяет предположить, что количество женщин среди законодателей зависит от культурных норм даже в большей степени, чем от развития демократических институтов. Более того, хотя в богатых странах доля женщин среди депутатов выше, чем в бедных, подобная картина отражает в основном тот факт, что социально-экономическое развитие ведет к изменениям в сфере культуры. Результаты регрессионного анализа говорят о том, что уровнем экономического развития страны объясняется лишь 30% дисперсии показателя доли женщин в парламенте. Главную роль здесь играет массовая поддержка гендерного равенства: как процесс демократизации, так и усиление гендерного равенства при формировании высших законодательных органов отражают глубинные культурные изменения, преобразующие общество в целом (Ibid.).

---

¹ Если сложить тех, кто «полностью» и «скорее» не согласен с утверждением «мужчины больше подходят на роль политических лидеров, чем женщины», доля несогласных существенно увеличивается. Однако на рисунке 12.3 мы показали только долю тех, кто «полностью» отвергает идею превосходства мужчин, поскольку, на наш взгляд, это представляет собой более точный индикатор глубоко укоренившихся убеждений. См. интернет-приложение, № 66 в разделе «Переменные». Все ссылки на интернет-приложение даются по: <http://www.worldvaluessurvey.org/publications/humandevlopment.html>

Рисунок 12.3. МАССОВЫЕ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА И ДОЛЯ ЖЕНЩИН В ПАРЛАМЕНТАХ

Традиционные причины гендерного неравенства

Как мужчинам удавалось доминировать в экономической и политической жизни буквально во всех странах на протяжении известной нам истории? Во-первых, половой диморфизм, свойственный человеку как биологическому виду, обусловил тот очевидный, но основополагающий факт, что мужчины отличаются большей физической силой и в их организме вырабатывается больше тестостерона, обуславливающего агрессивность человеческого поведения; в то же время только женщины могут вынашивать и вскармливать детей. Результатом стало разделение труда по половому признаку: мужчины выполняли «агрессивные» функции, связанные с выживанием (охотились, воевали), а женщины воспитывали детей и вели

домашнее хозяйство. Из-за высокой детской смертности семьям необходимо было рожать много детей, чтобы обеспечить воспроизводство населения, а поскольку средняя продолжительность жизни в прошлые времена составляла 35–40 лет, женщина, родившая и воспитавшая четырех–шестерых детей, уже приближалась к концу жизненного пути. Подобное разделение ролей привязывало женщин к дому, а всеми видами деятельности за его пределами — в том числе политикой — занимались мужчины. Дело в том, что политика связана прежде всего с организацией государственного аппарата насилия, обеспечивающего защиту от внешних врагов, а также поддержание законности и порядка. Пока оборона и безопасность оставались главными функциями государства, женщины из политической сферы были исключены (Service 1962; Flannery 1972; Daly 1978; Carneiro 1988; Fedigan 1991; Peterson, Wrangham 1997). Более того, в условиях как аграрного, так и индустриального общества производство было связано с тяжелым физическим трудом, в результате чего и в этой сфере были заняты в основном мужчины. Женщины же по большей части, помимо домашнего хозяйства, оставались за бортом экономической жизни, пока в основные виды экономической деятельности не стал все больше внедряться умственный, а не физический труд (Daly 1978; Nolan, Lenski 1999).

Развитие технологий и функциональная дифференциация деятельности государства, которые мы наблюдали в последние десятилетия, изменили эту картину. В условиях «общества знаний» физическая сила фактически утрачивает значение в процессе производства: теперь для этого требуется творческое мышление, умение работать с людьми и интеллектуальные способности — а во всем этом женщины как минимум не уступают мужчинам. Более того, в постиндустриальных странах детская смертность находится на очень низком уровне, средняя продолжительность жизни возросла в два с лишним раза, а современные противозачаточные средства позволяют женщине самой определять, сколько и когда она хочет иметь детей. Наконец, даже военные функции государства уже не связаны с физической силой. Современные боевые действия более не требуют участия огромной массы сильных, агрессивных мужчин: они ведутся на расстоянии и успех здесь зависит от тщательности планирования и высоких технологий — впрочем, еще лучше, если войны вообще удастся избежать за счет эффективных дипломатических методов. Более того, с расширением социальных функций

современного государства организация аппарата насилия перестала занимать в его деятельности центральное место. Как только это случилось, началось размывание мужской монополии в политической жизни.

Все эти изменения технического и организационного порядка фундаментальным образом преобразуют сам характер власти в соответствии с общей тенденцией человеческого развития: она все меньше связана с физической силой и принуждением и все больше — с интеллектом и убеждением. Последствия указанных изменений с точки зрения гендерного равенства в экономической и политической жизни начали проявляться лишь недавно — в этом отразился тот факт, что глубинные культурные характеристики, например распределение гендерных ролей, меняются постепенно, за счет естественного воспроизводства населения.

В условиях индустриального и особенно постиндустриального общества отношение к гендерному равенству характеризуется значительными межпоколенческими различиями (Inglehart, Norris 2003). Этот факт отражает «нарастающую волну» изменений за счет все большего признания обществом равенства людей в целом и гендерного равенства в частности. Укрепление гендерного равенства — одна из основных тенденций человеческого развития.

Радикальное изменение гендерных ролей, происходящее сегодня, особенно в постиндустриальных странах, отчасти объясняется и дополнительными факторами, в том числе модернизационного, институционального и культурного порядка. В настоящей главе мы излагаем эти объяснения и проводим их эмпирическую проверку, используя в качестве зависимой переменной Индекс гендерного равенства из Доклада о человеческом развитии, подготовленного Программой развития ООН в 2000 году².

Новые факторы, способствующие гендерному равенству: социальное государство

Традиционное «государство принуждения» обеспечивало мужскую монополию в политике (Carneiro 1988). И переход от «государства принуждения» к «государству благосостояния» сыграл важную роль

² Индекс гендерного равенства, разработанный экспертами Программы развития ООН, включает процент женщин среди депутатов парламентов, на руководящих должностях в экономике и государстве, а также показатели равенства в оплате труда. Подробнее см. интернет-приложение, № 26 в разделе «Переменные».

в обеспечении доступа женщин на политическую и экономическую арену. Социальное государство берет на себя заботу о гражданах, снижая риски, связанные с преклонным возрастом, болезнью, безработицей и утратой крыши над головой. Подобное развитие событий избавило современные семьи от необходимости иметь много детей, чтобы обеспечить воспроизводство населения, привело к увеличению средней продолжительности жизни и позволило получать образование не только мужчинам, но и женщинам, расширив возможности, которые предоставлены последним за пределами домашнего хозяйства. Институционализация функций государства по социальной защите населения также дала женщинам преимущества: государственные школы, система медицинского обеспечения и пенсионная система освободили их от многих традиционных обязанностей «у домашнего очага» (Poggi 1978). Сегодня женщины, чтобы обеспечить себе средства к существованию, уже не зависят от родственников или мужчины, зарабатывающего средства к существованию. Соответственно, возникновение социального государства ослабляет узы, привязывающие женщин к домашнему хозяйству, позволяя им играть более заметную роль в широких сферах экономической, политической и общественной жизни (Sainsbury 1996; Liebert 1999; Hirschmann 2001; Tronto 2001).

В расширении социальных функций государства проявилось и изменение характера общественного договора. До появления массовой демократии и «государства всеобщего благосостояния» традиционное государство в основном представляло собой машину для сбора дани. Оно использовало свои принудительные полномочия для конфискации у населения материальных излишков в интересах тех, кто находится у власти (Jones 1985; Diamond L. 1997: 265). Напротив, демократическое социальное государство, ответственное перед народом, реинвестирует отчуждаемые ресурсы в обеспечение благосостояния всего населения — что полностью соответствует определению общественного договора (Voix 2001; Stiglitz 2002: 160–162). Соответственно, элиты социального государства сильнее ориентированы на общественное благо: между «порядочностью» элит (т.е. противоположностью коррумпированности элит) и долей госбюджета, ассигнуемого на социальные нужды (т.е. образование и здравоохранение), существует корреляция, обладающая высокой статистической значимостью ($r = 0,69$ при $N = 51$)³.

³ Подробнее см. интернет-приложение, № 13 в разделе «Переменные».

Аналогичным образом, доля социальных расходов демонстрирует высокую корреляцию со всеми индикаторами «качественного государственного управления», разработанными Кауфманом и его соавторами (Kaufmann et al. 2003). Формирование этого нового общественного договора способствовало уменьшению социального неравенства: коэффициент Джини (диспаритет доходов домохозяйств) коррелирует с социальными расходами государства с коэффициентом $r = -0,50$ при $N = 45$. Как видно из таблицы 12.1, чем больше средств государство вкладывает в социальные программы и чем меньше его расходы на аппарат насилия, например вооруженные силы, где традиционно преобладают мужчины, тем выше в стране уровень гендерного равенства. Различия в масштабах социального государства коррелируют с разбросом по уровню гендерного равенства с коэффициентом $r = 0,77$.

Таблица 12.1. КОРРЕЛЯТЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Корреляты	Коэффициент корреляции Пирсона с Индексом гендерного равенства (2000) N – дается в скобках
Процентный индекс распространенности ценностей самовыражения, начало 1990-х, %	0,86*** (50)
Государственные социальные расходы за вычетом военных расходов, 1990	0,77*** (48)
Режимы социального государства (Esping-Andersen 1990)	0,60** (17)
Количество пользователей интернета на 1000 человек населения, 1998	0,67*** (49)
Существование демократического строя до 1995 года, количество лет	0,65*** (50)
Консоционализм, первое измерение (Lijphart 1999)	0,11 (23)
Доля протестантов за вычетом доли мусульман, 1995, %	0,74*** (50)

Примечание. Уровень значимости: * $p < 0,100$; ** $p < 0,010$; *** $p < 0,001$.

Другой метод анализа вариабельности масштабов «государства всеобщего благосостояния» предоставляет разработанная Эспинг-Андерсеном типология режимов социального государства, включающая его корпоративную, либеральную и социал-демократическую разновидности (Esping-Andersen 1990). Корпоративная модель социального государства существует в континентальной Западной Европе, где сильные христианско-демократические партии выступали за патриархальное «государство всеобщего благосостояния», что было частью их стратегии, направленной на подрыв лояльности рабочего класса к социал-демократам. Христианско-демократические партии разрабатывали социальное государство, основанное на масштабных программах социального страхования,

которые дают преимущества традиционной модели семьи с единственным источником доходов, получаемых обычно мужчиной, зарабатывающим средства к существованию. Такой тип социального государства слабее всего стимулирует женщин к выходу за пределы традиционной роли домохозяйек. При прочих равных условиях этот тип социального государства должен обеспечивать наименьший уровень гендерного равенства. Напротив, для большинства англосаксонских стран характерна либеральная модель «государства всеобщего благосостояния». В рамках этой модели государственный бюджет относительно невелик и не включает финансовые стимулы, направленные на поддержание традиционного распределения гендерных ролей. Следовательно, можно ожидать, что по уровню гендерного равенства эта категория займет промежуточную позицию. Наконец, социал-демократическое «государство всеобщего благосостояния», получившее наиболее полное развитие в скандинавских странах, не только отличается самым широким масштабом социальных программ, но и обеспечивает наиболее широкую инфраструктуру государственной опеки, освобождающую женщин от традиционных уз, связывающих их с домашним хозяйством. Соответственно, наиболее высокого уровня гендерного равенства следует ожидать именно в странах, взявших на вооружение эту модель.

Данные, представленные в таблице 12.1 — правда, на ограниченной основе, поскольку типология Эспинг-Андерсена охватывала только постиндустриальные страны, — подтверждают эти предположения. Хотя масштаб разброса среди корпоративных социальных государств весьма велик, в среднем они демонстрируют самый низкий уровень гендерного равенства. Англосаксонские либеральные «государства всеобщего благосостояния» отличаются более высоким уровнем гендерного равенства, а максимальной величины оно достигает в рамках скандинавской социал-демократической модели социального государства. В целом эти различия типов систем социального обеспечения среди экономически развитых западных государств коррелируют с межстрановыми различиями по уровню гендерного равенства с коэффициентом 0,60.

Возникновение общества знаний

Еще один аргумент, связанный с модернизацией, касается изменения характера социально-экономической деятельности. По мере того как трудовые ресурсы страны перемещаются из сельского хозяй-

ства и промышленности в секторы услуг и знаний — такие, как финансы, маркетинг, учет, консалтинг, коммуникации, образование и наука, — основное место в экономической деятельности начинает занимать не физический труд, а умственный (Bell 1973; Giddens 1990). В результате относительное преимущество, которое дает мужчинам их физическая сила, сходит на нет. Таким образом, можно ожидать, что при прочих равных условиях в рамках общества знаний гендерное равенство будет укрепляться.

Достоверным признаком возникновения общества знаний можно считать распространение информационных технологий: один из способов его измерения — количество пользователей интернета на 1000 жителей⁴. Как явствует из таблицы 12.1, уровень гендерного равенства действительно коррелирует с распространением Интернета ($r = 0,67$).

Политические традиции и институциональные характеристики

Некоторые исследователи утверждают, что гендерному равенству способствуют демократические традиции. Такого рода аргументация достаточно прямолинейна: демократические институты наделяют женщин бóльшим объемом прав и обеспечивают им больше возможностей отстаивать свои требования, чем институты, имеющиеся при режиме автократии (McDonagh 2002). Однако для того, чтобы эти институциональные возможности могли оказать воздействие на распределение гендерных ролей, требуется время. Чтобы это произошло, демократические нормы должны стать частью коллективной идентичности общества. Подобные процессы не происходят в одночасье; в какой-то степени они связаны с выходом на арену нового поколения женщин, выросшего в условиях тех благоприятных возможностей, что предоставляет им демократический строй. Мы полагаем, что с увеличением количества лет, в течение которых в стране существует демократический строй, уровень гендерного равенства также должен повышаться⁵. Как видно из таблицы 12.1, это действительно происходит, хотя корреляция здесь существенно слабее, чем в случае с социальным государством ($r = 0,67$).

---

⁴ Подробнее см. интернет-приложение, № 12 в разделе «Переменные».

⁵ О методике измерения продолжительности существования демократического строя см. интернет-приложение, № 23 в разделе «Переменные».

Другой институциональный фактор, играющий, как считается, важную роль в утверждении гендерного равенства, связан с типом демократической системы: в своем индексе Лейпхарт различает мажоритарную и консоциональную демократию (Lijphart 1999). Шкала консоциональности описывает различия только между теми странами, в которых существует формальная демократия, — недемократические государства остались за рамками анализа, поэтому в индексе фигурируют лишь 23 страны из нашей выборки. Тем не менее Лейпхарт утверждает, что консоционализм оказывает большое влияние на целый ряд аспектов развития общества. В частности, по его мнению, консоциональный вариант демократического строя в большей степени ориентирован на достижение консенсуса, поскольку стремится к сбалансированию интересов противостоящих друг другу социальных групп. Если «мягкость», свойственная, как считает Лейпхарт, консоциональным демократическим режимам, распространяется и на гендерный вопрос, следует ожидать, что в странах, отличающихся высоким уровнем консоциональной демократии, мы увидим и большее признание интересов женщин, выраженное в соответствующем уровне гендерного равенства.

Однако это предположение не подтверждается фактами, о чем наглядно свидетельствуют данные из таблицы 12.1. Различия по уровню консоционализма⁶ не коррелируют с различиями по уровню гендерного равенства. Страны, занимающие высокие места в рейтинге консоционализма, например Швейцария, Бельгия и Нидерланды, демонстрируют меньший уровень гендерного равенства, чем страны с низкими показателями консоционализма вроде Канады или Новой Зеландии. В том, что касается гендерного равенства, консоциональная демократия не отличается большей «мягкостью», чем другие типы демократического строя, в то время как социал-демократическая модель «государства всеобщего благосостояния» действительно выглядит «мягче», чем другие разновидности социального государства. Судя по всему, различия в типе социального государства оказывают на гендерное равенство большее воздействие, чем различия в типе демократии.

---

⁶ Мы используем показатели, полученные Лейпхартом по первому измерению консоционализма, которое он называет измерением «партии — исполнительная власть» (Lijphart 1999). Второе измерение по Лейпхарту — «федерализм — унитаризм» — также не демонстрирует связи с гендерным равенством.

Религиозное наследие: западные/незападные общества

Другое влиятельное научное течение связывает различия в уровне гендерного равенства с культурными традициями, обусловленными религиозным наследием общества. Следуя концепции Макса Вебера (Weber [1904] 1958), социологи утверждают, что религиозные традиции оказывают устойчивое влияние на характер общества в целом. В частности, речь идет о том, что протестантская традиция децентрализации церкви и ее акцент на добровольном участии мирян в жизни общины придают протестантским странам более индивидуалистический, либеральный, демократический характер, способствуют развитию гражданского общества. В частности, именно протестантские государства первыми предоставили женщинам избирательные права. Если протестантские эгалитарные идеалы распространяются и на женщин, это должно способствовать их борьбе за гендерное равенство. При прочих равных условиях в протестантских странах уровень гендерного равенства должен быть выше, чем в других обществах.

По мнению Хантингтона, главный водораздел в том, что касается индивидуалистических и демократических ценностей, проходит между западными протестантскими и восточными исламскими обществами (Huntington 1996: 159). Утверждается, что ислам, в свое время возникший и утвердившийся среди кочевых племен, носит из-за этого сильный патриархальный отпечаток (Jawad 1998). Если эта патриархальная традиция сохраняется и сегодня, следует ожидать, что в странах с мусульманским наследием должен наблюдаться самый низкий уровень гендерного равенства. Таким образом, различия в сфере гендерного равенства в целом могут быть обусловлены религиозной поляризацией между протестантизмом и исламом.

Чтобы выявить положение тех или иных стран на линии поляризации «протестантизм/ислам», мы составили процентный индекс различий, вычитая долю мусульман среди населения страны из доли протестантов. Таким образом, положительный показатель страны в этом индексе оказывается тем выше, чем больше доля протестантов среди ее граждан превышает долю мусульман. В соответствующей графе таблицы 12.1 показано, что коэффициент корреляции этого индекса протестантизма/ислама с уровнем гендерного равенства составляет 0,74⁷.

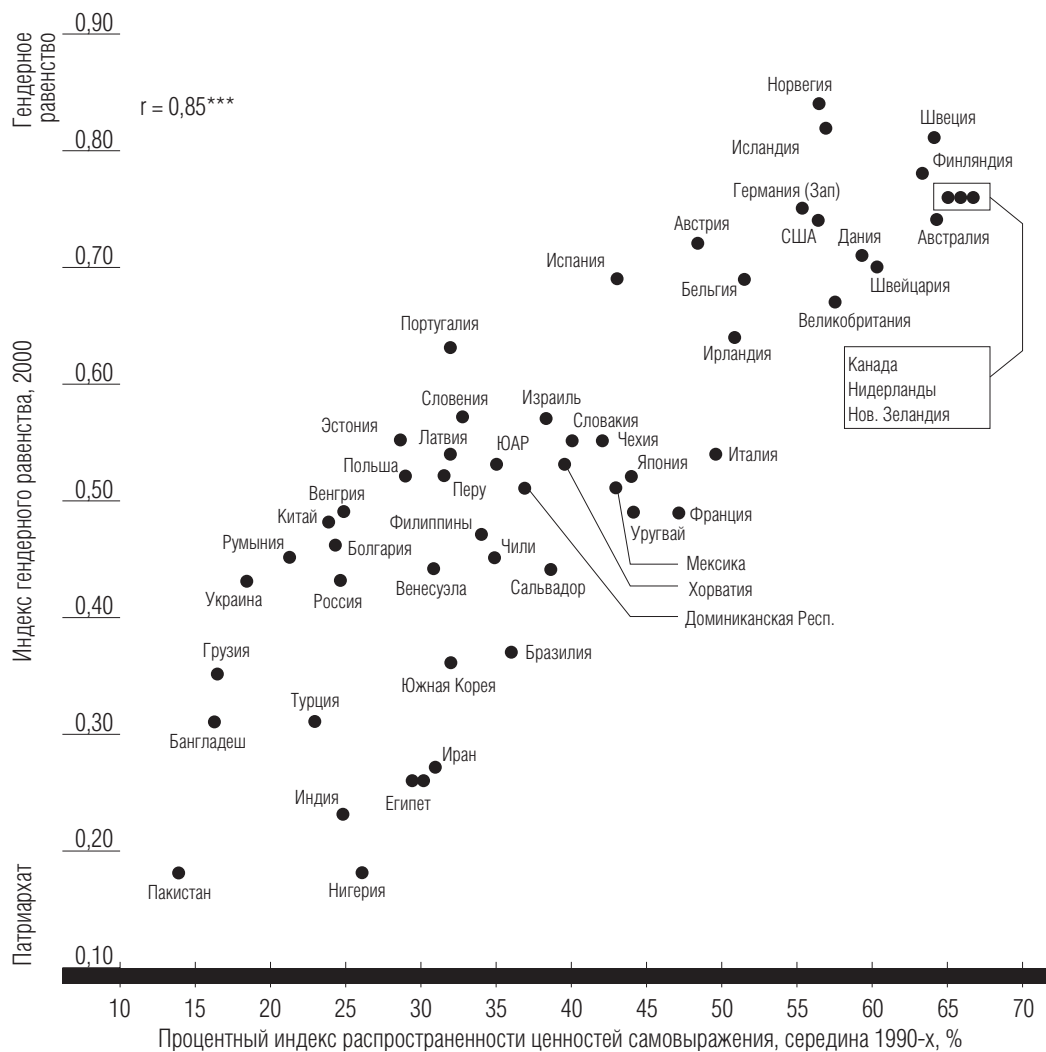
---

7   Подробнее о методике расчета этого процентного индекса см. интернет-приложение, № 14.

Распространение ценностей самовыражения

Почему уровень гендерного равенства в стране отчасти обусловливается ее религиозными традициями? Причина, вероятно, заключается в том, что религия определяет ценностные ориентации людей, воздействующие на уровень гендерного равенства. Если это так, то сами ценностные ориентации должны влиять на него еще сильнее, чем религия. То же самое, возможно, относится и к другим объективным факторам, таким как наличие социального государства и общества знаний, действующих в основном через изменение массовых представлений. Другими словами, религиозные традиции, «государство всеобщего благосостояния», демократия и общество знаний должны воздействовать на утверждение гендерного равенства именно потому, что эти факторы формируют связанные с цен-

Рисунок 12.4. ЦЕННОСТИ САМОВЫРАЖЕНИЯ И РЕАЛЬНАЯ ШИРОТА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН В СТРАНЕ

ЧАСТЬ II. ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

ностями самовыражения эмансипационные культурные движущие силы, меняя тем самым отношение людей к распределению гендерных ролей. Как показано на рисунке 12.4, ценности самовыражения действительно оказывают на гендерное равенство более сильное воздействие, чем любая из переменных, которые мы проанализировали выше, объясняя до 65% вариабельности в этой сфере.

В таблице 12.2 мы представляем регрессионный анализ наших объясняющих факторов (мы включили в нее только те переменные, которые обладают статистически значимой связью по результатам корреляционного анализа — см. табл. 12.1). Этот анализ показывает, что ценности самовыражения оказывают наиболее сильное воздействие на гендерное равенство, независимо от того, какие еще объясняющие факторы в нем фигурируют.

Таблица 12.2. ОБЪЯСНЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА (МНОЖЕСТВЕННАЯ РЕГРЕССИЯ)

Предикторы	Зависимая переменная: Индекс гендерного равенства, 2000
Процентный индекс распространенности ценностей самовыражения, начало 1990-х, %	0,45*** (3,64)
Государственные социальные расходы за вычетом военных расходов, 1990	0,33*** (3,51)
Доля протестантов за вычетом доли мусульман, 1990, %	0,09 (0,84)
Количество пользователей Интернета на 1000 человек населения, 1998	0,15 (1,61)
Скорректированный R ²	0,79

Примечание. Данные представляют собой нормализованные регрессионные коэффициенты (значения Т-критерия приведены в скобках). N = 48. Уровень значимости: * p < 0,100; ** p < 0,010; *** p < 0,001.

Заключение

Усиление гендерного равенства, наряду с распространением и укреплением демократических институтов, отражает гуманистическую тенденцию, присущую процессу человеческого развития. Более того, гендерное равенство — один из важнейших аспектов укрепления демократических институтов. Оно отражает степень, в которой женщины имеют равные возможности с мужчинами для реализации своего потенциала путем самостоятельного выбора. В полном соответствии с нашей теорией, эмансипационные социальные силы, связанные с массовым распространением ценностей самовыражения, судя по всему, играют важнейшую роль в утверждении гендерного равенства. По своему значению к этим ценностям приближается лишь один фактор — степень, в которой государственные расходы на социальные нужды превышают расходы на аппарат

насилия. Другие факторы, в частности продолжительность существования демократического строя в стране и ее религиозное наследие, оказывают намного меньшее воздействие на гендерное равенство, если мы учитываем влияние ценностей самовыражения. Эти переменные имеют отношение к гендерному равенству в основном за счет своей связи с этими ценностями. Эмансипационные социальные силы, которые отражаются в ценностях самовыражения, способствуют человеческому развитию сразу по многим направлениям: они не только повышают степень «порядочности» элит и эффективность демократии, но и обеспечивают наделение женщин правами и придание демократическому строю эгалитарного характера. Эта тенденция — очередное доказательство ключевой роли распространения и усиления ценностей самовыражения в расширении свободы выбора. Утверждение гендерного равенства — один из важных элементов формирования гуманистического общества: по значению оно сравнимо с глобальной тенденцией в направлении демократизации и неразрывно с ней связано.

Гендерное равенство не фигурировало в первоначальном определении демократии. В Афинах времен Античности, где впервые появился демократический строй, политическими правами обладали менее 10% населения, а женщинам доступ в политику был закрыт (Vollen, Paxton 1997). Даже сегодня в некоторых странах женщинам отказывают в праве участвовать в политической жизни. Однако демократия — это эволюционирующее понятие, и она повсеместно приобретает более инклюзивный и гуманистический характер.

Глава 13 Человеческое развитие и его последствия

Гуманистическая трансформация процесса модернизации

Как мы продемонстрировали в предыдущих главах, между социально-экономическим развитием, ценностями самовыражения и демократическими институтами существует настолько высокая корреляция, что они представляют собой элементы одного и того же общего измерения. Каждый из этих трех компонентов способствует развитию потенциала человека, т.е. способности людей определять свой жизненный путь, самостоятельно принимая решения. Следовательно, это измерение отражает процесс человеческого развития.

Связь между социально-экономическим развитием, ценностями культурного характера и политическими институтами, благодаря которой происходит человеческое развитие, в какой-то степени была предугадана авторами теорий модернизации (см.: Lipset 1959a; Almond, Coleman 1960; Pye, Verba 1963; Apter 1965; Almond, Powell 1966; Weiner 1966; Coleman 1968; Huntington 1968; Binder et al. 1971; Pye 1990). Но хотя многие из этих обществоведов высказывали предположение о том, что важнейшую связь между социально-экономическим развитием и демократическими институтами обеспечивает некий набор «современных» ценностей, мало кто пытался проанализировать этот тезис с использованием эмпирических данных, а те, кто предпринимал подобные попытки, исследовали лишь очень небольшую страновую выборку (см.: Lerner 1958; Inkeles, Smith 1974; Inkeles 1983). Более того, они считали главным культурным проявлением процесса модернизации возникновение секулярно-рациональных ценностей. Это представление достаточно точно отражало действительность на индустриальном этапе модернизации, но применительно к сегодняшнему дню оно уже устарело. В условиях постиндустриального общества ситуация изменилась, и характер этих изменений имеет важные политические последствия. Пока преобладающими тенденциями в культурной сфере оставались секуляризация, рационализация и бюрократизация, процесс

модернизации не обязательно вел к утверждению демократического строя: они, как справедливо отмечали авторы теорий «тоталитаризма» (Friedrich, Brzezinski 1965), «мобилизационных режимов» (Johnson 1970) и «бюрократического авторитаризма» (O'Donnell 1973), вполне сочетались с существованием авторитарных и тоталитарных режимов.

Наши данные подтверждают эту точку зрения: они демонстрируют, что секулярно-рациональные ценности, характерные для индустриального общества, не имеют устойчивой связи с демократией. Дело в том, что секулярно-рациональные ценности не ставят под сомнение неограниченную власть: они меняют лишь ее основания с религии на науку и с церковного авторитета на бюрократическое государство. Впрочем, утверждение секулярно-рациональных ценностей действительно несет с собой важные изменения: благодаря им легитимность любой власти все больше начинает зависеть от отношения к ней масс и способности элит убедить народ, что цель их правления — общее благо (Meyer et al. 1997). В результате все политические системы дополнились таким элементом, как всеобщее избирательное право: тем самым правящая верхушка демонстрировала, что находится у власти с согласия народа. Однако фашистские и коммунистические режимы проявили недюжинную изобретательность в создании избирательных систем, контролируемых элитами, — к примеру, ни в одной из либерально-демократических стран никогда не было столь высокой явки на выборы и референдумы, как та, которую обеспечивали они. Пока господствующими тенденциями в культурной сфере были секуляризация и рационализация, всеобщее избирательное право далеко не всегда носило подлинно демократический характер: с такой же вероятностью оно могло становиться объектом манипуляций со стороны фашистских, коммунистических и авторитарных режимов.

Секулярно-рациональные ценности вполне совместимы с недемократическим строем. Процессы секуляризации и рационализации требуют включения масс в политический процесс, поскольку на этом этапе единственным источником легитимности становится согласие народа. Однако мобилизацию масс для получения такого согласия можно обеспечить и авторитарными методами: это не вызывает недовольства и протеста, если для большинства людей конформистские ценности выживания имеют приоритетное значение по сравнению с гражданскими и политическими правами.

Авторы теорий модернизации недооценивали значение эмансипационных ценностей, бросающих вызов власти и побуждающих людей требовать гражданских и политических прав, составляющих суть либеральной демократии. Соответственно, измерение, представленное ценностями самовыражения, почти полностью игнорировалось теоретиками — специалистами по проблемам модернизации и политической культуры. Однако после возникновения постиндустриального общества становится все более очевидным, что распространение эмансипационных ценностей среди граждан имеет важнейшее значение для демократии. Ценностям самовыражения по определению присуща антиавторитарная направленность, подрывающая как саму автократию, так и «ориентацию подданного», которую Алмонд и Верба рассматривали как неотъемлемый элемент демократической гражданской культуры (Almond, Verba 1963). Ценности самовыражения (некоторые другие социологи называют их «индивидуалистическими» ценностями или «ценностями самостоятельности») порождают важнейшую из движущих сил, обуславливающих возникновение эффективной демократии. Распространение этих эмансипационных ценностей представляет собой важнейшее звено в цепи человеческого развития, связывающее социально-экономическое развитие с утверждением демократических институтов.

В настоящей книге представлена пересмотренная версия теории модернизации, в рамках которой расширение имеющейся у людей свободы выбора рассматривается как основной элемент социально-экономического развития, формирования ценностей самовыражения и укрепления демократических институтов. Наша гипотеза основывается на выводах, сформулированных в работах Сена и Ананда: авторы рассматривают расширение пространства свободного выбора как основу развития общества (Sen 1999; Anand, Sen 2000). Мы, однако, расширяем концепцию человеческого развития, разработанную Сеном, включая в нее сферу культуры, служащую «мостиком» между экономическим развитием и демократической свободой.

Анализируя процесс человеческого развития, Ананд и Сен сосредотачивают внимание на объективных условиях, определяющих широту выбора, например на социально-экономических ресурсах, а также гражданских и политических правах. Но пространство выбора зависит не только от этих объективных предпосылок, но и от ценностей, которым привержены люди. Последние могут

обладать большим объемом социально-экономических ресурсов и юридических прав, но, если культура, в рамках которой они существуют, придает приоритетное значение выживанию, свобода выбора не будет иметь для них высокую степень приоритетности. В условиях конформистской культуры у людей формируется закрытое мышление, в результате чего ряд важных вариантов выбора для них просто исключается. Их пространство самостоятельного выбора остается узким. Чтобы общество обеспечивало людям свободу выбора, необходима культура, акцентирующая личную независимость и ценности самовыражения.

Последовательность человеческого развития

В главе 8 представлены фактические данные о связи между социально-экономическим развитием, ценностями самовыражения и демократическими институтами. Мы продемонстрировали, что эта связь весьма прочна — настолько, что все три элемента относятся к одному и тому же основополагающему измерению: процессу человеческого развития. Как показывает факторный анализ, социально-экономическое развитие (измеряемое с помощью составленного Ванханеном индекса уровня социально-экономических ресурсов по состоянию на середину 1990-х годов), уровень массовых ценностей самовыражения по состоянию на середину 1990-х годов и уровень эффективной демократии на 2000–2002 годы сводятся к единому фактору, объясняющему 91% дисперсии всех трех его компонентов; нагрузка по каждому из компонентов на материале 73 стран составляет 0,96. Это измерение, судя по всему, возникает за счет особой причинно-следственной цепочки: полученные нами результаты говорят о том, что социально-экономическое развитие ведет к распространению ценностей самовыражения, а оно, в свою очередь, способствует повышению уровня эффективной демократии.

В каждом из трех компонентов человеческого развития четко проявляется одна и та же основополагающая тема: самостоятельный выбор индивидов. Социально-экономическое развитие увеличивает объем имеющихся у людей ресурсов, создавая объективные возможности для самостоятельного выбора. Усваивая ценности самовыражения, люди начинают придавать приоритетное значение действиям, основанным на самостоятельном выборе. Демократия же наделяет людей гражданскими и политическими свободами, обеспечивая их право действовать в соответствии с самостоятельным выбором.

Таким образом, связь между социально-экономическим развитием, ценностями самовыражения и демократическими институтами отражает связь между возникающим у индивидов жизненным опытом выбора, их субъективным стремлением к выбору и юридическими правами на выбор.

В преобладающих ценностных ориентациях людей проявляется их жизненный опыт. Если они вырастают в обстановке, когда имеющиеся в их распоряжении ресурсы резко ограничены, это способствует формированию ценностей выживания, во многом препятствующих самовыражению. Напротив, взросление в условиях изобилия ресурсов побуждает их придавать большее значение ценностям самовыражения. Полученный нами результат, согласно которому акцент на ценностях самовыражения преобладает в богатых странах, а акцент на ценностях выживания — в бедных, подтверждает тезис о том, что уровень жизненной защищенности индивида является причиной его субъективной приверженности свободе выбора. Одним словом, социально-экономическое развитие ведет к распространению ценностей самовыражения, а не наоборот.

Связь между ценностями самовыражения и демократическими институтами также проходит по линии самостоятельного выбора людей: она отражает соотношение между стремлением к выбору и юридическим правом на выбор. Когда люди придают свободе выбора высокую приоритетность, они начинают требовать предоставления им права на такой выбор — в политической и всех прочих сферах. Если существующие институты не могут удовлетворить этот спрос, в обществе нарастает давление в сторону смены режима и установления демократического строя, который в большей степени обеспечивает людям юридические права на выбор. И напротив, как мы продемонстрировали выше, если в обществе существуют демократические институты, но ценности самовыражения распространены слабо, демократия становится неэффективной. Поскольку юридические права на выбор не могут быть эффективно реализованы на практике, пока люди не стремятся к свободе выбора, распространение ценностей самовыражения становится причиной возникновения в стране прочных и эффективных демократических институтов.

В основе последовательности человеческого развития лежит расширение пространства свободного выбора: опыт выбора порождает стремление к выбору, а оно ведет к появлению юридического права на выбор. Можно сформулировать и по-другому:

социально-экономическое развитие ведет к распространению ценностей самовыражения, а они, в свою очередь, — к утверждению и укреплению демократических институтов.

Нравственные аспекты человеческого развития

Мы оперируем нашей концепцией человеческого развития, используя переменные, которые поддаются измерению и эмпирическому анализу. Однако отбор этих переменных определяется нормативными стандартами, в рамках которых критерием развития является степень свободы выбора (см.: Anand, Sen 2000). Эта точка зрения лежит в основе вопроса эмпирического характера: какова степень различия между странами по величине множества вариантов выбора, которым обладают их граждане? Способность действовать в соответствии с самостоятельным выбором присуща всем людям. Более того, она относится к важнейшим характеристикам, определяющим человека как биологический вид (Marx [1858] 1973; Quigley 1961; Birch, Cobb 1981; Barkow et al. 1992).

Вслед за Бёрчем и Коббом (Birch, Cobb 1981) мы утверждаем, что способность выйти за пределы бихевиористских моделей, основанных на инстинктах, и основываться в своих действиях на свободном и осознанном выборе представляет собой самую уникальную из способностей человека, отличающую его от всех других биологических видов (см. также: Alexander 1987; Ehrlich 2000). Таким образом, основывая теорию человеческого развития на принципе свободы выбора, мы задаем нормативный стандарт, лишенный какой-либо необъективности в отношении тех или иных культур, поскольку способность действовать в соответствии с самостоятельным выбором представляет собой качество, по определению присущее человеку. Эта способность представляет собой человеческий потенциал любого общества. Разные общества отличаются друг от друга не наличием или отсутствием этого потенциала, а тем, насколько широкое пространство они предоставляют для его развития. Цель нашей концепции — измерить и проанализировать это пространство.

Самостоятельный выбор представляет собой антропологически оправданный критерий концептуализации человеческого развития, поскольку действия, основанные на свободном выборе, — это не только способность, но и стремление, присущее всем людям. Как мы продемонстрировали в главе 6, удовлетворенность человека жизнью тесно связана с возможностями самостоятельного выбора. Эта связь носит системный, кросс-культурный характер: во всех

культурных зонах в странах, где гражданам предоставляется более широкое пространство выбора, наблюдается и более высокий уровень удовлетворенности жизнью и ощущения счастья. Уровень субъективного благополучия, которое ощущают граждане той или иной страны, — надежный критерий положения людей, и он демонстрирует систематическую связь со свободой выбора. Сами респонденты, возможно, и не осознают, что эта связь существует, но люди, которые считают, что у них недостаточно возможностей самостоятельно определять свой жизненный путь, как правило дают более низкие оценки своего субъективного благополучия. Конечно, во многих странах стремление людей к свободному выбору серьезно ограничивается жесткими культурными нормами. В результате разные культуры отличаются различной способностью успешно навязывать людям ограничения свободы выбора. Впрочем, «успех» в данном смысле оборачивается издержками для людей: снижается их уровень благополучия. В долгосрочном плане снижение этого уровня в эволюционном плане ставит общества, ограничивающие свободу выбора, в невыгодное положение, поскольку они в меньшей степени способны мобилизовать самостоятельную мотивацию людей, сокращая тем самым творческий потенциал и производительность своих членов.

Означает ли наш подход «проталкивание» исключительно западного стандарта, не подходящего для незападных культур? В ходе дискуссии об «азиатских ценностях» бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю утверждал, что западная концепция свободы личности чужда азиатским культурам, которые акцентируют соответствие нормам сообщества (Thompson 2000). Китайские чиновники тут же поддержали эту точку зрения, оправдывая ограничения прав человека в своей собственной стране культурным многообразием. Даже в западном мире эта аргументация нашла сторонников, утверждающих, что с учетом разнообразия культур подчеркивание Западом универсального характера прав человека представляет собой проявление высокомерия (см.: Orwin, Pangle 1982; Beitz 2001).

Но есть ли у подобной критики более прочные нравственные основания, чем у «этической универсальности», против которой она направлена? Мы согласны с Анандом и Сенем, которые отвечают на этот вопрос отрицательно (Anand, Sen 2000). Утверждение о том, что предоставление людям свободы выбора — чисто западная забота, а другие народы в этом не нуждаются и этого не желают, само по себе отдает высокомерием и покровительственностью. Но и это еще не все — подобные утверждения призваны оправдать подавление

свободы под предлогом культурного многообразия. Культурное многообразие — факт неопровержимый, и в настоящей книге мы неоднократно обращали на это внимание. Мы высоко ценим это явление и относимся к нему самым позитивным образом. Но было бы интеллектуально нечестным делать вид, будто культурная специфика не имеет никакого отношения к той степени, в которой то или иное общество способствует свободе выбора. Что же теперь, запретить любые утверждения о том, что в одних странах уровень человеческого развития выше, чем в других? Именно этим, к примеру, занимаются эксперты ООН, ежегодно составляющие «Доклад о человеческом развитии», — и эти доклады подвергаются резкой критике со стороны правительств стран с низкими местами в ооновских рейтингах на том основании, что они методологически необоснованны и этноцентричны. Разве только народы стран Запада предпочитают богатство бедности, долгую жизнь короткой, образование невежеству? Все эмпирические данные указывают на то, что подобные стремления носят общечеловеческий характер. Согласно нашей концепции человеческого развития, важнейшим элементом этого процесса является расширение возможностей для самостоятельного выбора, и представленные нами факты говорят о том, что стремление к свободе выбора *также* присуще всем людям. В этом плане никаких различий между народами мира не существует. Различается лишь степень, в которой условия жизни позволяют людям акцентировать общечеловеческое стремление к выбору.

Составление рейтингов, демонстрирующих в явном виде уровень человеческого развития, — не только научная задача. Политические элиты разных стран с большим волнением ожидают появления очередного «Доклада о человеческом развитии». На те элиты, чьи страны занимают в рейтинге низкие места — несмотря на всю их критику в адрес доклада, — он оказывает давление, требуя добиваться больших результатов, — и факты показывают, что они действительно реагируют, предпринимая хотя бы скромные шаги по развитию системы образования и здравоохранения. Аналогичным образом, можно с уверенностью предположить, что авторитарные элиты не согласятся с признанием свободы самовыражения в качестве одного из компонентов человеческого развития: и в первую очередь они постараются наклеить этому тезису ярлык этноцентризма, как это и произошло в ходе дискуссии об «азиатских ценностях».

В утверждении Ли Куан Ю относительно «азиатских ценностей» есть одно зерно истины: в мире *действительно существует*

повсеместная поляризация между ценностями самовыражения, способствующими эмансипации человека, и ценностями выживания, способствующими росту социального конформизма. Однако в рамках любой культуры можно обнаружить самый широкий разброс мнений по всему спектру этого континуума, включая и тех, чьи позиции соответствуют обоим его полюсам. Официальным кругам азиатских стран, насаждающих социальный конформизм, противостоят весьма известные диссиденты, например Аун Сан Су Чжи и Далай-лама, выступающие за свободу самовыражения (Dalai Lama 1999). В то же время и в западных странах есть приверженцы конформистских ценностей, в том числе христиане-фундаменталисты, правые экстремисты и другие критики «чрезмерного» уровня индивидуальной свободы на Западе, считающие его признаком упадка (см., например: Lawler, McConkey 1998).

Ни эмансипационные, ни конформистские ценности не являются уникальным атрибутом каких-либо культур. Мак-Нил, к примеру, отмечал, что и иудаизм, и христианство, и индуизм, и буддизм, и ислам первоначально приобрели популярность среди масс потому, что пропагандировали идею спасения для всех, независимо от социального положения (McNeill 1990: 337–341). В этом смысле идея спасения является по сути эгалитарной, демократической и индивидуалистической. Подобно эмансипационным идеям, идея спасения означает избавление; обе они утверждают уникальность и достоинство каждой личности, а также равенство всех людей (Lal 1998: 37). В раю нет социальных классов, и господин на том свете понесет за свои грехи такое же наказание, как слуга или раб. основополагающие идеи равенства и индивидуального избавления (в конечном итоге составляющие сущность демократии) ни в коей мере не являются уникальной спецификой Запада. Они проходят красной нитью через все варианты религиозной идеи спасения и светской идеи эмансипации. Главное различие заключается в том, что идея спасения сулит избавление в другой жизни, а идея эмансипации — в нашем мире, поэтапно, за счет утверждения демократии (Dumont 1986). Однако ключевую роль в обоих случаях играют идеи всеобщего равенства и свободы личности.

Идея эмансипации приходит на смену идее спасения по мере того, как ослабевают экзистенциальные ограничения свободы выбора, связанные с условиями существования людей: если свобода достижима уже в нашем мире, нет смысла откладывать ее до загробной жизни. Соответственно, в бедных странах эмансипационные

ценности, как правило, связаны с ценностями религиозными. Однако по мере экономического развития общества происходит разделение религиозных и эмансипационных ценностей: последние приобретают связь с секулярными ценностями. В богатых странах эмансипационные ценности связаны с секулярными: «современные» полюса двух основных измерений сходятся, демонстрируя весьма высокую корреляцию ($r = 0,24$). В то же время в странах с низким душевым ВВП эта корреляция приобретает обратный характер: в Бангладеш, Пакистане, Египте, Нигерии, Уганде, Танзании, Зимбабве и других бедных государствах эмансипационные ценности сближены с религиозными, демонстрируя коэффициент корреляции $r = 0,47^1$. С ослаблением ограничений свободы выбора, которые диктуют условия существования людей, понятие личного избавления связывается уже не с религиозной идеей спасения, а со светской идеей эмансипации. Тем не менее идеи спасения и эмансипации проникнуты ощущением самостоятельности и достоинства личности, а также права выбора. Идеал демократии основан на ощущении равенства всех и свободы личности. Эти идеалы нельзя считать несовместимыми с незападными культурами, и утверждать, что они представляют собой уникальную характеристику западного общества, было бы верхом высокомерия (см.: Dalai Lama 1999; Sen 1999).

Поляризация между эмансипацией и конформизмом носит универсальный характер. В любой культуре можно найти элементы, тяготеющие к обоим этим полюсам. В любой конкретный момент времени те или иные культуры могут делать сравнительно сильный акцент как на эмансипации, так и на конформизме. Тысячу лет назад в исламских странах существовало больше религиозной, творческой и экономической свободы, чем в тогдашних христианских странах, где действовала инквизиция и личность подвергалась чрезвычайному давлению в сторону соответствия социальной норме. Этот диспаритет существовал до возникновения городского рыночного общества в эпоху Возрождения, когда рост экономического благосостояния в городских центрах Нидерландов и Северной Италии принес с собой интеллектуальную свободу, гуманистиче-

---

¹ Соединенные Штаты представляют собой исключение из этого правила в двух отношениях. Они являются единственной из богатых стран, где широкое распространение ценностей самовыражения сочетается с относительно сильной ориентацией на традиционные религии. Кроме того, в Америке коэффициент корреляции на индивидуальном уровне между ценностями самовыражения и секулярно-рациональными ценностями сравнительно низок ($r = 0,04$).

скую этику и систему политического представительства (см.: Jones 1985; Hall 1989). Если сегодня в исламских обществах самовыражению придается второстепенное значение, то это в основном связано с относительно жесткими ограничениями самостоятельности людей, продиктованными условиями их существования, и преобладанием ценностей выживания. Стремление к освобождению личности присуще представителям всех культур. Различие состоит лишь в силе акцента на его религиозном или светском варианте, в чем проявляется уровень ограничений свободы выбора, связанных с условиями существования людей.

Эгоцентрические ценности против гуманистических?

Недавно Флэнаган и его соавторы подняли тревогу по поводу опасностей, связанных, по их мнению, с переходом от «авторитарных ценностей к либертарианским» (Flanagan et al. 2002). Хотя, если судить по определению Флэнагана, либертарианские ценности не полностью идентичны ценностям самовыражения, они имеют много общих характеристик, а значит, предостережения Флэнагана касаются и тех и других. Более того, его заявления идут в одном русле с другими сетованиями на падение общественной нравственности, гражданственности и духа общности в современном социуме. Они заставляют вспомнить о более ранних утверждениях того же рода — концепции «кризиса управляемости общества», изложенной Крозье и его соавторами еще в 1975 году (Crozier et al. 1975), или недавнем тезисе Патнэма о размывании социального капитала в США (Putnam 2000).

Флэнаган утверждает: переход от доиндустриального общества к индустриальному сопровождался изменением формы власти и авторитета с религиозной на светскую, однако этот сдвиг не повлиял на саму основу власти: она по-прежнему носила внешний характер по отношению к индивиду, воплощаясь в религиозных или светских структурах, к которым он был «привязан» не по собственному выбору. Однако переход от индустриального общества к постиндустриальному несет с собой резкий разрыв с прошлым, в результате чего индивиды проявляют меньшую готовность поддерживать внешнюю власть или авторитет, будь то светский или религиозный. Соответственно, люди уже не принимают предписываемые обществом нормы и правила как данность и более не проявляют лояльность по отношению к институтам, организациям и ассоциациям, поддерживающим активность гражданского общества и общественной жизни. Флэнаган считает, что формирующиеся новые

ценности отражают дух постмодернизма, не признающего непреложных правил и моральных принципов, утверждающего, что все, что есть, представляет собой социальные конструкты и является относительным, а значит, ничто нельзя считать недозволенным. Более того, отношение людей к общественной жизни основывается на эгоистическом расчете выгод и издержек: они принимают в ней участие только в том случае, если это сулит немедленную выгоду и не слишком затрагивает их личную свободу. В целом наблюдается повышение запросов без соответствующей готовности принять на себя какие-либо обязанности по отношению к обществу. Последствия этого очевидны: распространение ценностей самовыражения последовательно подрывает демократические сообщества.

Страхи перед разлагающим влиянием модернизации отнюдь не новы. Об этом, в частности, свидетельствует замечание Инкелеса: «Самое распространенное среди критиков индустриализации мнение состоит в том, что она разрушает основополагающие социальные связи, разрушает механизмы социального контроля и тем самым прокладывает путь... к бедствиям и краху» (Inkeles 1983: 48). Аналогичным образом, Лоулер и Макконки полагают: «Обществу угрожают чересчур „практичные“ индивиды, которые в отношениях с другими руководствуются в основном эгоистическими расчетами. Источником этой одержимости расчетливым эгоизмом являются... либеральные идеи» (Lawler, McConkey 1998: 48). Многие ученые опасаются, что ценности самовыражения по определению носят эгоцентрический характер и разрушают социальные связи, необходимые для расцвета демократии. В основе этих страхов лежат проявления чрезмерного эгоизма в некоторых сферах общественной жизни — и таких примеров действительно немало. Однако Флэнаган и его соавторы делают из этих отдельных случаев далекоидущие выводы.

Тем не менее некоторые элементы концепции Флэнагана нельзя не признать оригинальными и глубокими. В частности, его тезис о фундаментальном сдвиге авторитета от внешних институциональных структур к самому индивиду крайне важен для понимания логики ценностей самовыражения. Мы, однако, считаем более правильной не *эгоцентрическую* (в духе Флэнагана и его коллег), а *гуманистическую* интерпретацию этого феномена, который, на наш взгляд, отражает процесс интернализации авторитета.

Мы полагаем, что распространение ценностей самовыражения отражает тенденцию к гуманистическому обществу, в рамках которого заложенный в человеке потенциал автономной свободы вы-

бора сам по себе превращается в первичную норму и моральный авторитет. Нельзя утверждать, что сегодня торжествует вседозволенность в духе постмодернистского релятивизма. На деле многое из того, что раньше считалось приемлемым, сейчас вызывает неприятие — особенно если речь идет о нарушениях гуманистических норм. Все больше подобных нарушений оказывается под запретом по новым законам, направленным против дискриминации этнических меньшинств, женщин, стариков, детей, инвалидов и иных групп. Защита прав национальных меньшинств, детей и женщин, усилившееся внимание к правам геев, лесбиянок, расовых и этнических меньшинств, защите потребителей, окружающей среды и авторских прав приобретает в нынешнюю эпоху все большее общественное значение. Кроме того, усиливающееся противодействие нарушению прав человека (и всех живых существ), принятие кодексов профессиональной этики в образовании и научно-технической сфере, повышенное внимание к «порядочности» государственных чиновников и руководства корпораций, а также распространение политкорректных формулировок свидетельствует о том, что этические проблемы по-прежнему играют важную роль в общественной жизни. Сами нормы действительно меняются, но внимание к вопросам этики не ослабевает.

Было время, когда рабство считалось приемлемым в рамках любых культур — несовместимым с правами человека оно было признано лишь сравнительно недавно. Этот мировоззренческий поворот в разных странах происходил в разное время. Британия стала первопроходцем, отменив рабство в 1830 году, в США на всей территории страны оно было упразднено лишь в 1865-м; в течение следующих 140 лет это явление поэтапно исчезло по всей планете. В то время сторонники «культурного релятивизма», наверное, могли бы утверждать, что осуждение рабства — это проявление узколобого западного этноцентризма; тем не менее сегодня оно осуждается во всем мире и сохранилось лишь в нескольких изолированных анклавах (Sowell 1994).

Некогда в ряде государств практиковалась кастрация мужчин, выполнявших функции евнухов; сегодня подобное считается несовместимым с нормами цивилизованного общества. В ряде обществ и по сей день практикуется нанесение увечий женским гениталиям, но в большинстве стран — в том числе и исламских — это уже считается неприемлемым. В аналогичном направлении меняется и отношение к применению пыток. В прежние времена утверждения о том, что подобные вещи несовместимы с правами человека,

тоже могли быть сочтены проявлением этноцентризма. Само понятие о всеобщем характере прав человека появилось относительно недавно (Donnelly 1993).

Прежние нормы, например запрет гомосексуализма, действительно размываются по мере того, как постиндустриальные общества приобретают все более гуманистический характер, и в них все большее значение придается правам индивидов на выбор собственного образа жизни. Моральные принципы все больше сосредоточиваются на эмансипации человека и борьбе с посягательствами на личную независимость. Эта гуманистическая тенденция способствует выдвиганию на первый план благополучия людей, требуя от элит все большей «отзывчивости» по отношению к их чаяниям. Она способствует укреплению гражданского общества и демократического строя — это проявляется в тесной связи между уровнями ценностей самовыражения и эффективной демократии. Во всех постиндустриальных странах основная масса населения все чаще принимает участие в наиболее эффективных формах противозлитной политической деятельности (как мы продемонстрировали в главе 4). Эти факты опровергают тезис о том, что ценности самовыражения подрывают демократию и гражданское общество.

Тенденция, лежащая в основе изменения ценностей в развитых странах, представляет собой не просто размывание любого авторитета, а гуманистический сдвиг в его преобладающем восприятии. По мере распространения ценностей самовыражения неприятие вызывают внешняя власть и авторитет, не служащие благу человека. Это вполне соответствует главному предназначению демократии — наделению людей властью, обеспечивающей соответствие общественной жизни самостоятельному выбору индивидов.

Человеческое развитие и социальный капитал

Ценности самовыражения, несомненно, носят гражданственный характер. Ведь цель — эмансипация человека, — которую эти ценности ставят во главу угла, по определению предусматривает антидискриминационную ориентацию, наделяющую людей мощной мотивацией для участия в социальных движениях, борьбы за улучшение ситуации во многих сферах — от справедливой торговли до защиты окружающей среды и гендерного равенства.

Распространение ценностей самовыражения не привело к ослаблению гражданской активности ни на одном из направлений. Бюрократические организации, контролировавшие массы

в прошлом, такие как партийно-политические «машины», профсоюзы и церковные структуры, действительно утрачивают влияние, но более спонтанные, экспрессивные и конкретные формы участия людей в общественной жизни, вроде подписания петиций и выхода на демонстрации, приобретают все большие масштабы. Утверждение ценностей самовыражения ведет к повышению уровня политических акций, вынуждающих элиты более «отзывчиво» реагировать на требования народа. В этом мы расходимся с Патнэмом, у которого вызывает тревогу сокращение масштабов деятельности, «связывающей людей друг с другом», такой как участие в объединениях любителей боулинга или клубах игроков в карты (Putnam 2000). В условиях постиндустриального общества подверженность людей социальному контролю ослабевает, и они уже меньше зависят от сплоченных групп, принадлежность к которым определяется не их собственным выбором, — например, родственников или соседей. Сегодня общение с родными, соседями или коллегами все больше определяется самостоятельным выбором человека. Этот отход от «скрепляющих» связей дает людям больше возможностей по установлению связей, «наводящих мосты», расширяющих круг общения за пределы заранее предопределенных групп (Simmel [1908] 1984; Mutz 2002). Связи, «наводящие мосты», лишены элемента неизбежности, лежащего в основе «скрепляющих» связей. Люди способны по собственной воле ослаблять или укреплять связи, «наводящие мосты». Кроме того, как убедительно показывает Грановеттер (Granovetter 1973), подобные связи создают социальный капитал большего охвата, чем «скрепляющие» связи, что повышает способность общества к самоорганизации (Wessels 1997).

Эти изменения предвидели классики социологии. Дюркгейм говорил о переходе от «механической» солидарности к «органической» (Durkheim [1893] 1988). Механическая солидарность автоматически возникает у членов тесно спаянных групп, к которым человек принадлежит по рождению или в силу внешних обстоятельств. Органическая же солидарность формируется среди людей, по собственной воле решающих координировать свои действия на основе общих интересов. Соответственно, в основе механической солидарности лежат «скрепляющие» связи, а в основе органической — связи, «наводящие мосты». Аналогичным образом, Тённис проводил различие между традиционной общностью (*Gemeinschaft*), сплачиваемой «скрепляющими» связями, и современным обществом

(Gesellschaft), поддерживаемым связями, «наводящими мосты» (Tönnies [1887] 1955). Речь идет о переходе от «общности по необходимости» к «привязанности по выбору» (Beck 2002).

Все большая открытость людей для связей, «наводящих мосты», необычайно расширяет возможности для проведения общественных кампаний, мобилизации большого числа людей ради коллективных действий и формирования социальных движений, преодолевающих пределы тесно спаянных групп и даже национальные границы. В эпоху, когда Интернет играет роль виртуальной мобилизующей структуры, людям незачем поддерживать друг с другом прочные личные узы, чтобы принимать участие в коллективных акциях (Walgrave, Manssens 2000). Если мы определим социальный капитал как любой общественный ресурс, позволяющий людям координировать свои действия, то становится очевидным, что символическая идентичность таких организаций, как Greenpeace, создает больше социального капитала, чем личные узы, связывающие участников карточных клубов или боулинговых ассоциаций. Greenpeace способен координировать действия многих тысяч людей в рамках потребительских бойкотов и публичных демонстраций, несмотря на то что лично они друг с другом не связаны (см.: Voggs 2001). Порождаемые символической идентичностью связи, «наводящие мосты», представляют собой более мощный ингредиент социального капитала, чем «скрепляющие» связи, которые возникают в рамках тесно спаянных, интровертных сетей, основанных на регулярных личных контактах.

В своей книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» Флорида показывает, что практически все города, занимающие высокие места в рейтинге «социального капитала», составленном Патнэмом, имеют низкие значения разработанного самим Флоридой «индекса креативности», т.е. отличаются низким уровнем этнического многообразия, немногочисленностью геев, сравнительно небольшой долей творческих людей в составе населения и невысокими темпами экономического роста (Florida 2002). Самые высокие места в патнэмовском рейтинге «социального капитала» заняли небольшие города, охваченные стагнацией, с почти полным отсутствием притока мигрантов, например Бисмарк (штат Северная Дакота). В нижней же части патнэмовской шкалы оказались, к примеру, Кремниевая долина, Остин (Техас), Боулдер (Колорадо) и Анн-Арбор (Мичиган). Как мы отмечали, патнэмовское определение социального капитала соответствует его традиционному, тесно

спаянному, замкнутому, конформистскому типу — и объем этого капитала действительно снижается. Однако ему на смену приходит новая, более открытая разновидность социального капитала, в гораздо большей степени способствующая развитию тех форм сотрудничества, которые играют центральную роль в условиях «общества знаний». Более того, хотя Патнэм и утверждает, что сокращению социального капитала, о котором он говорит, способствует распространение телевидения и расширение городских агломераций за счет пригородов, главным фактором он считает загадочные «поколенческие изменения». Автор, по сути дела, не объясняет, почему эти изменения происходят. Но мы можем сделать это за него: речь идет о межпоколенческом сдвиге от интровертных ценностей выживания к более открытым ценностям самовыражения, с которым Флорида справедливо связывает формирование «креативного класса».

Как отмечают Бурдьё и Коулмэн, любые формы социального взаимодействия и взаимоотношений представляют собой проявления социального капитала (Bourdieu 1986; Coleman 1990). К формам социального капитала следует отнести даже коррупцию, кумовство и блат. Однако эти формы социального капитала не носят «гражданственного» характера, они направлены на утверждение групповых и дискриминационных вариантов благополучия (см. определение «социального» и «асоциального» капитала, которое дают Леви и Роуз [Levi 1996; Rose 2000]). Таким образом, не всякий социальный капитал способствует развитию демократии. Наоборот, негражданственные его формы, такие как коррупция и кумовство, вредят демократическому строю. Гражданственный или негражданственный характер социального капитала обуславливается ценностями, которые лежат в его основе и определяют его применение. Особую актуальность в этом отношении приобретают ценности самовыражения: они создают *гражданственный* социальный капитал, поскольку направляют его в антидискриминационное, гуманистическое русло.

Человеческое развитие в исторической перспективе

Возникновение демократии, даже в ее самых ограниченных формах, — нечастое явление в известной нам истории человечества², и всякий раз борьба людей за гражданские и политические свободы

² Настоящий раздел основан на нашей интерпретации следующих трудов: Moore 1966; Dahl 1973: 33–47; North 1981, гл. 10; Jones 1985: 225–238; McNeill 1990: 189–205, 578–598; Downing 1992: 18–55; Tilly 1997: 38–66; Lal 1998: 69–98; Landes 1998, гл. 2; Finer 1999: 38–78, 341–368, 395–420, 1024–1051; Midlarski 1999.

основывалась на сравнительно сильном ощущении своей самостоятельности. Так, в VI веке до н. э. свободные крестьяне Афин добились для себя так называемого избирательного права гоплитов; на первом этапе существования республики в Риме свободные землевладельцы также достигли успеха в борьбе за «избирательные права плебса». Аналогичным образом, в период позднего Средневековья лавочники, ремесленники и свободные купцы создавали города-республики, реализуя принцип «Нет налогам без представительства!». Позднее, в ходе либеральных революций XVII–XVIII веков, этот принцип был установлен в масштабе целых государств фригольдерами и свободными горожанами. Наконец, некоторые ученые полагают, что «протодемократия» существовала еще в шумерских городах-государствах (McNeill 1990; Finer 1999; Midlarski 1999) и такой же строй создали крестьяне-землевладельцы в республиках на севере Древней Индии (McNeill 1990; Lal 1998). Во всех перечисленных случаях утверждение этих ограниченных доиндустриальных вариантов демократии обуславливалось стремлением к свободе, присущим людям, которые обладали значительной степенью независимости от условий своего существования. Между этой независимостью, эмансипационными ценностями, а также гражданскими и политическими свободами существует прочная связь.

Однако в условиях доиндустриального общества отсутствие такого рода самостоятельности в большинстве случаев препятствовало распространению эмансипационных ценностей, в результате чего люди не вели борьбу за демократические свободы. В аграрных империях — от ближневосточных до китайской — не существовало прав собственности, а труд носил принудительный характер, что сводило к минимуму ресурсы и самостоятельность большинства населения (Jones 1985; McNeill 1990; Diamond J. 1997). В подобных обществах эмансипационные ценности не могли приобрести приоритетного значения и требований гражданских и политических прав не существовало. Конечно, история Поднебесной империи богата крестьянскими восстаниями, но они представляли собой спонтанные вспышки недовольства эксплуатируемых — и ни разу не сопровождались требованиями об установлении демократического строя, пусть и в самом ограниченном виде.

Индустриализация решающим образом изменила ход истории человечества: она мобилизовала массы для участия в политической жизни на основе всеобщего избирательного права (для муж-

чин). Однако наличие всеобщего избирательного права не всегда равносильно утверждению либеральной демократии. С таким же успехом его результатом может стать приход к власти авторитарных, фашистских или коммунистических режимов, при которых гражданские свободы развиты слабо или вообще отсутствуют. Введенное Липсетом понятие «авторитаризма рабочего класса» (Lipset 1959b) иллюстрирует тот факт, что индустриализация не обязательно связана с возникновением эмансипационной этики или установлением подлинно эффективной демократии. Даже в традиционно демократических странах Запада индустриализация склоняла чашу весов в сторону элитоцентричной модели, в рамках которой избранная власть могла рассчитывать на лояльность единообразных «лагерей» избирателей.

Важные изменения в этой сфере произошли лишь сравнительно недавно: формирование постиндустриального общества подтолкнуло страны с элитоцентричной демократией в сторону народоцентричной модели, в рамках которой власть уже не может априорно полагаться на лояльность масс и вынуждена более «отзывчиво» реагировать на их требования. Демократический строй, руководимый элитами, приобретает все более гуманистический характер. Более того, в период постиндустриализации демократия распространилась далеко за пределы Запада. Гуманистическую трансформацию уже существующего демократического строя и распространение демократии обуславливает одна и та же социальная движущая сила — утверждение эмансипационной этики, основанной на ценностях самовыражения. Процесс постиндустриализации ломает регламентированные рычаги контроля над жизнью населения, характерные для индустриального общества, в результате чего у людей возникает ощущение личной независимости в определении своего жизненного пути.

Сегодня мы становимся свидетелями нового этапа истории, в ходе которого эмансипационная этика становится подлинно массовым явлением в десятках стран. Этот процесс проявляется в распространении ценностей самовыражения среди населения постиндустриальных стран — как на Западе, так и за его пределами. Он отражает общую закономерность — последовательность человеческого развития: 1) растущее ощущение жизненной защищенности 2) порождает эмансипационную этику, основанную на ценностях самовыражения, которая 3) ведет к установлению и укреплению эффективной демократии.

Внешнеполитический аспект

Мы представили читателю фактические доказательства того, что социально-экономическое развитие ведет к переходу от авторитарного, ксенофобского мировоззрения, связанного с ценностями выживания, к все более толерантному и демократическому мировоззрению, связанному с ценностями самовыражения. Если наша гипотеза верна, то этот процесс чреват серьезными внешнеполитическими последствиями.

Краеугольным камнем нынешнего внешнеполитического курса США является «война с террором». Необходимость борьбы с терроризмом признает большинство цивилизованных людей. Вопрос состоит в том, как вести эту борьбу.

Многие наблюдатели отмечают, что даже в ходе социальных революций, порожденных экономической обездоленностью масс, сами активисты-революционеры редко принадлежат к беднейшим слоям населения. Подобно любым другим активистам, они, как правило, являются отпрысками относительно благополучных семей, обеспечивших им образование и ресурсы, позволяющие активно участвовать в политике. Террористами также зачастую становятся представители зажиточных слоев населения, что порой преподносится как доказательство того, что между обездоленностью людей и террором нет никакой связи. Конечно, эти два явления не тождественны, но представленные нами факты свидетельствуют о наличии прочной связи между жизненной незащищенностью и преобладанием в обществе ксенофобии, нетерпимости и экстремизма (коэффициент корреляции на уровне общества в целом между реальным душевым ВВП и ценностями выживания составляет 0,81). *Сами террористы-ксенофобы, как правило, люди не бедные, но терроризм чаще всего возникает в обществе, где царит жизненная незащищенность.*

Если это наблюдение справедливо, нынешняя война американского государства с террором основана на слишком узком понимании этого явления, что лишает ее шансов на успех. Без сомнения, применение силы против террористов порой необходимо, но ликвидация отдельных террористов — это устранение симптомов, а не причин болезни. Одержат ли военную победу над странами, укрывавшими террористов, например Афганистаном, или подозреваемыми в укрывательстве террористов (Ираком), было сравнительно легко — проблемы начались потом. Простое свержение правящего режима такой страны с последующим выводом войск не решило бы

проблемы. Возникло мнение, что следующим шагом должно стать установление в этих государствах стабильной демократии, но эта задача оказалась намного более трудной. Поверхностная идея о том, что установить демократию — дело сравнительно простое, выглядела «красиво» в идеологическом плане, но не соответствовала действительности. Все проанализированные в нашей книге данные указывают на то, что провести выборы *действительно* нетрудно, но построить стабильную демократию в условиях высокого уровня жизненной незащищенности совсем не легко. Стабильная и эффективная демократия, как правило, возникает в процессе человеческого развития, отправной точкой которого является экономическое развитие, порождающее культуру толерантности, взаимного доверия и акцент на самостоятельности личности. И пока значительная часть населения не ощущает гарантированной физической защищенности, расцвет демократии вряд ли возможен.

Война с террором не увенчается окончательной победой, пока в жизни значительной части населения планеты преобладает отчаяние от собственных бед и осознание того, что во многих других странах люди живут несравненно благополучнее. Это подпитывает ощущение того, что мир устроен несправедливо, и создает условия, позволяющие экстремистам-демагогам манипулировать людьми, внушая им ксенофобскую идеологию. Истребление ни в чем не повинных людей, к которому призывают террористы вроде бен Ладена, — это противоестественная идеология, противоречащая основным традициям ислама, включающим толерантность, щедрость и гуманизм. Однако гнев и отчаяние создают питательную среду для экстремистских идеологий, распространяемых людьми вроде Гитлера и бен Ладена.

Тратя на военные нужды миллиарды долларов, США не считают приоритетной задачей обеспечение экономического развития в мировом масштабе. Богатые страны установили целевой показатель выделения помощи в целях развития в размере 0,7% своего ВВП. По мнению специалистов, если бы это обязательство выполнялось, то сформулированных ООН «Целей развития тысячелетия» — искоренения крайней нищеты, обеспечения всеобщего начального образования в масштабах планеты, достижения гендерного равенства и других важных прогрессивных сдвигов — можно было бы добиться в течение 15 лет. Однако на практике развитые страны выделяют обещанные средства далеко не в полном объеме, причем особой необязательностью отличаются Соединенные Штаты.

Вашингтон ассигнует на помощь в целях развития лишь 0,15% от объема своего ВВП, т.е. намного меньше, чем другие страны ОЭСР. Если Норвегия в 2003 году выделила почти 1% ВВП, то США — лишь одну седьмую процента.

Побороть бедность в мировом масштабе можно. Китай и Индия — в двух этих странах проживает 40% населения планеты — сегодня превращаются из бедных стран, где люди едва обеспечивали себе средства к существованию, в государства, граждане которых могут чувствовать себя относительно защищенными в материальном плане. Такой же цели могут добиться и другие бедные страны. Необходимые для этого ресурсы в мире есть: суммы, относительно небольшие по экономическим меркам богатых стран, способны радикально изменить ситуацию в государствах с низкими среднедушевыми доходами. Сегодня американское государство ежегодно тратит 405 миллиардов долларов на военные нужды, а его граждане — 60 миллиардов долларов на алкогольные напитки: при этом официальная помощь в целях развития, предоставляемая менее развитым странам, составляет всего 3 миллиарда долларов. Страны Евросоюза расходуют на субсидии своим сельхозпроизводителям 350 миллиардов долларов в год, и основная часть этих средств достается крупным агрофирмам с хорошими связями в политических кругах. Уже сам отказ от этих субсидий представлял бы собой серьезную помощь бедным аграрным странам, позволив им заработать столь необходимую валюту.

Печальная истина заключается в том, что в прошлом значительная доля помощи в целях развития впустую тратилась на бессмысленные «престижные проекты», с помощью которых люди, находившиеся у власти, укрепляли лишь собственные позиции. «Цели развития тысячелетия», сформулированные ООН, основаны на ином подходе, и это внушает оптимизм. Они носят реалистический характер и направлены на решение самых насущных проблем, имеющих ключевое значение с точки зрения эффективного развития, предоставляя простым людям возможность самостоятельно определять свой жизненный путь.

Борьба с бедностью — задача непростая и требующая времени, но, если «Цели развития тысячелетия» будут достигнуты в запланированные сроки — к 2015 году, это станет большим шагом вперед. Более того, это продемонстрирует, что прогресс в данной сфере возможен, и богатые страны готовы реально помочь бедным, а значит, у людей появится надежда на лучшее будущее.

Заключение Эмансипационная теория демократии

Социально-экономическое развитие создает все более благоприятные условия существования людей и ослабляет внешние ограничения присущего им стремления к свободе выбора. Благоприятные условия существования людей, в свою очередь, способствуют формированию ценностей самовыражения, предусматривающих примат свободы личности над дисциплиной коллектива, многообразия над соответствием норме, самостоятельности гражданина над властью государства. Распространение этих ценностей превращает модернизацию в процесс человеческого развития, главным направлением которого является расширение пространства самостоятельного выбора, порождающее гуманистическое общество нового типа, никогда прежде не существовавшее. Утверждение ценностей самовыражения представляет собой социальную движущую силу, действующую в пользу демократии и способствующую ее установлению там, где этот строй еще не существует, или ее укреплению там, где она уже сформировалась, за счет повышения эффективности демократических институтов.

Даже формальная демократия связана с эмансипационным импульсом ценностей самовыражения, но еще сильнее с ними связана подлинно эффективная демократия. Различие между формальной и эффективной демократией, т.е. демократическим строем только по названию, когда выборы проводятся и на бумаге существуют гражданские и политические свободы, но правящая элита имеет возможность игнорировать права людей и действовать по собственному усмотрению, и системой, по-настоящему «отзывчивой» по отношению к предпочтениям масс и соблюдающей политические и гражданские права граждан, определяется «порядочностью» элит. Дело в том, что коррумпированность элит может свести на нет даже самую совершенную демократическую конституцию, превращая гражданские и политические права граждан в пустой звук. Сам же уровень «порядочности» элит во многом обуславливается распространением в обществе ценностей

самовыражения. Граждане, приверженные этим ценностям, оказывают на элиты давление с тем, чтобы те управляли государством на основе верховенства закона; кроме того, в обществе, где ценности самовыражения широко распространены, новые поколения представителей элит также становятся убежденными сторонниками эмансипационных идеалов.

Возникновение подлинной, эффективной демократии в первую очередь представляет собой результат последовательного процесса человеческого развития — социально-экономического развития, распространения ценностей самовыражения и формирования демократических институтов. Демократический строй — это институциональное отражение эмансипационных сил, порождаемых человеческим развитием, и уровень ценностей самовыражения следует признать наиболее точным из имеющихся в нашем распоряжении индикаторов этих сил. В свете этого вывода нельзя не удивляться, как мало внимания уделяется этим ценностям в научных трудах по проблемам демократизации, вышедшим за последние годы (обзор этих работ см.: Geddes 1999; Bunce 2000). Этот массивный корпус научной литературы в основном игнорирует наиболее фундаментальный аспект демократии — эмансипацию человека.

Демократия — не просто результат хитроумного торга внутри элит и конституционной инженерии. Она зависит от глубоко укорененных ценностных ориентаций населения. Эти ориентации вдохновляют людей на борьбу за свободу, за эффективные гражданские и политические права и по-настоящему «отзывчивый» государственный строй — а также на постоянную бдительность, гарантирующую, что правящие элиты будут реагировать на его мнение. Подлинная демократия — не механизм, который, стоит его раз завести, будет функционировать сам по себе. Она зависит от людей.

Человеческое развитие в массовом масштабе — явление относительно недавнее, но ценности самовыражения существовали всегда. До недавнего времени их распространение ограничивалось привилегированными правящими классами, но за последние несколько десятков лет эти ценности коренным образом изменили массовое мировоззрение. Во второй половине XIX века было широко распространено представление о неизбежности прогресса: техническое и социально-экономическое развитие будет автоматически улучшать жизнь людей по всей планете.

Однако после колоссальной бойни на полях сражений Первой мировой войны и лишений в период Великой депрессии идея прогресса стала восприниматься как нечто безнадежно наивное: развитие науки и техники лишь придавало войнам все более разрушительный характер. Апогеем этого процесса стало появление концепции культурного релятивизма, вообще предававшей идею прогресса анафеме, поскольку из нее следовало, что одни страны находятся на более высоком уровне развития, чем другие. Эта концепция, пусть и продиктованная лучшими намерениями, чревата самыми губительными последствиями: она оправдывает любые модели общественных отношений, даже самые репрессивные и несовместимые с человеческим достоинством. В свое время рабство и геноцид считались абсолютно приемлемыми явлениями в рамках буквально всех культур: пытки заключенных и отношение к женщинам как к людям «второго сорта» распространено и сегодня. Последовательный культурный релятивизм требовал бы отвергать любые утверждения о том, что подобные вещи несовместимы с правами человека, как проявления этноцентризма. Понятие всеобщих прав человека родилось сравнительно недавно. Однако оно связано с глубокими историческими тенденциями, действующими в мировом масштабе, поскольку они отражают устремления, свойственные всем людям. Пока само физическое существование человека нельзя считать гарантированным, эти устремления отходят на второй план по сравнению с заботой о выживании, но по мере ослабления внешних ограничений свойственного людям стремления к свободе выбора они приобретают все большее значение.

В этом смысле человеческое развитие является синонимом прогресса. Как мы показали, распространение демократии неотделимо от высокого уровня этого развития. В главе 7 мы продемонстрировали, что эффективная демократия с большой вероятностью возникает в обществе, где носителями ценностей самовыражения являются более 45% населения. Эта взаимосвязь носит вероятностный, а не детерминированный характер, но статистическая корреляция здесь очень высока. Экономическое развитие ведет к изменениям в культурной сфере, повышающим шансы на установление демократического строя. Кроме того, существует множество доказательств того, что демократические страны почти никогда не воюют друг с другом. Если это действительно так, то представление о том, что технический прогресс способствует

лишь все более разрушительным войнам, возможно, следует признать ошибочным. Прогресс и человеческое развитие нельзя считать полностью предопределенными процессами — увы, слишком много существует доказательств обратного. Однако и то и другое вполне достижимо, и к этому следует стремиться.

Литература

- Abramson 1989
Abramson P. Generations and Political Change in the United States // Research in Political Sociology. Vol. 4 (1989). P. 235–280.
- Abramson, Inglehart 1995
Abramson P., Inglehart R. Value Change in Global Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
- Alesina, Devleeschauwer 2003
Alesina A., Devleeschauwer A. Fractionalization // Journal of Economic Growth. Vol. 8 (2003). P. 155–194.
- Alexander 1987
Alexander R.D. The Biology of Moral Systems. N.Y.: De Gruyter, 1987.
- Alker 1969
Alker H.R., jr. A Typology of Ecological Fallacies // Quantitative Ecological Analysis in the Social Sciences / Ed. by M. Dogan, S. Rokkan. Cambridge, MA: MIT Press, 1969. P. 69–86.
- Almond, Coleman 1960
The Politics of the Developing Areas / Ed. by G.A. Almond, J.S. Coleman. Princeton: Princeton University Press, 1960.
- Almond, Powell 1966
Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics: A Developmental Approach. Princeton: Princeton University Press, 1966.
- Almond, Verba 1963
Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies. Princeton: Princeton University Press, 1963.
- Almond, Verba 1980
The Civic Culture Revisited / Ed. by G.A. Almond, S. Verba. Boston: Little, Brown, 1980.
- Anand, Sen 2000
Anand S., Sen A. Human Development and Economic Sustainability // World Development. Vol. 28 (2000). P. 2029–2049.
- Anderson, Tverdova 2001
Anderson C.J., Tverdova Y.V. Winners, Losers, and Attitudes about Government in Contemporary Democracies // International Political Science Review. Vol. 22 (2001). P. 321–338.
- Anheier, Clasius, Kaldor 2001
Anheier H.K., Glasius M., Kaldor M. Global Civil Society. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Anheier, Clasius, Kaldor 2004
Anheier H.K., Glasius M., Kaldor M. Global Civil Society Yearbook. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Apter 1965
Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Arat 1991
Arat Z.F. Democracy and Human Rights in Developing Countries. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1991.
- Arrighi 1994
Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. London: Verso, 1994 [*Арриги Д.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2007].
- Arrighi, Drangel 1986
Arrighi G., Drangel J. The Stratification of the World-Economy: An Exploration of the Semiperipheral Zone // Review. Vol. 10 (1986). P. 9–74.
- Axelrod 1984
Axelrod R. The Evolution of Cooperation. London: Penguin Books, 1984.

- Baechler, Hall, Mann 1989
Europe and the Rise of Capitalism / Ed. by J. Baechler, J.A. Hall, M. Mann. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- Baker, Dalton, Hildebrandt 1981
Baker K.L., Dalton R.J., Hildebrandt K. Germany Transformed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
- Baker 2005
Baker W.E. America's Crisis of Values: Reality and Perception. Princeton: Princeton University Press, 2005.
- Baker, Obstfeld 1999
Baker W.E., Obstfeld D. Social Capital by Design: Structures, Strategies, and Institutional Context // Corporate Social Capital and Liability / Ed. by R.T.A.J. Leenders, S. Gabbay. Norwell, MA: Kluwer Academic, 1999. P. 31–58.
- Banfield 1958
Banfield E. The Moral Basis of Backwardness. N.Y.: Free Press, 1958.
- Barkow, Cosmides, Tooby 1992
Barkow J., Cosmides L., Tooby J. The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Barnes, Kaase et al. 1979
Barnes S.H., Kaase M. et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills, CA: Sage, 1979.
- Barnet, Cavanagh 1994
Barnet R., Cavanagh J. Global Dreams: Imperial Corporations and the New World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1994.
- Barro 1997
Barro R.J. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
- Beck 1992
Beck U. Risk Society. London: Sage, 1992 [Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000].
- Beck 2002
Beck U. Losing the Traditional: Individualization and “Precarious Freedoms” // Individualization / Ed. by U. Beck, E. Beck-Gernsheim. London: Sage, 2002. P. 1–21.
- Beck, Katz 1995
Beck N., Katz J.N. What to Do (and Not to Do) with Time-Series Cross-Section Data // American Political Science Review. Vol. 89 (September 1995). P. 634–647.
- Beitz 2001
Beitz C. Human Rights as a Common Concern // American Political Science Review. Vol. 95 (2001). P. 269–281.
- Bell 1973
Bell D. The Coming of Postindustrial Society. N.Y.: Basic Books, 1973 [Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999].
- Bell 1976
Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976.
- Bell 1993
Bell D. Communitarianism and Its Critics. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Benford, Snow 1988
Benford R.D., Snow D.A. Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization // From Structure to Action / Ed. by B. Klandermans, H. Kriesi, S. Tarrow. Greenwich, CT: JAI, 1988. P. 197–218.
- Berg-Schlosser 2003
Berg-Schlosser D. Comment on Welzel, Inglehart & Klingemann's Theory of Human Development // European Journal for Political Research. Vol. 42 (2003). P. 381–386.
- Berg-Schlosser, Mitchell 2000
Berg-Schlosser D., Mitchell J. Conditions of Democracy in Europe, 1919–1939. London: Macmillan, 2000.
- Berlin 1969
Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford: Oxford University Press, 1969.
- Bernhard 1993
Bernhard M. Civil Society and Democratic Transitions in East Central Europe // Political Science Quarterly. Vol. 108 (1993). P. 307–326.
- Bernstein 1997
Bernstein M. Celebration and Suppression: The Strategic Uses of Identity by the Lesbian and Gay Movement //

- American Journal of Sociology. Vol. 103 (1997). P. 531–565.
- Bernstein 2004
Bernstein W.J. The Birth of Plenty. N.Y.: McGraw Hill, 2004.
- Binder et al. 1971
Crises and Sequences in Political Development / Ed. by L. Binder et al. Princeton: Princeton University Press, 1971.
- Birch, Cobb 1981
Birch C., Cobb J.B., jr. The Liberation of Life: From the Cell to the Community. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Blalock 1964
Blalock H.M., jr. Causal Inferences in Nonexperimental Research. N.Y.: Seminar Press, 1964.
- Blau 1994
Blau P.M. Structural Contexts of Opportunity. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Boggs 2001
Boggs C. Social Capital and Political Fantasy // Theory and Society. Vol. 30 (2001). P. 281–297.
- Boix 2001
Boix C. Democracy, Development and the Public Sector // American Journal of Political Science. Vol. 45 (2001). P. 1–17.
- Boix, Stokes 2003
Boix C., Stokes S.L. Endogenous Democratization // World Politics. Vol. 55 (2003). P. 517–549.
- Bollen, Jackman 1985
Bollen K.A., Jackman R.W. Political Democracy and the Size Distribution of Income // American Sociological Review. Vol. 50 (1985). P. 438–457.
- Bollen, Paxton 1997
Bollen K.A., Paxton P.M. Democracy before Athens // Inequality, Democracy and Economic Development / Ed. by M. Midlarski. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 13–44.
- Bollen, Paxton 2000
Bollen K.A., Paxton P.M. Subjective Measures of Liberal Democracy // Comparative Political Studies. Vol. 33 (2000). P. 58–86.
- Borgatti, Jones, Everett 1998
Borgatti S.P., Jones C., Everett M.G. Network Measures of Social Capital // Connections. Vol. 21 (1998). P. 27–36.
- Borre, Scarbrough 1995
The Scope of Government / Ed. by O. Borre, E. Scarbrough. Oxford: Oxford University Press, 1995. Vol. 3: Beliefs in Government.
- Bourdieu 1986
Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. N.Y.: Greenwood, 1986 [Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004].
- Boynton, Loewenberg 1973
Boynton R., Loewenberg G. The Development of Public Support for Parliament in Germany, 1951–1959 // British Journal of Political Science. Vol. 3 (1973). P. 169–189.
- Bracher [1955] 1971
Bracher K.D. Die Auflösung der Weimarer Republik [The Dissolution of the Weimar Republic] [1955] / 5th ed. Königstein, Germany: Deutsche Verlagsanstalt, 1971.
- Bradshaw, Noonan, Gash, Buchmann 1993
Bradshaw Y.W., Noonan R., Gash L., Buchmann C. Borrowing against the Future: Children and Third World Indebtedness // Social Forces. Vol. 71 (1993). P. 629–656.
- Bradshaw, Wallace 1996
Bradshaw Y.W., Wallace M. Global Inequalities. Thousand Oaks, CA: Pine Forge, 1996.
- Bratton, Mattes 2001
Bratton M., Mattes R. Support for Democracy in Africa: Intrinsic or Instrumental? // British Journal of Political Science. Vol. 31 (2001). P. 447–474.
- Brint 1984
Brint S. New Class and Cumulative Trend Explanations of the Liberal Political Attitudes of Professionals // American Journal of Sociology. Vol. 90 (1984). P. 30–71.

- Brown 2001
Brown A. From Democratization to "Guided Democracy" // *Journal of Democracy*. Vol. 12 (2001). P. 35–41.
- Brzezinski 2001
Brzezinski Z. The Primacy of History and Culture // *Journal of Democracy*. Vol. 12 (2001). P. 20–26.
- Bunce 2000
Bunce V. Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations // *Comparative Political Studies*. Vol. 33 (2000). P. 703–734.
- Burke E. [1790] 1999
Burke E. Reflections on the Revolution in France [1790]. Oxford: Oxford University Press, 1999 [*Берк Э.* Размышления о революции во Франции. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992].
- Burkhart, Lewis-Beck 1994
Burkhart R.E., Lewis-Beck M.S. Comparative Democracy: The Economic Development Thesis // *American Political Science Review*. Vol. 88 (December 1994). P. 903–910.
- Burt 1992
Burt R.S. Structural Holes. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Cain, Dalton, Scarrow 2003
Cain B.E., Dalton R.J., Scarrow S.E. Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Cardoso, Faletto 1979
Cardoso F.H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkeley: University of California Press, 1979.
- Carneiro 1988
Carneiro R. The Circumscription Theory: Challenge and Response // *American Behavioral Scientist*. Vol. 31 (1988). P. 497–511.
- Carneiro 2003
Carneiro R. Evolutionism in Cultural Anthropology. Boulder, CO: Westview Press, 2003.
- Casper, Taylor 1996
Casper G., Taylor M.M. Negotiating Democracy: Transitions from Authoritarian Rule. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1996.
- Castles 1993
Castles F.G. Families of Nations: Patterns of Public Policy in Western Democracies / Ed. by F.G. Castles. Aldershot: Dartmouth, 1993.
- Cavalli-Sforza 1996
Cavalli-Sforza L.L. Gene, Völker und Sprachen: Die biologischen Grundlagen unserer Zivilisation. Munich: Carl Hanser, 1996.
- Chanley, Rudolph, Rahn 2000
Chanley V.A., Rudolph T.J., Rahn W.M. The Origins and Consequences of Public Trust in Government: A Time Series Analysis // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 64 (2000). P. 239–256.
- Chase-Dunn 1989
Chase-Dunn C. Global Formations: Structures of the World-Economy. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1989.
- Chase-Dunn, Hall 1997
Chase-Dunn C., Hall T.D. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press, 1997.
- Chirkov, Ryan, Kim, Kaplan 2003
Chirkov V.I., Ryan R.M., Kim Y., Kaplan U. Differentiating Autonomy from Individualism and Independence: A Self-Determination Theory Perspective on Internalization of Cultural Orientations and Well-Being // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 84 (2003). P. 97–110.
- Chirot 1977
Chirot D. Social Change in the Twentieth Century. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1977.
- Chirot 1994
Chirot D. How Societies Change. Thousand Oaks, CA: Pine Forge, 1994.
- Cingranelli 1996
Cingranelli D.L. Human Rights and Development / Ed. by D.L. Cingranelli. Greenwich, CT: JAI Press, 1996.
- Coleman 1968
Coleman J.S. Modernization: Political Aspects // *International Encyclopedia*

- of the Social Sciences / Ed. by D.L. Sills. Washington, DC: Free Press, 1968. Vol. 10. P. 395–402.
- Coleman 1988
Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. Vol. 94 (1988). P. 95–121.
- Coleman 1990
Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
- Collier, Adcock 1999
Collier D., Adcock R. Democracy and Dichotomies // *Annual Review of Political Science*. Vol. 2 (1999). P. 537–565.
- Collier 1999
Collier R.B. Paths toward Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Condorcet [1795] 1979
Condorcet J.-A.-N. Sketch for a Historical Picture of the Progress of Human Mind [1795]. Westport, CT: Hyperion Press, 1979 [*Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936*].
- Conradt 1980
Conradt D. Changing German Political Culture // *The Civic Culture Revisited* / Ed. by G.A. Almond, S. Verba. Boston: Little, Brown, 1980. P. 212–272.
- Converse 1964
Converse P.E. The Nature of Belief Systems among Mass Publics // *Ideology and Discontent* / Ed. by D.E. Apter. N.Y.: Free Press, 1964. P. 206–261.
- Converse 1970
Converse P.E. Attitudes and Non-Attitudes // *The Quantitative Analysis of Social Problems* / Ed. by E.R. Tuft. Reading, MA: Addison-Wesley, 1970. P. 168–189.
- Costa, McCrae, Zonderman 1987
Costa P.T., McCrae R.R., Zonderman A.B. Environmental and Dispositional Influences on Well-Being // *British Journal of Psychology*. Vol. 78 (1987). P. 299–306.
- Cox, Wermuth 2001
Cox D.R., Wermuth N. Some Statistical Aspects of Causality // *European Sociological Review*. Vol. 17 (2001). P. 65–74.
- Crenshaw 1997
Crenshaw E. Democracy and Proto-Modernity: Technoecological Influences on the Growth of Political and Civil Rights // *Inequality, Democracy and Economic Development* / Ed. by M. Midlarski. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 80–109.
- Crothers, Lockhard 2000
Crothers, Lockhard Culture and Politics: A Reader / Ed. by Lane Crothers, and Charles Lockhard. N.Y.: St. Martin's Press, 2000.
- Crozier, Huntington, Watanuki 1975
Crozier M., Huntington S.H., Watanuki J. The Crisis of Democracy. N.Y.: New York University Press, 1975.
- Cummins 2000
Cummins R.A. Objective and Subjective Quality of Life: An Interactive Model // *Social Indicators Research*. Vol. 52 (2000). P. 55–72.
- Dahl 1973
Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition [1971]. New Haven: Yale University Press, 1973.
- Dahl 1989
Dahl R.A. Democracy and Its Critics. New Haven: Yale University Press, 1989 [*Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003*].
- Dahl 1998
Dahl R.A. Development and Democratic Culture // *Journal of Democracy*. Vol. 9 (1998). P. 34–39.
- Dahl 2003
Dahl R.A. How Democratic Is the American Constitution? New Haven: Yale University Press, 2003.
- Dalai Lama 1999
Dalai Lama. Buddhism, Asian Values, and Democracy // *Journal of Democracy*. Vol. 10 (1999). P. 3–7.
- Dalton 1985
Dalton R.J. Political Parties and Political Representation: Party Supporters and Party Elites in Nine Nations // *Comparative Political Studies*. Vol. 18 (1985). P. 267–299.

- Dalton 1988
Dalton R.J. Politics and Culture in West Germany. Ann Arbor: University of Michigan, 1988 (= Politics and Culture Series. № 10).
- Dalton 1994
Dalton R.J. The Green Rainbow: Environmental Groups in Western Europe. New Haven: Yale University Press, 1994.
- Dalton 1999
Dalton R.J. Political Support in Advanced Industrial Democracies // Critical Citizens / Ed. by P. Norris. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 57–77.
- Dalton 2000
Dalton R.J. Value Change and Democracy // Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? / Ed. by S.J. Pharr, R.D. Putnam. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 252–269.
- Dalton 2001
Dalton R.J. Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Western Democracies / 3rd ed. Chatham, NJ: Chatham House, 2001.
- Dalton, Wattenberg 2000
Parties without Partisans: Political Change in Advanced Industrial Democracies / Ed. by R.J. Dalton, M.P. Wattenberg. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Daly 1978
Daly M. Gyn/Ecology: The Metaethics of Radical Feminism. London: Women's Press, 1978.
- Davenport, Armstrong 2004
Davenport C., Armstrong D.A. Democracy and the Violation of Human Rights: A Statistical Analysis from 1976 to 1996 // American Journal of Political Science. Vol. 48 (2004). P. 538–554.
- Deutsch 1963
Deutsch K. The Nerves of Government. N.Y.: Free Press, 1963.
- Diamond J. 1997
Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fate of Human Societies. N.Y.: W.W. Norton, 1997 [*Даймонд Дж.* Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ. М.: АСТ, 2009].
- Diamond L. 1992
Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered // Reexamining Democracy / Ed. by L. Diamond, G. Marks. London: Sage, 1992. P. 93–139.
- Diamond L. 1993a
Diamond L. The Globalization of Democracy // Global Transformation and the Third World / Ed. by R.O. Slater, B.M. Schutz, S.R. Dorr. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1993. P. 31–69.
- Diamond L. 1993b
Diamond L. Causes and Effects // Political Culture and Democracy in Developing Countries / Ed. by L. Diamond. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1993. P. 411–435.
- Diamond L. 1993c
Political Culture and Democracy in Developing Countries / Ed. by L. Diamond. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1993.
- Diamond L. 2003
Diamond L. How People View Democracy: Findings from Public Opinion Surveys in Four Regions. Доклад на Стэнфордском семинаре по демократизации, январь 2003 года.
- Diamond, Linz, Lipset 1995
Politics in Developing Countries: Experiences with Democracy / Ed. by L. Diamond, J.J. Linz, S.M. Lipset; 2nd ed. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1995.
- Diamond, Marks 1992
Reexamining Democracy (Essays in Honor of Seymour Martin Lipset) / Ed. by L. Diamond, G. Marks. London: Sage, 1992.
- Diamond, Plattner 1993
The Global Resurgence of Democracy / Ed. by L. Diamond, M.F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993.
- Diener et al. 1995
Diener E., Diener M., Diener C. Factors Predicting the Subjective Well-Being of Nations // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 69 (1995). P. 851–864.

- DiMaggio 1994
DiMaggio P. Culture and Economy // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 27–57.
- DiMaggio, Evans, Bryson 1996
DiMaggio P., Evans J., Bryson B. Have Americans' Social Attitudes Become More Polarized? // *American Journal of Sociology*. Vol. 102 (1996). P. 690–755.
- DiPalma 1990
DiPalma G. To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Dogan, Pelassy 1984
Dogan M., Pelassy D. How to Compare Nations: Strategies in Comparative Politics. Chatham, NJ: Chatham House, 1984.
- Dollar 1992
Dollar D. Outward-Oriented Developing Economies Really Do Grow More Rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–1985 // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 13 (1992). P. 523–544.
- Domes 1990
Domes J. After Tiananmen Square. Washington, DC: Brassey's, 1990.
- Donnelly 1993
Donnelly J. Human Rights and World Politics. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
- Doorenspleet 2000
Doorenspleet R. Reassessing the Three Waves of Democratization // *World Politics*. Vol. 52 (2000). P. 384–406.
- Doorenspleet 2004
Doorenspleet R. The Structural Context of Recent Transitions to Democracy // *European Journal of Political Research*. Vol. 43 (2004). P. 309–336.
- Downing 1992
Downing B.M. The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Dumont 1986
Dumont L. Essays on Individualism. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
- Durham 1991
Durham W.H. Coevolution: Genes, Culture, and Human Diversity. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Durkheim [1893] 1988
Durkheim É. Über soziale Arbeitsteilung [1893]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988 [Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991].
- Dworkin 1988
Dworkin R. The Theory and Practice of Autonomy. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Easton 1965
Easton D. A Systems Analysis of Political Life. N.Y.: Wiley, 1965.
- Eckersley 2000
Eckersley R. The State and Fate of Nations: Implications of Subjective Measures of Personal and Social Quality of Life // *Social Indicators Research*. Vol. 52 (2000). P. 3–27.
- Eckstein 1966
Eckstein H. A Theory of Stable Democracy. Princeton: Princeton University Press, 1966.
- Eckstein, Fleron, Hoffmann, Reisinger 1996
Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations / Ed. by H. Eckstein, F.J. Fleron, jr., E.P. Hoffmann, W.M. Reisinger. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1996.
- Eckstein, Gurr 1975
Eckstein H., Gurr T.R. Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry. N.Y.: Wiley-Interscience, 1975.
- Ehrlich 2000
Ehrlich P.R. Human Natures: Genes, Cultures, and the Human Prospect. Covelo, CA: Island Press, 2000.
- Elkins 2000
Elkins Z. Gradations of Democracy? Empirical Tests of Alternative Concep-

- tualizations // American Journal of Political Science. Vol. 44 (2000). P. 293–300.
- Ember, Ember 1996
Ember C.R., Ember M. Cultural Anthropology. London: Prentice-Hall, 1996.
- Ember, Ember, Russett 1997
Ember M., Ember C.R., Russett B.M. Inequality and Democracy in the Anthropological Record // Inequality, Democracy and Economic Development / Ed. by M. Midlarski. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 110–130.
- Erikson, MacKuen, Stimson 2002
Erikson R.S., MacKuen M.B., Stimson J.A. The Macro Polity. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Esping-Andersen 1990
Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Esposito, Voll 1996
Esposito J.L., Voll J.O. Islam and Democracy. N.Y.: Oxford University Press, 1996.
- Estes 1984
Estes R.J. The Social Progress of Nations. N.Y.: Praeger, 1984.
- Estes 1998
Estes R.J. Trends in World Social Development, 1970–1995: Development Challenges for a New Century // Journal of Developing Societies. Vol. 14 (1998). P. 11–39.
- Etzioni 1996
Etzioni A. The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society. N.Y.: Basic Books, 1996.
- Evans 1995
Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Fairbanks 2001
Fairbanks C.H. Disillusionment in the Caucasus and Central Asia // Journal of Democracy. Vol. 12 (2001). P. 49–56.
- Falter 1991
Falter J. Hitlers Wähler. Munich: C.H. Beck, 1991.
- Fedigan 1991
Fedigan L.M. Sex Roles and Social Bonds. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Finer 1999
Finer S.E. The History of Government. Oxford: Oxford University Press, 1999. 3 vols.
- Finke, Stark 1989
Finke R., Stark R. Evaluating the Evidence: Religious Economies and Sacred Canopies // American Sociological Review. Vol. 53 (1989). P. 41–49.
- Finke, Stark 1992
Finke R., Stark R. The Churching of America, 1776–1990: Winners and Losers in Our Religious Economy. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1992.
- Firebaugh 1992
Firebaugh G. Growth Effects of Foreign and Domestic Investment // American Journal of Sociology. Vol. 98 (1992). P. 105–130.
- Firebaugh 1996
Firebaugh G. Does Foreign Capital Harm Poor Nations? // American Journal of Sociology. Vol. 102 (1996). P. 563–575.
- Firebaugh, Beck 1994
Firebaugh G., Beck F. Does Economic Growth Benefit the Masses? Growth, Dependence, and Welfare in the Third World // American Sociological Review. Vol. 59 (1994). P. 631–653.
- Flanagan 1987
Flanagan S. Value Change in Industrial Society // American Political Science Review. Vol. 81 (1987). P. 1303–1319.
- Flanagan et al.
Flanagan S. et al. Shifting Worldviews and the Authoritarian-Libertarian Value Change in Advanced Industrial Democracies. Forthcoming.
- Flannery 1972
Flannery K. V. The Cultural Evolution of Civilizations // Annual Review of Ecology and Systematics. Vol. 3 (1972). P. 399–426.
- Fleron, Ahl 1998
Fleron F., Ahl R. Does Public Opinion Matter for Democratization in Russia? //

- Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? / Ed. by H. Eckstein. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1998. P. 249–285.
- Florida 2002
Florida R. The Rise of the Creative Class. N.Y.: Basic Books, 2002 [*Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005].
- Förster, Higgins, Idson 1998
Förster J., Higgins E.T., Idson L.C. Approach and Avoidance Strength during Goal Attainment: Regulatory Focus and the “Goal Looms Larger” Effect // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 75 (1998). P. 1115–1131.
- Foweraker, Landman 1997
Foweraker J., Landman T. Citizenship Rights and Social Movements: A Comparative Statistical Analysis. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Frank 1966
Frank A.G. The Development of Underdevelopment // *Monthly Review*. Vol. 18 (1966). P. 17–30.
- Freedom House
Freedom in the World. Lanham, MD: University Press of America, [ежегодное издание].
- Friedheim 1993
Friedheim D.K. Regime Collapse in Democratic Transition: The East German Revolution of 1989 // *German Politics*. Vol. 2 (1993). P. 97–112.
- Friedrich, Brzezinski 1965
Friedrich C.J., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy / 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.
- Fukuyama 1967
Fukuyama F. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. N.Y.: Monthly Review Press, 1967.
- Fukuyama 1992
Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992 [*Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004].
- Fukuyama 1995
Fukuyama F. Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1995 [*Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004].
- Fukuyama 2000
Fukuyama F. Social Capital // *Culture Matters: How Values Shape Human Progress* / Ed. by L.E. Harrison, S.P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000. P. 99–111 [*Фукуяма Ф.* Социальный капитал // Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002].
- Fulcher, Scott 2003
Fulcher J., Scott J. Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Galston 2001
Galston W.A. Political Knowledge, Political Engagement, and Civic Education // *Annual Review of Political Science*. Vol. 4 (2001). P. 217–234.
- Gasiorowski, Power 1998
Gasiorowski M.J., Power T.J. The Structural Determinants of Democratic Consolidation: Evidence from the Third World // *Comparative Political Studies*. Vol. 31 (1998). P. 740–771.
- Gaskell, Bauer 2001
Gaskell G., Bauer M. Biotechnology: The Making of Global Controversy. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Geddes 1999
Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. Vol. 2 (1999). P. 115–144.
- Geertz 1973
Geertz C. The Interpretation of Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973 [*Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004].
- Gereffi 1994
Gereffi G. The International Economy and Economic Development // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton:

- Princeton University Press, 1994.
P. 206–233.
- Gibson 1996
Gibson J.L. “A Mile Wide but an Inch Deep”? The Structure of Democratic Commitments in the Former USSR // *American Journal of Political Science*. Vol. 40 (1996). P. 396–420.
- Gibson 1997
Gibson J.L. Mass Opposition to the Soviet Putsch of August 1991: Collective Action, Rational Choice, and Democratic Values // *American Political Science Review*. Vol. 91 (1997). P. 671–684.
- Gibson 2001
Gibson J.L. Social Networks, Civil Society, and the Prospects for Consolidating Russia’s Democratic Transition // *American Journal of Political Science*. Vol. 45 (2001). P. 51–69.
- Gibson, Duch 1992
Gibson J.L., Duch R.M. The Origins of a Democratic Culture in the Soviet Union: The Acquisition of Democratic Values. Доклад на ежегодной встрече Midwest Political Science Association, Чикаго, сентябрь 1992 года.
- Gibson, Duch 1994
Gibson J.L., Duch R.M. Postmaterialism and the Emerging Soviet Democracy // *Political Research Quarterly*. Vol. 47 (1994). P. 5–39.
- Gibson, Duch, Tedin 1992
Gibson J.L., Duch R.M., Tedin K.L. Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union // *Journal of Politics*. Vol. 54 (1992). P. 329–371.
- Giddens 1990
Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Giddens 1991
Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Gills, Rocamora 1992
Gills B., Rocamora J. Low Intensity Democracy // *Third World Quarterly*. Vol. 13 (1992). P. 501–524.
- Goesling 2001
Goesling B. Changing Income Inequalities within and between Nations: New Evidence // *American Sociological Review*. Vol. 66 (2001). P. 745–761.
- Granger 1969
Granger C.W.J. Investing Causal Relations by Econometric Methods and Spectral Methods // *Econometrica*. Vol. 34 (1966). P. 424–438.
- Granovetter 1973
Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. Vol. 78 (1973). P. 1360–1380.
- Greenfield 2000
Greenfield P.M. Three Approaches to the Psychology of Culture: Where Do They Come From? Where Can They Go? // *Asian Journal of Social Psychology*. Vol. 3 (2000). P. 223–240.
- Guillén 1994
Guillén M. Models of Management: Work, Authority, and Organization in a Comparative Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Guo, Stearns 2002
Guo G., Stearns E. The Social Influences on the Realization of Genetic Potential for Intellectual Development // *Social Forces*. 2002. № 3 (80). P. 881–910.
- Gurr 1974
Gurr T.R. Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971 // *American Political Science Review*. Vol. 68 (1974). P. 1482–1504.
- Gurr, Jagers 1995
Gurr T.R., Jagers K. Tracking Democracy’s Third Wave with the Polity III Data // *Journal of Peace Research*. Vol. 32 (1995). P. 469–482.
- Habermas 1975
Habermas J. Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press, 1975.
- Hadenius 1992
Hadenius A. Democracy and Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Hadenius, Teorell 2004
Hadenius A., Teorell J. Cultural and Economic Prerequisites of Democracy: Reassessing Recent Evidence // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 39 (2004). P. 89–111.

- Haggard, Kaufman 1995
Haggard S., Kaufman R.R. The Political Economy of Democratic Transitions. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Hajnal 1982
Hajnal J. Two Kinds of Pre-Industrial Household Formation Systems // Family Forms in Historic Europe / Ed. by R. Wall, J. Robin, P. Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 65–104.
- Hall 1989
Hall J.A. States and Societies: The Miracle in Comparative Perspective // Europe and the Rise of Capitalism / Ed. by J. Baechler, J. Hall, M. Mann. Oxford: Basil Blackwell, 1989. P. 20–38.
- Hamilton 1994
Hamilton G.G. Civilizations and Organization of Economies // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 183–205.
- Hampden-Turner, Trompenaars 1993
Hampden-Turner C., Trompenaars A. The Seven Cultures of Capitalism. N.Y.: Currency/Doubleday, 1993.
- Hannan, Carroll 1981
Hannan M.T., Carroll G.R. Dynamics of Formal Political Structure: An Event-History Analysis // American Sociological Review. Vol. 46 (1981). P. 19–35.
- Hein 1992
Hein S. Trade Strategy and the Dependency Hypothesis: A Comparison of Policy, Foreign Investment and Economic Growth in Latin America and East Asia // Economic Development and Cultural Change. Vol. 13 (1992). P. 495–521.
- Held, McGrew, Goldblatt, Perraton 2003
Held D., McGrew A.G., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. London: Polity, 2003.
- Heller 2000
Heller P. Degrees of Democracy: Some Comparative Lessons from India // World Politics. Vol. 52 (2000). P. 484–519.
- Helliwell 1993
Helliwell J.F. Empirical Linkages between Democracy and Economic Growth // British Journal of Political Science. Vol. 24 (1993). P. 225–248.
- Henrich, Boyd 1998
Henrich J., Boyd R. The Evolution of Conformist Transmission and the Emergence of Between-Group Differences // Evolution and Human Behavior. Vol. 19 (1998). P. 215–241.
- Higgins 1998
Higgins E.T. Promotion and Prevention: Regulatory Focus as a Motivational Principle // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 46 (1998). P. 1–46.
- Higley, Burton 1989
Higley J., Burton M.G. The Elite Variable in Democratic Transitions and Break-downs // American Sociological Review. Vol. 54 (1989). P. 17–32.
- Higley, Gunther 1992
Higley J., Gunther R. Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / Ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Hirschman 1970
Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970 [Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009].
- Hirschmann 2001
Hirschmann N. A Question of Freedom: A Question of Rights? Women and Welfare // Women and Welfare / Ed. by N. Hirschmann, U. Liebert. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2001. P. 84–110.
- Hofferbert, Klingemann 1999
Hofferbert R.I., Klingemann H.-D. Remembering the Bad Old Days: Human Rights, Economic Conditions, and Democratic Performance in Transitional Regimes // European Journal of Political Research. Vol. 36 (1999). P. 155–174.

- Hofstede 1980
Hofstede G. Culture's Consequences: Intentional Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
- Hughes 1999
Hughes B.B. International Futures: Choices in the Face of Uncertainty / 3rd ed. Boulder, CO: Westview Press, 1999.
- Humana 1992
Humana C. World Human Rights Guide / 3rd ed. N.Y.: Oxford University Press, 1992.
- Humphrey 1984
Humphrey N. Consciousness Regained: Chapters in the Development of Mind. N.Y.: Oxford University Press, 1984.
- Hunter 1995
Hunter A. Globalization from Below? Promises and Perils of the New Internationalism // *Social Policy*. Vol. 25 (1995). P. 6–14.
- Hunter 1998
Hunter S.T. The Future of Islam and the West. Westport, CT: Praeger, 1998.
- Huntington 1968
Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968 [*Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004].
- Huntington 1984
Huntington S.P. Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. Vol. 99 (1984). P. 193–218.
- Huntington 1991
Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991 [*Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003].
- Huntington 1996
Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996 [*Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007].
- Inglehart 1977
Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- Inglehart 1990
Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Societies. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Inglehart 1997
Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Inglehart, Abramson 1999
Inglehart R., Abramson P. Measuring Postmaterialism // *American Political Science Review*. Vol. 93. P. 665–677.
- Inglehart, Baker 2000
Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65 (2000). P. 19–51.
- Inglehart, Catterberg 2003
Inglehart R., Catterberg G. Trends in Political Action: The Development Trend and the Post-Honeymoon Decline // *Islam, Gender, Culture, and Democracy* / Ed. by R. Inglehart. Willowdale, Canada: de Sitter, 2003. P. 77–93.
- Inglehart, Norris 2002
Inglehart R., Norris P. Islamic Culture and Democracy: Testing the Clash of Civilization Thesis // *Comparative Sociology*. Vol. 1 (2002). P. 235–264.
- Inglehart, Norris 2003
Inglehart R., Norris P. Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Inglehart, Norris, Welzel 2002
Inglehart R., Norris P., Welzel C. Gender Equality and Democracy // *Comparative Sociology*. Vol. 1 (2002). P. 321–346.
- Inglehart, Welzel 2002
Inglehart R., Welzel C. Political Culture and Democracy // *New Directions in Comparative Politics* / Ed. by H. Wiarda. N.Y.: Westview Press, 2002. P. 141–164.

- Inglehart, Welzel 2003
Inglehart R., Welzel C. Political Culture and Democracy: Analyzing the Cross-Level Linkages // Comparative Politics. Vol. 36 (2003). P. 61–79.
- Inkeles 1983
Inkeles A. Exploring Individual Modernity. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
- Inkeles 1993
 On Measuring Democracy: Its Consequences and Concomitants / Ed. by A. Inkeles. New Brunswick, NJ: Transaction, 1993.
- Inkeles, Smith 1974
Inkeles A., Smith D. Becoming Modern: Individual Changes in Six Developing Societies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974.
- Iversen 1994
Iversen T. Political Leadership and Representation in Western European Democracies // American Journal of Political Science. Vol. 38 (1994). P. 46–74.
- Jackman, Miller 1998
Jackman R. W., Miller R.A. Social Capital and Politics // Annual Review of Political Science. Vol. 1 (1998). P. 47–73.
- James 1986
James H. The German Slump. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Jawad 1998
Jawad H. The Rights of Women in Islam: An Authentic Approach. London: Macmillan, 1998.
- Jennings, Van Deth 1989
 Continuities in Political Action / Ed. by M.K. Jennings, J. van Deth. Berlin: De Gruyter, 1989.
- Johnson 1970
 Change in Communist Systems / Ed. by Ch. Johnson. Stanford: Stanford University Press, 1970.
- Jones 1985
Jones E.L. The European Miracle: Environments, Economies and Geopolities in the History of Europe and Asia / 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Joppke 1994
Joppke C. Revisionism, Dissidence, Nationalism: Opposition in Leninist Regimes // British Journal of Sociology. Vol. 45 (1994). P. 543–561.
- Kaase, Newton 1995
 Beliefs in Government / Ed. by M. Kaase, K. Newton. Oxford: Oxford University Press, 1995. Vol. 1–4.
- Karklins, Petersen 1993
Karklins R., Petersen R. Decision Calculus of Protestors and Regimes // Journal of Politics. Vol. 55 (1993). P. 588–614.
- Karl, Schmitter 1991
Karl T.L., Schmitter P.C. Modes of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International Social Science Journal. Vol. 128 (1991). P. 269–284.
- Katznelson, Zolberg 1986
 Working Class Formation: Nineteenth Century Patterns in Western Europe and the United States / Ed. by I. Katznelson, A. Zolberg. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Kaufmann, Kraay, Mastruzzi 2003
Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters III: Governance Indicators for 1996–2002. Washington, DC: World Bank, 2003 (= World Bank Policy Research Department Working Paper, № 2195).
- Kennedy 1996
Kennedy P. Globalization and Its Discontents: The Triumph of Capitalism Revisited // New Perspectives Quarterly. Vol. 13 (1996). P. 31–33.
- Kittel 1999
Kittel B. Sense and Sensitivity in Pooled Analyses of Political Data // European Journal of Political Research. Vol. 35 (1999). P. 225–253.
- Klandermans 1984
Klandermans B. Mobilization and Participation // American Sociological Review. Vol. 49 (1984). P. 583–600.
- Klingemann 1999
Klingemann H.-D. Mapping Political Support in the 1990s: A Global Analysis // Critical Citizens: Global Support for

- Democratic Governance / Ed. by P. Norris. N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 31–56.
- Klingemann, Fuchs 1995
Citizens and the State / Ed. by H.-D. Klingemann, D. Fuchs. Oxford: Oxford University Press, 1995. Vol. 1: Beliefs in Government.
- Kmenta, Ramsey 1980
Evaluation of Econometric Models / Ed. by J. Kmenta, J.B. Ramsey. N.Y.: Academic Press, 1980.
- Konrad, Szelenyi 1991
Konrad G., Szelenyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies // Social Theory for a Changing Society / Ed. by P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder, CO: Westview Press, 1991. P. 337–361.
- Kopstein, Reilly 2000
Kopstein J.S., Reilly D.A. Geographic Diffusion and the Transformation of the Postcommunist World // World Politics. Vol. 53 (October 2000). P. 1–37.
- Korten 1996
Korten D.C. When Corporations Rule the World. San Francisco: Berrett-Koehler, 1996.
- Kühnen, Oyserman 2002
Kühnen U., Oyserman D. Thinking about the Self Influences Thinking in General: Cognitive Consequences of Salient Self-Concept // Journal of Experimental Social Psychology. Vol. 38 (2002). P. 492–499.
- Kuran 1991
Kuran T. Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989 // World Politics. Vol. 44 (1991). P. 7–48.
- Kurzman 1998
Kurzman C. Waves of Democratization // Studies in Comparative International Development. Vol. 33 (1998). P. 42–64.
- Lal 1998
Lal D. Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long Run Economic Performance. Cambridge, MA: MIT Press, 1998 [*Лал Д.* Непреднамеренные последствия: Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007].
- Landes 1998
Landes D.S. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. N.Y.: W.W. Norton, 1998.
- Laslett 1989
Laslett P. The European Family and Early Industrialization // Europe and the Rise of Capitalism / Ed. by J. Baechler, J. Hall, M. Mann. Oxford: Basil Blackwell, 1989. P. 234–242.
- Lasswell 1958a
The Political Writings / Ed. by H.D. Lasswell. Glencoe, IL: Free Press, 1958.
- Lasswell 1958b
Politics: Who Gets What, When, and How / Ed. by H.D. Lasswell. N.Y.: Meridian Books, 1958.
- Lawler, McConkey 1998
Community and Political Thought Today / Ed. by P.A. Lawler, D. McConkey. Westport, CT: Praeger, 1998.
- Lee Kuan Yew, Zakaria 1994
Lee Kuan Yew, Zakaria F. Culture Is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew // Foreign Affairs. Vol. 73 (1994). P. 109–126.
- Lerner 1958
Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.: Free Press, 1958.
- Lerner 1968
Lerner D. Modernization: Social Aspects // The International Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by D.L. Sills. N.Y.: Free Press, 1968. Vol. 10. P. 386–395.
- Levi 1996
Levi M. Social and Unsocial Capital // Politics & Society. 1996. № 1 (24). P. 45–55.
- Levi, Stoker 2000
Levi M., Stoker L. Political Trust and Trustworthiness // Annual Review of Political Science. Vol. 3 (2000). P. 475–507.

- Levitt 1983
Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. Vol. 61 (1983). P. 92–102.
- Lewis 1955
Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. Homewood, IL: Richard D. Irvin, 1955.
- Lieberman 1998
Lieberman B. From Recovery to Catastrophe: Municipal Stabilization and Political Crisis in Weimar. N.Y.: Berghahn, 1998.
- Liebert 1999
Liebert U. Gender Politics in the European Union: The Return of the Public // European Societies. Vol. 1 (1999). P. 201–238.
- Lijphart 1999
Lijphart A. Patterns of Democracy. New Haven: Yale University Press, 1999.
- Lijphart, Waisman 1996
 Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America / Ed. by A. Lijphart, C.H. Waisman. Boulder, CO: Westview Press, 1996.
- Linz, Stepan 1996
Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
- Linz, Valenzuela 1994
 The Failure of Presidential Democracy / Ed. by J.J. Linz, A.A. Valenzuela. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994.
- Lipset 1959a
Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. Vol. 53 (1959). P. 69–105.
- Lipset 1959
Lipset S.M. Democracy and Working-Class Authoritarianism // American Sociological Review. Vol. 24 (1959). P. 482–501.
- Lipset 1960
Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, NY: Doubleday, 1960.
- Lipset 1991
Lipset S.M. American Exceptionalism Reaffirmed // Is America Different? / Ed. by Shafer Byron. Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 1–45.
- Lipset 1996
Lipset S.M. American Exceptionalism. N.Y.: W.W. Norton, 1996.
- Lipset, Lenz 2000
Lipset S.M., Lenz G.S. Corruption, Culture and Markets // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / Ed. by L.E. Harrison, S.P. Huntington. N.Y.: Basic Books, 2000. P. 112–124 [Липсет С.М., Ленц Г.С. Коррупция, культура и рынки // Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002].
- Lipset, Seong, Torres 1993
Lipset S.M., Seong K.-R., Torres J.C. A Comparative Analysis of the Social Requisites of Democracy // International Social Science Journal. Vol. 45 (1993). P. 155–175.
- Macpherson 1977
Macpherson C.B. The Life and Times of Liberal Democracy. Oxford: Oxford University Press, 1977.
- Mainwaring, O'Donnell, Valenzuela 1992
 Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective / Ed. by S. Mainwaring, G. O'Donnell, A. Valenzuela. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992.
- Mainwaring, Shugart 1997
 Presidentialism and Democracy in Latin America / Ed. by S. Mainwaring, M.S. Shugart. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Malthus [1798] 1970
Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population [1798]. Harmondsworth: Penguin, 1970.
- Mark 2002
Mark N.P. Cultural Transmission, Disproportionate Prior Exposure, and the Evolution of Cooperation // American Sociological Review. Vol. 67 (2002). P. 323–344.

- Markoff 1996
Markoff J. Waves of Democracy: Social Movements and Political Change. Thousand Oaks, CA: Pine Forge, 1996.
- Marks 1992
Marks G. Rational Sources of Chaos in Democratic Transitions // Reexamining Democracy: Essays in Honor of Seymour Martin Lipset / Ed. by G. Marks, L. Diamond. London: Sage, 1992. P. 47–69.
- Marks, Diamond 1992
 Reexamining Democracy: Essays in Honor of Seymour Martin Lipset / Ed. by G. Marks, L. Diamond. London: Sage, 1992.
- Marshall, Jagers 2000
Marshall M.G., Jagers K. Polity IV Project. Data Users Manual. University of Maryland, 2000.
- Marx [1858] 1973
Marx K. Grundrisse [1858]. Harmondsworth: Penguin, 1973 [*Маркс К.* Капитал. М.: Политиздат, 1985].
- Maslow [1954] 1988
Maslow A. Motivation and Personality [1954] / 3rd ed. N.Y.: Harper and Row, 1988.
- Mayer 2001
Mayer L.G. Comparative Politics: Nations and Theories in a Changing World. London: Prentice-Hall, 2001.
- McAdam 1986
McAdam D. Recruitment to High-Risk Activism: The Case of Freedom Summer // American Journal of Sociology. Vol. 92 (1986). P. 64–90.
- McAdam, Tarrow, Tilly 2001
McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- McDonagh 2002
McDonagh E. Political Citizenship and Democratization: The Gender Paradox // American Political Science Review. Vol. 96 (2002). P. 535–552.
- McMichael 1996
McMichael P. Globalization: Myths and Realities // Rural Sociology. Vol. 61 (1996). P. 25–56.
- McNeill 1990
McNeill W. The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
- Meadows et al. 1972
Meadows D.H. et al. The Limits to Growth. N.Y.: Universe Books, 1972.
- Merkel, Puhle, Croissant, Eicher, Thierry 2003
Merkel W., Puhle H.-J., Croissant A., Eicher C., Thierry P. Defekte Demokratie: Theorien und Probleme. Opladen: Leske and Budrich, 2003.
- Meyer, Boli, Thomas, Ramirez 1997
Meyer J. W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.O. World Society and the Nation-State // American Journal of Sociology. Vol. 103 (1997). P. 144–181.
- Michels [1912] 1962
Michels R. Political Parties [1912]. London: Collins Books, 1962.
- Midlarski 1997
 Inequality, Democracy and Economic Development / Ed. by M.I. Midlarski. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Midlarski 1999
 The Evolution of Inequality: War, State Survival, and Democracy in Comparative Perspective / Ed. by M.I. Midlarski. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Miller, Hesli, Reisinger 1994
Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W. Reassessing Mass Support for Political and Economic Change in the Former USSR // American Political Science Review. Vol. 88 (1994). P. 399–411.
- Mishler, Rose 2001
Mishler W., Rose R. Political Support for Incomplete Democracies: Realist vs. Idealist Theories and Measures // International Political Science Review. Vol. 22 (2001). P. 303–320.
- Monroe 1996
Monroe K.R. The Heart of Altruism. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Monroe 2003
Monroe K.R. How Identity and Perspective Constrain Moral Choice // International Political Science Review. Vol. 24 (2003). P. 405–426.

- Monroe, Hankin, Vechten 2000
Monroe K.R., Hankin J., Vechten R. van. The Psychological Foundations of Identity Politics // *Annual Review of Political Science*. Vol. 3 (2000). P. 419–447.
- Montesquieu [1748] 1989
Montesquieu Ch. de. The Spirit of the Laws [1748]. Cambridge: Cambridge University Press, 1989 [*Монтескье III. де.* О духе законов // *Монтескье III. де.* Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955].
- Moore 1966
Moore B. The Social Origins of Democracy and Dictatorship: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1966.
- Mouzelis 1999
Mouzelis N. Modernity: A Non-European Conceptualization // *British Journal of Sociology*. Vol. 50 (1999). P. 141–159.
- Muller 1997
Muller E.N. Economic Determinants of Democracy // *Inequality, Democracy and Economic Development* / Ed. by M.I. Midlarski. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 133–155.
- Muller, Seligson 1994
Muller E.N., Seligson M.A. Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships // *American Political Science Review*. Vol. 88 (1994). P. 635–652.
- Mutz 2002
Mutz D.C. Cross-Cutting Social Networks: Testing Democratic Theory in Practice // *American Political Science Review*. Vol. 96 (March 2002). P. 111–126.
- Nagle, Mahr 1999
Nagle J.D., Mahr A. Democracy and Democratization. London: Sage, 1999.
- Nevitte 1996
Nevitte N. The Decline of Deference. Petersborough, Ontario: Broadview Press, 1996.
- Newton 2001
Newton K. Trust, Social Capital, Civil Society, and Democracy // *International Political Science Review*. Vol. 22 (2001). P. 201–214.
- Newton, Norris 2000
Newton K., Norris P. Confidence in Public Institutions: Faith, Culture, or Performance? // *Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries?* / Ed. by S.J. Pharr, R.D. Putnam. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 52–73.
- Nolan, Lenski 1999
Nolan P., Lenski G. Human Societies: An Introduction to Macrosociology / 8th ed. N.Y.: McGraw-Hill, 1999.
- Norris 1999
Norris P. Critical Citizens: Global Support for Democratic Governance / Ed. by P. Norris. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Norris 2002
Norris P. Democratic Phoenix: Political Activism Worldwide / Ed. by P. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Norris, Inglehart 2004
Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- North 1981
North D.C. Structure and Change in Economic History. N.Y.: W.W. Norton, 1981.
- Nye, Zelikow, King 1997
Nye J.S., Zelikow P.D., King D. Why People Don't Trust Government / Ed. by J.S. Nye, P.D. Zelikow, D. King. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.
- O'Donnell 1973
O'Donnell G. Modernization and Bureaucratic Authoritarianism: Studies in South American Politics. Berkeley: University of California Press, 1973.
- O'Donnell 1996
O'Donnell G. Illusions about Consolidation // *Journal of Democracy*. Vol. 7 (1996). P. 34–51.
- O'Donnell, Schmitter 1986
O'Donnell G., Schmitter P.C. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies // *Transitions from Authoritarian Rule* / Ed. by G. O'Donnell,

- P.C. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. Vol. 4. P. 1–78.
- O'Donnell, Culler, Iazzetta 2004
The Quality of Democracy: Theory and Applications / Ed. by G. O'Donnell, J.V. Culler, O.M. Iazzetta. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2004.
- Orwin, Pangle 1982
Orwin C., Pangle T. The Philosophical Foundation of Human Rights // This World. Vol. 4 (1982). P. 1–22.
- Ottaway 2003
Ottaway M. Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.
- Oyserman 2001
Oyserman D. Self-Concept and Identity // The Blackwell Handbook of Social Psychology / Ed. by A. Tesser, N. Schwarz. Malden, MA: Blackwell, 2001. Vol. 1. P. 402–415.
- Oyserman, McCoon, Kimmelmeier 2002
Oyserman D., McCoon H., Kimmelmeier M. Rethinking Individualism and Collectivism // Psychological Bulletin. Vol. 128 (2002). P. 3–72.
- Page, Shapiro 1992
Page B., Shapiro R. Y. The Rational Public: Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Page, Shapiro 1993
Page B., Shapiro R. Y. The Rational Public and Democracy // Reconsidering the Democratic Public / Ed. by G.E. Marcus, R.L. Hanson. University Park: Pennsylvania State University Press, 1993. P. 35–64.
- Paxton 2002
Paxton P. Social Capital and Democracy: An Interdependent Relationship // American Sociological Review. Vol. 67 (2002). P. 254–277.
- Peterson, Wrangham 1996
Peterson D., Wrangham R. Demonic Males: Apes and the Origin of Human Violence. Boston: Houghton Mifflin, 1996.
- Pettigrew 1998
Pettigrew T.F. Reactions towards the New Minorities of Western Europe // Annual Review of Sociology. Vol. 24 (1998). P. 77–103.
- Pharr, Putnam 2000
Disaffected Democracies / Ed. by S. Pharr, R.D. Putnam. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Pharr, Putnam, Dalton 2000
Pharr S., Putnam R.D., Dalton R.J. Trouble in Advanced Democracies? A Quarter Century of Declining Confidence // Journal of Democracy. Vol. 11 (2000). P. 6–25.
- Poggi 1978
Poggi G. The Development of the Modern State: A Sociological Introduction. London: Hutchinson, 1978.
- Popper [1945] 1966
Popper K.R. The Open Society and Its Enemies [1945]. Princeton: Princeton University Press, 1966. Vol. 1–2 [Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1–2].
- Popper [1959] 1992
Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery [1959]. N.Y.: Routledge, 1992 [Поппер К.Р. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004].
- Porter 1986
Competition in Global Industries / Ed. by M.E. Porter. Boston: Harvard Business School Press, 1986.
- Pridham 1991
Encouraging Democracy: The International Context of Regime Transition in Southern Europe / Ed. by G. Pridham. Leicester: Leicester University Press, 1991.
- Pridham, Vanhanen 1995
Democratization in Eastern Europe: Domestic and International Perspectives / Ed. by G. Pridham, T. Vanhanen. London: Routledge, 1995.
- Przeworski 1992
Przeworski A. The Games of Transition // Issues in Democratic Consolidation:

- The New South American Democracies in Comparative Perspective / Ed. by S. Mainwaring, G. O'Donnell, A. Valenzuela. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. P. 105–152.
- Przeworski, Limongi 1997
Przeworski A., Limongi F. Modernization: Theories and Facts // World Politics. Vol. 49 (1997). P. 155–183.
- Przeworski, Teune 1970
Przeworski A., Teune H. The Logic of Comparative Social Inquiry. N.Y.: John Wiley, 1970.
- Putnam 1993
Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993 [*Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996].
- Putnam 2000
Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon and Schuster, 2000.
- Putnam, Goss 2002
Putnam R.D., Goss K.A. Introduction // Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society / Ed. by R.D. Putnam. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 3–20.
- Pye 1990
Pye L.W. Political Science and the Crisis of Authoritarianism // American Political Science Review. Vol. 84 (1990). P. 3–19.
- Pye, Verba 1963
Political Culture and Political Development / Ed. by L.W. Pye, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1963.
- Quigley 1961
Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. N.Y.: Harper, 1961.
- Randall, Theobald 1998
Randall V., Theobald R. Political Change and Underdevelopment / 2nd ed. Durham: Duke University Press, 1998.
- Reisenger, Miller, Hesli, Maher 1994
Reisinger W., Miller A.H., Hesli V.L., Maher K. Political Values in Russia, Ukraine and Lithuania: Sources and Implications for Democracy // British Journal of Political Science. Vol. 45 (1994). P. 183–223.
- Rice, Feldman 1997
Rice T.W., Feldman J.L. Civic Culture and Democracy from Europe to America // Journal of Politics. Vol. 59 (1997). P. 1143–1172.
- Ritzer 1996
Ritzer G. Cultures and Consumers: The McDonaldization Thesis: Is Expansion Inevitable? // International Sociology. Vol. 11 (1996). P. 291–308.
- Robertson [1933] 1973
Robertson H.M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and His School [1933]. London: Kelley Publishers, 1973.
- Robinson W.I. 1996
Robinson W.I. Promoting Polyarchy: Globalization, US Intervention, and Hegemony. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Robinson W.S. 1950
Robinson W.S. Ecological Correlations and the Behavior of Individuals // American Sociological Review. Vol. 15 (1950). P. 351–357.
- Roeder 2001
Roeder P.G. Ethnolinguistic Fractionalization Indices, 1961 and 1985 // <http://www.ucsd.edu/?proeder/elf.htm>
- Rohrschneider 1999
Rohrschneider R. Learning Democracy: Democratic and Economic Values in Unified Germany. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Rokeach 1960
Rokeach M. The Open and Closed Mind: Investigations into the Nature of Belief Systems and Personality Systems. N.Y.: Basic Books, 1960.
- Rokeach 1968
Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco: Jossey-Bass, 1968.
- Rokeach 1973
Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y.: Free Press, 1973.

- Rokkan 1970
Rokkan S. Nation-Building, Cleavage Formation and the Structuring of Mass Politics // Citizens, Elections, Parties: Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development / Ed. by A. Campbell et al. Oslo: Universitetsforlaget, 1970. P. 72–144.
- Rokkan 1980
Rokkan S. Territories, Centers and Peripheries: Toward a Geo-Ethnic-Economic-Political Model of Differentiation within Western Europe // Center and Periphery: Spatial Variation in Politics / Ed. by J. Gottmann. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. P. 163–204.
- Rokkan 1983
Rokkan S. The Territorial Structuring of Western Europe // Economy, Territory, Identity: Politics of Western European Peripheries / Ed. by S. Rokkan, D. Urwin. London: Sage, 1983. P. 19–65.
- Rose 1995
Rose R. Freedom as a Fundamental Value // International Social Science Journal. Vol. 145 (1995). P. 457–471.
- Rose 2000
Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-modern, and Anti-modern // Post-Soviet Affairs. Vol. 16 (2000). P. 33–57.
- Rose 2001
Rose R. A Divergent Europe // Journal of Democracy. Vol. 12 (2001). P. 93–106.
- Rose-Ackerman 2001
Rose-Ackerman S. Trust and Honesty in Post-Socialist Societies // *Kyklos*. Vol. 54 (2001). P. 415–444.
- Rosenberg, Owens 2001
Rosenberg M., Owens T.J. Low Self-Esteem People: A Collective Portrait // Extending Self-Esteem Theory and Research: Social and Psychological Currents / Ed. by T.J. Owens, S. Stryker, N. Goodman. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 400–436.
- Ross 2001
Ross M.L. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. Vol. 53 (2001). P. 325–361.
- Ross, Trachte 1990
Ross R.J.S., Trachte K.C. Global Capitalism: The New Leviathan. Albany: State University of New York Press, 1990.
- Rössel 2000
Rössel J. Mobilisierung, Staat und Demokratie [Modernization, the State and Democracy] // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Bd. 52 (2000). P. 609–635.
- Rothstein 1998
Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Rothstein 2000
Rothstein B. Trust, Social Dilemmas and Collective Memories // *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 12 (2000). P. 477–501.
- Rowen 1996
Rowen H.S. World Wealth Expanding: Why a Rich, Democratic, and (Perhaps) Peaceful Era Is Ahead // *The Mosaic of Economic Growth* / Ed. by R. Landau, T. Taylor, G. Wright. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 93–125.
- Rueschemeyer et al. 1992
Rueschemeyer D., Stephens E.H., Stephens J.D. Capitalist Development and Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Rueschemeyer et al. 1998
Rueschemeyer D., Rueschemeyer M., Wittrock B. Participation and Democracy, East and West: Comparisons and Interpretations. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1998.
- Rustow 1970
Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. Vol. 2 (1970). P. 337–363.
- Sainsbury 1996
Sainsbury D. Gender Equality and Welfare States. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Sandholtz, Taagepera 2005
Sandholtz W., Taagepera R. Corruption, Culture, and Communism // *International Review of Sociology*. 2005.

- Scarborough 1995
Scarborough E. Materialist-Postmaterialist Value Orientations // *The Impact of Values* / Ed. by J. van Deth, E. Scarborough. Oxford: Oxford University Press, 1995. Vol. 4: Beliefs in Government. P. 123–159.
- Schmuck, Kasser, Ryan 2000
Schmuck P., Kasser T., Ryan R.M. Intrinsic and Extrinsic Goals // *Social Indicators Research*. Vol. 50 (2000). P. 225–241.
- Scholz, Lubell 1998
Scholz J.T., Lubell M. Trust and Tax-paying // *American Journal of Political Science*. Vol. 42 (1998). P. 398–417.
- Schwartz 1992
Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // *Advances in Social Psychology* / Ed. by M.P. Zanna. N.Y.: Academic Press, 1992. P. 1–65.
- Schwartz 1994
Schwartz S.H. Beyond Individualism/Collectivism: New Cultural Dimensions of Values // *Individualism and Collectivism: Theory, Method and Applications* / Ed. by U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.-C. Choi, G. Yoon. Newbury Park, CA: Sage, 1994. P. 85–119.
- Schwartz 2003
Schwartz S.H. Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World // *Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden: Brill, 2003. P. 43–73.
- Sekhon 2004
Sekhon J.S. Quality Meets Quantity: Case Studies, Conditional Probability, and Counterfactuals // *Perspectives on Politics*. Vol. 2 (2004). P. 281–293.
- Seligson 2002
Seligson M. The Renaissance of Political Culture or the Renaissance of the Ecological Fallacy // *Comparative Politics*. Vol. 34 (2002). P. 273–292.
- Sen 1999
Sen A. Development as Freedom. N.Y.: Knopf, 1999 [*Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004].
- Service 1962
Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y.: W.W. Norton, 1962.
- Shapiro 2003
Shapiro I. The State of Democratic Theory. Princeton: Princeton University Press, 2003.
- Shevtsova 2001
Shevtsova L. Russia's Hybrid Regime // *Journal of Politics*. Vol. 12 (2001). P. 65–70.
- Shugart, Carey 1992
Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Shuman, Scott 1989
Shuman H., Scott J. Generations and Collective Memories // *American Sociological Review*. Vol. 54 (1989). P. 359–381.
- Simmel [1908] 1984
Simmel G. Das Individuum und die Freiheit [1908]. Berlin: Duncker & Humblodt, 1984.
- Slater, Schutz, Dorr 1993
Slater R.O., Schutz B.M., Dorr S.R. Global Transformation and the Third-World / Ed. by R.O. Slater, B.M. Schutz, S.R. Dorr. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1993.
- Smith [1776] 1976
Smith A. An Inquirey into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [1776]. Chicago: University of Chicago Press, 1976 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007].
- Sniderman 1975
Sniderman P. Personality and Democratic Politics. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Sorensen 1993
Sorensen G. Democracy and Democratization: Processes and Prospects in a Changing World. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
- Sowell 1994
Sowell T. Race and Culture: A World View. N.Y.: Basic Books, 1994.

- Spier 1996
Spier F. The Structure of Big History: From the Big Bang until Today. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996.
- Starr 1991
Starr H. Diffusion Approaches to the Spread of Democracy in the International System // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 35 (1991). P. 356–381.
- Stevenson 1997
Stevenson M. Globalization, National Cultures, and Cultural Citizenship // *Sociological Quarterly*. Vol. 38 (1997). P. 41–67.
- Stiglitz 2002
Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. N.Y.: W.W. Norton, 2002 [*Стиллиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003].
- Stinchcomb 1965
Stinchcomb A.L. Social Structure and Organization // *Handbook of Organizations* / Ed. by J.G. March. Chicago: Rand McNally, 1965. P. 142–193.
- Stokes, Harris 1978
Stokes R.G., Harris A. Modernization from the Center: Racial Particularism in South Africa // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 26 (1978). P. 245–269.
- Stokes, Marshall 1981
Stokes R.G., Marshall S. Tradition and the Veil: Female Status in Tunisia and Algeria // *Journal of Modern African Studies*. Vol. 19 (1981). P. 625–646.
- Sullivan, Transue 1999
Sullivan J.L., Transue J.E. The Psychological Underpinnings of Democracy: A Selective Review of Research on Political Tolerance, Interpersonal Trust, and Social Capital // *Annual Review of Psychology*. Vol. 50 (1999). P. 625–650.
- Swindler, Arditti 1994
Swindler A., Arditti J. The New Sociology of Knowledge // *Annual Review of Sociology*. Vol. 20 (1994). P. 305–329.
- Tarrow 1998
Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Thompson 2000
Thompson J.B. The Survival of Asian Values as “Zivilisationskritik” // *Theory and Society*. Vol. 29 (2000). P. 651–686.
- Tilly 1978
Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978.
- Tilly 1984
Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1984.
- Tilly 1997
Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992. Oxford: Blackwell, 1997 [*Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства, 1990–1992. М.: Территория будущего, 2009].
- Tocqueville [1837] 1994
Tocqueville A. de. Democracy in America [1837]. London: Fontana Press, 1994 [*Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000].
- Toffler 1970
Toffler A. Future Shock. N.Y.: Random House, 1970 [*Тоффлер А.* Шок будущего. М.: АСТ, 2002].
- Tönnies [1887] 1955
Tönnies F. Community and Association [1887]. London: Routledge and Kegan Paul, 1955.
- Triandis 1989
Triandis H.C. The Self and Social Behavior in Differing Cultural Contexts // *Psychological Review*. Vol. 96 (1989). P. 506–520.
- Triandis 1995
Triandis H.C. Individualism and Collectivism. Boulder, CO: Westview Press, 1995.
- Triandis 2001
Triandis H.C. Individualism and Collectivism // *Handbook of Cross-Cultural Psychology* / Ed. by D. Matsumoto. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 406–420.
- Triandis 2003
Triandis H.C. Dimensions of Culture beyond Hofstede // *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in*

- a Comparative Perspective / Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden: Brill, 2003. P. 28–42.
- Tronto 2001
Tronto J. Who Cares? Public and Private Caring and the Rethinking of Citizenship // *Women and Welfare* / Ed. by N.J. Hirschmann, U. Liebert. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2001. P. 65–83.
- Tyler 1998
Tyler T.R. Trust and Democratic Governance // *Trust and Government* / Ed. by V. Braithwaite, M. Levi. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1998. P. 175–201.
- United Nations
 United Nations Statistical Yearbook. N.Y.: United Nations Publication, [ежегодное издание].
- United Nations Development Program
 Human Development Report. N.Y.: Oxford University Press, [ежегодное издание].
- U.S. Bureau of the Census 1996
 World Population Profile: 1996. Washington, DC.: U.S. Bureau of the Census, [ежегодное издание].
- Uslaner 1999
Uslaner E.M. The Moral Foundations of Trust. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Vago 1999
Vago S. Social Change / 4th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 1999.
- Van Deth, Scarbrough 1995
 The Impact of Values / Ed. by J. van Deth, E. Scarbrough. Oxford: Oxford University Press, 1995. Vol. 4: Beliefs in Government.
- Vanhanen 1997
Vanhanen T. Prospects of Democracy: A Study of 172 Countries. London: Routledge, 1997.
- Vanhanen 2003
Vanhanen T. Democratization: A Comparative Analysis of 170 Countries. London: Routledge, 2003.
- Verba, Nie, Kim 1978
Verba S., Nie N.H., Kim J.-O. Participation and Political Equality: A Seven Nation Comparison. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Verba, Schlozman, Brady 1995
Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. Voice and Equality. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
- Vermeil 1956
Vermeil E. Germany in the Twentieth Century: A Political and Cultural History of Weimar and the Third Reich. N.Y.: Praeger, 1956.
- Von Barloewen 1988
Von Barloewen W.D., Von Barloewen C. Die Gesetzmäßigkeit der Geschichte. Frankfurt am Main: Athenäum, 1988.
- Walgrave, Manssens 2000
Walgrave S., Manssens J. The Making of the White March: The Mass Media as a Mobilizing Alternative to Movement Organizations // *Mobilization*. Vol. 5 (2000). P. 217–239.
- Wallerstein 1974
Wallerstein I. The Modern World System I. N.Y.: Academic Press, 1974.
- Wallerstein 1976
Wallerstein I. Modernization: Requiescat in Pace // *The Uses of Controversy in Sociology* / Ed. by L.A. Coser, O.N. Larsen. N.Y.: Free Press, 1976. P. 131–135.
- Watson 1998
 Golden Arches East: McDonald's in East Asia / Ed. by J. Watson. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Wattenberg 1996
Wattenberg M. The Decline of American Political Parties. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Weber [1904] 1958
Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism [1904]. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1958 [*Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006].
- Weil, Gautier 1994
Weil F.D., Gautier M. Political Culture and Political Structure: Theoretical and Empirical Studies. Greenwich, CT: JAI Press, 1994.

- Weiner 1966
 Modernization: The Dynamics of Growth / Ed. by M. Weiner. N.Y.: Basic Books, 1966.
- Weiner 1992
Weiner M. The Indian Paradox: Violent Social Conflict and Democratic Politics // *Democracy and Modernity* / Ed. by S.N. Eisenstadt. Leiden: Brill, 1992. P. 67–85.
- Welzel 1999
Welzel C. Elite Change and Democracy's Instant Success in Eastern Germany // *Elites after State Socialism: Theories and Analyses* / Ed. by J. Higley, G. Lengyel. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1999. P. 103–122.
- Welzel 2002
Welzel C. Fluchtpunkt Humanentwicklung: Über die Grundlagen der Demokratie und die Ursachen ihrer Ausbreitung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2002.
- Welzel 2003
Welzel C. Effective Democracy, Mass Culture, and the Quality of Elites: The Human Development Perspective // *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 43 (2003). P. 269–298.
- Welzel, Inglehart 2001
Welzel C., Inglehart R. Human Development and the “Explosion” of Democracy: Variations of Regime Change across 60 Societies. Berlin, 2001 (= WZB-Discussion Paper Series, FS III 01-202).
- Welzel, Inglehart 2005
Welzel C., Inglehart R. Liberalism, Post-materialism, and the Growth of Freedom: The Human Development Perspective // *International Review of Sociology*. 2005.
- Welzel, Inglehart, Deutsch 2005
Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. Civil Society, Social Capital and Collective Action: Which Type of Civic Activity Is Most Democratic? Доклад на ежегодной встрече НРСА, Чикаго, 11 апреля 2005 года.
- Welzel, Inglehart, Klingemann 2003
Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis // *European Journal of Political Research*. Vol. 42 (2003). P. 341–380.
- Wessels 1997
Wessels B. Organizing Capacity of Societies and Modernity // *Private Groups and Public Life* / Ed. by J. van Deth. London: Routledge, 1997. P. 198–219.
- Whitehead 1996
Whitehead L. Three International Dimensions of Democratization // *The International Dimensions of Democratizations* / Ed. by L. Whitehead. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 3–25.
- Whyte 1956
Whyte W.H., jr. The Organization Man. N.Y.: Simon and Schuster, 1956.
- Wittfogel 1957
Wittfogel K. Oriental Despotism. New Haven: Yale University Press, 1957.
- World Development Indicators
 World Development Indicators. Washington, DC: World Bank, [ежегодное издание].
- World Development Reports
 World Development Report. N.Y.: Oxford University Press, [ежегодное издание].
- Yule, Kendall 1950
Yule G.U., Kendall M.G. An Introduction to the Theory of Statistics. London: Charles Griffin, 1950.
- Zaller 1992
Zaller J. The Nature and Origins of Mass Opinion. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Указатель имен

- Абдель-Латиф А.-Х. 7
Абеле Э.М. 7
Абрамсон П. 157
Азадармаки Т. 7
Акерблум Ю. 8
Алесина А. 298
Алишаускене Р. 7
Алмонд Г. 110, 231–232, 273, 354, 359, 391, 413
Аль-Брайзат Ф. 7
Ананд С. 413, 417
Анхайер Г. 7
Аристотель 231, 354
Армстронг Д. 281
Арочене Х. 7
Артс У.А. 7
Аун Сан Су Чжи 419
Ахмад К.К. 7
- Балакирева О. 7
Балобан И. 7
Банс В. 288
Барнс С. 175
Барро Р. 75
Басанес М. 7
Басевич Л. 7
Башкирова Е. 7
Бедайте А. 7
Бейкер У. 101
Бек У. 45, 56
Белл Д. 36, 47, 79
Бен Ладен У. 431
Бенитес Х. 7
Бенке К. 8
Берг-Шлоссер Д. 8
Берк Э. 32
Берлин И. 258
Берч Ч. 204, 416
Биллиет Я. 7
Блэк А. 7
Брежнев Л.И. 304–305, 311, 313–314
- Брэттон М. 388
Буа К. 230, 250
Букхедир А. 7
Бурдые П. 379, 427
Буркуа Р. 7
Буркхарт Р. 230
Бэйтман Л. 9
Бэнфилд Э. 213, 240
- Вале Х. 8
Ванханен Т. 224–225, 266, 269, 289, 414
Вардомацкий А. 8
Вебер М. 10, 36, 40, 63, 79, 100, 116–117, 201, 407
Вебстер А. 8
Вельцель К. 11, 219
Верба С. 110, 231–232, 242, 273, 354, 359, 391, 413
Вессель Б. 9
Видмайер У. 8
Войку М. 8
Вэлш Ф. 8
- Гамильтон Г. 41
Геддес Б. 250
Георгас Дж. 7
Геппаарт К. 7
Геродот 231
Герреро Л.Л. 7
Гидденс Э. 56
Гитлер А. 238, 431
Горбачев М.С. 70, 72, 304, 311–312
Госс К. 176
Грановеттер М. 425
Грейнджер К.У.Дж. 230, 263, 290, 300
Гринфилд П. 201
Губерт Р. 7
Гундлах П. 7
Гурр Т.Р. 223, 273
- Далай-лама 419
Даль Р. 231, 241, 296
Девлеешовер А. 298
Джекман Р. 244, 356
Джини К. 298, 403
Джонс Э. 61
Де Дийн Г. 7
Дейч Ф. 8
Добблер К. 7
Доллар Д. 36
Дрент П.Дж.Д. 7
Дэвенпорт К. 281
Дэвидсон Э.П. 7
Дэлтон Р.Дж. 8
Дюркгейм Э. 52, 201, 240, 425
- Зайтер Ж. 8
Зепе Б. 8
Зиммель Г. 45, 52, 240
Зюлехнер П. 8
- Ийдзиме К. 7
Инглхарт Дж. 8
Инглхарт Р. 80, 98, 148, 157, 173–174, 189, 191, 204–205, 244, 251, 334, 356
Инглхарт У. 8
Инкелес А. 422
Истон Д. 357
Ишимова Л. 7
- Йонссон Ф. 7
- Каазе М. 8, 175
Кампеан П. 7
Канзани А. 7
Карбалло М. 7
Карл Т.Л. 243
Каспер Г. 326, 330, 332
Кастро Э.К.

- Кауфман Д. 403
 Кеммельмайер М. 201
 Керкхофс Я. 7
 Кингхорн Й. 7
 Кливленд М. 7
 Клингеман Г.-Д. 7–9, 365
 Кляйн М. 8
 Кобб Дж. 204, 416
 Кондорсе А. де 32
 Копштейн Дж. 288
 Коулмэн Дж. 110, 379, 427
 Коце Х. 7
 Кризи Х. 8
 Крозье М. 362, 421
 Кун Х. 201
 Куся З. 7
 Кюнен У. 213
- Лагос М. 7
 Лал Д. 61
 Ландес Д. 76
 Ландман Т. 326
 Леви М. 427
 Левин-Эпштейн Н. 7
 Легран М. 7
 Лейпхарт А. 406
 Лейтгэн Б. 7
 Лемуан К. 7
 Лернер Д. 241
 Ли Куан Ю 417–418
 Лимонджи Ф.П. 230, 248–250, 253, 258, 325
 Липсет С.М. 8, 101, 241, 429
 Листхаут У. 7
 Лоулер П. 422
 Льюис-Бек М. 230
- Мадрано Х.Д. 7
 Макадам Д. 306
 Макконки Д. 422
 Мак-Нил У. 419
 Малнар Б. 7
 Мальтус Т.Р. 32
 Мангахас М. 7
 Маринов М. 7
 Маркс К. 10, 32–33, 36, 79, 92
 Маршалл М. 259
 Маслоу А. 149, 207
 Матеус К. 7
 Маттес Р. 7
 Мендисабаль Р. 7
- Миллер Р. 244, 356
 Миранде Ф. 7
 Михельс Р. 378
 Моаддель М. 7
 Молине Х. 7
 Монро К.Р. 213
 Монтескье Ш. 231, 354
 Морено А. 7
 Муниши Г.К. 7
 Мур Б. 39, 95
 Мэттс Р. 388
- Нвабузор Э. 7
 Невитт Н. 7
 Николас Х.Д. 7
 Норрис П. 8, 369
 Ньютон К. 8
- О’Доннел Г. 8, 248, 315
 Ойзерман Д. 8, 201, 213
 Орисо Ф.А. 7
 Оруэлл Дж. 39
 Оуэнс Т. 377
- Пантич Д. 7
 Патнэм Р.Д. 36, 40, 110, 112, 176, 183, 212–213, 240, 244, 356–357, 376, 378–379, 391, 421, 425–427
- Перикл 61
 Перри П. 7
 Петерссон Т. 7
 Пехконен Ю. 7
 Пи-Чао Чэнь 7
 Платон 150
 Погосян Г. 7
 Поппер К. 18, 213
 Пуранен Б. 7–8
 Пшеворский А. 230, 248–250, 253, 258, 325, 337
- Рабушич Л. 7–8
 Райс Т. 101
 Растоу Д. 244, 355–356
 Редер Ф. 298
 Рейли Д. 288
 Ривера-Ортис А. 8
 Робинсон У.С. 335–337, 339
 Розенберг М. 377
- Рокич М. 213, 377
 Роллер Э. 9
 Ромеро К. 8
 Росс М. 75
 Ротман Д. 8
 Роуз Р. 281, 365, 427
 Рюхт Д. 8
 Рюшемайер Д. 326
- Сан-Цзинь Хань 7
 Сатаров Р. 8
 Селигсон М. 334, 337–338
 Семеньская Р. 8
 Сен А. 413, 417
 Скотт Ж. 151
 Смит А. 33
 Стоукс Р. 230, 250
 Су Юн О 7
 Сударски Дж. 8
- Тан Эрн Сер 8
 Танвир Ф. 8
 Тейлор Ч.Л. 8
 Тейюмоле К. 8
 Тённис Ф. 52, 201, 240, 425
 Теорелл Я. 270, 283
 Тилли Ч. 95, 306
 Титаренко Л. 8
 Токвиль А. де 231, 367, 391
 Томке М. 8
 Торрес А. 8
 Тос Н. 8
 Тоффлер Э. 36
 Триандис Г. 201–204
 Тэйлор М. 326, 330, 332
 Тюне Г. 337
- Уолгрейв С. 8
 Уотсон Дж. 41
 Усланер Э. 8
- Файзах Н. 7
 Файрбо Г. 36
 Фам Минь Хак 7
 Фам Тхань Нги 7
 Фелдман Дж.Л. 101
 Флорида Р. 378, 426
 Флэнаган С. 421–422
 Фотев Г. 7
 Фоуврейкер Дж. 326
 Франк А.Г. 35

Фрейд З.
Фукидид 231
Фукс Д. 8
Фукуяма Ф. 36, 40, 110, 382
Фэйхи Т. 7

Хагенаарс Ж. 7
Хадениус А. 270, 283–284
Халман Л. 7
Хамарнех М. 7
Хантингтон С. 36, 79, 98,
100, 102, 241, 260, 313,
407
Хардинг С. 7
Харрис М. 7
Хейн С. 36
Хеллиуэл Дж. 230
Ходжкинсон В. 7
Хоннекер Э. 328
Хосен Н.М. 7
Хофстед Г. 202–205, 213

Хьюз Б. 8
Хэйс Б.К. 7

Цзинь-юнь Лю 7

Черне Ж.-Ф. 8
Чиббер П. 7
Чиньоно М.Ф. 7
Чирков В. 207
Чуй Х. 7

Шастри С. 8
Шварц Ш. 202, 204–205
Шмидт М.Г. 8
Шмиттер Ф. 243, 248, 315
Шнайдер К. 8
Шнапп К.-У. 9
Штолле Д. 8
Шуман Х. 151
Шэнь Миньминь 8

Эванс П. 35
Эйхман А. 369
Экштейн Г. 223, 231, 273, 391
Элкинс З. 258
Элсо Х. 7
Эмбер К. 60
Эмбер М. 60
Энгельс Ф. 33
Эрреро К. 7
Эсмер И. 7
Эспинг-Андерсен Г.
403–404
Эстген П. 7

Юкневичюс С. 7
Юхтман-Яаар Э. 8

Яггерс К. 259
Ягодзинский В. 7
Ямадзаки С. 8
Ясинская-Каня А. 7

Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель
Модернизация, культурные изменения и демократия
Последовательность человеческого развития

Выпускающий редактор	Татьяна Трофимова
Корректор	Мария Смирнова
Компьютерная верстка	Тамара Донскова
Производство	Семен Дымант

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, Мясницкая улица, дом 20
Телефоны (495) 623 4056, 621 3313
Факс (495) 623 2858
e-mail liberal@liberal.ru
<http://www.liberal.ru>

Новое издательство
119017, Москва, Пятницкая улица, дом 41
Телефон / факс (495) 951 6050
e-mail info@novizdat.ru, sales@novizdat.ru
<http://www.novizdat.ru>

Подписано в печать 15 ноября 2010 года
Формат 84×108^{1/32}
Гарнитуры Minion, Helios. Объем 24,36 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ № 12

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Момент»
141406, Московская область
Химки, Библиотечная улица, дом 11